

**ИНСТИТУТ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО**

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНГРЕССА

Министерство культуры Российской Федерации
Комитет по культуре Санкт-Петербурга
Государственный Эрмитаж
Государственный музей-заповедник «Петергоф»
Государственная академическая капелла Санкт-Петербурга
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербургский институт истории РАН
Институт культурных программ
Институт Петра Великого
Фонд имени Д. С. Лихачёва

СОВЕТ ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

- Е. В. Анисимов*, профессор НИУ Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге, научный руководитель Института Петра Великого
- В. Е. Багно*, научный руководитель Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
- Г. В. Вилинбахов*, заместитель директора Государственного Эрмитажа
- Д. Ю. Гузевич*, сотрудник Школы высших социальных исследований, Париж
- Е. Я. Кальницкая*, генеральный директор Государственного музея-заповедника «Петергоф»
- А. В. Кобак*, директор Фонда имени Д. С. Лихачёва, председатель совета Института Петра Великого
- Н. Л. Корсакова*, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН
- О. Л. Лейкинд*, заместитель директора Фонда имени Д.С. Лихачёва
- М. Б. Пиотровский*, директор Государственного Эрмитажа
- И. Ф. Свидерская*, руководитель Института Петра Великого
- Е. А. Смирнова*, директор Института культурных программ
- Ю. К. Чистов*, научный руководитель Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Институт Петра Великого

ПЁТР I И ВОСТОК

Материалы
XI Международного петровского конгресса

1–2 июня 2018 года

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ
Санкт-Петербург
2019

Издано при поддержке
ПАО «Газпром»

Благодарим за содействие
Датский институт культуры в Санкт-Петербурге

Составители:

А. В. Кобак, М. В. Петрова

Научный редактор:

Д. Ю. Гузевич

Подготовка текста, указатель имён:

Г. Б. Богуславская

Пётр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса.
1–2 июня 2018 года. — Санкт-Петербург — Издательство «Европейский
Дом» — 2019 — 560 с., цв. вкл.

ISBN 978-5-8015-0401-8

© Институт культурных программ, 2019

© Фонд имени Д. С. Лихачёва, 2019

© Издательство «Европейский Дом», 2019

Содержание

Предисловие	8
<i>Е. В. Анисимов</i> (Санкт-Петербург). Пётр Великий и основы его восточной политики	11
<i>И. Д. Гузевич</i> (Париж). Пётр I и Восток, или восточный контекст российской европеизации	17

ПРИКАСПИЙ И ПЕРСИЯ

<i>П. А. Аваков</i> (Ростов-на-Дону). Персидский поход Петра I и донское казачество	28
<i>О. Г. Агеева</i> (Москва). Персидское посольство Фазл Али-бека к царю Петру I (1711–1714)	46
<i>В. А. Артамонов</i> (Москва). Предкавказье и Прикаспий между Россией и Турцией в 1710–1714 годах	64
<i>М. С. Гаджиев, Е. И. Иноземцева, Н. Д. Чекулаев</i> (Махачкала). Дербентский гарнизон Низового корпуса Русской Императорской армии (1722–1735): Краткий обзор	72
<i>Е. И. Иноземцева</i> (Махачкала). О союзниках России в западном Прикаспии в 1722–1735 годах	88
<i>И. В. Курукин</i> (Москва). Управление «новоприсоединёнными провинциями» после Персидского похода 1722–1723 годов: Имперские надежды и восточные «обычайи»	99
<i>Т. А. Лаптева</i> (Москва). Дербент в составе Российской империи: Письма коменданта полковника А. Т. Юнгера в Кабинет Е.И.В. (1722–1725)	105
<i>Т. А. Лаптева</i> . Некролог	130
<i>Н. Н. Петрухинцев</i> (Липецк). Восточный вектор петровских преобразований и предпосылки реформы военных структур России	131
<i>П. Е. Сорокин</i> (Санкт-Петербург). Окно в Европу: О сообщениях между западом и востоком по Невскому пути	155

<i>Н. М. Сперанская</i> (Санкт-Петербург). Дневник Персидского похода 1722–1723 годов из Библиотеки Вольтера	164
<i>И. В. Торопицын</i> (Астрахань). Восточные колонии Астрахани в эпоху Петра I	185

КИТАЙ

<i>Н. Ю. Болотина</i> (Москва). Дипломат петровской эпохи С. Л. Владиславич-Рагузинский: Миссия в Китай	208
<i>И. А. Серова</i> (Ярославль). Государев гость Семён Лузин: К вопросу установления русско-китайских торговых отношений в конце XVII века	220
<i>Б. М. Соколов</i> (Москва). Образ китайского пейзажа в культуре петровской эпохи	229
<i>М. В. Шкаровский</i> (Санкт-Петербург). Основание Петром I и деятельность Русской Православной Духовной миссии в Китае	238
<i>В. Н. Яранцев, Н. А. Силантьева</i> (Санкт-Петербург). Первые шаги русской китайщины	246

СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

<i>Ю. Г. Акимов</i> (Санкт-Петербург). Объект любопытства, изучения, просвещения и эксплуатации: Сибирские аборигены в политике Петра I	261
<i>А. В. Берташ, протоиерей</i> (Бремен–Санкт-Петербург). Церковное зодчество конца XVII – первой трети XVIII века Урала и Сибири: Общий обзор	272
<i>Д. Ю. Гузевич, И. Д. Гузевич</i> (Париж). Ж. Н. Делиль и карта-задание для Второй Камчатской экспедиции: «Бессовестный обман», или основа для географических открытий?	284
<i>А. А. Голубинский</i> (Москва). Сведения о Востоке в документах семьи Делиль	318
<i>Е. Ф. Королькова</i> (Санкт-Петербург). Золото Сибири: Коллекция Петра I и геополитические интересы России	330
<i>Д. А. Лобанов</i> (Пермь). Шведские пленники и строительство сибирских заводов в 1720-е годы	342
<i>С. О. Никиташина</i> (Санкт-Петербург). Николай Дмитриевич Делиль де ла Кройер — горный инженер	347
<i>М. Г. Талалай</i> (Милан). Франческо Локателли — (несостоявшийся) участник Второй Камчатской экспедиции и шпион-аналитик восточной политики России	358

**ПЕТРОВСКАЯ РОССИЯ И ВОСТОК
В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ
И МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ**

<i>А. Н. Акиншин</i> (Воронеж). Историк Персидского похода Викентий Павлович Лысцов (1916–2002)	367
<i>Н. Боброва</i> (Москва). Экспедиционные художники петровского времени (по материалам Архива внешней политики Российской империи)	376
<i>Д. Н. Копелев</i> (Санкт-Петербург). Мадагаскарская экспедиция Петра Великого 1723–1724 годов: замысел и воплощение (новые документы и интерпретации)	384
<i>Т. П. Мазур</i> (Санкт-Петербург). Восточная политика Петра I в документах Российского государственного архива Военно-морского флота	404
<i>С. А. Мезин</i> (Саратов). Письмо амстердамского друга	411
<i>Т. П. Петерс</i> (Москва). Источники сведений в донесениях Я. Елчина для Петра I о Японии и Тихоокеанском побережье России от 1719 года (по документам РГАДА)	422
<i>Г. З. Пумпян</i> (Санкт-Петербург). Формирование восточной коллекции Библиотеки Академии наук в петровскую эпоху	432
<i>Д. И. Раскин</i> (Санкт-Петербург). Контакты Российской империи и стран Дальнего Востока при Петре I и его наследниках в документах высших и центральных учреждений Российской империи	460
<i>Т. О. Суркова</i> (Санкт-Петербург). Коллекция восточного фарфора Петра Великого в петергофском Монплезире	466
Аннотации	476
Список сокращений	502
Указатель имён	504

Предисловие

В сборнике публикуются статьи, подготовленные участниками XI Международного петровского конгресса «Пётр I и Восток», который состоялся в Санкт-Петербурге 1–2 июня 2018 г.

Петровские конгрессы, посвящённые изучению и популяризации исторического наследия петровской эпохи, проходят в Санкт-Петербурге ежегодно под эгидой Министерства культуры РФ и Комитета по культуре Санкт-Петербурга. Организаторами XI Международного петровского конгресса были Государственный Эрмитаж, Государственный музей-заповедник «Петергоф», Институт антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Государственная академическая капелла Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Институт культурных программ, Датский институт культуры в Санкт-Петербурге, Институт Петра Великого, Фонд имени Д. С. Лихачёва.

В Конгрессе принимали участие представители учреждений культуры и гуманитарной науки из Санкт-Петербурга, Москвы, Астрахани, Воронежа, Казани, Липецка, Махачкалы, Перми, Рязани, Саратова, Тольятти, Ярославля, а также Австрии, Германии, Дании, Италии, Франции.

Пленарные и секционные заседания Конгресса проходили в Государственном Эрмитаже и Государственной академической капелле Санкт-Петербурга.

На открытии Конгресса по традиции состоялась церемония вручения знамени программы «Путь Петра Великого» петровским городам — активным участникам программы. В 2018 г. знамя было

вручено городу Ярославлю и будет храниться в Музее истории города.

В программу конгресса была включена молодёжная секция, подготовленная начинающими исследователями-стажёрами Эрмитажа. На заключительном пленарном заседании были представлены новые книги, посвящённые петровской эпохе.

А. В. Кобак

Директор Фонда имени Д. С. Лихачёва

Евгений Викторович Анисимов
(Санкт-Петербург)

*Профессор НИУ «Высшая школа экономики»,
ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института
истории РАН, научный руководитель Института Петра Великого*

Пётр Великий и основы его восточной политики

Восток занимал важное место в политической доктрине Петра. Он жил в то время, когда Европа уже довольно много знала о Востоке, его странах и народах. Хотя до возникновения научного знания о Востоке, до появления востоковедения оставалось не менее сотни лет, тем не менее, в Европе множились разнообразные сведения о географии, экономике, быте, языках Востока, и эти сведения самыми разными путями попадали в Россию, были доступны Петру. Конечно, научная информация не была «очищена» от типичных мифов о Востоке, но ушли в прошлое многие средневековые фантазии о людях Востока с пёсыими головами и т.п. Особую роль тут играл голландский опыт Петра.

Голландия XVII в., имевшая десятки колоний по всему свету, была тесно связана с Востоком, её богатство во многом ассоциировалось с успехами голландского мореплавания и колониальной политики. В Голландии Пётр знакомился с коллекциями восточных артефактов, сам бывал на кораблях Батавской эскадры, привозивших товары и редкости из Батавии. Человек любознательный и пытливый, он читал книги о Востоке, вёл беседы с теми, кто побывал там, будь то армянский купец, караванный приказчик, дипломат или иностранный путешественник. Документы отражают этот неподдельный интерес царя к Востоку.

Как вспоминал голландский путешественник и художник Корнелис де Бруин, царь долго расспрашивал Бруина о его путешествии на Восток, просил рассказать о Египте, Ниле, «о городе Каире, его величине, как он построен, в каком состоянии находятся части, отделённые от древнего Каира, об Александрии и о многих других местах, присовокупив при этом, что ему неизвестно о том, что есть другая местность, называемая Александретта». Любопытно, что во время Персидского похода 1722 года он в шутку назвал «фараоном» генерала, который всё время вёл людей по прибрежным пескам. Ко всему прочему нужно добавить, что Пётр любил работать с картами, причём в них он разбирался как профессиональный моряк. Всё сейчас сказанное — лишь общий фон тех геополитических, экономических, имперских идей, которыми руководствовался Пётр в своей восточной политике.

Отметим наиболее важные из них. Во-первых, Пётр был во власти идей учения меркантилизма, представлений о том богатстве и благополучии, которые приносит торговля, и с Востоком в особенности. Пример Голландии, чьи десять тысяч кораблей бороздили океаны всего мира и везли в Амстердам товары, был для Петра своеобразным маяком. Собственно, и Северная война, начатая Петром, прошла под главным девизом меркантилизма — «Пристань и деньги».

Во-вторых, им владела давняя мечта многих владельцев России — перевести главные сухопутные торговые пути, связывающие Европу с Востоком, «Великий шёлковый путь», севернее от его традиционного (через Ближний Восток) направления — на территорию России и сделать этот путь преимущественно водным — через систему рек и соединяющих их каналов Великорусской равнины. Недаром он посылал офицера А. И. Кожина и других для «отыскания водных путей в Индию»¹ через Среднюю Азию. Пётр был убеждён, что по системе русских и среднеазиатских рек можно доплыть до Индостана. Нужно было только разрушить плотину, которую «азиатцы» якобы возвели на пути реки Аму-Дарья в Каспийское море.

Вот здесь и третья идея, которая столетия не давала покоя многим правителям Европы — найти свой путь в Индию и покорить её, ибо без Индии нет настоящей империи. Именно представление о необыкновенных богатствах Индии, желание их захватить составляло суть имперского воображения Петра. Начиная с 1714 г. он настойчиво искал свой путь в Индию. Тут и экспедиции в Среднюю

¹ ПЗС-1. Т. 5: 1713–1719. СПб., 1830. № 2994. С. 198.

Азию под дипломатическим и торговым прикрытием, а, в сущности, для разведки «среднеазиатского хода» в Индию, преимущественно водного. Тут и поиск пути к богатствам Индии через южную Сибирь. Тут и Персидский поход 1722–1723 гг. и аннексия североиранских провинций для создания базы с целью дальнейшего движения в Среднюю Азию, Афганистан и Северную Индию. Напомню записанный Фёдором Соймоновым разговор с царём, стоявшим на западном берегу Каспийского моря. Ф. И. Соймонов писал, что во время Персидского похода он пытался сказать царю о том, что задуманное им осуществить очень трудно из-за дальности расстояния к цели, но «Его величество и одного слова мне выговорить не позволил и скоро изволил мне сказать: “Был ты в Астрабадском заливе?” И как я донес “Был” — на то изволил же сказать: “Знаешь ли, что от Астрабата до Балха и до Водокшана (Бадахшана. — Е. А.) на верблюдах только 12 дней ходу? <...>. И тому пути никто помешать не может”»². Упорный поиск пути в Индию в 1724 г. вылился в фантастическую идею посылки экспедиции на двух кораблях для присоединения к России Мадагаскара как базы для движения в Индию. Поиск северного пути в Индию также был главной задачей экспедиции Витуса Беринга.

Естественно, что великая восточная мечта Петра могла быть реализована не просто с помощью налаживания торговых отношений, но и неизбежной территориальной экспансией. Так делали все великие колониальные державы того времени, и Пётр мыслил свою империю именно империей мирового уровня. В инструкциях Бекевичу-Черкасскому, Бухгольцу предписывалось основать на новых завоёванных или добровольно присоединённых территориях города-крепости как опорные пункты русского движения на Восток. Применительно к североиранским провинциям предполагалась не только застройка нового города Екатеринполя, но смена мусульманского населения на православных армян и русских. Однако всё-таки самой грандиозной, головокружительной идеей Петра было намерение построить на присоединённых к России иранских территориях, в устье Куры, новый город — Восточный Петербург.

Император хотел основать крепость, город, гавань, сделать это место центром всей, как он говорил, «восточной коммерции»³, боль-

² *Гольденберг Л. А.* Фёдор Иванович Соймонов (1692–1780). М.: Наука, 1966. С. 42–43; *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России. Ч. 9. М.: В Университ. тип., у Н. Новикова, 1789. IX. С. 159.

³ *Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия: 1722–1735. М.: Квадрига; Объед. ред. МВД России, 2010. С. 88.

ше — центром русского владычества на Востоке (так сказать, Владивостоком). Он упорно посылал одну экспедицию за другой в этот район Каспийского побережья, он не верил морякам и гидрографам, докладывавшим ему о непригодности устья Куры для сооружения города и порта. Зная, как «в сих краях, с помощью Божиею, фут получили» (слова Петра 1722 г. касательно завоевания Приневья), как возник из «топи блат» наш великий город, не следует относиться к замыслам Петра как к неисполнимым фантазиям. Здесь, в устье Невы, было тоже место непригодное для города, но он, этот город, был построен волею Петра и бесчисленными жертвами его подданных. Проживи царь ещё лет десять, может быть, чудо на Неве повторилось бы и на Куре. И тогда бы вся история России и Востока пошла иначе. Более того, Пётр возлагал большие надежды на разорившего Францию финансового проходимца Джона Ло, которому предлагал основание Персидской торговой компании с огромными правами (по примеру Ост- и Вест-Индских компаний западных стран) как по строительству города в устье Куры, так и организации торговой инфраструктуры с тем, чтобы повернуть в сторону России пресловутый «Шёлковый путь»⁴.

Надо отдать должное Петру в его постижении Востока. В целом он поначалу был во власти типично европоцентристского представления о Востоке как некоем общем пространстве, где живут «дикие азиатцы», не знающие всепобеждающего европейского «регулярства». Как и многие его современники, да и потомки, он был убеждён в могучей силе европейской армии, в превосходстве европейской цивилизации над восточной вообще. По убеждению европоцентристов, противник — «азиатец» — в масштабных операциях армий слаб, и что управиться с ним можно ограниченным контингентом войск («<...> невеликих войск сия война требует, — писал А. П. Волынский царю, — ибо Ваше величество уже изволите и сами видеть, что это не люди — скоты», что успех гарантирован в силу «русского куража и смелости», а также благодаря «справной амуниции и довольному числу провианту». А. П. Волынский полагал, что 10 пехотных и 4 кавалерийских полков для завоевания Ирана будет достаточно⁵. Как и многие завоеватели Востока, Пётр не видел скрытых основ силы, могущества и традиций Востока. Между тем, моральные, религиозные, ментальные основы жизни

⁴ *Троицкий С. М.* «Система» Джона Ло и её русские последователи // Франко-русские экономические связи: Сб. ст. М.; Париж: Наука, 1970. С. 117–119.

⁵ *Курукин И. В.* Указ. соч. С. 45.

народов Востока жёстко скрепляли весь этот, на взгляд европейца, хаотичный мир галдящих «мужиков в широких штанах», делая их опасными противниками. С трудом Пётр, как человек умный, соприкоснувшись с миром Востока, проникался особенностями менталитета восточных народов, видел их непохожесть на европейцев. Любопытен кровавый эпизод под Дербентом в 1723 г. Об этом запись в «Экстракте» о Персидском походе: «<...> зело удивительно сии варвары бились, во обществе (вместе. — *Е. А.*) нимало не держались, но побежали, а партикулярно десператно бились так, что покинув ружье, яко бы отдаваясь в полон, кинжалами резались, а один во фрунт с саблею бросился, которого драгуны наши приняли на штыки»⁶. Свидетель происшедшего добавляет, что как только пленного начали пытаться, он вырвал шпагу у офицера и побежал к палатке генерал-адмирала Апраксина, но часовые, стоявшие у входа, приняли его на штыки, «падая он вырвал зубами из руки одного часового кусок мяса, после чего его убили...». Привыкшим к дисциплинированному европейскому строю русским военным неистовая самоотверженность и свирепость пленных «азиатцев» казались странными и составляли в дальнейшем одну из загадочных и огорчительных для европейцев особенностей войны на Востоке. Встретиться с этим Пётр и его воины не были готовы, как и не понимали особенностей ведения переговоров и вообще своеобразия контактов европейцев и христиан с местными правителями и жителями, которые считали пришельцев гяурами. Важно, что в эпизоде с нападением пленного на часовых упоминается, что Пётр высоко оценил это мужество: «Если б этот народ имел понятие о военном искусстве, тогда бы ни одна нация не могла взяться за оружие с ними»⁷.

В конечном счёте, задолго до Кавказских войн, была сформулирована жёсткая доктрина силы, которой придерживались русские власти на протяжении столетий в отношении многих местных мусульманских народов: «<...> здешние народы привлечь политикою к стороне вашей невозможно, ежели в руках оружия не будет, ибо, хотя и являются склонны (к компромиссам), но только для одних денег, которых [народов], надобно бы так содержать, чтоб без причины их не озлоблять, а верить никому невозможно»⁸. Столкнув-

⁶ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. Т. 2. СПб.: Синод. тип., 1872. С. 536.

⁷ Цит. по: *Курукин И. В.* Указ. соч. С. 66–67.

⁸ *Соловьёв С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 9: История России с древнейших времён. Т. 17–18. М.: Мысль, 1993. С. 362.

шись с Востоком, Пётр понял также, что там не текут реки, на дне которых блестит золото, что природа, климат юга почти непереносимы для русского человека, что ему угрожают не только мазандаранские тигры, змеи и малярийные комары, но жара, болезни, отсутствие питьевой воды, бурные воды Каспия. Не всё оказалось так первоначально просто и с мечтой о переносе Великого шёлкового пути в сторону России. Пётр с удивлением узнал, что могущественная армянская Джульфинская община не собирается прокладывать новые пути через Россию, а даже наоборот — препятствует другим армянским купцам это делать. Это и понятно — тысячелетиями налаженный торговый путь через Ближний Восток имел свои колоссальные преимущества, ту обустроенность, которой не было на диких просторах России с её бездорожьем, отсутствием транспортной инфраструктуры, холодным климатом и редкими городами.

Словом, так шло постижение Петром и Россией загадочного Востока, так Россия втянулась в азиатский мир, чуждый ей и одновременно в чём-то близкий в силу геополитического положения России между Европой и Азией и особенностей менталитета русского народа. Поэтому это движение России на Восток было закономерным и неизбежным. Оно принесло России бесчисленные кровавые конфликты и, вместе с тем, такие важнейшие побочные явления как знакомство с миром Востока, его многочисленными культурными ценностями, обогащавшими русскую жизнь.

Библиография

1. *Голиков И. И.* Деяния Петра Великаго, мудраго преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенныя по годам. Ч. 9. М.: В Университ. тип., у Н. Новикова, 1789. IX, 499, [4] с.
2. *Гольденберг Л. А.* Фёдор Иванович Соимонов (1692–1780). М.: Наука, 1966. 263 с.
3. *Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия: 1722–1735. М.: Квадрига; Объед. ред. МВД России, 2010. 375, [9] с.
4. ПЗС-1. Т. 5: 1713–1719. СПб., 1830. № 2994. С. 198.
5. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания. Т. 2. СПб.: Синод. тип., 1872. [2], 28, 685, 73 с.
6. *Соловьёв С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 9: История России с древнейших времён. Т. 17–18. М.: Мысль, 1993. 671, [1] с.
7. *Троицкий С. М.* «Система» Джона Ло и её русские последователи // Франко-русские экономические связи: Сб. ст. М.; Париж: Наука, 1970. С. 90–138.

Ирина Давидовна Гузевич
(Париж)

*Сотрудник Центра Мориса Альбвакса
Школы высших социальных исследований*

Пётр I и Восток, или Восточный контекст российской европеизации

Этот обзор посвящён не столько восточной политике Петра, о которой рассказал **Евгений Анисимов** в своей вступительной статье, сколько увязывает эту политику с работами, представленными в сборнике трудов XI Международного петровского конгресса, открывающего второй десяток ежегодных собраний и, похоже, новый этап в осмыслении петровской эпохи некоторой неожиданностью самой темы.

Напомним: из десяти предыдущих конгрессов первый играл роль учредительного. Из оставшихся девяти — три были посвящены вопросам внутренней политики, и шесть — связям с западноевропейскими странами: Нидерландами, Англией, Францией. Один конгресс даже был проведён в Париже.

И вот — «Пётр I и Восток». Тема неожиданная лишь на первый взгляд, ибо она вполне логична. Вспомним географию. Если брать очень грубо, то сухопутные западные границы Российской империи в эпоху Петра I составляли около 2 тыс. вёрст, а границы с Востоком и Югом — до 15 тыс. вёрст. Впрочем, своих восточных границ страна ещё толком не знала. К тому же значительную часть территории империи населяли восточные народы. Влияние Востока было сильным и в работах по европеизации России не всегда осознаваемым. Фактически, это был контекст, на который накладывались

европейские новшества. От символики власти (шапка Мономаха — это не корона) до фортификации (крепостные сооружения на Востоке и на Западе принципиально отличались друг от друга), от быта (чай в Москве можно было купить уже в XVII в.) до менталитета (восприятие пространства, не свойственное европейцам).

Можно, скорее, удивляться, что эта тема возникла так поздно. Как только появилась такая возможность, организаторы её использовали: 2018 год был объявлен Годом Японии в России, а также Годом туризма Россия — Индия. По объёму тема — обширнейшая, в один конгресс явно не укладывается. Поэтому надо было поставить понятные границы.

Исходили из того, что понятие «Восток» обладает культурно-географической дихотомией. За основу взяли географический принцип: учитываем все территории восточнее западного Прикаспия: сам Прикаспий, Персия, Индия, Средняя Азия, Китай, Япония и, конечно, вся Сибирь. Условно говоря, это — «Восток восточный». За его границами осталась значительная часть «Востока» в культурном плане, а именно: вся Османская империя с её вассалами — от Балкан до Африки и от Крыма до Ближнего Востока, а также значительная часть Кавказа. Остаётся надеяться, что наступит момент, когда удастся организовать конгресс, посвящённый Петру и Османской империи, Петру и Кавказу. Условно говоря, «Востоку западному».

Говоря о восточной политике Петра, можно указать на два вектора: с запада на восток — Сибирско-Тихоокеанский, и с севера на юг — Каспийско-Персидский. Это и две геополитические программы Петра из осуществлявшихся им четырёх¹. Собственно, эти две программы и составляют сюжет настоящего конгресса.

От более-менее локального видения задач (как в первом Азовском походе 1695 г.) и личной страсти к кораблестроению и морю, развившихся в начале 1690-х гг. на Плещеевом озере и на Белом море, Пётр через опыт Великого посольства и первых лет Северной войны к 1710-м гг. приходит к осмыслению геополитических проблем, стоящих перед Российским государством уже как империей, хотя она так ещё не называлась. Его экономические воззрения базируются на господствовавшей тогда теории меркантилизма, с которой он, похоже, в общих чертах был знаком.

Одновременная попытка осуществить Балтийско-Атлантическую и Азово-Черноморскую программы закончилась прогнозируемой неудачей в отношении одной из них. Поэтому за Каспий-

¹ Две другие: Азово-Черноморская и Балтийско-Атлантическая.

ско-Персидскую программу с дальнейшей перспективой выхода на Индию Пётр взял только после заключённого осенью 1721 г. Ништадтского мира. Приобретение новых земель его интересовало как выход к новым торговым путям и активное обеспечение транзитной торговли европейских стран с востоком (в отличие от интересов, главенствующих в XVII в.). Если не понять этих исторических реалий, то будут непонятны и причины последней войны, которую вёл Пётр в Прикаспии, известной под названием «Персидского похода» 1722–1723 гг. Она менее знаменита, чем Северная война (1700–1721) или даже Азовские походы (1695–1696). Но именно Персидский поход определяет начало имперской политики и по сути, и по форме, и по именованию. Это в полной мере «восточный фон» для экономики и политики и «восточный фронт» для военной части евроориентированных реформ Петра. Именно восточный вектор петровских преобразований как предпосылку реформы военных структур России анализирует в своей статье **Николай Петрухинцев**.

Десятилетие, предшествовавшее Персидскому походу, рассматривается в статьях **Владимира Артамонова** о Предкавказье и Прикаспии и **Ольги Агеевой** о персидском посольстве Фазла Али-бека в 1711–1714 гг. Остановимся на последнем событии как знаковом для России, оставившем неизгладимый след в русском языке. Мы все знаем, что слова «шаромыжник», «сортир», «шваль» пришли в Россию в 1812 г., а слово «быстро», пролетев через Париж, вернулось в виде французского «бистро». По одной из версий, благодаря Персии появилось слово «слоняться». В 1713 г. в Петербурге появляется первый слон — подарок персидского шаха Солтан Хусейна. Потом слонов в подарки присылает уже Надир-шах. В 1744 г. на месте нынешней гостиницы «Октябрьская» открывается Слоновый двор. Ну, а слонов надо водить на водопой — на Слоновый пруд в районе нынешней больницы Раухфуса, да и просто выгуливать. Это классическое петербургское зрелище: «По улицам слона водили, как видно, напоказ...». За слонами бродила толпа зевак, **слонялась**, попросту говоря. Как правило, слонялась по Слоновой улице (нынешний Суворовский проспект), которая вела к водопою. Во всяком случае, так гласит петербургская легенда. Так вот, первый слон в Петербург как раз и прибыл с посольством Фазла Али-бека, отправленного в Россию Солтан Хусейном.

Однако вернёмся к Персидскому походу Петра I. Его история и последствия (в том числе вопросы управления присоединёнными территориями) раскрываются в шести статьях сборника. Во-первых, укажем на работы **Петра Авакова** о Персидском походе и дон-

ском казачестве; **Муртазали Гаджиева**, **Елены Иноземцевой** и **Николая Чекулаева** о Дербентском гарнизоне; **Наталии Сперанской** о дневнике Персидского похода из библиотеки Вольтера.

Любая война завязана на дипломатию, причём не только внешнюю, но и внутреннюю. Последнее особенно важно для государств имперского типа. Когда мы говорим о народах Российской империи на востоке и юго-востоке, надо понимать, что речь идёт о вассальном подчинении полунезависимых субъектов, многие из которых лишь формально признавали российскую власть, и подданство их было достаточно фиктивным. Там были свои посольства, свои дипломаты, свои обряды. Речь идёт как о кочевых племенах, так и об оседлых народах Кавказа, с которыми Россия тесно вошла в соприкосновение именно в ходе Персидского похода. И этой дипломатией будет заниматься в большей степени не центральное правительство, а местные администраторы — как гражданские, так и военные. Этим вопросам посвящены три статьи: **Елены Иноземцевой** (о союзниках России в Западном Прикаспии), **Игора Курукина** (об управлении новоприсоединёнными территориями), **Татьяны Лаптевой** о Дербенте в составе России в 1720-е гг.

О последнем авторе надо сказать особо: блестящий архивист, участник большинства Петровских конгрессов, она скончалась после тяжёлой болезни в октябре 2018 года, так и не успев подготовить для печати текст своего доклада. Это за неё сделала Наталья Болотина. Мы также публикуем некролог Т. А. Лаптевой.

Центром связи с Прикаспием и с Ираном в течение всего XVIII в. оставалась Астрахань. Фактически, это была основная точка, где шла русско-азиатская торговля, в первую очередь «персидская». Впрочем, основную часть «персидских торговцев» составляли армяне, ещё с эпохи Алексея Михайловича добывавшиеся права транзитной торговли с Европой через Московию. Такое право они получили в 1660-е гг., и в связи с этим была построена конвойная флотилия во главе с кораблём «Орёл». Проект торговли так и остался на бумаге из-за восстания Степана Разина. В 1717 г. в Амстердаме Пётр подписал очередную торговую грамоту армянам, о которой в прошлом году рассказывал Алексей Ястребов. На этом конгрессе о роли армянских купцов говорил **Илья Торопицын**. Статья его является тематически более широкой, чем доклад на конгрессе, и включает описание всех восточных колоний, которые существовали в Астрахани в этот период: бухарская (тезиков), индийская, армянская, гилянская (из северной части Персии), грузинская и другие.

В этот же раздел для большей рельефности в представлении «восточных» направлений петровской торговли помещена статья **Петра Сорокина**, посвящённая совсем другим пространствам: Невскому пути.

Помимо разрешений иностранцам на транзитную торговлю, Пётр задумывал и собственные кумпанства для торговли с Персией и Китаем. К акционерному капиталу у него был явный интерес — царь рассматривал его как способ заставить подданных раскошиться на государственные нужды (вспомним Кумпанское кораблестроение для Азовского моря). Когда мы рассматриваем торговые кумпанства, то логичным кажется вывод, что это — попытка Петра использовать схемы голландской Вест-Индской компании, на верфях которой он обучался кораблестроению (возможно, и Ост-Индской). Однако не надо сбрасывать со счетов и возможные знания Петра о датских Ост-Индской и Вест-Индской (и Гвинейской) компаниях, чьи штаб-квартиры находились в Копенгагене; Английской (с 1707 г. — Британской) и Французской Ост-Индских компаниях. Интересно, что Китайскую компанию в своё время создала и Франция, но до петровской эпохи эта структура не дожила. В целом в Европе в XVII—XVIII вв. возникло более 60 колониальных торговых компаний, большая часть которых поддерживалась государствами, в т.ч. в Голландии — 5, во Франции — 28, в Англии и, затем, Великобритании — 12, в Дании — 3, в Швеции — 4, даже государства Священной Римской империи Германской нации создали 5 компаний. Создавались компании в Португалии и в Испании. Некоторые из них просуществовали всего несколько лет, другие — несколько столетий. Отсюда понятно, что Пётр действовал не просто по примеру двух, трёх или четырёх компаний, но в поле развития европейской торговли, хотя и опережая возможности своего государства. В результате петровские акционерные компании для торговли с Китаем и Персией потерпели фиаско. Но и в других, более экономически развитых странах, далеко не всегда всё получалось с первого раза.

Зарождение торговли с Китаем относится к XVII веку. Контакты оживились после заключения Нерчинского трактата 1689 года. Эти процессы рассмотрены на примере деятельности «государева гостя» Семёна Лузина в статье **Ирины Серовой**.

Торговля всегда связана с дипломатией и наоборот. Более того, как в XVII в., так и в петровскую эпоху на Восток часто снаряжались совместные посольские и торговые караваны. Об одном из таких посольств в Китай и о его главе, Савве Лукиче Владиславиче-Рагузинском, рассказала **Наталья Болотина**.

Толерантность к местным культам в сочетании с осторожным православным прозелитизмом была важнейшим компонентом имперской политики Петра. Речь идёт ещё далеко не о свободе совести, но о религиозной индифферентности, когда на первое место ставится политическая лояльность внутри государства и политическая польза от миссионерской деятельности за её границами. Так, Православная миссия в Китае де-факто выполняла дипломатические функции (вплоть до 1863 г., когда было открыто российское посольство в Пекине), а также занималась деятельностью по изучению китайского и маньчжурского языков. Этим вопросам посвящена статья **Михаила Шкаровского**.

Для России Китай в течение трёх столетий оставался манящим и таинственным миром. Здесь мало указать на сам факт торговли. Более важно понять, как она влияла на жизнь общества. Китай повлиял на прикладное искусство, на интерьеры, на используемые ткани, на предметы быта. В XVII в. это влияние распространялось только на царский двор и узкий круг высшей знати. Впрочем, как мы писали выше, в Москве чай уже широко продавался во второй половине XVII в., выйдя за границы аптек (ибо первоначально считался лечебным средством). В Петровскую эпоху культурное влияние Китая стало более заметно. Любопытно, что китайские товары в Россию двигались с двух сторон — из самого Китая и из Западной Европы: фарфоровая посуда, лаковые изделия, ширмы, шёлковые обои и ткани для одежды. Стоило это дорого, но интерес определялся не только экзотикой, но и проблемами здоровья. В эпоху, когда в городах любая вода могла нести в себе смерть, её кипячение для чая расширяло возможности употребления, наряду с приготовлением сбитня, а также кваса, пива, вина (т.е., с использованием процессов ферментации или брожения, с превращением сахара, содержащегося в исходном продукте, в спирт). Шёлковые одежды были свободны от любых насекомых, в том числе и от распространителей эпидемий. Это аутентичные изделия, которые производились на Востоке. А вот подражание Китаю («китайщина»), то есть опосредованное культурное воздействие Востока, пришло именно из Западной Европы.

Именно к увлечению Китаем восходит Лаковый кабинет в Монпельезе. Называется он, правда, Японским. В дальнейшем эта тенденция будет лишь усиливаться. Вспомним Китайский дворец в Оранienбауме, построенный Антонио Ринальди в 1760-е гг. О первых шагах русской «китайщины» рассказывают **Владимир Яранцев** и **Наталья Силантьева**, а влияние образа китайского пейзажа на садово-парковое искусство петровской эпохи рассматривает **Борис Соколов**.

Путь в Китай шёл через сибирские или через среднеазиатские пространства. Из-за Северной войны почти не оставалось сил на освоение Сибири и на выход в Среднюю Азию. Тем не менее, проблема была осознана. Однако попытка её решения, связанного с путями в Китай, закончилась трагедией. В 1717 г. погибла экспедиция под руководством Александра Бековича-Черкасского. Возможно, эта трагедия, хотя бы отчасти, спровоцировала внимание к исследованиям Сибири и к путям в Китай, проходящим по почти неосвоенным территориям внутри Российской империи.

Пётр занялся подготовкой экспедиций для изучения Сибири в самом конце 1710-х гг. Пониманию необходимости этих работ способствовало формирование «сибирской коллекции»: золотых предметов, полученных в ходе раскопок древних могил, которое осуществляли «бугровщики». Наиболее интересные с художественной точки зрения находки сибирский губернатор князь М. П. Гагарин пересылал Петру I (три партии в 1716–1717 гг.). Ещё ранее, в 1715 г., партию находок преподнёс царю Демидов². Стало понятно, что в Сибири имеются месторождения золота. Встал вопрос их поиска и разработок. С другой стороны, была очевидна художественная и историческая ценность «могильного золота». Бугровщиков сейчас бы назвали «чёрными археологами». Но других-то не было. И явное несоответствие их варварской деятельности по разграблению могил целям изучения края и его истории дало толчок к зарождению в России научной археологии. Первая организованная по указу Петра научная экспедиция в Сибирь Д. Г. Мессершмидта (1720–1727) вела и первые археологические раскопки (начиная с работ в окрестностях Абакана в 1722 г.). Эти вопросы стали объектом внимания в работе **Елены Корольковой**, которая увязала сибирские коллекции Петра и геополитические интересы России.

Если о первой отправленной Петром в Сибирь экспедиции Мессершмидта говорилось на конгрессе в Париже в 2017 г. (доклад Галины Смагиной), то в 2018 г. большое внимание было уделено Второй Камчатской экспедиции. Она началась через 8 лет после смерти Петра, но была отправлена для решения поставленных им задач. Дело в том, что последней из экспедиций, отправленной по желанию Петра (за несколько недель до смерти), но выехавшей уже при Екатерине I, была Камчатская экспедиция Беринга, позднее получившая название Первой. Так как Берингу не удалось выпол-

² Скорее всего, речь идёт об Акинфии Никитиче Демидове (1678–1745), однако нельзя исключать, что имеется в виду его отец, Никита Демидович Антуфьев (1656–1725).

нить предписаний российского императора, то было решено отправить новую, которая получила названия Второй Камчатской, или Великой Сибирской экспедиции. Она завершала исследовательскую программу самого Петра I, длилась более 10 лет — с 1733 по 1743 г. — и стала одной из самых крупных географических экспедиций в мире. Отметим, что исследования были ещё далеки до завершения, работу экспедиции прервала «дщерь Петрова» — императрица Елизавета, провозглашавшая своей целью следование политике отца. В то время как Анна Иоанновна, чьё десятилетнее правление иначе как «бионовщиной» не называют, выполняя заветы своего дяди, финансировала научную программу, крупнейшую за всё время существования Российской империи. Исследованиями занималось более 550 человек; вспомогательный состав достигал нескольких тысяч. Экспедиция состояла из 9 отрядов: семь — морских, один — речной и один академический сухопутный, подчинявшийся не Адмиралтейств-коллегии, а Академии наук.

На конгрессе была подвергнута анализу наиболее спорная часть экспедиции — оценка роли в ней братьев Делилей — Жозефа Никола и Луи Делиля де ла Кройера. Традиционно в российской историографии эта роль, в лучшем случае, игнорируется, либо признаётся резко негативной. Реальное изучение документов и комплексный анализ историографии приводит к иным выводам. Так, **Дмитрий и Ирина Гузевичи** пришли к выводу об эвристическом характере карты Ж. Н. Делиля северной части Тихого океана как для открытия Командоро-Алеутской гряды, так и для завершения работ при обследовании Командорских островов, и показали, что далеко не все «мифические» земли на этой карте действительно являлись чистыми фикциями. Многие из них отражали реалии, хотя и в искажённой форме. Фактически, работа Ж. Н. Делиля явилась картографической базой для исследований в Тихом океане, а Луи Делиль де ла Кройер заплатил своей жизнью за то, чтобы следовать научной программе своего брата. **Алексей Голубинский** собрал и проанализировал сведения о Востоке в документах семьи Делилей, а **Светлана Никиташина** рассказала о потомках Делиля де ла Кройера (у него остался сын, ставший позднее горным инженером; горным инженером был и его внук). К этим статьям непосредственно примыкает работа **Михаила Талалая**, посвящённая несостоявшемуся члену Второй Камчатской экспедиции, Франческо Локателли, который открывает череду европейских авантюристов эпохи Просвещения в России.

В этой ситуации сибирские народы оказывались объектом не только вполне объяснимого любопытства, но одновременно изуче-

ния, просвещения и эксплуатации. Эти вопросы подробно раскрыты в статье **Юрия Акимова**.

Выше мы говорили об интересе Петра к золотым запасам Сибири. Но страна была богата и другими, отнюдь не драгоценными, хотя и не менее важными месторождениями. Уже 1720 г. на Урал и в Сибирь «для смотру рудных мест и строения заводов» был направлен В. Н. Татишев. А через год его сменил Г. В. де Геннин. Одна из тяжелейших проблем той эпохи — малолюдство и отсутствие специалистов. Одним из путей её решения оказалось использование шведских пленных, которых в Сибири к тому времени скопилось около двух тысяч человек. Этому сюжету посвятил свою работу **Дмитрий Лобанов**.

Православие пришло в эти места вместе с русскими землепроходцами и к эпохе Петра насчитывало в Сибири уже второе столетие. Соответственно, строились храмы. В их архитектуре возникали общие черты, присущие только этому региону. Общий обзор церковного зодчества Урала и Сибири в петровскую эпоху дан в статье протоиерея **Александра Бергаша**.

Наконец, четвёртая и последняя часть сборника посвящена источниковой базе тех исследований, о которых говорилось выше: архивным документам, музейным и библиотечным коллекциям, как, впрочем, и самим исследователям. Так, об историке Персидского похода В. П. Лыцове рассказывает **Александр Акиншин**.

Наталья Боброва освещает интереснейшую, но малоизвестную тему экспедиционных художников, находящуюся на стыке искусства и науки и маргинализируемую и там, и там.

Татьяна Суркова пишет о коллекции восточного фарфора в Монпелье, а **Галина Пумпян** — о формировании восточной коллекции Библиотеки Академии наук в петровскую эпоху.

Архивные обзоры представили **Давид Раскин** и **Тамара Мазур**. Обратим внимание на последнюю статью, посвящённую документам Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ), ибо она подводит нас к классическому «петровскому» вопросу: к истории флота. Мы все прекрасно знаем о создании Петром Балтийского флота; помним, что он начинал с Азовского, мечтал о Чёрном море, но это всё провалилось в связи с Прутской катастрофой 1711 года. Северяне помнят о построенном в Роттердаме фрегате «Святое пророчество» для Белого моря и про Соломбальскую верфь. Однако в целом на Севере отношение к Петру неоднозначное: именно он нанёс урон традиционному промысловому судостроению.

Но Пётр был основателем ещё двух флотов. Во-первых, на Каспии для Каспийского похода. Фактически это было возвращение к истокам — к кораблю «Орёл», к которому сам царь возводил начало русского флота. Но был ещё и пятый по счёту морской флот — Дальневосточный, или Тихоокеанский. Начиная с экспедиции Евреинова в 1721 г. и до Второй Камчатской на Тихом океане было построено не менее десятка кораблей. Документы по созданию Дальневосточного флота хранятся в РГА ВМФ, впрочем, как и материалы, связанные с историей морских открытий Второй Камчатской экспедиции.

Однако материалы по Тихоокеанскому побережью Российской империи, а также по Японии находятся не только там, но и в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), где отложились административные документы. Сведения о Японии, доставленные Петру I в 1719 г. якутским воеводой Яковом Елчиным, послужили сюжетом для статьи **Татьяны Петерс**.

Особняком стоят источники, которые говорят не только о Востоке, но и о том, что эта информация через Россию шла в Европу — когда тайно, когда открыто. Одним из её получателей был бургомистр Амстердама и личный друг Петра I Николаас Витсен, о чём рассказывает **Сергей Мезин**. Он же определил и авторство анонимного «письма о современном состоянии Московии» (объёмом в 57 страниц), написанного в Амстердаме 30 октября 1698 г. (н.ст.) и приложенного к вышедшему в Амстердаме в 1699 г. франкоязычному изданию книги Адама Бранда о путешествии в Китай с Эвертом (Елизарием) Избрантом Идесом в 1692–1694 гг. Аргументация С. Мезина безупречна, и отныне в списках работ Николааса Витсена мы должны упоминать и это письмо.

Наконец, вопрос, оставленный «на закуску». Упоминание об Амстердаме, крупнейшем торговом центре Европы, возвращает нас к геополитическим программам Петра, которые имеют меркантилистскую подоплёку. Если учесть, что основные торговые пути носили морской характер, то и его программы оказывались завязаны на моря и морские бассейны. Начав с Азово-Черноморской программы, Пётр вынужденно переключился на Балтийскую. Последняя постепенно стала перерастать в Балтийско-Атлантическую, что показало путешествие во Францию, взаимоотношения с которой были посвящены два конгресса в 2017 г. Очевидно, что к концу царствования Пётр начал мыслить глобальными категориями и рассматривать перспективы выхода российских кораблей на океанские пути. А для этого требовались базы для флота в мировых океанах — то, чего Россия в принципе не имела. В своём понимании проблемы

Пётр далеко опередил время. О новых документах и интерпретациях первого такого демарша, связанного с Мадагаскаром, пишет **Дмитрий Копелев**.

Вот мы и подошли к концу нашего обзора. Что остаётся? Память о восточной политике Петра. Память, фиксируемая в конгрессах и путешествиях по местам событий, в книгах (к которым относится и настоящий сборник) и в публикациях документов, а также в памятниках и основанных городах. Эти материалы найдут своё место в Своде Петровских памятников России.

ПРИКАСПИЙ И ПЕРСИЯ

Пётр Ашотович Аваков
(Ростов-на-Дону)

Научный сотрудник Южного научного центра РАН

Персидский поход Петра I и донское казачество

Персидский поход 1722–1723 гг. ознаменовал собой наступление нового этапа в восточной политике России, во время него произошёл первый масштабный опыт знакомства русских с Кавказом. Одновременно эта крупная военно-политическая акция Петра I коренным образом повлияла и на положение донского казачества, сыгравшего важную роль в боевых действиях. Не претендуя на всестороннее освещение этого вопроса, совершенно не разработанного в казаковедении, осветим его основные аспекты.

Незадолго до начала Персидского похода статус донского казачества в социальной структуре Российской империи претерпел существенные изменения. Именным указом императора Петра I от 3 марта 1721 г. донские казаки были переданы в ведение Военной коллегии¹, в результате чего их воинская служба приняла новые формы и превратилась в обязательную повинность. Фактически началось юридическое оформление донского казачества в качестве военно-служилого сословия.

Военная организация донского казачества имела свои особенности. В отличие от гетманского Войска Запорожского Левобережной Украины (Малороссии), воинские подразделения Войска Донского не функционировали постоянно, а независимо от их размера и

¹ ПСЗ-1. Т. 6: 1720–1722. СПб., 1830. № 3750. С. 367.

численности комплектовались на время ведения боевых действий и распускались после их окончания. Основным тактическим подразделением Войска Донского к концу второго десятилетия XVIII в. стал полк, штат которого обычно насчитывал 500 человек. Полк подразделялся на сотни, сотни — на десятки. Оперативное соединение казачьих полков во главе с походным атаманом донцы называли походным войском. Все командные должности в нём (походный атаман, полковник, есаул, войсковой и полковой писарь, хорунжий (или знаменщик), квартирмейстер, сотник, десятник) были выборными².

При подготовке кампании 1722 г. российское правительство старалось максимально использовать боевой потенциал донского казачества. Указом Военной коллегии от 28 февраля 1722 г.³ Войску Донскому предписывалось «нарядить в воинский поход в Астрахань» 5000 казаков («с прежними, кои ныне в Астрахани»⁴), «с принадлежащими атаманом и старшиною, доброконных и оружейных, со всякими воинскими и путевыми припасы»⁵. При этом было особо оговорено, чтобы в их число вошли авторитетные старшины «Кутейников и Ефремов и Краснощёченок»⁶. О двух последних речь пойдёт далее, а первым в этом ряду упомянут, вероятно, Артемий Васильевич Кутейников — донской старшина того времени. Наряженных в поход донцов следовало разделить на полки «потысячно» и отправить в Астрахань «во всем таким образом, как в прежние воинские походы отправлялись», «по самой первой траве, а правянта взять им с собою на поход з довольством, чем бы мочно дойти до Астрахани». Дальнейшее продовольственное обеспечение донского походного войска правительство брало на себя.

² Шереметев Б. П., фельдмаршал граф. Военно-походный журнал 1711 и 1712 гг. СПб., 1898. С. 69–70; ДППС. Т. 2, кн. 2. СПб., 1883. № 926. С. 395–399; Т. 5, кн. 1. СПб., 1892. № 142. С. 96–97; Сб. ИРИО. Т. 11. СПб., 1873. № 377. С. 496; РГВИА. Ф. 2. Оп. 5. Д. 15. Л. 70 об.; Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 1а. Д. 1. Л. 1; НИА СРБИИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Карт. 249. Д. 2. Л. 8–8 об., 11.

³ Здесь и далее даты указаны по ст. ст. (юлианскому календарю). — *Прим. ред.*

⁴ Судя по всему, речь идёт о конном отряде из двухсот донских казаков, который с 1720 г. нёс службу в Астрахани, с ежегодной переменной (Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лихиным. Т. 1. Новочеркасск, 1891. № 183. С. 285).

⁵ Указ цитируется по выписке Военной коллегии от марта 1724 г., так как его оригинальный текст пока не удалось выявить в архивах (РГВИА. Ф. 2. Оп. 5. Д. 15. Л. 76).

⁶ Цитата приведена в редакции автора. — *Прим. ред.*

22 мая войсковой атаман Василий Фролов донёс в Военную коллегию, что с Дона в поход отправлено 5000 казаков «с теми, кои в Астрахани»⁷.

Таблица № 1. Состав донского походного войска, наряженного для кампании 1722 г.⁸

Атаман	1 чел.
«У него старшин» (войсковой штаб):	
Есаулов	5 чел.
Хорунжих	4 чел.
Сотников	10 чел.
Писарь	1 чел.
Квартирмейстеров	2 чел.
Рядовых казаков	977 чел.
В пяти полках	
Полковников	5 чел.
«У них старшин»:	
Есаулов	20 чел.
Хорунжих	15 чел.
Сотников	40 чел.
Писарей	5 чел.
Квартирмейстеров	5 чел.
Рядовых казаков	3910 чел.
Всего старшин	113 чел.
Всего рядовых казаков	4887 чел.
Итого	5000 чел.

В кампании 1722 г. донских казаков возглавлял легендарный походный атаман Иван Матвеевич Краснощёков — участник всех войн, которые вела Россия в конце XVII — первой половине XVIII в. (кроме войны за польское наследство 1733—1735 гг.)⁹, будущий войсковой атаман и бригадир, позже названный П. В. Киреевским последним русским богатырём «в смысле, близком к древности»¹⁰. Под его

⁷ РГВИА. Ф. 2. Оп. 5. Д. 15. Л. 76 об.

⁸ Там же. Л. 76 об.—77.

⁹ См. о нём: *Аваков П. А.* Жизнь и смерть бригадира И. М. Краснощёкова // *Слава и забвение: Парадоксы биографики: Сб. науч. ст.* СПб., 2014. С. 385—428.

¹⁰ *Песни, собранные П. В. Киреевским.* Ч. 3, вып. 9. М.: О-во любителей рос. словесности, 1872. С. 182.

началом донское походное войско вместе с российской армией дошло до Дербента и вернулось обратно. Одним из участвовавших в походе под его началом казачьих полковников был известный старшина Данила Ефремович Ефремов, тоже будущий войсковой атаман, генерал-майор и тайный советник¹¹. Следует отметить, что непосредственно в боевых действиях в 1722 г. приняли участие не все наряженные в «Терский поход» донцы, а только 4300 человек. Остальные 700 казаков, вероятно, оставались в это время в Астрахани.

Таблица № 2. Состав донского походного войска, участвовавшего в кампании 1722 г.¹²

Атаман	1 чел.
Полковников	3 чел.
Есаулов	21 чел.
Хорунжих	22 чел.
Сотников	43 чел.
Писарей	4 чел.
Вожей	2 чел.
Татарских и калмыцких старшин:	
Мурз	4 чел.
Есаулов	4 чел.
Хорунжих	4 чел.
Рядовых казаков	4192 чел.
Итого старшин и рядовых казаков	4300 чел.

Всего в 1722 г. в рядах почти 40-тысячной российской армии, действовавшей в Западном Прикаспии, находилось более 20 000 человек иррегулярных войск, в том числе 12 000 украинских казаков, 4300 донских казаков, калмыков и татар, около 270 гребенских

¹¹ См. о нём: *Попов Х. И.* Войсковой атаман Войска Донского Данило Ефремович Ефремов // *Донской вестник* (Новочеркасск). 1867, 6.02. № 31. С. 121–123; *Астапенко М. П.* Донские казацкие атаманы: Исторические очерки-биографии (1550–1920 гг.). Ростов н/Д., 1996. С. 142–149; *Он же.* История донского казачества с древнейших времён до 1920 года. Ростов н/Д., 2004. С. 179–184; *Аваков П. А.* Данила Ефремов на пути к атаманству // *Победа: Общественно-политическая газета Аксайского района.* 2015, 24.01. № 15–21. С. 12, 19; *Он же.* Элита Войска Донского в 1738 году: Борьба за атаманскую насеку // *Донской временник: Год 2013-й.* Ростов н/Д., 2012. С. 118–123.

¹² Сб. ИРИО. Т. 11. № 377. С. 496; РГАДА. Ф. 9. Оп. 4, отд. 2. Д. 59. Л. 28.

(терских) казаков, около 104 чугуевских казаков и калмыков, а также 4000 волжских калмыков¹³ (введённые в научный оборот Ф. И. Соймоновым данные о 70-тысячной численности иррегулярных войск в Персидском походе, почерпнутые из «напечатанной тогда в иностранных землях росписи», не подтверждаются документальными источниками¹⁴).

Таблица № 3. Состав иррегулярных войск Российской империи в кампании 1722 г.¹⁵

Украинских казаков	12000 чел.
Донских казаков, калмыков и татар	4300 чел.
Гребенских (терских) казаков	ок. 270 чел.
Чугуевских казаков и калмыков	ок. 104 чел.
Волжских (ханских) калмыков	4000 чел.
Итого	ок. 20670 чел.

Во время кампании на территории Дагестана донские казаки использовались российским командованием во взаимодействии с драгунами или калмыками. 23 июля часть казаков И. М. Краснощёкова находилась в составе кавалерийского отряда бригадира А. Я. Ветерани, разгромившего кумыкское селение Эндери («Андреевой деревни»), принадлежавшее выступившему против России бею Айдемиру. В ходе операции погибли 89 драгун и 40 донских казаков, а 115 драгун были ранены¹⁶. 19 августа 1722 г. донцы участвовали в сражении с атаковавшими российскую армию войсками утамышского «владельца» Султана-Махмуда и в их преследовании, в ходе которого было сожжено селение Утамыш и шесть других деревень.

¹³ Лыцов В. П. Персидский поход Петра I: 1722–1723. М., 1951. С. 116; Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия: 1722–1735. М., 2010. С. 54–56; Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2002. С. 57.

¹⁴ Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненых на нем российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого. СПб., 1763. С. 65.

¹⁵ Сб. ИРИО. Т. 11. № 377. С. 496; РГАДА. Ф. 9. Оп. 4, отд. 2. Д. 59. Л. 28.

¹⁶ Сб. ИРИО. Т. 11. № 375. С. 494; Походный журнал 1722 года. СПб., 1855. С. 3–4, 99; Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников. Изд. 2-е. Т. 9. М., 1838. С. 160–161; Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб., 1869. С. 21–22; Курукин И. В. Указ. соч. С. 61–62; Абдусаламов М.-П. Б., Чекулаев Н. Д. Из истории Персидского Похода Петра I: Битва под Эндиреем 1722 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 4. С. 39; РГАДА. Ф. 9. Оп. 4, отд. 2. Д. 59. Л. 26.

Примечательно, что во время этого рейда погибли лишь семь казаков, в то время как сами они сразили около 200 и пленили 27 человек из войска противника¹⁷. На завершающем этапе кампании, 24 (по другим данным — 25) сентября из Аграханского ретраншемента «в партию» во владения кайтагского уцмья Ахмед-хана и утамышского бея Султана-Махмуда «для поиска и разорения» были отправлены походный атаман М. И. Краснощёков и полковник Д. Е. Ефремов с 1025 казаками, а также недавно прибывший к армии калмыцкий нойон Бату (внук хана Аюки) с 4000 калмыков. В ходе акции они вновь разорили восстановленные после предыдущего нападения поселения и четыре других «присёлка», убили около 500, взяли в плен около 350 человек¹⁸ и захватили около 7000 голов крупного рогатого скота и 4000 овец¹⁹.

Много лет спустя участвовавшие в кампании 1722 г. донские старшины с гордостью вспоминали об этом в своих прошениях на высочайшее имя. Так, в январе 1735 г. продолжавший службу на Северном Кавказе походный атаман И. М. Краснощёков в адресованной императрице Анне Иоанновне челобитной поведал о том, как отличился в походе «при Его Величестве Петре Первом императоре в Персию до Дербента», имея под своим началом «четыре тысячи триста человек казаков»: «И тогда был на акции при разорении Андреевой деревни и на батали с тавлинцами, которых было тысяч с тринадцать, а я, нижайший, противу оных только с одною тысячею был. И помощью Божиею оных збили и прогнали в горы и побили их многое число, о чем тогда Его Императорскому величеству и всему при том походе бывшему генералитету было известно. И когда Его Императорское величества из Дербента изволил возвратно притти на Сулак, тогда мне, нижайшему, имянным своим указом повелел, выбрав лутчих людей донских казаков, которых было две тысячи человек, да заволских калмык при владельце их Бату семь тысяч человек, идти возвратно до Дербента для разорения

¹⁷ Сб. ИРИО. Т. 11. № 375. С. 494; Походный журнал 1722 года. С. 9–11, 102–103, 117–119.

¹⁸ В донесении адмирала графа Ф. М. Апраксина от 1 октября (?) 1722 г. это число обозначено словами: «ста с полчетверта» — т.е. полчетвертаста, четыре сотни без полусотни (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. М., 1990. С. 280; *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. и значит. умнож. Т. 3. СПб.; М., 1882. С. 261). Эти данные были неверно истолкованы И. В. Курукиным, усмотревшим в них отличие с фигурирующей в походном журнале 1722 г. цифрой «350» (*Курукин И. В.* Указ. соч. С. 75).

¹⁹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 4 (отд. 2). Д. 59. Л. 28; Сб. ИРИО. Т. 11. № 379. С. 498; Походный журнал 1722 года. С. 17, 85, 88–89.

имеющихся от Буйнак до Дербента противных владельцев, где больше десяти деревень раззорили и выжгли, а людей — как в оных деревнях, так и в протчих тамошних местах, побили многое число, в полон взято более четырех тысяч человек»²⁰ (память подвела стареющего казака — он указал неверное количество волжских калмыков, задействованных в сентябрьском рейде на Утемыш и Кайтаг).

В июне 1733 г. об этих же сражениях вспоминал в челобитной на имя той же монархини и старшина Д. Е. Ефремов: «А в 722-м году <...> командрован з Дону в Низовой поход, где был на, а имянно: под деревнею Андреевою, да на батали же с Салтамамутом Антемижском и с усмеем, и в протчих многих партиях. Також при возвращении Его Величества ис того похода командирован был для раззорения Салтамамутовых деревень, где оные сожгли и многое число людей побили и в полон побрали»²¹.

Другой полковник донского походного войска в 1722 г., старшина Пётр Степанович Аркашара (Юркашара), в прошении на имя императрицы Елизаветы Петровны от 23 февраля 1743 г. отметил не только свои конкретные боевые достижения, но и полученное за них от Петра I поощрение: «<...> Вашего ж Императорскаго величества со вселюбезнейшим родителем был в Персии и под Андреевою деревнею взял языков два человека; на усмейской баталии взял языков два человека татар, за которых я, именованный, получил от Его Императорскаго величества жалованья сорок рублей»²². Память о боевом пути и нелёгкой службе донских казаков на Северном Кавказе в 1722 г. запечатлена в исторической песне «Краснощёков под Дербентом»²³.

Ко времени окончания кампании в сентябре донцы потеряли 88 человек. Из них 32 умерли по дороге с Дона на Северный Кавказ, 47 погибли в боях при Эндери и Утамыше и 9 заболели и остались в Дербенте и Терском городе²⁴. Столь скромные потери свидетельствуют о достаточно высоком военном потенциале донского казачества и его приспособленности к ведению боевых действий на таком специфическом театре войны, как приморский Дагестан.

²⁰ РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Д. 3. Л. 1051об.—1052.

²¹ Там же. Св. 1а. Д. 10. Л. 381об.; Св. 37. Д. 60. Л. 643 об. См. также челобитную Д. Е. Ефремова от апреля 1734 г. с аналогичными сведениями: Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731—1740 гг. Т. 3. Юрьев, 1900. № 76. С. 176. (Сб. ИРИО. Т. 108).

²² РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 37. Д. 60. Л. 643об.

²³ Исторические песни XVIII века. Л., 1971. № 163. С. 108.

²⁴ РГАДА. Ф. 9. Оп. 4, отд. 2. Д. 59. Л. 26.

Кроме того, донские казаки, всегда отправлявшиеся в походы «одвуконь», оказали ещё одну важную услугу российской армии: они смогли за счёт своих запасных лошадей пополнить катастрофически уменьшившийся по причине массового падежа конский состав регулярной кавалерии и армейского обоза, предоставив для их нужд 2002 лошади²⁵.

Следует отметить, что в 1722 г. донские казаки выступили в поход на Северный Кавказ, не получив от государства жалованья. Лишь после подачи И. М. Краснощёковым челобитной императору 28 сентября 1722 г. вышел именной указ о выдаче казакам «подъёмных денег» из расчёта по 5 руб. на человека. Согласно этому указу Войско Донское должно было также получить компенсацию в размере 5000 руб. за лошадей, взятых в походе у казаков для драгунских полков²⁶. Однако исполнению названного указа помешали непредвиденные обстоятельства, речь о которых пойдёт далее.

Впоследствии за счёт Войска Донского происходило пополнение Низового (Персидского) корпуса, сформированного для удержания в составе Российской империи завоёванных в 1722–1723 гг. прикаспийских провинций Сефевидского Ирана. По окончании кампании 1722 г. в Сулакском и Аграханском ретраншементах по указу Петра I были оставлены сто казаков для несения патрульной службы²⁷.

В кампании 1723 г. донские казаки были задействованы не столь активно, как в предыдущей. Даже их наряд в поход произошёл с большим запозданием, поскольку соответствующее распоряжение, данное Петром I командующему Низовым корпусом генерал-майору М. А. Матюшкину 17 февраля 1723 г., не было своевременно оформлено в Военной коллегии в виде специального указа Войску Донскому. Приговор коллегии об этом состоялся лишь 22 мая, и на другой день в Черкасск была послана грамота, согласно которой Войско должно было срочно отправить в Дербент для усиления его гарнизона тысячу казаков «из верховых городков, которые к Царицыну способнее», с «доброю старшиною и с пищальми». 10 июня донцы избрали походного атамана — старшину Ивана Андреева (Юдина?), полковника и прочий начальствующий состав походного войска. 16 июня оно выступило в поход и 13 июля прибыло

²⁵ Там же. Л. 26об.

²⁶ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 1. Л. 196; Акты, относящиеся к истории Войска Донского... Т. 1. № 190. С. 298; Сб. ИРИО. Т. 11. № 377. С. 495–496.

²⁷ РГВИА. Ф. 2. Оп. 5. Д. 15. Л. 685об., 686.

в Царицын. Там его разделили на две части и порознь отправили на купеческих судах по Волге в Астрахань²⁸.

Таблица № 4. Состав донского походного войска
в кампании 1723 г.²⁹

Атаман	1 чел.
Полковник	1 чел.
Есаулов	5 чел.
Хорунжих	4 чел.
Сотников	10 чел.
Писарей	2 чел.
Вожей	2 чел.
Рядовых казаков	975 чел.
Итого	1000 чел.

Именно Персидский поход положил начало регулярной службе донских казачьих команд на Кавказе, которая продолжилась и после возвращения завоёванных Петром I прикаспийских провинций Сефевидской державе в 1735 г.³⁰ От 1650 до 3000 казаков отправлялись с Дона в Низовой корпус с 1723 г. — на годичный срок, а в 1728–1731 гг. — на двухгодичный³¹.

С событиями Персидского похода непосредственно связано и принятие Петром I решения об упразднении выборности войсковых атаманов на Дону, что стало очередной вехой на пути подчинения Войска Донского Российскому государству.

По дороге с Дона на Северный Кавказ, в конце апреля или начале мая, походный атаман И. М. Краснощёков совершил поступок, надолго оставшийся тёмным пятном в его биографии: у р. Кума он с группой казаков совершил нападение на следовавший с Кубани к Тереку караван турецких купцов из Кафы, Карасубазара и

²⁸ Персидская война 1722–1725: Материалы для истории царствования Петра Великого / Публ. В. В. Комарова // Русский вестник. Т. 68, n°4. 1867, апрель. С. 600; Акты, относящиеся к истории Войска Донского... Т. 1. № 194. С. 302–304; РГВИА. Ф. 2. Оп. 5. Д. 15. Л. 54об.–55об., 70об., 74об.

²⁹ РГВИА. Ф. 2. Оп. 5. Д. 15. Л. 70об.

³⁰ См.: Козлов С. А. Указ. соч. С. 77–80.

³¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 742. Л. 83, 85; Акты, относящиеся к истории Войска Донского... Т. 2. Ч. 1. Новочеркасск, 1894. № 1. С. 1; № 3–4. С. 5–8; № 21. С. 27; № 27. С. 32–33; № 44. С. 48; № 53. С. 55; № 58. С. 60; № 61. С. 66–67; № 66. С. 70; № 84. С. 91.

Тамани, и ограбил его³². Достоянием донцов стали 42 арбы, нагруженные товарами (различные ткани, медные котлы, сёдла, луки, пищали, сабли, табак и пр.), стоимость которых грабители оценили в 10 000 руб.³³ Примерно через три месяца, в июле об этом происшествии стало известно османскому правительству, которое не преминуло пожаловаться на казаков российскому резиденту в Константинополе Ивану Ивановичу Неплюеву³⁴, и вот уже в ноябре расследованием инцидента занялась Пограничная с Турцией комиссия, учреждённая ещё в 1719 г. «для розыску о обидах приключенных с российской и турецкой стороны» в крепости Транжамент, расположенной близ Черкаска — столицы Войска Донского. Комиссию возглавляли стольник и полковник слободского Острогжского полка Иван Иванович Тевяшов и ассессор Коллегии иностранных дел Михаил Родионович Ларионов. В начале ноября И. М. Краснощёков и Д. Е. Ефремов с остальными соучастниками вернулись из похода, а в январе 1723 г. уже оказались под арестом в Транжаменте³⁵.

Урегулированием случившегося в степях Прикумья инцидента занимались в высших правительственных кругах Российской империи. Заинтересованность имперских властей во многом обуславливалась прибытием в январе 1723 г. в Москву османского посла Нишли Мехмеда-аги и предстоящими важными переговорами³⁶. По указу Правительствующего Сената от 21 февраля 1723 г. из Штатс-конторы в Коллегию иностранных дел было отпущено 10 000 руб. «для

³² И. В. Курукин ошибочно полагает, что этот инцидент произошёл в сентябре 1722 г., в ходе боевых действий в Дагестане (*Курукин И. В.* Указ. соч. С. 75; *Курукин И. В., Коседжик Х.* Поиск «достойной сатисфакции»: Персидский поход Петра I и посольство Нишли Мехмед-аги в Россию в 1722–1723 гг. // Исторический вестник (М.). Т. 4 (151). 2013. С. 81–82). Между тем, письмо самого И. М. Краснощёкова с сообщением об этом происшествии было отправлено в Черкасск 8 мая «с пути, не доходя до терских мест, от речки Кумы, от урочища Дубровки» (АВПРИ. Ф. 22. Оп. 1/22. 1722 г. Д. 5. Л. 170).

³³ АВПРИ. Ф. 22. Оп. 1/22. 1722 г. Д. 5. Л. 15об., 205–206; РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 387. Л. 65об.–66.

³⁴ АВПРИ. Ф. 22. Оп. 1/22. 1722 г. Д. 5. Л. 15–16; *Соловьёв С. М.* Сочинения: в 18 кн. Кн. 9: История России с древнейших времён. М.: Мысль, 1993. С. 383.

³⁵ Гистория Свейской войны. Вып. 2. М., 2004. С. 504; *Бабич М. В.* «Мир» на русско-турецкой границе в преддверии войны 1735–1739 гг. // *Кровь; Порох; Лавры: Войны России в эпоху барокко (1700–1762): Сб. мат-лов Всеросс. науч. конф.* Вып. 1. СПб., 2002. С. 13–14; АВПРИ. Ф. 22. Оп. 1/22. 1722 г. Д. 5. Л. 208об.–209; РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 579. Л. 56–56об.; *Аваков П. А.* Жизнь и смерть бригадира И. М. Краснощёкова. С. 395.

³⁶ *Курукин И. В., Коседжик Х.* Указ. соч. С. 78–79.

посылки на Турецкую комиссию на заплату турком за взятые <...> казаками <...> товары». Эта огромная по тем временам сумма была вычтена из тех 26 500 руб., которые должны были получить участвовавшие в Персидском походе донские казаки в качестве жалованья и компенсации за взятых у них для армейских нужд лошадей. Примечательно, что инициатором такого «взаимозачёта» выступили сами подследственные во главе с И. М. Краснощёковым, подавшие 10 января комиссарам соответствующую челобитную. Их инициативу можно квалифицировать как типичное для казачьего сообщества проявление круговой поруки, поскольку турецкие товары были «все в походе разделены по прежнему обыкновению всем казакам, и то все они тамо и истратили на прокормление свое», как доносила Коллегия иностранных дел в Сенат 13 февраля 1723 г.³⁷ Но часть нанесённого туркам ущерба участники разбойного нападения всё же обязаны были возместить за свой счёт.

16 мая 1723 г. И. М. Краснощёкова, Д. Е. Ефремова и др. под расписку отпустили из Транжаменты в Черкасск на десять дней (до 26 мая), чтобы они привезли комиссарам 500 руб. «в уплату турком за взятые ими у кефейских жителей вещи». Незадолго до истечения десятидневного срока комиссарам стало известно, что 21 мая умер войсковой атаман В. Ф. Фролов, и «для проведывания о том» они послали в Черкасск переводчика Муртазу Тевкелева. Вернувшись, переводчик доложил: «в бытность свою в Черкасском слышал он как от старшин донских, так и в народе, что на место умершаго войскового атамана Василья Фролова намерены они выбрать войсковым атаманом из старшин Ивана Матвеева» (так Краснощёкова называли по отчеству). Почувствовав неладное, комиссары вновь направили М. Тевкелева в войсковую столицу с новым поручением. Переводчик объявил донским старшинам, и в том числе И. М. Краснощёкову, «что ведают они сами, что он Иван Матвеев в преступлении пред Его Императорским величеством учинением турецкой стороне обиды и держитца под арестом, и отпущен на время для взятая и привозу <...> денег, и чтоб он Иван, будучи в преступлении и опасаясь Его Императорского величества гневу, к тому атаманству желательства не имел и происку к тому не чинил, дабы чрез то с стороны турецкой какого противного мнения и ссоры межд обоими государствы не приключилось <...>». Но увещевания Тевкелева оказались напрасны — «донские старшины и казаки, собрався в круг

³⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 387. Л. 66–67, 69; РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 221. Л. 85–85об.; РГВИА. Ф. 2. Оп. 5. Д. 15. Л. 4, 15; Акты, относящиеся к истории Войска Донского... Т. 2, ч. 1. № 8. С. 12.

по их обыкновению, выбрали и учинили войскового атамана до указу Его Императорского величества <...> Ивана Матвеева». После этого И. М. Краснощёков в Транжамент, разумеется, не вернулся. Вместо этого комиссары получили официальное письмо, в котором Войско Донское объявляло об избрании подследственного войсковым атаманом и в связи с этим просило «ево впредь для ответственности х комиссиальным делам ис Черкасского не требовать», так как «им, будучи при пограничном месте, без командира быть ныне невозможно»³⁸.

27 мая И. И. Тевяшов и М. Р. Ларионов написали обо всём случившемся выше по инстанции. Их донесение было получено в Коллегии иностранных дел 13 июня, и в тот же день промемория об этом отправилась в Военную коллегию. Через четыре дня Военная коллегия обсудила события на Дону и приговорила доложить об этом в Сенат и потребовать решения, «повелено ль будет тому новому атаману быть», а в Коллегии иностранных дел сделать запрос: «каким образом донские атаманы выбираютца, и какие Его Императорского величества грамоты о подтверждении новых атаманов на Дон посылаютца»³⁹. Несмотря на то, что Коллегия иностранных дел ведала отношениями с Войском Донским в 1720–1721 гг. и являлась преемницей Посольской канцелярии и Посольского приказа, через которые государство сносилось с Доном с 1613 г., данный запрос поставил её в тупик. В тот же день, 17 июня, Военная коллегия получила ответ: «<...>на Дону донские атаманы войсковые каким образом выбираются и какие <...> Его Императорского величества грамоты о подтверждении новых атаманов посылаются, о том в Санкт-Питербурхе в Колегии иностранных дел известия не имеется»⁴⁰. Эта переписка между военным и внешнеполитическим ведомствами ясно свидетельствует о степени их информированности и показывает, что правительством ещё не была выработана и юридически закреплена процедура вступления донских атаманов в должность.

Итог всему произошедшему подвёл указ Петра I от 28 июня 1723 г., во исполнение которого на Дон была отправлена грамота из Правительствующего Сената от 9 июля, адресованная «старшинам и казакам и всему Войску Донскому». Исключение из традиционной формы обращения к Войску упоминания о войсковом атамане,

³⁸ РГВИА. Ф. 2. Оп. 5. Д. 15. Л. 173–174об.; Аваков П. А. Жизнь и смерть бригадира И. М. Краснощёкова. С. 396.

³⁹ РГВИА. Ф. 2. Оп. 5. Д. 15. Л. 173–174об.; РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1723 г. Д. 1. Л. 1.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1723 г. Д. 1. Л. 2.

вероятно, было призвано подчеркнуть нелегитимность нового лидера донского казачества. В грамоте констатировалось, что на момент избрания И. М. Краснощёкова следствие над ним в комиссии ещё не окончилось и его отпустили из-под ареста в Черкасск на срок, в связи с чем Пётр I приказал «в атаманах быть впредь до нашего указа из старшин Андрею Иванову сыну Лопатину, а Матвеева послать в Транжамент для окончания помянутого о нем дела по-прежнему»⁴¹. Сложно сказать, почему при решении в правительстве вопроса о замене донского атамана выбор пал именно на Лопатина. Вероятно, он был известен императору и сумел произвести на него хорошее впечатление.

Грамота была доставлена в Черкасск 11 августа, и в тот же день её «при собрании старшин и редовых казаков в войсковом кругу публично прочитали», после чего императорский указ был исполнен. В отписке от 17 августа Войско Донское докладывало Военной коллегии, что старшина Андрей Лопатин «удовольствован и от нас Войска войсковым атаманом почтен», а И. М. Краснощёков «в Транжамент в Канцелярию камисионных дел из Черкасского <...> послан»⁴². Последний войсковой атаман, избранный в соответствии с нормами войскового казачьего права, пробыл на своём посту чуть более двух месяцев. С этого времени традиция выборности войсковых атаманов, оформившаяся на Дону после Смуты начала XVII в., оказалась в забвении на ближайшие 194 года. Следующее избрание главы Войска Донского Войсковым кругом состоялось в июне 1917 г. в Новочеркасске, когда Россию уже потрясала новая Смута⁴³.

Русско-турецкий пограничный конфликт 1722 г. был благополучно улажен. Предварительная оценка похищенного казаками у турецких купцов имущества оказалась завышенной более чем вдвое. Турки получили компенсацию в размере 3700 руб., из них 3200 руб. возместил сам И. М. Краснощёков, а 500 руб. было взято из тех 10 000, которые выделило правительство. Оставшиеся 9500 руб. позже были выплачены казакам, участвовавшим в Персидском походе⁴⁴.

⁴¹ Там же. Ф. 248. Оп. 31. Д. 1915. Л. 112; РГВИА. Ф. 2. Оп. 5. Д. 15. Л. 184; Акты, относящиеся к истории Войска Донского: Высочайшие грамоты, рескрипты и друг.[ое]. Новочеркасск, 1902. № 2. С. 1–2.

⁴² РГВИА. Ф. 2. Оп. 5. Д. 15. Л. 191об.–192.

⁴³ *Трут В. П.* Дорогой славы и утрат: Казаuchy войска в период войн и революций. М., 2007. С. 230; Торжественный церемониал Войскового казачьего круга на Соборной площади, 18 июня 1917 года / Публ. *Н. А. Чумаковой, С. Д. Дудник* // Богатый колодезь: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Ростов н/Д., 1991. С. 171–172.

⁴⁴ Акты, относящиеся к истории Войска Донского... Т. 2. Ч. 1. № 8. С. 12.

Необходимость заселения приобретённых Россией в 1722–1723 г. прикаспийских провинций лояльным и вместе с тем боеспособным контингентом подтолкнула имперское правительство к использованию донских казаков в качестве колонизационного ресурса. Малочисленные терские (гребенские) казаки не могли стать серьёзным подспорьем для решения военно-политических и экономических задач, стоявших перед российскими властями в регионе. Во исполнение именных указов Петра I от 3 декабря 1723 г., от 13 января и 20 мая 1724 г. тысяча донских казачьих семей была переселена на берега р. Сулак и его притока Аграхань, где они образовали Аграханское казачье войско⁴⁵.

При организации переселения верховная власть в лице Петра I прислушалась к мнению войскового атамана Андрея Ивановича Лопатина, находившегося тогда в столице во главе зимовой станицы. После выхода императорского указа от 13 января 1724 г. о переводе на Северный Кавказ тысячи семей донских казаков войсковой атаман был вызван в Правительствующий Сенат, где ему приказали «подать ведомость, из которых мест тех казаков перевести способнее, и целыми городками или другим каким образом, и сухим ли путем им идти за их провожатыми, или водою, и которыми местами»? В ответ на запрос А. И. Лопатин «с товырыщи» 29 января представил в Сенат «ведение». В частности, они предлагали повелеть «откамандровать тысячное число казаков с семьями изо всех Войска нашего донских, донецких и хаперских, бузулуцких и медведицких городков по переписным ведомостям, по сколько человек из городка придетца». По мнению донцов, идти «от Дону до Терека» переселенцам было бы удобнее по суше — «шляхом брегадира Витерания», пролегавшим через Царицын (этим маршрутом в 1722 г. шёл кавалерийский корпус бригадира А. Я. Ветерани). Сухопутный маршрут позволил бы казакам «забрать при себе пожитки, и скот, и в дорогу запасу». Также атаман и его спутники просили, чтобы переселяемым на Кавказ казакам «на споможение» и их провожатым «на подъем» было определено жалованье. 31 января 1724 г. с «ведением» ознакомился Пётр I и оставил на нём резолюцию: «Учинить по сему». Следствием этого стал выход сенатского указа от 6 февраля, по которому Штатс-контора выделила сумму в

⁴⁵ Высочайшие указы и повеления императора Петра I, данные Правительствующему Сенату // Сб. ИРИО. Т. 11. № 412. С. 525–526; НИИ СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 106. Л. 54, 55; ПСЗ-1. Т. 7: 1723–1727. СПб., 1830. № 4462. С. 252; № 4509. С. 286; Акты, относящиеся к истории Войска Донского... Т. 1. № 198. С. 308–309; *Ригельман А. И.* История о донских казаках. Ростов н/Д., 1992. С. 155; *Козлов С. А.* Указ. соч. С. 58–59.

размере 5000 руб. для выплаты жалования мигрантам и их провожатым, из расчёта по 4 руб. на семью переселенцев и по 1 руб. на одного провожатого⁴⁶.

Переселение было организовано достаточно быстро — всего за три месяца. Уже 5 августа атаман А. И. Лопатин донёс в Военную коллегию о выполнении императорского указа: тысяча донских казачьих семей, в сопровождении тысячи человек «провожатых» казаков, получив соответствующее жалование, 14 мая отправились «через степь до Тереку шляхом брегадира Витерания»⁴⁷.

На берегах Сулака и Аграхани переселенцы основали пять городков. С первых же дней пребывания в Дагестане донцы столкнулись с враждебностью местных народов, которые едва ли не ежедневно организовали нападения на их городки, убивали и брали в плен казаков, угоняли скот. Уже к 23 января 1725 г., то есть всего за несколько месяцев жизни в регионе, казаки потеряли 822 лошади. При этом, как доносил 20 декабря 1724 г. в Коллегию иностранных дел генерал-майор Г. С. Кропотов, переселенцы оказались неспособными оказать решительный отпор неприятелю, так как с Дона «сюда прибыло настоящих козаков весьма немного, а прочие являютца помещичьи беглые, которые к военному делу весьма незаобыкновенны». В этой связи командованием Низового корпуса было принято решение укрупнить городки и переселить всех казаков с Сулака на Аграхань, в результате чего к 1727 г. они проживали уже в трёх городках. Выбранные Петром I для поселения Аграханского войска места оказались совсем непригодными для постоянного проживания, так как часто затоплялись водой и не были защищены естественными преградами. Всё это усугублялось нередко свирепствовавшими в регионе эпидемиями. Не успели донцы обустроиться на новом месте, как в 1727 г. по прикаспийским провинциям пронеслась чума. Итог казачьей колонизации Дагестана оказался плачевным: из переселённых туда в 1724 г. 1000 донских семей к 1735 г. осталось всего 452, остальные казаки умерли, погибли в сражениях, пропали без вести и бежали⁴⁸.

⁴⁶ НИИ СРБИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 106. Л. 303–304; РГАДА. Ф. 248. Оп. 31. Кн. 1924. Л. 19–19об.; ПСЗ-1. Т. 7: 1723–1727. № 4462. С. 252; Акты, относящиеся к истории Войска Донского... Т. 1. № 198. С. 308; *Курукин И. В.* Указ. соч. С. 54, 61.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 2. Оп. 5. Д. 15. Л. 92.

⁴⁸ *Ригельман А. И.* Указ. соч. С. 201; *Бутков П. Г.* Указ. соч. Ч. 1. С. 78; *Тхамокова И. Х.* Терское казачество в этнокультурном пространстве Северного Кавказа (XVI — начало XX в.). Нальчик, 2017. С. 150; *Шереметев П. С., граф.* Владимир Петрович Шереметев: 1668–1737. [Т. 1]. М., 1914. С. 289–290; *Козлов С. А.* Указ. соч. С. 61.

Опыт 1724 г. успешно использовало правительство императрицы Анны Иоанновны при организации в начале 1730-х гг. добровольного переселения тысячи казачьих семей с Дона в район Царицынской линии, где вскоре было образовано Волжское казачье войско⁴⁹. Впоследствии имперское правительство не раз прибегало к созданию «искусственных» казачьих войск на окраинах России⁵⁰.

Таким образом, Персидский поход 1722–1723 гг. оказался тесным образом связан с исторической судьбой донского казачества, и дальнейшее изучение этой взаимосвязи представляется весьма перспективным.

Библиография и архивные источники

1. *Абдусаламов М.-П. Б., Чекулаев Н. Д.* Из истории Персидского Похода Петра I: Битва под Эндиреем 1722 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 22, № 4. 2015. С. 36–40.
2. *Аваков П. А.* Жизнь и смерть бригадира И. М. Краснощёкова // Слава и забвение: Парадоксы биографики: Сб. науч. ст. СПб.: Алетей, 2014. С. 385–428.
3. *Аваков П. А.* Данила Ефремов на пути к атаманству // Победа: Общественно-политическая газета Аксайского района. 2015, 24.01. № 15–21. С. 12, 19.
4. *Аваков П. А.* Элита Войска Донского в 1738 году: Борьба за атаманскую насеку // Донской временник: Год 2013-й (Ростов н/Д.). Вып. 21. 2012. С. 118–123.
5. АВПРИ. Ф. 22. Оп. 1/22. 1722 г. Д. 5.
6. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Т. 1. Новочеркасск: Тип. А. А. Карасева, 1891; [373] с. разд. паг.; Т. 2, ч. 1. Там же, 1894. [3], XXXII, 368, XXIII с.
7. Акты, относящиеся к истории Войска Донского: Высочайшие грамоты, рескрипты и друг.[ое]. Новочеркасск: Обл. Войска Донск. правление, 1902. [124] с. разд. паг.
8. *Астапенко М. П.* Донские казацы атаманы: Исторические очерки-биографии (1550–1920 гг.). Ростов н/Д.: Приазовский край, 1996. 287 с.
9. *Астапенко М. П.* История донского казачества с древнейших времён до 1920 года: Уч. пособие. Ростов н/Д.: Мини Тайп, 2004. 608 с.

⁴⁹ *Курьшев А. В.* Образование Волжского казачьего войска // Казачество России: Прошлое и настоящее: Сборник научных статей. Вып. 1. Ростов н/Д., 2006. С. 203–228; *Он же.* Волжское казачье войско (1730–1804): Создание, развитие и преобразование в линейные казачьи полки. Волгоград, 2011. С. 18–46.

⁵⁰ *Венков А. В.* Создание «искусственных» казачьих войск и изменение практик боевого применения казаков во второй половине XVIII — первой половине XIX в. // Войны и вооружённые конфликты на Юге России в социально-демографической и историко-антропологической ретроспективе: Материалы круглого стола (Ростов-на-Дону, 26 сентября 2017). Ростов н/Д., 2017. С. 57–68.

10. *Бабич М. В.* «Мир» на русско-турецкой границе в преддверии войны 1735–1739 гг. // *Кровь; Порох; Лавры: Войны России в эпоху барокко (1700–1762): Сб. мат-лов Всеросс. науч. конф. Вып. 1.* СПб.: [ВИМАИВиВС], 2002. С. 13–16.
11. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 3: 1734 г. Юрьев: Тип. К. Мат(т)исена, 1900. [2], LVI, 512 с. (Сб. ИРИО. Т. 108).
12. *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб.: Тип. Имп. АН, 1869. [4], XXVI, 548 с.
13. *Венков А. В.* Создание «искусственных» казачьих войск и изменение практик боевого применения казаков во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. // *Войны и вооружённые конфликты на Юге России в социально-демографической и историко-антропологической ретроспективе: Мат-лы круглого стола (Ростов-на-Дону, 26 сентября 2017).* Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. С. 57–68.
14. *Пётр I.* Высочайшие указы и повеления императора Петра I, данные Правительствующему Сенату // Сб. ИРИО (СПб.). Т. 11. 1873. С. 182–565.
15. Гистория Свейской войны. Вып. 2: Поденная записка Петра Велико-го / [Пётр I, Макаров А. В., Степанов В. В. и др.]; сост. Т. С. Майкова, под общ. ред. А. А. Преображенского. 2 вып. М.: Кругъ, 2004. (631) (655) с.
16. *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников. Изд. 2-е. Т. 9. М.: Тип. Николая Степанова, 1838. 548, VIII с.
17. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. и знач. умнож. Т. 3. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1882. [4], 576 с.
18. ДППС. Т. 2, кн. 2. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1883. 16, 551 с.; Т. 5, кн. 1. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1892. 25, 584, [5] с.
19. Исторические песни XVIII века / Изд. подгот. *О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов.* Л.: Наука, Ленинг. отд-ние, 1971. 356 с.
20. *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Ист. ил., 2002. 284, [3] с.
21. *Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия: 1722–1735. М.: Квадрига; Объед. ред. МВД России, 2010. 375, [9] с.
22. *Курукин И. В., Коседжик Х.* Поиск «достойной сатисфакции»: Персидский поход Петра I и посольство Нишли Мехмед-аги в Россию в 1722–1723 гг. // *Исторический вестник (М.).* Т. 4 (151). 2013. С. 74–99.
23. *Курьшев А. В.* Волжское казачье войско (1730–1804): Создание, развитие и преобразование в линейные казачьи полки. Волгоград: Издатель, 2011. 351, [1] с.
24. *Курьшев А. В.* Образование Волжского казачьего войска // *Казачество России: прошлое и настоящее: Сб. науч. ст. Вып. 1.* Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. С. 203–228.
25. *Лыццов В. П.* Персидский поход Петра I: 1722–1723. М.: [Изд-во Моск. ун-та], 1951. 247 с.

26. НИА СПбИИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Карт. 249. Д. 2; Ф. 270. Оп. 1. Д. 106.
27. Персидская война 1722–1725: Материалы для истории царствования Петра Великого / Публ. В. В. Комарова // Русский вестник. Т. 68, n°4. 1867, апрель С. 553–616.
28. Песни, собранные П. В. Киреевским. Ч. 3, вып. 9. М.: О-во любителей росс. словесности, 1872. [4], 420, 92, ЛП с.
29. Попов Х. И. Войсковой атаман Войска Донского Данило Ефремович Ефремов // Донской вестник (Новочеркасск). 1867, 6.02. № 31. С. 121–123.
30. Походный журнал 1722 года: [Юрнала 1722-го года] / [Под ред. А. Ф. Бычкова]. СПб., 1855. 194 с.
31. ПСЗ-1. Т. 6: 1720–1722. СПб., 1830. № 3750 от 3.3.1721. С. 367.
32. ПСЗ-1. Т. 7: 1723–1727. СПб., 1830. № 4462 от 5.2.1724. С. 252; № 4509 от 20.5.1724. С. 286.
33. РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 221.
34. РГАДА. Ф. 9. Оп. 4, отд. 2. Д. 59; Ф. 111. Оп. 1. 1723. Д. 1; Ф. 198. Оп. 1. Д. 579; Ф. 248. Оп. 7. Кн. 387; Оп. 13. Кн. 742.
35. РГВИА. Ф. 2. Оп. 5. Д. 15; Ф. 13. Оп. 1/107. Д. 3.; Св. 1а. Д. 1, 10; Св. 37. Д. 60; Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 1.
36. Ригельман А. И. История о донских казаках. Ростов н/Д.: Ростовское кн. изд-во, 1992. 220, [1] с.
37. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. М.: Наука, 1990. 294 с.
38. Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненых на нем российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого. СПб.: [При Имп. АН], 1763. 378 с.
39. Соловьёв С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 9: История России с древнейших времён. Т. 17–18. М.: Мысль, 1993. 671, [1] с.
40. Торжественный церемониал Войскового казачьего круга на Соборной площади, 18 июня 1917 года / Публ. Н. А. Чумаковой, С. Д. Дудник // Богатый колодезь: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Ростов н/Д.: Ростовское кн. изд-во, 1991. С. 171–172.
41. Трут В. П. Дорогой славы и утрат: Казачьи войска в период войн и революций. М.: Яуза Эксмо, 2007. 539, [1] с. (Казачья слава).
42. Тхамокова И. Х. Терское казачество в этнокультурном пространстве Северного Кавказа (XVI — начало XX в.). Нальчик: РИО ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 459, [1] с.
43. Шереметев Б. П., фельдмаршал граф. Военно-походный журнал 1711 и 1712 гг. / Под ред. А. Мышлаевского. СПб.: Военно-уч. к-т Гл. штаба, 1898. [2], XVIII, 212, 8 с.
44. Шереметев П. С., граф. Владимир Петрович Шереметев: 1668–1737. [Т. 1]. М.: Синод. тип., 1913 [обл. 1914]. [6], 417–568, 76, 15, 55 с.

Ольга Гениевна Агеева
(Москва)

*Ведущий научный сотрудник
Института Российской истории РАН*

Персидское посольство Фазл Али-бека к царю Петру I (1711–1714)

В 1711 г. персидский шах Солтан Хусейн (1668–1726) отправил в Россию к Петру I посольство для установления более тесных межгосударственных контактов в сфере торговли. Уже со второй половины XVII в. Россия с её удобным для Персии каспийско-волжским путём и портами в Архангельске и Нарве стала рассматриваться как выгодный партнёр для торговли, в том числе со странами Западной Европы. Это показывает деятельность армянских купцов Джульфинской торговой компании (по договору 1667 г.), стремление к транзитной торговле шахских купчин, приезжавших с персидскими посольствами в 1692 и 1707 гг. (обычно они продавали в России без пошлин товары шаха и покупали русские товары для его двора)¹. С другой стороны, и у царских властей появились далеко идущие планы участия в выгодной транзитной торговле между Востоком и

¹ Подробнее см.: *Куканова Н. Г.* Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII — первой половине XIX в. Саранск, 1977. С. 29–32, 35, 44–46, 61–62, 67–70, 75–88, 100–102; *Она же.* Торгово-экономические отношения России и Ирана в период позднего феодализма. Саранск, 1993. С. 9–10; *Торопицын И. В.* «Едет он в город Амстердам»: Грамота персидского шаха Хусейна Петру I: 1709 г. // Исторический архив. 2009. № 3. С. 203–207.

Западом по обустраиваемому водному пути Астрахань — Санкт-Петербург. Для подготовки этого требовалось устранить накопившиеся конфликты в торговых отношениях купечества двух стран, что и являлось главной целью направленной в 1711 г. миссии дипломата первого ранга посла Фазл Али-бека и купчины Мамет Усейн бека.

Ведение переговоров по торговым аспектам посольства 1711—1713 гг. хорошо освещено в литературе и, прежде всего, в статье П. П. Бушева², поставившего также вопрос об изучении церемониальной и бытовой сторон пребывания посольства в России. Их изучение требует продолжения как в устранении допущенных фактических неточностей, так и заполнении имеющихся лакун.

Известие о том, что шах направил посольство, было получено в Астрахани в июле 1711 г. с письмом астраханца Василия Янова. Он писал, что из Шемахи уже готовы отплыть с дарами для царя около 200 персов (в действительности их оказалось меньше). Получив известие, астраханский обер-комендант М. Чириков отправил письмо казанскому губернатору П. М. Апраксину, а тот уже писал к царю. В ответ в сентябре пришло указание Посольского приказа и недавно созданного Сената проверить, прислан ли посол «подлинно от шаха», а затем отпустить к Москве с «почтением», с кормом и питьём и прочим, да с товаров шахского купчины, следовавшего с послом, по прежним указам «пошлин не имать»³.

В соответствии с этими распоряжениями 10 августа посла Фазл Али-бека (в документах — Фезли, Ферза, Форзат, Фез Алибека) «с честью» принимали в Астрахани. По примерам посольств XVII в., но прежде всего по образцу посольства 1692 г., во главе которого также стоял дипломат в высшем ранге посла, ему были назначены дорожные кормовые в размере 6 руб. 6 алт. 4 д. в день. По традиции, посол эту выплату сразу не принял и ехал на своём коште, получив деньги только в Москве⁴. После торжественного въезда содержание было увеличено до 30 руб. в день, но на обратном пути после выезда из Москвы снижено до дорожной нормы. Таким образом, выплаты кормовых до Москвы, в период аккредитации и при возвращении составили около 14 000 руб.⁵ Кроме этого, в городах, на подхожих

² Бушев П. П. Иранское посольство Фазл Али-бека // Иранский сборник. № 39. М., 1963. С. 33—51; Куканова Н. Г. Очерки... С. 102—104; Она же. Торгово-экономические отношения... С. 10—12.

³ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1711. Д. 1. Л. 1—1об., 4—8.

⁴ Там же. Л. 16.

⁵ Там же. Оп. 1. 1711—1713. Д. 2. Л. 54—54 об.; 1713. Д. 1. Л. 408—408 об. Кормовые от Астрахани до Москвы составляли 2585 руб. 13 алт. 2 д., в Москве

станах, после въездов и аудейнции послу назначались обычные «почесные кормовые» в виде продуктов и питей на столы, и особый стол на сумму 47 руб. по указу царя от 21 октября 1712 г.⁶ был дан посольству «для праздника мусульманского закона байрам» (для него покупались водка, вина, пиво, калмыцкие бараны, индейские курицы и другая живность, яблоки и масло)⁷. За счёт царя содержались привезённые от шаха в подарок звери и птицы.

По дороге в городах Фазл Али-бека встречали с честью, выставляли «в стойку» воинские команды со знамёнами и барабанами, отдававшие честь, отводили посольские дворы, назначали сопровождение. Для передвижения водным путём от Астрахани до Саратова и от Великого Новгорода до Санкт-Петербурга, а также на обратном пути послу предоставлялись струги (от 9 до 14), а в Шлиссельбурге и Петербурге яхта, баржа, скампаеви и иные суда (всего до 16). Каюта посла на судне обивалась красным сукном⁸. Сухим путём посол и купчина шли в полукоретье⁹ и крытых колясках (от Саратова) или двух каретах и коляске (от Москвы до Новгорода), посольским людям давались верховые лошади и от 500 до 700 подвод. По дороге на реках чинились мосты и в лесах гати¹⁰.

В столицах послу предоставлялись от казны резиденции — в Москве двор князя Сергея Петровича Долгорукова на Сретенке и в Петербурге дворы на Васильевском острове. При их подготовке учитывались обычаи персов. В доме на Сретенке в 12 палатах строились на восточный манер большие и маленькие «полки»-полаты «с подношки» (у посла с «подношкой» и с причелинами по сторонам), которые обивались сукном (в палатах посла и купчины красным), ещё двое палат были отведены для поклажи и запечатаны. Во дворе имелись три деревянные светлицы, баня с передбанником мшенные, перенесённые с посольского двора в Китай-городе (в ней поместили железный котёл для нагрева воды и «дубовый чан большой, в чём посол моется»), заново построенные два анбара «меж ими сенцы мшенные» для льва и львицы, посланный брёвнами анбар для слона с чуланом дощатым, устроены очаги, караульня.

и Петербурге — 10 020 руб., при возвращении к Астрахани за первые два месяца 378 руб. 6 алт. 4 д., и далее ещё по дорожной норме сумму за 5 месяцев.

⁶ Здесь и далее даты указаны по ст. ст. (юлианскому календарю). — *Прим. ред.*

⁷ Там же. 1711. Д. 1. Л. 391–391 об.

⁸ Там же. Л. 82 об.; 1713. Д. 1. Л. 145, 230.

⁹ Лёгкий двухколёсный крытый экипаж для одного-двух человек. — *Прим. ред.*

¹⁰ Там же. 1711. Д. 1. Л. 5, 81 об.–82, 83 об., 118, 142 об.; 1713. Д. 1. Л. 133, 145, 230.

В палатах имелись дорогие паникадила и подсвечники, на крыльце были сложены москворецкие дрова¹¹.

В России посол Фазл Али-бек пробыл 2 года и 9 месяцев — с 10 августа 1711 по 17 апреля 1714 г. Приплыв в Астрахань, он здесь зимовал и отправился в Москву 1 мая 1712 г. Торжественный въезд в неё состоялся 2 октября. В Санкт-Петербург из первопрестольной отбыл 9 апреля 1713 г., в дороге долго стоял в Новгороде Великом, ожидая возвращения царя Петра из похода. В новую столицу по воде через Ладогу приплыл 27 июня. 30 числа имел приёмную аудиенцию. 3 и 13 июля был на конференциях у канцлера графа Г. И. Головкина, между ними ездил на Котлин и в Кроншлот. 14 июля 1713 г. выехал в обратный путь через Шлиссельбург и Новгород, в Москве находился с 23 августа по 11 сентября, после чего водным путём отправился в Астрахань, где зимовал. 17 апреля 1714 г. Фазл Али-бек с честью был отпущен в отечество, в Персидскую землю.

Путь посла Фазл Али-бека хорошо известен. Это десятки городов и селений от Астрахани до Саратова (водный путь через Чёрный Яр, Царицын, Камышенку), далее посуху до Владимира (через Инсар, Темников, Касимов), оттуда до подхожего стана в селе Пахре (через Покров, Дубны, Купавну) и до Москвы (через Горенки, Ивановское, Рогожскую ямскую слободу)¹². От Москвы в Петербург Фазл Али-бек шёл посуху до Великого Новгорода (через р. Химки, Черкизово, Пешки, Клин, Завидово, Городню, Тверь, Торжок, Выропуск, Вышний Волочёк, Хотилов Ям, Ведрово, Валдай, Яжелбицы, Кресцы, село Подлитовье, Бронницы), а затем был отправлен по воде по Волхову в Старую Ладогу и Шлиссельбург, оттуда плыл до подхожего стана у Невского монастыря и далее до Петербурга. На обратном пути при следовании водой от Петербурга в Шлиссельбург останавливался на Новых заводах и невских порогах, «где взводили в завознях на канатах посольское судно» и другие суда¹³. Во время поездок два водных отрезка животные и птицы преодолевали посуху (от Астрахани до Саратова и от Новгорода Великого до Петербурга). В обратную сторону путь посольства был изменён. От Москвы до Астрахани персы передвигались только водой по рекам. Таким образом, русское правительство сделало всё, чтобы шахский посол Фазл Али-бек и его свита воочию увидели

¹¹ Там же. Л. 8–9об., 536–537; 1711. Д. 1. Л. 493об.

¹² Там же. Л. 72, 81–89, 146, 151, 153, 154, 245.

¹³ Там же. 1713. Л. 464об.–469, 481–482, 523–527, 528.

отстраиваемый Петром путь из Астрахани до Петербурга, которым должны были пойти товары с Востока в Европу.

Состояло посольство из 124 человек. Его главой были посол Фазл Али-бек, являвшийся «ближним фамильным человеком» шаха с чином «полковническим» («первый полковник»), возглавлявшим «надворную... шахову пехоту», и дипломат-купчина Мамет Усейн-бек, при шахе «ближний служитель», «шахова дому честной человек и мастерской палаты жилец»¹⁴. Положение последнего было двойственным. Как торговый человек, он ехал для продажи товаров шаха и покупки для двора русских вещей, как дипломат, имел свою шахову верительную грамоту, принимался царём на аудиенциях и должен был от русских чинов выслушать или получить письменно важные сведения для передачи шаху. Таким образом, этот чин совершенно не походил на европейских дипломатов, тем более что персидские шаховы купчины могли быть и единственным главой миссии, как, например, купчина Шамше Магмет Казыбеков, приехавший в Москву в 1707 г.

При двух первых лицах в 1711 г. состояли 60 шаховых людей и 62 их собственных служителя. Из них 94 человека были дворянами: 28 — 1-й статьи (Мамут Бек, Бек Абитек и др.), 29 — 2-й (Ажи Мамет Багир и др.) и 37 — 3-й. В составе посольства были «акжибей», ага, толмачи, слоновщики, зверовщики, птичники, караульщики и другие чины и служители¹⁵.

Для сопровождения персов в Астрахани были назначены дорожные приставы дворяне Кирьяк Экономов и И. Пущин. От Владимира посла вёз дьяк Сава Сандырев, а от Москвы в Петербург и обратно до Москвы — столичный пристав стольник Василий Петров Зиновьев. В Петербурге появился ещё один пристав — князь Михайла Борисов Заманов, срочно выписанный из Астрахани и затем бывший при после вплоть до возвращения в этот город (князь владел «форсовским» языком и имел опыт приёма персидских посольств). В невской столице также был временно назначен церемониймейстер (стольник Д. Бестужев). Толмачами от Посольского приказа являлись И. Кизылбашенин и Аф. Армянинов. Кроме этого, от Астрахани с посольством были отправлены в дорогу денщики приставов, двое подьячих, толмач, и от города до города давались по 20 и более провожатых.

Приставы, сопровождавшие посольство, получали от Сената и Посольского приказа указания о своих обязанностях (позже офор-

¹⁴ Там же. 1711. Д. 1. Л. 159–159об.; 1713. Д. 1. Л. 180об.

¹⁵ Там же. 1711. Д. 1. Л. 264, 503; 1713. Д. 1. Л. 8об., 299–299об.

млявшиеся в виде инструкции). Так, приставу С. Сандыреву предписывалось во Владимире явиться к Фазл Али-беку, представиться приставом и далее в пути иметь за посольством «присмотр и бережение»: поступать «учтиво и ласково», не допускать «от русских людей какого безчестья» (чтоб «во всем им была честь») и от персов русским людям «насильства и обид», накрепко смотреть, чтоб «иноземцы и русские люди» не приходили к послу и посольским людям, с ними не разговаривали и писем не приносили, а также писать обо всём, что будет в пути и о разговорах с послом и шаховыми людьми. В столице Сандырев должен был «накрепко остерегать», чтобы до приёма у царя персы не вели торговлю и не ходили к иноземцам, не продавали «заповедных товаров» (вино и табак), торгующих персов и русских прокурателей «имать и отсылать в Посольской приказ», как и лиц, приходящих к персам для разговоров, но только «спустя з двора, чтоб было не знатно». В торг или для других дел посольских людей следовало отпускать только в сопровождении «караулу»¹⁶.

Для чести и охраны посольству давалось военное сопровождение. Сначала таковым были капитан Н. Маккеев, поручик И. Рьльцо и прапорщик Христофор Бренк с 200 солдатами, а от Саратова тот же капитан с 31 солдатом. В дороге до Петербурга персов охраняли поручик (Емельян Андреянов) и два капральства, то есть сержант, 2 капрала и 45 солдат. В Москве на посольском дворе дежурили офицер и 50 солдат. Кроме этого, для услуги на дворе находились 6 человек земского двора метельщиков для черной работы и 3 толмача «для толмачества и розсылки»¹⁷.

Официально целью «посольства с подарками» было подтверждение старой дружбы между государствами и вопросы торговли. Это зафиксировали грамоты посла и купчины к Петру I¹⁸. Однако предметом общения с Фазл Али-беком становились самые разные проблемы и конфликтные ситуации.

Несколько документов показывают, какие вопросы обсуждались на конференциях 3 и 13 июля 1713 г. в Петербурге. Семь тем были обозначены в черновой записке без даты «Что послу предлагать...»: благодарность за дары, предложение дружбы, «умножение» торгового шёлком сырьём через армянских и российских купцов, союз против турок (вступление в союз, удержании турок от войны и др.), передача вышедших из турецкой земли и Бухары в Персию русских полоняников, равенстве посольских церемониалов, конфликт по-

¹⁶ Там же. 1711. Д. 1. Л. 136–139.

¹⁷ Там же. Л. 71об.–72, 81–81об., 507; 138об.

¹⁸ Там же. 1711–1713. Д. 2. Л. 8–9, 9об.–10.

сольских людей в Новгороде и (приписка карандашом) вопрос об оставлении в России зверовщиков¹⁹.

Записи конференции 3 июля представлены в поданом Фазл Алибеком листе визиря темами, касавшимися торговли, и в перечне поставленных послом вопросов о торговле, разрешении конфликтов, возврате беглых людей из посольства (скорохода, ушедшего в Москве в монастырь, и двух зверовщиков, подговорённых остаться в Петербурге), отпуске в Персию задержанных в Астрахани мастеровых и др.²⁰ Характер переговоров на конференции 13 июля показывает записка «Ответные статьи на предложения Фезли Али бека...» канцлера Г. И. Головкина с его встречными предложениями²¹.

Полемика вокруг перечисленных тем и итоговые решения подробно рассмотрены в статье П. П. Бушева²², который показал, что в одних вопросах русская сторона оказалась неуступчива или уходила от ответов, в других же шла навстречу предложениям персов. Так, на ключевые вопросы — о невзимании излишних пошлин с ввозимых персидскими купцами товаров, предоставлении им права свободной торговли в русских городах и о беспошлинном вывозе в Европу непроданных в России товаров — было заявлено уклончиво — «налоги будут взиматься по закону», или же вопросы остались без ответа.

Относительно менее значимых ситуаций, конфликтах персидских купцов, русская сторона демонстрировала готовность устранять возникшие недоразумения. К примеру, объяснив, что для беспошлинной торговли шахские купчины обязательно должны предоставлять список товаров за печатью шаха, для купчины посольства Фазл Али-бека сделали исключение, постановив пошлины не брать²³. Положительно были решены проблемы, изложенные в записке 22 гилянских и дербентских купцов о завышении в Астрахани стоимости товаров и, соответственно, взимаемых пошлин, введённых там новым владельцем Гостиного двора пошлин со всех торгующих лиц, а не с лавки и др. Также положительно для промышленников была разрешена ситуация о незаконным взиманием с них астраханским и терским комендантами денег (400 и 100 руб.)²⁴. Что касается иранских купцов, удерживаемых в Астрахани, было по-

¹⁹ Там же. 1713. Д. 1. Л. 270–271.

²⁰ Там же. 1711–1713. Д. 2. Л. 15об.–19.

²¹ Там же. Л. 30–36.

²² Бушев П. П. Указ. соч. С. 40–46.

²³ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1713. Д. 1. Л. 250–250об., 254.

²⁴ Там же. Л. 239–241, 250об.; 281–282об.

велено их вернуть в отечество, если они не приняли православие, а вот о мастеровых, бывших на заработках в Астрахани, вопрос остался без ответа²⁵. Временно было отказано в высылке имевшего долги в Персии армянина Сафара Васильева, который был должен и в России. Здесь он вёл дела армянских купцов и неоднократно общался с Фазл Али-беком, проводя с ним «многие часы»²⁶.

Среди встречных русских вопросов наиболее значимыми были о прекращении препятствий со стороны армянских купцов покупке и вывозу из Ирана шёлка-сырца русской стороной, а также о возврате имущества купца М. Попова²⁷.

Очевидно, переговоры шли непросто, полученные в ответ грамоты Бушев оценил как имеющие «прохладно-формальный тон». Однако общий смысл их был всё же положительным.

Во время пребывания посольства в России случались криминальные истории, которые тщательно расследовались. Дважды в Москве и Петербурге произошли кражи у служителей посольства²⁸. Более серьёзное происшествие случилось в Новгороде. Причиной конфликта стала попытка «выемки» русской охраной у посольских зверовщиков двух дам легкого поведения. Изъятие подгулявших солдатских жёнок (по инструкции на посольский двор посторонние лица не допускались) обернулось дракой на территории посольства, в ходе которой были отрублены саблями руки (у русского солдата и у перса), проломлена голова «первого человека» Насыря Мамутбека. По результатам следствия потерявшему руку персиянину выплатили 23 руб., а отвечавшего за охрану посольства поручика Андреянова сначала по указу царя за «посольское бесчестье» арестовали и «написали» в солдаты, а затем по просьбе посла отпустили²⁹.

Большое значение при пребывании посольства Фазл Али-бека в России имели этикетные правила и дипломатические церемонии, которые наглядно показывали стремление к добрым отношениям и равенству сторон. Посольский обычай был прецедентным, поэтому

²⁵ Там же. 1711–1713. Д. 2. Л. 18об., 31, 32; 1713. Д. 1. Л. 250об.

²⁶ Там же. 1711. Д. 1. Л. 161, 163, 225–225об.; 1711–1713. Д. 2. Л. 4, 18об.; 1713. Д. 1. Л. 18об.

²⁷ Там же. Л. 252, 253, 256–258об.

²⁸ В Москве после кражи у птичников двух перстней и вещей на 6 руб. с полтиной следствие остановилось из-за бегства нескольких из перепродававших перстень женщин. В Петербурге нашли состоявшего при птичнике служителя, укравшего у толмача и птичника 72 шёлковых платка «спяну» (Там же. 1711. Д. 1. Л. 434–437, 451–452; 285–288).

²⁹ Там же. 1711–1713. Д. 2. Л. 58–77об.; 1713. Д. 1. Л. 18 об., Л. 54–114, 522об.

в 1711 г. чины Посольского приказа обращались к документам персидских посольств 1624, 1628, 1635, 1640, 1645, 1647, 1657, 1775 гг., но чаще всего к бумагам посольства 1692 г., когда в Москву от шаха Сулеймана приезжал посол Юз Баши Усейн хан бек и купчины Ага Керим и Ага Шамса.

Однако в XVIII в. Пётр активно вводил в общение с дипломатами элементы западного этикета. Например, в письме из Риги канцлеру Головкину он указал отправить во Владимир к Фазл Али-беку для поздравления «от себя» кого-либо из «нарочитых», а прежнее поздравление от окольных «отставить». Послать нарочного «с кореты по нынешнему обыкновению», для встречи по улице поставить «полки солдатские в мундирах» и др. Поэтому не случайно в деле о приёме персидского посла имеется фраза: «А с какими церемониями быть на аудиенциях на приеме и на отпуске и на конференциях с министрами, о том государь укажет»³⁰. Как относились к новшествам восточные дипломаты? При приёме турецкого посла в 1704 г. вводимые Петром западные элементы церемониала вызвали острые конфликты³¹, а вот Фазл Али-бек оказался к новым церемониям безразличен и протестов не высказывал.

В 1712–1713 гг. особые церемониалы были составлены для публичных въездов Фазл Али-бека в Москву, в Петербург, для выезда из Москвы, для приёмных аудиенций в обеих столицах.

Публичный пышный въезд в Москву по тщательно разработанному церемониалу прошёл 2 октября 1712 г. С подхожего стана в Пахре посла забирал прибывший с кортежем столичный пристав Зиновьев. Торжественное шествие двигалось от Донского монастыря через Калужские ворота, Большой Каменный мост, далее к Воскресенским воротам, по Никольской и на посольский двор на Сретенке.

Открывали посольский поезд 6 рот подъячих разных приказов с обнажёнными шпагами (под командой подполковника Г. Овцына) и 6 рот драгун московского гарнизона (под командой полковника М. Еропкина).

За ними вели 6 заводных лошадей в нарядном уборе, ехали с дворянами посольства 19 «господских», или «министерских», карет (Шереметева, Меншикова и других чинов). На расписных с перилами (подобие клеток) роспусках везли льва, львицу и барса.

Потом следовала первая государева карета с купчиной Мамет Усейн-беком, приставом С. Сандыревым, переводчиком Кутла

³⁰ Там же. 1711. Д. 1. Л. 66об.–67, 21.

³¹ См.: Агеева О. Г. Дипломатический церемониал России XVIII в. М., 2012. С. 306–316, 319, 665.

Мамет Тонкачёвым и персиянином с церемониальной шахской чалмой в руках.

Далее несли попугаев и птицу саламандер, шли конюхи, шли и ехали верхом люди посла и купчины с персидским знаменем и пищалями; накрытый дорогим ковром шёл слон, на котором сидел арап, за ним ехали «господские дети» (под командой князя Г. Ван-больского). Далее шли персы, и служители вели аргамаков.

За дарами следовала главная вторая государева карета с послем Фазл Али-беком, приставом Зиновьевым и сидящими напротив армянином Сафаром Васильевым и другим армянином, «которой держал чалму». Рядом шли 12 унтер-офицеров, конюхи и посольские люди с пищалями.

Вдоль пути кортежа от Большого каменного моста до посольского двора стояли три солдатских полка шеренгой в одного человека с фузеями. Во время въезда офицеры отдавали послу «визиты» шпагами, звучала полковая музыка — били литавры и барабаны, играли гобой и «фиолы». На посольский двор прибыли только в час ночи, поэтому для освещения сытники несли по обе стороны по 5 больших вошанных свечей, а в резиденции были зажжены «светоши» — смоленые бочки. Подводы с посольским обиходом и товарами прибыли на двор заранее³². Остаётся добавить, что посольский въезд со слонем, зверьями и птицами был столь уникален для России, что год спустя его гравировал художник П. Пикарт³³.

Ко времени многомесячного пребывания посольства в Москве относится один примечательный факт. На предполагаемой единственной в своём роде приёмной аудиенции в феврале 1711 г. Сенат готовился сам вместо царя принять верительную грамоту посла. Инициативой нового учреждения это, разумеется, не являлось. В письме от 20 сентября 1712 г. после назначения Фазл Али-беку в Москве поденного корма Пётр указал: «...а как посол будет на аудиенции с шаховой грамотой, и к нему того дня послать жалованье столом во всем против прежних таких персицких послов»³⁴. Для выполнения царского намерения в Москве был составлен проект церемонии аудиенции, на одном из двух текстов которого стоит помета «готовлена в запас»³⁵. Примечательно, что черновой текст

³² РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1711. Д. 1. Л. 137об.—138об., 295—297, 298—302об.; 1711—1713. Д. 2. Л. 2об.—5об.

³³ См.: *Пикарт П.* Вход персидского посольства в Москву: 1713 г. // *М. А. Алексеева.* Гравюра петровского времени. Л., 1990. С. 77.

³⁴ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1711. Д. 1. Л. 193.

³⁵ Там же. Л. 384—385об., 462—464об.; 462.

проекта представлял собой правку церемониала аудиенции польского посла Воловича и имел отсылки к церемониалу персидского посла 1692 г. Очевидно, что в этой аудиенции ряд старых восточных норм должен был заменить европейские новшества. Выглядело это следующим образом.

В октябре 1712 г. пристав Зиновьев, ближний стольник Измаилов и переводчик торжественно, с везением даров, чалмы и шахской грамоты, должны были доставить в Кремль в государевых каретах посла и купчину. В Кремле к встрече посла выставлялись строем пехотные полки.

Дальше всё должно было идти своим чередом. Во дворце от среднего крыльца полагалось три встречи-приветствия дипломата русскими чинами, в Грановитой палате самому послу следовало сделать три поклона лицом к пустому царскому престолу (!), рядом с которым бы стояли сенаторы, затем говорить перед тронном речь и получить на неё ответ, поднести грамоту шаха, которую бы возложили на царский престол, выслушать вопрос о здоровье шаха, затем явить шаховы поминки и свои дары, выслушать вопрос о своём здоровье и сообщении, что порученные ему, послу, дела будут сообщены царю и решены. В завершение аудиенции послу следовало ретироваться из дворца на свой двор.

В следующем 1713 г. церемонии въезда в Петербург и приёмной аудиенции были проведены уже у самого царя. В разработке их церемониала активно участвовал Пётр I. Его резолюции были получены на вопросы о месте подхожего стана, персоне церемониймейстера (Д. Бестужев), стрельбе из пушек при въезде посла и др. 25 июня приставу Заманову, сопровождавшему Фазл Али-бека от Шлиссельбурга, было поручено согласовать с послом вопросы отсутствия на аудиенции у него и его людей сабель и кинжалов по примеру 1692 г. и подачу грамоты не самому царю, а его первому министру, ибо так была принята грамота шахом у последнего русского резидента. Если же посол пожелает быть при оружии и подавать грамоту непосредственно царю в руки, то должен был письменно дать обязательство, что такие же права будут иметь русские дипломаты при дворе шаха. Кроме этого, Заманов должен был согласовать составленный церемониал аудиенции с послом³⁶.

Въезд в Петербург был совершенно необычным, так как он был водным. Сначала 26 июня пристав князь Заманов привёз Фалз Алибека и его свиту от Шлиссельбурга к подхожему стану у Невского монастыря на яхте, двух скамповеях и ещё 13 судах. На следующий

³⁶ Там же. 1713. Д. 1. Л. 150; 145–146об.

день, 27 июня, в праздник 4-й годовщины Полтавского сражения, состоялась церемония въезда. В 3 часа дня за послом прибыл с яхтой исполняющий роль церемониймейстера стольник Д. Бестужев. Вереницу судов посла, в которой вместе с посольскими людьми везли некоторых животных и птиц, на воде против Охты встречало на буерах петербургское общество, включая его величество и сенаторов. По походному журналу Петра I, когда все доехали «до города» (Петербургский остров), стреляли пушки. Потом посла отвезли на его квартиру на Васильевском острове, где для чести была выставлена рота со знаменем, заготовлены живность и питья. Вечером Фазл Али-бек и купчина посетили торжества в честь славной Полтавской виктории на Троицкой площади. Здесь был устроен «огненный фейерверк и зажигали один план, потом пушали мост-кугели и ракеты»³⁷. Подобное приглашение в «общество» до приёмной аудиенции было нарушением посольского этикета, однако совершенно соответствовало взглядам царя-реформатора, часто не считавшегося с условностями.

30 июня состоялась приёмная аудиенция у царя. По сохранившемуся проекту и описанию состоявшегося действия³⁸, она была полна новшеств. Проходила аудиенция на Васильевском острове в деревянном дворце князя А. Д. Меншикова, позже заменённом на каменный. Сопровождали на приём Фазл Али-бека на барже приставы Зиновьев и Заманов. Перед баржей в скамповеях были помещены дары шаха, посла и купчины. От пристани у дворца к главному входу дипломатов везли две государевы кареты, посольским дворянам были предоставлены верховые лошади. Дары по суше несли солдаты. Вдоль пути строем стояли «салдаты», и когда посол ехал мимо них, били в барабаны, и офицеры отдавали шпагами «комплементы».

Во дворце в трёх местах Фазл Али-бека приветствовали русские чины — встречники: на нижнем рундуке стольник Неронов, в сенных дверях майор гвардии Дмитриев-Мамонов, в дверях палаты для аудиенции генерал-майор Головин (Ал. Ал.). Отправя встречную речь, чины следовали перед послом в зал.

Здесь происходило самое необычное. Царь без головного убора стоял, а не сидел, на тронном месте под балдахином, где были поставлены кресла и стол. А так как он был без короны, то и о чалмах в описании не упоминалось. Дипломаты были без оружия.

³⁷ Походный журнал 1713 года. СПб., 1854. С. 32. (Камер-фурьерские и церемониальные журналы); РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1713. Д. 1. Л. 151.

³⁸ Там же. Л. 168–169об., 170–171; 173–174об.

Когда посол и купчина вошли и встали перед его величеством, их «явил» царю канцлер граф Г. И. Головкин — говорил, что царю бьют челом «персицкого шахова величества посол и купчина». Посол произнёс поздравление от имени шаха, отдал поклон и подал царю шахову грамоту. Тот только наднёс над ней руку, а снизу её принял канцлер. Потом свою верительную грамоту тем же способом подал купчина. После того как Пётр спросил, о чём посол «объявил», канцлер позвал посла и купчину к руке государя. Тогда они учинили целование его величества в полу кафтана «против прежних обыкновеней персицких послов», то есть в правую полу против колена. Затем канцлер от имени царя спрашивал посла и купчину о здоровье, за что те били челом. Далее канцлер «явил» шаховы дары, а потом личные дары посла и купчины. Прозвучали обещания дать ответы на шахские грамоты, объявление о дарованном послу столе³⁹. Сделав поклон, Фазл Али-бек вместе со свитой покинул дворец.

Аудиенция, смешивавшая европейское (новые чины, стояние царя, отсутствие короны и чалмы, приглашения сесть) и восточное (дважды по одному поклону вместо трёх европейских, наднесение руки над грамотой, целование полы кафтана, а не руки, поднесение даров), была завершена.

В Петербурге персидское посольство оказалось в центре новой жизни России. По «Походному журналу Петра I», 3 июля царь уехал во флот, куда затем повезли и посла. Царь показывал гостю корабли «Выборг» и «Полтаву» и 6 числа устроил на море корабельный экзерцициум. 7 июля Пётр отправился в Петергоф, а посол в Петербург, где, пробыв ещё несколько дней, 14 числа без пышных проводов отбыл в Москву. Ответные грамоты к шаху царь, возможно, сам вручил Фазл-Али-беку без особых церемоний в походной обстановке⁴⁰.

Последней крупной церемонией был публичный выезд персидского посольства из Москвы. 11 сентября 1713 г. в пятом часу пополудни Зиновьев повёз посла Фазл Али-бека и купчину в каретах, запряжённых цугом, со двора кн. Долгорукова к Москворецкому мосту. В посольский кортеж входили рота драгун с поднятыми на караул фузеями, две пустые кареты чинов (губернатора

³⁹ По запискам, со столом в резиденцию посла должен был ехать Ал. Ю. Кикин, а ведать подготовкой к нему «рыбы, вин и сахаров» дьяк Дворцовой канцелярии М. Воинов. См.: РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1713. Д. 1. Л. 151.

⁴⁰ Походный журнал 1713 года. С. 32–33. (Камер-фурьерские и церемониальные журналы).

Ал. П. Салтыкова и комнатных стольников А. и И. Нарышкиных), карета А. Д. Меншикова с купчиной, 30 шаховых дворян, ехавших верхом, государева карета с послом Фазл Али-беком и стольником Зиновьевым, у которой шли 12 русских унтер-офицеров и 10 персиян, шаховых служилых людей с пищальями.

Путь цепочкой охраняли и отдавали послу честь драгуны и полки Еропкина, Игнатьева и Вельяминова-Зернова. Путь кортежа проходил по Сретенке к Никольским воротам, мимо двора князя М. А. Черкасского и Китай-городом, переулком к Спасским воротам к Лобному месту, а далее через Москворецкие ворота к «живому» Москворецкому мосту. Здесь Фазл Али-бек и его свита погрузились на 14 судов, посол простился со стольником Зиновьевым, и все отчалили. Посол «пошел водою в путь свой» до Астрахани⁴¹.

Обязательной частью церемониальных отношений России и восточных стран, в частности Персии, в XVIII в. продолжал оставаться публичный обмен подарками, размер которых учитывал статусы дарителей и получателей. Дары показывали характер политических отношений государств и, по мнению исследователей, являли собой «своеобразную форму более или менее эквивалентного торгового обмена», то есть были товаром, привезённым беспошлинно и включавшим в основном «заповедные товары», то есть «ценные и редкие товары, которые запрещалось свободно вывозить из страны» и распоряжение которыми было прерогативой казны⁴². В силу этого подарки стоили не одну тысячу рублей и отличались разнообразием в номенклатуре. В церемониях въездов и аудиенций с европейскими странами поднесение даров в начале XVIII в. было упразднено⁴³.

Во время пребывания в России посольства Фазл Али-бека дары были нескольких видов: царю — от шаха, посла и купчины, ответные от царя — шаху, послу, купчине и всем дворянам и чиновным людям посольства. Их стоимость строго соответствовала иерархии получателей и дарителей — от шаха и царя до посольских чинов⁴⁴.

Главными являлись подарки шаха царю. Среди них находились золотые вещи с драгоценными камнями — кинжалы, перстни, арапское седло и прочий конский убор, кальняные чубуки, «раматик (благородной дух) в золотом ковчеге» и др.; из серебряных вещей — кальнянные башки, табачная решётка, 18 луков испоганской и бухарской работы; из «парчей» — золотные и серебряные ткани, куша-

⁴¹ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1711–1713. Д. 2. Л. 56–57 об.

⁴² Куканова Н. Г. Очерки... С. 47.

⁴³ См. подробнее: Агеева О. Г. Указ. соч. С. 594–636.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1711–1713. Д. 2. Л. 10–15 об.

ки, ковры, персидской намет (палатка), индийский полог и др. Особую статью составляла восточная парфюмерия — в стеклянных сосудах с золотом 24 вида благовоний (гуляф, миндальные и др.), безуй «дикой коровы» (12 золотников), 5 кусков китайского «микусу», 500 батманов табака (3 батмана — пуд) и др. Особый интерес вызывали привезённые экзотические животные — слон, лев и львица, барс, 12 аргамаков, 5 попугаев, белый попугай и саламандер — жар-птица (павлин)⁴⁵.

Более скромные подарки подносили царю посол и купчина. Дары посла состояли в 2 аргамаках, драгоценных тканях и изделиях из них, коробки с «мимия дарабской», луках, кальяне и т.п. Ещё скромней были подарки купчины, поднесшего 1 аргамака, намет с полами, шёлковые, бархатные, тафтяные ткани, 3 подноса сладостей и др.⁴⁶

Среди даров имелись особо ценимые в Европе восточные лекарства: безуар («дикой коровы безуй»), который считался противоядием от меланхолии, куски «индийского микусу», «мумие», среди восточных духов — эссенция, получаемая из головы рыбы — «морской коровы». В перечне дарений имелось объяснение, что это за вещества и каким способом получают. Безуй «дикой коровы», «которая бывает в горах, зарождается в желутке» — «вещь лекарственная, к чему могут узнавать доктора», мискусы — «коз диких пупки» и т.д.⁴⁷

Среди ответных даров, которые по рангам в виде соболей получили все чины посольства, особое значение имели пожалованные послу собольи шуба и шапка на 370 руб. и серебряный вызолоченный кубок. По обычаю, на отпуске шубу и шапку было положено надевать (аудиенция в 1692 г.), однако теперь, по желанию посла, их заменили мехом (три сорока и пара дорогих соболей), золотной парчой и «венецейским» алым бархатом. За своё личное подношение посол получил 6 сороков соболей на сумму в 800 руб. Купчину отдали, пожаловав 8 сороков соболей на сумму в 600 руб., дворяне и чиновные люди получили по 40, 11, 10, 9 и по паре соболей разной цены. В дальнейшем к подаркам, увозимым послом, присоединили вино и купленные в Астрахани соколов, белых ястребов, калмыцких лошадей (для посла) и, что было в обычае с персидскими посольствами, черкаских ясырей (полоняников или рабынь, по указу до 10 человек)⁴⁸.

⁴⁵ Там же. Л. 10–13об.; 1713. Д. 1. Л. 180–186.

⁴⁶ Там же. 1711–1713. Д. 2. Л. 14–14об.; 1711. Д. 1. Л. 15–15об.

⁴⁷ Там же. 1713. Д. 1. Л. 187–187 об.

⁴⁸ Там же. Л. 408об.–409 об.; 539об.–540.

Среди шаховых подарков наибольший интерес вызывали экзотические звери и птицы. За ним старались ухаживать, однако по дороге до Петербурга пало несколько лошадей, жар-птица и лев.

О слоне, подаренном шахом, следует сказать особо. Ранее такие подарки делались царям Ивану Грозному и Алексею Михайловичу, в 1703 г. слон был привезён для Петра Великого в Астрахань⁴⁹.

Документы показывают, что для устройства слона 1711 г. в Москве и Петербурге строились амбары с печами, в которые для ночного освещения покупалось сало. Вероятно, именно для строения амбара слон был измерен. Подарок оказался огромным — «вышины от спины до земли без четверти пять аршин» (2,67 м), а с хоботом, «как подымет в верх», высотой пол три сажени косых (3,75 м), нога — «толщина кругом» аршин с четвертью (89 см), а длина «от ушей до хвоста» — 4 аршина 3 чети (3,37 м)⁵⁰.

Питание животного обходилось в день приблизительно в 2 руб. 30 алт. 3 д. Дневной рацион могли составить 34 фунта сорочинского зерна (риса) (13,6 кг), 7 фунтов масла коровья (2,8 кг), 7 фунтов патоки (2,8 кг), калачей на 10 алтын. Также покупались соль для соления воды и иногда пуд чеснока. На питьё в день обычно приобреталось ведро вина. Так что в Москву, а затем в Петербург пришёл уже слон-алкоголик. Для защиты от холода «для ненастных дней и дождей» животному покупали «кошму валенную, да две епанчи, да две свяски возжей», затем вновь епанчи и войлоки. Для привязки на попону приобрели чепраки мохнатые и десятый «волоцкий» на хобот, а на подкладки сукно. Для бивней сделаны бляхи из проволоочной меди с позолотой за 6 руб. 26 алт. 4 д.⁵¹ Для мытья слона покупалось мыло (разом 10 фунтов, или около 4 кг) и коровье масло для «мазанья» (полпуда). Когда в мае 1713 г. в Новгороде слон заболел, на лечение пошло «перцу и инбирю и других зелей» 10 фунтов на 9 руб. и ведро доброй водки, и потом в 20-х числах июня «на лекарство от опухоли ног» покупали «гвоздики, корени желтику и иные коренья» и для растворения лекарства 30 фунтов водки⁵². В помощь обслуживавшим животное слоновщикам Маршариру и арапу Кулчерек-аге в России нанимались два касимовских татарина, и для обучения уходу за животным был приставлен мальчик — касимовский татарин Субан⁵³.

⁴⁹ Ведомости времени Петра Великого. М., 1903. Вып. 1. С. 3, 17.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. Л. 164 об.

⁵¹ Там же. 1711. Д. 1. Л. 160–160об., 469об., 492об.

⁵² Там же. 1713. Д. 1. Л. 473, 470 об., 464об., 469об., 471об.—472.

⁵³ Там же. 1711. Д. 1. Л. 503; 1712. Д. 1. Л. 1.

Интересно, что скорость передвижения посольства зависела от того, какое расстояние в день мог пройти слон. Так, из Торжка пристав Зиновьев сообщал в письме канцлеру Г. И. Головкину, что «слон идет только по 28 и по 30 верст в день» и, если идти больше, то будет «опасно для повреждения»; что «в жаркий день медленно идет», что через реки слоновщик-арап по мостам слона не ведёт, а ищет удобный брод, и когда «на больших переправах, а именно на Шоше, слона плавучей мост не поднял», он был переправлен на «вновь зделанном» большом плоту. В Твери через Волгу арап слона на мост не повёл, а «поставя в струг», переправил, а «под селом Медным Тверцу прешли, поставя слона в судно»⁵⁴.

В новой столице привезённый с посольством Фазл Али-бека слон прожил несколько лет и когда в 1717 г. умер, для Кунсткамеры из него было сделано чучело. Упоминания о слоне имеются в дневниках-«журналах» Петра I и А. Д. Меншикова.

Рассмотрение пребывания посольства Фазл Али-бека позволило уточнить ряд имеющихся в литературе неверных данных (сумму всех кормовых, дату прибытия посла в Петербург, место приёмной аудиенции — Старый деревянный дворец Меншикова и др.), а также дополнить картину пребывания посольства в России новыми сведениями (о плане провести приёмную аудиенцию Сенатом, о поездке в Кроншлот и на Котлин, об отсутствии пышной отпусковой аудиенции и др.).

Изучение церемониальной и бытовой стороны персидского посольства показало, что она носила смешанный восточно-европейский характер вследствие того, что предпринималась попытка привнести европейские элементы в традиционные восточные по типу церемониалов публичных въездов и аудиенций, а также расширить «программу» пребывания дипломатов при новом дворе. К этому стоит добавить, что новшества обуславливались также ломавшим дворцовый этикет походным образом жизни русского царя Петра I. Отсюда — приглашение до приёмной аудиенции на празднование годовщины Полтавской виктории, отсутствие отпусковой аудиенции и желание показать новую Россию — её реформированную армию, новую столицу, обустриваемый водный путь от Новгорода до Петербурга, балтийский флот и Кроншлот. Всё это было важным политическим делом, так как показывало иностранным гостям возможность петровской России в международной торговле и её новое положение на международной арене.

⁵⁴ Там же. Л. 4—4об.

Библиография и архивные источники

1. *Агеева О. Г.* Дипломатический церемониал России: XVIII век. М.: Новый Хронограф, 2012. 891, [5] с.
2. *Алексеева М. А.* Гравюра петровского времени. Л.: Искусство, Ленингр. отд-ние, 1990. 206, [1] с.
3. *Бушев П. П.* Иранское посольство Фазл Али-бека // Иранский сборник. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963. С. 33–51. (Краткие сообщения Ин-та народов Азии АН СССТ. № 39).
4. Ведомости времени Петра Великого: В память 200-летия 1-й русской газеты. Вып. 1. М.: Моск. синод. тип., 1903. VIII, 407 с.
5. *Куканова Н. Г.* Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII — первой половине XIX века: По мат-лам рус. архивов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1977. 286 с.
6. *Куканова Н. Г.* Торгово-экономические отношения России и Ирана в период позднего феодализма. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1993. 167, [1] с.
7. Походный журнал 1713 года: [Юрнaлы 1713-го года] / [Под ред. *А. Ф. Бычкова*]. СПб., 1854. 64 с. (Камер-фурьерские и церемониальные журналы).
8. РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1711. Д. 1, 2.
9. *Торопицын И. В.* «Едет он в город Амстердам»: Грамота персидского шаха Хусейна Петру I: 1709 г. // Исторический архив. 2009. № 3. С. 203–207.

Владимир Алексеевич Артамонов
(Москва)

*Старший научный сотрудник
Института российской истории РАН*

Предкавказье и Прикаспий между Россией и Турцией в 1710–1714 годах

Пётр Великий выдвигал четыре глобальных программы: Азово-Черноморскую, Балтийско-Атлантическую, Тихокеанскую и Каспийско-Иранскую с заветом выхода через Среднюю Азию к Индии.

Османская империя тогда оставалась ещё великой евразийско-африканской державой с большим военным и финансовым потенциалом. Её интересы направлялись главным образом на Балканы и Иран.

9 (20) ноября 1710 г. Константинополь, обеспокоенный распространением русского контроля после Полтавской победы на Речь Посполитую, объявил войну России. Русское командование планировало вести военные операции как наступательные — в направлении Балкан, Крыма, Прикубанья, так и оборонительные — в Польше, на Правобережной Украине, у Азова и Таганрога. Наступление в Приазовье против Малой Ногайской орды планировалось вести русскими полками, донцами и калмыками с севера, кабардинцами с юга и даже войсками с запада — с Азовского приморья.

В начале 1711 г. кабардинские князья взяли на себя инициативу восстановления русского подданства и войны с врагами России. 4 марта Пётр I отправил с капитаном Преображенского полка Алек-

сандром Бековичем-Черкасским (погиб в 1717) воззвание всем адыгам от Тамани до Кабарды освободиться от «ига турецкого», перейти в подданство царя и при поддержке калмыков, донских, яицких и гребенских казаков показать «службу и верность против салтана турецкого и хана крымского»¹. Александр Бекович призывал не только адыгов, но и всех горцев Северного Кавказа (кумыков, мичкисов и чеченцев) пойти «в службу» царского величества.

В тот же день, 4 марта 1711 г.² Пётр I предложил основной части калмыцкого войска нанести упреждающий удар — идти на Кубань и в Крым.

Калмыцкое ханство, достигшее при хане Аюке (1642—1724) высшей ступени развития и пика боеспособности, только формально признавало протекторат царя и проводило независимую политику. Аюка балансировал между Москвой, Константинополем и окружавшими его мусульманскими народами. Калмыцкие воины, часть которых имели железные доспехи, легко совершали тысячевёрстные походы и были грозой для ногайцев, астраханских татар, каракалпаков, казахов, туркмен Мангышлака, кумыков Терека, горцев из Кабарды и Дагестана, кубанских татар и башкир Южно-Урала.

Западные монголы не только помогали в боях со шведами, поляками и крымцами, но и подавляли восстания булавинцев, астраханцев и башкир. В 1630-х гг. они оттеснили казахов за р. Эмбу, из междуречья Яика и Волги, изгнали Большую Ногайскую Орду и иногда перебирались на правый берег Волги. В 1655/1657 гг. калмыцкая знать оформила акт о подчинении царю Алексею Михайловичу.

В конце 1703 или начале 1704 г. по поводу восшествия на трон султана Ахмеда III (1673—1736) Аюка отправил «солнцеподобному султану двух материков» акт клятвенного обещания «быть недругом вашему недругу и другом вашему другу», а также обещания верности и службы с напоминанием, что калмыцкие ханы с 1648 г. уже дважды обращались к его предшественникам с просьбой о переходе в османское подданство³. Аюка обещал служить османскому «По-

¹ ПиБ. Т. 11, вып. 1. М., 1962. № 4312; Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: Документы и материалы. Т. 2. М., 1957. С. 3.

² Здесь и далее даты указаны по ст. ст. (юлианскому календарю). — *Прим. ред.*

³ *Лемерсье-Кельеже Ш.* Волжские калмыки между Российской и Османской империями в период правления Петра Великого: По документам Османского архива // Восточная Европа средневекового и раннего нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 261—262.

рогу Счастья», дружить с мусульманами и охранять «победоносные пределы Крымского вилайета»⁴.

С 1708–1710 гг. взамен защиты восточных границ русских земель калмыкам разрешили кочевать вплоть до Дона. Вместе с тем в Москве хорошо знали о тайных контактах Аюки с Бахчисараем. Воеводы с Волги доносили о возможном уходе части калмыков в пределы Крымского ханства, а посол П. А. Толстой из Константинополя писал о связях Аюки с султаном Ахмедом III.

Посланцев, появлявшихся в Константинополе в 1710–1711 гг. от хана Аюки, Порта выслушивала, но не верила, так как де он не «нашей веры». Устное послание Аюки в Константинополь весной 1710 г. о будто бы планируемом антирусском «союзе четырёх племён» — башкир, казахов, каракалпаков и калмыков⁵ следует признать дипломатической игрой.

5 мая 1711 г. адмирал Ф. М. Апраксин ошибочно предположил, что ногайцы Кубанской орды в 1711 г. останутся «смирны», и сообщил, что он также призвал «черкесов» идти вместе с донскими казаками и калмыками «для разорения Кубани». Одновременно ногайцам обещалась и «оборона» России, если они не будут «биться» с русскими войсками. 13 мая 1711 г. брат адмирала, казанский и астраханский губернатор П. М. Апраксин, выступил против Малой Ногайской орды с 6353 чел. солдат и драгун. Часть войск отправлялась на судах по Волге. Вместе с донскими, яицкими казаками и нестроевыми у него было 13 888 чел. Была и артиллерия с 67 служителями⁶.

В июне в Азов прибыли посланцы из Кабарды, которые обнадёжили, что всадников из Черкессии и Кабарды наберётся до 15 тыс., а вместе с ополчением якобы до 30 тысяч. 29 июня 1711 г. на съезде кабардинцев в Большой Кабарде А. Бекович-Черкасский обещал им протекторат русского царя. Кабардинцы просили не оставить

⁴ Отпуск письма османского великого визиря калмыцкому хану Аюке 28 октября 1704 г. (*Рахаев Д. Я.* Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века: Архивные и нарративные источники 1699–1725 гг., российско-османские и российско-персидские договоры первой четверти XVIII века. М., 2012. С. 314–315).

⁵ *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990. С. 48; *Лемерь-Келькеже Ш.* Указ. соч. С. 265, 271.

⁶ *Бранденбург Н. Е.* Кубанский поход 1711 г. // Военный сборник (СПб.). Т. 54, № 3. 1867. № 3. С. 30–32; *Приймак Ю. В.* Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII — первая треть XIX в.). Армавир, 2011. С. 241–242; РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 3. Л. 37об.

«черкесов, ежели будут трактаты с турком к миру», испрашивали погодного жалования и защиты от врагов.

17 июня 1711 г. П. М. Апраксин встретился с калмыцким ханом Аюкой на Ахтубе и тот отправил на ногайцев 20 474 всадника. 27 июня калмыки сошлись с русскими и 3 июля соединённые силы двинулись от Царицына к Азову. 8–10 июля 1711 г. на р. Прут русская армия не была побеждена, сражение было прервано при нерешённом результате, но численное превосходство османов заставляло принять 12 июля тяжёлые условия «бессрочного мира».

С 14 августа 1711 г. П. М. Апраксин стал преследовать ногайцев, уходящих к рекам Ея и Кубань. От р. Бейсуг он выслал в погоню 18 тыс. калмыков, драгун, донских и яицких казаков, а сам с регулярными частями пошёл вверх по Кубани для соединения с кабардинцами, намереваясь дойти до урочища Элан-ачю, где был брод через эту реку⁷.

Первое столкновение 29 августа заставило часть ногайцев бежать за Кубань. Апраксин разорил центр Малой Ногайской орды — Копыл, потом прошёл ещё 86 вёрст вверх по реке и безбожно преувеличил свой успех — пленил якобы 38 560 мужчин и женщин, перебил 11 460 человек и сжёг 20 тысяч (!) деревень. Русские потери убитыми, ранеными и пленными составили 150, калмыцкие — 541 чел.

5 или 6 сентября 1711 г. войска казанского губернатора снова бились недалеко от р. Чала с четырёхтысячной конницей ногайцев, начавшей поход реванша вместе «с кубанцы и абазинцы и воровскими казаками-некрасовцами». Нападавшие потеряли 1400 чел. убитыми и 470 пленными⁸.

За «конечным изнеможением людей и лошадей» казанский губернатор вернулся к Азову, а 14 октября 1711 г. отбыл в Царицын. «Диверсия» против Малой Ногайской орды оказалась запоздавшей и половинчатой. Успех П. М. Апраксина в Прикубанье не сказался на ходе Турецко-русской войны. Напряжённость на южных границах России не исчезала вплоть до межевания русско-турецких границ в 1714 г. От князя А. Бековича-Черкасского в то время поступили сведения, что 5 тыс. кабардинцев отошли от своих жилищ на 100 вёрст и 30 августа на берегу Кубани после короткого боя рассеяли 10 тыс. ногайцев. За противником кабардинцы гнались два часа, перебили 359, пленили 40 человек, захва-

⁷ ПиБ. Т. 11, вып. 1. С. 407.

⁸ Мышлаевский А. З. Война с Турцией 1711 года: Прутская операция: Материалы, извлечённые из архивов. СПб., 1898. С. 198–199.

тили 2700 лошадей. Кабардинцы потеряли 70 человек убитыми и 120 ранеными⁹.

А. Бекович-Черкасский оставался в Кабарде с июня 1711 по июнь 1712 г., пытаясь подключить к борьбе с Крымом кумыков и чеченцев, обещая им русское покровительство и вознаграждение. Те обещали помочь при условии оплаты их воинов, но в целом дело окончилось безрезультатно.

На этом конфликт крымцев и ногайцев с адыгами не закончился. Падишах и крымский хан требовали от кабардинцев повинной за бунт «против своего государя и веры». В декабре 1711 г. «20 000 крымской орды пошло на черкесы для помощи ногайцам от калмык»¹⁰. В 1712 г. в письме к царю кабардинцы писали, что, хотя и против веры, войско ногайцев, в котором было 15 тыс., они били боем и рубили саблями. После сражения кабардинцы ожидали П. М. Апраксина, но тот, не известив их, ушёл назад. В противном случае ни одного татарина на Кубани не осталось бы, и от Тамани до Кабарды и Терека все горцы поддались бы царю. В случае новых ногайских нападений кабардинцы просили поддерживать их терскими казаками и калмыками, потому что Крымская орда «сильнее нас и войска у них премного»¹¹.

После договоров о перемириях с Турцией 5 апреля 1712 и 13 июня 1713 г. Россия потеряла до 98–100 тыс. кв. км территории, а Крымское ханство в результате демаркации границ 13 июля 1714 г. отодвинуло свой «пояс безопасности» на 100–500 км к северу.

В 1713 г. турецкий султан Ахмед III и хан требовали от кабардинцев повиниться за разорение «кубанских жителей» и за войну против «своего государя и веры». Кабардинцы отвечали, что «издавна у русских царей в подданстве». После этого крымцы и ногайцы, «собрать великая войска дважды на нас приходили и мы, сколько могли, от них боронились»¹².

Связи хана Аюки с турками были опасны для Астрахани и северного Прикаспия. Изложенные ниже сведения были вскрыты послом в Константинополе П. П. Шафировым в 1714 г.

Во время Северной войны в Константинополь постоянно прибывали «хивинцы и бухарцы», обещавшие легко взять Астрахань при помощи Аюки: «непрестанно к турецкому двору приезжают по-

⁹ Там же. С. 87.

¹⁰ *Шереметев Б. П., фельдмаршал граф*. Военно-походный журнал 1711 и 1712 гг. / Под ред. А. З. Мышлаевского. СПб., 1898. С. 124.

¹¹ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. С. 9.

¹² *Рахаев Д. Я.* Указ. соч. С. 393–394.

слы узбекские и туркменские <...> Турки их ласкают, <...> чтоб во время случившейся войны у них с Персиею иметь от тех народов помощь против персиян». Со временем эти посланцы предлагали в Константинополе «как бы их употребить и против Царского Величества во время с ним войны». Так сообщал 24 июля 1714 г. П. П. Шафиров.

В 1714 г. некий бухарский бей Атей прислал «духовного человека муллу Мусу». Мулла от имени Атея и живущих при Астрахани бухарцев заверял, что они все желают служить против царя и что они могут Астрахань у русских без всякого труда взять, только бы Порта обещала хану Аюке свою протекцию.

Тогда турки оценили это как авантюру и отвечали, что «Аюке хану не верят, ибо он не их веры и человек непостоянной». Аюка в ответ якобы заявлял, что «он ко вспоможению готов и обще с ними, бухарцы Астрахань могут взять, толко б Порта помыслила как её содержать, и приняли б потом ево, Аюку в свою протекцию и подданство и дали ему место где с своими людьми кочевать»¹³.

О контактах Аюки с турками Шафиров разведал, подкупив некоего эмира бухарца, живущего в Константинополе, который часто бывал в Астрахани. 7 августа 1714 г. Шафиров узнал от него содержание грамоты Аюки к Порте, в которой тот сообщал, что калмыки люди свободные и желают с Портою быть в приязни. Если Порте будет угодно «употребить людей его против кого похочет, и они де могут им против их неприятелей служить, и какие земли Порте или места во область взять». О том же Аюка писал и крымскому хану. Никакого ответа на эту грамоту Али-паша не дал и обещал отпустить посланцев Аюки до 1 сентября.

Русский посол выяснял, нет ли в Константинополе казанских или астраханских татар и ногайцев, кочующих под Астраханью и каково отношение Порты к этим «русским» мусульманам. Эмир-бухарец, судя по его словам, уверил визиря, что на калмык надеяться невозможно, как и на башкир, которые также присылали посланцев к Порте с просьбой о протекции и предоставить им жилище в Крымском ханстве. Знатные же мурзы астраханских ногайцев постоянно пересылаются с ханом Крыма.

Понятна безрезультатность попыток Аюки перейти под турецкий протекторат — для османов калмыцкие степи были менее значимым, чем потерянные ими Морья, Венгрия или Трансильвания. П. П. Шафиров объяснил садразаму, что пользы для турок от по-

¹³ П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 24 июля 1714 г. Получено в Петербурге 3 сентября (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1714. Д. 3. Л. 274–284, 303, 308–309).

добных подданных не будет никакой, «а будут от них непрестанные беспокойства».

Шафиров просил обратить внимание русского правительства на возможный бунт калмыков против царя, чтобы предупредить внезапный захват Астрахани. Тревожась из-за возможных связей с турками казанских, астраханских татар и ногайцев, кочующих под Астраханью, он предлагал не разрешать им посещать Прикаспийский район. По доносу вице-канцлера двух бухарских заговорщиков сослали «на Кольский острог на вечное житьё», а мусульманам России на некоторое время запретили паломничество в Мекку¹⁴.

Поражение в войне с Турцией и боевые действия на Балтике перекрыли «черноморский проект» царя, но активизировали попытки освоения пути в Индию в 1716–1723 гг.

Библиография и архивные источники

1. *Андреев А. А.* Россия и Бухарское ханство в конце XVII — начале XVIII в.: К истории нескольких посольств // Меншиковские чтения—2013. Вып. 9. СПб., 2014. С. 9–25.
2. *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990. 205, [3] с.
3. *Бранденбург Н. Е.* Кубанский поход 1711 г. // Военный сборник (СПб.). Т. 54, № 3. 1867. № 3. С. 29–42.
4. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1957. VII, 424 с.
5. *Лемерсье-Кельеже Ш.* Волжские калмыки между Российской и Османской империями в период правления Петра Великого (по документам Османского архива) // Восточная Европа средневекового и раннего нового времени глазами французских исследователей / Отв. ред. *И. А. Мустакимов, А. Г. Ситдигов.* Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 255–271.
6. *Мышлаевский А. З.* Война с Турцией 1711 года: Прутская операция: Материалы, извлечённые из архивов. СПб.: Воен.-уч. к-т Гл. штаба, 1898. 20, X, 359 с.
7. ПиБ. Т. 11, вып. 1: январь – 12 июля 1711 года. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 605, [2] с.
8. *Преймак Ю. В.* Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешне-политических процессах формирования южных границ России: Конец XVII — первая треть XIX в. Армавир: Полипринт, 2011. 358 с.

¹⁴ *Андреев А. А.* Россия и Бухарское ханство в конце XVII — начале XVIII в.: К истории нескольких посольств // Меншиковские чтения—2013. Вып. 9. СПб., 2014. С. 20.

9. *Рахаев Д. Я.* Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века: Архивные и нарративные источники 1699–1725 гг., российско-османские и российско-персидские договоры первой четверти XVIII века. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 784 с.
10. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1714. Д. 3; Ф. 248. Оп. 1. Кн. 3.
11. *Шереметев Б. П., фельдмаршал граф.* Военно-походный журнал 1711 и 1712 гг. / Под ред. А. З. *Мышлаевского.* СПб.: Воен.-уч. к-т Гл. штаба, 1898. [2], XVIII, 212, 8 с.

Мургазали Серажутдинович Гаджиев
(Махачкала)

*Профессор, заведующий отделом археологии Института истории,
археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН*

Елена Ивановна Иноземцева
(Махачкала)

*Старший научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН*

Николай Дмитриевич Чекулаев
(Махачкала)

*Научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН*

Дербентский гарнизон Низового корпуса Русской Императорской армии (1722–1735): Краткий обзор

Struxerat hanc fortis, tenet hanc sed fortior urbem
«Построил сильный, но сильнееший взял этот город»

*Надпись на Триумфальной арке при торжественном въезде в Москву
Петра Великого 13 декабря 1722 года по возвращении из Персидского похода.
(Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого //
Сб. ОРЯС. Т. 52, №8. 1891. С. 65, 126)*

Военно-политические акции России на Кавказе в конкретной исторической обстановке первой трети XVIII в. по вполне понятным причинам оцениваются как в отечественной, так и в зарубежной историографии Востока и Запада различно, неравнозначно: как «военное столкновение с Персией», решение национальной задачи «обеспечения безопасности юго-восточных рубежей», «своевременное предупреждение турецкого вторжения», «реализация планов Петра I открыть доступ к южным морям» и т.д.¹

¹ Гапуров Ш. А. Каспийский поход Петра I в оценках зарубежных историков // Кавказ и Ближний Восток: От Каспийского похода Петра I до распада державы

Весь ход исторического развития подводил Россию к необходимости существенных преобразований в целях ликвидации её экономической отсталости. И эта объективная необходимость нашла отражение в широких преобразовательных планах государственных деятелей Петровской эпохи. В период правления Петра Великого чётко определились и главные направления внешней политики России. Важной составляющей их явился каспийский вектор её восточной политики.

Северо-Восточный Кавказ являлся регионом, где в течение XVI–XIX вв. происходил многомерный и многосложный процесс вовлечения народов региона в сферу влияния, деятельности, а затем и власти России. В длительном и предельно сложном процессе установления единства с этим этнически и конфессионально мозаичным краем происходила жёсткая борьба противоречивых тенденций, сопровождавшаяся порой их драматическим взаимодействием. Важнейшим звеном в утверждении российской державности в регионе явилось присутствие и деятельность в 1722–1735 гг. на территории Южного и Западного Прикаспия гарнизонов Низового корпуса Русской императорской армии.

Каспийский (Персидский) поход 1722–1723 гг. — масштабная попытка реализации имперских задач внешней политики России на Востоке, её первая серьёзная акция за пределами традиционной сферы её влияния, в регионе другого цивилизационного пространства, в условиях иной социокультурной среды с собственными традициями государственности, религии, культуры.

С августа 1722 г. в течение 13 лет Россия создавала военно-административную имперскую систему на территории Западного и Южного Прикаспия, содержала крупный экспедиционный контингент — гарнизоны Низового корпуса, созданного в 1723 г. и игравшего роль аккумулятора межкавказских отношений, выстраивала отношения с местной элитой, накапливала опыт различных форм взаимодействия с местным населением — от карательных экспедиций и приспособления к местным культурно-историческим традициям до попыток экономического освоения территорий и взаимовыгодного торгового сотрудничества. В результате Персидского похода на западном побережье Каспия были расквартированы гарнизоны Низового корпуса Русской императорской армии, основная часть которых была представлена русскими солдатами и офицерами, а также многочисленными иррегулярными подразделениями

Надир-шаха: Мат-лы Междунар. науч. конф., проведённой в рамках «Года Российской истории». Махачкала, 2012. С. 68–69.

российского казачества. Присутствуя в регионе длительное время и реализовывая свои непосредственные военные функции, они осуществляли ещё широкий спектр деятельности — от строительства фортификационных сооружений и таможенной службы до хлебопашества и торговли. Так или иначе, деятельность гарнизонов, находившихся в окружении и тесном взаимодействии с местными народами, оказывала определённое влияние на автохтонное население края. Генералы и послы, в свою очередь, учились вести дипломатическую игру с местной владельческой элитой и на практике осознавали и оценивали проблемы Кавказского региона, а офицерам и чиновникам приходилось вступать в контакт с чуждым им мусульманским миром и укладом местных народов. Присутствие Низового корпуса в регионе оказывало огромное влияние на политические, торгово-экономические, социальные и культурные процессы в русле сложного, во многом противоречивого, но неизбежно перспективного политического, межэтнического взаимодействия и, можно сказать, межцивилизационного диалога.

Присоединение Западного и Южного Прикаспия сыграло важную роль в истории края и во взаимоотношениях Российской империи с местными государственными образованиями и народами, о чём красноречиво свидетельствует значительный пласт первоисточников «Кизлярского комендантского архива»², хранящегося в Центральном государственном архиве Республики Дагестан (ЦГА РД, г. Махачкала) и до сих пор не попавшего в должной мере в поле зрения историков, и, соответственно, недостаточно введённого в научный оборот.

В отечественной историографии Каспийский поход получил подробное освещение: опираясь на фактический материал архивов, рассмотрены предыстория и предпосылки похода, его ход, результаты. В течение четырёх недель (июль — август 1722) русской армией была занята территория от Аграханского залива до р. Милюкент (р. Рубас) в 20 верстах на юг от Дербента, взятие которого стало

² Уникальное хранилище архивных первоисточников по истории взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией в XVIII—XIX вв., включающее более 8 тыс. единиц хранения. Большая часть материалов на русском языке представляет собой официальные документы российского правительства, указы и распоряжения императора, Сената, Государственной коллегии иностранных дел, переписку комендантов российских крепостей на Северо-Восточном Кавказе с центральными правительственными учреждениями, с местными феодалными правителями, гарнизонные документы и др. (См.: *Гаджиев В. Г.* Архив кизлярского коменданта // Известия Северокавказского научного центра высшей школы (Ростов н/Д.). Сер.: Обществ. науки. 1978. № 2. С. 6—12.

центральным событием этой военной кампании. Столь быстрое её продвижение объяснялось не только тщательной военной и политической подготовкой, многочисленностью, боеспособностью войска и оперативностью предпринимаемых командованием мер, политическими акциями Петра I, но и позицией восточнокавказских владетелей. Политическая ситуация на Восточном Кавказе, а также внутри- и внешнеполитическое положение Иранской державы в правление шаха Султана Хусейна (1694–1722) привели фактически к падению династии Сефивидов после поражения в битве с афганским войском при Гулнабаде в марте 1722 г.

Сам Каспийский марш был весьма непродолжительным: 27 июля 1722 г. Пётр I с армией высадился в устье Сулака, 23 августа без боя торжественно вступил в Дербент, а 5 сентября 1722 г. было принято решение остановить продвижение на юг.

В силу объективных обстоятельств, в условиях сложившейся у Дербента в августе 1722 г. ситуации (гибель в бурю на Каспии двух эскадр с провиантом и артиллерией, эпизоотия, вызвавшая катастрофический падеж конницы, массовое заболевание малярией солдат и, главное, угроза Османской империи объявить России войну) Пётр I предпринял вынужденный политический манёвр — временно приостановил успешно начавшийся поход, оставив гарнизоны в Дербенте, на Рубасе, в Бойнаке и Тарки. В начале сентября продвижение армии было остановлено, решено было повернуть назад, и 29 сентября³ Пётр с основными силами возвратился в Астрахань. В Дербенте гарнизон был оставлен в составе двух батальонов пехоты, позже поименованных как Дагестанский и Дербентский пехотные полки, и 72 гренадёров под командованием полковника А. Т. Юнгера⁴.

Однако Пётр I, как показали дальнейшие события, вовсе не отказывался от претворения своих замыслов на Кавказе. В следующем, 1723 г., русские войска вновь перешли к активным действиям: развернули строительство крепости Святой Крест, провели оборонительные мероприятия в Дербенте, продвинулись далее в южном направлении, взяли Баку, Сальяны, Решт, укрепляли на занятых территориях свои позиции. После подписания российско-персидского Петербургского мирного договора в сентябре 1723 г. на осно-

³ Здесь и далее даты указаны по ст. ст. (юлианскому календарю). — *Прим. ред.*

⁴ Подробнее о пребывании Петра I в Дербенте см.: *Гаджиев М. С. Пётр Великий и Дербент // Петровские памятники России и Европы: Изучение, сохранение, культурный туризм: Мат-лы VII Международного Петровского конгресса. СПб., 2016. С. 232–244.*

ве батальонов, участвовавших в походе и расквартированных на занятых территориях, был создан Низовой корпус Русской императорской армии⁵. Дербентский гарнизон, размещённый в древнем, хорошо укреплённом городе, занял важное место в системе Низового корпуса. Значительная часть гарнизона была размещена в приморской, нижней части города, именовавшейся Дубары (в пер. с перс. — «Две стены») или Шехер-Юнан (в пер. с перс. — «Греческий город»), в возведённом здесь в 1723 г. между двумя городскими стенами земляном укреплении с пятью бастионами (ретраншемент, шанц). Оно изображено, в частности, на «Плане города Дербента», завизированном инженер-подполковником Людвигом Хартунгом и датированном около 1725 г.

Документы фонда 18 «Дербентский комендант», являющегося важной составной частью Кизлярского комендантского архива, характеризуют повседневную жизнь, гарнизонную службу, военную администрацию Дербента, структуру и комплектование гарнизона, систему управления, делопроизводства, снабжения (провиант, амуниция, вооружение), финансирования, освещают денежное и фуражное жалование, таможенную и налоговую функции, взаимоотношения с местным населением, а также организацию и функционирование военного суда, медицинское обеспечение, участие контингента в фортификационно-строительных работах, в боевых действиях и др.⁶

Большую ценность представляют также документы ЦГА РД из фондов «Походная канцелярия генерал-лейтенанта В. Я. Левашова» (фонд 340), «Походная канцелярия генерал-лейтенанта фон Венедиера» (фонд 348), «Походная канцелярия штаба Низового Корпуса» (фонд 366) и др., в которых представлены документы военного делопроизводства, освещающие жизнедеятельность гарнизонных войск, отражающие, в частности, процесс формирования контингентов, комплектования, снабжения и финансирования Дербентского и других гарнизонов Низового корпуса.

Гарнизон Дербента во главе с комендантом состоял из двух частей: регулярные пехотные и драгунские полки с инженерной и артиллерийской командами и нерегулярные войска — подразделения Донского, Яицкого и Черкасского казачьих войск. За свою 13-летнюю историю 1722–1735 гг. в зависимости от складывавшей-

⁵ Подробнее см.: *Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия: 1722–1735. М., 2010.

⁶ *Иноземцева Е. И., Чекулаев Н. Д., Муртазаев А. О.* Дербентский комендант: Основные характеристики архивного фонда // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12, вып. 1. С. 300–302.

ся политической ситуации гарнизон претерпел не одно структурное преобразование.

За всё время существования Дербентского гарнизона обязанности комендантов исполняли: полковник (с 1725 — бригадир) А. Т. Юнгер (29.08.1722—18.03.1728), бригадир фон Лукей (18.03.1728—01.1729), полковник А. П. Девиц (1731), подполковник И. М. Безобразов (1731), полковник кн. М. М. Барятинский (лето 1731—29.03.1733), полковник Н. И. Ступишин (29.03—20.10.1733), полковник Я. М. Ломан (20.10.1733—09.1735).

По данным архива, Дербентский гарнизон первоначально состоял из прибывших в Дагестан с Петром I Рязанского, Вологодского, Преображенского, Семёновского, 1-го Гренадерского, 2-го Гренадерского, Ингерманландского, Московского, Тобольского, Галицкого, Выборгского, Петербургского, Сибирского, Капорского, Астраханского батальонов⁷. 9 июня 1724 г. из них были сформированы полки. В числе девяти полков из Нижегородского и Рязанского пехотных батальонов был сформирован Дербентский пехотный полк, ставший ядром Дербентского гарнизона⁸.

Кавалерийские части гарнизона состояли из небольшой команды драгунских полков, состав которой в соответствии с военно-политической обстановкой подвергался различной корректировке. До 1733 г. их насчитывалось семь, к 1735 г. их количество было сокращено до четырёх⁹. Кроме того, Дербентский гарнизон включал нерегулярные казачьи войска, состав которых был текучим. Документы архива «Дербентский комендант» донесли до нас многочисленные данные о наличии разных составов казачьих войск в период 1722—1735 гг.¹⁰

Рядовой состав гарнизона был укомплектован в основном за счёт рекрутского набора, однако существовали и некоторые другие источники его пополнения. Документы архивного фонда позволяют нам реконструировать процесс укомплектования Дербентского гарнизона.

В российской армии, как и во всех армиях, большое внимание уделялось образованию корпуса офицеров, который выступал очагом боеспособности армии. В дальнейшем ротация командного состава происходила регулярно¹¹.

⁷ ЦГА РД. Ф. 18: «Дербентский комендант». Оп. 1. Д. 160. Л. 78—87.

⁸ Там же. Д. 8. Л. 5; Д. 30. Л. 58.

⁹ Там же. Д. 166. Л. 66.

¹⁰ См.: Там же. Д. 19, 70, 83, 151, 163 и др.

¹¹ Там же. Д. 70. Л. 66; Д. 31а. Л. 56—57.

Архивные документы воссоздают процесс выборов на офицерском собрании наиболее достойных претендентов на вакантные офицерские должности¹². Офицерский корпус Дербентского гарнизона был многонациональным, т.е. в числе офицеров присутствовали и иностранцы, поступившие, прибыв в Россию, на военную службу. Как известно, приём иностранных офицеров на русскую службу был закреплён царским указом от 23 сентября 1703 г. Немало из них навсегда остались в России, положив начало многим известным офицерским династиям. Большое их число приняло участие в Каспийском (Персидском) походе императора и среди них, в частности, хорошо известный своим подробным описанием «новоприобретённых провинций» майор Иоганн Гербер, полковники Андрей Девиц, Леопольд де Беаусобри, «полковник иноземец Андрей Томасов сын Юнгер», который был первым комендантом Дербента, а затем назначен оберкомендантом Астрахани, бывший в Дербенте комендантом и скончавшийся «от ран» бригадир фон Лукей и др.¹³

Система военно-гражданского управления гарнизонов Низового корпуса и в т.ч. Дербентского гарнизона имела соответствующую иерархическую структуру: император—сенат—коллегии—астраханский губернатор—главнокомандующий Низовым корпусом—генералитет—комендант гарнизона—командир полка. Все наиболее важные политические и военные распоряжения исходили от императора; все текущие политические, гражданские, военные указы издавались правительственными учреждениями: Сенатом, Военной, Иностранных дел и др. коллегиями; вся «вновь завоёванная» территория Западного Прикаспия была включена в состав Астраханской губернии.

Вся полнота военной, административно-гражданской, политической власти, как в самом городе-крепости Дербенте, так и в его ближней и дальней исторической округе за много верст от города была сосредоточена в руках коменданта. Он, исполняя императорские и правительственные указы, приказы командующих и генералитета Низового корпуса, проводил в жизнь на подчинённой ему территории задачи и цели кавказской политики России. Он же осуществлял финансово-хозяйственные функции. По требованиям Военной Коллегии дербентский комендант обязан был ежемесячно представлять в коллегиям: «1) рапорты с описанием о людях и лоша-

¹² Там же. Д. 155. Л. 8; Д. 22. Л. 86–88; Д. 8. Л. 36; Д. 79. Л. 6.

¹³ См.: *Курукин И. В.* Указ. соч. С. 178.

дах, прибыли и убыли; 2) ведомости о дербентских денежных доходах, какое число оных в приходе и расходе; 3) рапорты о провианте и фураже; 4) ведомости о штаб и обер-офицерских вакансиях; 5) статейные списки содержащихся под караулом; 6) рапорты на присланные императорские указы с указанием об их исполнении; 7) рапорты о провианте и фураже, об рационных деньгах¹⁴.

Дербентский комендант, как глава военного гарнизона, представлял интересы российского правительства в дипломатическом взаимодействии с сопредельными Ираном и Турцией, во взаимоотношениях с окрестными феодальными владельцами и народами, выдавал жалование, подарки и награды владельцам, признавшим подданство России, принимал их присягу, обеспечивал содержание аманатов из подвластных кавказских владений, оказывал содействие посланникам, дипломатам, русским разведчикам в Иране, следовавшим через Дербент или в Дербент, всем необходимым (конвоем, лошадьми, денежной казной и др.), содержал сеть соглядатаев-агентов, отслеживавших обстановку в сопредельных горских владениях и т.д.

После подписания Петербургского договора, по которому России отходили «в вечное владение города Дербень, Баку, со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, також де и провинции Гилянъ, Мазандаранъ и Астрабат», российскому командованию, военачальникам на местах вменялось в обязанность немедленно приступить к сбору податей и пошлин с населения «вновь приобретённых» владений в царскую казну¹⁵.

«Петровский марш» в Дербент существенно изменил порядок налоговых и пошлинных сборов. Феодальные повинности, существовавшие при Сефевидах, были сохранены, но в то же время российским военным командованием была проведена большая организационная работа по упорядочению таможенных сборов, регистрации явок, выдаче тамг, паспортов, проездных билетов, по устройству гостиных дворов, ярмарок и базаров. Чётко стал регламентироваться объём пошлин за ввоз и вывоз товаров. Дербентскому коменданту вменялось в обязанность следить за строгим выполнением установленного правопорядка, что должно было способствовать торгово-хозяйственной деятельности в регионе, процессу инкорпорации налого-

¹⁴ ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 78. Л. 26; Д. 151. Л. 83; Ф. 340. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.

¹⁵ Магомедов Н. А. Дербент и Дербентское владение в XVIII — первой половине XIX в.: Политическое положение и экономическое развитие. Махачкала, 1998. С. 207, 208, 210, 213, 216.

вой и таможенной системы Дербентского владения в экономику России.

По свидетельству первоисточников, взимались налоги с караван-сараев, «рыбных ловель», торговые пошлины с продажи шёлка, хлопка, «за продажной хлеб», за ячмень, пшеницу, просо, за продажу табака, масла, сыра, меда, кишмиша, солода, мыла, подати за откуп «рахтару», «шёлковых заводов», а также сошные деньги (с каждой сохи по 10 коп.), пастушные и т.д.

Деятельностью таможи управляли военные чины Дербентского гарнизона. Штаб- и обер-офицеры Дагестанского и Дербентского пехотных полков несли дежурство на дербентской таможне, контролируя поступление сборов в казну. Согласно «Ведомости» о пошлинных сборах за период с 1 сентября 1725 по 1 января 1727 г. казна получила 1616 руб. 15 коп.; с ноября 1726 по 1730 г. доход казны от пошлинных сборов составил 47 218 руб. 70 коп.; в 1730-е гг. доход составил уже 76 445 руб. 59 коп.¹⁶

Бесспорно, экономические факторы в восточной политике России играли значительную роль, без уяснения которой трудно понять глубинные причины российской активности в Западном и Южном Прикаспии. Огромное значение для укрепления позиций России на Востоке имела торговля с прикаспийскими областями Ирана, в том числе вошедшими в состав России. Один из векторов сложного комплекса различных по характеру, но взаимосвязанных вопросов программы восточной политики России — овладение стратегической инициативой для перемещения восточной торговли с Европой на Волжско-Каспийскую магистраль, перехват огромных доходов от «шёлкового транзита» мирового значения у Османской империи¹⁷. По меткому замечанию И. В. Курукина, в XVII—XVIII вв. в международной экономике роль шёлка отчасти напоминала роль нефти в современной международной торговле: войны крупнейших морских держав Франции и Англии вызывали существенные скачки цен на шёлк¹⁸.

Пошлинные сборы за провоз и продажу шёлка-сырца, с производства шёлковых тканей в Южном и Западном Прикаспии составляли немаловажную статью доходов, в частности, Дербентской та-

¹⁶ ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 17, 20, 21, 31.

¹⁷ *Иноземцева Е. И.* «Шёлковый транзит» из Персии через Дагестан и Россию в Европу — важный фактор развития российского торгового судоходства на Каспии в XVIII веке // Вестник Дагестанского научного центра. № 42. 2001. С. 69–73.

¹⁸ *Курукин И. В.* Указ. соч. С. 20.

можни, о чём достаточно красноречиво свидетельствуют документы архивного фонда «Дербентский комендант».

Как уже подчёркивалось, российское военное руководство Дербента обладало всей полнотой как военной, так и гражданской власти на подчинённой территории. Его полномочия были достаточно широкими, и правительственные указы предоставляли им право в случае необходимости корректировать свои действия в зависимости от складывающейся на тот момент политической обстановки.

Характерной особенностью управления Дербентом в период пребывания Западного Прикаспия под властью Российской империи было то, что с установлением над городом российского правления во главе с комендантом прежняя местная администрация в лице наиба Имам Кули-бека сохранилась. 2 сентября 1722 г. была пожалована грамота Петра I дербентскому наибу об утверждении его правителем г. Дербента. За мирную сдачу города и объявление покорности Пётр I пожаловал дербентскому наибу чин генерал-майора и установил ему постоянное денежное довольствие за счёт казны. Пожалованием его в чин генерал-майора дербентской милиции ему было предоставлено начальство над дербентской «персидскою» милицией. Кроме того, император выдал жителям Дербента жалованную грамоту, которой, в частности, даровал им свободу торговли в России, и ещё одну грамоту Имам Кули-беку с пожалованием ему своего портрета с алмазами и тысячи червонных. Содержание наиба, юзбашей и дербентских «служивых» обходилось государственной казне 10 600 рублей деньгами и хлебом из «персидских доходов»¹⁹.

В связи с радикальными преобразованиями экономики России в начале XVIII в., начало которым было положено Петром Великим и продолжено его последователями, происходили изменения и в монетарной системе империи, направленные на её упорядочение. В связи с этим в обязанности комендантов были вменены меры по изъятию из наличного оборота устаревших денежных знаков, а именно «денег 1713, 1718, 1726 гг., серебряных гривенников, пятикопеечников и копеек, а также малых медных копеек, денежек, полушек в казну, в сборы не принимать, ни в какие торги и на покупку съестных припасов не употреблять, и велено эти деньги, собрав, отправить в Военную Коллегию»²⁰.

¹⁹ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год: [В 3-х ч.] Ч. 1. СПб., 1869; Русско-дагестанские отношения. XVII — первая четверть XVIII в.: Сб. док-тов / Сост. Р. Г. Маршавев. Махачкала, 1958. С. 259–260, 270, 277–278.

²⁰ ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 151. Л. 24.

На основании указов императрицы Анны Иоанновны и командующего Низовым корпусом комендант занимался изъятием в Дербенте у населения и в полках «неходячей монеты» и должен был следить за тем, чтобы она не употреблялась в обороте. Командующий Прикаспийскими владениями России и главнокомандующий войсками на Кавказе генерал-майор, принц Л. Гессен-Гомбургский, резиденция которого находилась в укреплении Св. Креста, в 1733 г. на основании императорских указов требовал от коменданта подавать ему «ведомости о наличии в дербентских полках в казенной сумме подлежащих к вымену из народа неходячей монеты», которую надлежало по приказу генерал-майора А. Б. Бутурлина отсылать в Москву. В том же году дербентский комендант полковник Н. И. Ступишин отправил в Москву «неходячей монеты» на сумму 1 016 рублей 66 коп.²¹

По распоряжению правительства России изымались имевшие хождение в регионе серебряные монеты любого иностранного происхождения. Так, персидская монета (шахи, аббаси) подлежала исключительно обмену на российскую монету. Комендант занимался отправкой из Дербента в Москву подлежащей в переделку персидской монеты в российскую монету: так, 13 марта 1732 г. было отправлено персидской монеты всего лишь на 18 рублей 48 коп., а 31 октября 1733 — уже на 3 835 рублей²².

На основе указа Петра II от 7 июня 1729 г. комендант следил за тем, чтобы «купеческие люди, так и маркитанты, провиант кроме Дербента, Баку и прочих мест, где есть русские гарнизоны, в другие места, в том числе и в горы, не доставляли», и для контроля за исполнением указа коменданту велено было не выдавать купцам паспорта в те земли, а для большей уверенности в исполнении указа выделять для купцов воинский конвой²³.

По указу Анны Иоанновны от 1 апреля 1732 г. дербентскому коменданту, полковнику князю М. М. Бяратинскому было поручено следить, чтобы купцы в Дербенте привезённое железо под страхом наказания не продавали бы местным жителям, а использовали его только для своих нужд и нужд гарнизона. 19 августа 1732 г. императрица уведомила дербентского коменданта о введении запрета на продажу дагестанцам стали и свинца. Указом от 25 ноября 1732 г. императрица обязала коменданта не пропускать к горцам железо, желез-

²¹ Там же. Д. 7. Л. 7–8; Д. 165. Л. 7; Д. 168. Л. 20–21, 53; Д. 151. Л. 148; Д. 167. Л. 56.

²² Там же. Д. 168. Л. 8–9; Д. 83. Л. 22; Д. 78. Л. 94.

²³ Там же. Ф. 382. Оп. 1. Д. 21. Л. 45.

ные изделия²⁴. Запрещено было продавать дагестанцам и другие стратегические товары — оружие, боеприпасы, лошадей и т.д. под страхом сурового наказания²⁵. Так, обозный Дербентского пехотного полка Семён Басов и солдат Степан Глатков продали в марте 1732 г. местным сталь, но так как они «совершили оное преступление без умысла, а по простоте», им смягчили приговор — били батогами²⁶.

Следует отметить, что одним из действенных методов кавказской политики Российской империи, проводниками которой в Дагестане в рассматриваемое время были коменданты российских крепостей, являлся метод «экономического рычага». Он заключался в том, что российские региональные власти в лице комендантов, используя огромный спрос в регионе на различные материалы и изделия и, прежде всего, на металлы, в особенности на железо, которое поставлялось из России, разрешали отпуск большего или меньшего количества металла тому или иному дагестанскому владельцу в зависимости от его лояльности или позитивных взаимоотношений с российскими властями. Железо долгое время, вплоть до конца XVIII в., относилось к числу «заповедных», т.е. запрещённых к вывозу на Восток товаров. Коменданты призваны были зорко следить за надлежащим исполнением на местах требований правительства²⁷.

Дербентскому коменданту вменялось в обязанность содержать и выплачивать из средств таможенных доходов и пошлинных средств денежное жалованье аманатам (заложникам) от местных владельцев и союзов обществ²⁸. Так, в 1726 г. находившимся в Дербенте в качестве аманатов сыну правителя (майсума) Табасарана Муртузали выдавалось по 10 руб. на месяц, столько же его служителям «на прокорм» и племяннику майсума Селилмагамету «со служителями» также 10 руб. на месяц²⁹. В том же году столько же — 10 руб. в месяц — платили сыну утамышского владельца Исмаилу, а детям знатных узденских семей из аула Баршли — по 5 руб.³⁰ 14 июня 1726 г. аманатам, которые были присланы в Дербент от генерал-майора Г. С. Кропотова, «карайтацкому Алхану Давыдьеву и служителям его да Чапана-шавкала узденьям его Баммату дано 1 котел

²⁴ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 97. Л. 15–15об., 288; Д. 140. Л. 32–32об.; Д. 95. Л. 1; Д. 38. Л. 10; Д. 5. Л. 1–1об.

²⁵ Там же. Д. 38. Л. 10.

²⁶ Там же. Д. 96. Л. 21; Д. 140. Л. 32.

²⁷ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 147.

²⁸ ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 169. Л. 16.

²⁹ Там же. Д. 24. Л. 2.

³⁰ Там же. Д. 16. Л. 1; Д. 20. Л. 4 об-б.

и 1 руб. 80 коп., на 10 коп. пшена Сорочинского, их лошадям ячменя на 40 коп. Итого 2 руб. 40 коп.»³¹.

Заметим также, что Пётр II своим указом от 11 января 1728 года обязал коменданта Дербента встречать приезжающих в Дербент высоких иностранных особ пушечной пальбой по уставу³².

Российским войскам, расквартированным в 1723 г. в Прикаспии, в частности, Дербентскому гарнизону, по многозначительному выражению главнокомандующего князя В. В. Долгорукова, предстояли «работы великие, партии непрестанные»³³, что и показали дальнейшие события. Генералы и офицеры, столкнувшись с многообразием народов Дагестана, с различными формами их социального устройства, с многочисленными феодальными образованиями и «вольными обществами», должны были быть готовыми к любому противостоянию и стремиться к установлению союзных и дружеских отношений, учитывая, что «дагистанцы люди храбрые и поспешны на конях, все оруженны оружием огненным, добрыми саблями и многие в панцирях...», а из них «... те, которые близ Дербеня живут, люди обходительные и мало вежливые, а те, далее к горам живущие, люди дикие и непотребные...»³⁴. Союзные отношения с местными владельцами были особенно важны в условиях нестабильной обстановки в Дагестане и в целом на Восточном Кавказе, острого противостояния на Кавказе России, Ирана и Турции, обострившегося в 1730-е гг., что, в частности, выразилось в походе летом 1733 через Прикаспийский Дагестан крымского хана Каплан-Гирея и калги Фетхи-Гирея, исполнявших указ турецкого султана Махмуда «выступить против персов и привлечь к себе горские племена Северного Кавказа от устья Кубани до русской границы и идти к Дербенту»³⁵, во вторжении на Восточный Кавказ и в Дагестан в августе-сентябре 1734 г. иранских войск Надир-шаха и др.

В 1735 г. Россия, втянутая в войну за польский престол, из-за угрозы войны с Турцией, с целью установления союзнических отношений с Ираном выразила готовность пойти на территориальные уступки и вывести войска из Прикаспийских провинций, приобретённых в результате Персидского (Каспийского) похода Петра I.

³¹ Там же. Д. 20. Л. 4 об-б.

³² Там же. Д. 22. Л. 9.

³³ Цит. по: *Курукин И. В.* Указ. соч. С. 184.

³⁴ *Гербер И. Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря: 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы. М., 1958. С. 76, 102, 105.

³⁵ Цит. по: *Сотавов Н. А.* Крах «Грозы Вселенной» в Дагестане. 2-е изд., расш. и доп. Махачкала, 2013. С. 127.

10 марта 1735 г. во время войны между Ираном и Турцией и накануне русско-турецкой войны 1735–1739 гг. был заключён Гянджинский договор между Россией и Ираном, по которому Россия, в частности, обязалась вывести свои войска за реку Сулак. Главнокомандующий российскими войсками, генерал-аншеф В. Я. Левашов начал вывод гарнизонов Низового корпуса. Одними из последних в сентябре 1735 г. оставили свои позиции Дербентский и Дагестанский полки, составлявшие основу Дербентского гарнизона. По Высочайше утверждённому определению Сената 5 февраля 1743 г. «Об укомплектовании флота четырьмя полками: Дербентским, Дагестанским, Сальянским и Бакинским» названные полки были расформированы для пополнения команд Балтийского флота³⁶.

В 2014 г. в ходе охранно-спасательных археологических работ в Дербенте было открыто и исследовано кладбище Дербентского гарнизона, располагавшееся рядом с земляным укреплением в нижней части города (Илл. 2). В результате раскопок было изучено около 240 погребённых — в основном рослые мужчины в возрасте 35–45 лет³⁷. После антропологического исследования их останки 22 января 2015 г. были торжественно преданы земле на воинском кладбище Дербента³⁸. По неполным данным, сохранившимся в документах фондов ЦГА РД, людские потери в Дербентском гарнизоне за 1722–1735 гг. по основным и прикомандированным батальонам составили 2909 чел. убитых и 3071 чел. умерших.

Авторами настоящей статьи подготовлено к изданию монографическое документальное исследование об истории Дербентского гарнизона, базирующееся в основном на архивных материалах фонда «Дербентский комендант» ЦГА РД³⁹, который представляет собой важный информационный ресурс для изучения истории Низового корпуса Русской императорской армии.

³⁶ См.: *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Регулярная пехота: 1698–1801: Боевая летопись: Организация; Обмундирование; Вооружение; Снаряжение. М., 1995. С. 262–281; ПСЗ-1. Т. 11: 1740–1743. СПб., 1830. № 8700. С. 759–762.

³⁷ *Будайчиев А. Л., Абиев А. К., Гаджиев М. С., Абдуллаев А. М.* Охранно-спасательные раскопки в Дербенте // Археологические открытия — 2014. М., 2016. С. 218–220; *Малашев В. Ю., Селезнёв А. Б., Таймазов А. И., Фризен С. Ю.* Кладбище Дербентского гарнизона Низового корпуса (1722–1735 гг.) // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции XXIX Крупновские чтения. Грозный, 18–21 апреля 2016 г. Грозный, 2016. С. 287–288.

³⁸ В Дербенте с воинскими почестями перезахоронили останки русских воинов, погибших в гарнизоне Петра I. (Электронный ресурс: https://www.youtube.com/watch?v=EJzoYE2P_00; дата обращения 08.12.2018).

³⁹ *Иноземцева Е. И., Чекулаев Н. Д., Муртазаев А. О.* Указ. соч. С. 300–302.

Библиография и архивные источники

1. *Будайчиев А. Л., Абиев А. К., Гаджиев М. С., Абдуллаев А. М.* Охранно-спасательные раскопки в Дербенте // Археологические открытия — 2014. М.: Наука, 2016. С. 218–220.
2. *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год: [В 3-х ч.] Ч. 1. СПб.: Тип. Имп. АН, 1869. [4], XXVI, 548 с.
3. В Дербенте с воинскими почестями перезахоронили останки русских воинов, погибших в гарнизоне Петра I // Youtube: Новости в России. (Электронный ресурс: https://www.youtube.com/watch?v=EJzoYE2P_00; дата обращения 08.12.2018).
4. *Гаджиев В. Г.* Архив кизлярского коменданта // Известия Северокавказского научного центра высшей школы (Ростов н/Д.). Сер.: Обществ. науки. 1978. № 2. С. 6–12.
5. *Гаджиев М. С.* Пётр Великий и Дербент // Петровские памятники России и Европы: Изучение, сохранение, культурный туризм: Мат-лы VII Междунар. Петровского конгресса. СПб.: Европейский Дом, 2016. С. 232–244.
6. *Гануров Ш. А.* Каспийский поход Петра I в оценках зарубежных историков // Кавказ и Ближний Восток: От Каспийского похода Петра I до распада державы Надир-шаха: Мат-лы Междунар. науч. конф., проведённой в рамках «Года Российской истории». Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН АЛЕФ, 2012. С. 67–74.
7. *Гербер И. Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря — 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы / Под ред. *М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева*. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 60–120.
8. *Иноземцева Е. И.* «Шёлковый транзит» из Персии через Дагестан и Россию в Европу — важный фактор развития российского торгового судоходства на Каспии в XVIII веке // Вестник Дагестанского научного центра. № 42. 2001. С. 69–73.
9. *Иноземцева Е. И., Чекулаев Н. Д., Муртазаев А. О.* Дербентский комендант: основная характеристика архивного фонда // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки (Краснодар). № 12, вып. 1. 2014. С. 300–302.
10. *Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия: 1722–1735. М.: Квадрига; Объед. ред. МВД России, 2010. 375, [9] с.
11. *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Регулярная пехота: 1698–1801: Боевая летопись; Организация; Обмундирование; Вооружение; Снаряжение. М.: АСТ, 1995. 293, [2] с.
12. *Магомедов Н. А.* Дербент и Дербентское владение в XVIII — первой половине XIX вв.: Политическое положение и экономическое развитие. Махачкала: Тип. ДНЦ РАН, 1998. 247 с.
13. *Малашев В. Ю., Селезнёв А. Б., Таймазов А. И., Фризен С. Ю.* Кладбище Дербентского гарнизона Низового корпуса (1722–1735 гг.) // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. Мат-лы

науч. конф. XXIX Крупновские чтения. Грозный. 18—21 апреля 2016 г. Грозный, 2016. С. 287--288.

14. *Нартов А. К.* Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Сб. ОРЯС. Т. 52, п°8. 1891. С. 1—138 (8-я паг.) (Прилож. к: Записки Имп. АН. Т. 67, п°6. 1891).
15. ПСЗ-1. Т. 11: 1740—1743. СПб., 1830. № 8700 от 5.2.1743. С. 759—762.
16. Русско-дагестанские отношения: XVII — первая четверть XVIII в.: Документы и материалы / Сост. *Р. Г. Маршаев*. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. 334, [2] с.
17. *Сотавов Н. А.* Крах «Грозы Вселенной» в Дагестане. 2-е изд., расш. и доп. Махачкала: Эпоха, 2013. 304 с.
18. ЦГА РД. Ф. 18: Дербентский комендант; Ф. 340: Походная канцелярия генерал-лейтенанта В. Я. Левашова; Ф. 382: Комендант крепости Святого Креста.

Елена Ивановна Иноземцева
(Махачкала)

Старший научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН

О союзниках России в западном Прикаспии в 1722–1735 годах

В правление Петра Великого определились три основных вектора внешней политики Российского государства, которые можно назвать по наименованиям морей — балтийский, черноморский и каспийский, или по названиям стран — шведский, османский (турецкий) и персидский. Заключение в 1721 г. Ништадского мирного договора, завершившего победную Северную войну (1700–1721) и закрепившего за Россией выход к Балтийскому морю, позволило Петру I, принявшему вслед за этим титул «Императора Всероссийского» и провозгласившего Россию империей, перенести все усилия внешней политики на юго-восточные рубежи. Экономические причины и внешнеполитические устремления вызвали необходимость осуществить давно задуманный «Персидский поход» с целью овладения Западным Прикаспием, упрочения на восточных рынках, овладения стратегической инициативой для перемещения восточной торговли с Европой на Волжско-Каспийскую трансконтинентальную торговую магистраль, перехватив доходы от «шёлкового транзита» мирового значения у Османской империи и Персии.

После проведения тщательной военно-дипломатической подготовки к активным действиям на Кавказе Пётр I приступил к реализации мероприятий по отправке войск в район Астрахани. Зимой 1721–1722 гг. была сформирована экспедиционная армия — буду-

щий Низовой корпус, в состав которой входили: регулярная пехота, драгунская конница с командой чугуевских «новокрещённых» калмыков, артиллерийские подразделения, а также донское, малороссийское и яицкое казачество, калмыцкая конница, иррегулярные подразделения кабардинских князей, казанских татар, несколько позже — армянские и грузинские вооружённые отряды.

Владельцы Большой Кабарды Эльмурза Бекович-Черкасский, поручик русской службы, младший брат погибшего в Хиве верного сподвижника Петра I поручика гвардии Александра Бековича-Черкасского и Малой Кабарды Асламбек Келеметов присоединились со своей конницей к корпусу Андрея Ветерани, двигавшемуся из Царицына.

Чугуевские «новокрещённые калмыки», поселённые на рубеже XVII–XVIII вв. в Слободской Украине под Чугуевской крепостью, присоединились к походу с мурзой Данилой Бухарениным и ротмистром Андреем Бормотовым также в составе корпуса под командованием А. Ветерани. С ними же двинулись донские казаки¹.

Терское казачество, представленное терскими низовыми и гребенскими казаками, являлось одним из субъектов сложного и противоречивого процесса складывания историко-культурной общности на Северном Кавказе. Первые сведения о месте пребывания вольных казаков в регионе встречаются в царской грамоте 1581 г., где указывается, что «беглые казаки <...> живут на Тереке, на море». В своих донесениях в XVI–XVII вв. царские воеводы постоянно путали гребенских и терских низовых казаков и называли их общим именем «терские казаки». По численному составу терское казачество было непостоянным: оно свободно пополнялось прибывшими с Волги, Дона, с кавказских гор, которые также свободно уходили в другие облюбованные ими места².

Формировалось оно из разных компонентов — этнических, региональных, социальных и т.д. Основу составляли беглые «сходцы» из России и казахи сообщества с Дона и Волги. Со временем казачество всё больше попадало под влияние московских воевод и постепенно, утратив свою самостоятельность, стало привлекаться к государственной службе. Казаки контролировали торговые и стратегические пути, сопровождали посольства, помогали кабардинским князьям — союзникам России, защищали возникшие россий-

¹ Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия: 1722–1735. М., 2010. С. 54–55.

² Подробней см.: *Заседателяева Л. Б.* Терские казаки (середина XVI — начало XX в.): Ист.-этногр. очерки. М.: Изд-во моск. ун-та, 1974.

ские городки и остроги от нападений турецких, крымских и иранских отрядов и пр.³

К началу XVIII в. терское казачество по течению Терека образovalo целую сеть «городков» и укрепленных пунктов, возведенных в междуречье Терека и Койсу (р. Сулак), которые послужили основанием будущей Терской кордонной линии. Здесь ещё в XVI в. был создан по просьбе грузинских и кабардинских князей, искавших у Русского государства защиты от турецкой экспансии, Терский город (Терки). Выполняя пограничную службу, Терский город являлся форпостом восточной политики Русского государства, центром дипломатических связей с кавказскими феодальными владетелями, Грузией, Ираном.

Порубежное служилое казачество России в целом на протяжении веков являлось универсальным родом вооруженных сил. Будучи великолепными наездниками, умело применявшими в боях различные, выработанные поколениями тактические приемы, казачья конница выступала серьезной военной силой. Прекрасно осознавая это обстоятельство, Пётр I возлагал определённые надежды на участие казачества в проведении в жизнь своих планов на юго-восточных рубежах государства. В 1721 г. казаки передаются в ведомство образованной в 1719 г. Военной коллегии, и с этого времени начинается качественно новый период в истории казачества вообще и терского казачества, в частности.

В Прикаспии постоянно находились казаки, несшие военную службу и занимавшиеся разными работами. Все казаки, кроме терских, сменялись через один, два или три года. Но если вначале в регионе постоянно находилось 5000 малороссийских казаков, то потом их число сократилось до 1000 и, наконец, до 500. Ко времени Персидского похода 1722 г. там было расквартировано 2000 донских, 500 яицких, 1000 терских и 500 гребенских казаков. Кроме того, сюда был командирован один из ранее расформированных (в 1719) ландмилицких полков, состоящий из 1500 чел. рядовых (10 рот по 150 чел.), и Компанейский полк гетмана Даниила Апостола численностью до 10 000 казаков. Казаки, несмотря на непривычный климат, тяжесть несения воинской службы и хозяйственной деятельности, были надёжной опорой на кавказской границе⁴.

³ *Гарунова Н. Н.* Казачьи городки и крепости в низовьях Терека в XVII–XVIII вв.: Мифы и реальность. Махачкала, 2016. С. 57–59.

⁴ *Иноземцева Е. И.* Казачество России в контексте крупномасштабной внешнеполитической акции Низового корпуса императорских войск в юго-западном Прикаспии (1722–1735 гг.) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2016. № 2(46). С. 13–16.

В силу ряда объективных обстоятельств, а именно из-за сложившейся у Дербента непредвиденной ситуации, связанной с потерей в бурю двух эскадр с провиантом и боеприпасами, эпизоотией в коннице и малярией среди солдат, а также угрозой Османов объявить России войну, Пётр I вынужден был временно приостановить поход. В начале сентября 1722 г. российская армия, оставив гарнизон в Дербенте, двинулась во главе с императором в обратный путь. 20 сентября (ст. ст.) Пётр I заложил на левом берегу Сулака, в 20 км от устья, небольшой ретраншемент. В этих местах и была построена мощная по тем временам шестибастионная крепость Святой Крест — главная российская «фортеция» на Северном Кавказе. Первый гарнизон был составлен из регулярной пехоты, 1000 донских и 500 яицких казаков, сменявшихся ежегодно. В крепости, первым комендантом которой был полковник Л. Я. Соимонов (1722—1723), находилось и командование российских войск, расположенных между реками Курой и Терек⁵. На казаков в Прикаспии возлагались «работы великие, партии непрестанные»⁶. Кроме того, отряды казаков численностью по 100—200 чел. несли пограничную службу. Они же выполняли почтовую и курьерскую работу.

Со второй половины XVII в. развивались взаимообусловленные отношения Калмыцкого ханства с Русским государством, которое предоставило калмыкам территории для кочевания, обеспечило им взаимовыгодные условия для торговли, не вмешивалось во внутренние дела ханства. Русское правительство уважало и ценило дружественные отношения и верную службу калмыцких тайшей. Большое значение придавалось их участию в защите рубежей Российского государства от вторжений Крымского ханства⁷.

Калмыки, как и казаки, не знавшие себе равных в искусстве джигитовки, также умело применявшие в боях нерегламентированные никакими уставами тактические приёмы, оригинальную систему разведочной и сторожевой службы, являлись значимой военной силой. Высокая маневренность и стремительность калмыцкой конницы не могли не привлекать внимания Петра I, имевшего определённые планы на их участие в Персидском марше. Высокие боевые качества калмыцкой конницы, проявлявшей «отменную храбрость»,

⁵ *Гаджиев В. Г.* Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979. С. 68—69; *Чекулаев-Братчиков Н. Д.* Низовой корпус на Кавказе: история гарнизона Крепости Святого Креста (1722—1735 гг.). Махачкала, 2011.

⁶ Цит. по: *Курукин И. В.* Указ. соч. С. 187.

⁷ Очерки истории Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период. М., 1967. С. 62.

снискали себе заслуженную славу и у российских властей, и у союзников России в Северной войне. Отмечая участие калмыков в разгроме шведских войск под Полтавой, Пётр I благодарил их, пожаловал им и донским казакам 20 тыс. руб.⁸ Естественно, что в своих будущих грандиозных планах Пётр I не мог не рассчитывать на поддержку своих испытанных союзников в лице калмыцкого хана Аюки и его «калмыцких ратных людей».

Для непосредственного участия в Персидском походе Пётр I 13 мая 1722 г.⁹ выехал из Москвы в Астрахань. По пути, в начале июня, близ Саратова Пётр I принял хана Аюку, который прибыл к нему на императорский бот «Ингерманланд» с женой и детьми. Петра I в походе сопровождала супруга, и, согласно дипломатическому этикету, хан Аюка был приглашён для встречи с императором с семьёй, что свидетельствовало об особом отношении и большой заинтересованности императора, видевшего в хане своего надёжного союзника в осуществлении внешней политики на юго-восточных рубежах Российского государства.

В ходе переговоров об участии калмыков в походе Пётр I просил хана выделить 10-тысячную конницу. Но на тот момент хан Аюка не располагал такой возможностью. Кстати сказать, по вопросу о численности участвовавших в Персидском походе калмыков существуют разноречивые данные, и наиболее близкой к действительности считается цифра в 4000–4500 чел.¹⁰

Уже в 1722 г. калмыцкая конница активно включилась в боевые действия в составе Низового корпуса Императорской армии. После ухода вслед за Петром I основных сил императорской армии калмыцкие отряды продолжали нести военную службу в регионе. Они, как и казаки, участвовали в строительстве крепости Святой Крест на Тереке и в других фортификационных работах.

Известия о смерти могущественного императора в начале 1725 г. спровоцировали осложнение обстановки в Прикаспии. В Петербурге, узнав о «великих беспокойствах» на Кавказе, спешно предпринимали шаги для выправления ситуации. И снова важное место отводилось калмыцкой и казачьей коннице. Так, в мае 1725 г. предполагалось собрать 13 500 «нерегулярных» казаков и калмыков¹¹.

Оценив сложившуюся в регионе обстановку, командующий Низовым корпусом генерал-лейтенант М. А. Матюшкин созвал конси-

⁸ ПиБ. Т. 9, вып. 2. М., 1952. С. 1009–1010.

⁹ Здесь и далее даты указаны по ст. ст. (юлианскому календарю). — *Прим. ред.*

¹⁰ Очерки истории Калмыцкой АССР... С. 162.

¹¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. № 380. Л. 27об.

лиум, на котором было принято решение о карательной экспедиции «над супротивными и недоброжелательными ко империи Российской». В кампании приняли участие 11,5 тыс. чел., в том числе 7 421 «пригодных для отражения набегов и поисков трудноуловимого неприятеля казаков и калмыков»¹².

Ещё в 1723 г. на русской службе появилась конная армянская команда из 50 всадников, служивших сначала «на своем коште» под командованием её организатора, армянского коммерсанта и деятеля национально-освободительного движения Петра Сергеева (Петроса ди Саргиса Гиланенца)¹³. Образование эскадрона происходило на фоне борьбы армянского народа против господства Персии и Турции в 1720-х гг. Эскадрон был образован в июне 1723 г. путём слияния его команды с отрядами Айваза Абрамова и Мхитара Ахиджаненци, оказавших помощь в продвижении русских войск в Гиляне — Мазандеране¹⁴. Год спустя на русской службе оказались и грузины-«милитинцы». В 1724 г. Пётр Сергеев погиб «при атаке Рящя (г. Решт. — *Е. И.*) от кызылбаш», и «армянским конным шквadroном» стал командовать ротмистр Лазарь Христофоров (Агазар ди Хачик)¹⁵. В 1726 г. «конные армяне» находились на службе в гарнизонах Решта, Баку и Дербента.

В декабре 1727 г. 50 конных армян и грузин отличились в победном бою с афганцами. В том же году командующий Низовым корпусом генерал-аншеф кн. В. В. Долгоруков произвёл за боевые заслуги Лазаря Христофорова в майоры, а в следующем — в подполковники. Во главе «грузинцов» в 1724—1727 гг. стоял «дарага» Элизбербег, а в 1728 г. — ротмистр Рафаил Парсандабеков. Эти части и их командиры состояли на жалованье, но служили «со своим оружием и лошадьми», не входили в состав регулярной армии и в рапортах учитывались отдельно. В мае 1727 г. кн. Долгоруков доносил в Верховный тайный совет, что Христофоров и его бойцы «охотно служат, и лошадей, ружье всем драгунам покупают на свои деньги; лошадей содержат на своем коште...». Командующий просил наградить храброго командира, который, «оставив свои товары и торговлю, в содержание конных драгун все свое имущество продал...»¹⁶.

¹² Цит. по: *Курукин И. В.* Указ. соч. С. 144.

¹³ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 63. Л. 402—403.

¹⁴ *Арутюнян П. Т.* Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. М., 1954. С. 211—212.

¹⁵ *Чекулаев Н. Д.* Армянские эскадроны в составе русских войск 1723—1724 гг. // Военно-исторический журнал. № 12. 2008. С. 76.

¹⁶ Цит. по: *Курукин И. В.* Указ. соч. С. 240—241.

Заметим, что на «Плане города Дербента», завизированном инженер-подполковником Людвигом Хартунгом и датированном около 1725 г., рядом с пятибастийным ретраншементом Дербентского гарнизона в нижней части города показана достаточно обширная «Грузинская слобода» (обозначенная литерой Н), рядом с которой обозначена и церковь. Можно полагать, слобода служила местом расквартирования грузинских всадников, несших службу в Дербенте.

Численность армянского и грузинского континентов не была постоянной. В состав армянского эскадрона вливались другие армянские отряды. Павел Зиновьев (Погос Петросович Зенец) вступил в ряды русской армии ещё в 1722 г., а спустя три года организовал в Астрахани отряд добровольцев и был отправлен в Баку, откуда поддерживал связь с карабахскими «сыгнахами». Он был удостоен чина подполковника. В 1725 г. в Гиляне присоединился со своим отрядом к русским войскам Палабек Пасауров, а в 1730 г. — Авраам (Абрам) Салага-юзбаши и уроженец Карабаха Григорий Степанов¹⁷.

В начале 1727 г. в распоряжении генерал-поручика В. Я. Левашова в Гиляне находились 76 армян и 18 грузин, а в конце следующего года на службе числилось уже 145 грузин и 247 армян; в декабре 1731 г. командующий рапортовал о состоявших на службе 94 грузинах и 341 армянине¹⁸. После сдачи Гиляна по Рештскому договору 1732 г. часть из них перестала нести службу, но многие ушли вместе с русской армией за Куру и продолжали службу в её рядах. В 1733 г. под командованием полковника Лазаря Христофорова состояли 167, а в отряде ротмистра Палабека Пасаурова — 38 конных армян; в подчинении у майора Рафаила Парсандабекова находились 89 грузин, а у Бадур-бека Экалапашилова — 72 грузина. Их жалованье составляло 600 руб. у полковника, 300 руб. у майора, 15 руб. в год у рядовых¹⁹.

Армяне не только участвовали в боевых действиях — они служили переводчиками, гонцами, разведчиками. В 1724 г. В. Я. Левашов писал канцлеру графу Г. И. Головкину, что доставленные армянами «ведомости» о турецких военных приготовлениях и ходе военных действий верны²⁰. Информация поступала к командующему от купцов, ходивших с караванами по всему Ирану. Так, в октябре 1727 г. Хотча Иванов рассказал в канцелярии генерал-поручика Левашова

¹⁷ Чекулаев Н. Д. Армянские эскадроны в составе русских войск... С. 76–77.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1727. № 13. Л. 1об.

¹⁹ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. № 439. Л. 1010–1012.

²⁰ См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1724. № 4. Л. 3б.

обо всём, что видел во время четырёхмесячного перехода из «Вавилона» в Тебриз, а затем из Тебриза в Решт. Новости доставляли и доверенные люди из других городов Ирана. Сдавая дела преемнику в 1733 г., генерал передал ему связи и имена не раз «в верности опробованных армяней» — Маска Захарова из Исфахана, Назарета Манукова и Ивана Танэсагулева из Шемахи, Ивана Сарапионова из Гянджи²¹.

Гянджинский русско-иранский договор 1735 года, предусматривавший вывод императорских войск за Терек и возвращение Ирану прикаспийских провинций (территория нынешних Азербайджана и Дагестана), резко изменил положение военных чинов, составлявших армянский эскадрон, в связи с требованием Надир-шаха вернуть в его государство состоявших на русской службе грузин и армян. Многие армяне просили российские власти не допускать их возвращения в Иран, и такая просьба была удовлетворена. При выходе императорской армии за Терек они получили «отпуск, хлеб и жалованье». Многие военнослужащие армянского эскадрона вместе с российскими войсками выехали оттуда в Россию. Некоторые из них прибыли в Санкт-Петербург, другие — остались в Кизляре и Астрахани.

П. Г. Бутков свидетельствовал: «Грузины и армяне, суть те, которые по доброй воле служили россиянам в Гиляне в числе 700 человек. Быв оттуда переведены 1730 года в Дербент, а в 1733 года в крепость Святой Крест, они купно с поселившимися у крепости ... [армянами] для торговли состояли теперь в 450 семьях. Военных отпускали на свободу, но 1736 года по прошению начальника их генерал-майора Лазаря Христофорова, с товарищами 112 человеками... поселены при Кизляре, с получением земли под пашню»²². Армянская диаспора возникшей тогда «Притерской Армении» оказала большое влияние на социально-экономическое и культурное развитие Кизлярщины, в частности, Притеречья — в целом²³.

В 1735 г., когда крепость Святой Крест была упразднена, жители её Грузинской слободы были переселены в Кизляр, туда же перевели и Грузинский эскадрон, находившийся в составе российской армии, в котором на тот момент насчитывалось 198 человек. Со временем число грузинского населения кизлярского квартала «Курце-аул» (т.е. Гурджи-аула — «Грузинского аула». — *Е. И.*) увеличи-

²¹ Курукин И. В. Указ. соч. С. 241.

²² Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб., 1869. С. 155.

²³ См.: Аганесова Д. В., Суздальцева И. А. Армянские общины Дагестана в XVIII–XIX вв. Махачкала, 2007.

валось. Российская администрация края всё делала для того, чтобы «... им потребные земли дать и в полезное состояние привести»²⁴.

Черкесский квартал, или «Черкес-аул» Кизляра был населён кабардинцами, переведёнными сюда из крепости Святой Крест, у стен которой были поселены 300 кабардинских семей — подданных князя Эльмурзы Черкасского. Весной 1722 г. в начале Каспийского похода поручик кн. Эльмурза Бекович-Черкасский находился в царской свите. В июне в Астрахани Пётр I издал «манифест» для народов Северного Кавказа, и князь Бекович-Черкасский был отправлен с этим воззванием в Кабарду, чтобы убедить местных князей принять участие в военном походе Петра I.

Большая часть кабардинцев продолжала служить России в составе кабардинской конницы, входившей в состав Кизлярского гарнизона. Командовал ими как в военном, так и в гражданском отношении генерал-майор кн. Эльмурза Бекович-Черкасский²⁵. Они несли не только воинскую службу, но и встречали и провожали послов, выполняли дипломатические миссии. Русские местные власти высоко ценили воинские качества кабардинцев: «оныя люди добрые и к войне храбры»²⁶.

В 1737 г. во время русско-турецкой войны полковник Эльмурза Бекович-Черкасский во главе Кизлярского казачьего войска трижды ходил в походы против крымского войска. Он оставил после себя восемь сыновей, пятеро из которых избрали военную службу в Кизляре. Четвёртый сын, приняв православие, в 1790 г. в чине полковника стал командовать, как и его отец, Терско-Кизлярским войском.

Что касается казанских татар, то в связи с упразднением в 1735 г. крепости Святой Крест в числе переселенцев из укрепления в зону Кизляра среди «служилых людей» упоминаются и казанские татары. Тогда-то они и составили в кизлярской городской черте особый квартал, получивший название «Казанте-аул». На Кавказ они попали из Казани «как люди охотчие к военному делу». В числе участников Персидского похода упоминаются и татары-«охотники» (добровольцы. — *Е. И.*), использовавшиеся в качестве переводчиков-толмачей. У местного населения они получили наименование «казанцы»²⁷.

²⁴ Цит. по: *Гарунова Н. Н.* Указ. соч. С. 157.

²⁵ *Гарунова Н. Н., Чекулаев-Братчиков Н. Д.* Российская императорская армия на Кавказе в XVIII веке: История Кизлярского гарнизона (1735–1800 гг.). Махачкала, 2011. С. 67.

²⁶ Цит. по: *Гарунова Н. Н., Чекулаев-Братчиков Н. Д.* Российская императорская армия... С. 65.

²⁷ *Бутков П. Г.* Указ. соч. С. 156.

В заключение отметим, что наряду с армянским и грузинским эскадронами в составе Низового корпуса в 1730 г. по указу императрицы Анны Иоанновны был сформирован Сербский гусарский полк под командованием черногорца, майора Ивана Албанеза²⁸ (в документах: Албанд; Албанец; Албан-бек. — *Е. И.*) численностью в 459 сабель, которые мигрировали в Россию ещё в 1723 г. Однако в скором времени сербы, не выдержав тяжёлых условий службы в Низовом корпусе (непривычный климат, болезни, проблемы со снаряжением, задержка жалованья. — *Е. И.*), обратились с просьбой отпустить их. 10 мая 1732 г. в ответ на это обращение сербов был издан «Высочайше утвержденный доклад Военной Коллегии» № 6062, из которого следовало, что Сербский гусарский полк переводился из Низового корпуса в Россию²⁹. Сам майор Албанез умер в Низовой крепости в конце 1731 г.³⁰

Подводя итог, необходимо отметить, что предпринятая автором попытка показать союзников России в Западном Прикаспии, в том числе принявших участие в Каспийском (Персидском) походе и несших службу в гарнизонах Низового корпуса в 1722–1735 гг., далеко не исчерпывается приведённым материалом. За рамками настоящей статьи остались, например, непростые отношения российских властей с ногайскими мурзами и дагестанскими феодальными владетелями, как например, с влиятельным князем, шамхалом Тарковским Адиль-Гиреем, который сначала являлся союзником Петра I, но в дальнейшем пошёл на разрыв отношений и предпринял ряд антироссийских акций³¹.

Библиография и архивные источники

1. АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1724. № 4; 1727. № 13; 1732. № 5.
2. *Аганесова Д. В., Суздальцева И. А.* Армянские общины Дагестана в XVIII–XIX вв. Махачкала: Аганесова, 2007. 244 с.

²⁸ ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 172. Л. 90; Д. 13, Л. 1–4; Д. 99. Л. 72–89 (Сербский гусарский полк – сербское кавалерийское формирование в Российской Императорской Армии в 1723–1783).

²⁹ ПСЗ-1. Т. 8: 1728–1732. СПб., 1830. С. 882.

³⁰ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1732. № 5. Л. 11.

³¹ *Чекулаев Н. Д.* Разрыв шамхала Адиль-Гирея с русскими властями, его причины и последствия // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2006. № 1. С. 26–36; *Демир Ш., Сотавов М. Н.* Шамхал Адиль-Гирей в кавказской политике Петра I: Феномен сотрудничества и противостояния // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 14–21.

3. *Арутюнян П. Т.* Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 304 с.
4. *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб.: Тип. Имп. АН, 1869. XXVI, 548 с.
5. *Гаджиев В. Г.* Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979. 271 с.
6. *Гарунова Н. Н.* Казачьи городки и крепости в низовьях Терека в XVII–XVIII вв.: Мифы и реальность. Махачкала, 2016.
7. *Гарунова Н. Н., Чекулаев-Братчиков Н. Д.* Российская императорская армия на Кавказе в XVIII веке: История Кизлярского гарнизона (1735–1800 гг.). Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М. А.), 2011. 162, [1] с.
8. *Демир Ш., Сотавов М. Н.* Шамхал Адиль-Гирей в кавказской политике Петра I: Феномен сотрудничества и противостояния // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 14–21.
9. *Заседателева Л. Б.* Терские казаки (середина XVI — начало XX в.): Ист.-этногр. очерки. М.: Изд-во моск. ун-та, 1974. 423 с.
10. *Иноземцева Е. И.* Казачество России в контексте крупномасштабной внешнеполитической акции Низового корпуса императорских войск в юго-западном Прикаспии (1722–1735 гг.) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2016. № 2(46). С. 13–16.
11. *Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия: 1722–1735. М.: Квадрига; Объед. ред. МВД России, 2010.
12. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. 375, [9] с.
13. ПиБ. Т. 9: [Январь–декабрь 1709], вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1952. [3], С. 532–1620.
14. ПСЗ-1. Т. 8: 1728–1732. СПб., 1830. С. 882. № 6062 от 19.5.1732. С. 822.
15. РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 63; Ф. 248. Оп. 7. № 380; Оп. 8. № 439.
16. ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 13, 99, 172.
17. *Чекулаев Н. Д.* Армянские эскадроны в составе русских войск 1723–1724 гг. // Военно-исторический журнал. 2008. № 12. С. 76–77.
18. *Чекулаев Н. Д.* Разрыв шамхала Адиль-Гирея с русскими властями, его причины и последствия // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2006. № 1. С. 26–36.
19. *Чекулаев-Братчиков Н. Д.* Низовой корпус на Кавказе: История гарнизона Крепости Святого Креста (1722–1735 гг.). Махачкала: [Б.и.], 2011. 208 с.

Игорь Владимирович Курукин
(Москва)

*Профессор кафедры истории России средневековья
и нового времени Историко-архивного института
Российского государственного гуманитарного университета*

Управление «новоприсоединёнными провинциями» после Персидского похода 1722–1723 годов: Имперские надежды и восточные «обычайи»

Планируя свои действия на юге, Пётр I стремился установить протекторат над Грузией и Арменией, «вернуть» на Россию древний путь торговли шёлком. В устье Куры царь хотел создать «большой купеческой город, в котором бы торги грузинцев, армян, персиян, яко в центре, соединялись и оттуда бы продолжались до Астрахани»; порт предполагалось строить и в Дербенте. Император рассчитывал на два с лишним млн рублей годовых поступлений (из Ширвана, Гиляна, Мазандерана и Астрабада) — что составляло почти треть дефицитного российского бюджета¹. От командующих император требовал «сборы всякие денежные и всякую экономию в полное состояние привести» и данных о производстве сахара, добыче меди и нефти, фруктах, шафране и других товарах².

¹ Составленный 2 октября 1723 г. (ст. ст.) иранским послом Измаил-беком «реестр» доходов уступленных провинций насчитывал 2 млн 250 тыс. руб. (См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 94. Л. 306–307).

² Приказы и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину // Русский вестник. № 4. 1868. С. 606; *Соловьёв С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 9: История России с древнейших времён. Т. 17–18. М.: Мысль, 1993. С. 371.

В работе 2010 г. мне уже приходилось писать о том, что эти надежды не оправдались. Однако действия военной администрации в течение 12 лет стали масштабным экспериментом по организации управления заморскими владениями, отличавшимися от метрополии природными условиями, образом жизни и культурой его обитателей. Документы Кабинета и Коллегии иностранных дел из АВПРИ показывают, как давалось российской элите осознание специфики «персидских» и кавказских дел.

В Гиляне с его оседлым населением генералу В. Я. Левашову удалось подавить «бунты», вспыхнувшие после объявления этой провинции российским владением. Местная знать — «юзбаши и беки» — сохраняли при условии лояльности свои земли, иногда и посты. Одни из них служили верно, как дербентский наиб Имам Кули. Другие рассчитывали на собственное возвышение и, не получив желаемого, «изменяли» (как астаринский Муса-хан), перебегая во владения непризнанного шаха или к туркам. Бакинский юзбаши Дергах Кули-бек сдал город русским, затем вошёл против них «в конспирацию» и бежал. В 1727 г. он получил прощение и вернулся, но в том же году вновь «ушёл» — теперь уже на службу к шаху; однако в 1732 г. получил прощение, возвратился и жил в своём селении. Таких приходилось прощать: «Умные его не вижу» — писал А. И. Румянцев о Дергах Кули-беке в Москву в 1730 г., а Левашов в 1733 возражал против того, чтобы выдать Дергах Кули-бека по требованию Надира, поскольку «он не персидской, а российской человек»³. Прекратились и высылки «бунтовщиков» в Россию на каторгу, осуществлявшиеся по указам Петра I в 1724–1725 гг. Высланным же разрешили вернуться — не без помощи В. В. Долгорукова, который привёз с собой из Ирана прошения об «отпуске» от бакинских «старейшин». В 1729 г. Коллегия иностранных дел снарядила в обратный путь 88 человек бакинцев и гилянцев.

Хуже было то, что власти столкнулись с неприятием чужого господства в стране с устойчивыми традициями государственности. В. Я. Левашов в письме к вице-канцлеру А. И. Остерману из Гиляна от 28 апреля 1725 г.⁴ недоумевал: «И наше им внушение и разглашение, и обнадеживание, и угрождение, и наказание, и смертные казни, и злу начальных бунтовщиков домов огнем спаление ничто пользует; и многовременное наше увещание не на благу землю, но на камень падает и не укореняетца»⁵. Новый командующий Низо-

³ *Ашурбейли С. Б.* Очерк истории средневекового Баку: VIII — начало XIX в. Баку, 1964. С. 259–260; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1734. Д. 19. Л. 1об.–2об.

⁴ Здесь и далее даты указаны по ст. ст. (юлианскому календарю). — *Прим. ред.*

⁵ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1725. Д. 9. Л. 8–9.

вым корпусом генерал-аншеф князь В. В. Долгоруков не понимал «персидскую самую глупость»: отчего они довольны победами завоевателей-афганцев над турками, но не желают принять «протекции российской»⁶? После первых побед шаха Тахмаспа и его полководца Надира над афганцами и турками «почали являтца развратные и возмутительные письма, и народы шатаютца», — докладывал Левашов летом 1730 г.⁷

В Дагестане ситуация была ещё более сложной. «Горские» территории Дагестана, как признавали власти, «не платят податей никому и платить не будут»⁸. Под угрозой вторжения в их «деревни» или из собственных «видов» местные владельцы (кайтагский уцмий Ахмед-хан, чеченские мурзы Казбулат и Метев, владелец Аварии Умма-хан, кубинский хан Хусейн Али) присягали на верность. Однако формальная декларация лояльности не влекла за собой никаких последствий — тем более, если конкретный владелец находился вне досягаемости российских штыков. Более того, Левашов видел прямой ущерб престижу власти от такого фиктивного «подданства»: «Усмей хану кайтацкому с ево народом и протчим таковым сначала в приласкание немалое вашего императорского величества жалованье отпускаетца, от которых народов никакой службы не имеетца, но еще по своему тщеславию и по гордости рассуждают, якобы помянутое им жалованье под образом отних страха отпускается, чем и других развращают и хвалятца, что они и аманатов не дают и сами за жалованьем не ездят, а денги берут по прихотям своим. А которые, яко дербенской и мушкурской и шабранской магалы в близости при россиянах пребывающие и всякую вашего императорского величества службу и протчия исправляют и полки у себя при квартарах имеют, а вашего императорского величества жалованье и награждения не имеют, и о таковых верных отдаленные народы с посмеянием разглашают, что якобы лутче в отдалении быть и денги брать, а ничего не служить»⁹. Поэтому наиб Дербента при «жаловании» в 3 тыс. требовал целых 7 тыс. руб., да ещё и «ханского чина», который пришлось ему даровать.

Вольные горцы отговаривались от какой-либо «службы», если она не соответствовала их интересам — зато охотно шли в «бездель-

⁶ Там же. 1727. Д. 8. Л. 4об.

⁷ Там же. 1730. Д. 14. Л. 23об.

⁸ См.: Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря — 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.: Архивные материалы. М., 1958. С. 71, 77–88, 90, 92, 101, 104–105.

⁹ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1733. Д. 3. Л. 49об.–50.

ной и разбойничий промысел», то есть в набеги на Грузию или в иную «турецкую порцию» и даже требовали их санкционировать. Однако Левашов понимал и результат запрета подобных акций: «За удержание их по худому их состоянию соболезненно им имеецца»; отсутствие «разбоев» вынуждает горцев просить «безстыдно и безсовестно о жалованье и о подарках»¹⁰. При этом любые поощрения и разовые выдачи в награду они «принимали в оклад» — и требовали отныне платить больше. Генерал стремился выручить попавших в рабство во время набегов христиан — грузин и армян, но признавал, что в принципе торг «ясырями»-невольниками «отнюдь отнять невозможно»¹¹. Российские власти понимали и то, что владельцы не были неограниченными государями и в случае же серьёзных предприятий должны были получить одобрение со стороны влиятельных беков и союзов сельских обществ. Порой приходилось иметь дело и с представителями таких обществ «Андийской земли», «народе простом и диком», и его выборными старшинами¹².

Иные влиятельные князья уклонялись от российского «подданства», как Сурхай-хан Казикумухский, или «изменяли», как тарковский шамхал Адиль-Гирей. Карательные экспедиции были относительно эффективны только в предгорьях, но всё же население успевало уйти в леса и горы при приближении войск: «ничего невозможно тайно учинить» — жаловался Левашов¹³. Выход он предлагал коменданту Баку генерал-майору А. де Брильи такой: объявить о подготовке похода на того же Сурхай-хана, о чём «богомерзкий варвар» непременно узнает, и отложить очередной набег¹⁴.

Обычным средством обеспечить верность вольных горцев служило «аманатство», когда дети или младшие родственники владельцев отправлялись в резиденции российских «командиров». Однако в 1731 г. генерал-майор Д. Ф. Еропкин докладывал о том, что «нет пользы в аманатчиках»: во-первых, к ним приезжают родственники со «съестными припасы», и о происходящем в крепости «в горах бывает ведомо»; во-вторых, аманаты не гарантируют верности их отцов и других старших родичей, а потому лучше отправлять заложников в Астрахань.

Оставалось платить за лояльность незаслуженное жалование и давать подарки: в 1729 г. командующий в Баку генерал-майор

¹⁰ Там же. Л. 220–220об.

¹¹ Там же. Л. 27об.

¹² Там же. 1732. Д. 12. Л. 10–10об.

¹³ Там же. 1734. Д. 4. Л. 365об.

¹⁴ Там же. 1732. Д. 14. Л. 60–60об.

А. И. Румянцев таким образом раздал мехов и тканей на 2 499 руб. Приходилось действовать традиционным имперским образом, чтобы «горские народы между собою согласия не имели» — благо этническая и социальная пестрота Дагестана и соперничество вождей затрудняла возможность их согласованных действий.

Прямое силовое воздействие было нежелательным. Посланный в январе 1732 г. в Кабарду с поручением поймать или убить представителя «крымской партии» Араслан-бека Кайтукина поручик Резанов доложил, что приказ выполнить невозможно. Левашов согласился с подчинённым и доложил в Петербург: у кабардинцев есть «замерзелой обычай... безконечно отмщение иметь», а потому предпочтительнее договориться с «изменником» о прощении его вины с принесением присяги и отдачи сына в аманаты — что в итоге и произошло¹⁵. В следующем году командующий был озабочен тем, что сын сосланного шамхала Будаи взял в жёны дочь «в верности сумнительного» уцмий Ахмед-хана. Для предупреждения образования враждебной «партии» Левашов обратился к брату-сопернику Будаи Казбулату и внушил ему, чтобы тот «сам над ним, чтоб ему не мешал, промысл чинил». После пира в «деревне Казанышках» подосланный Казбулатом татарин «в ночи помянутого плута Будаи кинжалом изрезал». По завершении операции генерал через верных людей тайно вручил Казбулату тысячу руб., а официально передал ему «владетельство Будаево»¹⁶.

Однако присяга и царские милости не удерживали горских предводителей от «измены» (за которой обычно следовало всемилостивейшее прощение); в традициях «вольной» службы эти «бунты» не представлялись ими преступлением, тем более по отношению к иноверцам. Относительно «верные» прямо говорили, что присяга «бывших бунтовщиков не довольно укрепляет, ибо оную преступить без вреду совести со всеми можно».

Указ от 10 ноября 1733 г. требовал от командующего корпусом дать ответ на два принципиальных вопроса: 1) смогут ли его войска при «добром состоянии» солдат и офицеров действовать наступательно; 2) можно ли в случае активных военных действий рассчитывать на помощь местных «владельцев» в будущих боях с турками, «ежели тамошней народ подарками и обнадеживанием милости в службу присовокупить».

Высшие чины корпуса (генерал-лейтенант М. И. Леонтьев, генерал-майоры А. де Брильи, И. И. Бибиков, А. Б. Бутурлин,

¹⁵ Там же. 1733. Д. 3. Л. 24, 29–29об., 30–30об., 61.

¹⁶ Там же. 1733. Д. 3. Л. 127об–128.

Д. Ф. Еропкин) были единодушны: «уповать» на местных ханов и «знатных» невозможно — они «народ весьма непостоянной»¹⁷. В донесении от 25 января 1734 г. В. Я. Левашов подвёл итог обсуждения: «собрание азиатских войск» без поддержки регулярных частей бесполезно и даже опасно — «готовых себе неприятелей получим, понеже азиатской лехкомысленной народ всегда сильной стороны смотрит и по неблагодарствию ни на какие обдолжения не взирает». «Милости» и деньги расточать бесполезно, можно лишь давать «невеликое» жалование, «чтоб от рук не отходили». Не оправдались надежды на поддержку «христиан — армяне сражаются с турками в горных теснинах, но их силы разъединены, начальники «величавы и завистны» и не могут избрать единого авторитетного «владельца». Армянские и грузинские купцы годятся в «шпионы», но заботятся прежде всего о прибыли; «великие и хитрые подходы чинить умеют», чтобы не платить пошлин¹⁸.

В итоге 29 октября 1734 г. императрица сообщила Левашову об окончательном решении «от понесенных поныне персидских тягостей единожды освободиться». Договор с Ираном был подписан 10 марта 1735 г. и возвращал «Баку и Дербент, и с подлежащими землями, деревнями, по-прежнему, Иранскому государству». Молодая империя оказалась ещё не готова к освоению и управлению отдалёнными заморскими провинциями, которые пришлось «не без великого убытку и тягости содержать».

Библиография и архивные источники

1. АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1734. Д. 19; 1725. Д. 9; 1727. Д. 8; 1730. Д. 14; 1732. Д. 12; 1733. Д. 3; 1734. № 10.
2. *Ашурбейли С. Б.* Очерк истории средневекового Баку: VIII — начало XIX в. Баку: Изд-во АН АзССР, 1964. 336 с.
3. *Гербер И. Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.: Архивные материалы / Под ред. *М. О. Косвена* и *Х.-М. Хашаева*. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 60—120.
4. Приказы и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину // Русский вестник. Т. 74, п^о 4. 1868. С. 590—615.
5. РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 94.
6. *Соловьёв С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 9: История России с древнейших времён. Т. 17—18. М.: Мысль, 1993. 671, [1] с.

¹⁷ Там же. 1734. № 10. Л. 33—38, 38об.—40, 41—43об., 44—47, 47об.—50, 51—53об.

¹⁸ Там же. Л. 54об.—55, 56—57об.

Татьяна Александровна Лаптева
(Москва)

*Заместитель начальника отдела
Российского государственного архива древних актов*

Дербент в составе Российской империи:
Письма коменданта полковника
А. Т. Юнгера в Кабинет Е.И.В.
(1722–1725)¹

29 мая 1714 г. капитан-поручик Преображенского полка Александр Бекович-Черкасский подал Петру I доношение, в котором предлагал привести «под область» России горские народы между Чёрным морем и Каспийским, чтобы не допустить перехода их под власть Турции. Делать это надлежало «не пропуская времени», поскольку от Турции были посланы посланцы к «вольным князьям», и в случае их согласия перейти под турецкую «руку» для России возникла бы опасность на южных границах и были бы прерваны торговые коммуникации. Черкасский напоминал, что кумыцкие владельцы и шавкалы уже были в подданстве России и присылали своих аманатов. «Пригорного народа» очень боялись в Персии, а приведение его в подданство заставило бы и Персию действовать в интересах России, о чём говорила отправка персидского посла с 5 сундуками золота в Россию. Следовало отправить в эти области

¹ Статья подготовлена к печати Н. Ю. Болотиной по черновой рукописи, обнаруженной в компьютере Татьяны Александровны после её кончины. — *Прим. ред.*

войско регулярное и нерегулярное, которое, по мнению Черкасского, должно двигаться водяным путём. На Каспийском море можно в удобном месте «учинить крепость для всяких руд». Князь писал, что «тамошний край» можно «в немалые дела» произвести «через ваш ум и действия»².

Пётр I обратил внимание на это доношение и послал его в Сенат для рассмотрения. Александр Черкасский в это же время был отправлен в Среднюю Азию для поиска устья реки Аму-Дарьи, которое должно было, по мнению Петра I, указать водный путь в Индию. В этой же перспективе отыскания новых торговых путей и пополнения доходов казны император рассматривал и приведение в подданство народов Кавказа. Однако приступить к активным действиям в этом направлении удалось только после заключения Ништадского мира в ходе Персидского похода. Одной из основных его целей стало овладение крепостью и крупным торговым центром — городом Дербентом.

В Дербент русские войска во главе с царём вошли 23 августа 1722 г.³ Наиб Имам Кули-бек договорился с русским представителем о сдаче города ещё 15 августа (в том числе под впечатлением подошедших с моря русских кораблей) и преподнёс Петру I серебряный ключ от него. Парадным строем под грохот пушечного салюта войска вошли в город и расположились в садах за стенами⁴. Трёхдневное пребывание императора в городе завершилось пиром в его шатре. Намечено было и место для строительства гавани. О том, как Пётр I проводил время в Дербенте, свидетельствуют расходные записи Кабинета. Он побывал в мыльне, также испробовал силу волн в гавани с помощью ученика бомбардирской роты Г. Герасимова⁵. От дербентского наива он получил в подарок аргамаков, также ковры, сахар, сорочинское пшено и проч. Состоялся также выкуп 14, а затем ещё 10 грузин-христиан у дербентцев за 443 рубля. К этому расходному документу прилагалась также роспись жителей Дербента (8 чел.), у которых были выкуплены христиане⁶. Другая партия выкупленных христиан, грузин и армян, преимущественно

² РНБ. Эрмитажное собрание. Д. 81. Л. 1–5. Копия. Материалы Военно-Учёного Архива Главного штаба. СПб., 1871. С. 198–202.

³ Здесь и далее даты указаны по ст. ст. (юлианскому календарю). — *Прим. ред.*

⁴ См.: *Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия: 1722–1735. М., 2010. С. 67.

⁵ См.: Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. М., 1872. С. 113–115.

⁶ См.: РГАДА. Ф. 396. Оружейная палата. Оп. 2. Д. 1102. Л. 325.

женщин, пришла в русский лагерь 2 сентября. За них также запла- тили деньги, причём сохранились расписки местных жителей, на- писанные за них муллой Магметом⁷.

Дальнейшее продвижение войск было остановлено потерями судов и продовольствия. Поход на Баку и далее стал невозможен. 5 сентября Пётр I отправился в обратный путь, но перед этим выдал жалованную грамоту жителям Дербента, а наибу Имам Кули-беку подарил свой портрет «с алмазами» и тысячу червонных⁸.

Согласно указа Петра I от 29 августа 1722 г., комендантом Дер- бента был назначен Андрей Томасович Юнгер (? — после 1745). «Московский немчин» в третьем поколении, сын шотландца, ро- дившийся в России, он вступил в службу прапорщиком в начале 1690-х, к 1715 г. дослужился до полковника, был участником наибо- лее значительных событий петровского царствования — Великого посольства, основных, в том числе морских, кампаний Северной войны, Полтавской битвы, Прутского похода. Накопленный опыт пригодился ему во время Персидского похода. Половина Рязанско- го полка, в котором служил Юнгер, вошла в состав Низового кор- пуса, размещённого на Кавказе и берегах Каспия⁹.

В Дербенте остался гарнизон в 1500 человек. Это были солдаты и драгуны Рязанского и Вологодского батальонов и 300 человек «малороссийских казаков» во главе с тремя сотниками и старши- ной. Для выплаты им жалованья из Кабинета было выделено 1500 червонных. 30 августа Юнгер получил указ о выдаче ему 500 рублей для «довольства в пище» оставляемых в городе больных солдат и драгун¹⁰. В конце 1722 г. наиб просил у него 500 кулей продоволь- ствия, однако Юнгер ответил отказом, поскольку провианта для солдат осталось только по май месяц 1723 г.¹¹

Пётр I от речки Дарбах 7 сентября отправил указ Юнгеру о «смотре» над огородом ходжи Аслан-бека, в котором стояла его свита, и возделывании «более лутчего» винограда с помощью остав- ленного в Дербенте виноградного мастера. Кроме того, царь указы- вал поднять красный флаг в случае серьёзной опасности для гарни- зона и выставить караул для наблюдения за морским берегом¹².

⁷ См.: Там же. Л. 340–340об.

⁸ См.: *Курукин И. В.* Указ. соч. С. 71.

⁹ См.: *Бабич М. В.* Андрей Юнгер или о предках Эраста Фандорина в эпоху Петра Великого и его преемников // Петровское время в лицах—2005: Мат-лы науч. конф. СПб., 2005. С. 38–49.

¹⁰ См.: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1102. Л. 329.

¹¹ См.: Там же. Ф. 9: Кабинет Петра I. Отд. II. Кн. 61. Л. 868.

¹² См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Тетради записные. Д. 15. Л. 1110б.

После ухода русских войск Дербент, по сути, представлял собою осаждённую крепость, горские владельцы хотели завладеть им и строили планы нападения на гарнизон и жителей. По указу Петра I русские войска должны были обходиться с местным населением дружелюбно и «ласково», что неукоснительно исполнялось Юнгером и стало одной из причин успехов его действий в Дербенте.

Сразу же после ухода основных русских войск начались набеги на укрепление вокруг города, гарнизон нёс потери. 23–27 октября город атаковали войска правителя Шемахи Дауд-бека и уцмия Кайтага, однако были отбиты мушкетной стрельбой и вылазками. Было убито и ранено несколько человек из гарнизона. Посланец Дауд-бека утверждал, что город надо сдать, поскольку пришло горцев сто тысяч. Через несколько дней войска Дауд-бека и уцмия отступили, что объяснялось неустойчивостью их положения в столице владений Дауд-бека. Они пожгли близлежащие сады и огороды, что явилось причиной вылазки жителей Дербента (130 человек) и нападения на караул Дауд-бека, который подвергся разгрому. Помимо угнанной скотины дербентцы привезли 4 отрубленные головы своих врагов¹³.

Пётр I отметил храбрость Юнгера и гарнизона в распоряжении о выдаче его жене 100 рублей. Комендант извещал Макарова и о вылазке дербентцев 29 января 1723 г. в деревню Горчах, где они отогнали стадо баранов, а на обратном пути вступили в перестрелку и сабельный бой. В результате отрубили 12 голов преследователей, которые и привезли в Дербент¹⁴. Не оставались в долгу и горцы. Так, в апреле они снова приехали к Дербенту, отогнали баранов и отрубили головы работавшим на полях 20 человекам. Жители Дербента, опасаясь нападения, держали скот в городе и близ города. Подкарауливали и убивали солдат, ходивших за дровами. Дербентский наиб также просил об организации похода для разорения близлежащих деревень, которые прежде находились во владении дербентцев, а затем перешли к лезгинам, нападавшим на местных жителей. По указу Матюшкина был организован поход отряда в 1000 человек с офицерами. Однако Юнгер предпочитал сначала предложить сдать без боя, но без успеха, и 15 сентября деревня Митяга была разорена¹⁵.

Юнгер постоянно получал донесения от русских агентов и шпионов, купцов и простых жителей. Для сбора вестей он отправлял в

¹³ См.: Там же. Отд. II. Кн. 64. Л. 1010об.

¹⁴ См.: Там же. Л. 1013.

¹⁵ См.: Там же. Л. 1026об.

Шемаху и другие места специальных людей. Он вёл переписку с дагестанскими владетелями, о содержании которой постоянно извещал Ф. М. Апраксина и Кабинет Его императорского величества. Так, в июне 1723 г. полковник получил письмо от Сурхай-хана, доносившего, что уцмий и шамхал склоняются к турецкой стороне, перевод этого письма Юнгер послал в Кабинет. Оставшийся верным России дербентский наиб в том же месяце отправил Петру I своего дядю Магомет Юсуп-бека и толмача Ашура, с ними четырёх человек дербентцев, а в подарок императрице «девку ясырку черкесскую». В 1724 г. Юнгер получил большое количество писем от армянского духовенства, это были послания, адресованные ему лично, а также императору. Армянские священники и патриархи писали о своём тяжёлом положении и ожидании скорого наступления турок, призывая русских и Петра I не верить лицемерным заявлениям горских владельцев о верности России: «А у них де, как у Сурхая, у шомхала и исмея слово и дело одно, сердцем любят туркам, а языком обманывает рускова государя. А они все безверные и все у них заодно... нашему императорскому величеству лицемерными токмо приятельми показуются... К вам они приезжают и показывают себя, что вам они приятели, а суды приедут, и посылают от себя писмы к туркам, что вы де басурманы и мы де басурманы, пожалуйте де, пришлите к нам силы, сколько можно, и мы де рыхих те гауров уберем в один час...»¹⁶.

В обязанности Юнгера входила забота о судьбе пленных, в первую очередь российских подданных, а также представителей христианских народов — грузин и армян. В его компетенции были также выдача паспортов купцам и выделение воинского конвоя для их сопровождения. Он должен был заботиться и о доставке корреспонденции в различные пункты, что было нелегко и весьма опасно, так как Дербент со всех сторон был окружён караулами Дауд-бека и его союзников. В августе 1723 г. Пётр I отправил дербентскому коменданту образцовые письма Сурхай-хану и паше турецких войск в связи с известием о вступлении этих войск в Шемаху. А. П. Волынскому было указано послать в Дербент нескольких человек астраханских или терских татар, которые имели семьи и пожитки, чтобы они жили в Дербенте при коменданте постоянно и служили бы нарочными при переписке¹⁷.

В сентябре 1723 г. полковник Юнгер получил от М. А. Матюшкина ордер о сборе пошлин в Дербенте «против ведомостей наи-

¹⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 68. Л. 1174об., 1176об., 1179об.

¹⁷ См.: Там же. Оп. 1. Тетради Записные. Кн. 16. Л. 65об.—66об.

пских и бакинских жителей»¹⁸. К апрелю 1724 г. пошлинных денег, по его мнению, было собрано мало, всего 686 рублей 13 копеек. Причиной он называл то, что в Дербенте «торг самой малой»¹⁹. В 1724 г. Юнгер отправил в Кабинет подробный перечень («ведение») о сборе пошлинных денег, в том числе о сборе пошлин натурой: батманами²⁰ табака и нефти. Такое же ведение посылалось и о вырученных деньгах за продажу чихиря²¹.

Отдельной и весьма приятной заботой Юнгера, о чём он постоянно извещал кабинет-секретаря А. В. Макарова, были «отписанные на его императорское величество» сады и огороды. В них трудились виноградные мастера — иностранцы, а именно венгр, француз и «цесарец». Известно имя француза — Иван Пра. В 1722 г. работал только один виноградный мастер, который «подчищал» старые посадки и рассаживал новые. При нём трудились 40 человек казаков, кроме того Юнгер нанял ещё четырёх знающих садовников²². В январе 1723 г. из Астрахани в Дербент был отправлен виноградный мастер Пастьян, который, однако, умер в Низовой пристани. Для вина был сделан каменный погреб, хотя Юнгер и опасался воздействия жары даже в нём. В ответ на просьбу астраханского губернатора А. П. Волинского прислать на пробу вина трёх мастеров из Дербента, полковник, сославшись на мнение француза, указал, что в такую жару вино испортится, пока донесут его до моря, взболтают, и предлагал отложить отправку до осени. По просьбе же Волинского в Астрахань было отправлено 70 кулей ракушек, а Макарову в августе из Дербента 5 ящиков винограда разных сортов, также 5 «кадочек» винограда отдельно к Волинскому. В сентябре началось изготовление («литье») чихиря, который лили в специальные чихирные бочки, привезённые из Астрахани. Весной 1724 г. «виноградных пруточков» было уже 13 тысяч. Чихиря в это время было продано 228 вёдер, выручено 295 руб. 40 коп. Часть чихиря, красного и белого, отправлялась в Астрахань. В августе 1724 г. Юнгер послал к царскому двору 11 «кадачек» винограда, пересыпав песком, но при этом замечал, что виноград по сравнению с прошлогодним стал хуже. Ко двору были отправлены и гранаты.

¹⁸ Там же. Отд. II. Кн. 64. Л. 1026об.

¹⁹ Там же. Кн. 68. Л. 1181об.

²⁰ Батман — старинная азиатская весовая единица. На Кавказе батман весил от 12 до 20 фунтов.

²¹ Молодое, часто недобродившее вино примитивной выделки. — *Прим ред.*

²² См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 61. Л. 867об.

Много трудов было положено на выращивание, сбор и обработку шафрана на «опальных огородах». Эту работу выполняли казаки и нанятые татары, а шафран отправлялся в Астрахань к М. А. Матюшкину. Кроме того, в Дербенте работали девять человек «шафранных мастеров», которые постоянно требовали увеличения оплаты. По указу Матюшкина дербентский шафран стали продавать, причём там, где он был наиболее дорог. Заведовал изготовлением шафрана подпоручик Павел Посников. В Кабинет Юнгер отправил в конце 1724 г. «ведение» о количестве собранного и высушенного шафрана, посланного в Астрахань в 9 ящиках. Ко двору отправлялись также яблоки, груши, дули, гранаты, айва, инжир, сливы и другие восточные фрукты.

Из Кабинета к Юнгеру поступила просьба о присылке различных трав и корней, камышовых тростей, краски марены и других продуктов. Ещё до отъезда из Дербента император указал выдать 100 р. «армянину именем Карabetу, которой родом из Диарбекина, за то, что показал он инвенцию из травы, имянуемой чоган, делать поташ (а по их килеа), которым можно выдeldывать и умягчать шолк и шерсть в дело фабрик»²³. Армянина Пётр I увёз с собой, а Юнгер получил указ о приобретении этой травы, однако доношения об этой покупке в Кабинет так и не поступило.

Для поисков трав, корней и прочего комендант отправил в Гилянъ армянина, который привёз 250 тростей камышовых восьми-коленных и 30 коротких. Для покупки других необходимых вещей Юнгер отправил туда также казака К. Иванова и русского купца М. Отческого, которые привезли десять батманов жёлтого коренья и 713 камышовых тростей. Кроме того, в Дербенте сам Юнгер купил 20 батманов марены²⁴ и 11 батманов травы воу, а также «в разных числах» один пуд пять фунтов той же травы. Все купленное было отправлено в Астрахань, а затем и в Петербург.

В середине 1724 г. (месяц не указан, 7 числа) Юнгер доносил А. В. Макарову: «в садах виноградных построил палаты каменные, на том месте, где изволил быть его императорское величество, а именно горницу с комнатою, которые пространностию, горница длиною косых сажень 4-х, шириною 2, комната [длиною] 3 сажень и пол, шириною 2 сажень. А камень брали во рву, что строился город, и тесан салдатами»²⁵.

²³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ед. хр. 1102. Л. 343.

²⁴ Марена красильная — кустарник, широко применялась для терапии почечных заболеваний.

²⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 68. Л. 1182–1182об.

В 1725 г. переписка с Макаровым продолжилась. Юнгер «с великою печалью» узнал о смерти Петра I, но продолжил служить императрице Екатерине I, принёс присягу, по-прежнему отправляя ко двору чихирь, шафран, виноград и прочее и продавая излишки в Дербенте. Всему посланному и проданному он исправно составлял ведомости, или «ведения»²⁶. Уведомлял Юнгер Кабинет и о враждебных действиях шамхала Адиль-Гирея, который из союзника России превратился в её врага, разорил армян, удерживал у себя письма в крепость Св. Креста, арестовал и заковал в железа русских купцов и оправдывал это тем, что он находится между двух огней: «Русские мне не верят, будто я з горскими заодно, а горские мне не верят, будто я с русскими заодно... и ныне я вздумал быть з горскими вместе и быть русским неприятелем», призывая русских — «извольте де из города выти и идти в свою землю, а я вас провожу, чтоб вам обиды никто не учинил, а ежели де не выдите из города, и в том воля ваша, дагестанцы де меня не послушают»²⁷. Однако Юнгер сумел урегулировать этот конфликт, воспользовавшись союзом с другими горскими владельцами, о чём свидетельствует его переписка с Дауд-беком и уцмием Кайтага, который согласился вернуть жителям Дербента угнанный скот и возместить его стоимость.

Владельцы писали полковнику о дружбе, называя его «Андрейбек», «благородный господин полковник и боярин дербентский», желая «в совете и дружбе жить, старова не надо поминать», уведомляли о поражении турецких войск²⁸. Юнгер действовал не в одиночку, а постоянно имел совещания с подполковником Семёном фон Лукеем, майором Гарбором и наибом. Российское командование старалось не обострять отношения с окружающими Дербент горскими племенами. Так, во время военной экспедиции фон Лукея по предписанию М. А. Матюшкина для разорения деревни Мараги табасаранского майсума были приняты меры для возвращения жителям деревни угнанного у них дербентцами скота.

1725 г. был последним годом донесений Юнгера в Кабинет. В сентябре 1726 г. он просил о повышении его чином или об отставке. Прощение было удовлетворено, Юнгер получил ранг бригадира. И. В. Курукин полагает, что отставка состоялась уже в 1726, однако по другим данным, Юнгер оставался комендантом Дербента до 1730 г. В любом случае с прибытием на Кавказ В. В. Долгорукого положение его изменилось. Юнгер был человеком Петра I, «птен-

²⁶ Там же. Кн. 74. Л. 830–832, 838–838об., 839–840об.

²⁷ Там же. Л. 833–834.

²⁸ Там же. Л. 847–850.

цом гнезда Петрова». Следует отметить, что он не был замечен в коррупции, решал вопросы коллегиально, часто путём мирного урегулирования.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма Дербентского коменданта полковника А. Т. Юнгера кабинет-секретарю А. В. Макарову с приложением ведений

№ 1. 1723 г. января 16.

Милостивый мой государь, Алексей Васильевич!

Вашему благородию покорно доношу. Есть ведомость, что господин полковник Шипов въехал в Куру реку в 19 судах, да из Аксай деревни, которая близ Андреевской деревни, жители везут в Гиляндию продовать, купя полоненных людей русских. И оных я остоновил при Дербене и объявил тем хозяевам, чтоб до указу не продавали. Да во время неприятельских к Дербеню приступов присылал ко мне наип, чтоб я обобрал с опальных дворов ружья. И я обобрал с опальных дворов всякия ружья и сабли. 12-го генваря прислал ко мне наип письмо, писанное от шамхала. И с онога писма при сем до вашего благородия приложена копия и ведомость о здешних состояниях.

Вашего благородия покорнейший полковник Юнгер. Генваря 16 дня 1723 году.

Ф. 9. Отд. II. Кн. 64. Л. 100б. Подлинник.

Ведение

31-го декабря писал к наипу Сурхай, а привез то письмо Масирханов брат Магамет бек. И во оном письме Сурхай ему, наипу, объявил, что ныне де у исмея з Дауд беком есть ссора, а мы де и Кура, Куба и Кулаган заедино, и хотим де исмея из ево владенья выгнать и деревнями ево владеть. Также и с шамхалом ныне мы заедино и в самой дружбе, а ссор де между нами никаких нет. И объявил же он в своем письме наипу, что сами де вы известны, как исмей и Дауд бек ныне приступали к Дербеню, тогда де мы на приступе под Дербенем с людьми своими не были и желаем де с вами иметь крайнюю любовь и быть заодно. И писал же он, Сурхай, чтоб наип приказал караульным своим смотреть везде по дорогам, чтоб бы де Даутбековы и исмеевы люди между нами не ездили. А мы де везде заставы поставили. И верь де нам, как своему брату, что

от нас де вам никакова зла не покажется. И требует он от наипа, чтоб к нему писал, какое у него, наипа, к нему, Сурхаю, есть верное слово. А мы де против того будем думать и исполнять.

При том же письме писано, что поздравляет наипу Максют паша, которой владеет Кубою и Кулаган, и объявил ему, наипу, что во оном де числе я с Сурхаем стал быть заодно и имею де с ним дружбу, также де и с тобою желаю с сего числа иметь братство и дружелюбие и дабы де между нами никакова лукавства не было. И того де ради просим вашей милости ежели надлежит вам с ними учинить о чем розговор, то пожалуй, из воли прислать к ним от себя вернаго своего посланника, которой бы посмотрел нашу правду и что мы чиним. А с ним де и от нас до вашей милости учинена будет обо всем ведомость. А ежели де вы нам не верите, то извольте у нас взять к себе заклад. И на оное к ним, Сурхаю и Максют паше, наип писал, что ежели де вы его императорскому величеству хотите служить верно, то пришлите к нам в аманат в Дербень лутчих людей 5 человек, и оные еще до сего времени не присланы.

От индейцов, обретающихся для торгу в Дербене, получена ведомость, что есть к ним письма, будто Испагань взял Мурмамут Мирвейцов сын и шаха персидскаго взял в полон, а детей его, которые были при нем, также и сенаторов извырубили. И оной де Мурмамут Мирвейцов сын делает в Испагане деньги на свое имя. Да есть же ведомость, что господин полковник Шипов в 19 судах вошел в Куру реку. Дербенские жители ездили сего генваря 3-го и 5-го чисел в исмеевы деревни и отгоняли скотину, а 8-го генваря ездили ж в исмеевы деревни и привезли 2 головы отрубленные, в том числе одна голова племянника исмеева, также и скотины с 700 отогнали.

Сады, которые описаны от дербенских жителей на его императорское величество, во оных работают давно, а именно рвы починивают и виноград хорошей, которой выбираетца из других садов, розсаживают. 13-го генваря пришел в Дербень из Низовой пристани астраханской житель, татарин Бехмет Тюгеев, которой объявил инструкцию за рукою господина виц-губернатора Ивана Васильевича Кикина, что послан он из Астрахани с виноградным мастером Пастьяном от господина губернатора Артемья Петровича Волынского для садовых дерев. И оной татарин, пришед, сказал в допросе, что виноградной де мастер Пастьян умер у Низовой пристани в 722-м году на сырной неделе, а я де после его жил в шамхальской деревне Каразели близ Низовой пристани, которою де ныне владеет Даутбек, а живет в ней Даутбеков брат, Хаджи Аметхан, и меня де из оной деревни не отпускали и смотрели за мною накрепко, чтоб я не ушел. И я де, видя то, что за мною смотрят и из деревни не отпускают, нанял де я армянина Гулю ага, чтоб он меня до Дербеня

провел, рядил ему рубль, и шли по ночам. И оной татарин послан до Астрахани.

18-го генваря объявил наип письмо, присланное к нему от Сурхая, в котором писано, что которые де мои малое число люди были в Кабале деревне, на оную де деревню прислали Даут бек и исмей своего войска многое число, и мое де люди с ними баталию чинили, и при том штурме на исмеевой де стороне люди мои побили с 200 человек до смерти и многое число ранили, а на моей де стороне побито до смерти 4 человека, ранено 3 человека, и взяли у них, исмеевых и даутбековых людей, мои люди 100 лошадей, ружья с 300, также и сабель и протчего, что при побитых и раненых было. При том же наипу объявил во известие, что Куба и Кулаган ныне де со мною заедино служат, токмо де которые мне изменили, худацкие жители лутчие люди 8 человек, и оных де я дома выжет и розорил. И объявляет же наипу, что Даут бек и исмей государю неприятели, также и нам, а ныне де исмей хочет из деревни Мюшкуру уйти в свои деревни, и я де дороги везде заставил, токмо де вы извольте по всем дорогам послать заставы, чтоб ево, исмея, не пропустить. И оное письмо привезено чрез Кари хана, Мусирханова брата, а Мусир хан, брат ево, убит от Даут бека, а вышеписанной Кари хан служит с Сурхаем.

Полковник Юнгер.

Ф. 9. Отд. II. Кн. 64. Л. 1007–1008об. Подлинник.

Ведение

23 октября приступали к Дербеню с обеих сторон з горы Даутъбек и исмей с войским своим от полудни да самой ночи, и тогда от города пушечною и мушкетною стрельбою и вылоскою дербенских салдат, неприятель отбит прочь. И начевали близ города за бугром, что и часовыя их в виду были. Тогда от неприятельской стрельбы ранено дербенских на вылоске два человека, а ночью подходили ж под наши караулы к городу и стрельбою мушкетною отбиты.

24 октября, поутру, Даутбек своим войскам отступил и одшел до реки Мюлюкент остоновился Анем с войским и 24 го октября к Дербеню приступал блиско пехотою и стреляли в город и из огородных рвов и из закаменья также. И конница прибегши к стене блиско стреляли. Тогда от неприятельской стрельбы убит резанского баталиона салдат 1 да ранено 6 человек. И тот день от самого утра до ночи была от неприятеля в город стрельба и около города многие сады обожгли и порубили. Так же и от нас из города стреляли по них ис пушак и из мушкетов, а что из них побито или ранено прямова известия нет. И пришед от неприятеля, адин человек к городской стене блиско, говорил руским языком: отдайте Дербень,

пришло де нас сто тысяч, а ежели не отдадите, то возмем сильно и вас всех вырубим. А в сумерках отошли от города прочь в свой лагорь и ночевав, паки пришли к городу блиско 25 октября и стреляли в город до обеда и отошли, понеже тогда был дождь весь день и затем после обеда не приступали, и ночевали в своих лагорах.

26 октября паки неприятель к городу к верхней и нижней крепости пехотою и конницею приступа стреляли от утра до ночи, так же и на неприятеля и города салдаты и дербенские жители ис пушек и из ружья стреляли весь день. Тогда от нашей стрельбы на неприятельской стороне убито 3 человека, которых видно было, что несли неприятельские люди на епанчах и в сумерках отступили ж в свои лагоры.

27 октября по утру неприятелские люди пришед к Дербеню блиско, постояли недолго и за дождем не приступали и отошли прочь, И после их осматривали лагоров и видели множества фашин, с которыми хотели они еще итти на приступ и фашины перед собою нести.

28 октября получил же я ведомость от напскова дяди мамета Юсупбека, которой приходил нарочно от наипа и сказывал мне, что посланной их дербенской городничей ходил шпиком в деревни от Дербеня за 4 версты и видел в доме исмеева владенья мужики плачут, чего ради он их спрашивал, и они ему сказали: для того де мы плачем, что Даутбек и иемей принудил нас учинить руским людем многие обиды и с вашими де дербенскими мы побранились, а ныне де они Даутбек и иемей от Дербеня с войскими пошли прочь и хотят итти к Шамахе, и нам де будет погибель от государева войска. А в Шамаху де идем того ради, что прибежал из Шемахи чапар или почтар с писмами, что приступают к Шемахе Шасвон и Али салтан с войскими своими, которые уже и побили шамахинцов на вылоске с 60 человек да убили ж Даутбекова бывшева человека, которой был в Шемахе воеводою, и отрубя всем головы, на колья взоткнули. И того ради Даутбек от Дербеня отступил 24 го октября, а исмей 27 го октября и хотят итти на выручку, а вышписанные де Шасван и Али салтан и прежде сего Даутбека обманывали, чтоб он, Даутбек, им дал перевоз чрез реку Куру, мы де с тобою будем битца против государева войска заодно, а в том де они были намерении, что ежели бы им Даутбек чрез реку перевоз дал, то де они ево, Даутбека с войским хотели побить. И того ради, Даутбек им перевозу не дал и в том им не поверил.

30 октября присылал ко мне господин наип с толмачом своим Назаром мужика Темир Сардарова сына, которой пришел с ведомостью из деревни Чарды и сказывал, что Даутбек отступя от Дербеня, пехоту свою отпустил к Шамахе, токмо сам еще стоит близ

реки Мюлюкент с конницею в деревни Агляби. А исмей, отступя от Дербеня, со всем войским стоит в лесу Аламеше, близ того Транжаменда, которой между Дербенем и Таркали, и хотели де итьги к Шамохе, ис помянутых урочищ тогда собравшись из деревень жители от мала до велика. И пришед к Даутъбеку, просили слезно, чтоб он их Даутъбек и иемей либо с собою побрал, или б всякими мерами приступал с ними к Дербеню, чтоб взять или де нас с войским своим сами порубить и разорить, нежели б от русских людей быть порубленным и розоренным, понеже де вы с войским принудили нас к Дербеню приступать и оной хотели взять.

А ныне де видим, что города не взяли, только де нас вы с рускими привели в сору, отчего мы в конец от рускова войска разорены будем и по прошению их, мужечьему, паки Даутъбек к исмею от Ляби поехал с войским своим для совету, а для какова не знает. Да был де нам слух 28 октября, что шамхал идет к Дербеню с войским, а для сикурсу, а всего де 30 дня есть ведомость: идет к Даутбеку и исмею с войским на помощь Чупан шамхал Андреевской владелец да есть ведомость, что Даутбек и исмей хотел брать з ближних деревень людей в аманаты, чтоб им верно служили и взявших тех людей в омонат прочь пойдут или к Дербеню приступать еще станут, не знает.

1 ноября присылал же наип с толмачом Ашурой, помянутого ж Сардара деревни Чарды, которой сказывал: посылал он, Сандар от себя человека своего, которой он о неприятельском состоянии проведал, а именно Даутбек и исмей стоят у реки Дарбах в Аламеше в трех тысячах войска и к тому ж де збирают войска еще из деревень к ним на помощь. Да к ним же збирает войска Максима Табасранской владелец да Чупан шамхал Андреевской прибыл же к исмею с войским и хотят приступать к Дербеню все в соединении.

Из деревень из Мараги и из Беркола и из иных горских деревень исмеева и Даутбекова и Максимова владенья старшины приходили к Даутбеку и к исмею и говорили им, что мы де вам не верим, что с нами заодно на приступ к Дербеню не пойдете и нас де оставите. И против того исмей и Даутбек при тех старшинах учинили по своему обычаю верной куракт клятвенной или обещание и присягу, чтоб конечно к Дербеню еще приступать с ними, деревенскими старшинами и с людми вместе и город бы взять. А ежели де Дербеня не возмем, то по обеим сторонам Дербеня города по 100 человек на карауле, чтоб от дербенских обывателей деревенским никакова разорения не было.

А 2 и 3 ноября приезжали партии от неприятеля ночью к Дербеню х караулом.

А получил я ведомость от двух человек, которья пришли в Дербент ис полону росийския христианин 1 и да казанской татарин

1 и сказали, что з Даутбеком и с исмеем приступали к Дербеню Максим и Макют с людми своими, да когда шел карован даутбеков мимо Баки из Астрабата, тогда де из Баки бакинцы выехав из города, и розбили ево, даутбеков карован и взяли у них 50 веблюдов с ево даутбековым богажем, тако ж которые деревни даутбекова владенья близ Баки, оные бакинцы розорили.

Да сего ноября, 7 дня, поиман близ Дербеня в садах чрез дербенских жителей татарин, которого и узнали те пришедшие ис полону два человека- русской и татарин, и сказали, что оной де татарин был в службе у Даутбека и мы де ево знаем, чего ради он поиманной татарин допрашиван и допрос ево до его высоко гравского сиятельства отправлен.

А которыя прибыли ис полону 2 человека в Дербень, из оных татарин отправлен до его высоко гравского сиятельства и их допросы, а русской оставлен в Дербене.

Да сего ноября 9 дня, ездили из Дербеня жители, сто тритцать человек конницы к реке Милюкент, и которой стоял караул от даутбекова войска в четыреста человек, оной дербенцы розбили и скотины всякой даутбекова владенья у мужиков отогнали с три тысячи и побили до смерти даутбековых людей шесть человек, да ранили одиннатцать, а когда приехали в Дербень, привезли с собою 4 головы отрубленных, а дербенцов ранено два человека.

Полковник Юнгер.

Ф. 9. Отд. II. Кн. 64. Л. 1009–1010об. Подлинник.

№ 2. 1723 г. января 16.

Милостивой мой государь, Алексей Васильевич. Покорнейше вашему Благородию доношу.

Сего генваря, 16 дня, по полудни в 4 часу, получил я писем за печатьми чрез господина капитана Залатарева присланные с ним господина полковника Шипова из Решента, а именно: 2 пакета его высокографскому сиятельству генералу адмиралу графу Федору Матвеевичю Апраксину да 2 ж пакета господину генералу маэору и лейбгварди маэору Михайлу Афонасьевичю Матюшкину и оные писмы отправил я до тарковского шамхала сухим путем чрез дербенского и тарковского жителя Магамет Куем Магаметова сына.

Да сего ж генваря, 16 числа, отправил я до вашего благородия резанского полку с капром письмо и ведомость о здешних состояниях и копия с письма шамхальского.

Вашего благородия покорнейший полковник Юнгер. Генваря 16 дня 1723 году.

Ф. 9. Отд. II. Кн. 64. Л. 1011. Подлинник.

№ 3. 1723 г. февраля 15.

Милостивый мой государь, Алексей Васильевич. Покорно вашему благородию доношу.

Прошедшего генваря, 26 дня, получил я от господина полковника Шипова из Ряща через господина капитана Залатарева писем четыре пакета, в том числе два пакета его высокогравскому сиятельству господину генералу адмиралу Федору Матвеевичю Апраксину да два пакета господину генералу маэору илейбгвардии маэору Михайле Афонасьевичю Матюшкину. И оные письма отправил я помянутого ж числа сухим путем ночью з дербенским жителям Мамет Куем Маметевым, и оной доехав до исмеева караула, и проехать не мог, сказал, что едва де от тех исмеевых караульных и уехал паки к Дербеню, И взял я от оного дербенскова жителя писмы, отправил з другим татаринном, шомхальским человеком сухим же путем до Таркова к шамхалу 27 генваря с Костюком Черяевым, которого прислал ко мне наип и объявил мне, что оной де татарин может провести до шамхала писмы горами, и с оным же татаринном отправил я до вашего благородия и свое писмо.

А ныне, что при Дербене чинится, при сем до вашего благородия приложена ведомость: огороды после тех дербенцов, которые взяты в Астрахани, я описал на его императорское величество, и которые близ Дербеня в те, что потребно работают казаки с нанятыми татарами и с виноградным мастером, которой оставлен нарочно. И оные огороды от Дербеня далеча и в те посылать работать ныне от неприятеля опасно. Шафрану собрано и зделано батмана с пол пята, и когда судно от Дербеня пойдет к Астрахане, то оной шафран в то число отправлю в Астрахань: воу и чогань, и тростей, и корешков желтых, для которых ездил дербенской житель и не привез. И после того послал я армянина и в Дербень не прибыл. И сего февраля 9 дня, для вышеписанных же вещей отправил я в Гиляндию купецких людей русских и дал им на покупку вышепомянутых трав и кореньев денги. И как скоро купят и в Дербень привезут, то немедленно к Астрахане отправлю. А краска марена делается в Тарках и в Терках и отуды возят в Гиляндию. А чоган трава есть и при Дербене, токмо оную ныне не берут и продажной нет. Того ради, что имеют от неприятеля опасность.

Вашего благородия покорнейший слуга полковник Юнгер. Февраля 15 дня 1723 году.

Ф. 9. Отд. II. Кн. 64. Л. 1012–1012об. Подлинник.

Ведение

29-го генваря ездили из Дербеня за Милюкент реку в деревню Имамгулову Горчах, которую владеет Максим Табасаранской владелец, дербенцы з 200 человек, в том числе из них были командирами,

а именно Имамсей, которой всеми командовал, да при нем же которые были вместо капралов Асам бек, Хаджах Кулы, Али. Идрис, Нуразбек, Уджах Кулы, Байрамов сын Колыч хан, Айдер Мамет, Кязым, Айлак, Пер Оруж Кулы, Мурса гулы, итого 14 человек к вышеписанной деревне Гарчах приехали ночью и стояли до дни в скрытом месте, а поутру, как ис помянутой деревни жители выгнали баранов на поля, тогда дербенцы тех баранов от деревни отхватили и погнали к Дербеню.

И за ними из деревни Горчах погнался в погоню той деревни старшина, Имамгулов сын в 200 человеках конницы и пехоты или больше, также и из иных деревень, и догнав дербенцов з баранами на дороге, отпустя от себя с полверсты, начали по них стрелять из ружья. Тогда дербенцы, оборотясь назад, бросились на вышеписанных имамгуловых людей, выняв свои сабли, и отогнали от себя. Тогда у дербенцов имамгуловы убили 4 лошади да 8 лошадей рanelи. И пошли дербенцы паки дорогою з баранами к Дербеню, а Имамгулов сын шел за ними позади, и перестреливались между собою издали.

И когда дербенцы стали подходить близ деревни Мораги, тогда из оной деревни Мараги выехал Ослан с людьми своими на помощь Имамгулову сыну, чтоб дербенских не упустить и побить, и совокупясь, марагинцы з горчахскими оступили дербенцов. Тогда дербенцы бросились с саблями и помянутого Ослана прежде всех срубили. И голову отрубя, взяли с собою. Потом долго было у них та стрельба, от утра до обеда, и еще дербенские бросились на имьгуловых и маратинцов с саблями и порубили 18 человек и двенатцати человек отрубили ж головы, А из дербенских ранено сабельными ранами два человека. Потом дербенцы от вышеписанных маиргульских и мараганцов отбились и пришли в Дербень и баранов с собою пригнали да привезли с собою отрубленных голов, 13 сабель, 18 луков, 6 ружей, 14 лошадей, оседланных.

7 февраля писал Сурхай к наипу чрез Карахана, что кубинцы де и кулаганцы и Максют паша были со мною за одно, а как я прибыл в Кубу, с ними вместе Даутбека и исмея обошел кругом, что невозможно буде им от меня было уйти и надеелся бы де я их, Даутбека и исмея взять, понеже де я уже исмеевых людей живых взял в полон 30 человек да у низовой пристани исмеева свойственника Арап Тарасанова убил до смерти. А ныне де помянутые кубинцы и кулаганцы и Максют паша мне изменили и от меня все разбежались в горы и к Даутбеку и исмею, и я де видя то, что от меня помянутые кубинцы и кулагайцы и Максют паша ушли пересылался де я з Даутбеком и исмеем, чтоб помирились для того что мне де одному с людьми своими против их Даутбекова и исмеева войска стоять невозможно и розъехались де все в свои

деревни, и я де ныне поехал домой и буду де думать с шомхалом, как де мне шомхал прикажет, так же стану и поступать.

И на оное письмо Сурхаево писал наип к нему Сурхайю чрез помянутого Карахана 8 февраля, а именно: писал де ты Сурхай ко мне, чтоб везде дороги заставить и Даутбека и именя как можно взять. А ныне чрез письмо твое уведомились, что ты и сам з Даутбеком и именею мирился, чего де мы не чаяли. Но хотя де ты с ними и помирился и им никакой шкоды не учинишь, однако ж де как его императорское величество сюды прибудет, то де и бес тебя Даубека и исемя сокрушат. И до того де времени ждать недолго, толко з 2 месяца, а тебе де в том никакой славы и чести не будет. Надобно де тебе ныне от его императорского величества заслужить чести и показать свою верность и добрую услугу, а не миритца бы з Даутбеком и исеием.

9го февраля присылал наип ко мне шиха, дербенского жителя Магаметя, которой от него наипа послан в ево наипную в деревню Митяге для искания беглой женки, которая де ушла из деревни от Казыма служащая и помянутой ших во во оной деревне Митяге уведомился от бывших наипских мужиков от Бойрама бека да от Ягупа Ахметева, которыми ныне завладел исеием, которые де для дружбы наипской сказали помянутому шиху: скажи де ты наипу, что исеиев сын хочет притти к Дербеню сего дни или завтра и отогнать скотину, и которые де руские салдаты и казаки ходят в лес за дравами, чтоб на оных напасть внезапно и побить, а когда де нынешней месяц пройдет, то де хотят приступить к Дербеню исеием Даутбек, Максют паша и Максим Табасранской и Сурхай с людьми своими. И ныне с исеием и Даутбеком и с протчими заодно совокупились, а Андемир, которой живет в горах, и призжает к наипу со всякими вестьми и привозит запас, оного де исеием поймал и держит под караулом и деревни ево хочет розорить. А которые дербенцы ходят в ближние деревни, для хлеба, таких де исеием велит ловить и приводить к себе. Того ради, дербенские, скотину держат в городе и за городом да в близости. Также и по дрова посылать ныне опасно, что прежде сего было от неприятеля нападения.

Полковник и комендант Юнгер.

Ф. 9. Отд. II. Кн. 64. Л. 1013–1014об. Подлинник.

№ 4. 1723 г. апреля 5.

Милостивый мой государь, Алексей Васильевич.

Покорно вашему благородию доношу. Которой армянин ездил в Гиляндию для тростей и трав и кореньев, и оной армянин прибыл к Дербеню сего 3-го апреля с курьером господином Чеботаевым на судне и привез только тростей камышевых 250 восьмиколенных да 30 тростей коротких, денег там дано казылбашских 2 рубли 10

алтын, а русских ему, армянину, отдано 3 рубли 15 алтын. И помянутые трости отправил я на том же судне с курьером господином Чеботаевым в Астрахань.

Вашего благородия покорнейший слуга полковник Юнгер. Апреля 5 дня 1723 году.

Ф. 9. Отд. II. Кн. 64. Л. 1015. Подлинник.

№ 5. 1723 г. мая 2.

Государь мой, Алексей Васильевич!

Которой шафран собран на его императорское величество с опальных огородов весом и с мешками полшеста батмана, и оной шафран отправил я до господина генерала маэора и лейб-гвардии маэора Михаила Афонасьевича Матюшкина в Астрахань да при сем до вашего благородия приложил ведомость о здешних состояниях. Покорно вашему благородию доношу. Ежели Божиею милостию поспеет в садах виноград, яблоки, груши и прочее, как о оном чинить?

Вашего благородия покорнейший полковник Юнгер. Мая 2 дня 1723 году.

Ф. 9. Отд. II. Кн. 64. Л. 1016. Подлинник.

Ведомость

22-го дня апреля приезжали к Дербеню исмей, султан Мамут, Максим и Максют к самой стене городской о дву тысячах или больше конных и пеших людей и отогнали у дербенцов боранов с две тысячи и больше, да на поле которых застали дербенцов и отрубили головы у дватцати человек.

Того ж числа в команде капитана Спачинского, которой ходил в лес за дровами, изрубили татары Вологоцкого баталиона одного салдата, и оной салдат умре.

Ф. 9. Отд. II. Кн. 64. Л. 1017. Подлинник.

№ 6. 1723 г. мая 31.

Милостивый мой государь, Алексей Васильевич.

Покорно вашему благородию доношу. Которые купцы поехали в Гиляндию и взяли у меня деньги на камыш и траву и коренья, оные в Дербень еще и прибыли. Которое виноградное вино сделано для пробы розных мастеров, и о оном вине опасен я, чтоб не испортилось, хотя погриб и каменной зделан, однакож здесь гораздо тепло, а снегов нет, и о том как повелите. О состоянии здешнем до вашего благородия при сем приложена ведомость.

Вашего благородия покорнейший слуга полковник Юнгер. Мая 31 дня 1723 году.

Ф. 9. Отд. II. Кн. 64. Л. 1018. Подлинник.

Ведомость

25-го мая дербенцы ездили в подъезд и поймали в лесу на дороге мужика, зовомого Пергули Ромазонова, жителя деревни Набрин, которая во владенье Даут бека, и оной допрашиван, а в допросе сказал: Послан де я был из своей деревни Набран в деревню Дагла для табаку от старших шести человек, которые де собрались из гор в нашу деревню на оброк к старшему оной деревни, Исмаилю для думы, а имено приезжие деревни Гюлялан, Шехмагамет да Сулеман бек, деревни Шухабы юзбаша Шани. Деревни Чахчахлы мелик, деревни Сейдюли юзбаша Ибрагим, из городка Арпаута юзбаша Магамет, которые де думали с Исмалем, чтоб им от Даут бека отложитца и быть вместе с Сурхаем и с Максимом.

И хотели писать к Сурхаю и шомхалу и к исмею, чтоб им быть заедино и Даут бека за Куру реку не перепустить, того де ради, что он, Даут бек, ныне обретается в Шабранском уезде в деревне Девечи, с ним людей человек с 15, и собирает с мужиков себе на дорогу пшено и протчие подати, и собрав, хочет все отсылать в Шамаху к брату своему Магамет хану и хочет з братом своим ехать навстречю турецкому войску, про которое он же, Даут бек, пустил славу в народе, что турецкова войска идет сюды 30000, которое ныне около Геджика, в том же турецком войске и шахов сын, а которой, не сказал. И приезжают де к нему, Даут беку, почтари почасту, зовут де ево, Даут бека, в турецкое войска. И оную де славу он, Даут бек, пропустил в народе о турецком войске, обманывая народ, для того де, чтоб ему, Даут беку, и з братом отсюды уйти и перебратца через реку Куру, чтоб ево перепустили, бутто де он едет навстречю турецкому войску.

А признаваем де мы, потому что ездят к нам от Шемахи извошники чабанцы, чуханцы и чараганцы часто, которых де мы спрашиваем о турецком войске, что идут ли сюды, и они де нам сказывают, что про турецкое войско и слыху нет. А ныне де в Шемахе управители помянутой даутбеков брат Магамет хан да исмеев человек, а кто именов, не знает, да Сурхаев человек Качай и большую де власть и силу имеет из них в Шамахе Сурхаев человек Кочай. Отправлен из Дербеня от меня в Шамаху для ведомостей человек, и оной еще не бывал, а когда прибудет и что о тамошних состояниях ведомостей скажет, о том впредь писать буду.

Шамхальской сын Хаспулат да исмеев сын Хам Магамет с войском поехали в Шамаху, а чего ради, о том еще ни от кого проведать не мог, и как проведуя, впредь донесу.

Полковник и командант Юнгер.

Ф. 9. Отд. II. Кн. 64. Л. 1019–1020. Подлинник.

№ 7. 1723г. мая 15.

Милостивы мой государь Алексей Васильевич.

Которые шафранные мастера девять человек прежде сего работали на опальных огородах ис половины, а ныне оные нанятца работать около шафрану желают же, по сколку повелите им дать денег на год. Да просят же и провианту, повелите ль давать им по чему провианту за рядою. Сего маия 14-го получил я письмо от шамхала, ис оного при сем приложена копия. Которые прежние нанетые садовники два человека обретаются ныне в садах, оные говорят, что впредь де мы на год по десяти рублей не возьмем, для того что мало, и просят же ныне провианту. А шафранные мастера, девять человек, ныне нанимаются около шафрану работать из денег, а не из половины шафрану. Казак и купецкой человек, которым дал я денги на покупку тростей и трав и кореньев, оные еще в Дербень не прибыли.

Вашего благородия покорнейший полковник Юнгер. Маия 15-го дня 1723 году.

Ф. 9. Отд. II. Кн. 64. Л. 1021?1021 об. Подлинник.

№ 8. 1723 г. июня 12.

Милостивый мой государь, Алексей Васильевич.

Покорно вашему благородию доношу.

Сего июня 10-го дня прислал Сурхай с человеком своим, Маллахметем в Дербень письмо, которое отправил я то подлинное письмо к господину генералу маэору и лейб-гвардии маэору Михайле Афонасьевичю Матюшкину. А до вашего благородия с того письма переведеная по рускому копия приложена при сем.

Вашего благородия покорнейший слуга полковник Юнгер. Июня 12-го дня 1723 году.

Ф. 9. Отд. II. Кн. 64. Л. 1022. Подлинник.

Копия с писма Сурхаева.

10-го дня июня писал Сурхай в письме своем поздравление полковнику и каменданту дербенскому: Известно вам буди, хотя я с шамхалом был заодно и обещали служить верно государю и которые государю неприятели, тем и мы хотели быть неприятели, также которые места и городы розорены были от неприятелей и по государеву указу, чтоб оные были по прежнему без розорения. А ныне уведомился я, что шамхал от меня отстал и вместе с исеем сочиняет такие дела, которые государю не к пользе. И которой государю неприятель же, турок, от оного есть посланник здесь и ныне с ними вместе. И того ради вам во известие доношу, что имейте в себе разум, и шамхалу и исеему ни в чем не верте, и город

свой берегите накрепко. А о чем я прежде до вас писал, чтоб нам как шамхалу, так мне и наипу приехать в Аламеш и думать о тех, которые государю неприятели, и чтоб нам их сокрушить, и в том шамхал в словах своих не устоял, а я в словах своих устою в правде, и как Бог даст, что жары пройдут и станет похолоднее, то я в Аламеш приеду и с вами переговорю.

Да на словах Сурхаев человек Маллахмет сказал, что турецкое войско в команде семи пашей пришло в Арзулум, до которого от Дербеня верховною ездою тихою на дватцать дней, а шамхалов сын Хаспулат да исмеев сын Хам Магамет поехали навстречу турецкому войску.

Полковник и командант Юнгер.

Ф. 9. Отд. II. Кн. 64. Л. 1023—1023 об. Копия.

№ 9. 1723 г. июня 28.

Милостивый мой государь, Алексей Васильевич.

Покорно вашему благородию доношу. С которыми купцами послал я на покупку тростей, трав и кореньев денги в Гиляндию, оные в Дербень еще не прибыли. В садах его императорского величества при Дербене которой виноград ныне вновь садили, принелся расти хорошо. О здешних обращениях ведомости до вашего благородия при сем не приложил, того ради что о всем ведомость отправил я до господина генерала маэора и лейб-гвардии маэора Михайлы Афонасьевича Матюшкина. Наип отправил из Дербеня от себя до его императорского величества (Л. 1024 об.) дядю своего Магамет Юсуп бека и толмача Ашуру и при них дербенцов же четыре человека. Да послал же наип от себя в гостинец ее величеству всемилостивейшей государыне императрице девку ясырку черкескую.

Вашего благородия покорнейший слуга Андрей Юнгер. Июня 28 дня 1723 году.

Ф. 9. Отд. II. Кн. 64. Л. 1024—1024 об. Подлинник.

№ 10. 1723 г. июля 6.

Сего июля 4-го дня получил я письмо от господина губернатора Артемья Петровича Волынского: которые в Дербене обретаются учиненное для пробы виноградное вино трех мастеров, француза венгера и цесарца, чтоб оное виноградное вино прислать к нему, господину губернатору, в Астрахань ныне. И сказал мне винограднова вина мастер француз Иван Пра, которой оставлен в Дербене, что ежели де ныне оное вино послать в Астрахань, то как до моря донесут и взболтают, то испортится конечно, для того что ныне здесь жары великие. И говорил он, виноградной мастер, что ежели будет

похолоднее, а именно к осени, и тогда можно оное вино отправить. И затем я ныне не послал, а в осень отправлю. Да объявил же мне Артемей Петрович Волынской в письме своем указом его императорского величества, чтоб отправить отсюда в Астрахань ракушак разных зортов кулей с пятьдесят, и оных ракушак отправил я четырех зортов семьдесят кулей. А вашего благородия писание от 26-го маяя получил я сего июля 1-го дня.

Вашего благородия покорнейший слуга Андрей Юнгер. Июля 6-го дня 1723 году.

Ф. 9. Отд. II. Кн. 64. Л. 1025—1025 об. Подлинник.

№ 11. 1723 г. сентября 30.

Милостивый мой государь, Алексей Васильевич.

Писмы вашего благородия, одно от 6-го, другое от 27-го июня получил я августа в 28 день и по оным винограду разных родов отправил я в Астрахань, пересыпав песком в пяти ящиках августа 10 дня с подштюрманом Ярцовым. Да по письму господина губернатора Артемья Петровича Волынского еще отправил винограду в десяти кадочках с подштюрманом Невельским сентября 26 дня. А оные кадочки из Астрахани присланы 16-го дня сентября. Чихирь делать зачали 13-го дня сентября и лью чихирь в винные бочки и зделано чихирю 20 бочек. А ныне привезены из Астрахани 20 бочек чихирные и буду ныне лить чихирь во оные чихирные бочки. А сколько сверх вышеписанных 20 бочек еще чихирю будет зделано, о том впредь вашему благородию донесу. И оной чихирь в Астрахань ли повелите прислать или в Дербене продавать. А которые три бочки чихирю были зделаны в Дербене для пробы в 722-м году, оной чихирь по требованию господина губернатора Артемья Петровича отправил я в Астрахань. Покорно вашему благородию доношу.

Посылал я деньги на покупку камышу, трав и кореньев с терским казаком Кандратьем Ивановым да с торговым человеком с Михайлом Отческим. И оные купили в Гиляндии и привезди в Дербень десять батманов желтого коренья, ценою куплено каждой батман по два рубли по тринатцати алтын по две деньги, да семьсот тринатцать камышевых тростей, денег за оной камыш дано семь рублей четыре алтына две деньги, да за провоз з берегу оного камышу и кореньев на судно в Гиляндии дано денег два рубли. А на руские рублевтики там брали персицких на рубль по семи гривен. Да в Дербени куплено марены дватцать батманов, которую купили батман по шти алтын по четыре деньги у дербенца у Руслана, да у него же дербенца куплено травы воу адиннатцать батманов, за батман дано по шти алтын по четыре деньги. Да в разных числех куплено у дербенцов же травы воу один пуд пять фунтов, дано четыре алтына. И вышеписанные трости, коренья, траву и краску отправил

я в Астрахань. И вышписанная трава воу растет в степи от Дербеня вест по десяти и по пятнатцати, и повелите ль оной купить еще и сколько купить или салдат за оною травою посылать?

Получил я ордер от господина генерала маэора и от лейб-гвардии маэора Михайлы Афонасьевича Матюшкина, чтоб в Дербене збирать пошлины со всяких товаров против ведомостей наипских и бакинских жителей, по чему прежде збирались пошлины, а для збору пошлинного учрежден нарочно порутчик. Да по прошению наипскому и по моему словесному объявлению о деревнях ближних, ис которых жители подходят лесом и побивают салдат, ходящих по дрова, и в полон берут, определил меня указом господин генерал маэор и лейб-гвардии маэор Михайла Афонасьевич Матюшкин по доношению наипскому, в которм и просит, чтоб розорить ближние деревни, Митяге и Мерагу, которые прежде сего бывали во владении дербенском, а ныне под Даут беком и исмеем.

И повелено послать тысячу человекс принадлежащими штаб-, обер- и ундер-афицерами для розорения двух деревень. И пришел прежде к Митяге, объявить людем, чтоб здались без боя, а ежели будут противитца, то с ними поступят неприятельски, так же и о Мераге деревне чинить. И одну ближнюю деревню Митегу розорили 15-го сентября. Шафранные сады, которые отписаны на его императорское величество от дербенских жителей, взятых в Астрахань, во оных садах были работники у тех мужиков ис половины, и я тем работникам половину шафрану давать не смею, и отказал им и нанел инова работника. И которой шафран будет собран, посылать ли в Астрахань или посылать продовать в Гиляндию?

Вашего благородия покорнейший слуга полковник Юнгер.

Ф. 9. Отд. II. Кн. 64. Л. 1026–1026об. Подлинник.

№ 12. 1723 г. ноября 9.

Милостивый мой государь, Алексей Васильевич.

Покорно вашему благородию доношу. Писания вашего благородия от 23-го сентября получил я, також и от господина губернатора Артемья Петровича Вольнскова при письме том две проформы получил же октября 31-го дня 1723 году, и против писем господина губернатора Артемья Петровича Вольнскова о тех проформах исполнять буду. А о турках никакова слуху здесь нет, и в Шемахе их не слышать же. Однакож послал я в Шемаху нарочно армянина, которому приказать обо всем осведомитца, и как оной в Дербень прибудет и какие ведомости явятца, обо всем буду писать до господина губернатора Артемья Петровича и до господина генерала лейтнанта Михайлы Афонасьевича.

Вашего благородия покорнейший слуга, полковник и командант Юнгер. Ноября 9 дня 1723 году.

Ф. 9. Отд. II. Кн. 64. Л. 1027–1027об. Подлинник.

№ 13. 1723 г. ноября 28.

Милостивый мой государь, Алексей Васильевич.

Покорно вашему благородию доношу. Посылал я в Шемаху с писмом, присланным от господина генерала лейтенанта Михайлы Афонасьевича Матюшкина к Сурхаю толмача Занта, которой прислан в Дербень от господина губернатора Артемья Петровича Вольнскова. И оной толмач в Шемахе был и письмо Сурхаю отдал и от Сурхая привес ко мне письмо, с которого приложена копия до господина генерала лейтенанта Михайлы Афонасьевича Матюшкина. А что он, толмач, сказал на словах, что слышал в Шемахе, и оные толмачовы скаски при сем до вашего благородия приложены письменно. Да сего ноября 27 дня прислал ко мне исмей от себя три письма, а именно первое его императорскому величеству, другое его высокографскому сиятельству господину генералу адмиралу графь Федору Матвеевичу Апраксину, третье господину генералу лейтенанту Михайле Афонасьевичу Матюшкину. И оные три письма отправил я до господина генерала лейтенанта Михайлы Афонасьевича Матюшкина.

Вашего благородия покорнейший слуга, полковник и командант Юнгер. Ноября 28-го дня 1723 году.

Ф. 9. Отд. II. Кн. 64. Л. 1028–1028об. Подлинник.

На словах толмач Зант сказал.

Сказывал де обретающейся там в Шемахе казанской татарин Аит и армянин тамошней же о турках, что когда де Даут бек просил ерзрумскова пашу с войском к себе на помощь, и он де, ерзрумской Ибраим паша, пришел с войском своим в дватцати трех тысячах и при Генже бились и у турок побили при Генжине адиннатцать тысяч, потом турки от Генжина пошли опять назад. И как де турецкой султан уведомился, что войско ево к Генже ходили и побиты, тогда де прислал султан турецкой к тому ерзрумскому паше от себя посла, для чего он без указу с войском к Генже ходил и войско потерял, и тот де посол ерзрумскому паше Ибрагиму голову отрубил и повез к султану турецкому. А Даут бек ныне живет за Шемахою при местечке Жавате между рек. Да шахов де сын, шах Тамас, послал от себя посла к турецкому султану с письмами для того, что я де чаял от вашего величества помочи, что вы изволите прислать ко мне на помощь людей своих, чтоб неприятелей наших сократить, а ныне де вижу, что от вас посыланы были воинские люди на помощь к Даут беку и наше же владенья розоряли.

И ныне вам объявляю: которые де бывшие города отца нашего и наши вы завладели, извольте их нам опять отдать по прежнему, а ежели де не отдадите, то, как можем, будет сами достовать назад свои города войною, понеже де его величество российский государь

как прежде сего с отцом нашим, также де и с нами имеет любовь всегда и приятство, и он де нас в том ныне не оставит и будет за нас стоять. Да сказывал де мне которой был в Родивиле, а мне де друг, что приходил де Мирмамут х Казбину в две тысячах конницы и просил у казбинцов казны денежной, и казбинцы им сказали, что дайте де нам сроку, и потом казбинцы собрали войско в 5000 и стали Мирмамуту в том отказывать, за что де нам тебе дать деньги, изволь де приступить, и он де пошел прочь, и казбинцы де за ними погнались и их, Мирмамутых людей, порубили.

После де того приходил Мирмамут х Кашане с войском, тогда де казбинцы с кашанцами собрались вместе и у Мирмамута 600 человек побили. И он де, Мирмамут, вышел из Испогани вон и живет ныне в новом городке Имарате за Испоганью. Да как де я из Шемахи поехал, говорил мне на дороге шемахинской асас, а по рускому фискал: послал бы де я с тобою до императорского величества письма, да опасуюсь, что ежели де у тебя оные письма осмотрят татары, то де мне будет худо, и ты де данеси на словах его императорскому величеству, чтоб он сам (Л. 1030) побывал или б силы дал на помочь. А мы де ему императорскому величеству служить ради, также и дети наши, понеже де мы все розорились.

Полковник и командант Юнгер.

Ф. 9. Отд. II. Кн. 64. Л. 1029–1030. Подлинник.

Библиография и архивные источники

1. *Бабич М. В.* Андрей Юнгер или о предках Эраста Фандорина в эпоху Петра Великого и его преемников // Петровское время в лицах — 2005: Мат-лы науч. конф. СПб.: Изд-во ГЭ, 2005. С. 38–49.
2. *Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия: 1722–1735. М.: Квадрига; Объед. ред. МВД России, 2010. 375, [9] с.
3. Материалы Военно-Учёного Архива Главного штаба. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1871. 846 стб., [50] с. разд. паг.
4. РГАДА. Ф. 9: Кабинет Петра I. Оп. 1, Тетради записные. Д. 15, 16; Отд. II. Кн. 61, 64, 68, 74; Ф. 396: Оружейная палата. Оп. 2. Д. 1102.
5. РНБ. Эрмитажное собрание. Д. 81.
6. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом / Под рук. *Г. В. Есипова* с участием *И. А. Сипягина, Н. А. Дубровского, Е. А. Барсова*. Т. 2. М.: В Унив. тип. (Катков и К°), 1872. 405, [3] с.

Татьяна Александровна Лаптева (2 июня 1955 – 23 октября 2018)

23 октября 2018 г. после тяжёлой болезни на 64-м году жизни умерла заместитель заведующего Отделом научной информации и публикации РГАДА доктор исторических наук Татьяна Александровна Лаптева.

Татьяна Александровна родилась 2 июня 1955 г., окончила Исторический факультет и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова, в 1980 г. пришла на работу в РГАДА, в 1983 защитила кандидатскую диссертацию по теме «Публицистика Владимира Соловьёва». В РГАДА прошла вся её жизнь.

С начала работы она занималась преимущественно археографией, с её именем связано множество замечательных академических публикаций источников, в т.ч. такие монументальные, как «Письма и бумаги императора Петра Великого», «Труды и дни А. Д. Меншикова», «Франц Лефорт: Сборник документов и материалов», «Полтавская битва».

Работа над публикациями и тематическими запросами в РГАДА привела интересы Татьяны Александровны от философско-политической мысли конца XIX века к истории служилого сословия XVII века, что стало темой её докторской диссертации, защищённой в 2013 г. и изданной в виде монографии — «Провинциальное дворянство России в XVII веке» (М., 2010).

Т. А. Лаптева обнаружила немало новых исторических источников, она в последние годы оставалась практически единственным исполнителем работ по продолжению публикации «Письма и бумаги императора Петра Великого», уникальным специалистом по его почерку, и до последних дней жизни боролась за возобновление этого издания.

Татьяна Александровна была награждена Почётной грамотой Федерального архивного агентства и нагрудным знаком «Отличник архивного дела». Будучи не только компетентнейшим историком-архивистом, чьей безотказностью в консультациях пользовались сотрудники, читатели и все интересующиеся прежде всего эпохой Петровских реформ, но и удивительно светлым и доброжелательным человеком, обладавшим огромным авторитетом для своих более молодых сотрудников.

Светлая память о Татьяне Александровне Лаптевой сохранится среди всех, кто её знал и любил, и среди всех, кому её книги и публикации будут помогать постигать историю нашей страны.

Николай Николаевич Петрухинцев
(Липецк)

*Профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (филиал в г. Липецке)*

Восточный вектор петровских преобразований и предпосылки реформы военных структур России*

Анализируя реформаторскую деятельность Петра, не следует забывать, что она начиналась с Востока. Именно «восточная» политика Петра предопределила начало его реформ и оказала самое серьёзное влияние на их начальный период. «Восточный период» его политики стал тем полигоном, который позволил (иногда ценой тяжёлых ошибок) накопить необходимый опыт и избежать многих из этих ошибок на втором, «балтийском», этапе его политики. Трудно сказать, появился бы вообще Петербург без разбросанных в плохо освоенном южном пространстве Воронежа, Азова и Таганрога, которые Пётр как бы объединил в городе на гораздо более компактной и обжитой людьми территории? Не следует забывать и о том, что именно в ходе «восточной войны» произошло становление и созревание Петра как государственного деятеля и политика.

Реформы, главным двигателем которых были военные потребности, фактически начались с «восточной войны» — точнее, с зак-

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта РФФИ № 17-01-00389/а.

лучительной фазы русско-турецкой войны 1686–1700 гг., значение которой в истории реформ далеко не до конца осознано. К сожалению, не до конца осмыслен и масштаб этой 14-летней войны, которая в историографии оказалась сведена к двум кратковременным эпизодам — Крымским походам В. В. Голицына (1687 и 1689) и Азовским походам Петра 1695–1696 гг. Её «вялотекущая» фаза 1690–1694 гг. практически полностью выпала из внимания исследователей, а в «петровском» её периоде всё внимание оказалось сконцентрировано на Азовских походах. Последние, однако, были далеко не единственным (и возможно, даже не самым важным) театром этой войны, которая и в «голицынский», и в «петровский» период потребовала мобилизации почти всех военных сил России — стотысячных армий, в отличие от Северной войны, которая поначалу мыслилась как локальная и велась вдвое меньшими силами. Даже в «вялотекущей» фазе война не прекращалась и требовала хотя бы частичной мобилизации военных структур. По сути, она была одной из трёх «больших» войн, которые вела Россия во второй половине XVII в., и не уступала русско-польской (1654–1667) и русско-турецкой (1673–1681) по масштабу и длительности, в отдельные периоды превосходя их по сложности и воздействию на население России, вынужденное тратить огромные ресурсы на освоение новых удалённых территорий и строительство флота.

С этой точки зрения — как длительное и масштабное военное предприятие, оказавшее существенное влияние на военные и социальные структуры России — русско-турецкая война 1686–1700 гг. осознана и изучена далеко не до конца.

* * *

Война велась силами той военной структуры, которая была сравнительно недавно и очень быстро реформирована царём Алексеем Михайловичем, и была очередной, третьей «проверкой на прочность». Проверкой на прочность уже достаточно сильно европеизированной, но всё ещё достаточно «гибридной» военной структуры, где традиционные начала русской военной организации были тесно переплетены и сращены с новыми, европейскими.

Несмотря на то, что основу полевой армии уже к началу 1660-х гг. составили полки «нового строя» (по подсчётам А. В. Чернова, насчитывая 77,8 тыс. человек, они давали почти 79% численности полевой армии¹), армия по-прежнему оставалась сословной и сла-

¹ Чернов А. В. Вооружённые силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 168.

гались из военизированных сословных групп, социальный статус которых определялся характером их службы. И хотя полки «нового строя» существенно подорвали основы военно-территориальных корпораций — служилых «городов», составлявших костяк прежней поместной армии середины XVI — первой половины XVII в., они не разрушили их до конца. Переведённые в полки «нового строя» служилые «города» сохранили целый ряд своих корпоративных структур (прежнюю систему «чинов» и окладов; институт окладчиков, периодические смотры и «разборы») и частично вписались в полки «нового строя», преобразуя прежние территориальные «сотни» в их роты.

Но удалось это далеко не до конца — полки «нового строя» уже фактически превратились в «регулярные» (т.е. правильно организованные) и приобрели однотипную военную структуру с одинаковым количеством рот установленной штатной численности (плохо стыковавшаяся с сильно колеблющимся реальным размером территориальных корпораций) и практически с тем же набором и номенклатурой офицеров (32–33 офицера), которые не сильно изменились при переходе к петровской армии². Поэтому «регулярство», новая военная тактика, основы дисциплины, порядок подчинения офицерам и принципы службы в полках, батальонах («шкwadронах» XVII в.) и ротах петровской армии были для основной массы русских дворян не каким-то новшеством, а вполне привычным за 40 лет существования новой военной организации делом.

Не было новшеством и командование иноземных офицеров — масштабы их найма при Алексее Михайловиче в разы превышали петровские, и главной проблемой Петра была не их вербовка, а задача формирования русского национального офицерского корпуса. В. Великанов недавно обратил внимание на тот факт, что доля иностранных офицеров в армии за петровское царствование сокра-

² Об этом наглядно свидетельствует серия работ О. А. Курбатова и А. В. Малова: *Курбатов О. А.* Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–1658 гг. // *Архив русской истории.* Вып. 8. М.: Древнехранилище, 2007. С. 175–197; *Он же.* Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII в. // *Иноземцы в России в XV–XVII в.: Сб. мат-лов конференций 2002–2004 гг.* М., 2006. С. 18–34; *Он же.* Очерк истории конных полков «нового строя» русской армии от начала их существования до окончания русско-шведской войны 1656–1658 гг. // *Единорог.* Вып. 3. М., 2014. С. 90–136; *Он же.* Военные реформы в России второй половины XVII в. *Конница.* М.: Квадрига, 2017; *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671. М., 2006.

тилась втрое (с 42% в 1696 г. до 12,6% в 1721)³. Самый масштабный приток иноземных военных специалистов в петровское царствование был связан не с пресловутым манифестом 1702 г., а со временем русско-турецкой войны, с 1696—1698 гг., когда он проводился в классических традициях XVII в. Немецкая слобода в Москве в течение полувека со своего основания в 1652 г. была отнюдь не поселением европейских купцов и ремесленников, а фактически колонией иностранных военных наёмников, и уровень европейской культуры Петра I до Великого посольства определялся главным образом уровнем культуры товарищеских офицерских попок, в которых царь регулярно участвовал в течение 7 лет⁴.

По принципам комплектования и службы полки «нового строя» сохраняли «полумилиционный» характер: костяк армии по-прежнему составляли «служилые по отечеству» (дворяне и дети боярские), при переходе в полки «нового строя» во многом по-прежнему обеспечивавшие себя продовольствием и частью необходимого для службы не только за счёт жалования, но и с поместий. Они распускались по окончании сезонных кампаний и снова мобилизовывались на службу с началом новых. Правительство прежде всего создавало централизованную систему их снабжения вооружением, но в основном сохранило самообеспечение продовольствием и фуражом, хотя и вынуждено было после возвращения в 1663 г. к серебряному денежному обращению увеличивать долю «хлебного» жалования за счёт роста централизованных и региональных натуральных сборов с населения⁵ (в частности, создавая систему сбора «четверикового хлеба» в Белгородском разряде, касающуюся прежде всего солдатских полков)⁶. По наблюдениям Кэрол Белкин Стивенс, правительству удавалось круглогодично снабжать продовольствием лишь менее 10% полевых войск, поэтому земля по-прежнему оста-

³ Великанов В. С. Иностранцы офицеры в русской армии, 1696 и 1721 гг. // Oderint dum probent. (Электронный ресурс: <http://rusmilhist.blogspot.com.au/2015/09/foreign-officers-in-russian-army-1696.html#more>; дата обращения 18.12.2018).

⁴ Автор несколько преувеличивает военную составляющую среди жителей Немецкой слободы. Работа над биографическим словарём французов в России в Петровскую эпоху (1682—1727), а также над монографией «Захоронения Лейфорта и Гордона: Могилы, кладбища, церкви: Мифы и реалии» (СПб.: Европейский Дом, 2013) показала значительную составляющую и ремесленной, и медицинской, и торговой их частей, не говоря уже о священнослужителях трёх конфессий. — *Прим. ред.*

⁵ Carol B. Stevens. Soldiers on the Steppe: Army Reform and Social Change in Early Modern Russia. DeKalb: Northern Illinois Univ. Press, 1995. P. 54—60.

⁶ Ibid. P. 92.

валась «главным источником снабжения и содержания армии»⁷. Недостаточность централизованного снабжения была важным фактором слабости армии в русско-турецкой войне 1686—1700 гг., ибо армия вела длительные кампании в незаселённой степи на большом удалении от собственных территорий, где нельзя было ни подвезти, ни купить продовольствие.

Кроме того, полевая армия оставалась структурно неоднородной. Помимо 1) полков «нового строя», она включала 2) остатки поместной конницы — дворян «сотенной службы», основную массу которых формировали «московские чины» — представители разраставшейся в числе столичной дворянской корпорации (так называемого «Государева двора»); 3) 26 полков московских стрельцов, которые во многом по-прежнему составляли главную ударную силу её пехоты; 4) нерегулярные войска (украинских⁸, донских казаков и т.д.).

Новые принципы организации армии плохо стыковались со старой системой российских «чинов», сформированной на основе «поместной» военной организации и направленной на её поддержание, что было одним из важных факторов постепенной дестабилизации старой социальной структуры к концу XVII в.

Фактически в армии сосуществовали две параллельные военные организации, что отражалось и в сосуществовании двух параллельных командных систем и военных иерархий. Доминирующей, несмотря на численное преобладание полков «нового строя», была старая система «воеводских полков». Верхушку военной элиты (командование «воеводских» «разрядных» полков) по традиции, не поставленной под сомнение Алексеем Михайловичем, составляли вышедшие из «сотен» Государева двора представители княжеско-боярской аристократии. Остатки местнических принципов форми-

⁷ Ibid. P. 74.

⁸ Учитывая идеологическую нагруженность этого термина, особенно в последние несколько лет, считаем необходимым везде, где это возможно, избегать модернизации и использовать терминологию документов, в которых встречаются, как минимум, ещё семь названий (черкасы, гетманские казаки, запорожцы /запорожские казаки, малороссийские казаки, левобережные казаки, слободские казаки, компанейские/охочекомонные казаки), причём далеко не все из них — синонимы. Они будут обозначать казаков как из разных частей современной Украины (например, запорожские и слободские), так и отличающихся определённой системой набора в полки и их финансовым содержанием (как компанейские, они же охочекомонные). Термин же «украинские казаки», помимо идеологической нагруженности, для современного читателя смешивает их всех в гомогенную массу. В этом отношении настоящий текст остался в авторской редакции, но помнить о проблеме именовании необходимо. — *Прим. ред.*

рования этой высшей военной элиты не исчезли даже после отмены самого местничества в 1682 г. В «воеводских» полках обычно смешивались все три элемента военной структуры, и, в силу социальной традиции старой системы «чинов», полки «нового строя» занимали среди них последнее место. Они подчинялись полковым воеводам, что тормозило формирование новой, «генеральской» военной иерархии, связанной исключительно с полками нового строя и пока не игравшей главной роли в планировании и руководстве военными операциями. Это объясняет медленное складывание российского генералитета, численность которого во второй половине XVII в. обычно не превышала 3–10 человек⁹. Первые российские генералы обычно руководили небольшими соединениями частей «нового строя» внутри «разрядных» полков, а ещё чаще — особыми «генеральскими» полками увеличенной численности.

Значимость «генеральской» иерархии начала расти со времени русско-турецкой войны 1673–1681 гг. с пожалованием генеральских рангов первым русским, выросшим в полках «нового строя»¹⁰, но по своему происхождению они не принадлежали к элите, что снижало их «социальный вес» и закрепляло подчиненное и второстепенное положение «генеральской» системы командования. Однако при доминировании полков нового строя в структуре армии она должна была со временем занять более весомое место. Назревала тенденция объединения двух параллельных систем командования в единую систему с ростом значения «генеральской» иерархии. Она получила первое выражение к началу 1680-х гг. в фактах пожалования русским генералам думных чинов и даже во введении специфического чина «думного генерала» (в 1687 пожалован А. А. Шепелеву одновременно с чином окольного)¹¹.

«Гибридность» армии второй половины XVII в. была следствием неизбежного компромисса между новыми началами и традиционными основами военных и социальных структур российского общества, позволившего относительно плавно и безболезненно осуществить начальный этап европеизации армии, не ломая, а подвергая медленной эволюции старые военные и социальные структуры и психологию «служилых людей». Именно эта эволюция стала важнейшей предпосылкой будущих военных реформ Петра.

⁹ *Рогожин А. А.* Генералы полков «нового строя» в 1650-е — 1690-е гг. // Русская военная элита. М.; Севастополь, 2015. С. 79–96.

¹⁰ Там же. С. 83–85.

¹¹ *Седов П. В.* Правящая элита Русского государства 1660–1680-х гг. // Правящая элита Русского государства: IX — начало XVIII в.: Очерки истории. СПб., 2006. С. 426.

* * *

Военная эффективность этой реформированной «гибридной» армии второй половины XVII в. вызывает противоположные оценки — от её умеренной апологетики в трудах историков, специализирующихся на военной истории и изучающих преимущественно её новые элементы в лице полков «нового строя» (О. А. Курбатов, А. В. Малов), до серьёзной критики при анализе практических результатов её использования (П. В. Седов¹²).

«Гибридная» полумилиционная военная структура имела недостаток, отчётливо проявлявшийся в длительных войнах, которые требовали массовой и постоянной армии. С их затягиванием армия теряла свою эффективность — регулярные и частые мобилизации распускавшихся на зиму частей порождали огромные трудности. Последние усугубились в войне 1686–1700 гг. крайней удалённостью театра военных действий (даже в сравнении с войной 1673–1681 гг.), в связи с чем удлинялись коммуникационные линии, возрастали проблемы со снабжением, нарастала усталость и недовольство людей в основных звеньях военной структуры.

Этот недостаток с максимальной силой проявлялся на заключительных фазах войн и нередко приводил к острым социальным кризисам (после русско-турецкой войны 1673–1681 гг. — к стрелецкому восстанию 1682 г., на заключительном этапе русско-турецкой «петровской» войны — к стрелецкому восстанию 1698 г., которое, как и первое, отнюдь не было мятежом сторонников Софьи, а в первую очередь — проявлением кризисного состояния элементов этой «гибридной» военной структуры).

* * *

Проблемы, заложенные в этой «переходной» структуре полевой армии, начали проявляться уже с первого этапа войны 1686–1700 гг., т.е. с Крымских походов В. В. Голицына.

Собственно, первый «звонок» прозвучал ещё раньше: уже осенью 1680 г. 600 белгородских рейтар (всадников) под командой майора Моканакова, отправленные сопровождать в Крым крайне важное русское посольство Н. М. Зогова и В. М. Тяпкина, посланное для заключения Бахчисарайского мира, несмотря на движение по кратчайшему прямому пути Муравским шляхом, после выхода

¹² Седов П. В. Комплектование полков «нового строя» во второй половине XVII в.: По документам Валдайского Иверского монастыря // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 49, n 2/3. 2015. P. 305–321.

от р. Молочных Вод в сухую и выжженную степь и истощения взятых с собой запасов воды и овса, вернулись домой, взбунтованные своим командиром, оставив посольство без охраны на последнем двух-трёхдневном пути до Перекопа¹³.

Проблемы с мобилизацией и снабжением армии при сохранении принципа «самоснабжения» во время «дальнего» марша в Крым, несомненно, сказались на результатах обоих крымских походов. Несмотря на то, что В. В. Голицын серьёзно готовился уже к первому из них и с осени 1686 г. формировал на юге двухмесячный запас хлеба на 40 тыс. солдат (в поход в итоге выступило 49,2 тыс. пехотинцев)¹⁴, но основная фаза этого 900-километрового марша от р. Мерло до Перекопа (2 мая—11 июля, когда вернувшаяся из него армия перешла р. Орель и снова получила возможность получать продовольствие¹⁵) заняла на неделю больше. Кавалерия в походе должна была кормить себя сама за счёт денежного жалования и собственного хлеба¹⁶, что не могло не привести её в бедственное состояние. К этому надо прибавить дорогу к месту сбора в Ахтырке, Хотмыжске и Сумах в весеннюю распутицу, которая начиналась уже в марте, и обратный путь до своих уездов в центральной России, требовавший денежных ресурсов и продовольствия. Трудности мобилизации привели к тому, что армия фактически вышла в поход с двухмесячным опозданием. Кэрол Белкин Стивенс прямо указывала, что именно из-за проблем со снабжением Голицыну пришлось свернуть оба похода¹⁷.

Неудивительно, что и второй поход закончился неудачей, ставшей важнейшим толчком к политическому кризису 1689 г., приведшему к победе Петра. Естественно, что после него новое «петровское» правительство прекратило организацию столь же масштабных наступательных кампаний и отказалось от идеи крымских походов.

Однако это не означало прекращения войны. Несмотря на наличие её противников в окружении Петра¹⁸, его правительство не предпринимало серьёзных попыток заключения мира и выхода из

¹³ *Багалея Д. И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М.: Изд. ИОИДР, 1887. С. 285—286.

¹⁴ *Carol B. Stevens.* Op. cit. P. 94.

¹⁵ *Гордон П.* Дневник. [Т. 6]: 1696—1698. М.: Наука. 2018. С. 137, 144.

¹⁶ *Carol B. Stevens.* Op. cit. P. 94, 119.

¹⁷ *Ibid.* P. 119, 103.

¹⁸ *Бушкович П.* Пётр Великий. Борьба за власть: 1671—1725. СПб.: Дм. Буланин, 2008. С. 150—153.

антитурецкой коалиции¹⁹, ограничившись лишь осторожным зондажом через посланного к крымскому хану в 1692 г. гонца В. Айтемира²⁰. Поэтому в «вялотекущей» фазе 1690–1694 гг. военные операции продолжались, хотя и с меньшим размахом, по-прежнему вынуждая правительство мобилизовать для них значительную часть военных структур.

Резкое снижение военной активности в 1690 г. объяснялось не только сменой курса и дестабилизацией управления, связанной с перекраиванием состава правительства России, смертью патриарха Иоакима и нелёгкими природными условиями. В 1690 г. Украина была охвачена нашествием саранчи, что привело к резкому взлёту хлебных цен (осьмуха ржи и овса продавалась по 6 гривен)²¹. И. А. Желябужский отметил, что саранча была «во всех городах, и в уездах, и на Москве»²², хотя «не в таком числе и не в такое время года, чтобы причинить какой-то ущерб»²³. Кэрол Белкин Стивенс отмечает засуху в городах по Дону в 1689–1691 гг., приведшую к прощению недоимок по хлебным сборам²⁴. Кроме того в Сечи обнаружилось «моровое поветрие», от которого вымерла и часть русского гарнизона Новобогородицкой крепости во главе с воеводой околичничим А. И. Ржевским²⁵. Тем не менее и в 1690 г. военные операции не прекратились, хотя в основном их вели украинские казаки: «войско козацкое ходило под Очаков, где жилия попалили и обиды татарам поделали»²⁶. А. В. Багро отмечает и первый из регулярных относительно успешных походов под «днепровские городки» (Казикермен) как минимум 4 тысяч украинских казаков с целью сожжения урожая на полях и выжигания казикерменских посадов²⁷.

¹⁹ Россия до 29.1/8.2.1697 г. не входила в антитурецкую коалицию, но лишь находилась в двустороннем союзе с Польшей, и своим участием в военных действиях закрепляла за собой Киев. — *Прим. ред.*

²⁰ *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб.: Тип. II-го Отделения Собств. Е.И.В. канцелярии, 1858. С. 499–500; *Соловьёв С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 7: История России с древнейших времён. М., 1991. С. 479–480.

²¹ *Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России. Ч. 3. М., 1830. С. 11–12; «Летопись Самовидца». Киев, 1878. С. 290.

²² *Желябужский И. А.* Дневные записки // Рождение империи. М., 1997. С. 269.

²³ *Гордон П.* Дневник. [Т. 5]: 1690–1695. М.: Наука, 2014. С. 28.

²⁴ *Carol B. Stevens.* Op. cit. P. 90.

²⁵ *Гордон П.* Дневник. [Т. 5]: 1690–1695. С. 18.

²⁶ «Летопись Самовидца». С. 290.

²⁷ *Багро А. В.* Украинское казачество и первый Азово-Днепровский поход: Дисс. ...канд. ист. наук. СПб., 2015. С. 74.

Активные операции против Азова и Казикермена планировались и в 1691 г., но им помешало начавшееся в 1691–1692 гг. восстание Петрика²⁸, поддержанного турками и вскоре превратившегося в «турецкого» гетмана, организовывавшего с частью запорожцев совместно с татарами активные набеги на города Украины и России.

Продолжающаяся война заставляла держать в постоянной готовности войска южных разрядов. Д. И. Багалеи отметил, что в находящемся на северном удалённом участке Белгородской черты городке Орлове количество «вестей» о татарских нападениях в эти годы возросло по сравнению со временем Крымских походов (1688 и 1689 — 11; 1690 — 16; 1691 — 28; 1692 — 10)²⁹. «Воеводские» полки Б. П. Шереметева, М. П. Измайлова и С. Б. Ловчикова в 1688–1691 гг. активно ремонтировали и достраивали укрепления на Донецкой черте в районе Тора и Изюма³⁰. В марте 1691 г. Гордон получил известие от полковника Менгдена в Белгородском разряде, что «татары угнали множество людей»³¹.

В июле 1692 г. в набеге на украинские земли с Петриком участвовали 20 тыс. крымских татар с калгой-султаном, и в августе 1692 по просьбе Мазепы на границы были выдвинуты войска Севского и Белгородского разрядов во главе с Ф. Барятинским и Б. П. Шереметевым, который пришёл на Украину на соединение с гетманом³².

Мазепа был сторонником активизации войны с Турцией и Крымом, однако русское правительство в 1693 г. отложило большой поход своих войск. В апреле того же года, поднося Петру перевод византийского сочинения о военном искусстве Юлия Фронтиня, Карион Истомина выразил надежду на возможное его применение царём против магометан³³. В начале 1693 г. Петрик опять пришёл на Украину с 40 тыс. татар, в ответ на что казаки Лубенского полка, соединившиеся с С. Палеем, снова атаковали предместья Казикермена и выжгли его посады, а полки Белгородского разряда в январе 1693 опять выдвигались к Полтаве для отражения набега³⁴.

²⁸ Там же. С. 76.

²⁹ Багалеи Д. И. Указ. соч. С. 260.

³⁰ Вазинский В. М. Городовое дело в России в XVII в.: По материалам южных уездов // Вехи минувшего: Учёные записки Историч. ф-та Липецкого гос. пед. ун-та (Липецк). Вып. 3. 2003. С. 23.

³¹ Гордон П. Дневник. [Т. 5]: 1690–1695. С. 74.

³² Багро А. В. Указ. соч. С. 98; Соловьёв С. М. Указ. соч. С. 484–485.

³³ Бантыш-Каменский Д. Н. Указ. соч. Ч. 3. С. 16; Богданов А. П. Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001. С. 201.

³⁴ Соловьёв С. М. Указ. соч. С. 499; Бантыш-Каменский Д. Н. Указ. соч. Ч. 3. С. 16–17; Багро А. В. Указ. соч. С. 76; Гордон П. Дневник. [Т. 5]: 1690–1695. С. 200.

Новая вспышка активности последовала в 1694 г. Весной по приказу Мазепы 3 тыс. украинских казаков выступили в уже традиционный поход под Казикермен и в марте начали осаду крепости. На лето Мазепа планировал более серьёзный военный поход, надеясь на уход хана с основными силами в Венгрию³⁵. В конце июля он отправил Киевский и два компанейских полка в поход на Очаков, которые, в соединении с Палеем, выжгли поля вокруг города, атаковали и разбили вышедший на вылазку из Очакова крупный отряд турок, захватив 90 пленных и отогнав 15 тыс. овец. Чуть позднее Палей и черниговский полковник Я. Лизогуб опустошили селения буджакских татар, а 700 запорожцев с донскими казаками совершили набег под Перекоп, взяв часть укреплений и захватив 8 пушек³⁶. В операциях были задействованы значительные силы Белгородского разряда. 20 июля 1694 г.³⁷ полк В. П. Вердеревского в составе 8 285 рейтар, солдат, казаков Белгородского полка, черкас подошёл к Тору для ремонта городских укреплений. В это время войска Б. П. Шереметева в 46 733 человека отражали набег Петра Черкашенина (Петрика)³⁸.

Таким образом, и в «вялотекущей» фазе русско-турецкая война 1686—1700 гг. фактически не прекращалась ни на один год, сводясь к серии взаимных опустошительных татарских и украинских набегов на пограничные территории и всё туже сплетая клубок пограничных и внешнеполитических проблем (попытка использования турками и татарами «карманного гетмана» Петрика, могущего привлечь к Турции часть левобережных казаков; интриги Мазепы по распространению влияния на Правобережную Украину, замыкавшиеся вокруг фигуры фастовского полковника С. Палея, активно втянувшегося в войну с Турцией, принятие которого в «русскую сторону» могло осложнить отношения с Польшей).

Эта фаза войны известна пока весьма поверхностно, но очевидно, что она требовала значительного напряжения сил. Только в кампании 1694 г. было задействовано 55 тыс. служилых людей Белгородского разряда (что по численности почти эквивалентно армии Карла XII, вышедшей в 1708 г. в Россию), для которых служба (пусть и сведённая после Крымских походов в основном к отражению набегов и обременительной строительной повинности) фактически не прекращалась уже 8 лет. Всё это могло стать внутренним толчком для возобновления в 1695—1696 гг. активной фазы войны.

³⁵ Багро А. В. Указ. соч. С. 77.

³⁶ Бантыш-Каменский Д. Н. Указ. соч. Ч. 3. С. 16—18.

³⁷ Здесь и далее даты указаны по ст. ст. (юлианскому календарю). — *Прим. ред.*

³⁸ Важинский В. М. Городовое дело ... С. 29.

Решение о возвращении к активной фазе войны до сих пор представляется неожиданным. Неизвестно, когда именно, под воздействием каких факторов и чьих влияний принял его Пётр, занимавший большую часть 1694 г. путешествием в Архангельск, плаванием по Белому морю и в сентябре–октябре Кожуховскими манёврами.

Вероятно, план активной военной кампании сложился не ранее декабря 1694 — января 1695 г. и уже тогда предполагал мобилизацию основной части существующей на тот момент полевой армии. 1) Под Азов выдвигалась как минимум 30-тысячная армия, состоящая из трёх группировок (П. Гордона (вышедшего ещё в марте в авангарде), Ф. Лефорта и А. М. Головина³⁹). 2) Основные силы Белгородского разряда и посланный им на помощь Смоленский разряд под командованием Б. П. Шереметева начинали операцию на Днепре, которую большинство считает отвлекающей от Азова. Численность армии Шереметева А. В. Багро определяет в 28 841 человек, а вместе с двумя московскими стрелецкими полками при гетмане и 35 тыс. казаков Мазепы — в 60–65 тыс. человек⁴⁰. Но расчёты Багро не учитывают силы Севского разряда, прикрывавшего границы между армиями Петра и Шереметева, что должно увеличить общую численность как минимум на 5–10 тыс. человек. Таким образом, в походе 1695 г. была задействована как минимум 100-тысячная группировка войск.

К сожалению, история этих двух кампаний известна лишь очень приблизительно. Во вторую кампанию 1696 г. были мобилизованы не менее значительные силы: азовская армия Петра насчитывала 46 235 человек (преимущественно пехотинцев), а с нерегулярными войсками (частью украинских и донскими казаками) — около 70 тыс. На Днепре снова должна была действовать армия Б. П. Шереметева, но поскольку значительная группировка ген-м. К. А. Ригемана была передана из Белгородского разряда под Азов под командование Ф. Лефорта, в днепровскую армию Б. П. Шереметева в 1696 г. были мобилизованы весьма отдалённые Новгородский и Смоленский разряды, полк смоленской шляхты и огромная группировка дворян сотенной службы в 6114 человек в общей сложности из 61 города, включая замосковные и города Новгородского разряда⁴¹.

³⁹ *Богословский М. М.* Пётр Великий: Материалы для биографии. Т. 1. М.: Наука, 2005. С. 206, 210.

⁴⁰ *Багро А. В.* Указ. соч. С. 87, 94–95.

⁴¹ *Богословский М. М.* Указ. соч. С. 278–279; Дворцовые разряды. Т. 4. СПб.: Типография Е.И.В. канцелярии, 1855. Стб. 957–959.

Кампании оказались очень тяжёлыми для участвовавших в них сил — особенно неудачно спланированный и проведённый 1-й Азовский поход Петра. Но и формально более успешная днепровская кампания 1695 г. («казикерменский поход» Б. П. Шереметева и И. С. Мазепы), несмотря на взятие днепровских городков, была довольно быстро свёрнута. Уже в августе 1695 г. войска ушли из разрушенного при штурме и почти снесённого русскими войсками после взятия Казикермена (чтобы не дать там закрепиться туркам), оставив лишь небольшие силы в крайне неудобной для обороны позиции, расположенной на заливаемом водой острове Тавани. Они сделали это потому, что испытали те же проблемы со снабжением, что и в Крымских походах («... от голоду многие лошади пали; ... ратные люди в хлебных запасах оскудали, да и от солнечного зною великую скудость приняли, да и в добывании крепости Казыкерменской учинились утруждены ... уже от великого солнечного зною и от суши учали горет в степи травы, да и пороху и свинцу у войсковых людей стало быть оскудение...»⁴²), а надо было хоть как-то снабдить из остатков провианта оставляемый в Тавани гарнизон.

Тем не менее, в начале новой активной фазы войны были достигнуты первые успехи: 1) взятие днепровских городков в 1695 и 2) взятие Азова в 1696 г. Это был стратегический успех: вокруг Крыма начали сжиматься российские «клещи», затрудняя коммуникацию и передвижение различных татарских орд (между Кубанью и Крымом, между Крымом и Буджакской ордой).

Возможно, более существенным успех был на Днепре, а не под Азовом. Турок гораздо больше волновала «западная половинка» этих клещей. По наблюдению Боплана, переправа под Таванью, находившаяся всего в одном дне пути от Крыма, была самой удобной из пяти днепровских переправ, так как на остающейся после взятия днепровских городков очаковской надо было переправляться на лодках, пуская привязанных к ним лошадей вплавать, что было возможно лишь при тихой погоде⁴³. Это затрудняло переброску сил крымских и кубанских татар на европейский театр военных действий, вело к росту влияния России и левобережного казачества в низовьях Днепра, ослабляя влияние турок на Правобережье; разделяло орды татар, создавало угрозу изоляции и захвата Крыма, а также постоянную угрозу Очакову с риском его потери и полного пресечения турецких и татарских коммуникаций.

⁴² Багро А. В. Указ. соч. С. 202.

⁴³ Там же. С. 56, 189–190.

Но этот стратегический успех был относительным, а «клещи» пока слабоваты: новые анклавы русского влияния были слишком удалены, держать в них значительные гарнизоны было очень не просто, снабжать чрезвычайно трудно, и что самое главное — было невозможно расположить там значительные контингенты эффективной против татар кавалерии, которая в тогдашней армии была в основном представлена полумилиционными рейтарами. Царь практически не использовал кавалерию в обоих Азовских походах, сделал ставку на переброску пехотных полков по воде. Пётр уже осенью 1696 г. ясно сознавал, что Азов стратегически малоценен, и потому «воистину двух времен крови и убытки все положены, понеже ниже татарам походы, ниже салтану тягости единым точию взятием сей крепости учинить невозможно, потому что из оной пешим людем татар перенять и поиски чинить невозможно, а конницы толикое число, еже бы довольно вышеписанному делу, там держать невозможно»⁴⁴.

* * *

Именно понимание ограниченных возможностей сухопутной военной структуры в русско-турецкой войне на причерноморском театре, а также понимание того, что сухопутные кампании и дальше будут малоэффективны, привело Петра к первой кардинальной военной реформе — решению о строительстве военно-морского флота осенью 1696 г. («ничто же лучше мню быть, еже воевать морем, такоже зело близко есть и удобно многократ, паче нежели сухим путем»⁴⁵). Может быть, решение слишком поспешному и неудачно организованному, но стратегически верному. Основной целью войны отныне становился уже не сухопутный, а «морской поход» в Крым, который должен был привести к установлению контроля хотя бы над частью его территорий (прежде всего над Керчью, блокировавшей выход в Чёрное море), для которого и создавался азовский флот.

Путь в Европу в буквальном смысле начинался с Востока. Именно решение о строительстве «восточного» азовского флота привело Петра в Европу. Великое посольство было прямым результатом продолжающейся русско-турецкой войны. Уже давно очевидно (но всё ещё до конца не принимается нашим сознанием), что Великое посольство было орудием не европейской, а восточной политики

⁴⁴ Соловьёв С. М. Указ. соч. С. 521.

⁴⁵ Там же.

Петра. Главной его целью было укрепление позиций России в анти-турецкой коалиции, а также обеспечение первой фазы кардинальной военной реформы — строительства антитурецкого «азовского» флота, необходимого для продолжения этой войны. Великое посольство было фактически лишь одним из эпизодов русско-турецкой войны 1686—1700 гг.

«Великий» размер посольства в первую очередь определялся прагматическими задачами: потребностью в формировании необходимых для поддержания флота русских специалистов, необходимостью иметь с собой кадры для вербовки иностранных военных и моряков, закупки необходимых для флота материалов. Многие проблемы формирования флота понималось пока слишком наивно, но при всём наивном романтизме Пётр был одновременно и трезвым прагматиком.

Однако Пётр всё ещё мыслил в рамках прежней военно-сословной организации общества и начал строительство флота с «кумпанского кораблестроения», т.е. строительства кораблей, организованного в виде повинности, ложащейся на сословия, объединяющиеся в товарищества, которые частным образом строят корабль или галеру.

* * *

Первая военная реформа с неизбежностью вела и к реформе военной иерархии — к созданию нового её звена, начатому пожалованием флотских рангов во время второго Азовского похода (генерал-адмиральского — Лефорту⁴⁶, генерал-комиссара флота — Ф. А. Головину). Возможно, вовсе не случайно формальной главой флота Ф. Лефорт был назначен и формальным главой посольства, ориентированного на его строительство, а реальная практическая работа по обеспечению флота и дипломатии в восточном вопросе легла на «второго посла», флотского «генерал-комиссара» Ф. А. Головина.

Очевидно, что Пётр придавал новому роду войск первостепенное значение и стремился достойно «встроить» его в военные структуры и в систему сословных «чинов». Поэтому новая военная флотская командная иерархия, которую надлежало создать, тоже мыслилась им в традиционных рамках XVII в. как состоящая из представителей княжеско-боярской «думной» верхушки «московских чинов». Именно для формирования командных кадров флота

⁴⁶ Ф. Лефорт (умер в марте 1699) никогда не был генерал-адмиралом (само звание появилось лишь в декабре 1708), но полным генералом (вполне сухопутным) и адмиралом. — *Прим. ред.*

(а не для того, чтобы «взять в заложники» детей якобы оппозиционных ему бояр) он отправил учиться в первую очередь кораблевождению (и лишь факультативно — кораблестроению)⁴⁷ 39 комнатных столльников и спальников (высший слой «молодёжной элиты» России) в Италию (имевшую опыт войны с турецким флотом) и 22 — в Голландию и Англию. Нетрудно заметить, что общее их число (61 человек, 23 из которых носили княжеские титулы⁴⁸) почти точно соответствовало количеству строящихся «кумпанствами» и казной 58 судов и галер, капитанами которых они, вероятно, должны были стать. Б. П. Шереметев (сформировавшийся как полководец и администратор как раз в годы русско-турецкой войны) оставил один из высших постов в разрядной «воеводской» иерархии — пост командующего Белгородским разрядом и Днепровской армией, и отправился в Италию учиться кораблевождению⁴⁹ скорее всего с целью занять какой-то высший командный пост в руководстве будущим флотом.

Разрядная иерархия «воеводских полков» между тем сохранила свои лидирующие позиции. С отъездом Б. П. Шереметева фактически второй по значимости пост главы Белгородского разрядного полка и командующего днепровской армией перешёл к начавшему своё выдвижение в верхушку петровской элиты боярину кн. Якову Фёдоровичу Долгорукову, «товарищами» которого в 1697–1698 гг. по аристократической местнической традиции стали его братья — глава Севского разряда Лука Фёдорович⁵⁰ и Борис Фёдорович.

В начале второй фазы войны Пётр сделал первые шаги по реформированию командования и дальнейшему слиянию «воеводской» и «генеральской» иерархий. Уже в первом Азовском походе части воеводского полка превратились в «генеральства» Ф. Лефорта, П. Гордона и А. М. Головина, которые сохранились и во втором походе, где они стали частью традиционного воеводского Большого полка, во главе которого встал боярин А. С. Шеин. Возможно, своеобразной попыткой психологического соединения двух иерархий стало и пожалование А. С. Шеину звания «генералиссимуса», призванное в новой терминологии утвердить традиционное верховенство воеводы Большого полка над младшими коллегами — полными генералами Гордоном и Лефортом, которые не стали пока

⁴⁷ Богословский М. М. Указ. соч. С. 376–377.

⁴⁸ Там же. С. 365.

⁴⁹ У Б. П. Шереметева в принципе не было этой задачи (даже формально). В лучшем случае он познакомился с флотом, когда плывал на Мальту. — *Прим. ред.*

⁵⁰ Дворцовые разряды. Т. 4. Стб. 1034.

официально «товарищами» воеводы, ибо это было привилегией русской аристократии. Но уже в следующем году этот шаг был сделан. В официальном апрельском воеводском наказе 1697 г. А. С. Шеину, «с ним, боярином и воеводой, на службе быть в товарищах» предписывалось не только русскому генерал-лейтенанту кн. Ив. Мих. Кольцову-Масальскому, но и некрещёному (в православии) иноземцу генералу Патрику Гордону, занявшему в силу ранга полного генерала место первого товарища⁵¹. Гордон, который одновременно получил и первые крупные земельные пожалования⁵² («крещеную собственность», обычно не дававшуюся некрещёным в православии иноземцам), хорошо понимал значение этого шага и особо отметил в дневнике роспуск после кампании находящихся под его командой «стольничьих» «сотен» московских чинов⁵³. Но самой элитой командование некрещёного иноземца было принято без восторга.

Наметившаяся ломка традиционной военной иерархии и формирование новой флотской, конечно, не могли не вызвать обоснованного недовольства в кругах элиты. Помимо затрат на путешествие и трезвых сомнений в его результате (невозможно стать за одну навигацию квалифицированным капитаном, способным командовать кораблём), было совершенно непонятно, как эта планируемая флотская военная иерархия соотносится с традиционной, насколько «честным» будет командование кораблём и галерой, тем паче, что опыт иностранных флотов чаще свидетельствовал о неаристократическом статусе капитанов. Обоснованные сомнения и критику вызывало и слишком поспешное «кумпанское» кораблестроение, которое вело к увеличению повинностей населения в продолжающейся войне.

Флот, кроме того, требовал создания соответствующей инфраструктуры — верфей, баз и гавани, решение о строительстве которых тоже было принято в ноябре-декабре 1696 г.⁵⁴, а значит — продолжения мобилизаций сухопутной военной структуры для обеспечения всего этого и удержания захваченных стратегически важных пунктов. Стратегическое значение Азова как основы для создания базы флота для русской стороны резко возрастало.

Почти одновременно с указом о «кумпанском» кораблестроении в ноябре 1696 г. было принято ещё одно важное решение — о

⁵¹ РГАДА. Ф. 199. Портф. 130, ч. 15. Д. 2. Л. 33.

⁵² *Гордон П.* Дневник. [Т. 6]: 1696–1698. С. 68, 73–75.

⁵³ Там же. С. 102.

⁵⁴ Дворцовые разряды. Т. 4. Стб. 1023, 1034.

закреплении в днепровских городках и восстановлении укреплений Казикермена, куда были отправлены значительные силы с воеводой В. Б. Бухвостовым⁵⁵. Оно требовало активизации усилий в первую очередь днепровской армии, которая должна была демонстрировать активность, чтобы удержать союзников по коалиции на время неизбежной паузы в войне, необходимой для строительства флота (на которое Пётр первоначально отводил всего один год), перед тем как сменить тактику и перенести основные боевые действия на море.

* * *

Поэтому следующие два года войны (1697–1698), прошедшие в отсутствие Петра, снова потребовали напряжения всей военной структуры и вдобавок — роста повинностей населения, вынужденного поддерживать военные операции и масштабное строительство на крайнем удалении от основных территорий России. Наказ А. С. Шеину к его азовскому походу 1697 г. предусматривал (помимо строительства флота) строительство и починку 629 стругов, отправку 100 тыс. четвертей продовольствия; 3000 людей для переселения в Азов с 5000 членов их семей, а также отправку почти 64 тыс. дубовых, 20 тыс. сосновых брёвен и как минимум 152 000 досок на строение Азова, не считая леса на строение стругов⁵⁶, которых за 1695–1700 гг. было построено в общей сложности 3914, что потребовало наряда 55 792 человек⁵⁷. Только в донскую армию А. С. Шеина было мобилизовано 37 475 человек с довольно высокой степенью явки (33 779 человек⁵⁸, 90,1%). Однако уже с ноября 1696 г. начали издаваться более жёсткие указы против нетчиков и кроющихся от службы в таможенных головах и целовальниках⁵⁹, что говорило о растущей «усталости» военной структуры. По наблюдениям В. М. Важинского, лишь из Севского и Белгородского разрядов в армию в 1690-е гг. мобилизовывалось ежегодно в среднем по 60 тыс. человек — в два раза больше, чем в предшествовавшей русско-турецкой войне в 1670-е гг.⁶⁰

⁵⁵ Там же. Стб. 1020–1021.

⁵⁶ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 199. Портф. 130, ч. 15. Д. 2. Л. 43–47.

⁵⁷ *Перегудов А. В.* Государев Разрядный шатёр — орган управления воронежским кораблестроением. (1697–1700 гг.). Воронеж, 2010. С. 91.

⁵⁸ *Устрялов Н. Г.* Указ. соч. Т. 3. С. 11–12.

⁵⁹ Дворцовые разряды. Т. 4. Стб. 999–1000; РГАДА. Ф. 199. Портф. 130, ч. 15. Д. 2. Л. 50–51.

⁶⁰ *Важинский В. М.* Усиление солдатской повинности в России в XVII в. (по материалам южных уездов) // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. 157. Воронеж, 1976. С. 53.

Массовые четырёхлетние мобилизации армии и населения в финале войны оказались осложнены действием ещё одного «фактора слабости» военной структуры — неблагоприятными погодными условиями и неурожаями, которые сильно сказывались на боеспособности в условиях значительной доли самоснабжения армии. 1695–1697 гг. в Воронежском уезде были неурожайными⁶¹; в этой связи можно вспомнить и «великий голод» 1697 г. в Прибалтике, в условиях которого начиналось Великое посольство и который не мог не чувствоваться и в России. А. Виниус 15 октября 1697 г. писал Петру о непрерывных дождях, которые шли весь август и сентябрь, ранние морозы в Архангельске сковали Двину льдом и препятствовали выходу в море торговых судов. В апреле 1698 ночные морозы побили озимые на уже оголившихся полях⁶², и страна в 1698 г. оказалась на грани голода. По свидетельству И. Желябужского, «хлебу был недород велик: купили на Москве рожь четверть московскую по сорока алтын с гривною»⁶³ (1 р. 30 к., что эквивалентно месячному жалованью солдата Бутырского полка Гордона в 1693 г.⁶⁴ и почти трёхмесячному жалованью стрельца).

Всё это не могло не сказаться на состоянии армии в заключительной перед перемирием в русско-турецкой войне кампании 1698 г., которая снова потребовала мобилизации почти всей военной структуры.

Главная роль в ней отводилась днепровской армии Я. Ф. Долгорукова, сформированной на основе Белгородского разряда. Туда должно было быть мобилизовано 59 498 русских служилых людей, 24 897 украинских казаков — в общей сложности 84 395 человек, а с учётом гарнизона Тавани — 91 169⁶⁵. К ним добавлялся курский воеводский полк С. П. Неплюева штатной численности в 2 854 человек⁶⁶, и неизвестной нам численности силы Севского разряда ещё одного «сходного воеводы», брата главы Белгородского разряда Л. Ф. Долгорукова. К Азову выдвигался Рязанский полк боярина А. П. Салтыкова планируемой численностью в 12 417 человек⁶⁷, который должен был заняться строительством Таганрога и усилить гарнизон Азова и прилегающих крепостей, насчитывающий летом 1698 г.

⁶¹ Перегудов А. В. Указ. соч. С. 101.

⁶² ПиБ. Т. 1 (1688–1701). СПб., 1887. С. 654.

⁶³ Желябужский И. А. Указ. соч. С. 311.

⁶⁴ Гордон П. Дневник. [Т. 5]: 1690–1695. С. 185.

⁶⁵ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 1645. Л. 617–627.

⁶⁶ Там же. Стб. 1645. Л. 121.

⁶⁷ Там же. Ф. 199. Портф. 130, ч. 15. Д. 2. Л. 5об.–6.

(без организованных в солдатские полки «переведенцев») как минимум 11,5–11,7 тыс. стрельцов, солдат и рейтар⁶⁸. Таким образом, на юге формировалась группировка полевых войск минимальной численностью в 118 тыс. человек.

«Нарядный» состав главных армий Я. Ф. Долгорукова и А. П. Салтыкова в 1698 г. наглядно рисует особенности сложившейся в результате реформ «гибридной» военной структуры с явно выраженным доминированием частей «нового строя» (в армии Долгорукова они составляли 68,5%, у А. П. Салтыкова — 92,6%) (см. диаграммы 1 и 2).

* * *

Но в экстремальных условиях этого года были уже отчётливо видны признаки «усталости» этой структуры. Мобилизация армий проходила медленно. Как всегда, затягивались сроки выступления в поход. Резко возросли масштабы «нетства»: армия Я. Ф. Долгорукова даже на конец июля 1698 г. насчитывала всего половину своего состава, армия А. П. Салтыкова, в предыдущей кампании направленная на литовскую границу в полк М. Г. Ромодановского и должна собраться в Валуйках к 25 марта, ещё в начале июня насчитывала и того меньше — всего треть (32,1%). Салтыков с двухмесячным опозданием, только 20 мая, отправил свой авангард под Азов, опасаясь выступить сам с оставшимися у него мизерными силами⁶⁹.

Как ни странно, наиболее боеспособными в сложившейся структуре оказались рейтарские полки (80–82% явки). Сильнее всего «провалились» городовые дворяне сотенной службы в полку Я. Ф. Долгорукова — в полк явилось всего 12,6% дворян центральных уездов (Владимира, Суздаля, Юрьева-Польского и множества других), совершенно истощённых четырёхлетними ежегодными мобилизациями и маршами на расстояния, мало чем отличающиеся от Крымских походов.

В полках «нового строя» и в армии в целом самые серьёзные проблемы возникли с пехотой, особенно со ставшими основой армии солдатскими полками. В днепровской армии уже в Казикерменском походе 1695 г. их явка не превышала в среднем 44%, в 1698 г. (за счёт дополнительных мобилизаций «новоприборных») —

⁶⁸ Подсчитано по: *Андриющенко О. В.* Население и администрация города Азова в 1696–1711 гг. Воронеж: Истоки, 2008. С. 30, 43, 48, 50, 60.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 199. Портф. 130, ч. 15. Д. 2. Л. 14–15.

50,4%, в полку А. П. Салтыкова — всего 7,9%; некоторые полки Севского разряда, попавшие в армию Я. Ф. Долгорукова, фактически совсем не имели рядовых. Как показал В. М. Важинский, мобилизации солдат в Белгородском разряде в эти годы фактически «выгребали» последние ресурсы населения, переобременённого массой других повинностей⁷⁰.

Вовсе не случайно уже с весны 1697 г. правительство и в центре, и на юге страны стало переходить на наборы новых солдатских полков из «вольницы» и боярских холопов. Становилось очевидно, что нужно менять старые принципы организации военной структуры, принципы её комплектации, снабжения и финансирования. В первую очередь это касалось как раз неблагополучной пехоты, ситуация с которой вскоре обострилась потерей её значительной части — московских стрелецких полков, ставшей ещё одним результатом «усталости» военной структуры.

Эта усталость, как и в финале русско-турецкой войны 1673–1681 гг., снова вызвала социальный кризис, вылившийся в локальное стрелецкое восстание лета 1698 г.

* * *

Результаты мобилизаций армии в походах 1698 и стрелецкий мятеж 1698 г., после которого Пётр, вернувшийся из Великого посольства, использовал его как повод ликвидировать прежнюю ударную силу пехоты — московские стрелецкие полки, ставили вопрос о более серьёзных реформах военной структуры, чем первые паллиативные шаги периода Азовских походов. Уже весной 1699 с попытки заменить стрельцов началось формирование новых солдатских полков, основанных на наборе «вольницы» в комбинации со становящейся рекрутской системой, а также формирование национального офицерского корпуса путём принудительной мобилизации «московских чинов» Государева двора.

На опыте «восточной» войны 1686–1700 гг. становилось очевидным, что длительную войну на удалённых театрах с «гибридной» военной структурой, состоящей из военизированных сословных групп и основанной на полумилиционной системе с огромной долей самоснабжения, вести крайне затруднительно.

Вторым серьёзным толчком к переменам становился опыт Великого посольства — итоги знакомства с принципами строительства, организации и содержания европейских армий и военно-морского

⁷⁰ *Важинский В. М.* Усиление солдатской повинности ... С. 62–63, 65, 67.

флота, заставляющие обратить внимание на преимущества централизации и государственной организации снабжения и финансирования за счёт ослабления «воинской сословной повинности» более унифицированных по составу армии и флота. Одним из первых шагов наряду с созданием новых солдатских полков становился отказ в 1699–1700 гг. от закончившегося провалом «кумпанского» кораблестроения и переход к централизованному государственному строительству флота.

Очевидно, всё это и стало поворотом к масштабной военной реформе Петра, не ограничивавшейся созданием военно-морского флота, а фактически предполагавшей кардинальный отказ от ещё «молодой» военной структуры, которая была создана военными реформами Алексея Михайловича, закреплена и частично модернизирована при Фёдоре Алексеевиче и унаследована Петром, использовавшим её в начальной фазе своего самостоятельного правления.

Библиография и архивные источники

1. *Андрющенко О. В.* Население и администрация города Азова в 1696–1711 гг. Воронеж: Истоки, 2008. 281 с.
2. *Багалея Д. И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. [Т. 1]. М.: Изд. ИОИДР, 1887. II, XVI, 614 с.
3. *Багро А. В.* Украинское казачество и первый Азово-Днепровский поход. Дисс. ...канд. ист. наук. СПб., 2015. 303 с.
4. [*Бантыш-Каменский Д. Н.*]. История Малой России. Ч. 3. М.: Тип. С. Селивановского, 1830. [4], 264, 101 с.
5. *Богданов А. П.* Московская публикация последней четверти XVII века. М.: ИРИ РАН, 2001. 489, [2] с.
6. *Богословский М. М.* Пётр Великий: Материалы для биографии. Т. 1: Детство; Юность; Азовские походы: 30 мая 1672 — 9 марта 1697. М.: Наука, 2005. 534, [2] с.
7. *Бушкович П.* Пётр Великий: Борьба за власть (1671–1725). СПб.: Дм. Буланин, 2008. 541, [2] с.
8. *Важинский В. М.* Городовое дело в России в XVII в.: По материалам южных уездов // Вехи минувшего: Учёные записки Историч. ф-та Липецкого гос. пед. ун-та (Липецк). Вып. 3. 2003. С. 19–41.
9. *Важинский В. М.* Усиление солдатской повинности в России в XVII в. (по материалам южных уездов) // Известия Воронежского гос. пед. ин-та (Воронеж). Т. 157. 1976. С. 52–68.
10. *Великанов В. С.* Иностранцы офицеры в русской армии, 1696 и 1721 гг. // Oderint dum probent. (Электронный ресурс: <http://rusmilhist.blogspot.com.au/2015/09/foreign-officers-in-russian-army-1696.html#more>; дата обращения 18.12.2018).
11. *Гордон П.* Дневник. [Т. 5]: 1690–1695 / Пер. ст. и прим. Д. Г. Федосова. М.: Наука, 2014. 618, [6] с.

12. *Гордон П.* Дневник. [Т. 6]: 1696–1698 / Пер. ст. и прим. *Д. Г. Федосова.* М.: Наука, 2018. 323, [5] с.
13. Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II-м Собственной Е.И.В. канцелярией. Т. 4: [С 1676 по 1701 г.]. СПб.: Тип. Е.И.В. канцелярии, 1855. II с., 1162 стб.
14. *Желябужский И. А.* Дневные записки // Рождение империи. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 259–358.
15. *Курбатов О. А.* Военные реформы в России второй половины XVII в.: Конница. М.: Квадрига, 2017. 301, [2] с.
16. *Курбатов О. А.* Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–1658 гг. // Архив русской истории. Вып. 8. М.: Древнехранилище, 2007. С. 175–197.
17. *Курбатов О. А.* Очерк истории конных полков «нового строя» русской армии от начала их существования до окончания русско-шведской войны 1656–1658 гг. // Единорог М.). Вып. 3. 2014. С. 90–136.
18. *Курбатов О. А.* Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII в. // Иноземцы в России в XV–XVII в.: Сб. мат-лов конф. 2002–2004 гг. М.: Древнехранилище, 2006. С. 18–34.
19. «Летопись Самовидца» по новооткрытым спискам; С приложением хроник: Хмельницкой, «Краткого описания Малороссии» и «Собрания исторического». Киев: Киевская врем. комисс. для разбора древних актов, 1878. [2], XVIII, 81, 472 с.
20. *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671. М.: Древнехранилище, 2006. 622, [1] с.
21. *Перегудов А. В.* Государев Разрядный шатёр — орган управления воронежским кораблестроением: 1697–1700 гг. Воронеж: Истоки, 2010. 140 с.
22. ПиБ. Т. 1: 1688–1701 / Под ред. *А. Ф. Бычкова.* СПб.: Гос. тип., 1887. XXXVII, 888, LIII с.
23. РГАДА. Ф. 199. Портф. 130, ч. 15. Д. 2; Ф. 210: Белгородский стол. Стб. 1645.
24. *Рогожин А. А.* Генералы полков «нового строя» в 1650-е — 1690-е гг. // Русская военная элита: Сб. ст.: [Сб. мат-лов науч. конф., 7 ноября 2014 г.]. Севастополь; М.: Шико-Севастополь, 2015. С. 79–96.
25. *Седов П. В.* Комплектование полков «нового строя» во второй половине XVII в.: По документам Валдайского Иверского монастыря // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 49, n 2/3. 2015. P. 305–321.
26. *Седов П. В.* Правящая элита Русского государства 1660–1680-х гг. // Правящая элита Русского государства. IX — начало XVIII в.: Очерки истории. СПб.: Дм. Буланин, 2006. С. 406–469.
27. *Соловьёв С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн.7: История России с древнейших времён. Т. 13–14. М.: Мысль, 1991. 701, [3] с.
28. *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб.: Тип. II-го Отделения Собств. Е.И.В. канцелярии, 1858. 652, [9] с.

29. *Чернов А. В.* Вооружённые силы Русского государства в XV–XVII вв.: С образования централиз. государства до реформ при Петре I. М.: Воениздат, 1954. 224 с.
30. *Carol B. Stevens.* Soldiers on the Steppe: Army Reform and Social Change in Early Modern Russia. DeKalb: Northern Illinois Univ. Press, 1995. XII-240 p.

Пётр Егорович Сорокин
(Санкт-Петербург)

*Старший научный сотрудник
Института истории материальной культуры РАН,
заместитель директора НИИ культурного и природного наследия*

Окно в Европу: О сообщениях между западом и востоком по Невскому пути

Открытие «Окна в Европу» стало в русской истории нарицательным понятием начала ускоренных преобразований России по европейскому образцу, провозглашённых Петром Великим. Возвращение выхода в Балтику и основание Санкт-Петербурга, изменившие геополитическое положение страны, имели в этих процессах первостепенное значение. Общеизвестно, что Русское государство на протяжении своего существования, за исключением относительно непродолжительного периода с 1617 по 1703 г., имело прямой выход в Балтику на этом направлении. Однако обстоятельства не позволили в полной мере использовать этот выход. Средневековое славянское расселение не достигло побережья, поэтому крупные городские центры того времени — Новгород, Псков, Ладога находились в глубине территории, и связь их с Балтикой осуществлялась по рекам, среди которых важнейшую роль играла Нева.

Установление разносторонних контактов между населением Северной Европы, Русью и Восточными странами по евразийским торговым путям — Волжско-Балтийскому и Волжско-Днепровскому — относятся к концу VIII—IX в. Основные варианты магистральных водных маршрутов замыкались на Неву, служившую главным

выходом с территории Восточной Европы в Балтику. Но вплоть до начала XII в. Невский путь фактически контролировался скандинавами, размещавшимися в Ладоге и после образования Древнерусского государства находившимися на службе русских князей. Это небольшое поселение, служившее морским портом Руси на Балтике, было центром Ладожского ярлства, сохранявшего определённую автономию.

Наиболее ярким проявлением контактов между востоком и западом в IX–XI вв. является массовое поступление в Северную Европу восточного (арабского) монетного серебра, отложившегося в составе многочисленных находок по пути следования торговых маршрутов. На территории России обнаружено около 100 тыс. восточных монет, в Швеции свыше 80 тыс., в Восточной Прибалтике свыше 10 тыс., в землях западных (поморских) славян около 30 тыс.¹

Два клада восточных серебряных монет эпохи викингов и клад западноевропейских денариев конца XI в. были найдены в разное время вблизи устья Невы на побережье Финского залива. В районах Ладоги и Новгорода, находящихся в важных участках водного пути и в центре освоенных земель, количество таких кладов достигает около десятка. Наличие кладов в устье Невы объясняется ключевым положением этого места на водном маршруте². Наиболее сохранившийся Петергофский клад включал 82 монеты, младшая из которых была отчеканена в 804/805 г. в городе Балхе (современный Афганистан). Клад, относящийся к первому периоду обращения, был зарыт до 825 г. На монетах имеются многочисленные граффити: греческая надпись «Захариас», скандинавские и тюркские руны, а также арабские надписи, свидетельствующие о сложных путях его формирования³. Попадание отдельных восточных монет на север в течение 10 лет после чеканки показывает интенсивность сообщений. Прекращение их поступления в Северную Европу в середине XI в. объясняется изменением экономической и политической

¹ *Потин В. М.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным IX–XII вв. // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. Л., 1970. С. 64–88; *Он же.* Нумизматическая хронология и дендрохронология (по материалам новгородских раскопок) // Труды ГЭ. Том 21: Нумизматика, вып. 5. 1981. С. 78–89; *Noonan T. S.* Dirham exports to the Baltic in the Viking age some preliminary observations // *Sigtuna Papers – Proceedings of the Sigtuna Symposium on Viking-Age Coinage*, 1–4 June. Stockholm, 1990. P. 251–258. (*Commentationes de nummis saeculorum IX–XI in Suecia repertis. Nova series.* № 6).

² *Сорокин П. Е.* Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц, СПб., 2001. С. 4–5.

³ *Мельникова Е. А., Никитин А. В., Фомин А. В.* Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР: Мат-лы и исслед.: 1982 г. М.: Наука, 1984. С. 38–41.

ситуации на Арабском Востоке, вторжением в Поволжье кочевых племён, перерезавших сообщения по водному пути, а также распространением североευропейских монет.

В начале — середине XII в. после полного включения Ладоги в состав Новгородского государства получают развитие русское мореплавание и активная торговля на Балтике. Однако с началом крестоносной экспансии Швеции и Германии на восток уже во второй половине этого столетия заморские плавания русских купцов в европейские страны прекращаются. Одной из целей крестовых походов в Восточной Прибалтике было обладание Невским путём и контроль за русской торговлей. С отражением шведской экспансии в Приневье связаны Невская битва 1240 г., разрушение Ландскроны (1301), основание Орешка (1323) и борьба за его возвращение после захвата противником (1348—1349).

В XIII—XV вв. новгородско-ганзейская торговля ведётся в основном в Новгороде. Преимущественно водным путём, проходившем по Неве, Ладоге и Волхову, туда дважды в год приезжали немецкие и готские купцы. С возникновением Золотой Орды, городские центры которой располагались на Волге, и включением в сферу её влияния Русского государства происходит политическая стабилизация, способствовавшая новому расцвету восточной торговли. По Волжско-Балтийскому пути возобновляется поступление восточных вещей на территорию Руси, включая Северо-запад и Приневье.

В следующий Московский период конца XV—XVI в., после присоединения Новгорода к Русскому государству, восточное влияние в культуре Северо-запада усиливается. В городах, в том числе и в Орешке, появляется чернолощенная и поливная посуда, восточные типы керамики — кувшины, фляги, кумганы, ранее распространённые в Московской Руси. Иван III в конце XV в. начинает войны с Ливонией и Швецией за Балтийское побережье. Основание в 1496 г. Ивангорода, из русских городов наиболее приближенного к морю и европейским торговым центрам, а также закрытие Ганзейского двора в Новгороде должны были способствовать развитию прямой торговли со странами Западной Европы. Однако контроль внешних водных путей со стороны враждебных стран не позволял использовать имеющийся выход в Балтику для активной внешней торговли. Так называемый прибалтийский барьер, вынуждавший Россию вести с Западной Европой торговлю через посредничество немецкого купечества городов Ганзейского союза, сохранялся до XVII в.⁴

⁴ Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.; Л.: Наука, 1964.

В середине и второй половине XVI в., после присоединения Астраханского и Казанского ханств, вся внутренняя трасса Волжско-Балтийского пути вошла в состав Русского государства. Установление торговых связей с Персией, Средней Азией и Турцией, куда в отличие от Западной Европы вывозилась в основном ремесленная продукция, имело большое значение для экономического развития страны⁵. Это создавало предпосылки для развития транзитной торговли. По договору со Швецией 1557 г. русские купцы могли посещать Западную Европу, а шведским предоставлялось право проезда через Россию в страны Востока. В том же году Иван Грозный начал строительство нового города — порта у устья Наровы, вероятно, в районе впадения в неё Россони. Точное местоположение его пока не выявлено. Но он не получил своего дальнейшего развития, так как уже год спустя царь начал длительную Ливонскую войну в Прибалтике для присоединения портовых городов с развитой торговой инфраструктурой. Роль русского торгового порта на Балтике на протяжении 1558–1581 гг. выполняла завоёванная Нарва, переживавшая в этот период значительный экономический подъём и опередившая по товарообороту другие города Восточной Прибалтики⁶. Одной из целей войн и дипломатических усилий царя на востоке и западе являлось развитие транзитной торговли через территорию Русского государства. Первостепенное значение в сообщениях этого времени придавалось варианту Волжско-Балтийского пути с выходом в Балтику по Луге и Нарове.

В конце XVI — начале XVII в. торговля велась и на Невском пути в поселении Невское устье, которое только в 1615 г. посетили четырнадцать торговых судов. Среди них были: четыре Выборгских корабля, по два корабля из Ревеля, Нарвы, Новгорода и Норчепинга, по одному судну из Ладоги, Ивангорода, Стокгольма и Голландии⁷. Судя по количеству судов и сохранившимся отрывочным свидетельствам XV в., такие торги велись здесь и ранее.

После поражения в Ливонской войне (1658–1583), утраты завоёванных территорий в Прибалтике, русско-шведской войны 1590–1595 гг. развивается северное направление русской торговли с Западной Европой через Белое море, являвшееся основным с конца

⁵ *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1952. С. 64, 138. (Труды ГИМ. Вып. 21).

⁶ *Дорошенко В. В.* Русский экспорт через Нарву: По данным Ивангородской таможни 1619–1620 гг. // *Феодальная Россия во всемирном историческом процессе.* М., 1972. С. 347.

⁷ *Якубов К. И.* Русские рукописи Стокгольмского государственного архива // *ЧИОИДР.* Кн. 4. М., 1890. С. 76.

XV до начала XVIII в. Она велась через Архангельск при посредничестве Англии и Голландии. Тогда же начинаются поиски европейцами новых путей на Восток через территорию Русского государства. Р. Ченслер, Э. Дженкинсон, В. Баренц искали пути через Баренцево и Белое море⁸. Гольштинское посольство с А. Олеарием достигло Персии в 1636 г. по традиционному Волжско-Балтийскому пути. В результате англичане получили формальное разрешение на торговлю через Россию с Персией в середине XVI в., а голштинцы в 1640-х гг. Однако отсутствие надёжной транспортной инфраструктуры и высокие таможенные пошлины делали попытки организации европейскими странами на этом направлении восточной торговли малоэффективными.

Ограничения на ведение русской торговли, закреплённые Тявзинским миром 1595 г., были усилены в Столбовском договоре 1617 и Кардисском договоре 1661 г. Они предусматривали посредничество Швеции в русской торговле на Балтике, но даже с переходом русских прибалтийских владений к Швеции XVII в. посредничество её в торговле между Россией и Западной Европой не имело особого успеха, так как в этот период она в основном велась через Архангельск и прибалтийские города. Основанный в 1632 г. в устье Невы город Ниен, который король Густав II Адольф планировал сделать одним из центров шведско-русской торговли, также не получил значительного развития. Хотя его и посещали европейские суда (с 1640 по 1645 ежегодно от 92 до 112 кораблей), по торговому обороту и капиталу он значительно уступал Риге, Ревелю и Нарве с их богатым немецким купечеством⁹. При этом развитие Ниена сталкивалось с постоянным противодействием этих городов и Выборга, считавших новый город конкурентом в русской торговле¹⁰.

В то же время, в соответствии со Столбовским миром 1617 г., новое развитие получает прямая русско-шведская торговля, в результате чего возобновляется русское мореплавание на Балтике. На протяжении большей части XVII в. русские купцы из Новгорода, Ладogi и Приладожья на своих судах регулярно посещали Стокгольм, где имелся русский гостиный двор. Во второй половине XVII в. в Стокгольм отправлялись до 50 русских судов ежегодно,

⁸ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. 3: Т. 5–6. М., 1960. С. 519–522.

⁹ Шаскольский И. П. Русская морская торговля на Балтике в XVII в. СПб., 1994. С. 144–177; Кюнг Э. Нюен – центр транзитной торговли в устье Невы (1632–1703) // Tuna (Tartu), 2003. № 2. С. 17–38.

¹⁰ Гуппинг А. И. Нева и Ниеншанц. СПб., 2003. С. 218–219, 224; Кюнг Э. Указ. соч. С. 22.

причём в период с 1687–1696 гг. в отдельные годы туда приходило 62–98 судов. Основными пунктами их отправления были Новгород, Тихвин, Олонец, Ладога¹¹. Главную роль в этих сообщениях играл Невский путь.

На протяжении всей истории направление выхода в Балтику определялось для Русского государства военными и экономическими условиями. Три реки — Нева, Луга и Нарва — со средневекового времени связывали основные городские центры Северо-Запада России — Новгород, Псков и Ладогу с Балтикой. Нарва была пограничной рекой, наиболее приближенной к торговым центрам Восточной Прибалтики, с XIII в. включённых в систему западноевропейской торговли. Луга кратчайшим путём вела к Новгороду, при этом протока Россонь связывала её с устьем Наровы — наиболее удобным выходом в море. Ямгород, основанный в 1384 г. за порожистыми участками на переправе через Лугу, играл важную роль в системе обороны и Нарвского, и Лужского путей и обеспечения сообщений по ним. Основание в 1496 г. Ивангорода рядом с Нарвой определялось в первую очередь военными соображениями. Попытка Ивана IV построить новый город на Нарове, ближе к устью реки, объясняется не только стремлением «перехватывать» суда, идущие к Нарве, но и более надёжной связью этого места по р. Россони и Луге с внутренними районами государства. Прямой выход по Луге в Лужский залив был менее удобен для судоходства. Движение вверх по этой реке осложнялось её мелководностью и порожистыми участками, а выход к Новгороду и магистральным водным путям осуществлялся через сухопутные участки. Путь по Нарове был осложнён водопадом, находившимся перед Ивангородом и Нарвой, что требовало переволоки или смены судов в этом месте. При этом Нарова была связана с магистральными водными коммуникациями только окружным путём через мелководные притоки Псковско-Чудского озера и бассейна реки Великой, выходящих к Шелони и Ловати¹².

Нева на протяжении всего времени оставалась главным выходом из речных систем Восточной Европы в Балтику. Она была объединяющей частью Волжско-Балтийского и Балто-Днепровского путей, на которых и располагались основные центры Руси и России. С военной точки зрения Нева и в особенности её устье были уязвимы, как и берега Наровы, так как те и другие находились вблизи

¹¹ Шаскольский И. П. Русская морская торговля на Балтике... С. 44–45, 186–187.

¹² Сорокин П. Е. Водные пути и судостроение на Северо-западе Руси в средневековье. СПб., 1997. С. 17–23.

неприятельских крепостей — Выборга и Нарвы — и были легко достижимы с Балтики. Об этом свидетельствуют нападения шведского флота на Ивангород в 1496 г. и на Орешек в 1348 и 1555 гг.

Лужско-Нарвское направление русской торговли, активно использовавшееся с конца XIV в. и особенно в период Ливонской войны, было одним из вариантов выхода в Балтику. Есть все основания считать, что нарвское направление наступления русских войск в начальный период Северной войны было связано с планами Петра I по возрождению торговых связей с Западной Европой именно на этом направлении, как наиболее подготовленном в инфраструктурном отношении¹³. Хотя Нарва и воспринималась как ранее потерянный русский город, преюбилитетность действий Петра с войной Ивана Грозного в начале XVIII в. явственно не прослеживается¹⁴. Несмотря на то, что шведские территории Восточной Прибалтики, по договоренностям, должны были отойти к союзникам России, царь рассчитывал сохранить за собой Нарву как надёжный порт для торговых связей с Северной Европой. Учитывая, что вплоть до Полтавской победы у Петра не было уверенности в возможности сохранения новых завоеваний в Прибалтике, строительство нового крупного порта изначально не входило в его планы. Только после овладения Невой и знакомства с топографией неевского устья Пётр смог оценить все географические преимущества этого места для строительства нового города. В отличие от мелководного и открытого Нарвского залива, представлявшего опасность для судоходства, в устье Невы существовала большая акватория, закрытая островом Котлин, который впоследствии и стал базой морского флота.

В вопросе развития морской и транзитной торговли между Востоком и Западом Пётр Великий продвинулся вперёд в сравнении со своими предшественниками — он не только отвоевал и расширил выход к Балтике, Южным и Восточным морям, но и создал сильный военный флот, способный защищать внешние водные коммуникации. В годы Северной войны Петербург постепенно наращивал свой потенциал благодаря снятию шведской блокады и протекционистской политике царя, ограничивавшему своими распоряже-

¹³ *Аристов В. В.* Нарва — несостоявшаяся морская столица Петра I // Столицы и провинция: Материалы IV Международного конгресса петровских городов. СПб.: Европейский Дом, 2013. С. 196–223.

¹⁴ *Филошкин А. И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 237–245.

ниями внешнюю торговлю через другие порты. По его указаниям купцы насильно переселялись в новую столицу, где им предоставлялись налоговые льготы. Если в 1716—1720-х гг. в Архангельск ежегодно приходило 140—150 торговых судов, то уже в 1721—1725 гг. около 50. Напротив, в Петербург 1718 г. прибыло всего 52 торговых судна, но уже в 1720 их было — 75, а в 1725—1726 гг. — 450. Однако только в середине XVIII в. Петербург по объёму торговых оборотов занял первое место в стране, опередив портовые города Восточной Прибалтики¹⁵. При этом внешняя торговля России на Балтике сохраняла по преимуществу пассивный характер и велась, главным образом, по инициативе экономически развитых западноевропейских стран, а русское купечество не обладало достаточными средствами и опытом. Поэтому внешнюю торговлю, как и прежде, монополизировало государство, сосредоточивая в своих руках наиболее важные казённые товары, хотя их экспорт нередко отдавался на откуп купцам или компаниям. Поскольку торговый флот не был развит, основные морские грузоперевозки по-прежнему осуществлялись на европейских — английских, голландских и немецких судах. С востока в Россию ввозились по преимуществу предметы роскоши, а восточные товары, поставлявшиеся транзитом в Европу, составляли незначительный процент в русском экспорте.

Основание Петербурга повлекло за собой развитие внутренней гидрографической сети, использовавшейся со средневекового времени. Работы, начатые Петром I по созданию транспортных систем, сопровождавшиеся улучшением судоходства на них, строительством каналов и портовых сооружений, сухопутных дорог, в последующие годы обеспечили надёжную связь центральных районов страны с Петербургом.

Библиография

1. *Аристов В. В.* Нарва — несостоявшаяся морская столица Петра I // Столицы и провинция: Мат-лы IV Междунар. конгресса петровских городов. СПб.: Европейский Дом, 2013. С. 196—223.
2. *Гиппинг А. И.* Нева и Ниеншанц. СПб.: Лига плюс, 2003. 470, [1] с.
3. *Дорошенко В. В.* Русский экспорт через Нарву (по данным Ивангородской таможни 1619—1620 гг. // Феодальная Россия во всемирном историческом процессе: Сборник статей, посвящ. Л. В. Черепнину. М.: Наука, 1972. С. 339—350.

¹⁵ Очерки истории Ленинграда. Том 1. Период феодализма (1703—1861 гг.). М.; Л., 1955. С. 85—87; *Любименко И. И.* Торговля в Петербурге // Петербург Петровского времени. Л., 1948. С. 75—92.

4. *Кюнг Э. Нюен* — центр транзитной торговли в устье Невы (1632–1703) // *Tuna (Tartu)*, 2003. № 2. Р. 15–37.
5. *Любименко И. И.* Торговля в Петербурге // *Петербург Петровского времени*. Л.: Ленингр. газетно-журн. и кн. изд-во, 1948. С. 73–92.
6. *Мельникова Е. А., Никитин А. В., Фомин А. В.* Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. // *Древнейшие государства на территории СССР. Мат-лы и исслед.*: 1982 год. М.: Наука, 1984. С. 26–47.
7. *Очерки истории Ленинграда. Том 1: Период феодализма (1703–1861 гг.)*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 895, [2] с.
8. *Потин В. М.* Нумизматическая хронология и дендрохронология (по материалам новгородских раскопок) // *Труды ГЭ. Том 21: Нумизматика*, вып. 5. 1981. С. 78–89.
9. *Потин В. М.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным IX–XII вв. // *Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв.* Л., 1970. С. 64–88.
10. *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Кн. 3: Т. 5–6. М.: Соцэкгиз, 1960.
11. *Сорокин П. Е.* Водные пути и судостроение на Северо-западе Руси в средневековье. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. 206, [1] с.
12. *Сорокин П. Е.* Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц: 700 лет поселения на Неве. СПб.: Литера, 2001. 128 с.
13. *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М.: ГИМ, 1952. 139 с. (Труды ГИМ. Вып. 21).
14. *Филошкин А. И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб.: Дм. Буланин, 2013. 845 с., [16] л. цв. ил.
15. *Шаскольский И. П.* Русская морская торговля на Балтике в XVII в.: Торговля со Швецией. СПб.: Наука, 1994. 187, [2] с.
16. *Шаскольский И. П.* Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.; Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1964. 218 с.
17. *Якубов К. И.* Русские рукописи Стокгольмского государственного архива // *ЧИОИДР. Кн. 4*. М.: Унив. тип., 1890. 78 с.
18. *Noonan T. S.* Dirham exports to the Baltic in the Viking age some preliminary observations // *Sigtuna Papers — Proceedings of the Sigtuna Symposium on Viking-Age Coinage*, 1–4 June, 1989. Stockholm: Vitterhetsakademien, 1990. P.251–258. (Commentationes de nummis saeculorum IX–XI in Suecia repertis. Nova series. № 6).

Наталья Михайловна Сперанская
(Санкт-Петербург)

*Заведующая Центром изучения эпохи Просвещения «Библиотека Вольтера»
(Отдел редких книг) Российской национальной библиотеки*

Дневник Персидского похода 1722–1723 годов из Библиотеки Вольтера

В библиотеке Вольтера, приобретённой Екатериной II после смерти писателя, кроме книг хранится и некоторое число рукописей. Это тринадцать томов собственно вольтеровских бумаг — отпуски его писем, письма к нему, наброски и черновики. Все эти тексты либо опубликованы, либо учтены как варианты в собрании его сочинений. Кроме того, имеется пять томов материалов, собранных Вольтером при работе над «Историей Российской империи при Петре Великом», написанной по заказу российского правительства¹. Большая часть этих материалов была прислана Вольтеру из Петербургской Академии наук (некоторые документ составлены Г. Ф. Миллером и М. В. Ломоносовым), часть документов он собрал сам.

Эти пять томов рукописей были впервые описаны Р. И. Минцловым в его библиографии петровской россики в 1872 г.², затем

¹ [Voltaire]. Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand / Par l'auteur de l'Histoire de Charles XII. 2 t. [S. 1.], 1759–1763.

² Минцлов Р. И. Пётр Великий в иностранной литературе: Подробный каталог иностранных сочинений о России (Rossica), находящихся в Имп. Публичной библиотеке в С.-Петербурге. СПб., 1872. С. 65–77 (на франц. яз.).

Фернаном Косси в 1913 г.³, и в 1999 — Уллой Шёльвинг и Эндрю Брауном в качестве приложения к «Истории Российской империи...», подготовленной к изданию в составе Полного собрания сочинений Вольтера Мишелем Мерво⁴.

Е. Ф. Шмурло находил, что описание Персидского похода принадлежит к числу лучших страниц «Истории» Вольтера⁵. Среди документов, присланных из Петербургской Академии наук, находится, в двух списках, «Mémoire pour servir à l'histoire de Pierre le Grand» («Записка для составления истории Петра Великого») с подзаголовком «Affaires de Perse» («Персидские дела») ⁶. Записка содержит подробный рассказ о походе, составленный, вероятно, в конце 1750-х — начале 1760-х гг. специально для Вольтера, с описанием причин событий, хода военных действий и дипломатических перипетий, с обширными цитатами из писем Петра к Сенату и с текстами трактатов между Россией и Персией и Россией и Турцией. Заканчивается рукопись изложением причин, по которым после смерти Петра I Россия должна была вывести войска из провинций на юге Каспийского моря. Вероятно, кем-то в Петербурге на титульном листе оставлено замечание: «Ce n'est qu'un simple journal des affaires de Perse, dont il y aura très peu de choses que l'auteur pourra tirer dans son ouvrage» («Это просто дневник персидских дел, из которого автор мало что сможет почерпнуть для своего труда»). Однако, несмотря на такую оценку, именно этот документ использовал Вольтер, частично пересказав, частично резюмировав его в главе своей книги, посвящённой Персидскому походу⁷.

Предмет настоящей публикации — другой документ. Он не был использован Вольтером, но в отличие от «Записки», упомянутой выше, он представляет собой оригинальный источник, свидетельство очевидца событий. Это неизвестный историкам Персидского похода дневник одного из его участников⁸.

Н. А. Копанев писал о том, что ряд документов по истории России Вольтер мог получить от Авраама Павловича Веселовского

³ Caussy F. Inventaire des manuscrits de la Bibliothèque de Voltaire conservée à la Bibliothèque impériale publique de Saint-Petersbourg. Paris, 1913. P. 69–81.

⁴ [Kölvig U., Brown A.]. Appendice II: Inventaire des manuscrits de Saint-Petersbourg // Voltaire. Les œuvres complètes. Т. 47. Oxford, 1999. P. 990–1043.

⁵ Шмурло Е. Ф. Вольтер и его книга о Петре Великом = Voltaire et son oeuvre «Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand». Прага: Орбис, 1929. С. 92.

⁶ РНБ БВ 5-242. Т. 1. Л. 249–268, 277–301.

⁷ См. примечания Мишеля Мерво к главе «Des conquêtes en Perse» (Voltaire. Les œuvres complètes. Т. 46. P. 913–930).

⁸ РНБ БВ 5-242. Т. 3. Л. 177–188.

(1685–1783), в 1715 г. назначенного Петром I русским резидентом в Вене. В 1719 г. Веселовский был выслан из австрийской столицы, но он не вернулся в Россию, опасаясь репрессий в связи с делом царевича Алексея, и в 1730-х гг. поселился в Женеве. Он продолжал интересоваться всем, что связано с Россией, и собирать документы о ней, чем и объясняется, по всей видимости, то, что у него в руках оказался дневник, а более вероятно — копия дневника за 1722–1724 гг.⁹ В одном из писем Вольтер упоминает, что он знаком с живущим в Женеве старым послом, двадцать лет служившим России, в другом — что ему посчастливилось приобрести некие рукописи у человека, долго жившего в России¹⁰.

Документ представляет собой копию, что видно по некоторым характерным признакам: повторы строк, пропуски непонятных слов с оставлением места, пропуски слов по недосмотру. Той же рукой, что публикуемый дневник, записан находящийся в другом томе петербургских рукописей документ «Résolution donnée à St Petersburg le 1 er Mars 1712 à la Noblesse et Province du duché de Liefland sur les points qu'ils ont présentés» («Резолюция, данная в С.-Петербурге 1 марта 1712 г.¹¹ дворянству и области герцогства Лифляндского, на представленные ими пункты»), который заканчивается так: «Que cette translation est conforme et pareille à l'original de Russie, est attesté de mon seing. / Abraham Weseloffsky / Secrétaire des depeches Etrangères» («Этот перевод соответствует русскому оригиналу, что подтверждается моей подписью. Авраам Веселовский, секретарь иностранных депеш»)¹². При этом подпись не имеет обычного росчерка, но представляет собой полное имя, то есть эта «Резолюция» также является копией. Кроме того, маловероятно, чтобы Веселовский передал Вольтеру оригиналы имевшихся у него документов. Из этого мы заключаем, что копия дневника Персидского похода, во-первых, определённо получена Вольтером от Веселовского, а во-вторых, выполнена рукой писаря.

⁹ Об А. П. Веселовском см.: *Stroev V. Savants et hommes d'État russes d'origine juive // Revue des études juives* (Paris). Т. 52, n°104. 1906, 1.10. Р. 129–147; *Копанев Н. А. Ф. Лефорт, Вольтер, А. П. Веселовский // Швейцарцы в Петербурге*. СПб.: Петерб. ин-т печати, 2002. С. 440–447.

¹⁰ *Voltaire to C. S. of Aldenbourg, countess Bentinck, 9 mars [1756], D6771; Voltaire to I. I. Shuvalov, 24 may [1761], D9791 // Voltaire. Les œuvres complètes*. Т. 101. Oxford, 1971. Р. 99; Т. 107. Oxford, Р. 222.

¹¹ Здесь и далее даты указаны по ст. ст. (юлианскому календарю). В публикуемом документе даты даны дробью или по ст. ст. — *Прим. ред.*

¹² РНБ БВ 5-242. Т. 5. Л. 93об.

В переплетённом томе рукописных материалов дневник следует за рядом писем Пьера Лефорта, племянника Франца Лефорта. Вверху первой страницы другой рукой, чем сама рукопись (но не рукой Вольтера), надписано: «le fort». В описании Ф. Косси документ назван копией дневника Лефорта, в новейшем описании — «Отрывок из дневника Пьера Лефорта»¹³. Так называет его и публикатор «Истории» Вольтера, Мишель Мерво, цитируя из него параллельные места. Однако это явная ошибка, поскольку в начале дневника автор описывает своё вступление в службу в 1721 г., сообщая, что до того состоял в войсках Фридриха Вильгельма I, в чине поручика. Однако Пьер Лефорт к этому времени находился в России уже 27 лет. Более точно описал этот документ Р. И. Минцлов: «Дневник поручика Ингерманландского полка, принимавшего участие в Персидской войне. 1721–1724. 23 стр. in-4°»¹⁴.

Впрочем, автор дневника мог быть действительно как-то связан с Пьером Лефортом. Во-первых, дневник, как мы только что сказали, находится в том же блоке документов в вольтеровских бумагах, что письма Пьера Лефорта. Во-вторых, автор пишет, что был откомандирован от полка к «военной кассе», а про Пьера Лефорта известно, что он участвовал в подготовке Персидского похода, отвечая за экипировку армии¹⁵. В-третьих, наконец, автор дневника — франкофон, то есть вполне возможно, женевец¹⁶.

Он сообщает, что был зачислен сначала в Астраханский, а затем в Ингерманландский полк. Установить его имя нам пока не удалось, поскольку, насколько нам известно, списков Ингерманландского полка петровского времени не сохранилось¹⁷.

Дневник описывает численность и движение войск по дням. Приводимые в нём даты совпадают с Походным журналом Петра I.

¹³ «Copie du journal de Le Fort» (*Caussy F.* Op. cit. P. 76); «[3.34] [Extrait du journal de Pierre Le Fort]» // *Voltaire. Les œuvres complètes*. Т. 47. P. 1019.

¹⁴ *Минцлов Р. И.* Указ. соч. С. 71.

¹⁵ См.: *Babkine A.* Les lettres de Russie du Général Pierre Lefort // *Canadian-American Slavic Studies*. Vol. 10, n°1. 1976, Spring. P. 51.

¹⁶ Он был не только франкофон но и, скорее всего, протестант: потомок женеццев-кальвинистов или французов-гугенот, ибо именно эти категории оказывались в Пруссии. Однако родился, скорее всего, уже в Пруссии или приехал в раннем детстве и на момент смены службы был довольно молодым человеком, потому что, во-первых, воспринимал прусскую службу не как иностранную, и, во-вторых, имел невысокий чин поручика. — *Прим ред.*

¹⁷ «Краткая история 9-го пехотного Староингерманландского <...> полка: Для ниж. чинов: 1703–1892 г.» К. И. Мрочковского (М., 1892) даёт указания только относительно командного состава XIX в.

Кроме того, даты и подробности, которые он сообщает, совпадают с теми, что известны по воспоминаниям двух других иностранных участников похода, шотландского врача Джона Белла, присоединившегося к походу по приглашению лейб-медика Петра I, Л. Блюментроста¹⁸ и Питера Генри Брюса¹⁹. Двоюродный племянник Якова Брюса, П. Г. Брюс был военным инженером, специалистом по фортификации. Согласно его мемуарам, именно им была спроектирована и под его руководством построена на берегу Каспийского моря крепость Св. Креста; в 1723 г. он совершил плавание вдоль берегов Каспия и составил их карту²⁰.

Нам показалось целесообразным, публикуя этот дневник, где события описаны очень лаконично, привести более пространственные параллельные места из мемуаров П. Г. Брюса и Дж. Белла, поскольку первые не переведены полностью на русский язык, а вторые переводились только в XVIII в.²¹ Наш дневник верифицируется этими документами и в свою очередь подтверждает сообщаемые в них сведения.

Публикуемый дневник предельно лаконичен, а тон его повествования либо нейтральный, либо приподнятый. Однако параллельные места из мемуаров Белла и Брюса, при том, что они также не склонны к драматизации, позволяют увидеть, насколько тяжёлым был поход петровской армии на берега Каспийского моря.

Сохранившиеся источники по истории Персидского похода — это указы Петра I и Коллегии иностранных дел, рапорты военного командования. «Эти документы “генеральского уровня” адекватно охватывают масштаб происходивших событий и освещают направление (или изменение) политического курса в отношении “новозавоёванных провинций”, но в меньшей степени отражают повседневную жизнь солдат и офицеров и их контакты с местным населением», пишет И. В. Курукин. «У поглощённых службой людей первой половины XVIII века ещё не появилась потребности вести дневники и писать воспоминания. Тем более ценными являются немно-

¹⁸ *Bell of Antermony J. Travels from St. Petersburg in Russia, to diverse parts of Asia. Vol. 2. London, 1764.*

¹⁹ *Bruce P. H. Memoirs of Peter Henry Bruce, esq. <...> containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the West Indies, etc. London, 1782.*

²⁰ *Ibid.* P. 294, 296, 302.

²¹ [Белл Д.]. Белевы путешествия чрез Россию в разные азиатския земли; а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и в Константинополь / Перевёл с франц. Михайло Попов. 3 ч. СПб., 1776. Об отражении Персидского похода в мемуарах Белла см.: Дмитриев Е. Е., Мезин С. А. Поволжье петровского времени глазами британского путешественника // Материалы VI Международного Петровского конгресса. СПб.: Европейский Дом, 2015. С. 157–171.

гие подобные документы, исходившие от лиц с иным уровнем образования и культурными традициями»²². К числу таких документов относится и дневник, сохранившийся среди бумаг Вольтера²³.

* * *

Документ публикуется в нашем переводе с французского языка. Имена приводятся в дневнике с искажениями, которые мы в большинстве случаев не воспроизводим.

1721 год

29 / 18 мая

В этот день было твёрдо решено, что я уезжаю из Кёнигсберга в Пруссии; и также по убеждениям г-на резидента Бестужева, который уговаривал вступить в иностранную службу, в каковом желании я был так настойчив, что

7 июня / 27 мая перешёл реку в Митаве и

14-го того же прибыл в Ригу, откуда

25-го выехал и

1 июля / 20 июня благополучно достиг Петербурга.

21-го я получил решение знаменитой Военной коллегии всея Руси Е<го> Царского В<еличества>, что я буду употреблён в службу, в соответствии с моими патентами и письмом Е.В. короля прусского, на службе которого я состоял в чине поручика, и

31-го я получил приказы знаменитой Военной коллегии, один приказ на имя генерал-адмирала Апраксина, чтобы он дал распоряжение определить меня в Астраханский полк, а другой — в Военный комиссариат, чтобы мне было выплачено жалованье.

5 августа / 25 июля я принёс присягу Его Царскому В-ву,

23-го получил приказ генерал-адмирала. Поскольку я нахожусь в стране, где пользуются юлианским календарём, но по старому стилю [sic], дальше я буду пользоваться только им.

Я явился со своим предписанием к полковнику Астраханского полка, но он объявил мне, что в этом полку нет свободного места поручика и я должен обратиться к князю Меншикову, и попросить его совета. Тот принял меня милостиво и поместил меня в Ингерманландский полк, так что

²² Курукин И. В. На пути в Индию: Персидский поход 1722–1723 гг. М.: Русские витязи, 2015. С. 5.

²³ Выражаю сердечную признательность за помощь в работе над публикацией С. А. Мезину, И. В. Курукину и П. А. Авакову.

29 октября я получил приказ от этого князя к Петру Михайловичу Голицину в Ингерманландский полк, так что

10 ноября я с Божьей помощью вышел из Петербурга и отправился в этот полк, который был как раз на марше в Москву.

25-го Я догнал полк на Валдае, передал моё предписание и на следующий день, а именно

26-го был представлен к чину первого поручика в восьмую роту майором Грековым.

18 декабря мы вошли парадом в Москву и прошли с почётом через несколько триумфальных ворот, которые были приготовлены, и встали на зимние квартиры той же ночью²⁴.

1722 год

28 января праздновали объявление мира с особенной пышностью, с иллюминацией и фейерверком.

В феврале месяце все полки, которые оказались в Москве, были полностью укомплектованы, и получили приказ Его Величества, императора Российского, быть готовыми к предписанному маршу.

В марте полки получили струги, построенные в Москве, чтобы идти до Нижнего.

11 апреля была объявлена война татарам, иначе называемым Эндиреевские владетели [Andre Jausske Wladzielzy], с приказом начать марш водой, вследствие чего покинули зимние квартиры в Москве следующие батальоны:

1 мая чтобы сопровождать Особу Е.И.В., который пожелал сам отправиться на военные действия, бомбардирская рота, половина гренадерской роты, первый и третий батальоны Преображенского гвардейского полка, половина гренадерской роты и второй батальон Семёновского полка, половина роты и один батальон Ингерманландского полка и весь Астраханский полк.

20 апреля [так] я был откомандирован от полка к императорской Военной казне, чтобы сопровождать управляющего Военным Главным комиссариатом Панина на пути в Астрахань²⁵. В этом эскорте

²⁴ Через пять триумфальных ворот, построенных в честь Ништадтского мира, завершившего Северную войну, прошли два гвардейских и четыре армейских полка. Об этом праздновании в декабре 1721 и в январе 1722 г. см.: *Мезин С. А.* Военные триумфы Петровского времени: Идейное содержание // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов. Вып. 4. Саратов: Научная книга, 2000. С. 57–59.

²⁵ Иван Васильевич Панин (1673–1736), управляющий Военным Главным комиссариатом и заведовавший в Низовом корпусе раздачей жалованья и амунции.

я получил под своё командование одного сержанта, 3 капралов, 1 барабанщика и 85 солдат или мушкетеров.

Сверх того, я получил под своё командование

24-го 60 рекрутов и 1 капрала Астраханского полка.

1 мая [так] Ингерманландский и Семёновский полки выступили из Москвы,

12-го я выступил из Москвы со своим отрядом,

16-го мы прошли через Коломну, где снова встретились с Е.В. и со всем двором,

18-го прошли Переяславль Рязанский,

25-го Касимов,

28-го Муром, где имели несчастье сесть на мель, почему вынуждены были остановиться здесь на 18 часов,

31-го прибыли в Нижний Новгород, где получили другие корабли и 4 островских лодки²⁶ и оставались там, до

10 июня [когда] вышли из Нижнего по реке Волге,

11-го прошли Макарьевский монастырь, и я также осмотрел его;

13-го пришли в Казань и [я] получил приказ взять там денежного довольствия,

16-го Симбирск,

20-го Саратов,

30-го Камышин,

4 июля Царицын,

6-го Чёрный Яр,

11-го благополучно прибыли в Астрахань,

12-го я был снят с командования и снова включён в полк, который вместе со всей армией встал лагерем у города.

17-го снялись с лагеря,

18-го вышли из Астрахани под артиллерийский и мушкетный салют²⁷ и

21-го вошли в Каспийское море.

27-го весь флот пристал к берегу, примерно между Эндиреевской и Черкесской Татарией в 30 верстах от реки Сулак;

28-го высадились на берег и начали возводить укрепления и рогатки²⁸;

²⁶ «...в начале 1722 года повелено им было строить от каждого полку довольное число судов, по образцу тех, кои употреблялись в Финляндии между шерами и островами, и для того назывались Островские лодки» (*Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний...* [СПб.: При Имп. Акад. наук, 1763]. С. 55).

²⁷ «18 июля ... флотилия (47 парусных кораблей, 241 островская лодка и 55 шлюпок) вышла в море» (*Курукин И. В. На пути в Индию...* С. 13).

²⁸ Аграханский ретрашемент, укрепленный лагерь на берегу Аграханского залива.

спустя два или три дня нам доставили от Тарковского шамхала²⁹ 600 арб с волами и верблюдами, которых Е.В. приказал купить в этой земле³⁰.

В местности, где мы высадились, Е.В. собственноручно заложил траншею на 2 бастиона и две линии вдоль моря, чтобы создать прикрытие для флота, который они [войска] оставили, и когда мы уходили, он оставил для его охраны 1 батальон и 1500 казаков. Сверх того, осталось около 1000 человек больных, с приказом, чтобы они были доставлены в Тарки с первым попутным ветром.

5 августа армия снялась с лагеря под командованием Е.В. и продолжила марш сушею.

В тот же день Тарковский шамхал встречался с генерал-адмиралом.

6-го Шамхал встретился с Е.В.

Следует отметить, что перед тем он разоружился, так же, как и вся его свита.

7-го мы прошли реку Сулак, но волы, верблюды и лошади — их пришлось переправлять вплавь, а солдат, арбы и поклажу перевозили на двух ³¹ (сделанных из маленьких ³²), и, закончив переправу, встали лагерем и оставались, пока не прошла вся армия.

11-го снова снялись с лагеря и продолжили марш.

НВ. Е.В., осердившись, приказал отнять шпаги у всех офицеров Дивизии и заставил их нести по четыре ружья. Они принуждены были носить их более часа времени, как арестанты, после чего Е.В. забрал ружья и вернул им шпаги, и жаловал целованием руки. Всё это произошло потому, что при появлении врага они оказались с разряженным оружием.

НВ. Старшими среди них были Мамонов и Румянцев³³.

²⁹ Шамхал Тарковский, Адиль-Гирей.

³⁰ Дж. Белл пишет: «...в лагерь доставили 300 арб, в каждую было запряжено по два вола, но упряжь их была так для нас непривычна, что нам стоило большого труда пустить их в путь» (*Bell J. Op. cit. P. 380*). Брюс говорит о 600 арбах, в каждую запряжено по два вола (*Bruce P. H. Op. cit. P. 267*).

³¹ Оставлено место для одного слова.

³² То же.

³³ Вероятно, генералы И. И. Дмитриев-Мамонов и А. И. Румянцев. Подробности и печальные последствия этого эпизода так описаны в мемуарах Брюса: «11-го числа мы снова вышли на марш, половина драгун и казаки — в авангарде, другая половина — в арьергарде. В этот день мы прошли 30 вёрст, несмотря на такую сильную жару, что некоторые солдаты пали на переходе. Когда в середине дня мы остановились на привал, увидели, что с гор спускается отряд вооружённых всадников. Его величество был в арьергарде. Он поехал вперёд и

12-го армия пришла в Тарки, стала лагерем в каре, и окопалась рогатками.

13-го Е.В. нанёс визит Шамхалу в Тарки, сопровождаемый 170 гренадерами и эскадроном драгун.

14 августа Тарковская шамхальша нанесла визит Е.В. императрице, прибыв с пышной свитой, а именно: на двухколёсной повозке наподобие тачки, подобной тем, какими пользуются немцы; впереди неё шли три лошади;

16-го мы снялись с лагеря под Тарками и пошли маршем, из-за отсутствия воды, три дня подряд при сильной жаре, пока наконец

18-го к ночи прибыли в место, где была красивая степь и хорошая вода, и решили здесь встать.

19-го раздались два пушечных выстрела, в 2 часа пополудни, из нашего лагеря. На возвышенных холмах показался отряд татар³⁴. Казаки, которые первыми заметили врага, не стали действовать без команды до тех пор, пока не прибыл Е.В., который сам командовал своей дивизией (и бригадир Ветерани³⁵ с бригадой, которая прикрывала два фланга пехотной дивизии), и тогда казаки получили приказ (поскольку татары уже начали спускаться с гор) атаковать врага, что и произошло, и стычки продолжались до вечера. Кавале-

спросил, у всех ли заряжено оружие. Узнав, что нет, он сам командовал заряжать, и в то же время офицерам его собственной дивизии — собраться во главе гренадерской роты. Там он сурово отчитал нас за пренебрежением долгом. После этого у нас отобрали шпаги (у старших офицеров, которые были в то же время генералами, и у всех капитанов), и сложили их в одну повозку. Старшим офицерам было приказано спешиться и идти, выстроившись в ряд, а капитанам — в три ряда след за ними. Каждый офицер нёс на плече по четыре мушкета. Так мы шли около двух часов по невыносимой жаре, когда императрица, узнав о нашем несчастном положении, поспешила в своём экипаже к нам на помощь, и так убедительно говорила в нашу защиту, что мы были освобождены от ноши и нам вернули шпаги, и разрешили поцеловать руку его величества, который сказал нам, что он наказал офицеров только своей гвардии, потому что они должны подавать пример остальной армии. Однако этот урок дисциплины имел суровые последствия. Капитан гренадер, корпулентного сложения, умер на другой день от переутомления, а ещё несколько сделались больны, и из них некоторые также скончались» (*Bruce P. H. Op. cit. P. 268–269. Пер. с англ. здесь и далее мой. — Н. С.*).

³⁴ О столкновении с отрядом утамышского Султана-Махмуда см.: *Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия: 1722–1735. М.: Квадрига, 2010. С. 65–67; Курукин И. В. На пути в Индию... С. 17–18; Bruce P. H. Op. cit. P. 276–281.*

³⁵ Бригадир Андрей Ветерани командовал корпусом из трёх драгунских полков (см.: *Курукин И. В. На пути в Индию... С. 9.* Здесь и далее сведения о военачальниках — из этой работы и из его же книги «Персидский поход Петра Великого...» (см. примеч. 34).

рия также преследовала врага до близлежащих селений. Генерал-майор Кропотов³⁶ атаковал эти деревни, сжёг их и приказал убивать всех, кто там был. Селение, где находился Султан Махмут, постигла та же участь, что и другие селения. В тот же день взяли пленными 22 человека, среди которых оказался один священнослужитель, и, как кто-то подсчитал, татары потеряли 700 или 800 человек, а мы — не более 20 или 30 драгун убитыми и ранеными, 20 казаков убитыми и ранеными. Инфантерия в тот день оставалась на месте до вечера, пока мы не прибыли на место, в пикете.

20 августа рано утром бригадир Барятинский³⁷ получил приказ выступить, с 4 батальонами пехоты, к селеньям, для поддержки кавалерии. Вся пехота отступила к прежнему лагерю, и ждала там тех, которые были командированы; они вернулись в тот же день с новостью, что повсюду, где прошла кавалерия, она всё пожгла и всех умертвила.

В тот же день пленные татары были допрошены с большим пристрастием, однако они так упорствовали, что не пожелали ни в чём сознаться, поэтому Е.В. приказал, чтобы одни из них были посажены на кол, а другие колесованы и повешены, что и было исполнено также

21-го утром при нашем снятии с этого лагеря; Е.В. повелел обрубить одному из них нос и уши и послать с манифестом, и он тут же отправился с таким смешным посланием, что ему никогда уже не придётся сражаться с этой державой, но однако он будет носить ей хлеб и воду³⁸.

В тот же день мы снялись с лагеря и прошли маршем далее, через чистые рощи, большей частью состоявшие из диких фруктовых деревьев — яблонь, груш и виноградной лозы.

Кроме прочего, прошли мы колодец с горячим источником, дно которого было выложено большими каменными плитами, Е.В. искупался в этой ванне.

22 августа продолжили марш и прошли две небольших речки.

23-го пришли в Дербент (который является ключом Персии) и который, как считается в этих краях, очень хорошо укреплен, и

³⁶ Гаврила Семёнович Кропотов командовал четырьмя драгунскими полками.

³⁷ Бригадир И. Ф. Барятинский.

³⁸ Мемуары Брюса объясняют, что нападение войска Утамишского султана было ответом на истребление драгунами, под руководством А. Ветерани, деревни Эндери. Он пишет, что Ветерани доставил в лагерь лидера «андреевцев», и Пётр приказал повесить его, «для примера другим». «Это так разозлило других дагестанских владельцев, что они твердо решили мстить, чем доставили нам немало трудностей» (*Bruce P. H. Op. cit. P. 268*).

прошли через город при полном параде в тот же день, во главе с самим Е.В., <пропущено одно или несколько слов> который вручил ключи, с совершенным смирением, Его Величеству, но почтил императрицу, вручив ей подобные же ключи, но из серебра, и вся армия встала в каре возле города, и было приказано ничего в городе не брать, не платя денег.

24-го откомандировали отряд в 3000 человек на берег реки в 15 верстах за Дербентом, где остановилась флотилия, чтобы снять муку с судов и печь хлеб для армии, под командованием бригадира Левашова³⁹. Место было очень удобно, и в достатке было хорошей воды, вина и леса.

25-го мы прибыли в указанное место⁴⁰, но в момент нашего прибытия поднялась сильная буря, пришедшая с севера, она перевернула почти все грузовые корабли с продовольствием и ещё две тёлки [schnacks] с артиллерией, к несчастью, на песчаный берег, так что нам не удалось забрать всю муку; поскольку все они [продовольственные припасы] пропали, их собрали с большой потерей с песчаного берега и распределили эту муку между батальонами. Мы начали строить печи из глины, а затем печь хлеб, растапливая печи лесом от разбитых судов⁴¹.

27 августа Е.В. также прибыл в лагерь и увидел большую потерю судов, севших на мель, после чего приказал возводить на этой реке ретрашемент, состоявший из одного бастиона и двух полу-<полубастионов>, чтобы использовать обломки и железные снасти от этих кораблей. Уходя, мы оставили при этом укреплении гарнизон — 30 солдат и 100 казаков, под командованием одного капитана.

30 августа вся армия пришла из Дербента в этот лагерь, которым, как говорят, командовал бригадир Левашов.

НВ. Перед выступлением из Дербента состоялся совет, где решали, что предпринять — продолжать марш или повернуть армию назад, ввиду потери стольких кораблей с продовольствием, и поскольку последний отряд капитана Вильбуа⁴² также задерживался с

³⁹ Бригадир Василий Яковлевич Левашов.

⁴⁰ В устье реки Миликент.

⁴¹ Брюс описывает, что разбитые и выброшенные на берег суда были занесены песком, намываемым волнами, и мешки с мукой пришлось откапывать. Далее следует описание «suchary bread», сухарей, которые были изготовлены из этой муки (*Bruce P. H.* Op. cit. P. 287–288).

⁴² Капитан 1-го ранга Никита Петрович Вильбоа (Вильбуа; François Guillemot de Villebois). См. о нём: *Мезин С. А.* Об одном источнике «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера: Так называемые «Записки Вильбуа» // *Вольтеровские чтения: Сб. науч. трудов. Вып. 2.* СПб.: РНБ, 2014. С. 54–65.

оставшимися кораблями, решено было возвращаться, что и было предпринято⁴³.

6 сентября после того, как мы испекли весь хлеб и распределили его по армии, мы снялись с указанного лагеря и вернулись в тот же день к Дербенту.

7-го мы прошли через Дербент и остановились в 15 верстах оттуда.

8-го отдыхали,

9-го снялись с лагеря и перешли через реку с большим трудом, потому что вода сильно поднялась по сравнению с тем, какой она была по дороге сюда.

10-го снова оставались на месте. В тот же день послали вперёд обозы и фуражиров с конвоем.

11 сентября армия выступила вслед за нами, и мы продолжили марш до того места, где мы встретили противника на нашем первом марше.

12-го хотели отдохнуть полдня в этом месте и в остаток дня привести в порядок амуницию, но около 11 часов появились татары; пробили тревогу, но всё кончилось небольшой стычкой с ними казаков и нескольких калмыков. Они привезли 12 пушек, которые захватили у врага, и, кроме прочего, красивое платье, саблю и ружьё, вероятно принадлежавшие знатному татарину. Казаки подарили всё это Е.В., и получили за это 100 дукатов. Мы снялись с лагеря в тот же день и шли до большого ущелья, где прошли ночью по узкой теснине, и следующий день отдыхали. Во время этой остановки сожгли некоторое число повозок (за отсутствием лошадей, потому что они пали во множестве).

14-го продолжали марш и ещё раз прошли через два ущелья, где мы проходили предыдущей ночью.

15-го продолжали марш, когда несчастье случилось с трубачом по фамилии Преображенский, из личной гвардии Е.В., он ушёл далеко вперёд и был атакован татарами, которые нещадно изрубили его⁴⁴.

⁴³ В Походном журнале и в других документах в качестве прекращения кампании 1722 г. также указывалась трудность доставки боеприпасов и провианта. Этого обстоятельства действительно было достаточно для решения повернуть назад. Брюс, однако, описывал ещё и появление в ставке Петра турецкого посланника, который объявил, что в случае дальнейшего продвижения в персидские владения Порты объявит войну России (*Bruce P. H. Op. cit. P. 288*). И. В. Курукин указывает на недостаток документальных подтверждений этого факта, но сообщает также, что в том же месяце, сентябре, русскому резиденту в Константинополе И. И. Неплюеву было сделано аналогичное предупреждение (*Курукин И. В. На пути в Индию... С. 21–22, 38, прим. 120*).

⁴⁴ В Походном журнале это известие отражено так: «В 15-й день. <...> не дошед версты за 4 до Тарков, нашли на дороге убитых от татар трубача

В этот день мы дошли до Тарков.

16-го снялись с лагеря под Тарками после полудня и прошли до следующей остановки 12 вёрст.

17-го и 18-го шли без воды, к тяжкому страданию больных и всей армии, и наконец ночью дошли до реки Сулак, однако не в том месте, где мы переходили её, а в дне пути выше, где мы нашли фураж и в изобилии чистую воду.

В этом же месте мы встретили бригадира Шамордина с его отрядом, и 7000 калмыков, которые в наше отсутствие отбили у эндиреевских 6000 голов скота, и теперь продали их армии.

Они также навели мост через Сулак, по которому мы должны были пройти.

NB. Возле этой реки Сулак мы стояли несколько дней, после чего один отряд

19 сентября был командирован с бригадиром Бярятинским к флотилии, вместе с 3000 солдатами, чтобы приготовить островские лодки.

23-го отправили отряд из 5000 калмыков, 2000 казаков и 300 драгун, под командованием одного подполковника, — всех этих людей взяли из отряда бригадира Шамордина, чтобы идти к Дербенту и истребить там взбунтовавшихся татар⁴⁵.

24-го Е.В. снова указал на той же реке Сулак, при слиянии с маленькой речкой Аграхан, регулярный бастион из шести полууглов и дал этой крепости имя Св. Креста.

26-го перешли реку Сулак по наведённому через неё мосту и продолжили марш, пока

27-го счастливо дошли до флотилии, которую бригадир Бярятинский уже закончил, и погрузились в большой спешке, так что

29-го Е.В. вышел в море в сопровождении гвардейцев Преображенского полка.

1 октября мы также вышли в море, и вся армия продолжала путь таким же образом, дивизиями, и

11-го мы, благодаря Бога, благополучно достигли Волги⁴⁶.

Его Величества Бранта да валторниста Преображенского полку <...> на Бранте сочтено 17-ть ран <...>» (Походный журнал 1722 года. СПб., 1855. С. 82).

⁴⁵ Ср. Пётр I Сенату 16 октября 1722 г. о действиях в сентябре: «Тут же прибыли к нам калмыки, которых мы, и с ними тысячу казаков, купя им у калмык лошадей, послали на усмея» (Сб. ИРИО. Т. 11: [Бумаги императора Петра I]. СПб., 1873. С. 497).

⁴⁶ Дневник Брюса объясняет, что означает эта лаконичная запись, а кроме того, показывает, что автор нашего дневника, вероятно, находился на том же вельботе. Во время перехода к Астрахани несколько вельботов были разбиты

14-го Вся армия прибыла в Астрахань, под развёрнутыми парусами и под барабанный бой, и отправилась

15-го на квартиры в город.

НВ. [Когда] мы прибыли в Астрахань, Е.В. уже нашёл там посланных от области Гилян, которая покорялась оружию Его Величества, и отдавала себя под его покровительство⁴⁷.

20-го полковник Шипов был послан водою с 2 батальонами в указанную область; он прибыл туда только к концу осени, и овладел ею.

В тот же день вся дивизия получила приказ Е.В. выступать маршем вперёд и идти до Царицына на островских лодках, и в соответствии с этим приказом

5 ноября мы вышли из Астрахани с Е.В. и всем двором продолжили наш путь.

11-го прошли Чёрный Яр, где Е.В. встречался с Аюкой [ханом] калмыков, и оставил его у себя обедать, и жаловал ему много подарков⁴⁸.

штормом, но люди спасены, а три затонули вместе со всеми, кто был на борту. Но кроме того, в результате крушения шлюпки с провиантом вельбот, на котором шёл Брюс, остался почти вовсе без еды, а адмирал Апраксин на просьбу о помощи ответил отказом. Солдаты стали умирать от истощения, а остальные просили позволить им съесть умерших. Тем не менее судно Брюса пришло в Астрахань первым, именно 11 октября, а весь флот – 14-го. Брюс также сообщает, что одно судно, с больными и ранеными, было выброшено на восточный берег Каспия, в Туркестан, и заключает: «В этой несчастной экспедиции было потеряно больше трети армии, не на поле боя, а от болезней и истощения» (*Bruce P. H. Op. cit. P. 297–300*).

⁴⁷ Вероятно, имеется в виду эпизод, так описанный Ф. И. Соймоновым: «Между тем, как чинились приуготовления к возвратной езде в Москву, соизволил Государь посмотреть ловли осетров и белуг у так называемых Учугов. На первом из оных, Иванчуг называемом, пришел из Гилани кабинет-курьер Чеботаев с известием к Государю от находящегося в Ряше Российскаго Консула Семена Аврамова, и с письмом от Везира, или Коменданта, оного города к Губернатору Волинскому, такого содержания: “что тамошние жители, от бунтовщиков весьма утеснены, и ничего так не желают, как чтоб пришло российское войско, и приняло их в защищение”» (*Соймонов Ф. И. Указ. соч. С. 104*). Согласно Походному журналу, известие было получено 24 октября 1722 г. (*Походный журнал 1722 года. С. 19*).

⁴⁸ Автор дневника не упомянул о том, что Пётр I встречался с ханом Аюкой также и на пути из Москвы в Астрахань, просил поддержки его войска и получил несколько тысяч всадников. Джон Белл, описывая эту встречу, говорит о предводителе калмыков: «Аюка-хан стар, ему около семидесяти лет, но очень открытый и жизнерадостный. Он осторожный и мудрый правитель, соседи уважают его за искренность и прямоту. Я помню, что когда я был в Пекине, китайский император отозвался о нём с большой похвалой. Имея большой опыт, он прекрасно знаком с состоянием дел на Востоке» (*Bell J. Op. cit. P. 371*).

14-го прибыли на расстояние 40 вёрст от Чёрного Яра, где оставались, при большом холоде, и вынуждены были сойти на сушу и строить шалаши⁴⁹.

19-го вышли пешим ходом из наших шалашей, кроме одного батальона, которому было приказано оставаться охранять амуницию и продолжали наш марш, пока

23-го дошли с большими тяготами до Царицына,

24-го праздновали тезоименитство Е.В. императрицы,

30-го праздновали день св. Андрея.

5 декабря Е.В. вышел из Царицына и, проходя через Воронеж к Москве, дал приказ всем батальонам следовать за ним, кроме одного батальона Ингерманландского полка, и одного — Астраханского полка, которые остались в Царицыне до нового приказа⁵⁰.

8-го Е.В. императрица последовала [за императором].

11-го ранним утром генерал Мамонов последовал [за ними], а за ним — батальоны.

В 1723 г.

16 марта командировали отряд в 400 солдат в Stupni-Jar [?], из двух батальонов, которые стояли в Царицыне, чтобы забрать островские лодки, к каковому отряду и я был причислен.

17-го остановились перед Eisgang⁵¹ на Волге,

19-го прибыли на место,

20-го они были починены, и мы забрали их готовыми.

21-го мы отправились с 15 починенными островскими лодками,

28-го благополучно прибыли в Царицын.

7 апреля вышли из Царицына на Астрахань, с 15 островскими лодками.

13-го прибыли в Астрахань.

20-го бригадир Левашов выступил в Гилян с 4 батальонами,

⁴⁹ Брюс со своим отрядом достиг Чёрного Яра 16 ноября. «...Река в эту ночь полностью замёрзла <...>, и я был единственным офицером нашей дивизии, кому посчастливилось оказаться застигнутым льдом в населённом месте. Его Величество, с четырьмя батальонами, был остановлен 40 верстами выше нас, а бригадир Корчмин, с двумя другими — 40 верстами ниже, и смог дойти пешим ходом до Чёрного Яра только 19-го» (*Bruce P. H. Op. cit. P. 304*).

⁵⁰ Из дальнейшего видно, что автор дневника находился в одном из оставленных батальонов. Брюс, один из офицеров, командовавших ими, пишет, что в апреле 1723 г. они получили приказ вернуться в Астрахань (*Bruce P. H. Op. cit. P. 311*).

⁵¹ «Ледоходом» (нем.)

25-го два батальона выступили на усиление дербентскому гарнизону.

16 июня генералы Матюшкин и Трубецкой и бригадир Бяргинский с 3000 солдатами пехоты вышли в море, чтобы идти на Баку.

NB. Два батальона Ингерманландского и Астраханского полка остались гарнизоном в Астрахани.

18 сентября генерал-майор Матюшкин и генерал Трубецкой, счастливо осуществив свою задачу и взяв одну из самых сильных персидских крепостей, именуемую Баку, вернулись в Астрахань.

12 октября калмыки поссорились между собой, и часть их, а именно Дасанг с двумя своими братьями, внуки первого Аюки-хана, попросили покровительства Его Имп. Величества. Для их защиты он назначил отряд в 400 человек, чтобы сопроводить их до Красного Яра, и на этот раз отряд так хорошо справился со своей задачей, что между ними ничего не произошло.

6 ноября между ними началась ссора, так что снова отправили в Красный Яр сначала отряд в 200 человек инфантерии, 50 драгун, 300 казаков, и губернатор Астрахани г. Волынский лично отправился туда в намерении успокоить эти взбунтовавшиеся войска, но, поскольку до того они уже устроили стычку друг с другом, ничего нельзя было сделать с этими дикими людьми⁵². Поскольку охрана

⁵² В 1690 г. верховный правитель калмыков Аюка получил от Далай-ламы ханскую грамоту и печать. В 1713 г. Аюка назначил своим преемником своего старшего сына Чакдорджапа. Однако позже он переменял решение и при встрече в Саратове с Петром I в июне 1722 г. просил его назначить своим преемником сына от другой жены, Церен-Дондука. После смерти Чакдорджапа в феврале 1722 г. на ханский престол стал претендовать его старший сын Дасанг, при поддержке своих братьев Баксадай Доржи и Нитара Доржи. Осенью 1723 г. они обратились за помощью в Астрахань. Переводчик русского правительства на переговорах с калмыками и автор первого труда по истории этого народа В. М. Бакунин сообщает: «Дасанг же и брат его Баксадай Доржи, присылая к губернатору Волынскому нарочных зайсангов и принося на хана Аюку жалобы, просили о защищении и приближались с улусами своими к Астрахани, почему высланы были из Астрахани для принятия их капитан Брюс и поручик Андреян Лопухин, и с ними две роты солдат Ингерманландского и Астраханского батальонов, 50 человек драгун Астраханского гарнизона с двумя полковыми пушками, 100 человек донских казаков и несколько сот юртовских татар, а для переправления улусов их с луговой степи через реку Ахтубу – в луга лодок, сколько возможно было собрать, а затем и сам Волынский туда ж выезжал» (*Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: Соч. 1761 г. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. С. 39). Брюс отмечает, что отряд был сформирован из «наших двух батальонов» (*Bruce P. H.* Op. cit. P. 328). Мы видели, что автор дневника находился в составе этих батальонов, но судя по тому, что он не описывает похода к калмыкам, вероятно, он в нём не участвовал.

Дасанга была слишком слаба, его увезли почти до самой Астрахани. Но Аюка-хан преследовал его и досюда, так что пришлось посылать 200 человек, чтобы сопроводить Дасанга до прикрытия астраханских пушек. Ему позволили фуражировать здесь и сопроводили этого Дасанга, вместе с его братьями, на квартиры, чтобы они были в безопасности. Однако он отправил одного из своих братьев, Баксадай Доржи, к Е.В. в Москву⁵³, чтобы обеспечить ему, Дасангу, защиту, и назначить его воевать против Аюки-хана, что как раз и стало причиной их раздора. Этому способствовала ещё следующая причина, а именно, что Аюка-хан, как их дед, женился на их матерях, что и послужило причиной их ссоры, которая длится и до сих пор⁵⁴.

Между братьями был ещё один, Нитар Доржи [Nibery Dorsy], который доставил больше всех забот Аюке-хану, поскольку по всей видимости он был храбрым воином, и много вредил Аюке-хану⁵⁵. Примечательна речь, которую держал средний брат, Баксадай Доржи перед губернатором Волынским. Он спросил его, кто самый великий монарх Европы. На что губернатор отвечал, что тот должен знать, что Е.В. император Российский вёл сильную войну с королём шведским в течение 22 лет, и всё же в конце концов победил его, и что в то же время он вёл войну с турками и татарами, и не переставал одерживать победы над своими врагами, из чего следует, что Е.В. император Российский вероятно самый сильный монарх Европы. На что калмыцкий князь отвечал так: г. губернатор должен бы также помнить, что Е.В. король Франции вёл один в течение 14 лет войну в Брабанте, и что хотя Е.В. Римский император был сам очень могущественным монархом, он ещё и заключил союз с королями Дании, Пруссии, Англии, Голландии, разными курфюрстами, герцогами и т.д. Однако он не слышал, чтобы король французский должен был заключать союз с иностранными державами, и всё же

⁵³ Очевидно, имеется в виду поездка Баксадай Доржи в столицу (в Санкт-Петербург) весной 1724 г. Здесь он был крещён, наречён Петром, «восприемником ему изволил быть государь император Пётр Великий. И велено ему, крещёному владельцу, писаться Тайшиным» (*Бакунин В. М.* Указ. соч. С. 40).

⁵⁴ Вероятно, имеется в виду имевшая серьёзные последствия ссора в семье хана Аюки, которого его старший сын Чакдорджап (отец Дасанга, Баксадай Доржи и Нитар Доржи) застал в кибитке своей жены (однако она не была матерью троих братьев). См.: *Бакунин В. М.* Указ. соч. С. 27; *Илишкин Л.* Знаменитые калмыки прошлого. Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 104–105.

⁵⁵ В этой фразе Аюка-хан дважды назван «Sulla-Chan». Скорее всего, это ошибка прочтения переписчиком имени Juka-Chan (так называется в дневнике хан Аюка).

счастливого побывал всех своих сильных врагов, так что достиг выгодного мира, сообразно со своими видами, из чего неизбежно следует, что самый могущественный монарх Европы — король французский. Губернатор спросил, откуда ему известны в таких подробностях все эти действия, хотя он живёт в пустыне, отделённый от всего мира. Тот отвечал ему — хотя вы и считаете, что мы отрезаны от всей земли, однако мы знаем всё, что на ней происходит, потому что кроме двух резидентов, в Китае и в Константинополе (о которых вам известно), мы также поддерживаем переписку с самыми важными дворами Европы, — с Веной, Амстердамом, Парижем, Берлином и Гамбургом, в тайне от вас, европейцев⁵⁶.

1724 год

16 января Генерал-поручик Матюшкин выехал в Москву по приказу Е.В. со своей супругой, и поехал сушею в карете, потому что этой зимой вовсе не было ни льда, ни снега.

19-го губернатор Астраханский г. Волынский выехал также по приказу, тем же манером, чтобы следовать за Его Величеством.

24-го Волга вскрылась, и весь лёд сошёл.

27-го снова отправили отряд в 100 человек против калмыков, и мы перешли Волгу на кораблях, и поставили лагерь из 32 палаток на высотах;

3 февраля оставались там до **3 февраля**, и стояли лагерем, пока не переправился Баксадай Доржи.

5-го получили приказ Военного совета, что Ингерманландский и Астраханский батальоны должны выступить на Москву,

20-го эти два батальона погрузились на суда на море.

26-го проходя через Чёрный Яр, узнали, что старый Аюка-Хан умер⁵⁷, и ссора между его внуками на некоторое время затихнет.

2 марта они прибыли в Царицын и выступили сушей **8-го** того же месяца, чтобы идти дальше. Прошли через степь и казачьи городки, и

23-го пришли в Михайлово, а **26-го** прошли Новую Крепость,

2 апреля Тамбов, **8-го** Козлов,

11-го прибыли во дворец и поместье Ораниенбург, принадлежащие князю Меншикову, **15-го** городок Скопин, **18-го** городок Пе-

⁵⁶ Рассказ о дипломатических отношениях калмыков с Западной Европой мало правдоподобен. Возможно, это аберрация сведений о том, что они обменивались послами с восточными странами (с Пекином и Лхасой; см.: *Илишкин Л.* Указ. соч. С. 102, 112). О том, что Аюка обменивался письмами с крымским ханом, персидским шахом и турецким султаном, см.: *Бакунин В. М.* Указ. соч. С. 37–38; *Илишкин Л.* Указ. соч. С. 121.

⁵⁷ 19 февраля (ст.ст.) 1724 г.

черники, наконец **20-го** городок Серебряные Пруды — все принадлежащие князю Черкасскому.

23-го прибыли в Зарайск [Nikolay Zarusky], маленький город, окружённый стенами.

25-го два батальона переправились через Оку на паромах и в тот же день дошли до Коломны, красивого города, окружённого стенами, в котором имеется, в самом городе и за стенами, 27 церквей, и наконец пришли

1 мая счастливо в Москву; где **7-го** наблюдали коронацию Е.В. Императрицы, **8-го** её чествовали, а **30-го** Е.В. праздновал день своего рождения.

31-го мы получили приказ быть готовыми выступить на Петербург **1 июля**; мы вышли на марш 2 июля и благополучно прибыли в Петербург⁵⁸

Библиография

1. *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: Соч. 1761 г. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995.
2. [Белл Д.] Белевы путешествия чрез Россию в разные азиатския земли; а именно: в Испаган в Пекин, в Дербент и в Константинополь / Перевёл с франц. *Михайло Попов*. 3 ч. СПб.: При Имп. АН, 1776.
3. *Дмитриев Е. Е., Мезин С. А.* Поволжье петровского времени глазами британского путешественника // Материалы VI Международного Петровского конгресса. СПб.: Европейский Дом, 2015. С. 157–171.
4. *Илишкин Л.* Знаменитые калмыки прошлого. Элиста: Джангар, 2004. 77 с.
5. *Копанев Н. А. Ф.* Лефорт, Вольтер, А. П. Веселовский // Швейцарцы в Петербурге. СПб.: Петерб. ин-т печати, 2002. С. 440–447.
6. *Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия: 1722–1735. М.: Квадрига; Объед. ред. МВД России, 2010. 375, [9] с.
7. *Курукин И. В.* На пути в Индию: Персидский поход 1722–1723 гг. М.: Русские витязи, 2015. 63 с.
8. *Мезин С. А.* Военные триумфы Петровского времени: идейное содержание // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов. Вып. 4. Саратов: Научная книга, 2000. С. 50–67.
9. *Мезин С. А.* Об одном источнике «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера: Так называемые «Записки Вильбуа» // Вольтеровские чтения: Сб. науч. трудов. Вып. 2. СПб.: РНБ, 2014. С. 54–65.
10. *Минцлов Р. И.* Пётр Великий в иностранной литературе: Подробный каталог иностранных сочинений о России (Rossica), находящихся в

⁵⁸ Даты нет, рукопись обрывается.

- Имп. Публичной библиотеке в С.-Петербурге. СПб.: И. И. Глазунов, 1872. XII, 691 с. (на франц. яз.).
11. *Мрочковский К. И.* Краткая история 9-го пехотного Староингерманландского генерал-фельдмаршала князя Михаила Голицына полка: Для нижних чинов. 1703–1892 г. М.: Типо-лит. В. А. Просина, 1892. [4], 123 с.
 12. *Пётр I.* Высочайшие указы и повеления императора Петра I, данные Правительствующему Сенату // Сб. ИРИО (СПб.). Т. 11. 1873. С. 182–565.
 13. Походный журнал 1722 года: [Юрнaлы 1722-го года] / [Под ред. А. Ф. Бычкова]. СПб., 1855. 194 с.
 15. *Соймонов Ф. И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого. [СПб.: При Имп. АН, 1763]. 378 с.
 15. *Шмуло Е. Ф.* Вольтер и его книга о Петре Великом = Voltaire et son oeuvre «Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand». Прага: Орбис, 1929. 489 с.
 17. *Babkine A.* Les lettres de Russie du Général Pierre Lefort // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 10, n°1. 1976, Spring. P. 47–73.
 18. *Bell of Antermony J.* Travels from St. Petersburg in Russia, to diverse parts of Asia. [2 vol.]. Vol. 2. London: Printed for W. Homer, 1764. P. 363–412.
 19. *Bruce P. H.* Memoirs of Peter Henry Bruce, esq. a military officer, in the services of Prussia, Russia, and Great Britain. Containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the West Indies, &c. as also several very interesting private anecdotes of the Czar, Peter I, of Russia. London: Printed for the author's widow; and sold by T. Payne, and son, Mewgate, MDCCCLXXXII (1782). [12], 446 p.
 20. *Caussy F.* Inventaire des manuscrits de la Bibliothèque de Voltaire conservée à la Bibliothèque impériale publique de Saint-Petersbourg. Paris: Impr. nat., 1913. 96 p.
 21. [*Kölvig U., Brown A.*]. Appendice II. Inventaire des manuscrits de Saint-Petersbourg // *Voltaire*. Les œuvres complètes. Т. 47. Oxford: Voltaire Foundation, 1999. P. 990–1043.
 22. Mémoires pour l'histoire de Russie par Voltaire. Т. 1, 3, 5. — (РНБ БВ 5–242).
 23. *Stroev V.* Savants et hommes d'Etat russes d'origine juive // Revue des études juives (Paris) Т. 52, n°104. 1906, 1.10. P. 129–147.
 24. [*Voltaire*]. Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand / Par l'auteur de l'Histoire de Charles XII. 2 t. [S. l.], 1759–1763.
 25. *Voltaire*. Les œuvre completes. Vol. 46, 47 / éd. critique par *M. Mervaud* avec la collab. de *U. Kölvig, C. Mervaud* et *A. Brown*. Oxford: Voltaire Foundation, 1999. (xxxi, 699 p.) ([10], 703–1338 p.).
 26. *Voltaire to C. S. de Aldenbourg*, 9 mars [1756], D6771 // *Voltaire*. Les œuvre complètes. Т. 101. Oxford: The Voltaire Foundation; Banbury: Thorpe Mandeville house, 1971. P. 99.
 27. *Voltaire to Ivan Shuvalov*, 24 may [1761], D9791 // *Voltaire*. Les œuvre complètes. Ibidem, 1972. Т. 107. P. 222.

Илья Васильевич Торопицын
(Астрахань)

*Доцент кафедры истории России
Астраханского государственного университета*

Восточные колонии Астрахани в эпоху Петра I

Астрахань с давних пор играла важную роль во внешних связях России. Благодаря своему удобному положению на перекрёстке торговых путей город в низовьях Волги быстро выдвинулся на ведущие позиции в русско-восточной торговле. Большая заслуга в этом принадлежала как российским властям, создававшим условия для торговли иноземным купцам в Астрахани, так и самим восточным торговцам, которые достаточно быстро смогли освоиться в пограничном русском городе.

В течение XVII в. в Астрахани выходцами из стран Востока были сформированы несколько колоний, которые играли важную роль в развитии русско-восточной и транзитной торговли. Посетивший Астрахань в 1636 г. в составе Голштинского посольства, направлявшегося через Россию в Персию, секретарь А. Олеарий отмечал, что жители восточных колоний имели в городе «по своему рынку» и вели «большую торговлю и промыслы»¹.

Н. Б. Голикова, изучавшая жизнь населения нижеволжских городов, выделяет ряд факторов, способствовавших становлению восточных колоний Астрахани. Одним из них было законное желание местных властей упорядочить пребывание в крае иностранных

¹ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. *А. М. Ловягина.* Смоленск: Русич, 2003. С. 347.

гостей. «Контролировать пёстрое по национальной принадлежности и находящееся в постоянном движении купечество было весьма трудно, — пишет она. — Желая облегчить эту задачу, правительство предписало отвести для приезжих купцов особые места. Так возникли первые астраханские гостиные дворы: Гилянский и Бухарский». По её сведениям, поначалу эти торговые дворы находились за чертой города на довольно обширных огороженных пространствах с караван-сараями. На Гилянском дворе останавливались купцы из Персии и Закавказья, на Бухарском — купцы из Средней Азии и Индии. По мнению Н. Б. Голиковой, эти дворы стали тем ядром, на основе которого сложились затем астраханские восточные колонии².

Первоначально население колоний составляли представители торговых кругов. По составу населения они делились на постоянно живущих в Астрахани иноземцев и приезжих, срок пребывания которых зависел от времени, необходимого для совершения торговых дел и обстановки на караванных путях. Восточных купцов привлекали достаточно выгодные условия ведения коммерции в России по сравнению с другими странами Востока. Индийские купцы указывали в середине XVII в. в Посольском приказе, что «в Астрахани де им от боярина и воевод и от астраханских служилых людей обид никаких по ся места нет, и пошлины с них емлют прямые <...> А в Кизилбашех <...> пошлины де с них на шаха збирают многие, только им в шаховых городех береженья нет, и пошлины с них емлют лишние, и всякие люди Шаховы области их, индейцов, обидят и грабят, и товары сильно отнимают»³.

В дальнейшем восточные колонии в Астрахани перестают быть исключительно торговыми подворьями. Приезжие из стран Востока начинают создавать в Астрахани семьи и устраиваться вместе с ними на постоянное жительство в торговых дворах. Так, жители Бухарского двора в Астрахани указывали в середине XVIII в., что прибыли сюда 20, 30, 40 и более лет назад, «поженились и прижили себе детей и живут своими домами и имеют здесь торги и промыслы»⁴. Указание жителей Бухарского двора на промыслы как на одно из основных занятий, достаточно красноречиво свидетельствует о расширении ими своей деятельности в Астрахани. Представле-

² Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII — начала XVIII в. М., 1982. С. 160.

³ Русско-индийские отношения в XVII в. М.: Изд-во восточ. лит., 1958. С. 84–85.

⁴ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 348. Л. 28, 29об., 31об., 41–41об.

ние о том, какими видами предпринимательства помимо торговли занимались жители восточных дворов, дают данные по астраханской Армянской колонии. В 1724 г. там различными ремёслами занимались 40 человек. Восемь из них работали цирюльниками, семь человек занимались огородничеством, пятеро были скорняками, четверо сапожниками, по три человека числились портными, красильщиками и пекарями, также среди жителей астраханского Армянского двора были серебряники, водовозы, часовщик, кузнец и седельный мастер⁵.

Причины, побуждавшие людей переселяться с родины на новое место, были разными. Одни путём смены жительства, а зачастую и подданства, стремились улучшить условия своего существования. К примеру, 70-летний житель астраханского Агрыжанского двора Р. Буланатов показал о себе в ходе ревизии в Астраханской губернии в 1774 г., что приехал из Индии в Астрахань в 1722 г. «для пропитания и с того времени живёт своим домом, кормится миром», имеет двух сыновей⁶. Индиец Б. Валуев, проживавший в 1746 г. на астраханском Индийском гостином дворе, рассказал, что живёт в Астрахани с 1723 г. и «пропитание имеет мирским подаянием»⁷.

Другие оказывались в Астрахани в результате обретения свободы из неволи и оставались здесь на жительство в одной из восточных колоний. Например, в 1719 г. хивинец Д. М. Баяхчаев в своих показаниях в Астраханской губернской канцелярии пояснил, что был взят в плен «в малых летах» в Хиве калмыками, находясь у которых, женился, а после пришёл в Астрахань и стал жить на Бухарском дворе «тому лет с двадцать»⁸. В 1722 г. в Астрахань была привезена группа армян и грузин, отбитых русскими драгунами у лезгин в ходе Персидского похода русских войск. Среди прибывших оказалась армянка Мариам Асланова. «По прибытии в Астрахань житель индейского двора армянин Беро взял её в себе в дом, где и повенчана была с ним», — пишет И. Саввинский. После смерти мужа армянка Мариам вновь вышла замуж за армянина Моссеца Меркульева⁹. Также обращает на себя внимание тот факт, что многие казахи («киргизцы»), проживавших на астраханском

⁵ Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России... С. 196.

⁶ Русско-индийские отношения в XVIII в. М.: Наука, 1965. С. 363.

⁷ Там же. С. 263.

⁸ Сб. ИРИО. Т. 101. СПб., 1898. С. 224.

⁹ Саввинский И. Армяне в Астраханской епархии и отношение к ним местных Архипастырей в 18-м веке. Астрахань, 1900. С. 14–15.

Бухарском дворе в первой четверти XVIII в., выехали в Астрахань из калмыцких улусов в 1715 г.¹⁰ В этот год, как известно, калмыцкие улусы подверглись опустошительному набегу со стороны ногайцев во главе с кубанским султаном Бахты-Гиреем¹¹. По всей видимости, подвластные калмыкам казахи воспользовались обстановкой, чтобы обрести свободу в стенах Астрахани. Эти примеры показывают, что астраханские колонии служили своеобразным убежищем для выходцев из калмыцких улусов.

Наказы астраханским воеводам последней трети XVII в. дают представление о том, как протекала жизнь в восточных колониях Астрахани. «Наперед сего в Астрахани на Гилянском, на Индейском, на Бухарском дворах жили многие иноземцы дворами, а приезжих иноземцов пускали к себе во дворы стоять из найму, — отмечалось в наказе астраханскому воеводе Я. Н. Одоевскому 1672 г., — И наймы с них имали большие, а великим государем с тех иноземцов, которые домами жили, только шло постоянного по 2 гривны с человека. А в тех их домах ухаранивали многие неявленные товары и табак, и от того в таможенной пошлине и в лавочном найму великой убыток был»¹².

После подавления разинского восстания российские власти принялись наводить порядок и в сфере внешней торговли в Астрахани. В Белом городе на месте старого Индийского гостиного двора в период воеводства Я. Н. Одоевского было построено новое каменное здание. Оно имело форму четырёхугольника с большим внутренним двором, попасть в который с улицы можно было только через один вход. По периметру с внутренней стороны двора располагались лавки, в которых приезжие индийцы торговали и жили. В целях лучшего контроля над торговлей, осуществляемой на Индийском гостином дворе, его окружили 10-саженным пустым пространством. Торговое здание было передано в ведение таможи, представители которой стали контролировать прибытие и убытие людей и товаров с этого гостиного двора. Бухарский двор велено было «свести в юрты» и устроить его там соответствующим образом. Гилянцев и индийцев приказано было переселить всех в Земляной город, но расположить их дворы так, чтобы они были «не близко церкви божиих»¹³.

¹⁰ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 348. Л. 41об.

¹¹ *Торопицын И. В.* Набеги кубанских татар на Россию в 1715 г. // *Козацька спадщина: Альманах Інституту суспільних досліджень*. Вип. 4. Дніпропетровськ: Пороги, 2008. С. 72–78.

¹² Русско-индийские отношения в XVII в. С. 176.

¹³ Там же. С. 176–177, 323.

В наказах последующим астраханским воеводам П. М. Салтыкову (1677), А. П. и Ф. А. Головиным (1681) было предписано ограничить деятельность восточных купцов в городе. Тем бухарцам, гилянцам и индийцам, которые жили в Астрахани до приезда новых воевод, разрешалось остаться в городе, «а вновь на вечное житье бухарцом и индейцом и тезикам з женами их и з детьми отнюдь не принимать». Их разрешалось пускать в Астрахань только для ведения торговых дел, «а не житьем жить»¹⁴. В правление царя Фёдора Алексеевича «индейцам и грузинцам и армянам» вновь разрешено было селиться в Астрахани. В наказе астраханскому воеводе Н. И. Приемкову-Ростовскому (1689) поручалось создать комфортные условия для приезжих из стран Востока: «И жить им в Астрахани позволить, и дворы для житья велеть им строить в которых местах пристойно, и ласку и береженья к тем иноземцам держать, и в торгах им никакой помешки, и ноты чинить не велеть, чтоб они, иноземцы, видя к себе такое к себе береженье, многие в Астрахань приезжали з женами и з детьми и на житье селились многое ж число». Наказ требовал от воеводы проявить особое усердие в выполнении данной работы, «чтоб ево призывом в Астрахани тех иноземцов населилось многое число и чтоб от того многолюдства в Астрахани торги меж ими, купецкими людьми, множились и астраханские всяких чинов люди полнились и богатели, а в казне великих государей таможенный сбор множился, и пред прежним збиралась пошлина с прибавкою». Но для всех остальных приезжих из стран Востока прежнее запрещение оставалось в силе¹⁵.

Впрочем, насколько строго соблюдались ограничения на проживание восточных купцов в Астрахани, показывает следующий факт: в 1718 г. в Астрахани в ходе допроса пять хивинцев во главе с И. Булункулевым показали, что они «живут в Астрахани с женами лет по тридцати на Бухарском и на Гилянском дворах и никуда в отъезде не бывали»¹⁶. Другими словами, указанные хивинцы поселились в Астрахани в конце 1680-х гг., в период действия запрета на приём на жительство в этом городе выходцев из стран Средней Азии.

¹⁴ ПСЗ-1. Т. 4. СПб., 1830. С. 317–318; Русско-индийские отношения в XVII в. С. 273–274; Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVIII вв. // Труды историко-археографич. ин-та и Ин-та Востоковедения. Т. [6]: Мат-лы по истории народов СССР, вып. 3. Л.: АН СССР, 1932. С. 252.

¹⁵ Русско-индийские отношения в XVII в. С. 348.

¹⁶ Сб. ИРИО. Т. 101. СПб., 1898. С. 224.

В правление Петра I российские власти стали проявлять ещё большую заинтересованность в увеличении числа иностранцев в стране. В инструкции первому астраханскому губернатору А. П. Волынскому говорилось: «Буде из за моря и из других стран, иноземцы учнут в Астрахань с товары для торга приезжать, и похотят жить и торговыми промыслы промышленять в Астрахани, и тем жить и торговать, с платежем обыкновенной пошрины, позволяется, и к тому их приласкивать, дабы на то смотря, и другие иноземные купцы охотно приезжали и пошлинной сбор множился... А сколько каких иноземцов на вечное житье приедет: о том писать в Иностранную и в Коммерц-Коллегию»¹⁷.

Данные указы были рассчитаны в первую очередь на привлечение в Россию состоятельных иностранных купцов, однако воспользоваться ими смогли более широкие слои населения стран Востока. В их числе оказался туркмен А. Довлетев, приехавший в Астрахань в 1725 г. Он обосновался на Бухарском дворе, стал заниматься разделкой мяса («мясничать»), обзавёлся собственным двором, в котором было четыре «покая». Его соотечественник А. Додургаев приехал в Астрахань из Хивы несколько позже (в 1729). Вместе с двумя сыновьями он также устроился жить на Бухарский двор, где обзавёлся скромным жильём, состоящим из одного покая, и стал «кормится фельшерскою работою наукою»¹⁸.

В начале XVIII в. в Астрахани рядом с Индийским гостиним двором был построен Армянский двор. До этого он находился в Армянской слободе в Земляном городе. На том месте его ещё застал К. де Бруин, посетивший Астрахань в 1703 г. По словам голландского путешественника, это было обширное место, обнесённое каменной стеной с несколькими воротами, которые охранялись стражей и запирались на ночь. Внутри двора находились дома, в которых жили 40 армянских семейств. Там же находились торговые лавки и склады¹⁹. В Земляном городе размещались также Агрыжанский, Бухарский и Гилянский дворы, представлявшие собой скопление отдельных дворовых участков, обнесённых общей оградой.

Интересно отметить, что, несмотря на указание селиться в Земляном (деревянном) городе, некоторые восточные купцы обзаводились недвижимостью в других частях Астрахани. Так, «Каменного Индейского двора житель» индеец Н. Балакеев имел в Астраханском кремле в приходе церкви Воскресения Христова свой двор,

¹⁷ ПСЗ-1. Т. 6. СПб., 1830. С. 228.

¹⁸ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 348. Л. 29–29об.

¹⁹ Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1989. С. 168.

который продал «со всем дворовым и хоромным строением» осенью 1708 г. дьякону той церкви М. Харитонову²⁰. Индийцы, к слову, нередко брали у жителей Астрахани в качестве залога за предоставленные заёмные средства недвижимое имущество, которое отходило им в собственность в случае неуплаты долга.

К концу первой четверти XVIII в. число постоянных жителей колоний было довольно значительным. По сведениям Н. Б. Голиковой, в Армянской колонии их насчитывалось 400 человек, в Индийской, по неполным данным, немногим более 200 человек, на Бухарском дворе жили 150 человек, а на Гилянском — около 40. К ним примыкал Агрыжанский двор, где жили люди, родившиеся от смешанных браков индийцев и татарок; там обитало, по неполным данным, около 100 человек²¹.

Основным занятием жителей восточных колоний Астрахани была торговля. К. де Бруин отмечал, что в Астрахани армянские купцы вместе с русскими могли выставлять на Татарском базаре «на продажу свои произведения» в течение всего дня, тогда как татарам разрешалось торговать на нём лишь до обеда. Индийцы торговали на своём гостином дворе²². Впрочем, не все восточные купцы придерживались этих правил. В 1723 г., например, в лавке на Индийском гостином дворе в Астрахани торговал сукнами джувльфинский армянский купец Л. Абрамов²³.

Физический объём товаров, привозимых в Астрахань из стран Востока, был весьма внушительным. Астраханский губернатор А. П. Волынский отмечал в 1723 г., что русские купцы не в состоянии оптом купить и десятой доли всех восточных товаров, предлагавшихся на астраханском рынке²⁴. Многие восточные купцы для поездки в другие российские города покупали восточные товары непосредственно в Астрахани. Так поступили, например, в 1707 г. армянские купцы из Джувльфинской торговой компании М. Савельев, И. Никитин, П. Сергеев, Л. Тасалов, З. Афанасьев. Астраханские таможенники отметили у них среди товаров «астраханской покупки» киндяки, тевризские пестряди, серые и чёрные бухарские овчинки, шёлк, пряденую красную бумагу, краску лавры и многие другие²⁵.

²⁰ Русско-индийские отношения в XVIII в. С. 31–32.

²¹ Голикова Н. Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. М., 1975. С. 68.

²² Россия XVIII в. глазами иностранцев. С. 164.

²³ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 53. Л. 131.

²⁴ Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Т. 2, ч. 1. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1964. С. 176.

²⁵ Там же. С. 23–26.

Наравне с русским населением астраханские иноземцы участвовали в поставках товаров для различных казённых нужд. Например, в 1723 г. они поставляли материалы для строительства дворца для императора Петра I в Астрахани: у армянина Я. Осипова было куплено для этих целей 58 мехов углей, у индийца А. Мулина приобретено семь концов бязи²⁶. В период подготовки в Астрахани флота к предстоящему Персидскому походу у армянина М. Осипова были приняты лесные припасы, которые употребили «к строению бус»²⁷. В 1722 г. в Астрахани поручик Маслов купил в драгунский полк команды генерал-майора Кропотова у приказчика жителя Бухарского двора С. Дылдарова 100 лошадей, предназначенных первоначально для отгона в Москву на продажу²⁸.

Наряду с торговлей на внутреннем астраханском рынке жители восточных колоний активно занимались отъезжими торговыми операциями. Они либо сами ехали по торговым делам, часто в сопровождении наёмных работников, либо посылали своих приказчиков, в качестве которых выступали как русские жители, так и иноземцы. К примеру, в 1723 г. на Макарьевскую ярмарку «для торгового промыслу» отправился житель астраханского Агрыжанского двора К. Тингарамов, другой житель того же двора Х. Бердыев выехал на Терек с тремя работниками из числа юртовских татар, индеец Х. Мулаев поехал с товарами на Макарьевскую ярмарку в сопровождении работника касимовского татарина С. Рамазанова. В то же время индеец Ф. Чогеров нанял в 1723 г. для торговли своим товаром на Макарьевской ярмарке астраханского жителя казанского татарина Д. Тинмабеева. Туда же повёз из Астрахани товары индийского купца А. Мулина его работник житель астраханской Армянской слободы А. Захарьев²⁹.

Приказчики являлись наёмными работниками, отношения с которыми оформлялись договорами. Например, в первой четверти XVIII в. в числе приказчиков астраханских индийских купцов У. Дермуева и Ж. Арирамова выступал П. Варламов, сопровождавший их товары в поездках на Макарьевскую ярмарку, в Москву и другие города. Согласно договору, П. Варламов в случае смерти старшего приказчика обязан был «хозяйские товары взять себе на руки и торговать и привести их в Астрахань и отдать хозяевам в целости»³⁰.

²⁶ Марков А. С. Пётр I и Астрахань: Проза. Астрахань: Форзац, [1994]. С. 52–53.

²⁷ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 53. Л. 27об.

²⁸ Там же. Д. 43. Л. 39об.

²⁹ Там же. Д. 53. Л. 99об., 107об., 166об., 106, 108.

³⁰ Голикова Н. Б. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII века. М., 1965. С. 124.

В России в сфере торговых интересов жителей астраханских колоний находились Москва, города Поволжья и Северного Кавказа, а также калмыцкие улусы. Отдельные купцы выезжали в Санкт-Петербург, на Дон, в города Слободской Украины. По подсчётам Н. Б. Голиковой, в 1718–1726 гг. жители восточных колоний Астрахани вывозили товары в 17 пунктов назначения в России³¹. Среди жителей астраханских колоний наблюдалась своеобразное разделение сфер торгового влияния, не в последнюю очередь обусловленное их финансовыми возможностями, так как дальние поездки, например, на Макарьевскую ярмарку или в Москву, могли позволить себе далеко не все. Наибольшим размахом выделялась коммерческая деятельность армянских и индийских купцов, располагавших наибольшими капиталами. Они вывозили крупные партии восточных товаров в Москву, на Макарьевскую ярмарку, а также в другие города и территории России. Жители Бухарского, Гилянско-го и Агрыжанского дворов предпочитали выезжать с товарами на Северный Кавказ и в калмыцкие улусы.

В сфере внешней торговли жители астраханских слобод ориентировались в первую очередь на родственные им страны. Так, жители Бухарского двора ездили в составе торговых караванов в страны Средней Азии. Представители Армянского и Гилянско-го торговых дворов имели тесные связи с купцами из Персии, включая Закавказье. Жители астраханского Индийского гостиного двора поддерживали контакты с партнёрами из Индии и Персии.

К примеру, живущие в Астрахани индийцы Л. Кирдуев и Д. Раздворкуев указывали в челобитной астраханскому воеводе П. И. Хованскому в 1707 г., что получают для торговли товары «за морем у своей братьи, у индейцев, да у армян, которые живут за морем в Шемахе, да за морем же мусульманские веры у перс»³². В 1720-х гг. армянский «жульфинский» купец Л. Абрамов торговал в лавке на Индийском гостином дворе в Астрахани товарами, принадлежавшими гилянцу А. Ивазову³³. О связях жившего в Астрахани индийского купца А. Мулина с персидским рынком красноречиво говорит тот факт, что именно его расспрашивал о внешней торговле Персии император Пётр I в период пребывания в Астрахани в 1722 г., и А. Мулин, по свидетельству участника Персидского похода Ф. И. Соимонова, подробно рассказывал об экономическом

³¹ *Она же*. Очерки по истории городов России... С. 181.

³² Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. С. 16.

³³ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 53. Л. 131.

потенциале персидской провинции Гилян, откуда экспортировался шёлк в Европу³⁴.

При этом астраханские армянские купцы совершали торговые поездки не только в Персию, но и в страны Европы и Средней Азии. Так, отправляясь в 1717 г. в Хивинскую экспедицию, князь А. Бекович-Черкасский взял с собой представителей иноземного купечества Астрахани — по пять бухарских и хивинских купцов и двенадцать армян³⁵. В 1725 г. из Астрахани отправился через Хиву в Бухару очередной торговый караван, в составе которого, по сведениям местных губернских властей, выехали «купецкие люди астраханского Бухарского двора жители и армяня и гречаня»³⁶. В том же году в Астрахань из крепости Новый Транжемент, бывшей одним из пунктов русско-турецкой торговли, вернулся астраханский армянин А. Андреев, который привёз 113 «турецких сапог», 112 киндяков и других хлопчатобумажных тканей, 120 пудов инжира и изюма и другой турецкий товар³⁷. В 1726 г. астраханские армяне А. Алексеев и А. Андреев заняли у трёх местных индийцев 12,5 тыс. рублей для поездки в центр западноевропейской торговли того времени — голландский Амстердам³⁸.

Имели место также факты участия иноземных купцов в незаконной торговле. Русский посланник Ф. Беневени сообщал в 1722 г. из Бухары императору Петру I, что в караване, прибывшем из России, оказалось много «заповедного» товара. «Также весь товар, которой привезли, ни один не был под клеймом, — указывал Ф. Беневени, — и за оные пошлина не заплачена, яко тихим образом выслан из разных мест от торговых и вручен помянутым татарам яко приказчикам, и как я слышал, большая часть была индийского товара из Астрахани с русским и армянским товаром вместе»³⁹. В следую-

³⁴ *Соймонов Ф. И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого, трудами Тайного Советника, Губернатора Сибири и Ордена святого Александра Кавалера Федора Ивановича Соймонова, выбранное из журнала Его Превосходительства, в бытность его службы морским Офицером, и с внесенными, где потребно было, дополнениями Академии Наук Конференц-Секретаря, Профессора Истории и Историографии, Г. Ф. Миллера. СПб.: Имп. АН, 1763. С. 190.

³⁵ *Попов А. Н.* Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом // Записки Имп. рус. географич. об-ва. Кн. 9. СПб., 1853. С. 259.

³⁶ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 1. 1726 г. Д. 2. Л. 16.

³⁷ *Юхт А. И.* Торговля с восточными странами и внутренний рынок России: 20–60-е годы XVIII века. М., 1994. С. 129.

³⁸ Русско-индийские отношения в XVIII в. С. 70.

³⁹ *Воловников В. Г.* Посланник Петра I на Востоке: Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М.: Гл. ред. восточ. лит. изд-ва «Наука», 1986. С. 71–72.

щем году астраханский юртовский мурза К. Урусов получил от астраханских властей солидное денежное вознаграждение (50 рублей) за поимку армян, которые «было уехали из Астрахани тайно с товарами в Хиву»⁴⁰.

Распространённым явлением в сфере торговли у жителей восточных колоний Астрахани было создание совместных компаний. Как правило, они образовывались на непродолжительный срок, например, на разовую коммерческую поездку, которая могла длиться в пределах одного года или немногим больше. К примеру, в 1725 г. грузинский армянин А. Егоров договорился в Астрахани с индийцем Т. Балакиевым о совместной коммерческой деятельности. Армянин занял «на торговой промысел» к имевшимся у него 1400 рублям у индийца 2600 рублей. Компаньоны договорились, что на всю сумму будет приобретён товар, с которым армянский купец отправится для торговли в персидскую область Гилян. По возвращении в Астрахань они должны будут произвести взаимный расчёт, разделив прибыль поровну между собой⁴¹.

В зависимости от взносов в уставной капитал образовывавшейся торговой компании полученная в результате её деятельности прибыль делилась на разные доли (паи). Примером этого может служить договор двух тифлиских армян с проживавшими в Астрахани тремя индийцами. Они договорились в 1725 г. объединить свои капиталы для ведения коммерческих дел. Армяне обязались вложить в компанию 4300 рублей, а индийцы готовы были выделить на эти цели 8600 рублей. По завершении торговых операций компаньончики обязались разделить полученную прибыль на 9 частей, из которых 5 доставалась индийцам, а 4 части армянам⁴².

Обладая внушительными капиталами, жители Индийской колонии в Астрахани широко практиковали в первой четверти XVIII в. выдачу купцам всех национальностей заёмного капитала на ведение торговли. К таким услугам охотно прибегали те, кто не имел собственных средств, достаточных для осуществления коммерции. В 1725 г., например, житель астраханского Гилянского двора Н. Раимбаев вместе с астраханским юртовским татаринном С. Итемейбаевым заняли «на торговый промысел» 1150 рублей 21 алтын 4 деньги у индийца Н. Чадуева для поездки в калмыцкие улусы. В том же году жители Астраханского Бухарского двора С. Ишимов и Х. Надиров заняли для поездки по торговым делам в Бухару 2000 рублей

⁴⁰ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 43. Л. 439.

⁴¹ Русско-индийские отношения в XVIII в. С. 65.

⁴² Там же. С. 66.

у индийских купцов М. Небагуева и Р. Тиллаева. В обоих случаях участники заёмных сделок договорились, что по возвращении в Астрахань произведут расчёт, разделив полученную прибыль на три доли, две из которых должны были достаться индийским купцам, и лишь одна заёмщикам⁴³.

Нередко при выдаче денежных займов индийцы кооперировались с представителями других иностранных торговых кругов. В 1725 г., например, индиец Диларам и житель Дербента Р. Мурзамеденив заняли жителю астраханского Гилянского двора М. Емшидову 200 рублей⁴⁴. В том же году четверо представителей астраханской Индийской колонии вместе с жителем Гилянского двора предоставили заёмные средства для торговой поездки в Среднюю Азию трём жителям астраханского Бухарского двора⁴⁵.

Характерной чертой торговли жителей астраханских колоний была их универсальность. Астраханские иноземцы торговали как восточными, так и русскими и западноевропейскими товарами. Для поездок в российские города и на Макарьевскую ярмарку жители колоний Астрахани запасались шёлком-сырцом, различными тканями и изделиями из них, рисом, пряностями, часть из которых они получали из-за границы, а некоторые товары покупали непосредственно в Астрахани у местных купцов. Отправляясь в страны Востока, астраханские иноземцы стремились вывезти сукна, холсты, краски, сахар, посуду, различные мелочные товары (иголки, зеркала, ножницы, замки и т.п.)⁴⁶.

Наряду с торговыми и ссудными операциями жители восточных колоний Астрахани занимались ростовщичеством. Ведущие позиции в этой сфере деятельности принадлежали индийским купцам, ростовщическая деятельность которых, по мнению Н. Б. Голиковой, оказывала влияние не только на экономику, но и на социаль-

⁴³ Русско-индийские отношения в XVIII в. С. 63, 65–66.

⁴⁴ Там же. С. 67.

⁴⁵ Юхт А. И. Указ. соч. С. 149.

⁴⁶ Там же. С. 229–233; *Торопицын И. В.* Астраханский рынок в орбите европейско-восточной торговли в XVII в.: Торговля шерстяными материями // Научный вестник Астраханского филиала Волгоградской академии гос. службы: Сб. науч. ст. Вып. 4: Астраханский край и региональное развитие Юга России. Астрахань: Солог, 2010. С. 101–113; *Торопицын И. В.* Астрахань в орбите европейско-восточной торговли в XVIII в. // Астраханские Петровские чтения: Россия–Астрахань–Восток: Интегральное взаимодействие: К 300-летию образования Астраханской губернии: Мат-лы Междунар. науч. конф. 26–28 октября 2017 г. / Отв. ред. и сост.: А. П. Романова, Е. Г. Тимофеева, А. О. Тюрин. Астрахань: Астраханский гос. ун-т, Издат. дом «Астраханский университет», 2018. С. 125–128.

ные отношения в Астрахани, способствуя углублению существующего социального неравенства⁴⁷.

Финансовыми ресурсами жителей астраханских колоний пользовались и дипломатические лица, направлявшиеся в столицу России. Так, хивинский посланник Ашур Бек, проезжая в 1714 г. через Астрахань, «в нужде» занял у местных хивинцев значительную сумму. В 1715 г. влиятельные люди из окружения хивинского хана аталык Ишкара и инак Назар хаджи напомнили посланнику о необходимости рассчитаться по долгам с проживавшими в Астрахани хивинцами. «Они дети значительных и почтенных здешних людей, — говорилось в присланном в Астрахань из Хивы письме, — не оскорбляйте их; доброе сделаете дело, а мы с своей стороны будем тоже рады и довольны этим». Ашур Бек по приезде из Санкт-Петербурга в Астрахань рассчитался по долгам. В письме к астраханскому обер-коменданту М. И. Чирикову от 5 марта 1715 г.⁴⁸ хивинский посланник подчеркнул, что кроме долга астраханскому жителю Садыку хаджи он заплатил ещё 500 рублей другим лицам и теперь никому не должен⁴⁹. Армянский политический деятель начала XVIII в. И. Ори также пользовался финансовыми услугами астраханских жителей. Его соратник вардапет Минас указывал, что для доставки в подарок российскому царю Петру I аргамаков и на «всякие расходы занимал он Израиль в Астрахани у Армян денег 2000 руб. и болши, а в тех деньгах давал он Израиль заклад, и тот заклад на Москве у Армян я выкупал»⁵⁰. В другом случае в 1724 г. посланники армянского народа в Россию «поп Антоний и кевга Челеби», будучи в крепости Святого Креста, заняли для своих нужд у астраханского «купецкого» армянина М. Осипова 47 рублей⁵¹.

Восточные купцы, постоянно проживавшие в Астрахани, имели возможность заниматься различными промыслами и ремёслами наравне с русским населением. Так, армянин М. Арсланов содержал в первой четверти XVIII в. рыболовецкую ватагу, в которую входило свыше 20 человек. Садоводством и огородничеством зани-

⁴⁷ Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России... С. 206.

⁴⁸ Здесь и далее даты указаны по ст. ст. (юлианскому календарю). — *Прим. ред.*

⁴⁹ Михайлов Н. Некоторые сведения об отношениях Русских к Хиве и Туркменам с 1715 по 1720 год // Прибавления к Астраханским губернским ведомостям. 1843. № 43. С. 280—281.

⁵⁰ Эзов Г. А. Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898. С. 302.

⁵¹ Арзуманян З. А. Нововыявленные документы о политике России в Закавказье в 20-ых гг. XVIII в. // Вестник общественных наук. № 3 (399). Ереван: АН Арм. ССР, 1976. С. 108.

мались в Астрахани армянин Т. Григорьев, житель Агрыжанского двора А. Нандаев⁵². Некоторые из астраханских иноземцев слыли искусными поварами. В 1714 г., например, к калмыцкому хану Аюке был приглашён повар-армянин для подготовки обеда на калмыцком торжестве по случаю приезда китайского посла Тулишэня⁵³. При этом восточные ремесленники нередко нанимали себе работников, причём не обязательно астраханцев и даже не всегда русских людей. Так, астраханский армянин К. Константинов нанял в январе 1724 г. за 30 рублей в год голландца П. В. Нейкирха «работать серебряное и золотарное мастерство». Другой астраханский армянин С. Васильев нанял на два года «к шёлковому делу» уржумского посадского человека И. Иванова⁵⁴.

По отношению к русскому населению проживавшие в Астрахани иноземцы находились в привилегированном положении. Жители астраханских колоний не несли повинностей в пользу России, не выполняли наравне с посадским населением российских городов различных служб, но платили не только таможенные, но и некоторые другие сборы: «пожилое» (за право жить в Астрахани), «поамбарщину» (за склады), оброки с лавок⁵⁵. В 1724 г. жители Армянской колонии заплатили в казну разных сборов в общей сложности 480 рублей 48 копеек по 1,43 рубля в год с человека⁵⁶. В 1710 г. на жителей Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов был наложен дополнительный «подымный сбор»⁵⁷. Жившие на Бухарском дворе иноземцы стали платить по 100 рублей в год, с Гилянского двора собиралось 14 рублей годового оклада, а с агрыжанцев — 20 рублей⁵⁸. Но в 1722 г., воспользовавшись присутствием в Астрахани Петра I, представители Бухарского двора обратились к нему с просьбой об отмене этого сбора, и российским император «по прошению их тех подымовных денег с них править не повелел»⁵⁹. То, что сбор был отменён в размере 135 рублей, говорит о том, что представители Бухарского двора ходатайствовали также за иноземцев Гилянского и Агрыжанского дворов. В 1725 г. прекра-

⁵² Голикова Н. Б. Наемный труд в городах Поволжья... С. 97, 105, 108.

⁵³ Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков XVII и XVIII века. Ч. 1. Астрахань, 1926. С. 30.

⁵⁴ Голикова Н. Б. Наемный труд в городах Поволжья... С. 117, 119.

⁵⁵ Кугрышева Э. В. История армян в Астрахани. Астрахань: Волга, 2007. С. 53–54.

⁵⁶ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1004. Л. 64об.

⁵⁷ Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России... С. 172.

⁵⁸ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1004. Л. 65об.

⁵⁹ ПСЗ-1. Т. 9. СПб., 1830. С. 586.

тился сбор подушных денег и с жителей Армянской колонии. Этому предшествовала проводившаяся в Астраханской губернии ревизия мужского населения. По её итогам астраханские власти неоднократно обращались в Сенат по вопросу причисления астраханских армян в посад либо к разночинцам. Не получив ответа на свои обращения, астраханские власти перестали взимать подушные деньги с жителей Армянской колонии до решения данного вопроса, который затянулся на двадцать лет⁶⁰.

Как правило, сборы в первой четверти XVIII в. отдавались на откуп. В 1710 г. главный компанейщик астраханских индийских купцов А. Мулин добился у губернатора П. М. Апраксина передачи им от Астраханской таможни права собирать оброк с лавок, занимаемых индийскими купцами на Индийском гостином дворе. В 1723 г. откупной сбор с приезжих «купецких людей с армян з дербенцов и з жульфинцов и со всяких иноземцов», за исключением индийских купцов, за право торговли на Индийском гостином дворе находился у «персидской земли армян» П. Артемьева, М. Матвеева, Я. Богданова, С. Бартанова, С. Иванисова, которые собирали «полавочные деньги <...> против прежняго со всякого человека по рублю на месяц»⁶¹.

В том же году армянский купец Г. Аветов решил воспользоваться затруднительным положением членов Индийской колонии, караван которых был разграблен лезгинами, чтобы получить право на откуп полавочного сбора с индейцев, торгующих в Индийском гостином дворе. В декабре он обратился в Астраханскую губернскую канцелярию с предложением отдать ему на ближайшие три года на откуп указанный сбор, обещая вносить в казну 600 рублей в год. Армянский купец просил дать ему позволение собирать «с помянутых индейцев, которые сидят в лавках и тех, которые построили лавки на свои деньги и живут в Астрахани по разным местам, со всякого человека по рублю на месяц»⁶².

Индийские купцы сразу встали на защиту своих интересов и в челобитной астраханским властям заявили, что готовы сами вносить указанную сумму. Губернатор А. П. Волынский принял во внимание, что индийцы в Астрахани на свои деньги ремонтировали каменную ограду и лавки на Индийском гостином дворе и решил оставить за ними прежний сбор с их лавок в сумме 500 рублей в год, а также передать им ещё один «латошный» сбор, составлявший

⁶⁰ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1004. Л. 64об.

⁶¹ Там же. Д. 53. Л. 131об.

⁶² РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 815. Л. 28–29.

100 рублей в год. Однако Камер-коллегия потребовала, чтобы откуп на сбор с лавок на Индийском гостином дворе в Астрахани был произведён «по регламенту» с публичного торга при фискальном свидетеле. С победителем следовало заключить контракт и следить за тем, чтобы «в тот откуп было против большего збору пополнение, а не умаление»⁶³.

В правовом отношении астраханские колонии представляли собой самоуправляющиеся общины. Население Индийской колонии делилось на три сообщества, называвшиеся «компаниями». Армянская колония Астрахани в первой четверти XVIII в. состояла из двух общин, позднее называвшихся «статьями», число которых впоследствии увеличилось до трёх (две купеческие, одна — ремесленная). По всей видимости, аналогичное устройство имели и другие астраханские колонии.

Как иностранные подданные, выходцы из восточных стран имели право самостоятельно решать в Астрахани свои внутренние дела, ими управляли выборные лица. В период нахождения в Астрахани в 1722 г. император Пётр I указал астраханскому губернатору А. П. Волынскому, чтобы местные власти не вмешивались в вопросы, связанные с наследственными делами жителей Восточных колоний. «Во оставшихся после умерших индейцев пожитков астраханскому губернатору и протчим управителем не вступать, и никакова распоряжения об оных не чинить, — говорилось в документе, направленном действительным тайным советником П. Толстым в Астраханскую губернскую канцелярию 6 ноября 1722 г., — а делать об оном решение и распорядок самим им, индейцом, по их обыкновению и закону и правам, о чем им индейцом дан с прочетом имянной е. и. в. указ»⁶⁴.

Проживавшие в Астрахани иноземцы пользовались свободой вероисповедания. В слободах, населённых мусульманами, были мечети, на Индийском гостином дворе располагалась кумирня (под молельню были отведены три комнаты), в Армянской слободе имелась своя церковь. Её здание первоначально было деревянным, а в 1706 г. вместо него было выстроено каменное здание. В 1711 г. в Астрахани у армянской церкви был «погребён по их закону» видный общественно-политического деятель армянского народа И. Ори, о чём сообщил в столицу астраханский обер-комендант М. И. Чириков⁶⁵.

⁶³ Там же. Л. 33.

⁶⁴ Русско-индийские отношения в XVIII в. С. 79–80.

⁶⁵ Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. С. 329.

Живущие в Астрахани индийцы пользовались своей духовной литературой, в 1683 г. получили разрешение совершать за городской чертой обряд сожжения тел умерших жителей своей колонии⁶⁶. В ходе пребывания в Астрахани в июне 1722 г. император Пётр I лично наблюдал обряд сожжения индийцами своего умершего соотечественника. Как отмечено в его походном журнале, 21 июня «Их Величества после обеда изволили <...> ездить смотреть на место, где жгли мертвого Индейца по их закону». Спустя четыре дня Пётр I «по утру» вновь отправился на место «где жгли мертвого Индейца», чтобы понаблюдать, как «по их закону, пепл развевали»⁶⁷.

О присутствии в Астрахани среди них представителей индийского духовенства свидетельствует челобитная «индейской веры учителя Б. Чанкрасына», поданная в Астраханскую губернскую канцелярию 11 декабря 1721 г. Годом ранее отмечен факт поездки вместе с астраханским индийским купцом М. Данильевым в Москву и Санкт-Петербург индийского священника Баларама, которого купец взял в дорогу «для своих нужд»⁶⁸. Некоторые индийские купцы проявляли интерес к русской культуре. Об этом свидетельствует рукописная «Грамматика» русского языка с дарственной надписью от 30 сентября 1721 г. ученика латинской школы В. ТрEDIAковского индийскому купцу С. Притомову⁶⁹.

В Астрахани проживали представители разных течений ислама. Астраханский обер-комендант М. И. Чириков вынужден был однажды выступить третейским судьёй в споре между представителями разных направлений ислама⁷⁰. После возвращения из Персидского похода Пётр I наблюдал 21 октября 1722 г. перед двором астраханского губернатора «мольбище Татар, по их закону, вспомяная убийство Хусейна и Асейна», которые «рубилась ножами»⁷¹. Мусульмане Астрахани имели возможность совершать паломничество к святым местам. В 1714 г., например, в Османскую империю выехали «для того ж моления и торгового промыслу» живущие в Астрахани бухарцы, кашкарцы, татары и другие мусульмане⁷².

⁶⁶ Русско-индийские отношения в XVII в. С. 240, 305.

⁶⁷ Походный Журнал 1722 года. СПб., 1855. С. 46.

⁶⁸ Русско-индийские отношения в XVIII в. С. 57, 54.

⁶⁹ *Марков А. С.* Указ. соч. С. 130.

⁷⁰ *Вебер Ф. Х.* Записки Вебера // Русский архив. 1872. № 7/8. Стб. 1397.

⁷¹ Походный журнал 1722 года... С. 90.

⁷² АВПРИ. Ф. 131. Оп. 1. 1744 г. Д. 1. Л. 7об.

Армяне являлись христианами, но придерживались особого течения, имеющего ряд особенностей в догматике и обряде, отличающих их от православия и католицизма. Жившие в Астрахани армяне поддерживали тесные связи со своими единоверцами в Персии. Об этом свидетельствует письмо армянского патриарха Исая в Астрахань к «Армянном духовным и мирским, которые живут при армянской церкви», датированное 1702 г. В этом письме, оказавшемся в распоряжении Посольского приказа, Исая информировал астраханских армян о своём возведении на патриаршество и поучал их, как им надлежит жить⁷³. В 1717 г. в России была учреждена епархия Армянской Апостольской церкви, епархиальный центр которой стал располагаться в Астрахани. При этом связь проживавших в Астрахани армян с исторической родиной только усилилась. «Об Астрахани не забудьте, — наставлял в 1718 г. патриарх Исая вардапета Минаса, — чтоб тамошние армянские жители и прочие приезжие и отъезжие, обретающиеся в державе его царского пресветлейшаго величества, указом его державства были все вам послушны»⁷⁴. Впоследствии у армян Астрахани было два церковных прихода⁷⁵. Некоторые из живших в Астрахани армян придерживались «римской католической веры». К примеру, среди 55 жителей Астрахани, обратившихся в 1710 г. с петицией об установлении в Астрахани постоянной католической миссии к капуцину Дж. Марии, направившемуся из Грузии через Россию в Европу и задержавшемуся в Астрахани на длительный срок, было 24 армянина⁷⁶.

В правление Петра I русские торговые круги предприняли попытки уравнивать восточных иноземцев Астрахани в правах с русским населением, но они оказались безуспешными. Сенат указом от 23 сентября 1723 г. постановил: «астраханским армяном, бухарцом и прочим иноземцом впредь до указа торговать и промыслы иметь во всем против прежнего с платежом обыкновенных пошлин позволить, чтоб тем придать охоту и другим иноземцам в Астрахань приезжать и торг умножать»⁷⁷. Попытка включения жителей восточных колоний в астраханский посад также не увенчалась успехом.

Н. Б. Голикова, изучавшая правовое положение астраханских колоний, пришла к выводу, что их население, обладая правом само-

⁷³ Эзов Г. А. Указ. соч. С. 138.

⁷⁴ Там же. С. 327.

⁷⁵ Кугрышева Э. В. Указ. соч. С. 132-135.

⁷⁶ Флоровский А. В. Латинские школы в России в эпоху Петра I // XVIII век. Сб. 5 / Отв. ред. П. Н. Берков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 331–332.

⁷⁷ Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. С. 176–177.

стоятельно решать внутренние дела, не было совершенно независимым от царской администрации. «Оно полностью подчинялось ей в таких вопросах, как передвижение по России, оценка товаров и определение суммы пошлин, получение лавок в гостиных дворах и мест под дворы и городские лавки, — пишет она. — Население колоний обязано было оформлять в местных органах частные сделки (займы, подряды, торговые договоры, наем работников и т.п.), подлежало русскому суду за тайный провоз товаров, а также когда возникали конфликты с русскими людьми, населением других колоний или приезжими восточными купцами»⁷⁸.

Показательно в этом отношении постановление Астраханской губернской канцелярии на обращение армянина К. Мартынова, который в мае 1723 г. попросил отпустить его из Астрахани в Дербент для выкупа брата из плена. Астраханские власти выдали ему паспорт на проезд, но при этом взяли с него традиционное в таких случаях обязательство, «чтоб ему Калусту за рубеж опричь Дербени в ыные страны в Персию, в Хиву, в Бухары, на Кубань, в Азов, в Крым, в Царь град, в Мекку без указа не ездить под лишением живота и по нем Калусте взять поруки»⁷⁹. То есть, даже в вопросах сугубо личного характера, не затрагивающих интересы Российского государства, жители восточных колоний Астрахани обязаны были согласовывать свои действия с местными властями.

Несмотря на то, что царские указы к астраханским воеводам требовали «к иноземцам <...> Тезикам держать ласку и привет, а насильства никакого не делать <...>»⁸⁰, жители восточных колоний не были защищены от возможного произвола местных властей. Ярким примером этого является деятельность астраханского воеводы Т. Ржевского в 1704—1705 гг., который «на бухарцев, на гилянцев, на аграханцев и на иных иноземцов, и на татар <...> положил многие подачи вновь: с стругов с лоток — привальное, и со всяких мелочных продаж с мест — оброки <...>»⁸¹.

Серьёзным испытанием для жителей восточных колоний стало Астраханское восстание 1705—1706 гг. И хотя восставшие не нанесли ущерба восточным колониям и даже организовали охрану этих дворов, не препятствовали выезду из Астрахани по торговым делам, тем не менее, индийские купцы отмечали в челобитной астраханскому воеводе князю П. И. Хованскому в марте 1707 г., что в период восста-

⁷⁸ Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России... С. 179.

⁷⁹ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 53. Л. 28

⁸⁰ ПСЗ-1. Т. 4. СПб., 1830. С. 27.

⁸¹ Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века. М.: Древлехранилище, 2004. С. 377.

ния служилых людей в Астрахани торговые связи жителей колоний были прерваны. Индийцы жаловались, что понесли в этот период «великие убытки и разорение», потому что «в то время не торговали, и с Москвы русских товаров за тем их (стрельцов. — *И. Т.*) воровством за морем не отпускали и из-за моря для такой их стрелецкой измены в привозе заморских товаров в Астрахань и к Москве к ним не было». Несмотря на это, кредиторы требовали с жителей астраханских колоний выполнения коммерческих обязательств, которые те по объективным причинам не могли исполнить. Индийцы просили русские власти предоставить им отсрочку по выплате таких долгов на 10 лет и в итоге добились желаемого⁸².

В отношении жителей восточных колоний Астрахани могли применяться и масштабные репрессивные меры, связанные с внешнеполитической конъюнктурой. Так, после гибели в Хивинском ханстве экспедиции А. Бековича-Черкасского Сенат издал 11 января 1718 г. указ, который предписывал «хивинцев всех, которые в Астрахани, держать до указа за крепким караулом, а товары и пожитки их, что у них явится, описав, взять на Его Императорское Величество». По этому указу в Астрахани были арестованы все находившиеся в тот момент в городе хивинцы, проживавшие на Гилянском и Бухарском дворах. Их оказалось всего шесть человек. У них конфисковали имущество на тысячу с лишним рублей. Впрочем, в том же году по прошению бухарского посла Ханкулы Топейги баши арестованные хивинцы были освобождены астраханским обер-комендантом М. И. Чириковым и отданы «на поруки до указа, а пожитки им отданы с росписками»⁸³.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что в эпоху Петра I в Астрахани окончательно сложился облик восточных колоний, представлявших собой самоуправляемые общины, жители которых пользовались свободой вероисповедания и смогли отстоять в борьбе с русским купечеством свой особый правовой статус в России, а многие из них в конце первой четверти XVIII в. добились послабления и в налогообложении.

В рассматриваемый период астраханские колонии играли исключительно важную роль в русско-восточной торговле. Астраханские иноземцы вели обширную торговлю, как на местном рынке, так и в Москве, городах Поволжья и Северного Кавказа, отправлялись с товарами либо посылали своих приказчиков в Хиву и Бухару, в персидские города, а армянские купцы выезжали из Астрахани и

⁸² Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. С. 16–18.

⁸³ Сб. ИРИО. Т. 101. СПб., 1898. С. 224–225.

в страны Европы. У восточных купцов Астрахани было распространено создание торговых компаний для ведения коммерции в других российских городах или поездок в иные страны, они широко пользовались заёмными средствами, которыми их охотно снабжали жители астраханской Индийской колонии. В результате коммерческой деятельности населения астраханских колоний российский рынок в изобилии наполнялся восточными товарами, стимулируя выгодный для России товарообмен с Западом.

Социальные и внешнеполитические потрясения, затрагивавшие Астрахань, не оказывали существенного влияния на деятельность астраханских колоний, так как их жители сравнительно быстро восстанавливали свой экономический потенциал, в том числе за счёт льгот, получаемых от российских властей.

Библиография и архивные источники

1. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века: Сб. док-тов / Под ред. А. Иоаннисяна. Т. 2, ч. 1. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1964. CIV, 395 с.
2. АВПРИ. Ф. 77. Оп. 1. 1726 г. Д. 2; Ф. 131. Оп. 1. 1744 г. Д. 1.
3. Вебер Ф. Х. Записки Вебера // Русский архив. 1872. № 7/8. Стб. 1334–1457.
4. Воловников В. Г. Посланник Петра I на Востоке: Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах: [Письма, реляции, журналы]. М.: Гл. ред. восточ. лит. изд-ва «Наука», 1986. 159 с.
5. ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 43, 53, 1004.
6. Голикова Н. Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. 328 с.
7. Голикова Н. Б. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. 176 с.
8. Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII — начала XVIII в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 215 с.
9. Кугрышева Э. В. История армян в Астрахани. Астрахань: Волга, 2007. 287 с.
10. Марков А. С. Пётр I и Астрахань: Проза. Астрахань: Форзац, [1994]. 190, [1] с.
11. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVIII вв. // Труды историко-археографич. ин-та и Ин-та востоковедения. Т. [6]: Мат-лы по истории народов СССР, вып. 3. Л.: АН СССР, 1932. XVIII, 504, [2] с.
12. Михайлов Н. Некоторые сведения об отношениях Русских к Хиве и Туркменам с 1715 по 1720 год // Прибавления к Астраханским губернским ведомостям. 1843. № 43. С. 279–283.
13. НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 348.

14. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. *А. М. Ловягина.* Смоленск: Русич, 2003. 480 с.
15. *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков XVII и XVIII века. Ч. 1. Астрахань: Калмыцк. обл. испол. к-т, 1926. VI, 264, [1] с.
16. ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 4. № 2074 от 24.9.1705. С. 317–318; Т. 6. № 3622 от ?? .6.1720. С. 223–229; Т. 9. № 6819 от 6.10.1735. С. 586.
17. *Попов А. Н.* Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом // Записки Имп. рус. географич. об-ва. Кн. 9. СПб.: В Тип. Имп. АН, 1853. С. 237–424.
18. Походный Журнал 1722 года. СПб., 1855 года: [Журналы 1722-го года] / [Под ред. *А. Ф. Бычкова*]. СПб., 1855. 194 с.
19. РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 815.
20. Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л: Лениздат, 1989. 542, [2] с.
21. Русско-индийские отношения в XVII в.: Сб. док-тов. М.: Изд-во восточ. лит., 1958. 455 с.
22. Русско-индийские отношения в XVIII в.: Сб. док-тов. М.: Наука, 1965. 656 с.
23. *Саввинский И.* Армяне в Астраханской епархии и отношение к ним местных Архипастырей в 18-м веке. Астрахань: Тип. В. Л. Егорова, 1900. [2], 106 с.
24. Сб. ИРИО. Т. 101: Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета, т. 8: Июль-декабрь 1729 г. и январь–март 1730 г. / Изд. под ред. и с предисл. *Н. Ф. Дубровина.* СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1898. [4], XXXII, 576 с.
25. *Соймонов Ф. И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого, трудами Тайного Советника, Губернатора Сибири и Ордена святого Александра Кавалера Федора Ивановича Соймонова, выбранное из журнала Его Превосходительства, в бытность его службы морским Офицером, и с внесенными, где потребно было, дополнениями Академии Наук Конференц-Секретаря, Профессора Истории и Историографии, *Г. Ф. Миллера.* СПб.: Имп. АН, 1763. 378 с., 13 л. ил.
26. Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века: Сб. док-тов. М.: Древлехранилище, 2004. XXIV, [I], 416, [1] с.
27. *Торопицын И. В.* Набеги кубанских татар на Россию в 1715 г. // Козацка спадщина: Альманах Інституту суспільних досліджень. Вип. 4. Дніпропетровськ: Пороги, 2008. С. 72–78.
28. *Торопицын И. В.* Астраханский рынок в орбите европейско-восточной торговли в XVII в.: Торговля шерстяными материями // Научный вестник Астраханского филиала Волгоградской академии государственной службы: Сб. науч. ст. Вып. 4. Астраханский край и региональное развитие Юга России. Астрахань: Color, 2010. С. 101–113.
29. *Торопицын И. В.* Астрахань в орбите европейско-восточной торговли в XVIII в. // Астраханские Петровские чтения: Россия–Астрахань–Восток: Интегральное взаимодействие: К 300-летию образования Астраханской губернии: Мат-лы Междунар. науч. конф. 26–28 октября 2017 г. / Отв. ред. и сост.: *А. П. Романова, Е. Г. Тимофеева, А. О. Тюрин.* Астра-

хань: Астраханский гос. ун-т, Издат. дом «Астраханский университет», 2018. С. 125–128.

30. *Фроловский А. В.* Латинские школы в России в эпоху Петра I // XVIII век. Сб. 5 / Отв. ред. *П. Н. Берков.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 316–335.
31. *Эзов Г. А.* Сношения Петра Великого с армянским народом: Документы, извлеч. из Моск. глав. и С.-Петербур. архивов М-ва ин. дел, Австрийск. придворного и Гос. архива, Королевско-Баварск. тайного гос. архива и др. учреждений: [Доложено в заседании Историко-филол. отд-ния Акад. наук 8 янв. 1897 г.]. СПб.: Тип. Имп. АН, 1898. [2], XVI, СЛII, 512 с.
32. *Юхт А. И.* Торговля с восточными странами и внутренний рынок России: 20–60-е годы XVIII века. М.: ИРИ РАН, 1994. 261, [1] с.
33. Արզումանյան, Չ. Ա. Նորահայտ վավերագրեր XVIII դ. 20-ական թվականներին Անդրկովկասում Ռուսաստանի վարած քաղաքականության մասին (*Арзуманян З. А.* Нововьявленные документы о политике России в Закавказье в 20-ых гг. XVIII в.) // Вестник общественных наук. № 3 (399). Ереван: АН Арм. ССР, 1976. С. 106–110.

КИТАЙ

Наталья Юрьевна Болотина
(Москва)

*Главный специалист
Российского государственного архива древних актов*

Дипломат петровской эпохи С. Л. Владиславич-Рагузинский: Миссия в Китай

Граф Савва Лукич Владиславич-Рагузинский (1669–1738) — известный дипломат, разведчик, экономист, талантливый предприниматель — принадлежит к замечательной плеяде сподвижников Петра Великого¹. Вершиной его дипломатической карьеры стало руководство посольством 1725–1728 гг. в Цинскую империю (Китай) и заключение выгодных для России Буринского и Кяхтинского договоров. Миссия Владиславича стала наиболее примечательным явлением в истории связей европейских государств с цинским Китаем. Её успех был связан с новым геополитическим положением России, которое она заняла в результате реформ Петра I, и актив-

¹ См.: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862. С. 252; 200-летие Кабинета Его императорского величества. 1704–1904. СПб., 1911. С. 29, 117; *Павленко Н. И., Дроздова О. Ю., Колкина И. Н.* Сора́тники Петра. М., 2001. С. 377–433; *Лециловская И. И.* Серб — сподвижник Петра I. Граф Рагузинский // *Славянский альманах*—2002. М., 2003. С. 70–93; *Дучич Й.* Граф Савва Владиславич: Серб-дипломат при дворе Петра Великого и Екатерины I. СПб., 2009; *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 3: Р-Я. СПб., 2010. С. 14–16; *Болотина Н. Ю.* «Слуга Царского Пресветлага Величества»: Граф Савва Лукич Владиславич-Рагузинский на службе у Петра Великого // *Сербские научные исследования* — 2012. Сб. науч. ст. М., 2013. С. 323–335; *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 2016. С. 188–229 и др.

ной внешней политикой, но, несомненно, личность и опыт посла Владиславича-Рагузинского сыграли свою роль. При этом необходимо учитывать, что посольство в Китай стало его первым официальным дипломатическим постом.

Основные источники отложились в документальном комплексе Походной посольской канцелярии Владиславича. Публикация документов, относящихся к истории посольства, началась ещё во второй половине XVIII в., однако введение в научный оборот масштабного корпуса источников состоялось только в конце XX — начале XXI в. с изданием двух томов серийной публикации документов «Русско-китайские отношения», куда вошли материалы из фондов АВПРИ о подготовке и проведении дипломатической миссии Владиславича². Надо отметить, что важнейший документ — статейный список посольства, насчитывающий 1086 листов, в издание не вошёл и до настоящего времени не опубликован. Вопросы по комплектованию личного состава посольства, определению жалования, материального обеспечения, организации торгового каравана и Пекинской духовной миссии нашли своё отражение в документах фонда Сената (РГАДА).

Посольство Владиславича-Рагузинского до настоящего времени не стало предметом специального исследования, хотя сведения о нём содержатся в работах отечественных и китайских историков, посвящённых русско-китайским отношениям начала XVIII в. Подробная историография проблемы приведена в научных предисловиях к указанным томам серии «Русско-китайские отношения». Отечественные исследователи единодушно указывали на успешность миссии Владиславича и отмечали большое значение заключённых им договоров. Оценивая критически китайскую историографию, авторы предисловия к третьему тому отметили качественный сдвиг в изучении посольства, произошедший после издания в 1997 г. монографии Чжан Вэйхуа и Сунь Си «Китайско-русские отношения в начальный период правления Цинской династии»³.

Сербский род Владиславичей происходил из маленького городка Гацко в Герцеговине. Вместе с семьёй Савва Лукич в 1670-х гг. был вынужден бежать от турецких янычар в Рагузскую республику, где выучил латынь, греческий и итальянский языки. Юноша рано покинул семью и занялся торговлей во Франции, Испании и Венеции,

² См.: Русско-китайские отношения в XVIII в. Т. 2. М., 1990; Т. 3: 1727–1729 гг. М., 2006.

³ Там же, т. 3. Цит. по копии в: Сайт «Восточная литература». (Электронный ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVIII/1720-1740/Russ_kit_otn_18_v_III/framepred.htm; дата обращения 15.10.2018).

а затем организовал собственное торговое предприятие в Царьграде (Константинополе, ныне — Стамбул) и назвался Рагузинским — по имени города, приютившего его семью. Здесь он выучил турецкий язык, а по приезде в Россию и русский. Желая способствовать своему народу в освобождении от турецкого ига, Рагузинский вошёл в контакты с русскими торговыми людьми в Константинополе и предложил свою помощь дипломатам. Он произвёл на них хорошее впечатление и в ноябре 1702 г. впервые прибыл в Россию. Так началась карьера Рагузинского при дворе Петра I.

В Москве Савва Лукич был принят главой Посольского приказа Ф. А. Головиным и адмиралом Ф. М. Апраксиным, которые в самых высоких выражениях характеризовали его в письмах к царю⁴. Петру I был нужен такой человек, как Савва Лукич — умный, информированный, преданный, который мог бы, занимаясь коммерцией, вести разведывательную деятельность в Турции и выполнять поручения царя, не привлекая излишнего внимания. Вернувшись в 1704 г. в Константинополь, Савва Рагузинский оказал неоценимую помощь первому русскому послу в Турции П. А. Толстому, благодаря ему в России оказался предок великого Пушкина — Ибрагим Ганнибал.

Возвратившись в 1705 г. в Россию, Рагузинский поступил на службу в Посольский приказ и продолжил вести торговые операции, став одним из самых богатых коммерсантов первой трети XVIII в. Их связывали с Петром I особые отношения, царь нередко доверял ему выполнение деликатных поручений, Рагузинский часто посещал его в армии и привозил корреспонденцию, сообщал добытую важную информацию, участвовал в советах и пирах. В 1710 г. он получил чин надворного советника, вошёл в ряды российского дворянства, и его статус в дипломатической службе России был официально оформлен.

Рагузинский много способствовал сближению России и балканских народов. В 1711 г. он выступил с инициативой Прутского похода, а затем участвовал в дипломатической подготовке заключения в 1713 г. мирного договора с Турцией. Спустя три года, в 1716 г., Савва Лукич в качестве частного лица отправился в Венецию. Встретившись с Петром I во Франции, он выхлопотал себе рекомендательные письма к правительству Венеции и Рагузской республики. В паспорте, выданном в Париже 6 июня 1717 г. (н. ст.), указывалось на выполнение царских поручений за границей⁵. В результате дипломатической де-

⁴ См.: ПиБ. Т. 1. СПб., 1887. С. 204, 525.

⁵ См.: РГАДА. Ф. 59. 1717 г. Д. 1. Л. 1.

ятельности Саввы Рагузинского 10 ноября 1717 г. (н. ст.) от сената Рагузы в Россию была отправлена грамота о дружбе между двумя государствами⁶.

Весной 1720 г. Савва Лукич специально посещал Рим и имел аудиенцию у Папы Климента XI, с которым, несмотря на неофициальный визит, обсуждал важные государственные дела: положение католиков в России и формы титулования Папы и Петра I в двусторонней переписке⁷. Вёл дипломатическую работу Савва Лукич и в Венеции. Его стараниями Венецианская республика признала императорский титул Петра I в декабре 1721 г., что имело большое значение для международного престижа России.

Как видим, дипломатический опыт Рагузинского формировался в контактах с восточными и европейскими дипломатами, он умело вёл переговоры и находил возможности повысить престиж России. Со временем Савва Лукич вошёл в круг доверенных лиц царя и его супруги Екатерины Алексеевны, участвовал в жизни двора, держал открытый дом. О высоком положении Саввы Лукича при дворе свидетельствует рассказ камер-юнкера Ф. В. Берхгольца о посещении его дома 23 мая 1723 г.⁸ императорской фамилией: «Её высочество Анна Петровна отправилась около 11 часов к Савве Рагузинскому, куда была приглашена на крестины его дочери Анны. Сразу после неё там появился император с обеими дочерьми и придворными дамами... вскоре по приезде императрицы начался обряд крещения, во время которого старшая принцесса держала на руках новорождённую девочку»⁹. Во время церемонии перенесения тела Петра Великого в Петропавловский собор 10 марта 1725 г. его преданный друг Рагузинский был в числе ближайших сподвижников, которые несли балдахин над императорским катафалком.

Формально целью посольства Владиславиича в Пекин было сообщение китайскому императору о смерти Петра I и вступлении на престол Екатерины I, но главной задачей являлось урегулирование пограничных вопросов и торговых отношений. Можно предположить, что идея дипломатической миссии возникла ещё при жизни Петра I и тогда же состоялся выбор её руководителя, а кончина

⁶ См.: РГАДА. Ф. 59. Д. 2. Л. 2.

⁷ См.: *Андросов С. О.* Русские дипломатические представители в Риме в XVIII веке // Романовы и Папский Престол: 1613–1917 гг.: Россия и Ватикан. М., 2017. С. 62, 67.

⁸ Здесь и далее даты указаны по ст. ст. (юлианскому календарю). — *Прим. ред.*

⁹ *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца: 1721–1725: Окончание / Пер. с нем. *И. Ф. Аммона* // Юность державы. М.: Фонд С. Дубова, 2000. С. 72–73.

императора подала повод к отправлению посольства. К сожалению, документов, позволяющих однозначно определить мотивацию назначения Рагузинского послом в Китай, а также его переписки с Петром I или Екатериной I по этому вопросу, обнаружить не удалось. Надо отметить, что спустя всего несколько дней, уже 10 февраля 1725 г., состоялось определение Коллегии иностранных дел о посылке грамоты сибирскому губернатору М. В. Долгорукову с указанием собрать для посла выписки из документов о сношениях с Цинской империей¹⁰.

После смерти Петра I кандидатуру Саввы Лукича поддержал могущественный А. Д. Меншиков, о чём дипломат сам писал 21 августа 1725 г. Ф. М. Апраксину: «не могу описать великодушное милосердие всемилостивейшей государыни нашей императрицы в моей экспедиции и споможении его светлости князя Меншикова и его сиятельства Петра Андреевича (Толстого. — *Н. Б.*)»¹¹. Надо отметить, что Н. И. Павленко, напротив, указывал на охлаждение отношений между Меншиковым и Рагузинским в связи с увеличением дистанции в их общественном положении¹². На стороне дипломата были и его давние друзья, сподвижники Петра I, впоследствии члены Верховного Тайного совета, Ф. М. Апраксин и П. А. Толстой, которым перед отъездом в Китай дипломат поручил заботу о своём семействе.

В феврале 1725 г. Екатерина I подтвердила графский титул Рагузинского и его племянников в России, разрешила ему именоваться иллирийским графом с названием «Владиславич» без ошибочно данной фамилии «Рагузинский», а также удостоверила герб. Официальное назначение надворного советника графа Владиславича в ранге чрезвычайного посланника и полномочного министра в Цинскую империю состоялось на заседании Сената только 18 июня 1725 г. в присутствии Меншикова, Г. Д. Юсупова, Д. М. Голицына и канцлера Г. И. Головкина. После этого Савва Лукич был значительно повышен в чине и произведён в действительные статские советники.

Подготовка посольства продолжалась несколько месяцев до октября 1725 г. Несмотря на то, что в состав посольства были включены опытные специалисты, сам Рагузинский серьёзно отнёсся к миссии в Китай и уже 23 июня подал в Коллегию иностранных дел доношение о нуждах посольства. Реально оценивая длительность

¹⁰ См.: Русско-китайские отношения. Т. 2. С. 528.

¹¹ Там же. С. 93.

¹² См.: Павленко Н. И. Указ. соч. С. 218.

путешествия и невозможность оперативной связи, он просил дать обстоятельные инструкции для понимания своих целей и полномочий, а также предоставить для изучения материалы прежних посольств И. Идеса, Ф. А. Головина и Л. В. Измайлова. Кроме этого он затребовал подарки для китайского императора и его министров, опытного переводчика с латинского языка (язык официальных переговоров с Китаем), ботаника, географа, геодезистов. В состав посольства также вошли епископ И. Кульчицкий, несколько священнослужителей и студентов Славяно-греко-латинской академии.

Верительной грамотой от 30 августа 1725 г. Екатерина I уполномочила Владиславича вести переговоры с китайскими министрами «не токмо о разграничении тех земель, но и обо всем прочем, что касаться имеет к пользе обоих государств и подданных, соглашаться и о том трактат поставить, заключить и подписать»¹³. Следуя дипломатической традиции, перед отъездом в Китай Коллегия иностранных дел вручила Владиславичу инструкцию, состоящую более чем из сорока пунктов, в которой перечислялись возложенные на него поручения и способы их исполнения. «Восстановление и утверждение российского купечества в Китае есть один из наиглавнейших пунктов», — гласила инструкция¹⁴. Особые положения предусматривали необходимость сохранения «высокой чести» Российской империи в дипломатических церемониях и касались характера аудиенции Владиславича у китайского императора.

Позаботился 56-летний дипломат и об устройстве своих семейных дел. Отправляясь в дальний и опасный путь, 23 декабря 1725 г., будучи в Москве, он составил завешание («духовную»), назначив душеприказчиком своего давнего друга П. А. Толстого. Владиславич писал ему о желании как можно лучше выполнить возложенную на него ответственную миссию в Китае: «Ныне уже я отъезжаю по указу Ее императорского величества в такой дальний путь, где обещаю, свидетельствуя самим Богом, служить Ее величеству и всему империи Всероссийскому с наилучшею верностью, прилежностью и усердием, колико Бог наставит меня на разум, о чем, надеюся, достоверно свидетельствовать моею верностью с моим возвращением»¹⁵.

Выехав из Петербурга 12 октября 1725 г., русское посольство в составе 120 человек и 60 телег обоза добиралось до русско-китайской границы более девяти месяцев и только 24 августа 1726 г.

¹³ Русско-китайские отношения. Т. 2. С. 108–109.

¹⁴ Там же. С. 126–143.

¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Д. 1171. Л. 13.

прибыло на речку Буру. Во время долгого путешествия Владиславич внимательно наблюдал за жизнью России и в доношениях высказывал свои соображения по совершенствованию организации управления. Сибирские просторы и их природное богатство поразили воображение Саввы Лукича: «Сибирская провинция, сколько я мог видеть и слышать, не губерния, но империя, всякими обильными местами и плодами украшена». Увидел он и проблемы в управлении столь изобильным и важным для империи краем: «только очень запустела за многими причинами, особенно от превеликого расстояния, от малолюдства, от глупости прежних управителей и непорядков пограничных»¹⁶.

Многочисленные документы Походной посольской канцелярии свидетельствуют, что руководство миссией в Китай не было парадной должностью для Владиславича. Он лично вникал во все документы, которые нашлись в сибирских архивах о пограничных и торговых русско-китайских отношениях, многочисленных перебежчиках, спорных вопросах, и тщательно готовил аргументированные позиции к предстоящим непростым переговорам с цинским правительством. С какими трудностями при этом столкнулся дипломат в Тобольске, видно из его доношения в Коллегию иностранных дел от 6 мая 1726 г.: «трудился я, сколько мог, в тамошней канцелярии для приискания ведомостей о беглецах, о границах и о прочем и что мог собрать, то взял с собою, хотя ничего в подлинном совершенстве получить не мог <...> Приехавши в Иркутск, получил я <...> ландкарту некоторой части пограничных земель. Эту ландкарту я осмотрел подробно и увидал, что из нее мало пользы будет, потому что в ней, кроме реки Аргуна, ничего не означено, а разграничивать нужно в немалых тысячах верст на обе стороны»¹⁷.

Рагузинский не без основания предполагал, что цинские министры во время переговоров будут высказывать значительные притязания на пограничные земли, о чём 28 августа 1726 г. писал сибирскому губернатору М. В. Долгорукову: «Они ж, как по видимому, претендуют границе быть с великим утеснением Российского империя и не стыдятца в разговорах упоминать Байкальское море будто граница быть имеет. Против сего, по силе вышеписанных трактатов, я буду претендовать немалое число Мунгальской землицы и множество саетов»¹⁸.

В пределы Цинской империи русское посольство вступило у р. Буры и 1 сентября 1726 г. двинулось к Пекину. По дороге в городах его

¹⁶ Русско-китайские отношения. Т. 2. С. 391.

¹⁷ Там же. С. 312, 314.

¹⁸ Там же. С. 371.

встречали музыкой, оружейной пальбой, потчевали чаем и даже развлекали комедиями. 21 октября состоялся торжественный въезд в столицу Китая: свита посольства в составе 120 человек в парадных одеждах проследовала по улицам, вдоль которых стояло восемь тысяч пехоты и конницы. Запись о пребывании российского дипломата в Пекине и его первой аудиенции 4 ноября 1726 г. у китайского императора Инчжэнь (девиз годов правления Юнчжэн — Гармоничное и справедливое) была внесена в хронику правления цинской династии: «Русский Чахан-хан (Белый царь) прислал посла Савву преподнести двору грамоту, поздравляющую его величество с восшествием на престол, и преподнести местную продукцию в качестве дани. Согласно правилам в честь Саввы был устроен пир, и он был пожалован ответными дарами»¹⁹. Владиславич запечатлел вид тронного зала, в котором его принимал китайский император: «В этом императорском зале нет балдахина. Только посреди его стоит лаковый трон с квадратной подушечкой из меха выдры толщиной в три пальца и со стороны в метр. На этот трон садится император, богдыхан, “по турецкому обычаю” скрестив ноги <...> В этом зале нет никакой особой роскоши»²⁰.

Приветливость Цинской империи была обманчива. В тяжёлых и изнуряющих условиях с октября 1726 по апрель 1727 г. проходили переговоры. В обстановке угроз, шантажа и морального давления состоялось 48 конференций Владиславича с китайскими уполномоченными, на которых обсуждалось 20 проектов договора, а также аудиенции у императора, но все труды не привели к желаемым результатам. Спорным моментом оставался вопрос о границе, который цинские министры желали разрешить раньше, чем приступить к обсуждению вопросов расширения и упорядочивания торговли. Китайская сторона выдвигала претензии на территории, уже освоенные русскими. Владиславич, несмотря на все попытки запугать или подкупить, выстоял и не пошёл на уступки, настаивая на совместном обсуждении политических и коммерческих вопросов для подготовки общего трактата о двусторонних отношениях.

Владиславич 21 марта 1727 г. передал цинской стороне два проекта соглашений — один с обозначением границы, другой без этого пункта, в них нашли отражение все стороны постоянных двусторонних отношений и назван главный принцип, на котором настаивал представитель России — «да владеют обе империи всем тем, чем

¹⁹ Там же. С. 509.

²⁰ *Владиславич-Рагузинский С. Л.* Секретная информация о силе и состоянии Китайского государства // *Русский вестник.* 1842. № 2. С. 226.

ныне владеют»²¹. Вопрос о разграничении должен был решиться непосредственно на границе, и 23 апреля 1727 г. русское посольство покинуло Пекин. Переговоры возобновились в пограничном районе на реке Буре, где 20 августа 1727 г. был подписан Буринский договор о русско-китайской границе к западу от реки Аргунь, по которому обе стороны признали существующее разграничение владений. Новый проект соглашения был составлен уже 21 октября и послан в Пекин на утверждение. Торжественный обмен текстами договора состоялся 14 июня 1728 г. на реке Кяхте.

Кяхтинский договор 1727 г. подтвердил положения Нерчинского и Буринского договоров и положил начало узаконенной русско-китайской приграничной торговле, которая сосредоточилась в специально построенной слободе Кяхте неподалёку от Нерчинска. Торговля в Пекине ограничивалась разрешением отправлять раз в три года караван численностью не более 200 человек. Договор юридически оформил существование в Пекине Русской духовной миссии, члены которой изучали китайский и маньчжурский языки. Решение вести переписку между государствами от имени российского Сената и Трибунала внешних сношений — Лифаньюаня снимало спорные вопросы о взаимном титуловании императоров. Урегулирование местных пограничных споров возлагалось на пограничных администраторов обеих сторон. Статьи Кяхтинского договора определяли также порядок приёма посольств и юрисдикцию нарушителей границы.

Во время своего посольства особое внимание Владиславич уделил вопросам упрочения русской приграничной полосы. Верховный Тайный совет неоднократно обсуждал его доношения о необходимости укрепления крепостей на границе, переносе Селенгинска на более удобное место, составлении карты Сибири. Памятником дипломату стал основанный им 29 июня 1727 г. город Кяхта (Троицкосавск), который вплоть до второй половины XIX в. являлся главным пунктом торговли между Россией и Китаем. Имя ему дипломат дал в честь своего небесного покровителя святого Савы. Уезжая в столицу, он оставил специальную инструкцию и чертёж будущего торгового центра.

По авторитетному мнению историка В. С. Мясникова, Владиславич-Рагузинский стал первым европейским дипломатом, разгадавшим стратагемный характер китайской дипломатии и политической культуры в целом, что способствовало достижению целей русского посольства²². Посол писал о своих наблюдениях за китай-

²¹ АВПРИ. Ф. 62. 1725 г. Д. 12а. Л. 392–392об.

²² См.: Мясников В. С. Заключение Кяхтинского договора 1728 года // Русско-китайские отношения. Т. 3.

цами, о том, что они «причитают разумнейшими от европейцев и большими обманщиками в стратагемах воинских, только исповедуют, что европейцы суть бодры, сердиты и отчаянны, как звери, и что их сердца огнём и стрелами утолить невозможно, но точию обманом в их маршах и прочем удержать и до баталии не допустить»²³.

Сам Владиславич также осознавал успешность своей миссии и выполнение всех поставленных перед ним задач, о чём подробно писал в прошении Петру II в феврале 1729 г.: «я, же, подданнейший раб, с помощью Божиею и счастием Вашего императорского величества, с моими неусыпными трудами, хотя с некоторыми моими партикулярными убытки, за притеснением двора китайского в моей бытности в Пекине, удостоился комиссию, мне врученную, в высоких интересах Вашего величества окончить благополучно, с немалою славою и авантажем Вашего величества счастливого империя, о чем известна государственная Иностранных дел коллегия подробно»²⁴.

Пока Владиславич выполнял свою дипломатическую миссию в Китае, умерла Екатерина I, пал могущественный Меншиков, на престол вступил император Пётр II. Он высоко оценил успех дипломатической миссии, и 2 января 1728 г. дипломат был пожалован орденом Святого князя Александра Невского, а затем получил чин тайного советника²⁵. В Петербурге Владиславич составил и преподнёс 27 декабря 1731 г. императрице Анне Иоанновне обстоятельную записку «Секретная информация о силе и состоянии Китайского государства»²⁶, в которой обобщил все собранные им во время посольства сведения и дал исторический очерк русско-китайских отношений за 1680–1729 гг.

Владиславич-Рагузинский скончался 18 июня 1738 г. на своей мызе Матокса (ныне деревня Матокса Всеволожского района), утверждённой в его владении в 1725 г. перед отправлением в Китай²⁷. Блестящего дипломата и верного сподвижника Петра Великого похоронили в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. На заупокойной службе присутствовали императрица Анна Иоанновна, цесаревна Елизавета Петровна и все высокопоставленные вельможи. Тело Владиславича покоится в головах могилы А. В. Суворова, но его надгробие было утрачено ещё во второй половине

²³ Владиславич-Рагузинский С. Л. Указ. соч. № 2. С. 242–243.

²⁴ См.: Сб. ИРИО. Т. 94. СПб., 1894. С. 424–426.

²⁵ Там же. Т. 79. СПб., 1891. С. 3.

²⁶ См.: Русский вестник. 1842. № 2. С. 180–243; №3. С. 281–337.

²⁷ См.: РГАДА. Ф. 248. Д. 1171. Л. 3–4об.

XIX в. 24 сентября 2010 г. на месте упокоения выдающегося государственного деятеля была открыта памятная доска, а в 2011 г. в Шлиссельбурге был установлен памятник дипломату.

Граф Савва Лукич Владиславич-Рагузинский — сербский патриот и верный сын России много сделал для её развития и процветания, становления могущественной державы, на которую с надеждой смотрели все порабощённые православные народы Балкан. Прирождённый коммерсант, он умел вести долгие переговоры, договариваться, идти на компромисс, но при этом твёрдо настаивать на своём, добиваясь максимальной выгоды. Эти качества благоприятно сказались на выполнении Владиславичем своей дипломатической миссии в Пекине. Её успех обозначил важнейшую веху русско-китайских отношений, а заключенные договора сохраняли свою юридическую силу более столетия, до середины XIX в.

Значимость для Российской империи важного и выгодного Кяхтинского договора, личное мужество, проявленное послом в сложных и длительных переговорах, поставили Владиславича в ряд выдающихся российских дипломатов и государственных деятелей XVIII столетия. Несомненно, он обладал авантюрным характером, был склонен к риску ради достижения цели, но авантюризм в нём сочетался с тонким расчётом, дипломатическим чутьём и преданностью Российской империи. Рагузинский навсегда останется в памяти сербского и русского народов как сподвижник Петра I, выдающийся государственный деятель и дипломат.

Библиография и архивные источники

1. 200-летие Кабинета Его императорского величества: 1704–1904. СПб.: Тов-во Голике и Вильберг, 1911. [2], XX, 526, 149 с., 50 л. ил.
2. АВПРИ. Ф. 62. 1725 г. Д. 12а.
3. *Андросов С. О.* Русские дипломатические представители в Риме в XVIII веке // Романовы и Папский Престол: 1613–1917 гг.: Россия и Ватикан. М.: Кучково поле; Фонд «Связь эпох», 2017. С. 53–76.
4. *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца: 1721–1725: Окончание / Пер. с нем. *И. Ф. Аммона* // Юность державы. М.: Фонд С. Дубова, 2000. С. 9–324. (Текст по: Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721 по 1725 год. Изд. 2-е. Ч. 3–4. М., 1862).
5. *Болотина Н. Ю.* «Слуга Царскаго Пресветлаго Величества»: Граф Савва Лукич Владиславич-Рагузинский на службе у Петра Великого // Сербские научные исследования—2012. Сб. науч. ст. М.: Экон-информ, 2013. С. 323–335.
6. *Владиславич-Рагузинский С. Л.* Секретная информация о силе и состоянии Китайского государства // Русский вестник. 1842. № 2. С. 180–243; №3. С. 281–337.

7. *Дучич Й.* Граф Савва Владиславич: Серб-дипломат при дворе Петра Великого и Екатерины I. СПб.: Скифия, 2009. 292, [1] с. (Серия «Славянская карта»).
8. *Лециловская И. И.* Серб — сподвижник Петра I. Граф Рагузинский // Славянский альманах — 2002: [По материалам науч. конф., прошедшей в 2001 в Калуге и Круглых столов и симп., проводившихся в Калуге и Москве] (М.). 2003. С. 70–93.
9. *Мясников В. С.* Заключение Кяхтинского договора 1728 года // Русско-китайские отношения: Мат-лы и док-ты. Т. 3. М.: Памятники исторической мысли, 2006. С. 5–26.
10. *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. М.: Мысль, 2016. 397, [1] с., [24] л. ил.
11. *Павленко Н. И., Дроздова О. Ю., Колкина И. Н.* Соратники Петра. М.: Молодая гвардия, 2001. 492, [2] с. (ЖЗЛ).
12. *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1: Введение в историю Просвещения в России XVIII столетия. СПб.: В тип. т-ва «Общественная польза», 1862. [6], VI, 578 с.
13. *ПиБ.* Т. 1: 1688–1701. СПб.: Гос. тип., 1887. XXXVII, 888, LIII с.
14. РГАДА. Ф. 59. 1717 г. Д. 1, 2; Ф. 248. Д. 1171.
15. Русско-китайские отношения в XVIII в.: Мат-лы и док-ты. Т. 2: 1725–1727. М.: Наука, 1990; Т. 3: 1727–1729 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 541, [1] с.
16. Сб. ИРИО. Т. 79: Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета (1726–1730 гг.), т. 5: Январь–июнь 1728 г. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1891. [4], XL, 604 с.; Т. 94: [То же], т. 7: Январь–июнь 1729 г. Там же, 1894. [4], XXXII, 872 с.
17. Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3: Р-Я. СПб.: Наука, 2010. 470, [2] с.

Ирина Александровна Серова
(Ярославль)

*Старший научный сотрудник
Музея истории города Ярославля*

Государев гость Семён Лузин: К вопросу установления русско-китайских торговых отношений в конце XVII века

Продвижение России на Восток в XVII в. поставило вопрос о налаживании официальных отношений с сопредельными странами, в частности с Китаем. Путь этот оказался достаточно долгим. Определённый сдвиг в русско-китайских отношениях произошёл в середине XVII в. К этому времени русские достигли Приморья и неплохо изучили дороги в Китай. И хотя русские посольства 1653 и 1675 гг. потерпели неудачу, Россия продолжала искать пути к сближению с Пекином. Наконец, 27 августа (6 сентября)¹ 1689 г. был заключён Нерчинский договор, урегулировавший отношения между Россией и Китаем и узаконивший существовавшую ранее частную русско-китайскую торговлю. Заинтересованность России в установлении и развитии торговли с Китаем имела весьма веские причины. Дело в том, что главным товаром во внешней российской торговле на протяжении долгого времени была пушнина. Однако накануне воцарения Петра I спрос на русскую пушнину на евро-

¹ Здесь и далее даты указаны по двум стилям или только по ст. ст. (юлианскому календарю). — *Прим. ред.*

пейских рынках сократился. Это было связано с целым рядом обстоятельств: во-первых, европейские мануфактуры стали массово производить качественные шерстяные ткани, а во-вторых, в Западную Европу были налажены более дешёвые поставки пушнины из Канады.

В целях сохранения сверхприбылей от меховой торговли Россия искала для своего пушного экспорта новые рынки сбыта. Большие возможности в этом отношении представлял Китай с его практически бездонными рынками. Однако организация торговли с этой страной была делом трудным и хлопотным, требовавшим многочисленного штата работных людей и торговых агентов. В среднем поездка от Москвы до Пекина (почти 9 тыс. вёрст) и обратно длилась не менее трёх лет. Такая длительность товарооборота предполагала большие капиталовложения, поэтому в первое десятилетие после заключения Нерчинского договора торговля «в Китае» развивалась преимущественно по инициативе очень состоятельного русского купечества, державшего в своих руках главную массу средств и товаров.

Уцелевшие документы Нерчинской таможни позволяют установить, что во главе этого процесса стояли представители всего четырёх купеческих фамилий². Это государевы гости Семён Лузин, Естафий Филатьев (а затем его сын Алексей Филатьев), Гаврила Никитин и купец гостиной сотни Иван Ушаков. Они имели возможность содержать своих агентов в различных сибирских городах, что позволяло им подчинять промыслы и рынки своему влиянию и широко осуществлять скупку мехов. Опираясь на торговую приграничную базу в Нерчинске, они и заняли в конце XVII в. господствующее положение в вывозе русских товаров в Китай и поставке китайских товаров в Россию.

Важная роль в этом процессе принадлежала Семёну Остафьеву Лузину, занимавшему одно из высших мест в торговой иерархии Ярославля³. Географический охват его операций — от Ирана до Архангельска и Сибири. Имущество и торговые обороты С. Лузина в 1690 г. оценивались в 8 400 рублей⁴. Следует иметь в виду, что в то время двор — землю с домом и службами — можно было купить менее чем за 10 рублей.

² Из истории контактов России со странами Востока: XVII — нач. XX в. / Сост.: М. В. Иванова. Томск, 2003. С. 9.

³ К вопросу о первоначальном накоплении в России XVII—XVIII вв.: Сб. ст. / Ред. кол.: Л. Г. Бескровный и др. М., 1958. С. 426, 434.

⁴ Ермолаева Л. К. Крупное купечество России в XVII — I четверти XVIII в. // Исторические записки. Вып. 114. М., 1986. С. 310—311.

О жизни самого Семёна Лузина известно немного, поскольку в России практически отсутствуют личные архивы купеческих фамилий эпохи средневековья и раннего нового времени. Не сохранились также и ярославские таможенные книги, поэтому общую картину приходилось воссоздавать буквально по крохам на основании опубликованных материалов таможенных книг городов, с которыми торговал Ярославль, и различных случайных документов, например, духовных завещаний гостей Михаила Шорина и Алексея Филатьева, которые были женаты на дочерях Семёна Лузина — Екатерине и Анне.

Фамилия купеческого рода Лузиных пошла от Остафия Осипова Лютова, носившего прозвище «Луза». Известно о пяти его сыновьях. Это Андрей, Клим, Илья, Михаил и Семён. Все они были членами гостинной сотни. Старший — Андрей Лузин — участвовал в подписании Новоторгового устава (1667) царя Алексея Михайловича. В 1675 г. он и его младший брат Семён получили чин гостя⁵, дающий право торговать с другими странами. Ещё одной привилегией, ставившей их над всем остальным торгово-посадским населением, было владение землёй.

В январе 1687 г. вскоре после заключения «вечного мира» с Польшей царевна Софья, стремившаяся к укреплению своего положения и влияния, издаёт указ, по которому 30 «гостей» получили земли «за многие их службы и за денежные подати, которые они в мимошедшие военные времена на жалованье ратным людям, не жалея пожитков своих, давали...»⁶. Среди них находим и Семёна Лузина. Согласно этому документу он получил 700 четвертей земли и 75 рублей. Неясно, что за земли были тогда ему пожалованы, но в духовном завещании за С. Лузиным числились деревни с крестьянами и пустоши в Ярославском, Костромском и Алатырском уездах⁷.

В Ярославле многочисленная семья Лузиных проживала в большом каменном доме в Спасской слободе на пересечении Угличского тракта и Ершова ручья, впадавшего в Которосль. В высоком подклете дома располагались складские помещения, а на втором этаже — жилые покои. В городе Лузиным принадлежало 13 лавок⁸ и два ко-

⁵ Н. Б. Голикова приводит данные об упоминании С. Лузина в чине гостя с 1675 по 1713 гг. См.: *Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четв. XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 122.*

⁶ ПСЗ-1. Т. 2. СПб., 1830. № 1233. С. 846.

⁷ См.: *Козлова Н. В. Духовные гостей Михаила Шорина (1711 г.) и Алексея Филатьева (1731 г.) // Очерки феодальной России. Вып. 5. М., 2001. С. 193.*

⁸ См. Сведения о рядах ярославского торгова, именах владельцев лавок: *Опись 1691 г. // Ярославские губернские ведомости. 1856. № 19–38.*

жевенных предприятия, на которых было занято более 60 работников⁹. Кроме того, связи с правительственными учреждениями открывали ему возможность иметь откупа, брать подряды и пользоваться казённым кредитом. Всё это обеспечивало Семёну Лузину стабильность капиталов.

Торговые операции Лузиных имели очень широкую географию — от Астрахани до Архангельска, от Якутска до Устюга, от Смоленска до Нерчинска — и поражали своим размахом и разнообразием. На российские рынки приказчики поставляли продукцию его собственных кожевенных заводов, а также пользующееся большим спросом так называемое «ярославское бельё», кустарной выделки сукна сермяжные и суконные изделия, кафтаны шубные, попоны лошадиные шерстяные, полсти к саням чёрные и белые. В обмен из Астрахани везли иранский шёлк и восточные ткани, из Архангельска — немецкие товары¹⁰.

Зимним путём обозы Семёна Лузина двигались в Сибирь. Как правило, гости действовали через своих приказчиков, поручая им вести торговые дела, а те в свою очередь нанимали от имени хозяев лавочных сидельцев, которые и торговали в лавках по отдельным городам Сибири¹¹.

В 1682 г. на Верхотурской таможене был зарегистрирован обоз С. Лузина, в котором товар оценивался более чем в 4 500 рублей и включал 85 тысяч аршин холста, 5 780 аршин сермяжного сукна¹². Эти товары частью обменивались на «мягкую рухлядь», частью шли на организацию собственных экспедиций. Поскольку в Сибири больше, чем в Европейской России, торговля была подчинена правительственной регламентации: ни один торговец не смел приступить к покупке мехов прежде чем соберут царский ясак; после того можно было закупать меха не иначе как в гостиных дворах у приезжавших в город инородцев. Только в отдалённых местах, например,

⁹ Кожевенное производство в Ярославле в XVII в. не утратило ещё черт домашнего производства. Завод такого крупного предпринимателя, каким был в конце XVII в. гость С. Лузин, представлял собою простой амбар на заднем дворе при доме хозяина, «в анбаре же чан», в котором и были «в деле» кожи. См.: *Бахрушин С. В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма: Ярославские торги в XVII в. М., 1987. С. 142.

¹⁰ *Ермолаева Л. К.* Указ. соч. С. 310–311.

¹¹ Проблемы хозяйственного освоения русскими Сибири подробно рассматриваются в монографии В. А. Александрова. См.: *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII вв.: Енисейский край. М., 1964.

¹² *Рутман Т. А.* Храмы и святыни Ярославля, история и современность. Ярославль, 2008. С. 268.

в Якутске, позволялось покупать меха и в юртах, но с отдачей в казну десятого зверя, самого лучшего.

Семён вместе со своим братом Андреем, который одно время был оценщиком «мягкой рухляди» в Сибирском приказе, содержали штат агентов, осуществлявших скупку мехов, умело сочетая интересы казны с собственными выгодами. По официальным данным только в 1694 г. ими было куплено: 626 сороков горностаев, 5000 белки, 17 сороков норок, 100 лисиц, 70 рысей¹³. Сибирские меха Лузины сбывали западноевропейским торговцам на Архангельской ярмарке. Они же выступали и в роли крупных пушных торговцев на китайском рынке. Первое известное упоминание о торговле Лузина с Китаем относится к 1678 г., когда согласно данным Енисейской таможни лузинский приказчик Иван Максимов ввёз в Пекин большую партию товаров¹⁴.

Едва заключён был в 1689 г. договор, урегулировавший отношения между обеими державами, как «из разрядного шатра», в котором был подписан трактат, полномочный Ф. А. Головин отпустил в Китай большой торговый караван, в составе которого находим Ивана Белозёра, сидельца, посланного приказчиком Семёна Лузина Якушку Яковлевым. Быстрота, с какой русские купцы сумели организовать такое сложное предприятие, свидетельствовала об их заинтересованности в торговле с Китаем.

Караван вернулся в 1691 г. Иван Белозёр привёз китайских материй на сумму 2 906 руб. В том же году в Китай выехал другой сиделец Семёна Лузина, он вёз ярославские товары — сукна белые сермяжные, холст крашенину, а также «анбурское» сукно и 1000 шкурок белки¹⁵. На обратном пути этот караван, в составе которого находилось 150 человек, сопровождавших триста верблюдов, нагруженных китайскими товарами, встретился с направлявшимся в Пекин русским посольством. Во главе его Пётр I отправил Избранный Идеса, так называемого «московского торгового иноземца». Ему было поручено выяснить отношения богдыхана к Нерчинскому договору, а также собрать как можно больше информации о Китайском государстве: о традиционных товарах, о торговых путях и партнёрах, о местах добычи драгоценных камней или их иностранных поставщиках. Пожалуй, самым важным результатом той «торгово-дипломатической миссии» стали книги, вышедшие на основе путевых записей участников поездки. Одна была написана самим

¹³ Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 148.

¹⁴ Из истории контактов России со странами Востока: XVII — нач. XX вв. С. 7.

¹⁵ Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 153–154.

Избрантом Идесом, вторая — его секретарём Адамом Брандом. В них содержалась не только подробная информация о маршруте посольства из Москвы через провинции Устюга, Сибири, Даурии и Великой Тартарии в столицу Китайской империи, но и особенности организации караванной торговли в эту страну.

Итак, 13 марта 1692 г. «господин посол выступил в путешествие со своей свитой из 21 лица, из коих 12 было германской нации и 9 русских, со своей полевой аптекой, медиком и экипажами с экипировкой, багажом и провиантом, а также вином и всем необходимым, что было в изобилии припасено для такого далёкого путешествия в незнакомые страны»¹⁶, — записал А. Бранд.

18 марта посольство прибыло в Ярославль, который «является столицей области и одним из самых больших во всей России городов, лежащих на Волге. Город ведёт большую торговлю, в особенности юфтью, которую заготавливают и обрабатывают здесь в таком большом количестве, что ею снабжают не только всю Россию, но также и много мест в Европе». Следует отметить, что ярославские мастера и строгальники прославились далеко за пределами родного города. В конце XVII столетия их нанимали для выделки кож в качестве инструкторов в Сибирь, в Енисейск и в Иркутск.

В Ярославле посол пробыл три дня, и надо полагать, что с кожевенным производством его как раз и знакомил Семён Лузин, владевший самыми крупными предприятиями. Кроме того, Идес, хотя и был послан в Китай с правительственным поручением, рассматривал эту поездку прежде всего как торговую операцию, сулившую хорошие барыши. По возвращении он надеялся поправить свои расстроенные дела и расплатиться с долгами. Поэтому вряд ли Идес упустил возможность общения с человеком, который давно и успешно вёл дела в Китае. Не исключено также, что прежде чем продолжить путь, Идес мог, по примеру всех торговых людей, ехавших из Москвы в Сибирь, пополнить свои запасы ярославскими товарами «на сибирскую руку», чтобы в дальнейшем обменять их на пушнину.

Через месяц, 27 апреля посольство прибыло в Соликамск — «очень красивый, большой и богатый город, где много именитых купцов. Особого внимания заслуживают в нём соляные варницы»¹⁷, — отметил в своём дневнике Избрант Идес. Здесь одним из владельцев соляного промысла был зять Лузина — Алексей Филать-

¹⁶ *Идес Избрант [Е.]*, *Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай: 1692–1695. М., 1967. С. 61.

¹⁷ Там же. С. 56.

ев, с его отцом Естафием Филатьевым Лузин торговал в Китае ещё в 1670-е гг., задолго до Нерчинского договора. Для посла Алексей Филатьев устроил в своём имении, находящемся в 20 верстах от Соликамска, большой банкет. Из записок секретаря Адама Бранда узнаём, что «господин посол и вся приданная ему свита <...> там очень веселились, так как каждый старался ответить на любезность любезным дружелюбием, что пришлось очень по сердцу нашему хозяину»¹⁸.

До Нерчинска посольство добралось лишь спустя год, 20 мая (1693) и задержалось на месяц. Здесь участники обзавелись всем, что было необходимо для предстоящего долгого путешествия по пустыне. «В первую очередь быками, которых мы, — писал Адам Бранд, — погнали с собой, забивали по нескольку голов по мере надобности и тут же съедали, и отсюда пятьдесят казаков должны были провожать нас в качестве конвоя в Китай и обратно»¹⁹. Под прикрытием этого конвоя 18 июня отправился и новый многолюдный купеческий караван, состоявший почти целиком из агентов гостей, с ним отпущены были приказчики Лузина Коземка Иванов с пятью товарищами и пятнадцатью работных людей. Они везли товаров на сумму 2 032 1/2 рублей, в основном пушнину — соболя, горноста, мех рыси. В 1694 г. они доставили из Китая в Ярославль шёлковые и бумажные материи, чай и бадьян²⁰.

Из приведённых данных видно, что в первое время после заключения Нерчинского договора русские караваны ходили почти ежегодно, хотя по условию, поставленному маньчжурскими властями, могли приходить в Пекин один раз в три года. Преимущественно это были частные инициативы русского купечества. Только в последние годы XVII в. на основе уже вполне сложившихся экономических взаимоотношений русское правительство начинает политику государственной монополии на торговлю с Китаем. Первым этапом было введение в 1698 г. новых таможенных правил, согласно которым через границу могли следовать только казённые караваны.

К этому времени Семён Лузин практически отошёл от дел. Известно, что в 1699 г. в челобитной Петру I от корпорации гостей указывалось, что он «престарел» и был тяжело болен²¹. Через несколько лет (не позднее 1705) он умер²².

¹⁸ Там же. С. 69.

¹⁹ Там же. С. 159.

²⁰ Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 162.

²¹ См.: Голикова Н. Б. Указ. соч. С. 185.

²² Налаженная С. Лузиным торговля с Китаем перешла в руки Михаила Фёдоровича Шорина, принадлежавшего к купеческому роду, насчитывавшему

Память о государевом госте Семёне Лузине более чем три столетия хранят ярославские храмы, построенные и украшенные при его непосредственном участии. Так, неотъемлемой частью ярославской храмовой сокровищницы является Николо-Мокринский ансамбль, созданный тщанием Семёна Остафьева Лузина и его родных. В 1678 г. на деньги гостя Семёна Лузина соорудили единственный тогда в Ярославле каменный храм — Владимирской иконы Богородицы на Божедомке (Семик) с весьма редким трёхшатровым завершением. Это редкий случай возведения церкви на братской или общей могиле. Лишь спустя два столетия русские промышленники будут устраивать храмы в тюрьмах, больницах и учебных заведениях.

В завершении хочется ещё раз подчеркнуть роль С. Лузина в истории русско-китайских отношений, развитие которых тогда было результатом активности почти исключительно крупного купечества, державшего в своих руках главную массу средств и товаров. Предпринимательская и торговая деятельность Семёна Лузина в первые годы правления Петра I явилась тому ярким подтверждением.

Библиография

1. *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в.: Енисейский край. М.: Наука, 1964. 303 с. (Тр. Ин-та этногр. им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Нов. Сер. Т. 87).
2. *Бахрушин С. В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. Ярославские торги в XVII в. М.: Наука, 1987. 217, [3] с. (Науч. наследие).
3. *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четв. XVIII в. Т. 1. М.: Памятники историч. мысли, 1998. 523 с.
4. *Ермолаева Л. К.* Крупное купечество России в XVII — I четверти XVIII в. // Исторические записки (М.). Вып. 114. 1986. С. 303—325.
5. *Идес Избрант [Е.], Бранд А.* Записки о посольстве в Китай: 1692—1695 / Вступ. ст., перев. и коммент. *М. И. Казанина.* М.: Наука, 1967. 404 с.
6. Из истории контактов России со странами Востока: XVII — нач. XX вв.: Уч. пособ. / Сост.: *М. В. Иванова.* Томск: Изд-во ТПУ, 2003. 86 с.
7. К вопросу о первоначальном накоплении в России XVII—XVIII вв.: Сб. ст. / Ред. кол.: *Л. Г. Бескровный* и др. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 540 с.

несколько поколений гостей. В 1690 г. М. Шорин женился на дочери С. Лузина Екатерине Семёновне Лузиной, взяв за ней приданого на 2 тыс. руб., а после смерти тестя получил «пожитков и товарами в Казани и Сибири» на 8 тыс. рублей. См.: *Козлова Н. В.* Указ. соч. С. 194.

8. *Козлова Н. В.* Духовные гости Михаила Шорина (1711 г.) и Алексея Филатьева (1731 г.) // *Очерки феодальной России. Вып. 5.* М.: УРСС, 2001. С. 188–203.
9. ПСЗ-1. Т. 2. СПб., 1830. № 1233 от 17.1.1687/7195. С. 846.
10. *Рутман Т. А.* Храмы и святыни Ярославля, история и современность. 2-е изд., перераб. и доп. Ярославль: Рутман А., 2008. 679 с.
11. Ярославские губернские ведомости. 1856. № 19–38.

Борис Михайлович Соколов
(Москва)

*Профессор факультета истории искусства
Российского государственного гуманитарного университета*

Образ китайского пейзажа в культуре петровской эпохи*

В истории ландшафтного искусства и пейзажной живописи хорошо известен эпизод с влиянием образа китайского сада на сложение пейзажного парка в Англии, континентальной Европе и России. Речь идёт именно об образе, потому что реальные впечатления от садов и пейзажей Китая пришли в Европу лишь к 1760-м гг.¹ Однако это влияние не могло бы состояться без долгого периода присутствия в европейской визуальной культуре более общего представления о пейзаже Китая, который сложился в XVII в. благодаря путевым отчётам и произведениям прикладного искусства.

Образ Китая в Европе с самого начала был двойственным. С одной стороны, он воспринимался как продолжение Тартарии, царство «Великого Хама», с грозным правителем и неисчислимыми войсками. С другой — это была страна «серов», изготовителей драгоценного расписного шёлка, а также фарфора и удивительных поделок². Оба источника повлияли на сложение

* Работа выполнена в рамках проекта «История ландшафтного искусства в контексте национальных культур России, Запада и Востока: Теория, практика, перспективы развития», грант РФФИ 18-012-00826.

¹ См.: *Соколов Б. М.* «Англо-китайские сады» европейского Просвещения: От политического мифа к поэтическому пейзажу // *Образ Поднебесной. Взгляд из Европы: Мат-лы XXI Царскосельской науч. конф.* СПб., 2015. С. 388–405.

² *Honour H.* *Chinoiserie.* New York, 1962. P. 5–29.

прикладной «китайщины», которая стала производиться в Европе с начала XVII в.³

Огромное влияние на сложение образа Китая и его культурного ландшафта в Европе оказали две иллюстрированные книги, вышедшие почти одновременно — отчёт о посольстве Ист-Индской компании Йоханнеса Ньюхофа (1665) и «Иллюстрированный Китай» Атанасиуса Кирхера (1667). Первая из них должна была служить налаживанию торговых связей и поэтому рассказывала о стране максимально точно, в то время как книга Кирхера предназначалась любителям экзотических сведений и изображений и создавала культурный миф о Китае.

Йоханнес Ньюхоф (1618–1682) был профессиональным путешественником: в качестве представителя Ост-Индской и Вест-Индской компаний Нидерландов он подолгу жил в Бразилии, Батавии, Индии и в конце концов пропал без вести на Мадагаскаре. В 1656 г. он участвовал в посольстве к императору Шуньчжи, которое не имело успеха, но проходило через всю страну и позволило ему увидеть огромное число мест и пейзажей, познакомиться с обликом и обычаями китайцев. В 1658 г. Ньюхоф передал записки и рисунки своему брату Хендрику, который подготовил на их основе огромную книгу под заглавием «Посольство Ост-Индской компании Соединённых Провинций к Великому Татарскому Хану, нынешнему Императору Китая, в котором описываются достопамятнейшие события, случившиеся при путешествии по китайским краям, Квантуну, Кинси, Нанкину, Сяньтуну и Пекину, и при императорском дворе в Пекине, с 1655 по 1657 гг., каковое привело к наивыгоднейшим договорённостям. С подробным описанием китайских городов, поселений, деревень, управления, обычаев, ремёсел, морали, религии, построек, грузов, кораблей, гор, вод, животных и всего, что есть у татар, иллюстрированным более чем 150 изображениями, нарисованными во время жизни в Китае»⁴. Голландское издание немедленно было переведено на французский (1665), немецкий (1666), латинский (1668) и английский (1669) языки.

³ Ibid. P. 44–50.

⁴ Het Gezantschap der Neerlandtsche Oost-Indische Compagnie, aan den grooten Tartarischen Cham, den tegenwoordigen Keizer van China: Waarin de gedenkwaardigste Geschiedenissen, die onder het reizen door de Sineesche landtschappen, Quantung, Kiangsi, Nanking, Xantung en Peking, en aan het Keizerlijke Hof te Peking, sedert den jaren 1655 tot 1657 zijn voorgevallen, op het bondigste verhandelt worden. Beneffens een Naukeurige Beschrijvinge der Sineesche Steden, Dorpen, Regeering, Weetenschappen, Hantwerken, Zeden, Godsdiensten, Gebouwen, Drachten, Schepen, Bergen, Gewassen, Dieren, et cetera en oorlogen tegen de Tartar: verciert men over de 150 afeeltsels, na't leven in Sina getekent. Amsterdam, 1665.

Книга Йоханнеса и Хендрика Ньюхофов состоит из двух частей — описания посольства и пути его следования и общего очерка о Китае. Поскольку 149 гравюр издания действительно были выполнены по рисункам Ньюхофа (они сохранились и были обнаружены в Англии в 1984 г.) с его живыми комментариями, книга имела чрезвычайный успех у самых разных читателей. Географы и путешественники нашли здесь достаточно точную карту Китая и описание торговых путей, художники — изображения китайских одежд и построек, множества экзотических животных (носорога, крокодила, летучих рыб), ботаники и торговцы — описание и изображение производства перца, чая, шёлка. В заглавии не случайно упоминаются «китайские ландшафты» — здесь показаны горы и знаменитые фигурные скалы, реки и озёра, панорамы городов и храмов. На гравюрах точно изображены важнейшие архитектурные памятники Китая — благодаря этой книге в Европе стала известна Фарфоровая пагода в Нанкине, которая в 1760-е гг. стала прототипом Пагоды в английских садах Кью. Панорамные виды дворцов и храмов были сделаны на основе китайских изображений и сохранили их «висячую» композицию.

Ньюхоф показал на своих рисунках горные пагоды и виды загородных парков с лёгкими беседками на вершинах искусственных скал. Эти заочные впечатления расширили и укрепили представление европейских художников и мастеров прикладного искусства о типичном китайском пейзаже. О садах Ньюхоф почти не пишет: относительно крупнейшего сада империи, пекинского загородного парка Юань-Мин-Юань («Сад Высшей Ясности») он лишь замечает: «Если бы мне пришлось рассказывать о прочих украшениях, созданных искусством, а именно о садах, рощах, озёрах и иных предметах, украшающих сей двор, я далеко превзошёл бы те границы, которые себе поставил, и, возможно, также границы всякого вероятия»⁵.

Атанасиус Кирхер (1602–1680), автор «Иллюстрированного Китая», был прямой противоположностью Ньюхофа. Он почти не путешествовал и свои многочисленные обильно иллюстрированные труды писал, пользуясь библиотеками и архивами иезуитского ордена. Среди его книг — «Вновь открытый Египетский язык» и «Эдип Египетский», «Подземный мир» и «Вавилонская башня». Современный исследователь справедливо назвал совокупность изданий Кирхера «театром мира», в котором точное знание соседствует с воображаемым⁶. Одной из любимых тем писателя была рас-

⁵ Цит. по: *Honour H.* Op. cit. P. 145.

⁶ *Godwin J.* Athanasius Kircher's Theater of the World. London, 2015.

шифровка египетских иероглифов, от которых, по его утверждению, произошли и китайские. Волна интереса к «Катаю» и собственные антикварные поиски побудили Кирхера к созданию книги о Китае.

Основными источниками для издания послужили многочисленные отчёты иезуитских миссий, работавших в Китае с XVI в. Среди тех, чьи описания и мнения использовал Кирхер, были и выдающиеся учёные, среди которых выделяется Маттео Риччи, живший в Китае в 1582–1610 гг. Он приобрёл огромный авторитет у императора, стал первым европейцем, допущенным в Запретный город, перевёл Эвклида на китайский язык и даосские тексты на латынь и получил ценнейшие сведения о духовной жизни Китая от высокопоставленных чиновников, которых он убедил обратиться в католичество. В 1584 г. Риччи составил «Полную карту Великого мира», копии которой были известны и Кирхеру⁷.

Книга Кирхера имела длинное заглавие: «Атанасиусом Кирхером из Братства Иисусова Китайские памятники, как священные, так и светские, вкпе со зрелищами природы и искусства, и иными достойными внимания предметами подробно описанные...»⁸. Основной темой труда было обоснование глубоких корней христианства в Китае и прославление деятельности иезуитских миссий. Часть 1 посвящена памятнику VIII в., надпись на котором Кирхер трактует как свидетельство проникновения несторианства из Сирии в Китай. Затем автор переходит к описанию путешествий европейцев по Китаю (часть 2), сравнивает «идолов» языческой Европы, стран Востока и Китая (часть 3), рассказывает о флоре и фауне (часть 4; многие иллюстрации взяты из книги иезуитского учёного Михала Бойма «Краткое сообщение о Китае», изданной в 1654 г.). Пятая часть книги посвящена постройкам и ремёслам, а шестая и последняя — излюбленной Кирхером теме происхождения китайских иероглифов.

Тексты Кирхера короткие и часто служат пояснением к иллюстрациям. Изображения и стали предметом главного интереса многих читателей. В них, помимо картографии и топографии Китая, развёртывался удивительный, дразнящий воображение мир. Упомянув «гору дракона и тигра», Кирхер показывает сражение этих живот-

⁷ *Cronin V. The Wise Man from the West: Matteo Ricci and his Mission to China. London, 1955.*

⁸ *Athanasii Kircheri e Soc. Jesu China monumentis, qua sacris qua profanis, nec non variis Naturae et artis spectaculis, aliarumque rerum memorabilium argumentis illustrata, auspiciis Leopoldi primi, Roman. Imper. Semper augusti Munificentissimi Mecaenatis. Roma, [1666?–67?]. — N.V.*

ных, среди китайских зверей помещает гиппопотама, а рассказывая о черепахе, изображает её летящей по воздуху. Пагода на иллюстрации похожа на ступенчатую Вавилонскую башню, из вершины большой горы изваян «идол Фе».

Автор старается окружить китайский пейзаж ореолом экзотики и сказки. К иллюстрации, на которой среди озера плавает доска с младенцем на ней, Кирхер даёт следующее пояснение: «В провинции Юннань есть знаменитое озеро под названием Хин. Китайская история говорит о нём и гласит, что это остатки большого города, разрушенного землетрясением по причине ужасных преступлений его жителей. Образовалось озеро, и никто не сумел спастись, за исключением одного мальчика на куске дерева»⁹. На других иллюстрациях из озера растёт лотос с сидящим на нём Буддой Амигабой, кипят горшки на краю «огненного озера», птицы и звери показаны на фоне условных пейзажей с горками и елями. Изображения, которые могли бы дать читателю представление о китайском пейзаже и архитектуре, немногочисленны — изображение пагоды, моста над рекой, дворца Бетала (Потала в Лхасе), Великой китайской стены. В последнем разделе помещены гравированные таблицы, показывающие происхождение китайских иероглифов от растительных форм.

Несмотря на отрывочный и причудливый характер сведений и иллюстраций о Китае, книга Кирхера стала не менее популярной, чем отчёт Ньюхофа. Она была впервые издана на латыни в 1667 г.¹⁰ и сразу же переведена на голландский (1668), английский (1669) и

⁹ Ibid. P. 171.

¹⁰ *Прим. ред.:* На латинском книга за один год выдержала не одно, а как минимум 4 издания. Первое, видимо, без даты (1666?–67?) — в Риме (Roma: Typis Varesij, [s.d.]). Оно сейчас почти ненаходимо, хотя все остальные были перепечатаны с него и потому практически идентичны. На их последних страницах стоит: «Juxta Exemplar ROMÆ, Typis Varesii, Superiorum Permissu» («По экземпляру: Рим, печатня Варесия, с Высочайшего разрешения»), одно — в Антверпене (Antwerpiæ: Apud Jacobum à Meurs, 1667. [14], 237, [11] p.) и два самых известных — в Амстердаме. Одно из них (Amstelodami: Apud Jacobum à Meurs, 1667. [14], 237, [11] p.), как и антверпенскую версию, публиковал один и тот же амстердамский издатель Якоб ван Мёрс (1617/20–1679), а ещё одно (Amstelodami: Apud Johannem Janssonium à Waesberge & [viduam] Elizeum Weyerstraet, 1667. [14]) два других издателя: Иоганнес Я. ван Васберген (Johannes van Waesbergen, 1616(17?)–1681) и Елизей/Елизарий Вейерстратен (Weyerstraten/eyerstraet Elizaëus, 1633?–1666). Однако последний скончался в декабре 1666 г., и ему наследовала его вдова Сара Янсон, подписывавшаяся как вдова Елизария Вейерстата (Sara Janssonius Veuve d'Elizaëus, 1644–1669). Судя по библиографической литературе, существуют экземпляры книги, где это указано и в выходных данных («Apud Johannem Janssonium à Waesberge & viduam Elizeum Weyerstraet»).

французский (1670) языки. «Иллюстрированный Китай» сыграл большую роль в пробуждении интереса к стране среди филологов, географов и путешественников.

Книги Ньюхофа и Кирхера стали дополнением к зрелищу китайских пейзажей на предметах прикладного искусства — лаковых изделиях и панелях, фарфоровых вазах, расписном шёлке. Там среди гор и лесов, показанных сверху, стояли пагоды и павильоны, в городах и на дорогах было множество маленьких людей, занятых повседневными делами, развёртывались вертикальные либо горизонтальные панорамы. В обоих книгах уделялось большое внимание экзотическим китайским птицам. Птицы причудливого облика — фениксы, попугаи, фазаны — стали распространённым мотивом в европейской и российской «китайщине»¹¹.

Подобные китайские сцены хорошо укладывались в эстетику и композиции стиля рококо. Именно такими изображали китайские пейзажи французские художники XVIII в. Свободная композиция в соединении с китайскими пейзажными мотивами применена и в росписи плафонов дворца Монплеизир в Петергофе, выполненной Филиппом Пильманом, а также в лаковом декоре его стен. Из китайских изделий мастера взяли «воздушные» пейзажи с домами и скалами, висящими друг над другом, и дополнили их флорой, фауной и человеческими фигурами, описанными в европейских книгах. В эпоху Петра I китайские мотивы приходят в российское искусство одновременно с классическими образами. Очень показательны росписи настольного бюро русской работы из Государственного Эрмитажа: на чёрном лаковом фоне изображён китайский пейзаж с двумя фигурами людей, павильонами, лодками, птицами и бабочкой, а в нижней части — пять эмблем с надписями, взятыми из сборника «Символы и эмблемата разные»¹².

К началу Петровской эпохи появились и первые «китайские» увеселительные сады. Наиболее известным из них был ансамбль Фарфорового Трианона в Версале, созданный по заказу Людовика XIV в 1670 г. Одноэтажный павильон был украшен сине-белой керамикой, в кабинетах стоял китайский фарфор. Дворец был подобен ожившему предмету прикладного искусства, отличался искусственностью и особой атмосферой. Вокруг павильона располагался партер с экзотическими цветочными растениями и посадками цитрусовых, а эссенции этих растений хранились в Кабинете аро-

¹¹ Типичный пример — пара попугаев на фоне пейзажа и в фигурной рамке на столешнице архангельской работы из Екатерингофского дворца (*Калязина Н. В., Комелова Г. Н.* Русское искусство Петровской эпохи. Л., 1990. Илл. 203, 204).

¹² *Калязина Н. В., Комелова Г. Н.* Указ. соч. Илл. 207.

матов¹³. Павильон просуществовал лишь до 1687 г., но стал влиятельным примером «галантной Азии», рекреационного ландшафта, создающего образ дальней страны. В 1684 г. в Париж прибыло пышное посольство от короля Сиама, одежды и церемонии которого оживили образ Китая, имевший до того времени отвлечённый характер.

Для искусства рококо китайские образы имели примерно такое же значение, каким для древнеримского искусства обладали нильские сцены. Это мир, живущий по своим законам, отчасти забавным, отчасти поучительным. Украшение павильонов часто имеет травестийный характер — особенно показательно соседство фигур китайцев с обезьянами, одетыми и ведущими себя, как люди. Однако в этот беззаботный мир внедряются и серьёзные темы: Китайский Чайный дом в парке Сан-Суси увенчан суровой фигурой Конфуция с кадуцеем в протянутой руке, а на стенах дворца в Пильнице изображены не только развлечения китайцев, но также война и казнь преступника.

В эпоху Петра I в Англии начинается борьба за новый садовый стиль, подчинённый законам естественности. Здесь описания Китая и связанные с ними полемические утверждения сыграли чрезвычайно большую роль. Уильям Темпл, один из первых пропагандистов естественного садового стиля, в очерке «О садах Эпикура, или Нечто о садоводстве в год 1685» противопоставлял регулярности европейских садов живописные красоты садов Китая: «Для нас красота построек и насаждений состоит преимущественно в пропорциях, симметрии и единообразии; наши дорожки и деревья выровнены так, чтобы повторять одна другую, и на равном расстоянии. Китайцы презируют такой способ садоводства и говорят, что мальчик, умеющий считать до ста, способен насадить прямые аллеи деревьев, стоящих одно напротив другого, такой протяжённости и ширины, какой пожелает. Но величайшие достижения их фантазии направлены на придумывание форм, где красота должна быть величественной и поражающей взгляд, однако без применения какого-либо порядка или подчинения частей, которые должны быть всеми и легко различимы. И хотя мы едва ли имеем и тень понятия о таком роде красоты, у них есть особое слово для её передачи; и когда они видят что-то, с первого взгляда поражающее глаз, они говорят “Шараваджи”, что значит “чудесное” или “удивительное”, или подобное тому выражение почтения»¹⁴.

¹³ *Honour H.* Op. cit. P. 53–68.

¹⁴ *The Genius of the Place: The English Landscape Garden 1620–1820 / Ed. by J. D. Hunt and P. Willis.* London, 1975. P. 53. Хью Онор предполагает, что слово

Тему китайских садов, воплотивших в себе идеал естественной красоты, в начале нового века продолжил писатель Джозеф Аддисон. Обсуждая в журнальной статье (1710) достоинства садов Италии и Франции, он продолжает: «Писатели, доставившие нам сведения о Китае, сообщают, что жители этой страны смеются над насаждениями европейцев, разбитыми при помощи линейки; потому что, говорят они, всякий может устроить из деревьев ровные ряды и единообразные формы. Они скорее предпочтут выказать гений в творениях природы и потому всегда скрывают искусство, коим руководствуются. И в их языке как будто есть и слово, коим выражают особенную красоту насаждений, поражающую воображение с первого взгляда, без объяснения того, что произвело столь приятный эффект»¹⁵. Поскольку призывы следовать «шараваджи» были частью эстетической пропаганды, на реальное садоводство они большого влияния не оказали, но остались в памяти тех, кто впоследствии создавал теорию и осуществлял практику пейзажного стиля. В 1725 г. Уильям Кент создаёт первый в европейской истории пейзажный парк при вилле Чизик, в 1740-е гг. в Стоу появляется первый «китайский домик», в 1780-х гг. создаётся Китайская деревня в Царском Селе, а в 1775–1789 гг. выходит огромное гравированное издание французского картографа и гравёра Жоржа-Луи Ле Ружа (21 выпуск, 492 листа, около 1500 сюжетов) под заглавием «Подробности новых модных англо-китайских садов»¹⁶. Связь китайского экзотического ландшафта, малого китайского сада и «натурального» парка становится фактом европейской и российской культуры.

Библиография

1. *Калязина Н. В., Комелова Г. Н.* Русское искусство Петровской эпохи. Л.: Худож. РСФСР, 1990. 272 с.
2. *Соколов Б. М.* «Англо-китайские сады» европейского Просвещения: от политического мифа к поэтическому пейзажу // Образ Поднебесной: Взгляд из Европы: Мат-лы XXI Царскосельской науч. конф. [Ч.1]. СПб.: Серебряный век, 2015. С. 388–405.

«Шараваджи» («Sharawadgi») происходит от китайского «са-ро-квей-чи», «приятный беспорядок», либо от японского «сороваджи», «неупорядоченный» (*Honour N.* Op. cit. P. 145).

¹⁵ The Genius of the Place. P. 142.

¹⁶ См.: *Cereghini E.* Le jardins anglo-chinois a la mode, un recueil a l'image des nouveaux jardins du XVIIIe siecle // George-Louis Le Rouge. Jardins anglo-chinois. Paris, 2004. P. 56–75.

3. Athanasii Kircheri e Soc. Jesu China monumentis, qua sacris qua profanis, nec non variis Naturae et artis spectaculis, aliarumque rerum memorabilium argumentis illustrata, auspiciis Leopoldi primi, Roman[orum] Imper[atoris] Semper augusti Munificentissimi Mecaenatis. Romae: Typis Varesii, s.d. [1666?–67?]. [14], 237, [11] p. — *N.V.*
4. *Cereghini E.* Le jardins anglo-chinois a la mode, un recueil a l'image des nouveaux jardins du XVIIIe siecle // George Louis Le Rouge: Jardins anglo-chinois. Paris: BNF; Connaissance et mémoires, 2004. P. 56–75. (Inventaire du fonds français, graveurs du XVIIIe siècle. Vol. 15).
5. *Cronin V.* The Wise Man from the West: Matteo Ricci and his Mission to China. London: Hart-Davis, 1955. 300 p.
6. *Honour H.* Chinoiserie: The vision of Cathay. New York: Dutton, [1962]. viii, 294 p.
7. Genius (The) of the Place: The English Landscape Garden: 1620–1820 / Ed. by *J. D. Hunt* and *P. Willis*. London: P. Elek, 1975. XX, 390 p.
8. *Godwin J.* Athanasius Kircher's Theater of the World. London: Thames & Hudson Ltd, 2015. 304 p.
9. *Nieuhof J.* Het Gezantschap der Neerlandtsche Oost-Indische Compagnie, aan den grooten Tartarischen Cham, den tegenwoordigen Keizer van China: Waarin de gedenkwaerdigste Geschiedenissen, die onder het reizen door de Sineesche landschappen, Quantung, Kiangsi, Nanking, Xantung en Peking, en aan het Keizerlijke Hof te Peking, sedert den jaren 1655 tot 1657 zijn voorgevallen, op het bondigste verhandelt worden. Beneffens een Naukeurige Beschrijvinge der Sineesche Steden, Dorpen, Regeering, Weetenschappen, Hantwerken, Zeden, Godsdiensten, Gebouwen, Drachten, Schepen, Bergen, Gewassen, Dieren, et cetera en oorlogen tegen de Tartar: verciert men over de 150 afbeeldsels, na't leven in Sina getekent. Amsterdam: Jacob van Meurs, 1665. [14], 208, 258, [9] p.

Михаил Витальевич Шкаровский
(Санкт-Петербург)

*Главный архивист
Центрального государственного архива Санкт-Петербурга*

Основание Петром I и деятельность Русской Православной Духовной миссии в Китае

В истории религиозной политики петровского царствования особый интерес представляет изучение деятельности Российской Духовной Миссии в Китае, которая была самой ранней по времени основания из подобных Миссий в Российской империи. Истоки православия в Китае восходят к концу XVII в.

В 1685 г. войска китайского императора Канси (1654–1722) после длительной осады захватили русскую крепость Албазин на правом берегу Амура. Около 50 отличившихся мужеством пленных казаков-албазинцев были отправлены в Пекин, где из них сформировали отряд императорской гвардии¹. Их поселили на участке у северной городской стены — Бэйгуань (Северное подворье), дали в жёны вдов казнённых преступников и китайские фамилии. Православный священник Максим Леонтьев, пленённый вместе с казаками и духовно окормлявший их, устроил в столице Цинской империи первую православную Никольскую часовню, а затем и церковь, для чего ему разрешили перестроить кумирню божества войны Гуань-ди².

¹ Ломанов А. В. Христианство и китайская культура. М., 2002. С. 166; Николай (Адоратский), иеромонах. История Пекинской Духовной Миссии в первый период её деятельности (1685–1745) // История Российской Духовной Миссии в Китае. М., 1997. С. 38.

² Православие в Китае / Ред. М. Л. Титаренко. М., 2010. С. 20.

Сведения о существовании албазинской общины стали известны митрополиту Тобольскому Игнатию, который в 1695 г. прислал в Пекин священника, диакона, богослужебные книги и церковную утварь. В 1696 г. по распоряжению митрополита Игнатия о. Максим с присланными из России верхотурским священником Григорием и тобольским диаконом Лаврентием освятил перестроенную албазинскую часовню как церковь «во имя св. Софии Премудрости Божией»³.

Эту церковь албазинцы называли также Никольской, по хранившейся в ней чтимой иконе святителя Николая Чудотворца, который принёс в Китай священник Максим Леонтьев (её в 1956 г. увёз в СССР начальник последней, двадцатой Миссии, архиепископ Виктор (Святин)⁴). В церкви окормлялись не только казаки, но и проживавшие в Пекине русские купцы. Информация об албазинцах с караванами купцов доходила до российского царского двора.

В 1698 г. думный дяк Винуус писал из Тобольска Петру I, пребывавшему тогда за границей, что в Пекине построена русская церковь и многие китайцы крестились в ней. Получив сообщение, что в столице Цинской империи существует русская церковь, государь ответил: «То дело изрядно. Только, для Бога, поступайте в том опасно и не шибко, дабы китайских начальников не привести в злобу, также езуитов, которые там от многих времен гнездо свое имеют. К чему там надобны попы не столько ученые, сколько разумные и покладные...»⁵. Из этого письма видно, что Пётр имел определённые и в целом правильные представления о религиозной ситуации в Китае.

Пётр I дальновидно оценил государственное значение присутствия в столице Китайского государства православной общины и 18 июня 1700 г.⁶ издал указ о караванной торговле и миссионерской деятельности православного духовенства в Сибири и Цинской империи⁷. В нём говорилось, что государь, обсуждая с Патриархом

³ Краткая история русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году двухсотлетнего юбилея её существования. Пекин, 1916. С. 15.

⁴ *Кириллов А.* Эпизод из жизни Российской Духовной Миссии в Китае // Китайский благовестник. 1999. № 2. С. 26.

⁵ Краткая история русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году двухсотлетнего юбилея её существования. С. 14–15.

⁶ Здесь и далее даты указаны по ст. ст. (юлианскому календарю). — *Прим. ред.*

⁷ *Ведерников А. В.* Русская Православная Церковь. Устройство, положение, деятельность. М., 1958. С. 146–147.

кандидатуру Тобольского митрополита, поставил ему задачу проповедовать христианство в Китае и Сибири и начать поиски людей, подходящих для миссионерской деятельности там.

В этом указе царь также повелел писать к Киевскому митрополиту Варлааму (Ясинскому), чтобы он «поискал в малороссийских своей области городах и монастырях и архимандритов и игуменов или иных знаменитых иноков доброго и ученого и благого жития человека, которому бы в Тобольску быть митрополитом, и мог бы Божиею помощью исподволь в Китае, и в Сибири, в слепоте идолослужения и в прочих неверствиях закоренелых человек приводить в познание и служение и поклонение истинного живаго Бога и привел бы с собою добрых и ученых не престарелых иноков двух или трех человек, которые бы могли Китайскому и Мунгальскому языку и грамоте научиться, и их суеверие познав, могли бы твердыми святого Евангелия доводами многия души области темныя сатанинския привести во свет познания Христа Бога нашего, и тамо живущих и приезжих Христиан от прелести всякой идолослужения их отводить, и тамо могли бы жити, и у той построенной Божией Церкви служить, чтоб своим житием, Хана Китайского и ближних его людей и обще их народ привести бы к тому Святому делу»⁸.

Это было первое распоряжение российского государя, в котором говорилось о миссии Русской Православной Церкви в Китае и подчёркивалась необходимость изучения русскими местных языков, обычаев и культуры для наиболее эффективной проповеди православия, что отвечало также политическим и торговым интересам России в империи Цин. Так, по замыслу Петра I, изначально Российская Духовная Миссия в Пекине должна была стать центром не только распространения православия, но также и исследования Китая русскими учёными.

Когда в 1712 г. после смерти священника Максима Леонтьева казаки-албазинцы затронули вопрос о присылке к ним пастыря, в Пекин было направлено прошение о возможности проповеди там Российской Духовной Миссии. В это время император Канси с позволения российских властей отправлял к калмыкам в прикаспийские степи посольство, в связи с чем отнёсся к прошению благосклонно и только указал, чтобы с Миссией был отправлен в Китай лекарь, искусный в лечении наружных болезней. Резолюция Канси была немедленно доложена Петру I, который повелел мит-

⁸ Православие в Китае. М., 2010. С. 18; *Боголюбов М. Н.* Предисловие // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 6.

рополиту Тобольскому Иоанну подобрать для этой Миссии достойных людей. По распоряжению митрополита первым из них был утверждён воспитанник Киевской Духовной Академии архимандрит Иларион (Лежайский).

Российская Духовная Миссия в Китае была официально основана указом Святейшего Синода в 1712 г. В её состав должны были войти архимандрит, иеромонах, иеродиакон и семь причетников. В 1713 г. митрополит Иоанн назначил архимандрита Илариона начальником Миссии, с ним отправились иеромонах Лаврентий (Уваров, скорее всего бывший в Пекине в сане диакона в 1696 г. при освящении Никольской часовни в Софийскую церковь), иеродиакон Филимон и семь церковнослужителей, вероятно, из учеников Тобольской славяно-русской школы, открытой в 1704 г.: Иосиф Афанасьев, Иосиф Дьяконов, Пётр Якутов, Григорий Смагин, Никанор Ключов, Андрей Попов, Иларион Якут, Фёдор Колесников. Они везли с собой иконы, церковную утварь, облачения и богослужебные книги. В апреле 1715 г. первая Российская Духовная Миссия во главе с архимандритом Иларионом (скончавшимся в 1717) прибыла в Пекин и сразу развернула активную деятельность.

Православная Миссия из России была принята в Пекине с особым почётом и вниманием. Её успешной работе способствовала либеральная политика цинского императора Канси, который в 1692 г. издал указ о терпимости к христианству и открыл портовые города для торговли с европейцами. Китайская сторона обязалась материально обеспечивать Российскую Духовную Миссию, на которую одновременно была возложена дипломатическая функция.

Император зачислил её членов в высшие сословия государства: архимандрита пожаловал чином мандарина пятой степени, священника с диаконом — мандарина седьмой степени, а учеников причислил к сословию солдат. Всем членам миссии были отведены казённые квартиры вблизи Софийской церкви и, вероятно, участки земли, а также временное денежное пособие и ежемесячное жалование. Кроме того, император дал некоторым из церковнослужителей жён, вскоре принявших крещение, а изучивших китайский с маньчжурским языки привлёк к работе Трибунала внешних сношений (Лифаньюаня) для перевода грамот, полученных от Российского сената и отправляемых в сенат из Китая. В церковном отношении Миссия была в юрисдикции Тобольских митрополитов.

О деятельности первой Миссии (1715–1728) сохранилось не очень много сведений. Известно, что благодаря своему хорошему составу она привлекла к посещению Софийской церкви ряд местных жителей, приходивших на «благолепное» богослужение, устроенное ар-

химандритом Иларионом. Император каждый месяц посылал чиновника спрашивать о здоровье начальника Миссии (позднее он делал это лишь дважды в год, что уже по китайским обычаям было большой честью). Софийскую церковь посещали российские дипломаты. Так, в «Записках» Джона Белла, побывавшего в Китае в составе посольства Л. В. Измайлова (1719–1722), имеются сведения, что 6 декабря 1720 г., в день святителя Николая, этот храм посетил российский посланник и «слушал там обедню»⁹.

В 1719 г. по предложению митрополита Тобольского Филофея (Лещинского) и при полном согласии Петра I было решено учредить в Пекине православную епископскую кафедру. В 1721 г. был поставлен во епископа и назначен начальником Российской Миссии в Китае святитель Иннокентий Иркутский (Колчицкий/Кульчицкий, 1680/1682–1731). Однако он в 1721, и вторично в 1726 гг. не был допущен в Пекин. Прибыв в пограничный город Кяхту, епископ Иннокентий так и не пересёк границы Китая¹⁰. Из-за придворных интриг католических миссионеров, имевших в то время влияние на двор китайского императора, ему было отказано в праве въезда в страну. Российский посланник Л. В. Измайлов писал в Санкт-Петербург, что «китайцы взяли суспизию, что будто он, епископ, — превеликая особа, и посланному к ним курьеру говорили, что богдыхан такую превеликую особу принять никогда не повелит, понеже у них великий господин называется папа или кутухта...»¹¹.

Впоследствии, будучи первым епископом Иркутским, владыка Иннокентий открыл миссионерское училище при Иркутском Вознесенском монастыре, где особое внимание уделялось изучению китайского и монгольского языков. В честь святителя Иннокентия в Китае были названы православное братство, крестовый архиерейский храм в Пекине и миссионерский храм в Тяньцзине. Российская Духовная Миссия особенно чтит его как своего небесного Покровителя. Одной из святынь, хранившихся в Миссии, была митра святителя. Рукоположенный в начале XX в. первый православный епископ Китая, митрополит Иннокентий (Фигуровский), также был наречён в его память¹². И в настоящее время святитель

⁹ Русско-китайские отношения в XVIII веке: Мат-лы и док-ты. Т. 1. 1700–1725. М., 1978. С. 526.

¹⁰ Боголюбов М. Н. Указ. соч. С. 7.

¹¹ Православие в Китае: Сб. мат-лов выставки // Благовещенская епархия Русской Православной Церкви. Благовещенск, 2013. С. 11.

¹² Поздняев Дионисий, священник. Православие в Китае (1900–1997). М., 1998. С. 3.

Иннокентий Иркутский почитается как небесный покровитель Китая.

Следует отметить, что учреждение отдельной православной кафедры в Пекине в то время, когда на всю Сибирь имелся только один архиерей, было незаурядным поступком и, в случае удачи, имело большие перспективы. Это могло бы привести к значительному расширению российско-китайских связей и получению заметного влияния России в Цинской империи уже в XVIII в., что, видимо и задумывалось Петром I.

И всё же с самого начала существования Российской Духовной Миссии в Пекине возникла связь между её членами и представителям цинских властей. В дальнейшем на протяжении всего XVIII в. эта связь укреплялась. Заключённый 21 октября 1727 г. Кяхтинский трактат наряду с положениями о границе, порядке дипломатических и торговых сношений между Россией и Китаем в 5-й статье закрепил статус и порядок содержания в Пекине Российской Духовной Миссии. В её распоряжение был передан расположенный в юго-восточной части Пекина Посольский двор (вблизи от императорского города), где обычно останавливались приезжавшие в Китай члены российских дипломатических миссий и торговых караванов, в результате чего это место получило название Элосы гуань (Российское подворье). На территории подворья с разрешения цинских властей предполагалось построить русскую церковь и в дополнение находящемуся в Пекине «ламе» прислать ещё двух других священников. Согласно трактату, наряду с духовными лицами в Пекин также предполагалось направить шесть учеников для обучения китайскому и маньчжурскому языкам, что и было сделано в конце 1727 г.¹³

С прибытием второй российской миссии (1729–1735) Посольский двор стали называть Наньгуань (Южное подворье) в отличие от Бэйгуань (Северного подворья), где жили албазинцы. На средства, выделенные цинским правительством, на Южном подворье построили каменный храм во имя Сретения Господня и перенесли в него чтимую икону святителя Николая. Храм возводили китайцы по своей строительной технологии, он оказался очень прочным и устоял даже в страшное землетрясение 1730 г., когда только в Пекине погибло около 75 тысяч человек, а в числе многих других зданий была разрушена и Софийская церковь албазинцев. Сретенская церковь обслуживала в основном духовные нужды участников русских торговых караванов, регулярно прибывавших в Пекин.

¹³ Русско-китайские отношения в XVIII веке: Мат-лы и док-ты. Т. 1. С. 522; Головин С. А. Российская духовная миссия в Китае: Историч. очерк. Благовещенск, 2013.

С петровских времён Российская Духовная Миссия непрерывно вела свою деятельность до середины 1950-х гг. За эти почти 250 лет сменилось 20 миссий, каждая из которых работала в Китае в среднем около 10 лет (в их составе трудилось свыше 200 проповедников). При этом первые 150 лет Миссия выполняла и функции дипломатического представительства Российского государства, сыграв важнейшую роль в деле становления русско-китайских отношений. Только в 1863 г. она была освобождена от исполнения этих обязанностей в связи с открытием российского посольства в Пекине.

С начала XVIII в. одной из основных задач русских миссионеров в Китае было изучение китайского и маньчжурского языков. Сотрудники Миссии, учёные и богословы, активно занимались трудами по переводам богослужебной литературы на китайский язык. Второй (XIX) век деятельности Миссии характеризуется синологическими трудами её сотрудников: за несколько десятилетий было сделано несколько переводов на китайский язык Священного Писания, а также богослужебных текстов и некоторых трудов святых отцов. Кроме того, Духовная Миссия издавала учёные труды своих членов и церковные книги. Таким образом, она стала центром научного изучения Китая, школой подготовки первых русских китаеведов (синологов). С XIX в. в населённых пунктах различных провинций Китая активно строились православные храмы, монастыри и школы¹⁴.

Всего за время существования Миссии было возведено 37 храмов, создано более 40 миссионерских станом, пять епархий (Пекинская, Тяньцзиньская, Синьцзянская, Шанхайская и Харбинская), учреждена православная семинария, 20 мужских и женских религиозных школ, была открыта библиотека, основано издательство и выпускался на русском, английском и китайском языках журнал «Китайский благовестник» («Чжунго фуынъ бао»), проводилась благотворительная деятельность. Одновременно с ведением проповедий миссионеры изучали китайскую астрономию, историю, географию, национальности, религию, народные обычаи и многое другое.

Деятельность Российской Духовной Миссии успешно развивалась до 1910-х гг., достигнув своего пика в начале XX в. Российская революция 1917 г. коренным образом изменила ситуацию. Почти на 30 лет прервалась связь с Русской Православной Церковью на родине, прекратились финансовая помощь и приток новых миссио-

¹⁴ *Ефимов А. Б.* Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М., 2007. С. 246–252.

неров из России. В результате бурный подъём деятельности Духовной Миссии сменился её постепенным угасанием и исчезновением в 1950-е гг. В настоящее время миссионерскую деятельность в Китае приходится начинать заново.

Библиография

1. *Боголюбов М. Н.* Предисловие // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 2–14.
2. *Ведерников А. В.* Русская Православная Церковь: Устройство, положение, деятельность: [К соррокалетию восстановления патриаршества]. М.: Моск. патриархия, 1958. 247 с.
3. *Головин С. А.* Российская духовная миссия в Китае. Историч. очерк. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. 284 с.
4. *Ефимов А. Б.* Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 683, [1] с.
5. *Кириллов А.* Эпизод из жизни Российской Духовной Миссии в Китае // Китайский благовестник. 1999. № 2. С. 21–32.
6. Краткая история русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году двухсотлетнего юбилея её существования. Пекин: Тип. Успенского монастыря, 1916. [4], II, 223 с.
7. *Ломанов А. В.* Христианство и китайская культура. М.: Вост. лит., 2002. 446 с.
8. *Николай (Адоратский), иеромонах.* История Пекинской Духовной Миссии в первый период её деятельности (1685–1745) // История Российской Духовной Миссии в Китае: Сб. ст. М.: Изд-во Свято-Владимир. Братства, 1997. С. 31–54.
9. *Поздняев Дионисий, священник.* Православие в Китае (1900–1997). М.: Изд-во Свято-Владимир. братства, 1998. 278 с.
10. Православие в Китае / Ред. *М. Л. Титаренко*. М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2010. 251, [4] с.
11. Православие в Китае: Сб. мат-лов выставки / Сост. *В. В. Селивановский* // Благовещенская епархия Русской Православной Церкви. Благовещенск: Амурская ярмарка, 2013. 65 с.
12. Русско-китайские отношения в XVIII веке: Мат-лы и док-ты / Сост. *Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников*. Т. 1: 1700–1725. М.: Наука, 1978. 703 с.

Владимир Николаевич Яранцев
(Санкт-Петербург)

*Научный сотрудник энциклопедического отдела
Института филологических исследований
Санкт-Петербургского государственного университета*

Наталья Альбиновна Силантьева
(Санкт-Петербург)

Независимый исследователь

Первые шаги русской китайщины

Китайщина — различные явления европейской культуры, отразившие впечатления от изделий Китая и других стран Дальнего Востока. Китайщина проявилась в нескольких стилевых течениях европейского искусства. В Западной Европе китайщина началась в XVI в. в виде коллекционирования предметов из Китая как раритетов. В середине XVII в. китайщина стала жанром интерьера: коллекции начали организовывать, помещая их в специальные комнаты для китайских вещей — «китайские кабинеты»¹, стены которых были декорированы фарфоровыми изделиями на консолях или в шкафах-витринах. Эти комнаты не функциональны, это воплощённые тексты со значением «Китай». Тогда же европейцы стали подражать китайским изделиям и имитировать их, а в Китае возникло *Chinoiserie en revers* («шинуазри наизнанку»), или «экс-

¹ См. *Джекобсон Д.* Китайский стиль. М., 2004; *Ву Ю-Фанг.* Китайский кабинет // *Философия как судьба: Российский философ как социокультурный тип: Материалы 2-й Междунар. летней школы по истории идей.* С.-Петербург–Новгород–Торжок–Тверь–Москва. СПб., 1999. С. 59–67. (Философский век: Альманах. Вып. 10).

портное искусство» — ответ китайских торговцев и ремесленников на европейский спрос: изделия из фарфора, лака, расписных эмалей, слоновой кости, специально предназначенные для экспорта в Европу².

В 1662–1663 гг. в Ораниенбурге (близ Берлина) для супруги курфюрста Бранденбурга Фридриха Вильгельма I — Луизы Генриетты, урождённой Нассау-Оранской — была создана первая в Европе маленькая «фарфоровая комната», декорированная этажерками-пирамидами с фарфором³, а в 1663–1665 гг. во дворце датского короля Розенборг появился Лаковый кабинет, в котором фарфор сочетался с лаковыми панно, сделанными в подражание китайским лакам⁴. К началу XVIII в. фарфоровые комнаты появились во многих дворцах европейских монархов.

В XVIII в. китайщина обрела черты большого стиля (стиля эпохи) — это стиль шинуазри. Он возник в позднем барокко, достиг расцвета в эпоху рококо и сосуществовал с классицизмом.

Стиль шинуазри как большой стиль — не подражание восточному искусству, не его влияние на европейское — это художественный стиль, созданный европейцами для собственного употребления. В росписях китайских изделий европейцы видели «весёлые игры беззаботного, богатого и счастливого народа». На основе экзотических красок и цветовых сочетаний, цветов, животных, одеяний и занятий, архитектуры и садов мудрёного народца творцы рококо создали фантастическую «страну-игрушку, населённую маленькими, мудрыми, спокойными и лениво-томными людьми в роскошных костюмах»⁵. Сведения о законах и обычаях

² *Фишман О. Л.* К проблеме рецепции Западной Европой XVII–XVIII некоторых элементов китайской культуры // Культурное наследие Востока. М., 1985. С. 319.

³ См. гравюру с изображением этой комнаты: *Меньшикова М. Л.* Увлечение Китаем и стиль «шинуазри» в Петербурге в середине – второй половине XVIII в. Ораниенбаум // 300 лет Петергофской дороге; 300 лет Ораниенбауму: История; Реставрация; Музеефикация: Сб. ст. по мат-лам науч.-практич. конф. ГМЗ «Петергоф», 2011. СПб.: Европейский Дом, 2012. С. 273. В этой статье её создание датировано 1680-ми гг., но Луиза Генриетта скончалась в 1667. В 1712 г. в Ораниенбурге побывал Пётр I. (*Горбатенко С. Б.* Об этимологии и символике Ораниенбаума // Там же. С. 193).

⁴ *Ботт И. К.* О столах Екатерины Великой, китайском лаке «разбрызганным золотом» и не только... // Образ Поднебесной: Взгляд из Европы: Мат-лы XXI Царскосельской науч. конф. / ГМЗ «Царское Село». СПб., 2015. С. 52.

⁵ *Фишман О. Л.* Китай в Европе XVII–XVIII веков: Из истории культурных взаимодействий // История, культура, языки народов Востока. М., 1970. С. 118.

Китая породили представление о Китае как о стране мудрецов, управляемой учёными⁶.

Этот «Китай» и воплощён стилем шинуазри. Шинуазри — это тема «Китай», выполненная неважно какими средствами. По сути это обширный текст с кратким значением «Китай». Для интерьеров стиля шинуазри характерны «фарфоровые комнаты», отделка стен лаковыми панелями со «сценами из китайской жизни», отделка стен шёлковыми обоями с вышивками или акварельными росписями⁷, использование как подлинных китайских шелков и лаков, так и их европейских имитаций, картин и скульптур на китайские темы, в самых разнообразных комбинациях⁸.

Китай в шинуазри условен, европейский художник изображал индексирующие «Китай» элементы китайского искусства. Это изображения китайцев в нарядных весьма условных одеждах, часто под зонтиками, мудрецов на осликах, на фоне подражающих китайским пейзажам с нагромождениями скал, водоёмами и островками, крутыми мостиками, фантастически изогнутыми кронами деревьев, маленькими домиками с загнутыми крышами и пагодами, галантные сцены с «китайскими» персонажами⁹. Всё это было разбросано по самым неподходящим предметам¹⁰. Для европейца

⁶ Там же. С. 118. С. 122–123.

⁷ В Кантоне специально для Европы было создано производство шёлковых обоев с акварельной росписью «в традициях китайской классической живописи», изображающей сцены китайской жизни и пейзажи («немалую роль в их изготовлении и распространении играли иезуитские миссионеры») (*Рудова М. Л.* Китайские обои первой четверти XVIII века во дворце Меншикова // Проблемы русской культуры XVIII века: Конф. памяти Н. В. Калязиной: Крат. содерж. докл. / ГЭ. СПб., 2001. С. 79). Такие обои традиционно называют кантонскими, хотя их делали и в других художественных центрах.

⁸ Ко всем интерьерам Шинуазри можно отнести заявление современного китайского искусствоведа Ву Ю-Фанг: «они не имеют ничего общего с тем, как оформлялись интерьеры в самом Китае» (*Ву Ю-Фанг.* Стилистические тенденции «шинуазри» в русском искусстве второй половины XVIII века: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения / С.-Петербург. гос. акад. ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. СПб., 2000. С. 13). Насколько оформление европейского «китайского кабинета» противоположно оформлению кабинета в Китае см. также: *Ву Ю-Фанг.* Китайские изделия и китайские кабинеты в России XVIII века в европейском контексте // Карамзинский сборник: Нац. традиции и европеизм в рус. культуре. Ульяновск, 1999. С. 157–160; *Ву Ю-Фанг.* Китайский кабинет. С. 65–66.

⁹ Они были невозможны в китайской живописи, так как совершенно чужды китайской культуре. На китайских картинах обычно женщины и мужчины составляют отдельные группы, а на европейских картинах шинуазри они изображаются вместе.

¹⁰ *Фишман О. Л.* К проблеме рецепции Западной Европой XVII–XVIII... С. 321.

XVIII в. это представляло своеобразной *varietas* — картиной сказочного китайского мира¹¹.

Россия — единственная страна Европы, граничившая с Китаем и имевшая с ним не только торговые, но и дипломатические отношения. В XVII в. эти контакты не оставили следа в русской культуре: китайские изделия, привозившиеся посольствами и купцами к русским царям, пополняли хранилища Оружейной палаты. Известно, что во дворце царя Алексея Михайловича в подмосковном селе Коломенском были мебель и комнаты, расписанные лаками «на китайское дело»¹².

Русская китайщина заимствована из Западной Европы и через голландское и немецкое посредство вошла в художественную культуру России в царствование Петра I. Вместе с культурой барокко в Россию пришло и восприятие Китая как страны чудес и сказочной роскоши¹³. Его экзотичность, напыщенность, яркость, многоцветность китайских вещей отвечали историческим эмоциям эпохи барокко — пристрастию к сенсации, чуду, экзотике, синтезу изумления, ужаса и восторга перед многообразием и упорядоченностью мира¹⁴.

На рубеже XVII–XVIII вв. в интерьерах русских дворцов появляются фарфор, резной камень, лаки, мебель, шелковые обои из Китая. Они пришли вместе с европейскими предметами быта, обстановки, искусства как компонент западной культуры. Тогда же из Европы пришли европейские подражания китайским вещам (дельфтский фаянс, имитации лаков). Подражая Европе, китайские предметы стали коллекционировать.

¹¹ См. также: *Яранцев В. Н., Силантьева Н. А.* Автопортрет Екатерины II в интерьере // Жизнь дворца: Публичное и приватное: Сб. ст. по мат-лам науч.-практич. конф. ГМЗ «Петергоф», 2013. (Сохранение культурного наследия. XXI век. IV). СПб., Европейский Дом, 2014. С. 138–142; *Силантьева Н. А., Яранцев В. Н.* Китайщина Серебряного века // Модерн в России: Накануне перемен: Сб. науч. ст. XXIII Царскосельской конф. СПб.: Серебряный век, 2017. С. 603–613; *Яранцев В. Н., Силантьева Н. А.* Русская Китайщина. XVIII век // Из истории русско-китайских связей: Библиографические материалы, статьи, иллюстрации / Библиотека РАН; отв. ред. *Н. В. Колтакова*; отв. сост. *Г. З. Пумпян*; ред. *З. А. Антонова*. СПб.: БАН, 2019. С. (Библиография Востока. Вып. 7 (14)). — В печати.

¹² *Уханова И. Н. Г.* Брумкорст — петербургский мастер лакового дела: Из истории «лакирного» искусства в России первой четверти XVIII века // Культура и искусство петровского времени: Публ. и исслед. Л.: Аврора, 1977. С. 175.

¹³ *Фишман О. Л.* Китай в Европе XVII–XVIII веков... С. 116.

¹⁴ См. [*Яранцев В. Н.*]. Барокко // Российский гуманитарный энциклопедический словарь. Т. I. М.; СПб., 2002. С. 162.

Особенностью русской китайщины было наличие двух источников китайских вещей: часть их привозили из Западной Европы, главным торговым партнёром которой был южнокитайский Кантон, часть — непосредственно из Китая, главным торговым партнёром русских торговцев был северокитайский Пекин¹⁵. Другой особенностью русской китайщины были привозившиеся посольствами дары китайских императоров, состоявшие из редких в Европе произведений высокого искусства, а не изделий *Chinoiserie en revers*.

Летний дворец Петра I, по свидетельствам современников, был убран китайскими обоями¹⁶. В Спальне Петра I сохраняется его покрывало из китайского шёлка. Китайские шелка при Петре I «были наиболее доступны, потому что имелись большие запасы этих изделий в московских теремах»¹⁷. «Источники первой трети XVIII в. говорят о том, что тогда из Китая привозили в основном шитые шелками либо тканые обои», некоторые китайские шёлковые обои исполнялись в Китае «по лучшим и самым модным французским образцам узоров»¹⁸. Печи и панели Летнего дворца облицованы кафлями — расписными гладкими фаянсовыми изразцами голландского производства, сине-белый колорит которых взят из китайского фарфора; производство их вскоре было налажено в России. Весь XVIII в. на печных изразцах были (по образцам пейзажей голландских изразцов) пейзажи вроде «китайских» горок с домиками. Основанный в 1724 г. завод Гребенщикова выпускал майолику с сине-белой росписью, из которой выросла гжельская керамика — отдалённый потомок русско-голландской китайщины.

Ввозимые в Россию китайские диковинки в эпоху барокко первоначально не создавали китайского стиля — они размещались в кунсткамере или интерьере дома именно как диковинки¹⁹. Поэтому

¹⁵ Отражением этого является название чая, в русском языке заимствованное из пекинского диалекта, а в западноевропейских — из кантонского.

¹⁶ Словом «обои» в XVIII в. называли любую «обивку» стен — ткани, лаковые панно. В данном случае это, наверняка, ткани.

¹⁷ Курбатов В. Я. Петергоф. Л., 1925. С. 82. Пётр I заказывал в Китае шёлк для одежды, церковных облачений и главным образом «на пошив полковых флагов» (Меньшикова М. Л. Увлечение Китаем и стиль «шинуазри» в Петербурге... С. 270; Меньшикова М. Л. Из Китая к русскому двору. XVII–XVIII вв.: Взгляд из России // Образ Поднебесной: Взгляд из Европы: Мат-лы XXI Царскосельской научной. конф. / ГМЗ «Царское Село». СПб., 2015. С. 278).

¹⁸ Мельникова Н. В. Китайские ткани в убранстве русских дворцовых интерьеров в XVIII–XIX веках // Россия–Восток: Контакт и конфликт мировоззрений: XV Царскосельская науч. конф. СПб., 2009. С. 350–351.

¹⁹ Пётр I отправлял посольства к китайскому императору Канси (царствовал в 1662–1722 годах), российский посол Лоренц Ланг составил «Описание государства

неправомерно относить такие интерьеры со встроенными шкафами, как Зелёный кабинет Летнего дворца Петра I, к «восточным»²⁰: это интерьер-кунсткамера, и диковинки в нём были самые разнообразные.

Но уже в петровское время появились «китайские кабинеты». Например, в Екатерингофском дворце были две комнаты в верхнем этаже, «убранные китайскими вещами, которые были привезены из Пекина при жизни Петра посланником Львом Измайловым», в их числе «ширмы о десяти половинках, на каждой по пяти панно из мрамора, украшенных сценами из домашней жизни китайцев, цветами, растениями, атрибутами, вазами и пр.; писано масляными красками; панно вставлены в рамки из светлого дерева»; «ножки лёгкие с тем же перламутровым набором»²¹. Находились ли эти китайские вещи во дворце с приезда Измайлова (1721) или появились позже, неизвестно.

Предположительно в Екатерингофский дворец были перенесены некоторые ткани обоев Летнего дворца, переставшего быть царской резиденцией по смерти Екатерины I²². В Екатерингофском дворце были также комнаты, обитые кантонскими расписными

Китайского»; посол Л. В. Измайлов в 1721 г. привёз «удивительные механические игрушки (позолоченную модель китайского кораблика, выполненную из слоновой кости, фигурку женщины на летящем павлине, фигурки музыкантов и др.)» (*Самойлов Н. А.* Санкт-Петербург на перекрёстке культур: китайский маршрут. СПб., 2003. С. 14–15). В Китае заказывали фарфоровую аптечную посуду с российским гербом (*Меньшикова М. Л.* Увлечение Китаем и стиль «шинуазри» в Петербурге... С. 271; *Она же.* Из Китая к русскому двору. XVII–XVIII вв... С. 276). С 1715 г. в Пекине действовала Российская духовная миссия, заложившая основы русской синологии, в 1727 г. был подписан Кяхтинский договор о торговле.

²⁰ *Арапова Т. Б.* Восточные интерьеры в русских дворцах XVIII века // Проблемы русской культуры XVIII века: Конф. памяти Н. В. Калязиной: Крат. содерж. докл. СПб.: Изд-во ГЭ, 2001. С. 12.

²¹ *Столянский П. Н.* Петергофская перспектива // *Столянский П. Н.* Петергофская дорога и Музыкальный Петербург. М., 2011. С. 16. Единственное описание убранства интерьеров Екатерингофского дворца, сгоревшего в 1926 г. – опись дворца, составленная Д. В. Григоровичем ([*Григорович Д. В.*]. Екатерингофский дворец: Опись предметам, имеющим преимущественно художественное значение. СПб., 1884); рассказ Столянского о ширмах цитирует эту опись (*Столянский П. Н.* Указ. соч. С. 7). В описи без указания размещения названы также крытые чёрным лаком с росписью два бюро, шкафы, этажерка китайской работы и инкрустированный перламутром столик.

²² Это могло произойти и при императрицах Анне Иоанновне или Елизавете Петровне, но могло и в 1823–1824 гг., когда в Екатерингофском дворце устроили музей.

шелками. Но эта отделка интерьеров является не петровской, а значительно более поздней: до середины XVIII в. кантонских обоев в России не было, первые датированные интерьеры с ними созданы в 1760-х гг. Вероятнее всего, эти обои взяты в Екатерингоф в конце XVIII в. из построенного при Екатерине II Таврического дворца²³. Поэтому экспозиция сюжетных кантонских обоев как элемента отделки комнат петровского времени (в музее «Дворец А. Д. Меншикова») — вводящий зрителя в заблуждение анахронизм²⁴.

И уже при Петре Великом из Западной Европы вместе со стилями барокко и рококо в Россию пришёл и зарождавшийся стиль шинуазри. В 1719–1722 гг. по заказу Петра I, увидевшего в Европе первые интерьеры стиля шинуазри (Шарлоттенбург, Ораниенбург, Монбизу в Берлине, Розенбург в Копенгагене), архитектор И. Ф. Браунштейн создал во дворце Монплеизр первый в России интерьер шинуазри, в котором окружением 546 фарфоровых китайских вещей стали 94 лаковых панно с росписями золотом и серебром по чёрному фону, изображающих китайские пейзажи со сценами из китайской жизни, экзотических птиц, бабочек, животных и вазы.

²³ См.: Рудова М. Л. Указ. соч. С. 80.

²⁴ Шесть полотен обоев Екатерингофского дворца с росписью на сюжет китайской классической пьесы «Западный флигель» и 16 полотен «с изображением даосских небожителей, сцен из жизни на природе, птиц, уголков природы, изображений предметов, несущих благожелательную символику» (Рудова М. Л. Указ. соч. С. 82) ныне находятся в трёх условно воссозданных помещениях музея «Дворец Меншикова». Полотнища шёлка вставлены в рамы, как в настоящих китайских интерьерах и как не бывало в шинуазри. Комментарий к этим обоям в книге «Дворец Меншикова» (Калязина Н. В., Дорофеева Л. П., Михайлов Г. В. Дворец Меншикова. М., 1986. С. 175: текст Л. П. Дорофеевой) — нагромождение фактических ошибок и домыслов. «Предполагается, что эти обои приобрели в Китае для украшения интерьеров новых Летних палат Петра I, располагавшихся у Лебяжьей канавки в Летнем саду», «при Елизавете Петровне палаты были разобраны и перенесены» (палаты — каменное здание — разобрать и перенести невозможно; разобрали и перенесли другой дворец Летнего сада — хоромы Анны Иоанновны) «в Екатерингофский парк, где стали частью его дворца. Вместе с палатами была перенесена и часть китайских обоев» (это уже не ошибка, а чистый домысел). «В описи вещей, взятых из меншиковских дворцов в 1728 году, в числе шести видов обоев были и вышитые, и расписные китайские» (ссылки на опись нет). Согласно исчерпывающему исследованию М. А. Павловой (Павлова М. А. Интерьеры Большого Ораниенбаумского дворца XVIII — середины XIX века. СПб., 2006), в очень богато отделанных ораниенбаумских палатах Меншикова «китайских» интерьеров не было — были отдельные китайские вещи. Меншиков как человек Барокко собирал диковинки, но кантонские шелка с китайскими сценами не могли появиться у него раньше, чем у любившего диковинки царя, а никаких свидетельств наличия их во дворцах Петра I нет.

На самом большом панно, помещённом в семиотически центральной позиции — над камином — «изображён сад китайского богдыхана. Перед властелином под музыку небольшого оркестра танцуют девушки»²⁵. На стенах — 11 вертикальных панно с росписями в три яруса, между ними множество малых. «По золотым тропинкам, выющимся под сенью развесистых деревьев, важно расхаживали маленькие фигурки в пёстрых одеждах, высоких причёсках, плоских шляпах и крошечных, тщательно выписанных сандалиях, держащие в руках веера, корзиночки и букеты цветов. Они встречались в садиках, ограждённых ажурными решётками, играли в мяч на лужайках среди кружевных кустов, ловили рыбу у хрупких мостиков, перекинутых через серебряные ручьи, выглядывали из окон домиков с высокими крышами, сидели на широких верандах у прудов». «Каждое панно вело свой рассказ, не повторяя, но бесконечно варьируя разные пейзажи, показывая всё новые и новые сценки из жизни этого маленького мирка, созданного неистощимой фантазией и изображенного с таким мастерством»; «очарование <...> интерьера заключалось именно в разнообразии декоративных росписей — ни одна из них не повторялась, и это было характерно для того времени»²⁶.

«На панно справа от камина — пейзажи характерных китайских садиков <...>. Слева на одном из панно изображён выход вельможи, а на другом — сельский пейзаж с крестьянами, занятыми своим повседневным трудом. <...> На восточной стене <...> на одном <...> художник запечатлел рыбаков, ловящих рыбу у своих домиков. Далее мы видим, как выловленную рыбу переносят в вёдрах и развешивают для вяления. Над дверью западной стены на квадратном панно изображён распространённый в Китае вид ловли рыбы — с помощью специально обученного пеликана. В простенке, между окон, показана сцена охоты на ланей», «на многочисленных небольших лаковых картинках, расположенных над большими панно и под ними, изображены буйволы, куры, петухи, фантастические животные, а также вазы с цветами»²⁷. В верхних ярусах стенных панно — птицы и бабочки, в нижних — животные и вазы. Росписи покрывают также двери.

Росписи «лаковой китайской работою» выполнены в 1720—1722 гг. под руководством голландского мастера Гендрика ван

²⁵ *Голдовский Г. Н., Знаменов В. В.* Дворец Монплеизр. Л., 1981. С. 30.

²⁶ *Тихомирова М. А.* Памятники, люди, события: Из записок музейного работника. Л., 1970. С. 295—296, 309.

²⁷ *Голдовский Г. Н., Знаменов В. В.* Указ. соч. С. 30.

Бронкхорста (Брункхорста; Брумкорста; Hendrik van Brunkhorst) его русскими помощниками (подмастерья Иван Тиханов и Перфилий Фёдоров) и учениками (Иван Поляков и Иван Никифоров «со товарищи десять человек») Имитация лаковых панно столь искусна, что вплоть до 1950-х гг. панно считались китайскими или японскими²⁸. Росписи несомненно выполнены по китайским образцам (характерно, что галантных сцен, которые станут основной тематикой шинуазри середины XVIII в., в росписях Монплезира нет, как нет их в китайском искусстве), но их иконографические источники остаются неизвестными²⁹.

Лаковый кабинет — это и первый в России «фарфоровый кабинет», он и поныне хранит первую известную в России коллекцию фарфора (тоже воплощение категории *varietas* — «многообразие»): на его 136 разнообразных по размерам и формам резных золочёных полочках-консолях (французские мастера Ж. Мишель, Ш. Руст, Э. Фолле), обрамляющих лаковые панно, расставлено (по преданию, самим Петром I) множество мелких китайских фарфоровых изделий. Это чайные и шоколадные чашки с блюдцами, кувшины, цветники, тарелки, графины, полоскательницы, «три куклы цвет-

²⁸ Уханова И. Н. Указ. соч. С. 174–182. См. также: Вернова Н. В. Лаковый кабинет дворца Монплеzir: К послевоенному воссозданию // 300 лет Петергофской дороге; 300 лет Ораниенбауму: История; Реставрация; Музеефикация: Сб. ст. по мат-лам науч.-практич. конф. ГМЗ «Петергоф», 2011. СПб.: Европейский Дом, 2012; Голдовский Г. Н., Знаменов В. В. Указ. соч.; Тихомирова М. А. Памятники, люди, события...

²⁹ Virtuозность их исполнения заслонила от исследователей тот очевидный факт, что каждое панно композиционно завершено, а размеры и формы панно идеально соответствуют архитектуре интерьера, — то есть что они сделаны по архитектурному проекту для данного интерьера (следовательно, в России, а не в Китае или Японии). В период оккупации Петергофа (1941–1944) лаковые панно, кроме пяти (в том числе большой «Охоты на ланей» в межоконном простенке (см.: Вернова Н. В. Указ. соч. С. 33), исчезли. Сохранившиеся панно — едва ли не единственный подлинный образец китайщины XVIII в. в русской монументально-декоративной живописи. В 1940-х — 1950-х гг. они были изучены, и выяснилось, что росписи исполнены в русской иконописной технике — яичными красками по левкасу на липовых досках (в Китае липа не растёт!), и по документам установлено авторство команды Бронкхорста. Хотя «лаковый кабинет никогда не подвергался последовательной и детальной фотофиксации» (Тихомирова М. А. Памятники, люди, события... С. 308), но на основе детального исследования описей, иконографии и аналогов в 1958 г. все росписи кабинета были заново исполнены палехскими художниками Н. М. Зиновьевым (руководитель), В. В. Большаковым, А. В. Боруновым, Ю. А. Виноградовым, Т. И. Зубковой, Г. М. Мельниковым, В. Н. Смирновым. См.: Вернова Н. В. Указ. соч.; Тихомирова М. А. Возрождение Монплезира // Декоративное искусство СССР. 1958. № 11; Она же. Памятники, люди, события... С. 295–316.

ные», «утка на паддоне разборная», чайники, а также плетённые из тростника чашки, покрытые снаружи лаком, не скрывающим узор плетения, и стопка из яшмы. «Консоли сделаны по разным рисункам и составлены как бы случайно. Самые рамочки то являются ободками средних досок, то неожиданно разбегаются наверху. Формы лёгкие, необычайно свободно сочинённые и совершенные, несмотря на то, что они как будто не заимствованы ни из образцов старого искусства, ни из природы»³⁰. «Здесь и стилизованные растения, и раковины, и маскароны, и сказочная полуженщина-полуптица Сирин» (или крылатый сфинкс). На полочках верхнего яруса «целый оркестр путти — детей, играющих на барабанах, литаврах, тарелках, трубах и т.д.»³¹. Плафон кабинета (французский художник Ф. Пильман) изображает Осень, аллегоризирующую не только сбор урожая, но и богатство, соответствующее тогдашнему восприятию Китая³².

В Монплезире есть ещё один «фарфоровый кабинет» — Секретарская, расположенная симметрично Лаковому кабинету по другую сторону Зала, декорированная лепными консолями с фарфором, но в её архитектуре и декоре китайских мотивов нет. В Буфетной Монплезира на камине — 8 китайских чайников из «каменной массы» с растительным и геометрическим декором и скульптурками, по преданию, присланные Петру китайским богдыханом.

В 1720 г. Пётр I, единственный из европейских государей, пожелал иметь архитектора-китайца для создания китайских парковых павильонов и дал соответствующее поручение послу Л. Измайлову. Затея не удалась, так как подданные Срединной империи не могли её покидать.

Таким образом, за 30 лет Россия прошла от первого увлечения китайскими вещами к имитации хронотопа «Китай» — стилю ши-нуаэри. Пропущенный этап коллекционирования был пройден при императрице Анне Иоанновне, когда Санкт-Петербург дважды (1731, 1732) посетили первые в истории Китая и Европы китайские

³⁰ Курбатов В. Я. Указ. соч. С. 50. См. также: С. 47–48.

³¹ Голдовский Г. Н., Знаменов В. В. Указ. соч. С. 31, 35–39.

³² Один из 4 плафонов дворца на тему Времени года был написан до появления замысла Лакового кабинета. О семиотической программе Монплезира, воплощающего различные аспекты Структуры Мироздания и их взаимосвязи, см.: Силантьева Н. А., Яранцев В. Н. Монплезир как художественный текст барокко // Отечественные традиции гуманитарного знания: История и современность: Мат-лы VII науч.-практич. конф. 7 мая 2011 г. СПб.: Гос. Инж.-экономич. ун-т, 2011. Они же. Семиотика Монплезира // Россия—Франция: Alliance культур: Сб. науч. ст. XXII Царскосельской конф. Ч. I. СПб., 2015.

посольства, отправленные императором Юнчжэном. Ежегодно из Китая приходили караваны, лучшие вещи сразу брали в казну, остальное отдавали на продажу. Торги проводились во дворце в присутствии императрицы³³. Сведений о китайщине в России времён Анны Иоанновны очень мало³⁴. Из привезённых китайскими посольствами подарков известна «чаша литого стекла», в России «оправленная в золото и бриллианты мастером И.-Л. Биллером» (хранится в ГЭ). Известно, что герцогу Э. И. Бирону принадлежал стеклянный сервиз, сделанный на мануфактуре княгини Анны Радзивилл в Налибоках (Литва, 1737–1738): его рюмки декорированы резными изображениями китайских ваз, фланкирующихobelisks³⁵.

Аукционы привезённых караванами из Китая вещей во дворце продолжались и при императрице Елизавете Петровне³⁶, при ней наступил этап оформления коллекций в виде «китайских кабинетов». Большой Китайский зал в центре Большого Царскосельского дворца — огромный интерьер в жанре «фарфорового кабинета»; китайские резные лаковые обои и золочёные резные фигуры китайцев, пагоды, пальмы и т.п. составляли обрамление для расставленных ярусами на консолях сотен китайских и японских изделий из фарфора, эмалей и лаков³⁷. Малый Китайский зал того же дворца, с лаковыми китайскими панно, тоже экспонировал фарфор, но не китайский, а саксонский³⁸. В Японском павильоне Большого двор-

³³ *Меньшикова М. Л.* Увлечение Китаем и стиль «шинуазри» в Петербурге... С. 271.

³⁴ См., напр.: *Мельникова Н. В.* Указ. соч. С. 350, 353–354; *Яранцев В. Н.* Семантика Драконова каскада // *A maximus ad minima: Малые формы в историческом ландшафте: Сб. ст. по мат-лам науч.-практич. конф. 25–26 апреля 2016 г.*, ГМЗ «Петергоф». СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2017. С. 49–56. (Проблемы сохранения культурного наследия: XXI век).

³⁵ *Анисимова Е. А.* Стекланный сервиз герцога Бирона из собрания Государственного Эрмитажа // *Судьбы музейных коллекций: Мат-лы VI Царскосельской науч.- конф. СПб., 2000.* С. 184–185.

³⁶ *Бенуа А. Н.* Царское Село в царствование императрицы Елисаветы Петровны. СПб., 1910. С. 110.

³⁷ Там же. С. 108–112; См. также: *Федосеева О. А.* Китайские комнаты Царскосельского дворца при Елизавете Петровне // *Образ Поднебесной: Взгляд из Европы: Мат-лы XXI Царскосельской науч. конф. / ГМЗ «Царское Село».* СПб., 2015; *Григорович Н. С.* Ещё раз о Китайском зале // *В тени «больших стилей»: Мат-лы VIII Царскосельской науч. конф. / ГМЗ «Царское Село».* СПб., 2002; *Еремеева Е. А.* Дальневосточный фарфор в «китайских» интерьерах Большого Царскосельского дворца // *Образ Поднебесной: Взгляд из Европы: Мат-лы XXI Царскосельской науч. конф. / ГМЗ «Царское Село».* СПб., 2015.

³⁸ *Бенуа А. Н.* Указ. соч. С. 125; *Федосеева О. А.* Указ. соч. С. 434–435.

ца в Ораниенбауме по стенам были расположены японские и мейсенские вазы, фарфоровые китайские статуэтки, японские цветочные горшки с растениями и другие предметы. Созданные в 1750-х гг. обер-архитектором графом Франческо де Растрелли, эти интерьеры не сохранились³⁹.

Расцвет шинуазри в России, как и в Европе, приходится на эпоху Просвещения — царствования Петра III и Екатерины II⁴⁰.

Библиография⁴¹

1. *Анисимова Е. А.* Стекланный сервиз герцога Бирона из собрания Государственного Эрмитажа // Судьбы музейных коллекций: Мат-лы VI Царскосельской науч. конф. СПб.: Изд-во ГЭ, 2000. С. 184–187.
2. *Арапова Т. Б.* Восточные интерьеры в русских дворцах XVIII века // Проблемы русской культуры XVIII века: Конф. памяти Н. В. Калязиной: крат. содерж. докл. СПб.: Изд-во ГЭ, 2001. С. 11–13.
3. *Бенуа А. Н.* Царское Село в царствование императрицы Елисаветы Петровны. СПб.: [Т-во Р. Голике и А. Вильборг], 1910. [22], 262, [4], XLVI, 59 с.
4. *Ботт И. К.* О столах Екатерины Великой, китайском лаке «разбрызганным золотом» и не только... // Образ Поднебесной: Взгляд из Европы: Мат-лы XXI Царскосельской науч. конф. / ГМЗ «Царское Село». СПб.: Серебряный век, 2015. С. 40–53.
5. *Вернова Н. В.* Лаковый кабинет дворца Монплеизр (к послевоенному воссозданию) // 300 лет Петергофской дороге: 300 лет Ораниенбауму: История; Реставрация; Музеефикация: Сб. ст. по мат-лам науч.-практич. конф. ГМЗ «Петергоф», 2011. СПб.: Европейский Дом, 2012. С. 27–36.
6. *Ву Ю-Фанг.* Китайские изделия и китайские кабинеты в России XVIII века в европейском контексте // Карамзинский сборник: Нац. традиции и европеизм в рус. культуре. Ульяновск: УГПУ, 1999. С. 155–163.

³⁹ *Яранцев В. Н., Силантьева Н. А.* Русская Китайщина. XVIII век.

⁴⁰ См.: *Яранцев В. Н., Силантьева Н. А.* Автопортрет Екатерины II в интерьере; *Лис О. А., Яранцев В. Н.* Рокировки в Китайском дворце: Апартаменты цесаревича Павла Петровича – великой княгини Екатерины Михайловны // Теория и практика регионоведения. Т. 1: Труды I Международной научно-практической регионоведческой конференции (Санкт-Петербург, 7 декабря 2018 г. Кн. 1-я. СПб., 2018. С. 355–381; *Яранцев В. Н., Силантьева Н. А.* Русская Китайщина. XVIII век.

⁴¹ См. также: *Яранцев В. Н., Силантьева Н. А.* Рекомендательная библиография по теме «Китайский стиль (Шинуазри) в России» // Из истории русско-китайских связей: Библиографические материалы, статьи, иллюстрации / Библиотека РАН; отв. ред. *Н. В. Колпакова*; отв. сост. *Г. З. Пумпян*; ред. *З. А. Антонова*. СПб.: БАН, 2019. С. (Библиография Востока. Вып. 7 (14)). – В печати.

7. *Ву Ю-Фанг*. Китайский кабинет // *Философия как судьба: российский философ как социокультурный тип: Мат-лы 2-й Междунар. летней школы по истории идей (С.-Петербург—Новгород—Торжок—Тверь—Москва)*. СПб.: С.-Петерб. центр истории идей, 1999. (Философский век. № 10).
8. *Ву Ю-Фанг*. Стилистические тенденции «шинуазри» в русском искусстве второй половины XVIII века: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения / С.-Петерб. гос. акад. ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. СПб., 2000. 15 с.
9. *Годовский Г. Н., Знаменов В. В.* Дворец Монплеизир в Нижнем парке Петродворца: [Путеводитель]. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Лениздат, 1981. 87 с.
10. *Горбатенко С. Б.* Об этимологии и символике Ораниенбаума // 300 лет Петергофской дороге: 300 лет Ораниенбауму: История; Реставрация; Музеефикация: Сб. ст. по мат-лам науч.-практич. конф. ГМЗ «Петергоф», 2011. СПб.: Европейский Дом, 2012. С. 189–198.
11. [*Григорович Д. В.*]. Екатерингофский дворец: Опись предметам, имеющим преимущественно художественное значение. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1884. [4], 10 с.
12. *Григорович Н. С.* Ещё раз о Китайском зале // В тени «больших стилей»: Мат-лы VIII Царскосельской науч.-конф. / ГМЗ «Царское Село». СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. С. 41–47.
13. *Джекобсон Д.* Китайский стиль: [О стиле шинуазри] / Пер. с англ. *В. И. Самошкина*. М.: Искусство-XXI век, 2004. 239 с.
14. *Еремеева Е. А.* Дальневосточный фарфор в «китайских» интерьерах Большого Царскосельского дворца // Образ Поднебесной: Взгляд из Европы: Мат-лы XXI Царскосельской науч. конф. / ГМЗ «Царское Село». СПб.: Серебряный век, 2015. С. 107–119.
15. *Калязина Н. В., Дорофеева Л. П., Михайлов Г. В.* Дворец Меншикова: Художественная культура эпохи, история и люди, архитектурная хроника памятника. М.: Сов. худ., 1986. 220 с.
16. *Курбатов В. Я.* Петергоф. Л.: Ленингр. губ. сов. проф. союзов, 1925. 86, [1] с. (Прогулки по окрестностям Ленинграда).
17. *Лис О. А., Яранцев В. Н.* Рокировки в Китайском дворце: Апартаменты цесаревича Павла Петровича — великой княгини Екатерины Михайловны // Теория и практика регионоведения. Т. 1: Труды I Международной научно-практической региональной конференции (Санкт-Петербург, 7 декабря 2018 г. Кн. 1-я. СПб.: [Б.и.], 2018. С. 355–381.
18. *Мельникова Н. В.* Китайские ткани в убранстве русских дворцовых интерьеров в XVIII–XIX веках // Россия—Восток: Контакт и конфликт мировоззрений: XV Царскосельская науч. конф.: Сб. науч. ст.: В 2 ч. / ГМЗ «Царское Село». Ч. 1. СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. С. 347–366.
19. *Меньшикова М. Л.* Из Китая к русскому двору. XVII–XVIII вв. Взгляд из России // Образ Поднебесной: Взгляд из Европы: Мат-лы XXI Царскосельской науч. конф. / ГМЗ «Царское Село». СПб.: Серебряный век, 2015. С. 271–289.

20. *Меньшикова М. Л.* Увлечение Китаем и стиль «шинуазри» в Петербурге в середине — второй половине XVIII в. Ораниенбаум // 300 лет Петергофской дороге: 300 лет Ораниенбауму: История; Реставрация; Музеефикация: Сб. ст. по мат-лам науч.-практич. конф. ГМЗ «Петергоф», 2011. (Сер. 2 «Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век»). СПб.: Европейский Дом, 2012. С. 270–278.
21. *Павлова М. А.* Интерьеры Большого Ораниенбаумского дворца XVIII — середины XIX века. СПб.: Историческая иллюстрация, 2006. 238, [1] с.
22. *Рудова М. Л.* Китайские обои первой четверти XVIII века во дворце Меншикова // Проблемы русской культуры XVIII века: Конф. памяти Н. В. Калязиной: Крат. содерж. докл. СПб.: Изд-во ГЭ, 2001. С. 79–82.
23. *Самойлов Н. А.* китайский маршрут: Путеводитель с картой. СПб.: Фрегат, 2003. 132 с. (Санкт-Петербург на перекрестке культур).
24. *Силантьева Н. А., Яранцев В. Н.* Китайщина Серебряного века // Модерн в России: Накануне перемен: Сб. науч. ст. XXIII Царскосельской конф. СПб.: Серебряный век, 2017. С. 603–613.
25. *Силантьева Н. А., Яранцев В. Н.* Монплеизр как художественный текст Барокко // Отечественные традиции гуманитарного знания: История и современность: Мат-лы VII науч.-практич. конф. 7 мая 2011 г. СПб.: Гос. Инж.-экономич. ун-т, 2011. С. 125–133.
26. *Силантьева Н. А., Яранцев В. Н.* Семиотика Монплезира // Россия — Франция: Alliance культур: Сб. науч. ст. XXII Царскосельской конф. Ч. 1. СПб.: Серебряный век, 2015. С. 215–227.
27. *Столянский П. Н.* Петергофская перспектива // *Столянский П. Н.* Петергофская дорога и Музыкальный Петербург. М.; СПб.: Центрполиграф Русская тройка — СПб, 2011. С. 5–104.
28. *Тихомирова М. А.* Возрождение Монплезира // Декоративное искусство СССР. 1958. № 11. С. 26–32.
29. *Тихомирова М. А.* Памятники, люди, события: Из записок музейного работника. Л.: Художник РСФСР, 1970. 285 с.
30. *Уханова И. Н. Г.* Брумкорст — петербургский мастер лакового дела. (Из истории «лакирного» искусства в России первой четверти XVIII века) // Культура и искусство петровского времени: Публ. и исслед. Л.: Аврора, 1977. С. 174–182.
31. *Федосеева О. А.* Китайские комнаты Царскосельского дворца при Елизавете Петровне // Образ Поднебесной: Взгляд из Европы: Мат-лы XXI Царскосельской науч. конф. / ГМЗ «Царское Село». СПб.: Серебряный век, 2015. С. 431–441.
32. *Фишман О. Л.* К проблеме рецепции Западной Европой XVII–XVIII некоторых элементов китайской культуры // Культурное наследие Востока. М., 1985.
33. *Фишман О. Л.* Китай в Европе XVII–XVIII веков (Из истории культурных взаимодействий) // История, культура, языки народов Востока: [Сб. ст.]. М.: Наука, 1970. С. 116–123.
34. [*Яранцев В. Н.*]. Барокко // Российский гуманитарный энциклопедический словарь. Т. 1. М.; СПб.: Филол. фак. С.-Петербур. гос. ун-та, 2002. С. 162.

35. Яранцев В. Н. Семантика Драконова каскада // *A maximus ad minima: Малые формы в историческом ландшафте: Сб. ст. по мат-лам науч.-практич. конф. 25–26 апреля 2016 г., ГМЗ «Петергоф»*. СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2017. С. 49–56. (Проблемы сохранения культурного наследия: XXI век).
36. Яранцев В. Н., Силантьева Н. А. Автопортрет Екатерины II в интерьере / *Жизнь дворца: Публичное и приватное: Сб. ст. по мат-лам науч.-практич. конф. ГМЗ «Петергоф», 2013. (Сохранение культурного наследия. XXI век. IV)*. СПб.: Европейский Дом, 2014. С. 138–142.
37. Яранцев В. Н., Силантьева Н. А. Рекомендательная библиография по теме «Китайский стиль (Шинуазри) в России» // *Из истории русско-китайских связей: Библиографические материалы, статьи, иллюстрации / Библиотека РАН; отв. ред. Н. В. Колпакова; отв. сост. Г. З. Пумпян; ред. З. А. Антонова*. СПб.: БАН, 2019. (Библиография Востока. Вып. 7 (14)). — В печати.
38. Яранцев В. Н., Силантьева Н. А. Русская Китайщина. XVIII век // Там же.

СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Юрий Германович Акимов
(Санкт-Петербург)

*Профессор кафедры американских исследований
факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета*

Объект любопытства, изучения, просвещения и эксплуатации: Сибирские аборигены в политике Петра I

Преобразования бурной Петровской эпохи затронули все без исключения уголки Российского государства и отразились на всех проживающих в нём народах. Не обошли они стороной и Сибирь — «дальнюю государеву вотчину» и её коренное население, состоящее из представителей разных этнических групп, находившихся на разных ступенях развития. В данной статье мы рассмотрим изменения, которые произошли в российской политике по отношению к Сибири и сибирским аборигенам при Петре I и постараемся вскрыть их мотивы.

* * *

К началу XVIII в. русские в общих чертах завершили присоединение Сибири, установив контроль над той частью Северной Азии, где, с одной стороны, у населения (за редким исключением) ещё не сложилось своей государственности, а с другой стороны — население не сталкивалось с конкуренцией соседей. Огромные простран-

ства от Урала на западе до Тихого океана на востоке и от Полярных морей на севере до сфер влияния Китая, Монголии и Джунгарии на юге стали частью Русского государства, качественно изменив его геополитическое положение, превратив его в евроазиатскую державу. В процессе присоединения переплелись частная инициатива землепроходцев, искателей «новых земель», богатых пушниной и моржовой костью, а также стремление государства к расширению границ и получению новых источников дохода для казны. Всё это определило ту достаточно простую и утилитарную политику, которая проводилась по отношению к коренным жителям Сибири в допетровскую эпоху. Все они считались «государевыми иноземцами», то есть представляли собой отдельную специфическую категорию подданных царя. Их единственной обязанностью по отношению к русским властям была уплата дани пушниной (ясака), которая рассматривалась и как символический акт признания подданства, и как регулярная повинность, имевшая вполне осязаемое материальное выражение.

В то же время ни сама Сибирь, ни её аборигены вплоть до 1700-х гг. не рассматривались русскими как объект, который нужно/можно/должно изучать, который является источником нового знания или хотя бы диковинок. Иностранцы, в XVII в. собиравшие информацию о Московии, сетовали на то, что русские не располагают какими-либо этнографическими и историческими сведениями о землях за Уралом и их обитателях, ограничиваясь чисто практическими данными (о маршрутах, расстояниях, наличии пушного зверя и т.п.)¹. Так, голландский торговец и дипломат Исаак Масса (находившийся в Москве в 1601–1609), упоминая в своих записках о тунгусах, отмечал: «... каким богам они поклоняются и какие [исполняют] религиозные обряды — не известно и пока не может быть выяснено, так как москвиты не интересуются подобными вещами»².

Присоединение Сибири к Российскому государству и её освоение / заселение с самого начала рассматривались русскими как выполнение божественной миссии по принесению и распространению православного христианства на земли, где его изначально не было. Поход Ермака трактовался как божественная кара для «басурманского» ханства Кучума, а присоединение Сибирского ханства к владениям Москвы — как небесный дар русскому монарху.

¹ См.: *Слѣзкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: НЛО, 2008. С. 51.

² *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв.: Введение, тексты и комментарий. Изд. 3-е. Новосибирск: Наука, 2006. С. 222.

Так, согласно Строгановской летописи, «царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси подарова Бог Сибирское государство»³. Погодинский летописец утверждал, что Сибирь «Божьим повелением взята бысть»⁴. Считалось, что дальнейшее продвижение русских по Сибири полностью преобразило её, радикально трансформировав религиозный ландшафт. «...Солнце Евангелия землю Сибирскую осия <...> И Божиим повелением на мнозех местех поставишася грады и села, веси, в них же множество внутрения жителей православных пребывания быша <...> Всюду же по той земли благодать Божия излися»⁵. Однако при этом русские отнюдь не стремились обратить в православие сибирских аборигенов. Да, «иноземцы» могли принимать крещение, но только по личной инициативе и в индивидуальном порядке. Властями это никак не поощрялось (в значительной степени потому, что в этом случае «иноземцы» автоматически переходили в категорию «русских» и переставали платить ясак). Издавались указы, где подчёркивалась добровольность обращения. Последнее было связано с распространённой практикой «крещения в неволю» (то есть по сути обращения в рабство), с которой правительство пыталось бороться⁶. В целом же считалось вполне естественным, что «иноземцы» придерживаются своих собственных верований, которые, как отмечалось выше, не вызывали у русских особого интереса. В некоторых случаях они просто утверждали, что у коренных народов Сибири вообще нет никакой веры⁷.

В период правления Петра I отношение к Сибири и её коренному населению радикальным образом изменилось. Во-первых, началось комплексное изучение территорий за Уралом и их населения (географическое, этнографическое, археологическое, натуралистическое и т.д.). Во-вторых, стала осуществляться программа христианизации аборигенов. В-третьих, был выдвинут тезис о необходимости приобщения их к «цивилизации».

Царь также обратил внимание на Сибирь как источник разного рода диковинок — необычных зверей и птиц, растений, предметов

³ Летописи Сибирские / Сост. и общ. ред. *Е. И. Дергачёвой-Скоп.* Новосибирск: Новосиб. Кн. изд-во, 1991. С. 108.

⁴ Там же. С. 60.

⁵ Там же. С. 96, 98.

⁶ См.: *Фёдоров М. М.* Правовое положение народов Восточной Сибири. Якутск, 1978. С. 82.

⁷ См.: *Акимов Ю. Г.* Северная Америка и Сибирь в конце XVI — середине XVIII в.: Очерк сравнительной истории колонизаций. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2010. С. 263.

и людей. Типичным примером может служить «Память» туринско-му комиссару Степану Казимерову, которому в 1721 г. предписывалось покупать и отправлять в Санкт-Петербург через Тобольск «разных родов зверей и птиц живых, которые во удивление человеком, также и хрусталь самородный, который ломают глыбами», а также «мамонтовые роги» и «кость до последнего члена»⁸. Несколько раз Пётр лично приказывал доставить из Сибири «шаманов лучших, которые пользуют от болезней и будто угадывают» и «из тунгусского и из ламуцкого народов шитых рож»⁹ (то есть людей с лицами, татуированными путём прокалывания щёк).

Отправной точкой научного изучения Сибири при Петре I принято считать экспедицию Даниила Готлиба Мессершмидта, отправившегося туда в 1719 г. Значение этой экспедиции было очень велико. Изначально она мыслилась преимущественно как ботаническая, нацеленная на «изыскание всяких раритетов и аптекарских вещей, трав, цветов, корений и семян и прочих принадлежащих статей в лекарственные составы»¹⁰. Однако Мессершмидт вышел далеко за рамки данных ему изначально инструкций и исследовал не только растительный и животный мир Сибири, но и её географию, климат, памятники материальной и духовной культуры прошлого и настоящего, а также языки, обычаи и верования её жителей. Его интересовали «шайтаны, предметы из могильников, древние татарские рукописи» и многое другое¹¹. Он составил таблицу числительных на двадцати различных языках сибирских народов, проводил «опросы» населения на самые разные темы и т.п.¹² Мессершмидт впервые собрал сведения об эвенках, кетах, сулькупках, бурятах. Он описал их внешность, одежду, жилища, украшения, оружие, образ жизни и т.п.

Однако не следует забывать, что и до Мессершмидта за Уралом оказалось (хотя и не по своей воле) достаточно большое количество «иностранных наблюдателей» в лице шведских пленных. Их основную массу составляли солдаты и офицеры армии Карла XII, взятые в плен под Полтавой и у Переволочны. Для нас наибольший инте-

⁸ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. С. 292–293.

⁹ Там же. С. 365–366.

¹⁰ *Копанева Н. П.* Научное путешествие Д. Г. Мессершмидта как часть проектов Петра I по описанию Российского государства // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 47.

¹¹ Там же. С. 49.

¹² См.: *Новлянская М. Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970. С. 19.

рес представляет группа шведских офицеров, прибывших в 1711 г. в Тобольск. Саких офицеров насчитывалось около 800; их сопровождало не менее 200 женщин и детей. Специфика этой группы заключалась не только в том, что она была весьма многочисленной, но и в том, что в большинстве она состояла из хорошо образованных людей¹³. В Сибири пленники пользовались определённой свободой передвижения и могли наблюдать жизнь не только русских поселенцев, но и сибирских аборигенов. Некоторое количество шведов было отправлено в более отдалённые места, вплоть до Якутска (иногда — в виде наказания за какие-либо провинности).

Ещё В. Г. Бергман отметил, что «Для России долголетнее пребывание этих военнопленных принесло немалую пользу. Через них лучи просвещения проникли даже вглубь Сибири...»¹⁴. Действительно, многие пленные проявили себя как специалисты в самых разных областях: от организации производства до преподавания. Они на какое-то время коренным образом изменили облик Тобольска (не следует забывать, что в 1711–1721 гг. шведы составляли там около 10% населения).

Что касается интересующего нас сюжета, то в соответствии с западноевропейскими европоцентристскими установками того времени шведы смотрели на коренных жителей Сибири как на «язычников» и «дикарей», стоявших на низкой ступени развития. В то же время, по их мнению, эти «несчастные» «отсталые племена» подлежали изучению и «приобщению к цивилизации». Так, в записках Ф. Х. Вебера упоминается, что «полковник Сегенстрём, находясь в сибирском плену, вёл записки о том, что ему удалось увидеть. Он писал, <...> что на краю Сибири обитает народ, в религии которого он нашёл много общего с язычеством древних <...> Сегенстрём предположил, что сей народ происходит от готов»¹⁵. Письма шведских пленных были использованы анонимным автором книги «Наинouvelшее государство Сибирь, большая и ранее мало известной московитская провинция в Азии...», опубликованной в 1725 г.¹⁶ В ней

¹³ См.: *Главацкая Е., Торвальдсен Г.* Сибирский Вавилон: Шведские узники в начале XVIII в. // *Quaestio Rossica*. 2015. № 4. С. 221.

¹⁴ *Бергман В. Г.* История Петра Великого: в 6 т. 2-е изд. Т. 5. СПб., 1841. С. 36.

¹⁵ *Вебер Ф. Х.* Преображённая Россия: Новые записки о нынешнем состоянии Московии / Перев. и коммент. *Д. В. Соловьёва*. СПб.: Искусство—СПБ, 2011. С. 125. Э. П. Зиннер приводит несколько иной вариант перевода этой фразы и транслитерирует фамилию как Шенстрём. См.: *Зиннер Э. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и учёных XVIII века. Иркутск: Восточносиб. кн. изд-во, 1968. С. 71.

¹⁶ *Алексеев М. П.* Указ соч. С. 430–431.

содержались описания жизни и быта якутов, юкагиров, эвенков, башкир, калмыков и других народов.

Из всех произведений шведских пленных, так или иначе относящихся к Сибири, наибольшее значение имеют труды Филиппа Юхана Табберта фон Страленберга. В 1721–1722 гг. он участвовал в экспедиции Мессершмидта и имел возможность познакомиться с различными «землями, населёнными языческими народами»¹⁷. На составленной им карте было достаточно правильно показано расселение основных коренных народов Сибири и Центральной Азии. Страленберг также собрал большой материал по сибирской истории, географии, этнографии, который позднее лёг в основу его известной, хотя и не лишённой недостатков книги «Северная и восточная части Европы и Азии...»¹⁸.

Шведские пленные обратили внимание на необходимость христианизации аборигенов. Возможно, в определённой степени это было связано с той особой весьма строгой и напряжённой религиозной атмосферой, которая установилась среди шведского сообщества в Тобольске. Среди пленных было достаточно сильно влияние пиетизма, который, помимо прочего, придавал большое значение «просвещению язычников». Когда пиетист Курт Фридрих фон Врех основал в Тобольске шведскую школу, она позиционировалась в значительной степени как институция, нацеленная на подготовку будущих миссионеров. В переписке Вреха с европейскими пиетистами часто встречаются подробные описания язычества сибирских аборигенов, выдержанные в негативном ключе.

«Ужасно наблюдать, как остяки занимаются идолопоклонством. Они вырезают маленькие изображения различной формы, одевают их и помещают в маленький домик. Когда они потом приходят им поклоняться, они перед ними свистят, сжимая рот, как мы это делаем, когда хотим подманить собаку, и, если в охоте или рыбной ловле получили хорошую добычу, они жертвуют таким воображениям снасти, лук, стрелы, сети, топоры, привязывают их к жерди и ставят у домика. Когда наши люди, понимающие русский язык, говорят, что это грех молиться изделиям рук своих, а надо молиться живому богу на небесах, они дают ответ, что бог ни плохого, ни хорошего им не делает, а шайтан (так они называют нечистую силу) даёт им всё, что бы они от него ни потребовали...»¹⁹.

¹⁷ Новлянская М. Г. Филипп Иоганн Страленберг: Его работы по исследованию Сибири. М.; Л.: Наука, 1966. С. 42.

¹⁸ Её критику см.: Там же. С. 82–88.

¹⁹ Цит. по: Зиннер Э. П. Указ. соч. С. 73–74.

Как известно, ещё в самом начале своего правления Пётр I приказал сибирскому митрополиту Филофею Лешинскому (в схиме Фёдору) начать кампанию по обращению коренных народов Сибири в православие²⁰. В его первых указах и распоряжениях, сделанных на сей счёт, речь шла о том, чтобы аборигены к крещению приводились добровольно («исподволь», «своею волей»). Однако первые миссии, направленные к осяткам (т.е. хантам, кетам, селькупам) и вогулам (т.е. манси) в середине — второй половине 1700-х гг., успехом не увенчались. Также неудачей закончилась миссия архимандрита Мартиниана, прибывшего в 1705 г. на Камчатку²¹. В этой ситуации Пётр приказал переходить к насильственному крещению. В первой половине 1710-х гг. обращение язычников окончательно стало элементом государственной политики: миссионерам оказывалась разнообразная поддержка со стороны светских властей, новокрещенцам на средства казны выдавали подарки (рубахи или куски холста), им официально предоставляли льготы в уплате ясака, а упорствующим грозили суровые наказания. Это принесло определённые результаты. В 1712 г. состоялись первые массовые крещения. По широко распространённой (хотя и небесспорной) версии, к 1720 г. в Сибири в православие было обращено 40 тысяч язычников²².

Любопытно, что резкая активизация миссионерской деятельности русской православной церкви в Сибири в первой половине 1710-х гг. совпадает по времени с появлением там шведских пленных. Безусловно, прямую связь между этими событиями усматривать не стоит, однако косвенное воздействие последнего на первое вполне можно отметить. С одной стороны, русские власти в Сибири, как светские, так и духовные, возможно, опасались протестантской «конкуренции» и стремились не допустить даже гипотетической возможности обращения «инородцев» в протестантизм (хорошо образованные и настроенные в соответствующем ключе пиетисты вполне могли склонить их на свою сторону). Соответственно, это вынуждало русских перейти к практике массовых (и достаточно поверхностных) обращений. С другой — русские могли адаптировать некоторые элементы шведского религиозного опыта, а также

²⁰ См.: *Огрызко И. И.* Христианизация народов Тобольского Севера. Л.: Учпедгиз, 1941. С. 25.

²¹ *Слёзкин Ю.* Указ. соч. С. 70.

²² Об этом говорилось в благодарственной грамоте Петра I митрополиту Филофею, где царь благодарил его за успешное крещение «вогулицкого, остяцкого и кыштымов родов, числом 40 тысяч и более». См.: *Огрызко И. И.* Указ. соч. С. 39.

использовать пленных для нужд православных миссий. Так, по утверждению А. Сулоцкого, несколько шведов (правда, принявших православие, что было редкостью) участвовали в миссионерских поездках Филофея / Фёдора²³. Об участии в этих поездках «в свите» митрополита писал капитан Бернгард Мюллер, автор книги «Жизнь и обычаи остяков». Пленные (скорее всего оставшиеся лютеранами) также использовались в качестве надзирателей за новокрещёнными²⁴. Иными словами, определённый вклад в христианизацию сибирских аборигенов шведы, несомненно, внесли.

Также в этой связи можно обратить внимание на то, что основным очагом насильственной христианизации аборигенов при Петре стал район Тобольска — то есть место сосредоточения шведских пленнх. Именно там миссионерам предписывалось действовать наиболее жёстко («кумиры и кумирницы <...> пожечь» и т.п.), именно туда направлялись указы о выделении значительных средств. В других местах по-прежнему предпочтение отдавалось ненасильственным методам²⁵.

Конечно, свою роль здесь играли и другие факторы. В Тобольске, где находилась митрополичья кафедра и резиденция губернатора, было гораздо легче, чем в других местах, получить ресурсы для миссий. В случае возникновения каких-либо инцидентов и / или беспорядков власти оперативно могли прийти на помощь проповедникам и защитить их, что было весьма проблематично в отдалённых и тем более в пограничных районах.

Произошедший в петровскую эпоху переход к массовому обращению сибирских аборигенов в православие не означал смены их правового статуса и изменения отношения к ним. В отличие от практики предшествующего периода, новокрещёные оставались «ясачными иноземцами» и по-прежнему должны были платить дань. Вышеупомянутая «льгота» обычно означала освобождение от ясака на три года (в редких случаях — на больший срок, до 10 лет) и списание недоимок. Подтверждением их статуса было то, что их не брали в рекруты, и с них было запрещено взимать подушную подать²⁶.

Оценивая политику Петра по отношению к Сибири и её коренным жителям, прежде всего стоит отметить её прагматичный, раци-

²³ Сулоцкий А. Филофей Лешинский — митрополит Сибирский и Тобольский // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 20. М., 1854. С. 48.

²⁴ См.: Зиннер Э. П. Указ. соч. С. 92.

²⁵ См.: Огрызко И. И. Указ. соч. С. 30.

²⁶ Фёдоров М. М. Указ. соч. С. 87.

ональный и вместе с тем жёстко-бюрократический характер, общий для всей петровской эпохи. На наш взгляд, курс на обращение сибирских аборигенов-язычников в православие был продиктован, с одной стороны, соображениями пользы, прогресса и престижа, как их понимал царь-реформатор, а с другой — его подходом к вере и религии. В глазах Петра, язычество, было, во-первых, поклонением «нечистой силе», то есть прямым антиподом христианства как истинной религии. Во-вторых, синонимом отсталости и дикости народов, пребывающих в «слепоте идолослужения» и поклоняющихся «мнимым богам», тормозом их развития и, что немаловажно, также антиподом христианства — но теперь уже как религии, присущей цивилизации. В-третьих, язычество выступало в качестве барьера, отделявшего их от основной массы более прогрессивного населения империи²⁷. Соответственно, крещение язычников было одновременно богоугодным делом, шагом вперёд по пути прогресса человечества и развития цивилизации и мероприятием, приносящим пользу государству — улучшавшим его подданных, просвещавшим их и спасавшим их души. При этом в определённой ситуации государство могло действовать достаточно решительно и жёстко, проводя кампании по массовому обращению, а в другой — занимать осторожную, выжидательную позицию. Например, предпринятая в 1724 г. попытка крещения калмыков вызвала негативную реакцию петербургских властей, приславших инструкцию «склонять» их к православию только «учением и дачею»²⁸ без использования каких-либо силовых методов.

Наконец, ещё одним следствием петровской политики было изменение положения коренных народов Сибири в системе цивилизационных координат. До начала XVIII в. русские воспринимали сибирских «иноземцев» как «других», но не ставили их ниже себя с точки зрения уровня их развития (неважно, социального, технического, экономического или духовного). Теперь же постепенно стал утверждаться подход, при котором аборигены Сибири рассматривались как люди «дикие», «отсталые», «непросвещённые». Индикатором этого считались такие якобы присущие им качества и черты поведения, как грубость, невежество, глупость, несоблюдение моральных норм и приличий, грязь и вонь в жилищах. При этом присущие им положительные качества (честность, доброта, щед-

²⁷ Дальман Д. Сибирь: С XVI в. и до настоящего времени. М.: РОССПЭН, 2016. С. 148.

²⁸ Фирсов Н. Инородческое население прежнего Казанского царства. Казань, 1869. С. 135.

рость), кстати, отмечавшиеся в том числе и шведскими наблюдателями, впоследствии стали затухать. Такая перемена была, с одной стороны, следствием адаптации в петровской России идей поступательного развития человечества, его «восхождения от младенчества к “мужеству”»²⁹, а с другой — проявлением стремления подражать европейским колониальным империям нового времени с их «варварской периферией».

В заключение следует подчеркнуть, что петровская эпоха, безусловно, придала мощнейший импульс развитию Сибири, её освоению, изучению, просвещению и христианизации её аборигенов и т.п. В то же время она способствовала появлению в России нового взгляда на земли за Уралом и их коренное население, осознанию их «другости»³⁰, а это в свою очередь способствовало позиционированию нашей страны как части «просвещённого» европейского сообщества.

Библиография

1. *Акимов Ю. Г.* Северная Америка и Сибирь в конце XVI — середине XVIII в.: Очерк сравнительной истории колонизаций. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2010. 369, [1] с.
2. *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII—XVII вв.: Введение, тексты и комментарий. Изд. 3-е. Новосибирск: Наука, 2006. 501, [2] с.
3. *Бергман В. Г.* История Петра Великого: в 6 т. 2-е сжатое (компактное) изд., испр. и умнож. Т. 5. СПб.: В. Поляков, 1841. [6], 162, VIII с.
4. *Вебер Ф. Х.* Преображённая Россия. Новые записки о нынешнем состоянии Московии / Пер. [с фр.] и коммент. *Д. В. Соловьёва*. СПб.: Искусство—СПБ, 2011. 302, [2] с.
5. *Главацкая Е., Торвальдсен Г.* Сибирский Вавилон: Шведские узники в начале XVIII в. // *Quaestio Rossica*. 2015. № 4. С. 215—240.
6. *Дальман Д.* Сибирь: С XVI в. и до настоящего времени / [Пер. с нем. *В. А. Брун-Цехового*]. М.: РОССПЭН, 2016. 558, [1] с.
7. *Зиннер Э. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и учёных XVIII века. Иркутск: Восточносиб. кн. изд-во, 1968. 247 с.
8. *Копанева Н. П.* Научное путешествие Д. Г. Мессершмидта как часть проектов Петра I по описанию Российского государства // *Уральский исторический вестник*. 2016. № 2 (51). С. 44—52.
9. *Летописи Сибирские* / Сост. и общ. ред. *Е. И. Дергачёвой-Скоп*. Новосибирск: Новосибир. кн. изд-во, 1991. 270, [2] с.

²⁹ См.: *Слёзкин Ю.* Указ. соч. С. 68.

³⁰ См.: *Bassin M.* *Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century* // *American Historical Review*. 1991. Vol. 96, n 3. 1991, June. P. 766.

10. *Новлянская М. Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. 184 с.
11. *Новлянская М. Г.* Филипп Иоганн Страленберг: Его работы по исследованию Сибири. М.; Л.: Наука, 1966. 95 с.
12. *Огрызко И. И.* Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л.: Учпедгиз, 1941. 148 с.
13. Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб.: П. И. Дихачёв, 1885. XXIV, 541 с., XLII стб.
14. *Слёзкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: НЛО, 2008. 509 с.
15. *Сулоцкий А.* Филофей Лещинский — митрополит Сибирский и Тобольский // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 20. М.: В унив. тип., 1854. 56 с.
16. *Фёдоров М. М.* Правовое положение народов Восточной Сибири. Якутск: Кн. изд-во, 1978. 207 с.
17. *Фирсов Н.* Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. Казань: Унив. тип., 1869. [2], IV, IV, 447 с.
18. *Bassin M.* Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // *American Historical Review*. 1991. Vol. 96, n°3. 1991, June. P. 763–794.

Прот. Александр Витальевич Бергаш
(Германия – Россия)

*Настоятель церкви святых Царственных Страстотерпцев, г. Бремен,
научный сотрудник энциклопедического отдела
Института филологических исследований
Санкт-Петербургского государственного университета*

Церковное зодчество конца XVII – первой трети XVIII века Урала и Сибири: Общий обзор

Храмостроительство петровского времени, особенно в провинции, в том числе на Урале и в Сибири, нельзя считать хорошо изученным, хотя оно, по словам И. Л. Бусевой-Давыдовой, «в наибольшей степени выражает культурные интенции эпохи». Первым примером общероссийской систематизации памятников данного периода можно считать публикацию А. В. Кобака и Н. Л. Корсаковой¹. Следует отметить труды по архитектуре Урала и Сибири С. П. Заварихина, А. Ю. Каптикова, В. В. Кириллова, В. В. Косточкина, Л. К. Минерта², П. А. Тельтевского, Г. Н. Чагина. Особо выделяется глубокая обобщающая работа о зодчестве Сибири XVIII в. Л. К. Масиеля Санчеса³, которому хотелось бы выразить особую признательность. Впервые исследователь изучил в полной

¹ *Кобак А. В., Корсакова Н. Л.* Храмы петровской эпохи в истории русской архитектуры: 1680–1720-е годы // Труды Гос. музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 22. СПб., 2012. С. 3–19.

² *Минерт Л. К.* Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск, 1983.

³ *Масиель Санчес Л. К.* Архитектура Сибири XVIII века. М., 2017.

мере особенно важный для региона российский и зарубежный (включая «восточный») контекст. Церковное краеведение до 1990-х гг. находилось под фактическим запретом. Относительно новую публикацию такого рода И. В. Калининой о храмах Иркутской епархии нужно считать едва ли не лучшей среди региональных⁴.

Задачей настоящей статьи является обзор церковной архитектуры петровского времени на огромном пространстве Урала и Сибири, и на его основе — попытка нахождения общих влияний и закономерностей в зодчестве Востока империи. Важно предварительно ответить на вопросы, насколько новые столичные тенденции коснулись консервативной периферии; актуализированы ли были в церковной архитектуре региона в петровское время «внутренние» воздействия (Москва, Устюг Великий, Вятка, Нижний Новгород, Казань) и «западные» влияния — адаптированные через Украину или непосредственно привнесённые Петром в русскую архитектуру; значимо ли было в этой сфере соседство зарубежного Востока — географическое, как в Сибири, или символическое, как в Астрахани, ставшей «воротами» в Азию; отразился ли в храмостроительстве пафос освоения новых пространств и привели ли все эти факторы к формированию региональных школ.

Петровская эпоха в регионе примечательна началом каменного строительства, и первыми каменными зданиями были именно храмы, несмотря на запрет на каменное строительство вне Санкт-Петербурга в период с 9 октября 1714⁵ до 1729 г.

На Урале каменное строительство началось в конце 1670-х–1690-е гг. в Соликамском регионе: Соликамск лежал на главной тогда «Государевой Верхотурской дороге» в Сибирь⁶. Дорога вела с верховьев Камы к Чердыни и Соликамска, через Уральский хребет в Верхотурье, оттуда по р. Туре до Тюмени, затем по р. Тобол — до Тобольска, по р. Иртыш до Тары, затем по рекам Оби и Томи — к Томску и по Енисею и Ангаре к Иркутску. По этому пути и шло «архитектурное освоение» Урала и Сибири. Так Урал стал «соединительным поясом» европейской и азиатской России⁷. Уже после смерти Петра получил распространение более удобный, но до того времени опасный из-за нападений тюркских племён, южный путь

⁴ *Калинина И. В.* Православные храмы Иркутской епархии XVII — начало XX века. М., 2000.

⁵ Здесь и далее даты указаны по ст. ст. (юлианскому календарю). — *Прим. ред.*

⁶ *Кругликова Г. А., Корнилов Г. Е.* Историческое краеведение Урала. Екатеринбург, 2015. С. 180–183.

⁷ *Капников А. Ю.* Каменное зодчество Русского Севера, Вятки и Урала XVIII в. Свердловск, 1990. С. 8.

через Екатеринбург и Кунгур к Омску, Томску, Красноярску и Иркутску⁸.

Деревянные храмы Урала допетровского и петровского времени практически не дошли до наших дней. Исключение составляют клетские одноглавые Богородицкая церковь из с. Тохтарево Суксунского района (1694) и Преображенская церковь из с. Янидор (1702–1707)⁹, ныне в этнографическом музее «Хохловка» под Пермью.

Наиболее полно архитектура петровского времени представлена в Соликамском регионе¹⁰. Вероятно, первой каменной церковью на Урале стала Воздвиженская церковь в с. Верхне-Боровая под Соликамском, построенная в 1678–1691 гг. на средства солепромышленника И. И. Калинникова — кубический одноглавый храм с полукруглой апсидой, декорированный кокошниками. Соборная церковь в Соликамском Преображенском монастыре (1683–1690) — трёхчастная, с трапезной и притвором, над которым возвышается шатровая колокольня. Такая композиция получила широкое распространение в архитектуре XIX в. Подчинённая роль в монастырском ансамбле отведена одноглавой Введенской церкви (построена между 1684 и 1713) со скупым декором. Троицкий собор в Соликамске (1684–1697) представляет собой бесстолпный четверик на подклетке, опоясанный галереей, в которую ведут три крыльца. С восточной стороны её продолжением служат два придела. Его общая композиция перекликается с московскими и ярославскими церквями того времени, как и декор в формах узорочья, прежде всего, оконные наличники и обильно декорированные крыльца под крешатыми бочками и шатриками, с висячими гирьками, балясинами и полихромными изразцами, орнаментальными поясами поребрика и ставшего затем характерным для Урала (как и наличники с завитками) «жучка». В декоре прослеживается ордерная система. Оригинальны пятиглавие с расположением глав на восьмерике по сторонам света и первая на Урале пятигранная апсида. Рядом стоящая одноглавая зимняя Воскресенско-Рождественская церковь построена также в петровское время, в 1721 г. Аналогичный Троицкому собору декор имеет «узорочная» Богоявленская церковь (1687–1695)¹¹ с шатровой

⁸ *Масиель Санчес Л. К.* Указ. соч. С. 20–21.

⁹ *Чагин Г. Н.* На древней Пермской земле. М., 1988. С. 145–147.

¹⁰ См.: *Луканин А., прот.* Церковно-историческое и археологическое описание г. Соликамска. Пермь, 1882; *Косточкин В. В.* Чердынь; Соликамск; Усолье. М., 1988; *Чагин Г. Н.* На древней Пермской земле.

¹¹ *Пономаренко В.* Церковь Богоявления в Соликамске. Екатеринбург, 1997.

колокольной над притвором, включающая холодный храм и ассиметричный тёплый придел под луковичной главкой. Оригинально фасадное решение зимнего Крестовоздвиженского собора (1698–1709), построенного под влиянием «московского барокко»: отсутствуют кокошники, с помощью аркатурного пояса образованы «двойные закомары» с «подвешенными» гирьками, под «жучковым» поясом — пояс городчатых кронштейнов¹². Церковь во имя Нерукотворенного Образа Спасителя в Соликамске (1685–1691) — высокий двусветный двустолпный храм без трапезной, вытянутый по поперечной оси, с низкой трёхчастной апсидой, перекрытый коробовым сводом и завершённый пятью главами на круглых барабанах. К ней примыкает тёплая Михаило-Архангельская церковь (1712–1725), более скромная по своему убранству, с развитой трапезной.

Среди «допетровских» по формам Соликамских храмов выделяется 60-метровая восьмигранная столпообразная соборная колокольня, завершённая тремя ярусами кокошников «вразбежку» и высоким шпилем с шаровидной главкой (1713), который ассоциируется с архитектурой Нового времени. Она необычным образом поставлена на двухэтажные палаты с подклетом. К соликамской «школе» принадлежат также построенные в петровское время Троицкая церковь в Лёнве (Березники, 1688) и Никольская церковь в Пыскоре (1695), ктитория — солепромышленники Шустовы. Эти храмы, как и Преображенская соборная церковь, и Спасская церковь в самом Соликамске, имеют те же пропорции: растянутый вширь четверик с «утопленными» кокошниками, с низкой трапезной; их декор — допетровский¹³. Над небольшим кубовидным двусветным четвериком Троицкой церкви (ныне в аварийном состоянии), расположенном на низком сводчатом подклете, высился тонкий световой барабан с небольшой главкой. Стены четверика завершены полуциркульными кокошниками — по три с каждой стороны, под которыми (и под карнизом апсиды) проходил фриз из зеленоватого-голубых изразцов. Северная галерея оформлена поясом из квадратных ширинок. Колокольня и приделы обеих церквей — более поздние¹⁴.

Никольская церковь в Ныробе (1704–1705), селе, которое было местом ссылки Михаила Никитича Романова — трёхчастный храм с высоким, близким к кубу, основным двусветным четвериком, за-

¹² Капников А. Ю. Каменное зодчество Русского Севера... С. 41–47.

¹³ Масиель Санчес Л. К. Указ. соч. М., 2017. С. 80.

¹⁴ Косточкин В. В. Указ. соч. С. 155–156.

вершённым глухим пятиглавием, имеет насыщенный декор: колонки, наличники с «передовым» «нарышкинским» оформлением, аркатурно-колончатые пояса, пояса с кронштейнами и модульонами, «жучковый» орнамент¹⁵.

В петровское время на Урале был выработан тип двухэтажного храма с нижним тёплым приделом (Иоанно-Богословская монастырская церковь в Чердыни, 1704–1718; Успенский собор Далматова монастыря, 1707–1719, имеет «украинизмы» в декоре; Иоанно-Предтеченская церковь в Красном Селе, Соликамск, 1715–1728, уникальная по своей «вертикальной ориентации»). Вероятно, он восходит к архитектуре Великого Устюга, где тип церкви с нижним зимним и верхним летним «апартаментами» сформировался на рубеже XVII и XVIII вв. (Никольская церковь, 1682 — не ранее 1720-х; собор Иоанно-Предтеченского монастыря, ок. 1695; не сохр.; Христорождественская церковь, 1716–1729; не сохр.; всего с 1690-х до 1714 в городе построили не менее семи каменных церквей) и на Вычегде (Николо-Вознесенская церковь в Усть-Выми, 1711–1712, не сохр.; Христорождественская церковь погоста Цилиба, около 1714–1720-е /?/) ¹⁶. Несмотря на то, что, например, в Чердыни в 1718 г. для сооружения и украшения Иоанно-Богословского храма сибирским губернатором М. П. Гагариным «приглашались шведы, оказавшиеся на Урале в плену после Полтавской битвы 1709 г.»¹⁷, как эта, так и другие церкви выдержаны в стилистике не западноевропейской, а провинциальной русской архитектуры XVII в. Планировка церковью близка типу «корабля», обычно с колокольней над притвором (Чердынь, Красное Село), завершения основного объёма — в виде пятиглавия или восьмерика.

В 1720–1740-е гг. каменное строительство велось крупнейшими заводчиками края — Строгановыми и Демидовыми. Из их церковных сооружений наиболее значителен Спасо-Преображенский собор в Усолье (1724–1731), близкий Рождественской (Строгановской) церкви в Нижнем Новгороде. Его отличительные особенности — замена белокаменной резьбы фигурным кирпичом и восьмигранная столпообразная форма колокольни, что станет затем

¹⁵ Чагин Г. Н. На древней Пермской земле. С. 154–159.

¹⁶ Каптиков А. Ю. Архитектура Великого Устюга и каменное зодчество Русского Севера в XVIII веке // Академический вестник УралНИИпроект. 2012. № 2. С. 19–24. Церковь в Усть-Выми здесь ошибочно названа Воскресенской.

¹⁷ Чагин Г. Н. Чердынь и Чердынский край в первые века христианизации: XV — начало XVIII века // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2013. № 3 (23); Каптиков А. Ю. Каменное зодчество Русского Севера... С. 12–14.

характерным для Урала. Так называемое «уральское барокко» было распространено в местной архитектуре до конца XVIII в.

Петровская идея о перестройке в камне общественных центров новых городов Урала и Сибири стимулировала развитие каменного зодчества в этих регионах. Наиболее значимым ансамблем петровской эпохи на Урале стал кремль в Верхотурье, важном торгово-транспортном пункте на пути в Сибирь, построенный по петровскому указу в 1698–1712 гг. Центральное положение в нём занимает Троицкий собор¹⁸, встроенный в крепостную стену. Сооружённый в 1703–1710 гг. соликамскими мастерами, он продолжает традицию этой школы. Храм имеет трёхчастную композицию с шатровой колокольней над притвором, но венчающая часть основного объёма необычна: это восьмерик на четверике, завершённый пятиглавием, причём боковые главы расположены по сторонам света. Декор фасада напоминает о московском барокко: трёхчетвертные колонны, закрепляющие углы четверика и оформляющие оконные проёмы, имитируют ордер. Завершены наличники подобием антаблемента и двумя встречными завитками. Окна второго света — восьмиугольные. В отделке использованы изразцы, что не исключает участия московских мастеров. Николаевская соборная церковь в одноименном монастыре в Верхотурье (1712–1738, разрушена в 1936) — двусветный одноглавый четверик с обширной трапезной.

Распространение православия на восток, увеличение народонаселения требовали открытия новых приходов. Для храмостроительства Сибири особое значение имело учреждение в 1620 г. Сибирской и Тобольской епархии; а 15 декабря 1706 г., при Петре — Иркутского и Нерчинского викариатства в составе Тобольской митрополии. При Екатерине I, 15 января 1727 г., была учреждена самостоятельная Иркутская кафедра¹⁹. По заказу Тобольского митрополита Павла (1679–1692) были построены первые каменные здания Сибири, но ключевая роль в церковном строительстве принадлежала свят. Филофею (Лещинскому, в схиме Феодор), митрополиту с 1702 до 1727 г., при котором число храмов в епархии возросло со 160 до 448. Через Тобольск до 1782 г. осуществлялось и единое административное управление Сибирью из Москвы.

Доминирующим долгое время оставалось деревянное строительство. При колонизации востока опорными пунктами становились остроги по берегам рек, в деревянных башнях которых, обычно над

¹⁸ См.: Баранов В. С. Свято-Троицкий собор в г. Верхотурье. [Верхотурье], 1909; Тельтевский П. А. Троицкий собор в Верхотурье // Архитектурное наследство. Вып. 12. 1960. С. 169–178.

¹⁹ Калинина И. В. Указ. соч. С. 10, 12.

вратами, устраивались часовни. С 1630—1640-х гг. в Сибири известны первые деревянные церкви в острогах: Братском, Илимском, Верхоленском. При Петре в Сибири деревянное строительство интенсифицировалось. В Сибири встречались три типа деревянных храмов: клетские (Тихвинская церковь Вознесенского монастыря в Иркутске в виде высокого двусветного четверика под четырёхлотовым барочным куполом, 1691—1692, уничтожена в 1930-е; церкви Введенская, 1673 или 1696, уничтожена в 1949, и Рождества св. Иоанна Предтечи, 1704—1707, утрачена после 1940-х, в Илимске), шатровые (с 1640-х, Дмитриевская церковь Знаменского монастыря, 1703; первоначальная церковь святых Прокопия и Иоанна Устюжских, 1703; первоначальная Введенская церковь в с. Введенщина, около 1706, 1721), и наиболее редкий тип, не получивший распространение в Сибири — с завершениями в виде крещатой бочки (собор Селенгинского Троицкого монастыря, ок. 1690, первоначальная Спасская церковь в Илимске, ок. 1703, Богоявленская церковь в Верхоленске, 1718, разрушена после 1925)²⁰.

Исходным пунктом и центром каменного храмостроительства в Сибири в петровское время был Тобольск, в котором построили семь каменных церквей — больше, чем во всех других сибирских городах: Софийский собор (1683—1686), Преображенский собор Знаменского монастыря — пятиглавый, кубический, четырёхстолпный (1685—1691, не сохр.), надвратная церковь преп. Сергия (1686—1688, не сохр.), Богоявленско-Владимирская церковь (1690—1691, не сохр.); Троицкая церковь (1691—1694), Спасская (Преображенская) церковь (1709—1713, сохр. частично), Введенско-Николаевская церковь (1714, не сохр.). Три церкви были сооружены в Тюмени (Благовещенская, 1702—1708, не сохр., воссоздаётся с 2007; Троицкий монастырский собор, 1709—1715; трапезная монастырская церковь Сорока мучеников, 1717, не сохр.); две — в Абалаке (Знаменская соборная, 1683—1691, четырёхстолпная, пятиглавая, с декором, близким храмам Соликамска, и Троицко-Никольская, до 1720, сохр. частично). 47-метровый Софийский кафедральный собор в Тобольске²¹ ориентирован на столичные образцы больших пятиглавых четырёхстолпных кубических храмов: не случайно, зодчему было велено руководствоваться чертежами Вознесенского собора Московского Кремля²².

²⁰ Там же. С. 92—93, 215, 223—224, 255—263. Все вышеперечисленные храмы утрачены.

²¹ См.: *Заварихин С. П.* Ворота в Сибирь. М., 1981; *Он же.* В древнем центре Сибири. М., 1987.

²² *Кириллов В. В.* Тобольск. М., 1984. С. 55—63.

1680-е гг. были временем наибольшего распространения такого рода столпных храмов, причём не только в качестве городских и монастырских соборов, но и приходских церквей. Можно видеть сходство Тобольского собора как с Успенским собором Астрахани²³, так и с храмами Русского Севера — Каргополя и Нижнего Подвинья²⁴. В них присутствуют черты «нарышкинского стиля». Украинской архитектуре близки выстроенные по типу «восьмерик на четверике» Спаская и Введенско-Никольская церкви. Не вызвало поддержки в кругах исследователей мнение В. В. Кириллова о том, что «причудливые фронтонные завершения» живописных наличников 1-го яруса «с их зигзагообразным изгибом провисающих линий своим характером напоминают силуэтные завершения воротных и культовых сооружений Дальнего Востока, то есть восходят несомненно к местным азиатским истокам, тогда как в остальном декоре угадываются черты и древнерусской архитектуры XVII в., и стиля нарышкинского барокко». Исследователь отмечает в декоре характерные для петровской архитектуры «лучковые фронтоны на филенках» и восьмигранную филенку между окнами верхнего яруса восьмерика²⁵. Несомненна лишь близость этого храма церквям северо-востока Украины и Троицкому собору в Тюмени: возможно участие в постройке тобольских каменщиков мастера Матвея Максимова. В. В. Кириллов видит в декоре храма «раннее предвосхищение местного сибирского барокко», а С. П. Заварихин — «тобольского барокко», если понимать этот термин «с известной условностью, только как выражение повышенной декоративности стен»²⁶. Но содержание этих терминов нельзя считать раскрытым.

«Нарышкинские» черты в упрощённом варианте свойственны Благовещенской соборной церкви в Тюмени, построенной по образцу московской церкви Успения на Покровке (1696–1699, не сохр.) и собора в Верхотурье. Храм по типу «восьмерик на четверике» имел прямоугольную апсиду, трапезную и колокольню по цен-

²³ Савенкова А. И. Успенский кафедральный собор // Архитектурное наследство. Вып. 64. 2016. С. 19–35; Она же. Комплекс Успенского собора Астраханского Кремля // Вестник Московского гос. строительного ун-та. 2016. № 8. С. 7–24.

²⁴ Масиель Санчес Л. К. Указ. соч. С. 63–66; Брызгалов В. В. Строительство храмов в Двинской земле и Архангельской губернии в петровскую эпоху // Труды Гос. музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 22. СПб.: ГМИ СПб., 2012. С. 20–30.

²⁵ Кириллов В. В. Указ. соч. С. 53–63.

²⁶ Заварихин С. П. В древнем центре Сибири. С. 136–137; Масиель Санчес Л. К. Указ. соч. С. 89–91.

тральной оси, в декоре были применены изразцы. В Тюмени важнейшим комплексом петровского времени является Троицкий монастырь, по воле строителя митр. Филофея, в своей архитектуре максимально выразивший украинские влияния (частично сохранился). На сооружение монастыря владыка пригласил и соликамских мастеров, ранее трудившихся на постройке кремля в Верхотурье и в Тобольске²⁷. Троицкий собор — четырёхстолпный, завершён пятью грушевидными главами, расставленными по сторонам света, соответствует типу современных ему храмов Левобережной Украины. Типичный для Украины трапезный храм включал обширную, вытянутую с востока на запад, бесстолпную палату и небольшую церковь с крупными грушевидными главами над основным объёмом и алтарём²⁸.

В Иркутской епархии первыми каменными храмами стали Спасская церковь (1706—1710) и Богоявленский собор (1718—1746). С уральскими храмами этого времени их роднит продольно-осевое трёхчастное решение, применение фигурного кирпича и изразцового декора. Ярусный собор с шатровой колокольней над кубическим притвором построен по типу «восьмерик на четверике», ранее был завершён пятиглавием (ныне — одна глава) и напоминает верхотурский. Храм оформлен многоцветными, изразцами. Длительность строительства обусловила появление на фасадах барочного декора²⁹. Двухъярусная одноглавая Спасская церковь с главным высоким кубообразным бесстолпным четвериком, примыкающими к нему на одном уровне трапезной и апсидой восходит к типу архаичного посадского храма. Строил храм московский мастер М. И. Долгих, ранее работавший в Верхотурье и Тобольском Кремле. Главный объём — двухэтажный четверик, над притвором — ярусная колокольня³⁰. Церковь близка по архитектуре храмам Соликамска и Великого Устюга и сочетает допетровские и «нарышкинские» формы³¹.

Кроме Иркутска, в Восточной Сибири известны другие единичные постройки петровского времени: Троицкий собор в Якутске (1708—1727, частично сохранился), Троицкий собор в Нерчинске

²⁷ Каптиков А. Ю. Каменное зодчество Русского Севера... С. 15—16.

²⁸ Масиель Санчес Л. К. Указ. соч. С. 82—88.

²⁹ Калинина И. В. Указ. соч. С. 108—110; Полунина Н. М. Живая старина Приангарья. М., 1990.

³⁰ Калинина И. В. Указ. соч. С. 139—141; Полунина Н. М. Указ. соч.

³¹ Масиель Санчес Л. К. Указ. соч. С. 76—78; Баландин С. Н. Культурное каменное зодчество Сибири в XVIII веке. Новосибирск, 1994. С. 84.

(1717–1720, не сохр.); Богоявленский собор в Енисейске (1709–1712, сохранились фрагменты). Старейшая церковь Забайкалья — бывший монастырский храм Успения Пресвятой Богородицы в селе Монастырское (Калинино) Нерчинского района (1712). Трёхчастный храм с единственной сохранившейся в Сибири старой шатровой колокольней над притвором имеет основной объём в виде бесстолпного двусветного четверика, завершённый луковичным пятиглавием. Его близкие аналоги — церкви Соликамска, собор в Нерчинске и Спасская церковь в Иркутске (по предположению Л. К. Масиель Санчеса, они строились одной артелью М. Долгих)³², декор сочетает допетровские и «нарышкинские» элементы.

Таким образом, именно в петровское царствование было положено начало каменному зодчеству гигантского урало-сибирского региона, и шло постепенное, по направлению на восток, «освоение» архитектурными средствами «Большого Сибирского тракта». Строительство велось весьма интенсивно. Например, Соликамск представляет собой уникальный пример города, наиболее значимые постройки которого относятся к петровской эпохе. Петровский запрет на каменное строительство отрицательно сказался на его темпах в Сибири только к началу 1720-х гг. Активное «архитектурное освоение» Востока не подразумевало в те годы внедрения чертёжного проектирования — преобладали древнерусское артельное строительство по образцу и эволюционный путь смены архитектурных стилей.

Храмы Урала и Сибири, кроме Тобольска, в петровское время, при их достаточно высоком архитектурном качестве, преимущественно имели трёхчастную композицию и архаичный декор в стилистике зрелого XVII в., в те же годы в церковной архитектуре активно появляются черты «московского барокко» и украинизмы. А. Ю. Капतिकов подчёркивает господство в церковной архитектуре Урала храмов с развитой трапезной частью, которые он не очень удачно называет «трапезными», такого же типа, как в вятском регионе: бесстолпный четверик с тремя полуциркульными в плане апсидами, трапезная, иногда двухстолпная, и притвор с крыльцом³³. Почти все храмы Сибири бесстолпные и имеют завершение лотковыми сводами с одной световой главой. В их архитектуре очевидны

³² *Масиель Санчес Л. К.* Указ. соч. С. 79–81.

³³ *Капतिकов А. Ю.* Каменное зодчество Русского Севера... С. 29, 41. Автор приводит в качестве исключения пятиглавый с шатровой колокольней над притвором Благовещенский собор в г. Кунгуре (1700–1704, взорван в 1938). Но и он имел трёхчастный план с небольшой трапезной.

влияния архитектуры Москвы, Украины и Русского Севера, но, за редким исключением, отсутствуют прямые заимствования непосредственно из арсенала западноевропейского или восточного (а также и Санкт-Петербургского) зодчества. Зодчество региона иллюстрирует разрыв между новой столичной и провинциальной архитектурой, что является особенностью петровского царствования. Следует заметить, однако, что сторонние влияния укоренены более глубоко. Само по себе узорочье в посадской архитектуре XVII — начала XVIII в., по авторитетному мнению Л. К. Масиеля Санчеса, связано с восточными, например, персидскими, прототипами³⁴, а украинская архитектура, как известно, адаптировала западноевропейские черты. На русском Востоке заимствованные черты проявлялись опосредованно, через архитектуру Москвы и центральных регионов, затем — Великого Устюга, Урала и Предуралья, либо через артели украинских строителей, приглашённых их земляками — архиереями. Малозначительные «азиатские» элементы появились в храмовой архитектуре Сибири несколько позднее, возможно, и как воспроизведение орнаментов восточных тканей.

Совершенно справедливо, вслед за А. Ю. Каптиковым и Л. К. Масием Санчесом³⁵, говорить о «культурном единстве» Русского Севера, Вятки, Урала и Сибири — Русского Северо-Востока. Храмы были единственным репрезентативным типом каменных сооружений громадного по площади региона и, несмотря на катастрофические разрушения советского времени, составляют доньше основную часть его наследия.

Библиография

1. *Баландин С. Н.* Культурное каменное зодчество Сибири в XVIII веке: [Учеб. пособие]. Новосибирск: Новосиб. архит. ин-т, 1994. 120 с.
2. *Баранов В. С.* Свято-Троицкий собор в г. Верхотурье Пермской губернии: [К 200-летию со времени освящения сего собора]. [Верхотурье: Изд. авт.], 1909. 23 с.
3. *Брызгалов В. В.* Строительство храмов в Двинской земле и Архангельской губернии в петровскую эпоху // Труды Гос. музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 22. СПб.: ГМИ СПб., 2012. С. 20–30.
4. *Заварихин С. П.* В древнем центре Сибири: [Архитектура Зап. Сибири по Туре, Тоболу, Иртышу]. М.: Искусство, 1987. 191 с. (Дороги к прекрасному).

³⁴ *Масиель Санчес Л. К.* Указ. соч. С. 15–16.

³⁵ *Каптиков А. Ю.* Каменное зодчество Русского Севера...; *Масиель Санчес Л. К.* Указ. соч. С. 17–18.

5. *Заварихин С. П.* Ворота в Сибирь. М.: Искусство, 1981. 159 с. (Дороги к прекрасному)
6. *Калинина И. В.* Православные храмы Иркутской епархии XVII — начало XX века: Альбом посвящён 2000-летию христианства. М.: Галарт, 2000. 494, [1] с. (Материалы к Своду памятников истории и культуры России).
7. *Каптиков А. Ю.* Архитектура Великого Устюга и каменное зодчество Русского Севера в XVIII веке // Академический вестник УралНИИпроект. 2012. № 2. С. 19–24.
8. *Каптиков А. Ю.* Каменное зодчество Русского Севера, Вятки и Урала XVIII в.: Проблема региональных школ. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 181 с.
9. *Кириллов В. В.* Тобольск = Tobolsk. М.: Искусство, 1984. 239 с. (Архитектура и художественные памятники XVI — начала XX в.).
10. *Кобак А. В., Корсакова Н. Л.* Храмы петровской эпохи в истории русской архитектуры: 1680–1720-е годы // Труды Гос. музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 22. СПб.: ГМИ СПб., 2012. С. 3–19.
11. *Косточкин В. В.* Чердынь; Соликамск; Усолье. М.: Стройиздат, 1988. 178, [3] с.
12. *Кругликова Г. А., Корнилов Г. Е.* Историческое краеведение Урала. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «УрГПУ», 2015. 255 с.
13. *Луканин А., прот.* Церковно-историческое и археологическое описание г. Соликамска. Пермь: Тип. П. Ф. Каменского, 1882. 149 с.
14. *Минерт Л. К.* Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1983. 191 с.
15. *Масиель Санчес Л. К.* Архитектура Сибири XVIII века: Уч. пособие для академич. бакалавриата]. М.: Юрайт, 2017. 244 с. (Сер.: Бакалавр и магистр. Модуль).
16. *Полунина Н. М.* Живая старина Приангарья. М.: Искусство, 1990. 174, [1] с. (Дороги к прекрасному).
17. *Пономаренко В.* Церковь Богоявления в Соликамске. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. 48 с.
18. *Савенкова А. И.* Комплекс Успенского собора Астраханского Кремля // Вестник Московского гос. строительного ун-та. 2016. № 8. С. 7–24.
19. *Савенкова А. И.* Успенский кафедральный собор // Архитектурное наследие. Вып. 64. 2016. С. 19–35.
20. *Тельтевский П. А.* Троицкий собор в Верхотурье // Архитектурное наследие. Вып. 12. 1960. С. 169–178.
21. *Чагин Г. Н.* На древней Пермской земле. М.: Искусство, 1988. 175 с. (Дороги к прекрасному).
22. *Чагин Г. Н.* Чердынь и Чердынский край в первые века христианизации: XV — начало XVIII века // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2013. № 3 (23). С. 6–28.

Дмитрий Юрьевич Гузевич
(Париж)

Сотрудник Центра российских, кавказских и центрально-европейских исследований Школы высших социальных исследований

Ирина Давидовна Гузевич
(Париж)

Сотрудник Центра Мориса Альбакса Школы высших социальных исследований

Ж. Н. Делиль и карта-задание для Второй Камчатской экспедиции: «Бессовестный обман» или основа для открытий?¹

Мало какая географическая карта XVIII в. вызывала столько споров, проклятий и обвинений её автору, как карта Жозефа Никола Делиля, подготовленная им в 1731–1733 гг. для Второй Камчатской экспедиции (Илл. 1). Однако всё по порядку.

На берега Тихого океана русские землепроходцы вышли рано — в 1639 г. Казачий отряд Ивана Москвитина вышел в Охотское море в районе р. Ульи и проплыл морем на север до Охотска [73; 86].

Следующий прорыв — 1648 г., когда землепроходец Семён Дежнёв, совершая морское путешествие из Колымы в Анадырь, прошёл проливом между Азией и Америкой (ныне — пролив Беринга) мимо мыса, ныне носящего его имя. Однако в Москве об этом не то,

¹ Даты в статье даны по григорианскому календарю или (для событий внутри России) — дробью.

чтобы не знали (Дежнёв дважды бывал в Москве, был награждён чином атамана), но прочно забыли. И позднее, в Петербурге, об этом уже никто не знал и не догадывался: письменные донесения Дежнёва остались в архиве в Якутске, где их и нашёл в 1736 г. во время Второй Камчатской экспедиции академик Г. Ф. Миллер². Также в самом начале 1740-х гг., на «излёте» Великой Камчатской экспедиции были обнаружены дневники подштурмана И. Фёдорова, в 1732 г. исследовавшего пролив между материками и его острова. Вместе с двумя рапортами геодезиста М. С. Гвоздева 1741 и 1743 гг. они дали новую информацию о проливе (см. далее). Отсюда — исторический курьёз: на суше во время этой экспедиции по документам и свидетельским показаниям было дважды подтверждено наличие пролива между Азией и Америкой, хотя её морские отряды этим проливом не проходили.

Итак, ещё в первой трети XVIII в. государство не знало своих восточных и северо-восточных морских границ.

Напрямую вопрос «сошлася ли Америка с Азией» был поставлен перед русским монархом Петром I осенью 1697 г. в Амстердаме бургомистром города Николаасом Витсенем³. Последний заинтересовался проблемой ещё в 1660-х гг. и много лет отдал сбору информации о Сибири — части Северной и Восточной Тартарии, сведениям её воедино и созданию соответствующих карт: первое издание книги «Noord en Oost Tartarye <...>» вышло в 1692 г., второе, почти в два раза расширенное, — в 1705 г.⁴ А потому Витсен лучше, чем кто-либо понимал необходимость исследований восточных территорий Русского государства. В начале XVIII в. по сумме полученной информации он уже был уверен, что Азия и Америка не соединяются, но подходят близко друг к другу. Требовалось выяснить где и насколько близко. Следующим советником Петра по этому вопросу

² [74, с.32]. Реконструкция маршрута Дежнёва сделана М. Беловым, см.: [10]. Ныне его имя, как и имя Беринга, стало, выражаясь новоязом, «коммеморативным брендом», особенно важным для небольших городов, связанных с их именами (для Дежнёва это Великий Устюг, см., напр.: [98]; для Беринга — Хорсенс (Horsens) в Дании). Всплеск интереса к имени Беринга произошёл в 1990–1991 гг., когда праздновалось 250-летие открытия Аляски российскими моряками и одновременно отмечалось 250 лет со дня трагической смерти Беринга (см., напр.: [2; 35; 64]).

³ Подробнее на эту тему с богатой библиографией см.: [74]. Говорится также в [96].

⁴ Научное издание на русском (комментированный перевод с издания 1705 г.) вышло в 2010 г. [21].

оказался Лейбниц, в 1712 и 1716 гг. писавший Якову Брюсу и Петру I на эту тему письма⁵. Проекты отыскания свободного северного морского пути от устьев Двины и Енисея до Амура и Китая в 1713 и 1714 гг. подавал Петру его морской агент Ф. С. Салтыков, в 1712–1715 гг. проживавший в Англии⁶.

Если для Витсена и Лейбница вопрос носил научный характер, то для Петра не меньшее значение приобретали вопросы экономики и изучения богатств собственной земли: пушных и морских промыслов, руды, а также восточной торговли. Впрочем, идея, что на Курилах может быть серебряная руда, также принадлежит Витсену [74, с. 26].

После 1717 г., когда исход Северной войны стал очевиден, Пётр занялся организацией экспедиций по изучению Сибири. Причём чисто научная цель: узнать «сошлася ли Америка с Азией» иногда прикрывала другие, более прозаические цели. Так, по одной из версий, действовавшая под этим предлогом в 1719–1721 гг. экспедиция Ивана Евреинова и Фёдора Лужина в действительности занималась «обследованием Курильских островов и поисками морского пути в Японию» [99, с. 71], которая считалась «золотообильной». Впрочем, другая версия гласит: Евреинов и Лужин обследовали Курильские острова, ибо считалось, что Азия и Америка сближаются именно в этом районе (гипотеза, поддерживавшаяся Витсенем)⁷.

Вполне возможно, что имели место обе причины. Результаты экспедиции были засекречены [99]. Однако Пётр I считал полезным публично раскрывать ту часть информации, которая фиксировала приоритет России в открытии земель и, соответственно, в обладании ими российской короной.

Так, не позднее 1722 г. И. Евреинов и Ф. Лужин, положившие начало геодезической съёмке российского Тихоокеанского побережья, создали рукописную карту с довольно точным очертанием Камчатки и северной части Курильской гряды⁸. И уже в 1722 г. нюрнбергский картограф Иоганн Баптист Хоманн (Johann Baptist Homann), используя присланные ему Я. Брюсом по приказанию

⁵ [6, с. 388–389; 25, ч. 148, с. 336–337, 377–378, 384 (отд. отд., с. 149 и далее, с. 201 и далее); 74, с. 19, 25].

⁶ Л. С. Берг справедливо усматривал в этих идеях английское влияние [12, с. 9–10], за что был подвергнут резкой критике в эпоху борьбы с «низкоколонством перед Западом» [36, с. 22].

⁷ [74, с. 26]. См. также: [40, с. 148–152].

⁸ [5, п^o 58, с. IX, 40]. Илл. 2.

Петра I данные Евреинова и Лужина, издал карту «Камчадалии» (диптих, на левой части которого — новое очертание Каспийского моря. Илл. 3), которая в 1725 г. вошла в атлас Хоманна (точнее, его наследников, ибо сам картограф скончался в 1724 г.). На карте восточнее Камчатки была изображена безымянная земля, которая называлась то «Тетта Вореалис», то «Земля Жоана да Гама», то «Тетта Есонис» (она отсутствует собственно в рукописной карте самого Евреинова; расшифровки названий см. далее). Что дала экспедиция Евреинова и Лужина, можно проследить на двух картах Азии, созданных семейством Хоманнов: в начале XVIII в. и в 1730 г.: полностью изменены северо-восточные очертания Азии: появилась Камчатка и Курильские («Японские») острова, но восточнее всё равно присутствует «Земля Компании» — «Compagnie Land» (Илл. 4 и 5).

В отличие от Петра, его последователи не умели соединять закрытость одних сведений с широкой рекламой других. В целом же «географическая секретность» оказывала плохую услугу российской короне: последующие экспедиции мало что знали об исследованиях предшественников (ситуация начала меняться лишь во второй половине XVIII в.), а полученные данные скрывались в недрах архивов. Так произошло с экспедицией Даниэля Готлиба Мессершмидта (1685–1735), посланной Петром в конце 1718 г. для изучения богатств Сибири. Мессершмидт вернулся лишь в 1727 г., привезя огромные коллекции собранного и систематизированного материала (ботанические и зоологические, геологические, географические, этнографические, археологические и др.), которые у него были отобраны и заперты в хранилищах (значительная часть их погибла при пожаре Кунсткамеры в 1747 г.), а его 10-томный труд на латинском языке «Обозрение Сибири, или Три таблицы простых царств природы» так и остался в рукописи. Сам Мессершмидт, человек, открывший вечную мерзлоту, вскоре умер⁹. На его вдове в 1737 г. женился незадолго до того приехавший в Россию естествопытатель Георг Вильгельм Штеллер (1709–1746). Пожалуй, лишь он тогда основательно изучил материалы Мессершмидта, которые стали публиковать только в конце XVIII в. Об отрицательных последствиях секретности на международной арене скажем ниже.

Ситуация повторялась и с более поздними экспедициями. Официально они посылались с той же сугубо научной целью — проверить «сходятся ли берега американские с берегами Азии» (цит. по [99, с. 70]), а тайными, «особыми» инструкциями им дава-

⁹ О его экспедиции: [47, с. 89; 50; 51; 65; 93, с. 177–178; 94; 102, с. 6–15; 118; 127].

лись вполне экономические задания, ибо острова на востоке считались богатыми золотом, медью, серебром. Уже в тайной инструкции для первой экспедиции Беринга (Vitus Bering) ему предписывалось искать неосвоенные земли и приводить в подданство их население: «Токмо того накрепко остерегаться, чтоб в Американские и Азиатские такие места не зайти где уже владения европейских государей или китайского богдыхана и японского хана есть, чтоб не войти в подозрение и не открыть бы Камчатским берегам своим приездом пути, о котором они поныне неизвестны, а наипаче в нынешнем тамошнем малолюдстве чрез ту причину не заняли нужных пристаней» (цит. по [99, с. 72–73]). В указе от 17 апреля (ст.ст.) 1732 г. на отправку Второй Камчатской экспедиции уже ясно ставятся задачи хозяйственного освоения Камчатки (с требованием к сибирской администрации оказывать помощь в этом деле) и создания Дальневосточного флота: «<...> о строении тамо судов и прочих дел к государственной пользе и умножению нашего интереса» [79].

Расскажем предысторию появления на картах северной части Тихого океана таинственных земель, о которых мы упоминали. Возникали они на основании свидетельств (когда подлинных, когда мнимых¹⁰) различных путешественников. Так, в 1649 г. на картах благодаря португальскому картографу Тексейре возникла «Терра да Гама» («Terre de Gama») — земля, вроде бы увиденная португальцем Жуаном да Гамой. Затем к северо-востоку от Японии была обнаружена «Земля Иезо» («Terre D’Eso»); появились также открытые голландцами «Земля (остров) Штатов» и «Земля Компании» («Terre de la Companie»), и даже «Земля Гога и Магога». В 1643 г. голландский мореплавател Г. де Фрис (Maarten Gerritszoon de Vries) добрался до южной части Сахалина и принял западный берег «Земли Компании» (в действительности, о. Уруп) за берег Северной Америки, а пролив между «Землёй Штатов» и «Землёй Компании» — за легендарный пролив Аниан, разделяющий Азию и Америку¹¹.

¹⁰ Речь идёт о землях, вроде бы открытых моряком испанской службы греком Жуаном да Фука в 1592 г., и о публикации в 1708 г. свидетельств испанского адмирала Варфоломея де Фонте (Bartholomew de Fonte), который в 1640 г. вроде бы совершил плавание из Перу на север. Проблема их сомнительного характера тогда ещё не поднималась [4, с. 118–119; 40, с. 164; 54, с. 157–158]. О появлении на картах этих земель и пролива Аниан между континентами см. также: [12, с. 12–24; 18, с. 239–242; 74, с. 24; 99, с. 72].

¹¹ Появился на картах под влиянием описаний Марко Поло, то ли в 1561, то ли в 1562 г. (на карте Гастальди). Указан на итальянской карте Б. Зальтиери (1566) и на карте А. Ортелиа (1570). См. с указанием на литературу: [17, с. 13, илл.], а также [12, с. 20–22].

В результате географ французского короля Гийом Делиль (Guillaume de L'Isle) с полным основанием констатировал: «О северной части Тихого океана решительно ничего определённого сказать нельзя» (цит. по [99, с. 72]). На карте Азии, которую он делал в 1700 г. (Илл. 6), есть и «Terre d'Yесо» («Земля Иезо»), и «I<sle> des Etats» («Остров Штатов») и «Terre de la Compagnie» с припиской: «Coste découverte par Dom Jean de Gama allant de la Chine en la Nouvelle Espagne» («Побережье, открытое доном Жаном де Гама по пути из Китая в Новую Испанию»). Для самой «Terre de Gama», традиционно располагавшейся восточнее «Terre de la Compagnie», на карте места уже не нашлось. На его же карте «Carte de Tartarie» 1706 г. место было только для «Terre d'Eso ou d'Yесо», и она там обозначена (Илл. 7).

Первой российской экспедицией, которая должна была проверить наличие этих земель и доплыть до Америки, являлась Первая Камчатская экспедиция Беринга (6/17 февраля 1725 — 1/12 марта 1730)¹². Ей предписывалось идти на восток до американского берега и затем вдоль него на юг до первых городов, основанных европейцами (испанцами), зафиксировав факт присутствия русских на северной части американского побережья. Таким образом, экспедиция должна была искать морской путь в Америку, а не пролив между Азией и Америкой. Петра, в первую очередь, интересовало расширение российских владений на востоке. Выполни Беринг инструкцию царя, его экспедиция оказалась бы первым шагом к освоению русскими Калифорнии, и история этих территорий могла бы быть иной. Однако Пётр I, подписав 23.12.1724/3.1.1725 указ о снаряжении экспедиции, из-за болезни не успел переговорить с самим Берингом о её цели. Официальную же инструкцию «Об открытии соединения Азии с Америкой» капитан получил лишь 5/16 февраля 1725 г., из рук Екатерины I уже после смерти императора (28.1/8.2.1725) [78], да так её и не понял. А тайная инструкция Сената, требовавшего секретности и процитированная нами выше, способствовала этому непониманию. В результате Беринг, добравшись до Нижне-Камчатского острога и построив там весной 1728 г. судно «Гавриил-Архангел», поплыл прямо на север, к своему бессмертию, прошёл проливом, ныне носящим его имя, обогнул Чукотку и возвратился назад, не увидев из-за тумана ни берегов Америки (дойти до которой было его основным заданием), ни каких-либо островов (за исключением о. Св. Лаврентия к востоку от ЧУКОТКИ, на который вступил 10/21 августа 1728 г., и острова

¹² Передовой отряд покинул Петербург ещё 25.1/8.2.1725 [36, с. 44].

Диомиды в самом проливе) (Илл. 8). И вопрос о гипотетических землях к востоку от КАМЧАТКИ так и остался открытым. Детально вопрос об этой ошибке разбирает Б. П. Полевой¹³.

Летом 1732 г. подштурман Иван Фёдоров и геодезист Михаил Гвоздев на боте «Св. Гавриил», уцелевшем от экспедиции Беринга, обследовали пролив и дооткрыли острова Диомиды, которых оказалось два; подходили к американскому берегу, где видели жилые юрты, и открыли о. Кинг. Фёдоров умер на Камчатке от цинги в феврале 1733 г., а его дневник был обнаружен в самом начале 1740-х гг. в Охотске¹⁴.

В Петербурге решение Беринга плыть на север, а не восток, к Америке, признали ошибкой, не соответствующей инструкции покойного Петра, и приняли решение организовать новую экспедицию.

Вторая Камчатская (она же — Великая Северная/Сибирская) экспедиция длилась более 10 лет — с 1733 по 1743 г. Исследованиями занималось более 550 человек; вспомогательный состав достигал нескольких тысяч. В Архангельске, Тобольске, Якутске и Охотске для экспедиции строились суда, и с этой же целью под Якутском был построен Тамгинский железодельный завод. Экспедиция состояла из 9 отрядов: 7 — морских, один — речной и один академический сухопутный, подчинявшийся не Адмиралтейству-коллегии, а Академии наук. Весь северный берег был разбит на 5 блоков, на каждом из которых действовал один отряд¹⁵.

¹³ [74, с. 26–32]. Позиция Б. П. Полевого и её критика изложены также в [17, с. 53–57]. В целом об этой экспедиции см.: [6, с. 389–395; 8; 12, с. 83–115; 14; 17, с. 53–59; 24; 37, с. 42–69; 40, с. 163–164; 47, с. 98; 56, с. 93–97; 57, с. 18–20; 58, с. 339–341; 62, с. 82–89; 67; 68, с. 16–34; 72; 92, с. 343–344; 99; 102, с. 15–20; 106; 112, р. 8–107, 180–183; 116, vol. 1, р. 1–24]. Всего за две навигации 1728–1729 гг., проплыв вдоль северо-восточной оконечности Азии, экспедиция нанесла на карту 220 географических объектов [22, с. 79].

¹⁴ [58, с. 342]. Анализ событий и связанных с ними рапортов Гвоздева 1741 и 1743 гг. дан в [29]. См. также: [17, с. 59–62; 28, с. 114–224; 37, с. 77–88; 75]. Ефимов анализирует сведения, что какая-то информация о путешествии Гвоздева в 1730-е гг. была известна не только в России, но и в Европе [40, с. 170–182].

¹⁵ При описании Второй камчатской экспедиции, помимо работ, на которые даны конкретные ссылки, использовались также: [1, с. 129; 6, с. 395–407; 9, с. 17–29; 11; 12, с. 119–343; 14; 24; 29; 31; 40, с. 182–196; 43; 47, с. 101–105; 53, с. 24–25; 56, с. 97–101; 58, с. 338–348; 67; 72; 91; 93, с. 177–179; 96; 97, с. 96–104; 102, с. 20–30; 104; 106; 107; 112, р. 108–179; 113, р. 106–115; 116]. Описание деятельности отдельных отрядов, действовавших в морях Северного Ледовитого океана, см. в: [57, с. 4–6; 70; 105].

Подготовка картографической информации для Второй Камчатской экспедиции Беринга была возложена на академика Ж. Н. Делиля. Он создал в 1731 г. (существуют версии 1733 г.) «*Carte représentant la situation et la distance de la Tartarie Orientale iusquax <Sic> terres les plus voisines de l’Amerique<...>*» — карту северной части Тихого океана (Илл. 1) и в 1732 г. передал в Сенат «Записку о трёх разных путях, которыми надо следовать морем, чтобы открыть то, что остается неоткрытым» («*Mémoire sur les trois différentes routes à suivre par mer pour découvrir ce qui reste d’inconnu*») [109, р. 100]. Делиль отметил к югу от Камчатки земли Иедзо (Иессо; Идзу; *Terre D’Eso*), острова Штатов (*île des Etats*), земель Компании (*Terre de la Companie*) и де/да Гамы (*Terres vûes par Dom Iean de Gama*) и настаивал на проверке этих фактов [5, п^о78, с. 52], по-видимому, не очень им доверяя¹⁶. В отличие от всех уже упомянутых карт, карта Ж. Н. Делиля не является ни фиксационной, ни отчётной, ни маршрутной, ни репрезентативной. Это — карта-задание. А значит, на ней должны были быть собраны все вопросы, требующие решения, то есть, указаны все спорные земли для проверки их наличия и, ежели они будут обнаружены, то описания их очертаний. Именно поэтому только глубоким непониманием ситуации можно объяснить оценку её как «неверной карты»¹⁷ — если бы Делиль мог всё расписать заранее, то не требовалась бы экспедиция.

В отличие от Петра, Делиля мало интересовало присоединение к империи и хозяйственное освоение указанных островов, но их местоположение и картографирование (хотя вопросы залежей на них руды поднимались [56, с. 98]). Однако инструкция Петра, следовать которой требовало правительство, и интерес Делиля как географа полностью совпали с точки зрения маршрута экспедиции самого Беринга, которая должна была следовать от южной Камчатки не на север, а на восток, добираясь до американского побережья. Факти-

¹⁶ О сомнениях Делиля см.: [109, р. 100] со ссылкой [112, р. 136].

¹⁷ [56, с. 98]. Близко в [40, с. 164]. А в [92] эта карта, явившаяся основой для прокладки тихоокеанских маршрутов экспедиции, просто проигнорирована. Интересная оценка ей дана как бы «мимоходом» в «Кратком историческом очерке» АН СССР, где авторы старались максимально положительно оценивать деятельность академиков, но сути карты тоже не поняли: «В 1731–1732 гг. по поручению Сената им <Ж. Н. Делилем. — Д. Г. и И. Г.> для Второй Камчатской экспедиции была составлена карта Сибири, пограничных с ней стран, оказавшаяся, однако, очень несовершенной» [49, с. 63]. Приходится признать, что это одна из самых положительных характеристик этой карты в отечественной историографии, если не считать стоящего изолированно мнения А. И. Андреева [4, с. 69], прекрасно разобравшегося в проблеме.

чески, Делиль настаивал на завершении исследовательской программы, поставленной Петром за 8 лет до этого по выявлению земель между Камчаткой и Америкой и выяснению, насколько близко в этом месте континенты подходят друг к другу (отчасти это и научное завещание его старшего брата, Гийома Делиля, умершего в 1726). Сенат отменил (16/27.2.1733) лишь пункт инструкции Петра I, требовавший дойти вдоль американского берега до «городов европейских». Более того, очередная проверка пролива между Чукоткой и Америкой была возложена не на отряд Беринга, а на другой, который шёл по берегу Ледовитого океана от устья Лены на восток¹⁸.

Прибыв в конце лета 1737 г. в Охотск — поселение на восточном берегу Охотского моря, Беринг основал там верфь (чем был дан толчок развитию города) и занялся строительством кораблей для нескольких отрядов.

Отряд капитана Мартына Шпанберга вышел из Охотска в июне 1738 г. на трёх судах: гукоре «Архангел Михаил», дубель-шлюпе «Надежда» (командир Вилим Вальтон) и палубном боте (командир Алексей Шельтинга); к 1739 г. в Большерецке на Камчатке было построено ещё одно. Отряд в 1738–1739 гг. занимался исследованием Курильских островов, вышел на восточный берег Сахалина, достиг Японии¹⁹.

В 1740 г. экспедиция основала на Камчатке на берегу незамерзающей Авачинской бухты город, куда прибыли, выйдя из Охотска 8/19 сентября 1740 г., два 14-пушечных пакетбота — «Св. апостол Пётр» (командовал сам Беринг) и «Св. апостол Павел» (командир — Алексей Чириков). Они перезимовали в бухте и 4/15 июня 1741 г. вышли в океан. По именам кораблей город получил название Петропавловска. Ныне это Петропавловск-Камчатский и база Дальневосточного флота России.

Беринг и Чириков пошли на восток, к Америке и в поисках Земли да Гама (Илл. 8). На «Св. Петре» был также естествопытатель Георг Стеллер (Штеллер)²⁰, а на «Св. Павле» — старший брат Жозефа Николя, астроном Луи Делиль де ла Кройер. Пакетботы уже 20.6/1.7.1741 потеряли друг друга из-за непогоды и далее шли по-

¹⁸ [36, с. 75–76, 80; 74, с. 31].

¹⁹ [5, н°104–106, с. 70–72; 58, с. 347–348; 99, с. 73]. Илл. 9.

²⁰ Практически исчерпывающая на 1997 г. библиография опубликованных работ Стеллера (они все связаны со Второй Камчатской экспедицией) и работ о нём, а также анализ этой библиографии содержится в брошюре Э. И. Колчинского [48].

одинокке. Ла Кройер, опираясь на составленную братом карту, требовал неукоснительного соблюдения начального задания (чем вызывал отрицательное отношение к себе членов экспедиции). В результате удалось выяснить, что никакой обширной Земли да Гама не существует, но чуть выше её гипотетических южных берегов располагается целый архипелаг (Алеутские острова), которые корабли открыли, в основном, уже при возвращении. Поиски потребовали много времени, и до Американского берега добрались только через полтора месяца. «Св. Павел» пришёл на сутки раньше, чем «Св. Пётр». Но Чирикову высадиться на берег не удалось: бот и шлюпка, посланные в ходе двух попыток, не вернулись, и погибли (или пропали без вести) 15 человек.²¹ На Камчатку возвратились уже осенью. Многие участники погибли от цинги, остальные были больны. Делиль де ла Кройер, который уже на 27.9/8.10.1741 был «жестоко одержан цынготною болезнью», как сказано в судовом журнале [57, с. 343], умер в 10 часов утра 10/21 октября 1741 г., когда корабль прибыл в Авачинскую бухту, при сходе на берег — видимо, не выдержало сердце: «Астрономии профессор де ла Кроер жестоко цынготною болезнию умере» [57, с. 362]²².

Беринг был осторожнее: шёл вдоль берега четверо суток, пока не нашёл безопасное место, каковым оказался о. Кадьяк (Кыктак, на местном языке Qikertaq, ныне Kodiak). Стеллер, участвовавший в высадке, дал первое описание природы этой части Америки. При возвращении «Св. Пётр» оказался менее удачлив: он смог добраться 4/15 ноября 1741 г. лишь до необитаемого острова (ныне о. Беринга), входившего в архипелаг из 4-х островов (ныне Командорских — также в честь капитана-командора Беринга). Там остались на зимовку. 8/17 декабря 1741 г. Беринг скончался. От цинги и истощения погибли не менее 30 членов экипажа²³. Оставшиеся в живых 46 человек под командованием лейтенанта Свена Вакселя сумели из разрушенного пакетбота построить бот и в августе 1742 г. добраться до Камчатки.

²¹ Их судьба непонятна. Есть две версии: гибель при проходе рифов и водоворотов; убийство или плен моряков аборигенами — тлинкитами (что скорее) [12, с. 280; 17, с. 63–64; 36, с. 163–168; 37, с. 157–158; 57, с. 51–61; и др.]. Их имена приведены в [57, с. 61].

²² О его кончине см. также: [12, с.284; 45; 55, с. 485; 57, с. 88; 60, с. 104; 61, с. 657].

²³ О поисках в наше время следов его экспедиции, реконструкции его портрета, установке памятников и различных мемориальных мероприятиях см.: [2; 3; 23; 44; 66; 80–84; 89; 90; 103; и др.].

С открытием Командорских островов связана настоящая экологическая катастрофа в этом районе. Осенью 1741 г. около островов было обнаружено и описано Стеллером неизвестное ранее эндемичное для этих мест морское млекопитающее — стеллерова корова (*Rhytina stelleri*). Этот огромный родственник дюгоней весом до 5 тонн и длиной до 7–8 метров исчез с лица земли или, точнее, поверхности моря, за 27 лет с момента открытия: в 1768 г. промысловики убили последний экземпляр. И оказалась разрушена целая экологическая система. Водоросли, которые ранее поедала морская корова, начали разрастаться, образуя сплошные заросли. В результате уменьшилась численность морских ежей, составлявших основную пищу для каланов — «морских бобров», или «морских выдр». Они ушли из этого района, а частично были истреблены промышленниками. Осложнилась охота на рыб для стеллерова баклана, что способствовало его вымиранию (полностью исчез к 1852 г.). Сплошные заросли водорослей привели к застою прибрежных вод и вызвали бурное «красное цветение» и «красные приливы» размножившихся и ядовитых одноклеточных водорослей. Их яды, среди которых есть более сильные, чем кураре, накапливались в теле моллюсков и по пищевой цепочке доходили до рыб, каланов и птиц, приводя к их гибели.

Однако вернёмся к картам. Русские моряки (в первую очередь А. И. Чириков, который хотел идти на север, а не на восток, а также лейтенант Свен Ваксель) были крайне недовольны необходимостью искать несуществующие земли, считая, что корень несчастий экспедиции кроется именно в карте Делиля. Судя по запискам Вакселя, опубликованным в русском переводе в 1940 г., он впервые услышал о ней на совете 4 мая (ст. ст.) 1741 г. в Авачинской бухте в день отплытия в океан, да так и не понял её сути²⁴. Он писал позднее: «<...> упомянутая карта была неверной и лживой, ибо в противном случае мы должны были бы перескочить через землю Хуана де Гамы. В этой карте я нахожу столько же истины, сколько в известии о мифической стране Иездо²⁵ <...>. Было бы, однако, честнее сперва исследовать на самом деле такие неизвестные земли, прежде чем широко осведомлять плавающих об открытии берегов

²⁴ Гневный текст Вакселя, посвящённый карте, и протокол совещания от 4 мая 1741 г. (ст. ст.) см. в: [19, с. 54–56, 161–162]; протокол опубликован также в: [36, с. 128–130]. Оригинал записок Вакселя — на немецком языке. Обширные цитаты в [68, с. 127–129].

²⁵ «Страна Иездо» — это остров Хоккайдо, который мифическим не является никак, просто очертания части его берегов окончательно выяснил лишь И. Ф. Крузенштерн.

земли Иездо или земли де Гамы²⁶ <...> кровь закипает во мне всякий раз, когда я вспоминаю о бессовестном обмане, в который мы были введены этой неверной картой <...>. По вине этой карты почти половина нашей команды погибла напрасной смертью» [19, с. 56].

В результате в историографии гибель Беринга и значительной части её участников (среди них Делиля де ла Кройера) регулярно ставили и до сих пор ставят в вину Ж. Н. Делилю²⁷, а К. Кюнтцель-Витт договорилась до того, что его суждения «едва не привели к неудаче 2-й Камчатской экспедиции» [54, с. 158], забывая, что карта Делиля, как мы уже говорили, являлась картой-заданием, выполнение которого Сенат поставил в качестве одной из двух главных целей собственно Камчатской части экспедиции, а с позиций очередности — первой по исполнению²⁸: надо было проверить наличие изображённых на ней земель, а не использовать эти изображения для прокладки других маршрутов. Знаток вопроса и публикатор записок Вакселя, А. И. Андреев писал: Делиль — автор «той карты северо-восточной Азии, которая была дана для руководства Берингу и которая в своё время участниками плавания к берегам Америки считалась едва ли не главной причиной всех их несчастий. Нет надобности отмечать всю необоснованность обвинений, которые были возведены на этого крупного исследователя его русскими современниками; они хорошо опровергнуты в одной из работ проф. Гольдера»²⁹.

Если брать экспедицию в целом, то на основе её материалов были составлены 62 карты Сибири, Камчатки, Северной части Тихого океана и западного побережья Америки к северу от Калифорнии; была составлена опись берегов Ледовитого океана от Новой Земли до Колымы; собраны материалы по истории, экономике, флоре, фауне, геологии, климате и народам, населявшим Сибирь и Камчатку.

В этом контексте история с картой Делиля представляется, на первый взгляд, локальным событием. В действительности же, если

²⁶ Но «плавающим» как раз и было поручено исследование этих «неизвестных земель»!

²⁷ Напр.: [5, с. 52; 33, с. 129; 34, с. 341–342; 76, с. 20; 95, с. 176].

²⁸ Из указа Сената: «Чтоб в вояж сперва шли по предложению и мнению профессора Делиля» (цит. по [37, с. 128]). Поэтому утверждение Н. Н. Болховитинова «<...> на этой карте были нанесены и некоторые несуществующие земли “Компании”, “Жоао де Гама” и другие, что привело к напрасным поискам, к потере ценного времени и затруднило выполнение основной задачи» [16, с. 18; 17, с. 63] не имеет под собой никакого основания, ибо основных целей было две. Просто достичь их за одну навигацию было сложно.

²⁹ [4, с. 69], со ссылкой на: [117, р. 183–184, 212–213].

смотреть с точки зрения Тихоокеанского региона, она имеет перво-степенную важность. Желание обвинить «вредителя» и «французского шпиона», каковым считают Ж. Н. Делиля в отечественной историографии, полностью затушевало признание за Второй камчатской экспедицией одного из её важнейших географических результатов: «стирание с карты» или, точнее, нахождение прототипов спорных земель. Было выяснено, что все четыре земли, — Иедзо, Штатов, Компании и да Гамы — имеют прототипы или отражают наличие в этих водах более мелких по размерам островов: Курильских, северной части Японских и Сахалина (первые три земли) или Алеутских (земля да Гамы). Так, обширная Земля Компании — это нынешний значительно более компактный о. Уруп южной группы Большой гряды Курильских островов, а Иедзо (Иезо, Езо, Ессо, Эдзо) — это о. Хоккайдо, который именем Ессо называл в своих записках ещё И. Ф. Крузенштерн, в 1805 г. занимавшийся исследованием западной части о. Хоккайдо³⁰. Но если Курильская гряда была всё-таки известна ранее, то Алеутский архипелаг, точнее, Командоро-Алеутская гряда была открыта Второй Камчатской экспедицией именно в ходе поисков земли Жуана да Гамы. Не исключаем, что именно эти острова внук Васко да Гамы мог видеть в своё время, но посчитал, что это большая земля. И до лета 1741 г. было непонятно, что это: остров (если да, то каких размеров), острова или полуостров, примыкающий к северной части Калифорнии? Оказалось, что цепь островов — архипелаг, гряда, — примыкающих к материку через полуостров Аляска значительно севернее Калифорнии. Ну так перед нами открытие того же уровня, что и открытие самой Аляски.

Вместо этого Делиля обвиняют в смерти Беринга: «Делиль в 1747 г. <... забыл> о недавней гибели Беринга и своём участии в ней <...>»³¹, а его брата — в возможном вредительстве: «Указания этого невежды и пьяницы³², не лишённые на деле, по всей вероятности, злого умысла, являлись для Беринга обязательными» [36, с. 128]. Другими словами, «антиделилевцы»³³ подменили понятия. По их

³⁰ Подробнее см.: [63, с. 214–222].

³¹ Строки историка картографии С. Е. Феля [95, с. 176].

³² Последняя характеристика восходит к Г. Ф. Миллеру, не любившему де ла Кройера. Судя по всему, тот во время путешествия на корабле действительно потреблял много спиртного для уменьшения цинготных болей и, по-видимому, в качестве прямого лекарства: водочные настойки на травах известны как народное средство при цинге.

³³ Парадокс в том, что такую позицию можно рассматривать как целое направление в советской и российской историографии. У него много

мнению, Ж. Н. Делиль в задании для экспедиции должен был указать то, что могло стать лишь её результатом, а Л. Делиль де ла Кройер не должен был настаивать на исполнении указания Сената, являвшегося законом.

Что касается участников экспедиции, то их недовольство понятно: они потратили силы и жизни товарищей не на открытие новых крупных земель, а на выявление отсутствия оных, то есть на получение отрицательного результата. В науке он тоже результат, но не имеет внешнего блеска. Открытие мелких необитаемых островов они, по-видимому, компенсацией за усилия не считали. При этом очевидно наличие глухого непонимания между автором исследовательской программы, составителем карты Ж. Н. Делилем и проводником его идей Л. Делилем де ла Кройером, с одной стороны, и офицерским составом экспедиции, с другой. Причём Сенат доводы Делиля понял прекрасно и, как мы только что сказали, дал указание выполнить его программу, что следует из Сенатского указа от 21 февраля 1733 г.³⁴ Думаем, что очень серьёзную роль в этом непонимании между академиками и моряками сыграла уже упоминавшаяся

приверженцев — Л. С. Берг, В. В. Глушков, Е. В. Гусарова, В. А. Дивин, А. В. Ефимов, П. Л. Калмыков, Д. М. Лебедев, А. Л. Мусихин, А. В. Постников, С. Е. Фель и др. (см.: [5; 12, с. 128–129; 15, с. 91; 27; 33; 34; 36; 38; 40; 41; 45; 54; 56; 76; и др.]); ситуация была проанализирована нами в статье 2014 г. [32]). В отношении Камчатской экспедиции позиция этой группы концентрированно сформулирована В. А. Дивинным: «По фальсификации истории и значения великого открытия Чирикова много сделал французский географ и шпион Жозеф Николя Делиль, служивший в России с 1726 по 1747 год в качестве “научного консультанта”. Он, в частности, выкрал журналы и карты экспедиции Беринга и Чирикова и выпустил в Париже брошюру под названием “Объяснение к карте новых открытий на севере Южного моря” <...>. Честь первооткрытия северо-западной Америки Ж. Делиль нагло приписывал своему брату Делилю де ла Кройеру, находившемуся во время плавания 1741 года на корабле Чирикова “Св. Павел”. Это тем более возмутительно, что истинная роль Делиля де ла Кройера была совсем иной: он только и делал, что сильно вредил русской экспедиции да пьянствовал. Ж. Делиль своими “трудами” ввёл в заблуждение многих учёных. Именно поэтому Вольтер, пользовавшийся при написании истории России времён Петра I материалами Ж. Делиля, не назвал даже имени Чирикова» [36, с. 19]. Опровергать здесь надо каждый пассаж. Укажем лишь на два из них, наиболее фантастических: Делиль в принципе не мог украсть журналы и карты экспедиции Беринга и Чирикова, ибо журналы в 1754 г. (когда Делиль уже 7 лет жил во Франции) были из Петербурга отосланы в Иркутск [57, с. 27], ну а карты остались в Петербурге; имя Чирикова с большим уважением упоминается 7 раз на 12 страницах текста самого Делиля в Большюре [111], о которой пишет Дивин, и все претензии надо предъявлять Большюру, а не автору брошюры.

³⁴ В ПСЗ-1 отсутствует. Текст приведён в [19, с. 161].

ся и доведённая до абсурда секретность: как следует из записок Вакселя, программа экспедиции была сообщена морякам лишь в день отплытия, а до того исполнители исследовательской программы даже не представляли, что им придётся по ней делать. И им никто не объяснил необычный характер карты, оказавшийся непривычным для российских моряков. А после часа совещания (говоря о котором, не надо забывать и языковые проблемы) германофон Ваксель, оставивший о нём воспоминания, и франкофон де ла Кройер взошли на разные корабли и больше никогда в жизни не общались, а, значит, один от другого получить разъяснений не мог в принципе³⁵. Но отсюда следует, что программой должен был быть недоволен, да и не очень её понимал, и сам Беринг, если он не разъяснил офицерам (хотя бы тем, кто был с ним на одном корабле) её смысл. Для него это был, скорее, приказ, не подлежащий обсуждению. То есть, обе экспедиции Беринга в их морской (тихоокеанской) части прошли под флагом полного непонимания между теми, кто давал задания, и теми, кто их выполнял.

Так же понятно, почему должен был рваться на север Чириков, в 1728 г. вместе с Берингом прошедший в полусотне вёрст от берега Америки, да так её и не открывший. И тоска об «убежавшей славе», находившейся совсем рядом, у него должна была быть, тем более, что сейчас он сам командовал кораблём, а Беринг плыл на другом. Как следует из записки Чирикова 1733 г., он уже тогда представлял, что они с Берингом упустили в 1728 г. Тем более, он это должен был понимать весной 1741 г. Достаточно было одних слухов, которые циркулировали вокруг экспедиции Фёдорова и Гвоздева 1732 г. (даже если Чириков и не видел новонайденных документов). К тому же сам Гвоздев оказался задействован в Великой Камчатской экспедиции. С другой стороны, его экспедиция с Фёдоровым не оставила после себя карт и в этом смысле оказалась незавершена. Таким образом, Чириков мог рассчитывать стать первым, кто положит на карту американские берега. И если расстояние до другого континента к востоку от Камчатки было совершенно неизвестно, то американский берег к востоку от Чукотки был вполне достижим за одну навигацию³⁶, а де ла Кройер не давал догнать славу, заставляя

³⁵ В то же время есть работы, в которых Берингу приписывается инициатива организации второй Камчатской экспедиции именно для изучения Алеутских островов, увиденных им ещё во время первой экспедиции; см., напр.: [62].

³⁶ См., напр., у В. А. Дивина при рецензии работы Д. М. Лебедева о А. И. Чирикове: «Чириков не был введён в заблуждение этой картой <Делиля. — Д. Г. и И. Г.> и ещё до бесплодных поисков этого острова доказывал, что земли де Гама на самом деле не существует. Чириков точно определил, в каком направлении

стирать с карты гипотетические земли (или, наоборот, находить вместо них малые пустынные острова). Было отчего придти в ярость. Вряд ли отношения между Делилем де ла Кройером и офицерами могли быть в данной ситуации доброжелательными. И если при этих условиях экспедиция выполнила программу по «стиранию с карты» гипотетических земель, то это во многом благодаря упорству де ла Кройера. В отечественной историографии непреложным фактом признаётся, что он попал в экспедицию «по протекции брата»³⁷. Ну что ж, значит Жозеф Николя знал, что делал, и де ла Кройер свой научный долг выполнил, заплатив за него жизнью.

Отметим, что земли Иедзо, Staaten Eyland (остров Штатов), Компании (само название не указано) и да Гамы присутствуют и на генеральных картах России 1733 и 1734 гг. Ивана Кирилова³⁸, что подтверждает факт господства этих воззрений в ту эпоху. Однако нам не встретилось в российской историографии ни одного упрека по этому поводу к русскому картографу, возможно, потому что он — русский.

В 1745 г. Академия наук издала гравированный «Атлас Российский <...>», в создании которого Ж. Н. Делиль принимал участие (вместе с Леонардом Эйлером, Готфридом Гейнзиусом (Gottfried Heinsius) и др.) и даже сам его преподнёс Академической конференции 2/13 сентября 1745 г.³⁹ В атласе находилась «Генеральная карта Российской империи» (Илл. 11), на которой кардинальным образом было изменено изображение территорий в Тихом океане по сравнению с картами Кирилова: на основании данных Шпанберга и Вальтона изображены Курильские острова, а гипотетические земли исчезли. Отсюда следует, что материалы этой части экспедиции быстро прибыли в Петербург и попали в Академию наук. Но очевидно, что другие материалы до неё ещё не дошли, ибо Генеральная

следует искать Северо-Западную Америку. Он уверенно говорил, что Америка «не весьма далече от Чукоцкого восточного угла угла, лежащего в 64 градусах» [38, с. 126] (то же — в [36, с. 81]). Перед нами два принципиально разных уровня понимания науки. Чирикову достаточно косвенного знания и надо рваться дальше, к открытиям и славе, а Делилю необходимы точные доказательства, позволяющие раз и навсегда стереть мифы с карты. То, что для участников экспедиции, как и для большинства советских историков, «бесплодные поиски», для Делиля — чрезвычайно результативные исследования, «проявляющие» на карте целый регион и показывающие, что вместо большой земли существует множество мелких островов.

³⁷ [12, с. 128; 36, с. 97; 37, с. 143; 57, с. 26; и др.].

³⁸ [5, n°71–72, с. 48–49; 12, с. 172–173; 46; 85, с. 22]. Илл. 10.

³⁹ Об атласе см.: [7; 13; 20, с. 1–6; 27, с. 310; 39; 40, с. 193–194; 52, с. 12–13; 71; 77, с. 50; 85, с. 23; 87, с. 17; 95, с. 184–189; 101].

карта обрезана восточнее Камчатки, но западнее тех мест, где должна была бы лежать, скажем, Земля да Гамы. Дело в том, что донесения морских отрядов попадали, в первую очередь, не в Академию наук, а в Адмиралтейств-коллегию, где в лучшем случае задерживались надолго, а в худшем, не доходили до Академии наук в принципе⁴⁰.

В результате перманентной конфликтной ситуации в Академии наук, а возможно, и в связи со смертью жены, Ж. Н. Делиль покинул Россию в 1747 г. Но никаких новых материалов экспедиции после создания карты 1745 г. в Академии ещё не получали. Ранее информация, судя по всему, приходила ему от его брата, который вёл научную переписку именно с ним, а не с руководством Академии. Но со смертью де ла Кройера этот источник иссяк.

Прошли годы, однако в России ничего не публиковалось по результатам экспедиции, и было понятно, что так будет и далее: Сенат засекретил все собранные материалы. Ситуация оценивалась Ж. Н. Делилем как неприемлемая, ибо научное сообщество лиша-

⁴⁰ См. невольное признание «антиделилевца» А. В. Ефимова, который в сентябре 1956 г. на объединённой сессии Отделения исторических наук и Дальневосточного филиала АН СССР представлял собственные архивные находки по картографическим работам Второй Камчатской экспедиции: «До обнаружения этих материалов были известны только итоговые карты Академии наук 1754–1758 гг., составленные под руководством Г. Ф. Миллера. Однако после того, как удалось найти карты Чирикова, Красильникова и других участников, работавших затем в Морской академии (а во время составления итоговых карт экспедиции — в 1746 г. — начальником Морской академии был А. И. Чириков), стало очевидным, что магистраль научных трудов того времени в области географических исследований и открытий на Востоке России проходила через Морскую академию, а не через Академию наук. В то время Академия наук не располагала многими сведениями, считавшимися секретными, и вследствие этого там наносили на карты устарелые и нередко ошибочные данные» [42, с. 84]. По-видимому, Ефимов не отдавал себе отчёта в том, что этими пассажирами подписывает приговор собственным оценкам картографической деятельности Делиля 1750-х гг. Не случайно нам не встретилось ни одной ссылки на этот доклад Ефимова. Ту же позицию Ефимова подтверждает В. А. Дивин, ссылаясь на одну из статей М. И. Белова 1954 г.: «В Адмиралтейств-коллегии составлялись более совершенные карты Сибири, чем в Академии наук, так как коллегия обладала всеми материалами экспедиции и в целях сохранения их в тайне передавала авторам «Атласа Российского» (среди которых были преимущественно иностранцы) лишь часть документов» [37, с. 173]. Другими словами, одна из государственных структур по собственной инициативе скрывала от Географического департамента Императорской Академии наук, — географического и картографического научного центра Российской Империи, — информацию, заставляя публиковать ошибочные генеральные карты империи. Так кто из них вредитель-то (вопрошая на языке той эпохи, в которую писали Ефимов, Дивин и Белов)?

лось важнейшей информации⁴¹. И тогда он идёт на очевидную провокацию, одновременно публикуя то, что известно ему самому и хотя бы отчасти заполняет существующие лакуны.

8 апреля 1750 г., на публичном собрании в Парижской Академии наук Делиль делает доклад «Краткая история новых открытий на севере Южного моря» («Histoire abrégée des nouvelles découvertes au Nord de la Mer du Sud»), где представляет те результаты Второй Камчатской экспедиции, которыми владел. А в июне 1752 г. вместе с картографом и издателем Филиппом Бюашем (Philippe Buache), несмотря на запрет Сената, публикует свою знаменитую «Карту новых открытий на Севере Южного моря, как на востоке Сибири и Камчатки, так и на западе Новой Франции» («Carte des Nouvelles Découvertes au Nord de la Mer du Sud, tant à l'Est de la Sibirie et du Kamchatka, Qu'à l'Ouest de la Nouvelle France», Илл. 12) и на основании доклада — пояснительную брошюру к ней: «Объяснение карты новых открытий на Севере Южного моря» (Explication de la carte des nouvelles découvertes au Nord de la Mer du Sud) [111] — сочинение, в котором впервые рассказал о Второй Камчатской экспедиции Беринга. Сведения в этой брошюре, которые характеризуются как ошибки, были связаны с тем, что Россия скрывала полученную информацию, в том числе и опровержение существования «гипотетических» земель, то есть, результаты, полученные кораблём «Св.Пётр» во главе с Берингом. Достаточно посмотреть на Генеральную карту этой экспедиции, датированную 19 ноября 1742 г. (Илл. 13), о которой Делиль, покинувший Россию в 1747 г., т.е. через 5 лет, не имел никакого понятия. Поэтому брошюра и карта Делиля 1752 г. отражали всё то, что было на тот момент известно в мире об этом районе, плюс информацию, которой он владел лично — о путешествии А. И. Чирикова с его братом на корабле «Св.Павел» и об исследовании Курил. В результате Делиль,

⁴¹ О том, что проблему остро чувствовали лица, связанные с сибирской экспедицией, говорят публикации И. Г. Гмелина, уже уехавшего из России в Германию, но явно опасавшегося реакции в Петербурге. Не случайно свою первую книгу на эту тему он в 1748 г. издал анонимно. Это было «Житие Георга Вильгельма Стеллера, бывшего адъютанта императорской Академии наук в Санкт-Петербурге, в котором сообщённые ранее известия о его путешествиях, открытиях и смерти частично опровергаются, частично исправляются и дополняются» [114]. Стеллер умер при возвращении из Сибири, и Гмелин отдал долг своему коллеге. А в 1751–1752 гг. опубликовал уже собственные сибирские дневники [115]. Этот четырёхтомник быстро выдержал ещё одно переиздание, с немецкого был переведён на французский и голландский языки и вызвал нешуточный гнев академического начальства в Петербурге. В результате русского издания так и не появилось [9, с. 40–49].

считая, что берегов Америки в 1741 г. достиг только «Св. Павел», но не «Св. Пётр», который, по его мнению, потерпел крушение у Командорских островов ещё по дороге туда, не отразил его путь на карте и помимо материалов, полученных отрядом Шпанберга — Вальтона, поместил на ней все четыре гипотетические, однако пока что окончательно не определённые или не стёртые с карты земли, расположив их ниже Курильской гряды⁴². Но ни о каком сознательном искажении или подтасовке данных речи в принципе не может идти, ибо чтобы что-то исказить, надо знать реальное положение вещей. А это именно то, что Россия тщательно скрывала. С другой стороны, утверждать о сознательном искажении — значит глубоко не понимать суть научной коммуникации той эпохи и нереальность действий, которыми бы Делиль мог поставить под удар своё имя в научном мире. Игра шла на значительно более тонком уровне: ему надо было вызвать злость русских, оставаясь на вершине знаний своего времени. А вот чтобы его публикации в Петербурге не упустили и не проигнорировали, Делиль сам отправил их в Россию⁴³ и на следующий год переиздал доклад, включив в книгу «Nouvelles cartes des découvertes de l'amiral de Fonte, et autres navigateurs espagnols, portugais, anglois, hollandois, françois & russes <...>» («Новые карты открытий адмирала де Фонте и других испанских, португальских, английских, голландских, французских и русских навигаторов <...>»)⁴⁴. В 1753 г. карта Делиля была включена Бюашем в состав атласа «Considérations géographiques et phisiques sur les nouvelles

⁴² Мы не касаемся вопросов, связанных с Ж. да Фука и Б. да Фонте, о которых писал Делиль. Их оценка в советской историографии: «<...> на представленной во Французскую Академию <SIC ! Так называлась академия, занимавшаяся французским языком, к которой Делиль не имел никакого отношения. — Д. Г. и И. Г.> карте И. Н. Делиля и в его статье об этой карте совершенно извращённо подавался материал, связанный с русскими открытиями. В центре “научных публикаций” Делиля находились вымышленные известия о плавании испанского адмирала де Фонте» [92, с. 349]. Подробно и с негодованием эти вопросы разбирает А. В. Ефимов, считающий, что цель Делиля — принизить русские открытия, заменив их испанскими и португальскими [40, с. 200–207; 41, с. 248–255]. Если в рассуждении Ефимова есть хоть доля истины, то это тоже говорит о ярком элементе провокации Делиля, который рассчитал всё очень точно по принципу: «или вы расскажете о своих открытиях, или их припишут другим».

⁴³ Другой канал информации — письмо российского посла в Вене (а в прошлом — президента Петербургской академии наук) графа Г. К. фон Кейзерлинга в С.-Петербург от 26 декабря (н. ст.?) 1752 г. [69, с. 143; 88, с. 237].

⁴⁴ [110, с. 11–18]. Карта к этой книге была отпечатана в ноябре 1752 г. и являлась переизданием карты, опубликованной в июне с некоторыми изменениями и новым заголовком [40, с. 201].

découvertes au nord de la Grande mer, appelée vulgairement la Mer du Sud» («Географические и физические соображения о новых открытиях на севере Великого моря, называемого в народе Южным морем») [85, с. 24; 108].

Прежде чем завершить рассказ, вернёмся ещё раз к проблеме секретности. В мировой практике XVI—XIX вв. была очевидна дилемма: либо ты официально объявляешь о своих открытиях и тем самым закрепляешь за собой новые земли, либо скрываешь это и ставишь под сомнение сам факт обладания ими. В России это в полной мере осознали очень поздно, возможно, потому, что у неё было мало морских открытий — в основном сухопутные, до которых никто, кроме неё не мог дотянуться. Однако в эпоху Екатерины II стала понятна опасность, грозившая восточным морским границам из-за интереса, который проявляли к этому району англичане и французы⁴⁵. И оказалось, что секретность предыдущего полувека в отношении русских открытий и территориальных приобретений на востоке играла против самой России.

Вряд ли Делиль ей сочувствовал, особенно после добровольно-вынужденной отставки с поста профессора астрономии (действительного члена) Петербургской Академии наук в начале 1747 г. и лишения звания её иностранного члена в июне 1748 г. с потерей жалованья. Он действовал в пользу Республики учёных, добиваясь обнародования результатов, полученных Второй Камчатской экспедицией. Но вот объективно он как раз действовал в пользу России, помогая ей закрепить за собой открытые ею территории и воспрепятствовать возможным посягательствам на них великих морских держав.

И карта, и брошюра вызвали скандал. Так, в Санкт-Петербурге президент Академии наук граф К. Г. Разумовский в марте 1753 г. поручил участнику экспедиции академику Г. Ф. Миллеру написать опровержение. Оно вышло в том же году в Берлине на французском и немецком языках без имени автора под названием «Письмо офицера российского морского флота придворному <...>» и на следующий год в Лондоне — на английском языке⁴⁶.

Публикация была столь резкой, что Миллер впоследствии сожалел о написанном [69, с. 143], ибо сделал акцент «не на приоритете публикации научных данных, а на профессиональной несостоя-

⁴⁵ Подробнее на эту тему см.: [88, с. 238–239].

⁴⁶ [121; 126]. Русский текст опубликован лишь в наше время [61]. О скандале см. также: [1, с. 84; 6, с. 398; 12, с. 353–355; 37, с. 173–179; 40, с. 200; 47, с. 99–100; 95, с. 181, 191; 119].

тельности самого Ж.-Н. Делиля и особенно его брата, Л. Делиля де ла Кройера», как пишет специалист по архивам той эпохи Е. Е. Рычаловский [88, с. 237–238]. Впрочем, сожалеть о своём памфлете Миллер мог не только по этическим соображениям, но и из-за реакции на него в научном мире Европы. А. И. Андреев утверждал: «Статья, в которой содержалось немало выпадов Миллера против Делиля и его покойного брата Людовика, вызвала за границей нелепые замечания по адресу “офицера русского флота”, в частности со стороны Бюаша, и автор письма — Миллер — принуждён был вернуться к той же теме в другой, более солидной по размерам и по форме работе, которая должна была служить пояснением к карте открытий. <...>. В 1754 г. работа по составлению карты новых открытий была окончена, и она появилась тогда же под названием “Nouvelle Carte des Découvertes faites par des Vaisseaux Russiens aux côtes inconnues de l’Amérique Septentrionale avec les pais adjacents. Dressée sur les mémoires authentiques de ceux, qui ont assisté à ces découvertes et sur d’autres connoissances dont on rend raison dans un Mémoire séparé. A St.-Petersbourg à l’Académie Imperial des Sciences. 1754”»⁴⁷. Сам мемуар, указанный в названии карты, был закончен лишь к началу 1756 г., когда был заслушан в Конференции Академии, а опубликован в 1758 г. на немецком [122] и русском⁴⁸ языках. В 1761 г. книгу перевели на английский язык [125] (второе издание — в 1764), а в 1766 г. — на французский [124]⁴⁹. Сама карта переиздавалась в 1758, 1761, 1773 и 1784 гг. [85, с. 25–27; 123], хотя на картах последних переизданий в очертания самого Американского континента были внесены серьёзные коррективы⁵⁰.

⁴⁷ «Новая карта открытий, сделанных российскими кораблями на неизвестных побережьях Северной Америки с соседними странами. Составлена на основании подлинных записок тех, кто участвовал в этих открытиях, и на других данных, которые представлены в отдельном мемуаре». [4, с. 121–122]. На илл. 14 версия 1758 г.

⁴⁸ Современное переиздание [60]. Как уже отмечалось выше, из-за секретности и сам Г. Ф. Миллер, прямой участник экспедиции, при составлении заказанного ему властями мемуара не владел всей информацией. Как пишет М. Б. Гренадер, изучавший вопрос, «недостатки сочинения Миллера <...> явились следствием того, что известный историк Сибири не пользовался журналами участников экспедиции» [30, с. 103]. А. В. Ефимов отмечает, что Миллеру при составлении его итоговой карты русских открытий на Тихом океане оказалась недоступна важнейшая карта А. Чирикова 1746 г. [40, с. 192]; близко в: [42, с. 84].

⁴⁹ История появления французского издания разобрана в [120].

⁵⁰ В 1781 и 1787 гг. уже издаются принципиально новые карты (П. С. Палласа и А. Вильбрехта), где учитываются результаты экспедиции Академии наук в 1781–1785 гг., капитана Кука и др. [85, с. 40–41].

Из опубликованной карты и сочинений Миллера ясно следовало, что ни одной из четырёх гипотетических земель на севере Тихого океана в том виде, как они изображены у Делиля, не существует, но есть множество более мелких островов с конкретными координатами и указаниями маршрутов экспедиций, не оставляющих сомнений в справедливости этих выводов и закрепляющих приоритет за российскими моряками.

С другой стороны, секретность в отношении Второй Камчатской экспедиции очень сильно повредила имиджу России: считалось, что она скрывает возможность плавания по Северному морскому пути. Не было доверия даже к опубликованным позднее данным российских мореплавателей (предполагалось, что они сознательно искажены), пока Джеймс Кук не подтвердил их точность во время своего третьего кругосветного плавания (1776–1779)⁵¹. Кюнцель-Витт склонна считать это недоверие примером неуважения к России, которую не хотели признать «равноправным партнёром на арене великих держав» [54, с. 161]. Мы же считаем, что это естественная реакция на российскую секретность в области наук о Земле, которой пытался противостоять Делиль.

Россия и дальше исходила из средневекового тезиса, гласившего, что географическая секретность обеспечивает безопасность, и продолжала скрывать собственные географические открытия. Так были похоронены в архивах результаты экспедиции П. К. Креницына и М. Д. Левашова 1768–1769 гг., завершивших открытие гигантской Алеутской дуги. Некоторые материалы были опубликованы лишь в 1852 г., а другие в 1968 г. только найдены⁵². Можно лишь добавить, что на Креницына и Левашова не нашлось своего Делиля.

Что касается Второй Камчатской экспедиции, то детальный анализ ситуации вокруг книги и карты Ж. Н. Делиля с обширным списком архивных источников и библиографией дал А. И. Андреев [4, с. 118–137]. В отличие от него, заключения, которые можно встретить в нынешней историографии, даются людьми, которые не держали книгу бывшего петербургского академика в руках. Иначе как объяснить утверждение автора фундаментальной монографии по военной картографии В. Глушкова, что «Делиль опубликовал в Париже свою работу, в которой имя капитана-командора российского флота В. Беринга не упоминалось совсем, результаты его Второй Камчатской экспедиции намеренно искажались» [27, с. 312]?

⁵¹ Это событие попало в советскую художественную литературу. См.: [100, с. 96–98].

⁵² Подробнее см.: [26; 37, с. 226–255].

Имя Беринга на 12 страницах текста самого Делиля [111] упоминается 16 раз, и это одна из самых ранних работ, где о нём говорится, просто у автора не было всех данных, ибо информация о плавании Беринга тщательно скрывалась⁵³.

Если исходить из советских топонимических публикаций, то приходится считать, что Россия оплатила братьям Делилям за настойчивость в открытии островов в северной части Тихого океана полным забвением. В этом районе существует 9 географических точек, носящих имя А. И. Чирикова, 13 — В. Беринга (в т.ч. море и пролив) и ни одной — Делилей (подсчёт по [59]).

В действительности, ситуация немного лучше (просто составители фундаментального справочника [59], содержащего более 4 тыс. российских именных морских географических названий, Делиля де ла Кройера за российского учёного не держали). Первым, кто озаботился увековечиванием имени этого француза на российской службе, был француз французской службы Жан Франсуа де Лаперуз, плававший в этих местах в 1786–1787 гг. В Петропавловске-на-Камчатке он нашёл могилу де ла Кройера и дал его имя открытым у Аляски островам. Однако Лаперуз вскоре погиб, а через год эти острова переоткрыл англичанин Джордж Диксон (Dickson), давший островам, по некоторым сведениям, имя «Туманные» (Misty Islands?). Так в первый раз имя французского астронома не закрепилось на карте земли. Сейчас на карте нет ни того, ни другого названия.

Следующим был остзейский немец Адам Иоганн фон Крузенштерн (Adam Johann von Krusenstern), он же Иван Фёдорович Крузенштерн, который, выполняя волю Лаперуза, в 1805 г. установил памятник захороненным рядом англичанину капитану Кларку, или Клерку (Charles Clerke) из экспедиции Кука и Делилю де ла Кройеру. А также назвал именем последнего небольшой и доступный обследованию, в основном, с моря мыс на восточном побережье острова Сахалин, севернее мыса Ратманова, с координатами: N50° 48' 10.82"; E143° 40' 5.26". Там гнездятся редкие птицы, но Делиль де ла Кройер там не бывал никогда⁵⁴.

⁵³ А вот пример из публицистики 1990 г.: «Но имя Беринга было на полвека забыто. Славу его воскресил знаменитый британский мореплавател Джеймс Кук» [35]. Ну почему же на полвека забыто? Менее чем через десять лет после смерти Беринга французский астроном и картограф воскресил это имя, сообщив миру всё, что он смог узнать, несмотря на завесу секретности.

⁵⁴ Информация о Лаперузе, Крузенштерне и мысе Делиля де ла Кройера является синтезом из ряда интернетовских публикаций: Мыс Делиль-де-ла-Кройера: Ногликский — Пешком — Мыс — Несколько дней // Иди лесом. (Электронный ресурс: <https://idilesom.com/sakh/places/437>; дата обращения: 31.12.2018); Краевед. В поисках могилы Делиль де ла Кройера, или завещание

Подведём итоги.

С 1731 по 1752 г. Ж. Н. Делиль создал (№ 1, 3) или участвовал (№ 2) в создании трех карт с указанием северной части Тихого океана:

1) в 1731/33 г. — карты-задания, на которой были отмечены спорные территории с требованием прояснить их наличие;

2) в 1745 г. — Генеральной карты России фиксационного характера, где на Дальнем востоке были изображены лишь реально открытые острова, а сама карта обрезана восточнее Камчатки так, чтобы спорные земли, хотя бы частично, остались за ее границами;

3) в 1752 г. — карты-провокации, на которой не были искажены никакие русские открытия, *уже известные* Делилию, но отсутствовала информация, скрываемая Россией, и на авансцену выдвигались реальные или мнимые открытия, сделанные моряками других стран, а четыре гипотетических земли были «рассованы по углам» (в полном смысле этого слова⁵⁵) с целью заставить русских дать ответ на все эти вопросы.

Российская администрация, говоря современным бытовым языком, «повелась», а в памфлете Миллера все это трактовалось как искажения реалий и невежество Ж. Н. Делиля и Ф. Бюаша. Последний пытался что-то отвечать, а Делиль молчал: провокация достигла цели, ибо, отмечая его ошибки и возражая ему, Миллер представил миру значительную часть секретной информации, обнаружения которой добивался французский астроном и картограф. Последнему же оставалось лишь посмеиваться в усы, которых он не носил.

Лаперуза // Камчадалы.RU. (Электронный ресурс: <http://www.kamchadaly.ru/index.php/kunena/guest/327-delil-de-la-krojer>; дата обращения: 31.12.2018); Callmycow. Завещание Лаперуза // Callmycow: Livejournal. (Электронный ресурс: <https://callmycow.livejournal.com/21703.html>; дата обращения: 31.12.2018) и др.

⁵⁵ Этот факт по-своему радостно-язвительно отметили в советской историографии. А. В. Ефимов: «Как показала критика XVIII в. карта Делиля даже не соответствовала мифическим данным де Фонте. На этой карте расхождение с мифическими данными де Фонте в одном случае составило 10°» [40, с. 201].

Библиография⁵⁶

1. *Александровская О. А.* Становление географической науки в России в XVIII веке. М.: Наука, 1989. 230, [2] с.
2. *Алексеев Д.* Дело за криминалистами: Раскопки // *Культура*. 1991, 21.9. № 2. С. 5.
3. *Алексеев Д.* Портрет Командора // *Культура*. 1992, 4.04. № 11. С. 6.
4. *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2: XVIII век (первая половина). М.; Л.: Наука, 1965. 361, [3] с.
5. Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв. / Под ред. и с введ. *А. В. Ефимова*. М.: Наука, 1964. xv, [3] с., [92] л. карт., 134 с.
6. *Багров Л. = Bagrow L.* История русской картографии = A History of Russian Cartography / Пер. с англ. *Е. В. Ламановой*. М.: Центрполиграф, 2005. 522, [3] с.
7. *Баев А.* Атлас российский // *В мире книг*. 1970. № 12. С. 17.
8. *Басевич В.* Предсмертный наказ Петра: Первой Камчатской экспедиции В. Беринга — 270 лет // *Морской флот*. 1995. № 1/2. С. 42–44.
9. *Белковец Л. П.* Иоганн Георг Гмелин: 1709–1755. М.: Наука, 1990. 140, [4] с. (Сер. «Научно-биографическая литература»).
10. *Белов М.* Путешествие из Студёного моря в Тёплое // *Наука и жизнь*. 1973. № 8. С. 138–141.
11. *Беляева П. И.* Некоторые новые данные о картах, составленных экспедицией В. Прончищева и Х. П. Лаптева: 1733–1743 гг. // *Тр. ИИЕТ. Т. 27: История геолого-географических наук*. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 253–264.
12. *Берг Л. С.* Открытие Камчатки и экспедиции Беринга: 1725–1742. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 379 с.

⁵⁶ Все указанные электронные ресурсы имеются в архиве авторов в распечатке и, в случае их исчезновения из Сети, приобретают статус рукописей, полученных из открытых источников. — *Д. Г. и И. Г.*

13. *Березницкий С. В.* Роль торговых караванов в процессе поступления китайских картографических материалов в Россию: К 270-летию создания «Атласа Российского» 1745 г. // Ломоносовские чтения в Кунсткамере: К 270-летию издания первого «Атласа Российского» (1745) и 250-летию со дня смерти М. В. Ломоносова (1765). Вып. 2. СПб.: Кунсткамера, 2016. С. 280–289.
14. Беринг (Behring), Витус // РБС. Т. 2: Алексинский — Бестужев-Рюмин. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1900. С. 740–742.
15. *Богданов В. И., Колотилин Р. А., Малова Т. И.* Об основаниях и этической стороне современных попыток искажения деятельности Ж. Н. Делиля в России: 1726–1747 // Петровское время в лицах — 2012: К 280-летию Первого Кадетского корпуса (1732–2012): Мат-лы науч. конф. СПб.: Изд-во ГЭ, 2012. С. 87–93. (Труды ГЭ. Т. 64).
16. *Болховитинов Н. Н.* Россия открывает Америку: 1732–1799. М.: Междунар. отнош., 1991. 302, [2] с.
17. *Болховитинов Н. Н., Полевой Б. П., Петров А. Ю. и др.* Основание Русской Америки: 1732–1799. М.: Междунар. отнош., 1997. 478, [2] с., [16] л.ил. (История Русской Америки: 1732–1867: В 3 т. / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. Т. 1).
18. *Бэр К.* Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний. Ч.1: [Читана в собрании Русского географического общества 14.1.1848] // Записки Русского географического общества (СПб.). 1849. Кн. 3. С. 217–253.
19. *Ваксель С.* Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга / Пер. с рукоп. на нем. яз. *Ю. И. Бронштейна* под ред. и с предисл. *А. И. Андреева*. Л.; М.: Изд-во главсевморпути, 1940. 172, [3] с.
20. Виды и планы городов / Вступ. ст. *П. Столянского*. 2-е, испр. и доп. изд. СПб., 1912. 48 с. (Состоящая под Высоч. Е.И.В. государя императора покровительством выставка «Ломоносов и Елизаветинское время». Отдел XV).
21. *Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария / Ред. и науч. рук.: *Н. П. Копанева, Б. Наарден*. 3 т. Амстердам: Pegasus, 2010. (XXIII, [3], 621) ([3], 626–1225) (579) с.
22. Витус Ионассен Беринг: 1681–1741 // История государства Российского: Жизнеописание: XVIII век / РНБ. М.: Кн. палата, 1996. С. 75–80.
23. *Владимирицева В.* По следу Витуса Беринга // Известия. 1991, 21.05. № 120. С. 7.
24. *Возгрин В. Е.* Витус Ионассен Беринг: Обзор зарубежной литературы // Страны и народы Востока. Вып. 17: Страны и народы бассейна Тихого океана, кн. 3. М.: Наука, 1975. С. 34–40.
25. *Герье В.* Отношения Лейбница к России и Петру Великому // ЖМНП. 1870. Ч. 147. Отд. 2, с. 1–48, 345–415; Ч. 148. Отд. 2, с. 308–390. (Отд. отт.: *Он же*. Лейбниц и его век. Т. 2: Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1868–1871. ([6], V, 590, V, 4), ([1], 207, III) с.).
26. *Глушанков И.* Секретная экспедиция 1768–1769 годов // Наука и жизнь. 1971. № 1. С. 52–59.

27. Глушков В. В. История военной картографии в России: XVIII — начало XX в. М.: ИДЭЛ, 2007. 527, [1] с.
28. Гольденберг Л. А. Между двумя экспедициями Беринга. Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1984. 236, [4] с. (Дальневосточная историческая библиотека). (Рец.: Природа. 1984. № 9. С. 123).
29. Гольденберг Л. А. Михаил Спиридонович Гвоздев: Начало XVIII в. — после 1759 г. М.: Наука, 1985. 170, [4] с. (Сер. «Научно-биографическая литература»).
30. Гренадер М. Б. Об одном из первых описаний великой северной экспедиции // Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 17. 1964. С. 103–106.
31. Гринёв А. В. Геополитические интересы России в Америке и на Тихоокеанском севере: XVIII — первая половина XIX в. // Вопросы истории. 2009. № 3. С. 48–65.
32. Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. «В начале был Делиля», или гипотеза о причинах расформирования одной французской коллекции // Петровское время в лицах — 2014: Мат-лы науч. конф.: К 300-летию победы при Гангуте (1714–2014). СПб.: Изд-во ГЭ, 2014. С. 112–120. (Труды ГЭ. Т. 73).
33. Гусарова Е. В. К вопросу об этической стороне альтернативного взгляда астронома Делиля в России // Петровское время в лицах—2013: К 400-летию Дома Романовых (1613–2013): Мат-лы науч. конф. СПб.: Изд-во ГЭ, 2013. С. 121–136. (Труды ГЭ. Т. 70).
34. Гусарова Е. В. Первый академический план Петербурга и роль астронома Ж.-Н. Делиля в его создании // Россия и западноевропейское Просвещение: Сб. науч. тр. СПб.: РНБ, 2016. С. 335–347.
35. Диброва Л. Великая слава россиян: В 1991 году исполняется 250 лет с того момента, как русские открыли свою Америку — Аляску // Вечерний Ленинград. 1990, 17.11. № 265. С. 2.
36. Дивин В. А. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М.: Госгеографиздат, 1953. 280 с.
37. Дивин В. А. Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII веке. М.: Мысль, 1971. 374, [2] с.
38. Дивин В. А. Ценное исследование о великом русском мореплавателе // Природа. 1952, апрель. № 4. С. 125–128.
39. Егоров Н. «Атлас Российской...» // Наука и жизнь. 1974. № 3. С. 10–12.
40. Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах: XVIII^в — первая половина XVIII в. М.: Госгеографиздат, 1950. 317, [2] с.
41. Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М.: Наука, 1971. 298, [2] с.
42. Ефимов А. В. Из истории картографии Дальнего Востока // Сборник статей по истории Дальнего Востока / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 81–88.
43. Из (т. 72–74: К) истории освоения Северного морского пути: Экспедиция Беринга 1732–1743 гг. / [подгот. к печ. и предисл. П. Горина] // Красный архив (М.: Госсоецкиздат). Т. 4 (71). 1935. С. 137–169; Т. 5 (72).

1935. С. 160–181; Т. 6 (73). 1935. С. 191–203; Т. 1 (74). 1936. С. 142–161.
44. Имени Беринга // Известия. 1981, 17.01. № 14. С. 5.
 45. *Калмыков П. Л.* Тихий профессор, брат шпиона — Л. Делиль де ла Кройер // Пятые Международные исторические и Свято-Инноцентьевские чтения «К 270-летию выхода России к берегам Америки и начала освоения Тихого океана (1741–2011)»: Мат-лы, 19–20 окт. 2011 г. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 131–139. (Электронный ресурс: <http://www.kamlib.ru/resourses/kalmykov5.htm>; дата обращения: 2.4.2014).
 46. *Кирилов И.* Карта Российской империи. 1734. Со ссылкой: РГАДА. Ф. 192. Оп. 1: Карты генеральные России. № 2, ч. 2 // Виртуальная выставка к 1150-летию зарождения российской государственности (Электронный ресурс: <http://rusarchives.ru/projects/statehood/06-34-karta-gossiyskaaya-imperia.shtml>; дата обращения: 26.4.2018).
 47. *Колчинский Э. И.* Академия наук и становление естественной истории в России // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках: Исторические очерки = Academic science in Saint Petersburg in the XVIII–XX centuries: Historical essays. СПб.: Наука, 2003. С. 83–116.
 48. *Колчинский Э. И.* Стеллерiana в России. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. 49 с.
 49. *Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семёнов Л. К.* Академия наук СССР: Краткий исторический очерк: В 2-х т. Т. 1: 1724–1917. Изд. 2-е, перераб. и дополн. М.: Наука, 1977. 384 с.
 50. *Копанева Н. П.* Научное путешествие Д. Г. Мессершмидта как часть проектов Петра I по описанию Российского государства // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 44–52.
 51. *Кострин К.* Необычайная судьба // В мире книг. 1963. № 11. С. 46–47.
 52. *Кремпольский В. Ф.* История развития картоиздания в России. М.: Изд-во геодезич. лит-ры, 1959. 112 с.
 53. *Кусов В. С.* Карту создают первопроходцы. М.: Недра, 1983. 67, [5] с.
 54. *Кюнцель-Витт К.* От Мессершмидта к Палласу: Немецкие учёные — исследователи Сибири: Российская империя: К просвещению через открытие себя самой // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / Отв. сост. А. В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2008. С. 152–165.
 55. *Ламанский В. И.* Михаил Васильевич Ломоносов: Биографич. очерк; Ломоносов и Петербургская Академия наук: Мат-лы к столетней памяти его 1765–1865 года, апреля 4-го дня // М. В. Ломоносов: pro et contra: Личность и творчество М. В. Ломоносова в оценках русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Изд-во РХГА, 2011. С. 337–541, 1072–1078.
 56. *Лебедев Д. М.* География в России петровского времени. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 384 с.
 57. *Лебедев Д. М.* Плавание А. И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к побережьям Америки: С приложением судового журнала 1741 г. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 429, [3] с.

58. *Магидович И. П.* Очерки по истории географических открытий. М.: Просвещение, 1967. 713, [3] с.
59. *Масленников Б.* Морская карта рассказывает / Под ред. *Н. И. Смирнова*. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Воениздат, 1986. 365, [3] с.
60. *Миллер Г. Ф.* Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учинённых // *Он же*. Сочинения по истории России: Избранное / Сост., ст. *А. Б. Каменского*, примеч. *А. Б. Каменского, О. М. Медушевской*. М.: Наука, 1996. С. 19–126, 419–424. (Напеч. по: Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учинённых // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие (СПб.). Т. 1. 1758, январь–май. С. 5–27, 99–120, 195–212, 291–325, 387–409; Т. 2. 1758, июль–ноябрь. С. 9–32, 99–129, 195–232, 309–336, 394–424).
61. *Миллер Г. Ф.* Письмо Российскаго морскаго офицера к некоторой знатной персоне о карте, представляющей новейшия обискания в северных странах Южного моря и о изъяснении на оную карту, изданная господином Делилем в Париже в 1752 году // *Г. Ф. Миллер*. Избр. труды / Сост., ст., примеч. *С. С. Илизарова*. М.: Янус-К; Московские учебники, 2006. С. 648–662, 784–786.
62. *Миллер Я.* Шеренга великих путешественников / Пер. с польск. *Е. К. Шнак*. [Варшава]: Наша Ксенгарня, [1975]. 170, [2] с.
63. *Невский В. В.* Первое путешествие россиян вокруг света. М.: Географгиз, 1951. 270, [2] с.
64. *Нежурич Г.* «Ну, поехали» // Книжное обозрение. 1991, 12.07. № 28. С. 2.
65. *Новлянская М. Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. 182, [2] с.
66. Памяти командора Беринга // Андреевский флаг: Межрегиональный информационно-исторический вестник. № 1. 1992.
67. *Пасецкий В. М.* Камчатские экспедиции Витуса Беринга // Наука и жизнь. 1981. № 5. С. 66–72.
68. *Пасецкий В. М.* Витус Беринг: 1681–1741. М.: Наука, 1982. 172, [4] с. (Сер. «Научно-биографическая литература»).
69. *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге: [В 2 т.]. Т. 1. СПб.: Изд-е ОРЯС Имп. АН, 1870. LXVIII, [2], 774, [1] с.
70. *Перевалов В. А.* [Рец.]: Г. В. Яников. Великая Северная экспедиция. Географгиз, М., 1949. 164 с. // Природа. 1950, апрель. № 4. С. 90–91.
71. *Петрова Т. М., Лазебник О. А.* Картографическое и семиотическое наследие «Атласа Российского...» 1745 г. // Ломоносовские чтения в Кунсткамере: К 270-летию издания первого «Атласа Российского» (1745) и 250-летию со дня смерти М. В. Ломоносова (1765). Вып. 2. СПб.: Кунсткамера, 2016. С. 183–192.
72. *Плахотник А.* Первый русский мореплаватель // Наука и религия. 1981. № 12. С. 28–29.
73. *Полевой Б. П.* Об уточнении первого выхода русских на Тихий океан // Страны и народы Востока. Вып. 20: Страны и народы бассейна Тихого океана, кн. 4. М.: Наука, 1979. С. 93–96.

74. *Полевой Б. П.* Пётр Первый, Николай Витсен и проблема «Сошлася ли Америка с Азией» // Страны и народы Востока. Вып. 17. Л.: Наука, 1975. С. 19–33.
75. [*Полонский А. С.*]. Поход геодезиста М. Гвоздева в Берингов пролив / А. П. // Морской сборник. Т. 4, кн. 11. 1850. С. 389–402.
76. *Постников А. В.* Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М.: Наука, 1985. 212, [4] с.
77. *Постников А. В.* Развитие крупномасштабной картографии в России. М.: Наука, 1989. 227, [5] с.
78. ПСЗ-1. Т. 7. СПб., 1830. № 4649: Инструкция Высочайше данная флота Капитану Берингу: Об открытии соединения Азии с Америкою. 5.2.1725. С. 415.
79. ПСЗ-1. Т. 8. СПб., 1830. № 6023: Об отправлении Капитан-Командора Беринга в Камчатку. 17.4.1732. С. 749.
80. *Пушкарь А.* Курсом Беринга // Неделя. 1977, 19-25.09. № 38. С. 12.
81. *Пушкарь А.* Найдены следы Беринга // Известия. 1979, 9.09. № 211. С. 6.
82. *Пушкарь А.* Находки на острове Беринга // Известия. 1981, 9.07. № 159. С. 6.
83. *Пушкарь А.* Пушки с острова Беринга // Правда. 1982, 23.08. № 235. С. 3.
84. *Пушкарь А.* Туда, где зимовал Беринг // Известия. 1981, 7.06. № 133. С. 4.
85. Ради пользы и славы Отечества: Каталог выставки к 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова / Рук. проекта *А. В. Лихоманов*. СПб.: РНБ, 2010. 63, [1] с.
86. *Репин Л.* Прошел всю землю: Об Иване Москвитине, выдающемся русском землепроходце // Комсомольская правда. 1986, 12.01. С. 4.
87. Русские карты и атласы XVII–XIX вв.: Каталог выставки 57-й сессии ИФЛА (Москва, 18–24 августа 1991 г.) / ГБЛ, Отдел картографич. изд.; сост. *Н. Е. Котельникова* и др. М.: [ГБЛ], 1991. 78, [2] с.
88. *Рычаловский Е. Е.* Итоги Второй Камчатской экспедиции и политические интересы: Столкновение государства и мира ученых в России XVIII в. // Г. Ф. Миллер и русская культура / Отв. ред. *Д. Дальманн* и *Г. Смагина*. СПб.: Росток, 2007. С. 233–241.
89. *Ряшин В.* Беринг с трудом обретает лицо // Правда. 1993, 30.12. № 220. С. 2.
90. *Сеславский К., Шмидт О.* Экспедиция на Командоры // Наука и жизнь. 1976. № 8. С. 50–54.
91. *Степанов Н. Н.* С. П. Крашенинников в Сибири: Неопубл. мат-лы / Подгот. текста и вступ. ст. *Н. Н. Степанова*. М.; Л.: Наука, 1966. 239, [5] с.
92. [*Степанов Н. Н.*] Научные экспедиции и изучение Сибири // Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. С. 343–353. (История Сибири. Т. 2).
93. *Таранович В. П.* Экспедиции Академии наук XVIII века и их роль в деле развития лесных знаний: Мат-лы к вопросу об истории деятельности Академии Наук СССР в области изучения леса // Труды ИИНИТ. Сер.1: Архив истории науки и техники, вып. 1. (Л.). 1933. С. 177–204.

94. *Титова З. Д.* Путешествие по указу Петра I: Из дневника Д. Г. Мессершмидта — исследователя народов Сибири: 1721–1725 гг. // Исторический архив. 2003. № 2. С. 21–39.
95. *Фель С. Е.* Картография России XVIII века. М.: Изд-во геодезич. лит-ры, 1960. 226, [1] с.
96. *Феофанов Ю.* До державы конечных пределов: Семён Челюскин // Российская Федерация сегодня. 2008. № 3. С. 62–63.
97. *Хорошилова Л. Б.* Географические знания, экспедиции и открытия // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 3. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 85–121.
98. *Филиппов В.* В Великом Устье отпраздновали юбилей открытия Берингова пролива // Известия. 1998, 21.07. № 132. С. 5.
99. *Чекуров М.* Секретная инструкция командору // Вокруг света. 1976. №1. С. 70–73.
100. *Чуковский Н. К.* Водители фрегатов: Книга о великих мореплавателях. [Переизд.]. М.: Дет. лит-ра, 1984. 478, [2] с.
101. *Шафрановский К. И.* Первый научный географический атлас России: К 200-летию выхода в свет // Вестник АН СССР. 1946. № 4. С. 91–97.
102. *Ширина Д. А.* Летопись экспедиций Академии наук на северо-восток Азии в дореволюционный период. Новосибирск: Наука, Сибирск. отд-е, 1983. 137 с.
103. *Шмыгановский В.* Берег Командора // Известия. 1979, 25.10. № 250. С. 6.
104. *Штеллер Г. В. = Steller G. W.* Письма и документы: 1740 = Briefe und Dokumente: 1740 / Редкол.: В. Хинтцие и др. М.: Памятники ист. мысли, 1998. 427, [2] с.
105. *Яников Г. В.* Великая Северная экспедиция. М.: Географгиз, 1949. 162, [2] с.
106. *Birket-Smith K.* Bering: 1681–1741 // Les explorateurs célèbres. Paris: éd. d'art Lucien Mazenod à Editio S. A., 1947. P. 76–79. (La Galerie des hommes célèbres).
107. *Black J. L. G.-F. Müller and the Russian Academy of Sciences Contingent in the Second Kamchatka Expedition, 1733–1743* // Canadian slavonic papers. Vol. 25, n°2. 1983, June. P. 235–253.
108. *Buache Ph.* Liste des cartes concernant les Nouvelles découvertes au Nord de la Grande mer, appelée vulgairement la Mer du Sud. [Paris, 1755]. 4 p.
109. *Chabin M. A.* Les Français et la Russie dans la première moitié du XVIIIe siècle: La famille Delisle et les millieux savants: Thèse... d'archiviste-paléographe / École nationale des chartes. Paris, 1983. 345 p. (éd. 2013. 272 p.; Электронный ресурс: http://www.marieannechabin.fr/wp-content/uploads/2016/10/Th%C3%A8se-ENC-de-Marie-Anne-CHABIN_Delisle-et-Russie.pdf; дата обращения: 23.2.2019).
110. *De L'Isle J. N.* Nouvelles cartes des découvertes de l'amiral de Fonte, et autres navigateurs espagnols, portugais, anglois, hollandois, françois & russes, dans les mers septentrionales avec leur explication, qui comprend, l'histoire des voyages, tant par Terre que par Mer, dans la partie

Septentrionale de la Terre, les routes de navigation, les extraits des journaux de marine, les observations astronomiques, & tout ce qui peut contribuer au progrès de la navigation; avec la description des pays, l'histoire & les moeurs des habitans, le commerce que l'on y peut faire, &c. Paris: [S.n.], M.DCC.LIII (1753). [4], 60 p.

111. *Delisle (de L'Isle) Joseph-Nicolas, Buache Philippe*. Explication de la Carte des nouvelles decouvertes au Nord de la Mer du Sud / Par M. De L'Isle, de l'Academie Royale des Sciences, et Professeur de Mathematiques au College Royal. Paris: Desaint et Saillant, 1752. 18 p., 1 f. de cart. dépl.
112. Fis cher R. H. Bering's voyages: Wither and why. Seattle: Univ. of Washington Press, 1978. xiii, 217 p. (Peu.: *Hanable W. S.* // Arctic: Journal of the Arctic Institute of North America. Vol. 32, n°1. 1979. P. 87).
113. Flotte (La) de l'Empire de Russie / L. *Spiridonova* (coord. générale), T. *Mazour*, L. *Goussarova*, [et al.]; trad. du russe par V. *Maximoff*. SPb.: Slavia, 1996. 287, [1] p.
114. [*Gmelin J. G.*]. Leben Herrn Georg Wilhelm Stellers, worinnen Nachrichten von deselben Reisen, Entdeckungen, und Tode, Theils wiederleget, theils ergänzt und verbessert werden. Francfurt: [S.n.], 1748. 38 S.
115. *Gmelin J. G.* Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743 <...>. 4 Bd. Göttingen: Verlegts A. Vandenhoecks seel. Wittwe, 1751–1752. (Голл. пер., N. V.: Reize door Sibirien naar Kamtschatka von't Jaar 1733 tot 1743 / Vertaalt door H. van Elvervelt. Haarlem, 1752–1757; Фр. пер., N. V.: Voyage en Sibérie: Contenant la description des mœurs & usages des peuples de ce pays, le cours des rivières considérables, la situation de chaînes de montagnes, des grandes forêts, des mines, avec tous les faits d'histoire naturelle qui sont particuliers à cette contrée / par M. Gmelin <...>; traduction libre de l'original allemand par M. de Keralio. 2 vol. Paris: Desaint, 1767).
116. *Golder F. A.* Berin'g s Voyages: An account of the efforts of the Russians to determine the relation of Asia and America. Vol. 1: The Log books and official reports of the First and Second expeditions 1725–1730 and 1733–1742; Vol. 2: Steller's journal of the sea voyage from Katchatka to America andreturn on the Second expedition 1741–1742. New York: American Geographical Society, 1922–1925. (X, 369 p.), (xi, [1], 290, [1] p.).
117. *Golder F. A.* Russian expansion on the Pacific, 1641–1850: An account of the earliest and later expeditions made by the Russians along the Pacific coast of Asia and North America; including some related expeditions to the Arctic regions. Cleveland: A. E. Clark, 1914. 368 p.
118. *Jarosch G.* Научно-исследовательское путешествие Д. Г. Мессершмидта по Сибири важный источник сведений о сибирских народах // Actes du Xle Congrès international d'histoire des sciences: Varsovie — Torün—Kielce—Cracovie, 24–31 Août 1965. Weocław; Varsovie; Cracovie: Ossolineum, 1967. P. 320–322.
119. *Klein O.* Un pamphlet scientifique au XVIIIème siècle: La « Lettre d'un officier de la marine russe à un seigneur de la cour concernant la carte des nouvelles découvertes au nord de la mer du sud & le mémoire qui y sert d'explication publié par m. de L'Isle: Mémoire pour le DEA de Sociétés occidentales / Sous la dir. de M. N. *Bourquet*; Université de Paris 7. Paris, 2002. 124 f.

120. *Kopanev N.* Histoire de l'édition française de livre de Gerhard Friedrich Müller Voyages et découvertes, faites par les Russes le long des côtes de la Mer Glaciale & sur l'Océan Oriental (1766) // L'invention de la Sibérie par les voyageurs et écrivains français: XVIIIe–XIXe siècles / Sous la dir. de *S. Moussa* et *A. Stroeve*. Paris: Institut d'études slaves, 2014. P. 36–45.
121. *Müller G. F.* A Letter from a Russian Sea-Officer, to a Person of Distinction at the Court of St. Petersburg: Containing his remarks upon Mr. De l'Isle's chart and memoir, relative to the new discoveries Northward and Eastward from Kamtschatka / Translated from the original French; Together with some observations on that letter / by Arhur Dobbs. London: Printed for *A. Linde* and sold by *J. Robinson*, 1754. 83, [1] p.
122. *Müller G. F.* Nachrichten von Seereisen, und zur See gemachten Entdeckungen; die von Russland aus längst den Küsten des Eismeeeres und auf dem Ostlichen Weltmeere gegen Japon und Amerika geschehen sind. Zur Erläuterung einer bey der Akademie der Wissenschaften verfertigten Landkarte // Sammlung Russischer Geschichte (SPb.). Bd. 3, St. 1/3. 1758. S. 1–304.
123. *Müller G. F.* Nouvelle Carte Des Decouvertes Faites par Des Vaisseaux Russiens Aux Cotes Inconnues De L'Amerique Septentrionale Avec Les Pais Adiacents... 1758 // BLR: Barry Lawrence Ruderman, Antique Maps Inc. (Электронный ресурс: <https://www.raremaps.com/gallery/detail/46145/nouvelle-carte-des-decouvertes-faites-par-des-vaisseaux-russiens-aux-cotes-inconnues-de-lamerique-septentrionale-avec-les-pais-adiacents-1758-muller>; дата обращения: 16.5.2018).
124. *Müller G. F.* Voyages et découvertes, faites par les Russes le long des côtes de la Mer Glaciale & sur l'Océan Oriental, tant vers le Japon que vers l'Amérique; On y a joint l'histoire du Fleuve Amur et des pays adjacens, depuis la conquête des Russes; avec la Nouvelle Carte qui présente ces découvertes & le cours de l'Amur, dressée sur des mémoires authentiques, publiée par l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg, & corrigée en dernier lieu / Ouvrages traduit de l'allemand de Mr G.P. <Sic !> Müller, rap G. F. Dumas. 2 vols. Amsterdam: Chez Marc Michel Rey, MDCCCLXVI (1766). (X, [2], 388) (IV, 207, [25]) p.
125. *Müller G. F.* Voyages from Asia to America: For completing the discoveries of the north west coast of America; To which is prefixed, a summary of the voyages made by the Russians on the frozen sea, in search of a north east passage; Serving as an explanation of a map of the Russian discoveries, published by the Academy of Sciences at Petersburg / Translated from the high dutch of S. Muller, of the Royal Academy of Petersburg; With the addition of three new maps; 1. A copy of part of the Japanese map of the world; 2. A copy of De Lisle's and Buache's fictitious map; And 3. A large map of Canada, extending to the Pacific Ocean, containing the new discoveries made by the Russians and French By Thomas Jefferys geographer to His Majesty. London: Printed for T. Jefferys, 1761. viii, xliii, 76 p.
126. [*Müller G. F.*]. Lettre d'un officier de la marine russe à un Seigneur de la Cour concernant la carte des nouvelles découvertes au Nord de la Mer du Sud, et le mémoire qui y sert d'explication publié par M. De l'Isle à Paris en 1752 / Traduit de l'Original Russe. Berlin: chez Haude et Spener, [1753].

60 p.; [*Idem*]. Schreiben eines Russischen Officiers von der Flotte an einen Herrn des Hofes, die Chartre der neuen Entdeckungen gegen Norden des Süder-Meers, und die Abhandlung, die zur Erléuterung derselben dient, betreffend, welche beyde von dem Herrn von L'Isle im Jahre 1752 zu Paris herausgegeben worden sind / Aus dem Rußischen in das Frantzösische gebracht, und hernach in das Deutsche übersetzt von *Joh. Victor Krause*. Berlin: Haude und Spener, [1753]. 54 S.

127. *Winter E.* Die russische und die deutsche Frühaufklärung und die Erforschung Sibiriens, insbesondere durch Messerschmidt // *Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der Volksdemokratischen Länder Europas*. Bd. 6. 1962. S. 189–202.

Алексей Алексеевич Голубинский
(Москва)

*Ведущий специалист Российского государственного архива древних актов,
младший научный сотрудник Института российской истории РАН*

Сведения о Востоке в документах семьи Делиль

В XVII в. среди европейских учёных интенсивно шло накопление знаний о неисследованных территориях, в том числе землях Северной и Южной Америк, Сибири, Дальнего Востока, государств Юго-Восточной Азии. Формировались центры хранения, сопоставления и обобщения информации, и одним из таких центров стала семья Делиль, представителями которой были известнейшие историки, географы, астрономы и картографы своего времени. Используя передовые достижения науки, они старались создать максимально подробные и точные карты и описания, в том числе и для тех территорий, которые считались практически неизведанными. Двое из представителей этой семьи — Жозеф-Николя Делиль и Луи Делиль де ла Кройер — связали свою судьбу с Россией и, приглашённые Петром I, стали одними из первых академиков Санкт-Петербургской Академии наук.

Сложности в накоплении информации о неизвестных территориях можно описать несколькими тезисами: удалённость от основного центра осмысления географии мира — Европы; наличие промежуточных государств; сравнительная транспортная недоступность; известная мифологичность истории и географии описываемых территорий; сложности в понимании и восприятии другой религии. Невозможность быстрого накопления этих данных одним человеком или одной организацией (даже столь крупной, как Академия

наук) способствовала интенсивному развитию международного научного сотрудничества и обмену информацией. Подобные частые взаимоотношения между учёными вызвали в российском правительстве и историографическом сообществе дискуссию, является ли это допустимым, или же это более правильно называть шпионажем¹. Тяжесть подобного рода проступков в глазах государства объяснялась тем, что право пользования (влияния) территориями (населением, налогами, ресурсами и т.д.) принадлежало государству, их открывшему.

В середине XVIII в. научные интересы Делилей совпали с интересами российского правительства, для которого крайнюю необходимость представляло изучение своих восточных территорий и торговой инфраструктуры для коммуникации с Китаем. Представление о конфигурации дальневосточной части России в конце XVII — первой половине XVIII в. во многом опиралось на догадки и материалы немногочисленных экспедиций и, по современным меркам, выглядело весьма фантастично. Восточные территории для учёного мира XVIII в., в частности для семьи Делилей, были своего рода, как метко отметил А. В. Постников, *terra incognita*², по которой было крайне мало любых сведений; Делилей же интересовала транспортная инфраструктура на пути из европейской части России на восток (собирались, в частности, копии из повёрстных книг), материалы разнообразных анкет³. Они обобщали картографические ма-

¹ Обзор историографии приведён в статье, посвящённой Ж.-Н. Делилю в готовящемся к выходу энциклопедическом издании-словаре о французах на российской службе. Её авторы А. А. Голубинский, Д. Ю. Гузевич, И. Д. Гузевич, В. Ржеуцкий подробно осветили основные историографические проблемы, связанные с привлечением Делилей на российскую службу. Нельзя также не упомянуть о работе А. В. Постникова (*Постников А. В. Новые данные о российских картографических материалах XVIII — нач. XIX в. во Франции // Вопросы истории естествознания и техники. 2005. № 3. С. 17–38*), одного из современных исследователей наследия Делилей. Прочтение работы Постникова не оставляет после себя иной трактовки деятельности Ж.-Н. Делиля, кроме как шпионской, однако в его работе собраны и охарактеризованы основные документальные комплексы картографической и текстовой информации этой семьи, в том числе о Сибири и Дальнем Востоке.

² *Постников А. В. Указ. соч. С. 17.*

³ Среди документов Ж.-Н. Делиля были найдены ответы на анкеты В. Н. Татищева, собранные в сибирских городах (Нарым, Тара, Верхотурье, Пелым, Кузнецк, Томск, Тобольск); в этих анкетах особый акцент делается на вопросы, связанные с языком, вероисповеданием, национальностью, городской и транспортной инфраструктурой, административно-территориальным делением (АНФ. 2JJ78. № 1. А–М). Там же находим список с работы Григория Новицкого «Краткого описания о народе остяцком» (*Ibidem. N*).

териалы, создавали предпосылки для общения с местными жителями (своего рода разговорники), фиксировали данные об истории стран, на основе которых готовилось издание по всемирной истории, в котором нашлось место России и Китаю. Пока этот материал практически выключен из научного оборота⁴, причём незаслуженно. Его рассмотрение позволяет определить, с каким багажом знаний подошли европейские учёные к изучению Дальнего Востока и Юго-восточной Азии в середине XVIII в.

Незнание подробностей о территориях Дальнего Востока нельзя абсолютизировать. Если взглянуть на Чертёжную книгу Сибири — карту С. У. Ремезова, появившуюся на свет в 1701 г., но, очевидно, отражающую более ранние знания об этой территории, получим представление и об озере Байкал, и о городе Албазине, и о Китайских территориях⁵, хотя сведения карты не точны.

На роль систематизатора информации о Дальнем Востоке заслуженно претендовал Николаус Витсен⁶, обладавший также неполными и отрывочными данными о востоке России и Китае⁷.

До определённого времени интересы семьи Делиль концентрировались вокруг данных о путешествиях в Южную Америку. Видимо, это происходило из-за ограниченной возможности получить сведения о других территориях. Вместе с тем их целью было составить всемирную историю и всемирную географию, собрав данные по всему миру.

Первоначально Делили видели себя в роли систематизаторов достаточно высокого уровня; их первоначальный контракт был рассчитан на четыре года, и основной задачей виделась организация

⁴ В частности, в работе *Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и учёных XVIII века. Иркутск, 1968* не нашлось места сведениям французских учёных.

⁵ *Ремезов С. У. Чертёжная книга Сибири. Б. м., 1701. Л. 40. РГБ. (РГБ. Рукописный отдел. Ф. 256: Собрание Румянцева. № 346).*

⁶ См. более подробно: *Кирпичников А. Н. Николаас Витсен: Биографический очерк // А. Н. Кирпичников. Россия XVII века в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. СПб., 1995; Gebhard J. F. Het leven van mr. Nicolaas Cornelisz. Witsen (1641–1717). 2 Delen. Utrecht, 1881–1882. Del. 1: Levensbeschrijving. [IV], XI, 530 p.; Del. 2: Bijlagen.*

⁷ Об объёме данных о Восточной Сибири, Дальнем Востоке, Китае и количестве достоверных из них может свидетельствовать карта *Nieuwe Lantkaarte van het Noorder en Ooster deel van Asia en Europa strekkende van Nova Zemla tot China, Aldus Getekent, Beschreven, in kaart gebracht en uytgegeven, Sedert een Nauwkeurig ondersoek van meer als twintig Jaaren / door Nicolaes Witsen, Consul Amst. Anno 1687. С его же именем связана другая карта, Lant kaarte van 't Oost Tartarie. Autore N. Witsen, Reip. Amst Senatore.*

обсерватории. В вариантах документов, которые составлялись для подготовки контракта с Делиями, описывалось, что они приглашаются для учреждения обсерватории в Санкт-Петербурге и Москве и для ведения астрономических наблюдений⁸. Однако в России в условиях недостатка подготовленных кадров их функции расширились — они сами стали участниками экспедиций, в том числе и на восточном направлении. Для Жозефа-Николя это стала экспедиция в Берёзов⁹, для Людовика Делия де ля Кроера — участие в Великой экспедиции Витуса Беринга.

Семья Делиль в 1720-е гг. не располагала точными данными относительно местоположения населённых пунктов Сибири и Дальнего Востока — у них были, по всей видимости, только географические координаты городов Европейской части России. Об этом свидетельствует письмо к Л. Л. Блюментросту от 8 октября 1722 г.¹⁰, в котором приводятся сведения о широте 5 городов: Москвы, Ярославля, Вологды, «Востока»¹¹, Архангельска¹². Не случайно сравнительно пустыми выглядят территории восточнее Каспийского моря на карте 1723 г.¹³ Для компенсации нехватки этих сведений в дальнейшем Жозеф-Николя использовал данные повёрстных книг, однако даже они из-за пропусков не могли дать точного местоположения многих городов.

Чем дальше к востоку, тем более фантастичными на карте кажутся очертания восточной части Евразии, отразившей административно-территориальное деление конца XVII в. Помимо земли Иезо, отсутствия Камчатки, специфики изображения Новой Земли, ещё и сделанные в устье (для составителей карты — в заливе) реки Лены надписи типа «ou se fait la pêche du Behemot mais la navigation

⁸ Assemblée Nationale. 1507. Т. 1. F. 1.

⁹ Подробнее об этом: Материалы экспедиции Ж.-Н. Делия в Берёзов в 1740 г.: Дневник Т. Кёнигфельса и переписка Ж.-Н. Делия / [сост., авт. вступ. ст., пер. с фр. Н. В. Кирющенко, П. А. Кротова, ред. С. А. Козлов, пер. с латин. А. Б. Егорова, Д. В. Кейера]. СПб., 2008.

¹⁰ Здесь и далее даты указаны по ст. ст. (юлианскому календарю). — *Прим. ред.*

¹¹ Принимая во внимание неточность в определении координат других городов, этот не идентифицированный город с широтой 61°15' может быть с учётом ошибки Вельском или Вытегрой.

¹² Assemblée Nationale. 1507. Т. 1. Пагинация отсутствует. Далее пагинация для французских источников дана условно.

¹³ Carte des pays voisins de la Mer Caspienne dressée pour l'usage du Roi... par Guillaume Delisle Premier Geographe du Roi de l'Academie Royale des sciences. 15 Aout 1723.

en est difficile» («Место, где ловят бегемотов, но мореплавание затруднено»)¹⁴.

На картах Гийома Делиля¹⁵ видна многоэтапная работа по выяснению истинных конфигураций территорий и названий объектов¹⁶. Первая редакция карты имеет множество карандашных помет.

Безусловно, картографические памятники являются жемчужиной собрания Делилей¹⁷, однако не менее ценные сведения о специфике сбора и систематизации, научного обмена и географических открытиях содержатся в переписке Делилей с известнейшими учёными того времени. Они позволяют иногда понять, как в руки французского учёного попали те или иные уникальные документы. Так, в письме Христиану-Фридриху Гроссу, одному из первых академиков Санкт-Петербургской Академии наук, отправленном из Петербурга 3 апреля 1730 г.¹⁸, Ж.-Н. Делиль пишет: «...я получил уже три дня назад Ваше письмо с картой геодезиста Евреинова и письмо для моего брата».

Научные и государственные интересы, межведомственные и личные отношения — всё переплеталось и становилось значимым и, в итоге, играло свою роль в освоении Сибири. Так, через Гросса столичная знать договаривалась о проведении астрономических наблюдений, в том числе и на дому. В феврале 1733 г. Гросс неоднократно просил провести показательные астрономические наблюдения — в частности, для генерала Якова Кейта (James Francis Edward Keith) и Строганова¹⁹. Вместе с этим в своих письмах Гросс сообщил, что наконец-то выделено финансирование для Луи Делиля де ла Кройера, готовившегося отправиться в Вторую Камчатскую экспедицию. Вместе с ним должны были быть доставлены и письма Строганова к его управляющим в Сибири с требованием

¹⁴ ANF. 6JJ73. Pièce 54. Это вариант черновой, без экспликации, печатный, у него вырезана значительная часть Восточной Сибири, Китая, Монголии, на их месте карандашные уточнения и пометы.

¹⁵ В частности, Carte de Tartarie Dressée sur les Relations de plusieurs Voyageurs de différentes Nations et sur quelques Observations qui ont été faites dans ce pais-la Par Guillaume Del'Isle de l'Academie Royale des Sciences. A Paris Chez l'Auteur sur le Quai de l'Horloge a l'Aigle d'Or. Avec Privilège. 1706.

¹⁶ Например, название реки Anadium, Anadvar ou Anadirou.

¹⁷ В рамках одного текста нет смысла обращаться к данным этой обширнейшей коллекции, в данном случае можно сделать ссылку на уже упомянутую работу А. В. Постникова.

¹⁸ Assemblée Nationale. 1507. Т. 1. F. 69.

¹⁹ Кто из представителей Строгановых имелся в виду, установить не удалось. Скорее всего, это А. Г. Строганов.

оказывать экспедиции всю необходимую помощь; Генерал Кейт обещал Делилю карту Китая²⁰; Гросс же информировал его о том, когда отправляются или прибывают курьеры из Китая²¹.

В 1734 г. Делиль получил через того же Гросса оригинал и копию карты Китая (возможно, территории рядом с Тибетом), которые капитан Ренат (Johan Gustaf Renat) — шведский подданный на русской службе — должен был оценить. Вероятно, копия с этой карты должна была быть отправлена в Стокгольм. В письме Делилю от 23 июня 1734 г. Гросс упоминал другую карту — карту Тибета, копию которой было бы желательно получить. Огромная ценность этой переписки заключается в том, что Гросс даёт эмоциональную оценку работы по обмену картографической информацией для развития российской науки: «Эти две карты слишком важны для России, чтобы упустить возможность, воспользоваться ими»²².

Ж.-Н. Делиль интересовался у Гросса особенностями заключения договоров России с Китаем, один, как пишет Делиль, был оформлен на русском и итальянском языках²³. Там же обсуждалось получение карт, в которых обозначены границы между Россией и Китаем²⁴.

В письме от 25 марта 1734 г. Гросс просит Делиля прислать карту калмыцкой территории с «русской запиской, которая содержит пояснения о типе правления и состоянии этой территории». Также он просил вернуть книгу, озаглавленную «Histoire Genealogique de Tartares»²⁵. В свою очередь Делиль получил карту от «Mr. Pakunin» (видимо, имеется в виду большой знаток калмыцкого народа В. М. Бакунин)²⁶.

Часть материалов о пути из Москвы в Китай Делили получали из опыта экспедиций иезуитов, которые обобщались с участием учителя Делиля Джованни Кассини²⁷. Результатом переписки Ж.-Н. Делиля и членами о-ва Иисуса, в частности, А. Гобилем (Antoine

²⁰ Assemblée Nationale. 1507. Т. 1. F. 59 (78)—61 (80). П. П. Пекарский в своей работе «История Императорской академии наук в Петербурге». (Т. 1. СПб., 1870). С. 220 утверждает, что «В 1731 г. Гросс окончательно выбыл из Академии», однако, очевидно, прежние связи сохранил.

²¹ Assemblée Nationale. 1507. Т. 1. F. 65 (85).

²² «Ces deux cartes sont trop importantes pour la Russie, pour perdre l'occasion, d'en profiter». Ibidem. F. 69 (90).

²³ Ibidem. Письмо от 1 декабря 1729 г. F. 45 (59).

²⁴ Ibidem. F. 46 (60).

²⁵ Ibidem. F. 67 (88).

²⁶ Ibidem. F. 69 (90).

²⁷ В частности, см.: ANF. 6JJ73. Pièce 63.

Gaubil)²⁸, стала опубликованная Делилем работа, посвящённая Пекину²⁹.

Результатом семейной работы должны были стать две фундаментальные работы, одна посвящённая мировой географии, другая — мировой истории. Подготовленные в черновом виде, они так и не были при жизни французских учёных опубликованы³⁰. Образ государств Востока в мировой географии характеризуется в основном богатством. Так, описывая острова Японии, Гийом Делиль пишет: «японские острова — это одни из наиболее процветающих государств Востока, которое насчитывает более 30 королевств или провинций и около 100 главнейших сеньоров, которые все признают одного, которого мы можем назвать Императором»³¹. Важнейшей информацией, по мнению автора, также считается то, что торговлей в Японии занимаются исключительно голландцы, их торговая фактория находится в Нагасаки; что же касается других христиан, то они жесточайшим образом преследуются³².

В печатном варианте «Географии...» написано, что Китай, «без сомнения, одно из наиболее процветающих государств мира», ру-

²⁸ Переписка с ним в: ANF. 2JJ63.

²⁹ См. более подробно: *Brucker J.* Correspondance scientifique d'un missionnaire français à Péking au 18e siècle: Le P. Antoine Gaubil, d'après des documents inédits // *Revue du Monde Catholique* (Paris). Т. 76. 1883. P. 5–26, 206–227, 365–377, 701–716; Т. 77. 1884. P. 56–62; *Idem.* La Chine et l'Extrême-Orient d'après les travaux historiques du P. Antoine Gaubil // *Revue des questions historiques* (Paris). Т. 37. 1885. P. 484–539; *Bernard H.* Dans l'intimité des Jésuites français de Pékin: A propos d'une lettre inédite du P. Antoine Gaubil au vénérable P. Cayron // *Bull. catholique de Pékin*. Vol. 29. 1942. P. 674–687; *Кулябко Е. С., Перельмутер И. А.* Из научной переписки петербургских учёных XVIII в.: Обзор арх. мат-лов // *Страны и народы Востока*. Вып. 8. М., 1969. С. 136–152; *Пчелин Н. Г.* Антуан Гобиль: Миссионер, учёный и дипломат // *Общество и государство в Китае* (21-я науч. конф.): Тез. докл. Ч. 2. М., 1990. С. 75–76; *Comentale C.* Une Carte inédite du Père Antoine Gaubil, S. J.: Chine et Tartarie // *Actes du IVe colloque intern. de sinology*. Chantilly, 1991. P. 125–133; *Озерова М. И., Пчелин Н. Г.* Французские китаеведы Ж. Буве и А. Гобиль // *Страны и народы Востока*. Вып. 28. СПб., 1994. С. 123–131; *Дубровская Д. В.* Миссия иезуитов в Китае: Маттео Риччи и др.: (1552–1775). М., 2001; *Пан Т. А., Штаталов О. В.* Архивные материалы по истории западноевропейского и российского китаеведения: К изд. работы В. П. Тарановича «Научная переписка СПбАН с иезуитами, проживавшими в Пекине в XVIII в.». СПб.; Воронеж, 2004.

³⁰ *Introduction a la geographie avec un traité de la sphere*. Т. 1. Paris, 1746. Данная публикация — весьма сильно переработанный рукописный вариант — ANF. Ед. хр. 2JJ84. № 18. § 14.

³¹ *Ibidem*. P. 75 и § 14 соответственно.

³² *Ibidem*. Эта информация вошла только в рукописный вариант «Географии...».

кописный же свидетельствует, что Китай — «самая большая по размерам страна»³³. Другой рукописный вариант «Географии...» утверждает, что Китай — «самая могущественная страна»³⁴. Подобные комплименты государствам Востока уже не дают возможности сомневаться в актуальности изучения транспортных путей, административных границ, городов Востока.

Делили собирали информацию не только о географии объектов, но и о учёных, географах, картографах. Так, при систематизации своих семейных документов Жозеф-Николя выделил специальный том (сохранился в первоначальном виде в Национальных Архивах Франции), где поместил краткое жизнеописание, например, Николауса Витсена³⁵ и Страленберга³⁶. Переписка с этими исследователями, сыгравшими важнейшую роль в исследовании Сибири и Дальнего Востока, содержит малоизвестную информацию о распространении географических сведений. В частности, Витсен сообщал Гийому Делилю о ходе работы над своими картами³⁷. Сочинения Витсена не могли не повлиять на представления о восточных землях, в том числе и легендарных. Как мог Жозеф-Николя, готовивший картографическую часть Второй экспедиции Беринга, не упомянуть о землях, существование которых впоследствии было опровергнуто, но которые всерьёз обсуждались в работах Витсена? Представляется, что это в известной степени снимает

³³ Ibidem. P. 201 («La Chine est sans difficulté le plus florissant état qui soit au monde») и § 5 («La Chine est sans difficulté le plus grand Etat qui soit au monde») соответственно.

³⁴ ANF. 2JJ84. № 33. («La chine est sans difficulté le plus puissant etat qui soit au monde...»).

³⁵ ANF. 2JJ73. № 1A.

³⁶ Ibidem. № 31A.

³⁷ «Il est vrai aussi que j'ai sous la main une seconde Edition de ma grande Carte, qui sera augmentée vers l'Orient, jusqu'aux Terres de la Companie, et comprenant le Jesso et le Japon <...> J'avoie, Monsieur, que si j'avois eu les Manuscript[s] qui sont entre vos mains, touchant le Tibet, Turquestan et autres Païs limitrophes, ma Carte seroit sans doute plus exacte qu'elle ne sera présentement. Parce que mes lumieres touchant ces Païs-là ne sont pas si précises <...>» («Также верно, что у меня имеется вторая версия моей обобщающей карты, которая будет ещё расширена на Восток, до земель Кампании и включая Иеззо и Японию. Я признаю, что, если бы у меня были рукописи, имеющиеся у Вас, касающиеся Тибета, региона Туркестана и соседних стран, моя карта была бы, без сомнения, более точной, какой её нельзя назвать сейчас. Причина тому — мои источники об этих странах, которые нельзя назвать достаточно точными» (Ibidem. № 2. Письмо от 18 октября 1715 г. Ф. 1v. Пагинация отсутствует).

с Иосифа-Николая вину за те невзгоды, которые постигли участников экспедиции³⁸.

Материалы, посвящённые Востоку, послужили поводом для ухудшения отношений между Ж.-Н. Делилем и Петербургской Академией наук. Его карта «Carte des nouvelles découvertes <...>»³⁹ стала настолько значимой в административном отношении, что потребовала опровержения и отповеди, которую было поручено составить Г. Ф. Миллеру⁴⁰. В переписке с Миллером Делиль объяснял, что обладает сведениями, которые сделают его публикацию уникальной и «которыми он единственный владеет»⁴¹. В его собрании сохранилось ещё несколько уникальных карт: в Гидрографическом департаменте в Париже имеется карта Амура 1699 г. подьячего Сибирского приказа Ивана Петелина⁴².

Д. Ю. Гузевич считает, что публикация такой карты была попыткой Делиля расшевелить неповоротливый механизм российского научно-технического обмена информацией, однако есть основания поставить это под сомнение. Напомним, что в 1750-х гг. положение Делиля было уже далеко не блестящим. У него оставалось мало понастоящему сенсационных материалов, которыми он мог поделить-

³⁸ «Le Japon est tout contre Yeso et Yeso est tout proche cette terre ferme si elle n'y est pas contigue <...> ce que j'en peux penser et ce qu'on en dit qu'autrefois le Tartares sont venus au Japon pardessus la glace <...> dans la mer l'eau ne s'y glace pas, la mer doit etre fort étroite entre ces lieux» («Япония располагается напротив Иеззо, и Иеззо находится от этой земле близко, если не соприкасается <...> всё, что я могу об этом предположить и что об этом думают, что некогда обитатели Тартарии проникли на территорию Японии по льду <...> но так как море не покрывается льдом, то море должно быть очень узким между этим двумя сушами»), — так Гийом Делиль передал фрагмент труда Витсена «Description de la grande Riviere d'Amur qui coule tout le long du Dauria suivant le [a]porté qui m'en a été envoyé de la Tartarie et de la Chine» («Описание великой реки Амур, которая протекает по всей Даурии согласно данным, присланным мне из Тартарии и из Китая»). (Гийом Делиль. ANF. 2JJ73. № 6. F. 7v. (пагинация условная).

³⁹ Carte des nouvelles découvertes au Nord de la Mer du Sud, Tant à l'Est de la Siberie et du Kamchatka, Qu'à l'Ouest de la Nouvelle France. Dressée sur les Mémoires de Mr. Del'Isle Professeur Royal et de l'Académie des Sciences. Par Philippe Buache de la même Académie et Presentée à l'Académie, dans son Assemblée publique du 8 Avril 1750. Par Mr. De l'Isle.

⁴⁰ Черновой вариант этого ответа был обнаружен в РГАДА: РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Ед. хр. 639. Л. 75–98об.

⁴¹ «<...> y employer la collection des observations etrangères, que je possède seul <...>» (РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Ед. хр. 546. Ч. 2. №. 11. Л. 60б.).

⁴² Постников А. В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М., 1985. С. 133.

ся с научным сообществом, и уже практически не оставалось причин следовать запретам, продиктованным российским правительством.

Несомненно, в полной мере исследователи смогут познакомиться со многими аспектами географических открытий Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии только после осуществления полной публикации документов семьи Делиль. Пока же остаётся довольствоваться неполными и отрывочными выдержками из их материалов⁴³.

Библиография и архивные источники

1. *Дубровская Д. В.* Миссия иезуитов в Китае: Маттео Риччи и другие: 1552–1775 годы. М.: Крафт+, ИВ РАН, 2001. 251, [3] с.
2. *Зиннер Э. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и учёных XVIII века. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 247 с.
3. *Кирпичников А. Н.* Николаас Витсен. Биографический очерк // *А. Н. Кирпичников.* Россия XVII века в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. СПб.: Славия, 1995. С. 7–19.
4. *Кулябко Е. С., Перельмутер И. А.* Из научной переписки петербургских учёных XVIII в.: Обзор арх. мат-лов // *Страны и народы Востока.* Вып. 8. М.: Наука, 1969. С. 136–152.
5. Л. Эйлер и Ж.-Н. Делиль в их переписке: 1735–1765: [46 писем в ориг. и перев. на рус.] / Публ. *А. П. Юшкевича, Т. Н. Кладо и Ю. Х. Копелевич* // *Русско-французские научные связи = Relations scientifiques russo-françaises* / Публ. *А. Т. Григорьяна и А. П. Юшкевича*, при участии *Т. Н. Кладо и Ю. Х. Копелевич.* Л.: Наука, 1968. С. 119–279.
6. Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля в Берёзов в 1740 г.: Дневник Т. Кёнигфельса и переписка Ж.-Н. Делиля / [сост., авт. вступ. ст., пер. с фр. *Н. В. Кирюшенко, П. А. Кротова*; ред. *С. А. Козлов*; пер. с латин. *А. Б. Егорова, Д. В. Кейера*]. Вып. 1. СПб.: Историч. иллюстрация, 2008. 542, [2] с.
7. *Озерова М. И., Пчелин Н. Г.* Французские китаеведы Ж. Буве и А. Гобиль // *Страны и народы Востока.* Вып. 28. СПб.: Петерб. востоковедение, 1994. С. 123–131.

⁴³ Correspondance échangée de 1720 à 1739 entre l'astronome J. N. Delisle et M. de Navarre / E. Doublet. [S.l.]: [s.n.] 1910. 87 p.; *Omont H.* Lettres de J.-N. Delisle au comte de Maurepas et à l'abbé Bignon sur ses travaux géographiques en Russie: 1726–1730 // *Bulletin de la Section de géographie / Comité des travaux historiques et scientifiques.* Т. 32. Paris, 1917. P. 130–164; Idem. Lettres de J.-N. Delisle au comte de Maurepas et à l'abbé Bignon sur ses travaux géographiques en Russie (1726–1730) / Publ. par M. H. Omont. Paris: Imp. nat., 1919. 39 p.; Л. Эйлер и Ж.-Н. Делиль в их переписке: 1735–1765: [46 писем в ориг. и перев. на рус.] / Публ. *А. П. Юшкевича, Т. Н. Кладо, Ю. Х. Копелевич* // *Русско-французские научные связи = Relations scientifiques russo-françaises* / Публ. *А. Т. Григорьяна и А. П. Юшкевича*, при участии *Т. Н. Кладо и Ю. Х. Копелевич.* Л., 1968. С. 119–279.

8. *Пан Т. А., Шаталов О. В.* Архивные материалы по истории западноевропейского и российского Китаеведения: К изд. работы В. П. Тарановича «Научная переписка СПБАН с иезуитами, проживавшими в Пекине в XVIII в.». СПб.; Воронеж: Центрально-Чернозёмное кн. изд-во, 2004. 139 с.
9. *Пекарский П. П.* История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб.: ОРЯС Имп. АН, 1870. LXVIII, [2], 774, [1] с.
10. *Постников А. В.* Новые данные о российских картографических материалах XVIII — нач. XIX вв. во Франции // Вопросы истории естествознания и техники. 2005. № 3. С. 17–38.
11. *Постников А. В.* Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М.: Наука, 1985. 212, [4] с.
12. *Пчелин Н. Г.* Антуан Гобиль: Миссионер, ученый и дипломат // Общество и государство в Китае: 21-я науч. конф.: Тез. докл. Ч. 2. М.: Наука, 1990. С. 75–76;
13. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Ед. хр. 639. Л. 75–98об.
14. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Ед. хр. 546. Ч. 2. №. 11. Л. 6об.
15. *Ремезов С. У.* Чертежная книга Сибири. [Б. м.], 1701. [48] л. (РГБ. Рук. отд. Ф. 256: Собр. Румянцева. № 346).
16. ANF. 2JJ78. № 1.
17. ANF. 2JJ84. № 18.
18. ANF. 2JJ84. № 33.
19. ANF. 6JJ73.
20. Assemblée Nationale. 1507. Т. 1.
21. *Bernard H.* Dans l'intimité des Jésuites français de Pékin: A propos d'une lettre inédite du P. Antoine Gaubil au vénérable P. Cayron // Bull. catholique de Pékin. Vol. 29. 1942. P. 674–687.
22. *Brucker J.* Correspondance scientifique d'un missionnaire français à Péking au 18e siècle: Le P. Antoine Gaubil, d'après des documents inédits // Revue du Monde Catholique (Paris). Т. 76. 1883. P. 5–26, 206–227, 365–377, 701–716; Т. 77. 1884. P. 56–62.
23. *Brucker J.* La Chine et l'Extrême-Orient d'après les travaux historiques du P. Antoine Gaubil // Revue des questions historiques. (Paris). Т. 37. 1885. P. 484–539.
24. Carte de Tartarie Dressée sur les Relations de plusieurs Voyageurs de différentes Nations et sur quelques Observations qui ont été faites dans ce pais-la Par Guillaume Del'Isle de l'Academie Royale des Sciences. A Paris: Chez l'Auteur sur le Quai de l'Horloge a l'Aigle d'Or. Avec Privilege, 1706.
25. Carte des nouvelles découvertes au Nord de la Mer du Sud, Tant à l'Est de la Siberie et du Kamchatka, Qu'à l'Ouest de la Nouvelle France / Dressée sur les Mémoires de Mr. Del'Isle Professeur Royal et de l'Académie des Sciences par Philippe Buache de la même Académie et Presentée à l'Académie, dans son Assemblée publique du 8 Avril 1750; Par Mr. De l'Isle.
26. Carte des Pays voisins de la Mer Caspiene, dressee pour l'usage du Roy. Sur la carte de cete Mer, faite par l'ordre du Czar, sur les Memoires manuscrits de Soskam-Sabbas, Prince de Georgie, sur ceux de Mrs. Crusius, Zurabek, et Fabritius Ambassadeurs a la Cour de Perse, et sur les eclaircissemens tirez

- d'un grand nombre de personnes intelligentes du pais; Assujettie aux observations astronomiques / Par Guillaume Delisle, Premier Geographe du Roy, de l'Academie Royale des Sciences. 15 Aout 1723. Marin sculptit. A Paris: Chez le Sr. Delisle, Quay de l'Horloge.
27. *Comentale C.* Une Carte inédite du Père Antoine Gaubil, S. J.: Chine et Tartarie [Texte imprimé] // Chine et Europe: évolution et particularités des rapports Est-Ouest du XVIe au XXe siècle: Actes du IVe Colloque international de sinologie de Chantilly, 8–11 septembre 1983. Paris: [S. I.], 1991. P. 125–133.
 28. Correspondance échangée de 1720 à 1739 entre l'astronome J.N. Delisle et M. de Navarre / E. Doublet. [S. l.]: [S.n.] 1910. 87 p.
 29. *Gebhard J. F.* Het leven van mr. Nicolaas Cornelisz. Witsen (1641–1717). 2 Delen. Utrecht: J. W. Leeflang, 1881–1882. Del. 1: Levensbeschrijving. [IV], XI, 530 p.; Del. 2: Bijlagen.
 30. Introduction a la geographie avec un traité de la sphere. T. 1. Paris: Savoye, 1746. 352 p.
 31. Lant kaarte van 't Oost Tartarie. Autore N. Witsen, Reip. Amst Senatore.
 32. Nieuwe Lantkaarte van het Noorder en Ooster deel van Asia en Europa strekkende van Nova Zemla tot China, Aldus Getekent, Beschreven, in kaart gebragt en uytgegeven, Sedert een Nauwkeurig ondersoek van meer als twintig Jaaren / door Nicolaes Witsen, Consul Amst. Anno 1687.
 33. *Omont H.* Lettres de J.-N. Delisle au comte de Maurepas et à l'abbé Bignon sur ses travaux géographiques en Russie: 1726–1730 // Bulletin de la Section de géographie / Comité des travaux historiques et scientifiques (Paris). T. 32. 1917. P. 130–164.
 34. *Omont M. H.* Lettres de J.-N. Delisle au comte de Maurepas et à l'abbé Bignon sur ses travaux géographiques en Russie (1726–1730) / Publ. par M. H. Omont. Paris: Impr. nat., 1919. 39 p.

Елена Фёдоровна Королькова
(Санкт-Петербург)

*Заведующая сектором отдела археологии Восточной Европы и Сибири
Государственного Эрмитажа*

Золото Сибири: Коллекция Петра I и геополитические интересы России

Сибирская коллекция Петра I — самое раннее археологическое собрание в России, своим появлением обязанное неординарной личности русского царя. Предпосылками его коллекционирования древностей были два обстоятельства: с одной стороны, его любознательность и тяга ко всякого рода раритетам, имевшие тенденцию к научному познанию и исследовательским задачам, с другой стороны, его практический интерес и чисто материальные задачи. К последним относятся, в частности, поиски источников золота, в котором Россия остро нуждалась. Информация о раскопках древних курганов Сибири «бугровщиками» и находках ими золотых сокровищ доходила до Москвы ещё во времена Алексея Михайловича. Эти сведения указывали, во-первых, на возможность непосредственной добычи драгоценного металла путём переплавки археологических готовых изделий, а во-вторых, были косвенным подтверждением существования месторождений, служивших источниками золота в древности.

Надо отдать должное Петру I: меркантильный интерес у него никак не превалировал над научным. Его государственные планы отличались дерзновенной смелостью устремлений и грандиозностью перспектив, а их достижение могло быть обеспечено любыми

доступными средствами и жертвами. Однако задача научного археологического исследования памятников Сибири оказалась для него более привлекательной, чем просто добыча драгоценного металла, благодаря чему найденные бугровщиками вещи вошли в коллекцию, а не исчезли в плавильных печах.

Археологические древности Сибири для Петра Великого представляли интерес и в аспекте его идеи составления полной истории России и населявших её народов с древнейших времён. Необходимо отметить, что именно появление находок «могильного золота», вызвав живой интерес Петра I к изучению сибирских древностей, побудили его инициировать первые в России археологические раскопки исключительно в исследовательских целях с привлечением европейских учёных, в частности, Даниэля Готлиба Мессершмида (1685–1735). Впервые такие раскопки были проведены в окрестностях Абакана в 1722 г. Их целью было изучение обычаев и верований древних народов, исследование их обрядов и культуры в целом. Раскопки обеспечивались подробными отчётами и чертежами. Тем самым было положено начало российской археологической науке.

Сумев оценить художественное достоинство и историческую значимость добычи бугровщиков, Пётр I предпринял ряд мер, направленных на сохранение древних памятников. Результатом этого было издание нескольких указов, преследующих цель прекратить хищническое разграбление сибирских могил.

Во исполнение распоряжений Петра I сибирский губернатор князь М. П. Гагарин, ставший для царя основным поставщиком «могильного» золота, выкупал и пересылал государю самые интересные с художественной точки зрения находки¹. Предметы, добытые варварскими раскопками древних могил, сосредоточивались в тогдашней столице Сибири г. Тобольске. Впоследствии многие из этих вещей оказались в составе петровской коллекции. Большая их часть была прислана в Петербург М. П. Гагариным тремя партиями в 1716–1717 гг. Как и откуда находки поступали в Тобольск, выяснить за редким исключением невозможно. Доподлинно известно, что отдельные вещи были извлечены из курганов до 1714 г. Возможно, именно их преподнёс Петру Демидов² в 1715 г. по

¹ *Завитухина М. П.* К вопросу о времени и месте формирования Сибирской коллекции Петра I // *Культура и искусство петровского времени*: Публ. и исслед. Л., 1977. С. 63–69; *Она же.* Собрание М. П. Гагарина 1716 года в Сибирской коллекции Петра I // *АСГЭ*. Вып. 18. Л., 1977. С. 41–51.

² Скорее всего, речь идёт об Акинфий Никитиче Демидове (1678–1745), однако нельзя исключать, что имеется в виду его отец, Никита Демидович Антуфьев (1656–1725).

случаю рождения царевича Петра Петровича, о чём упоминает Иван Голиков. Его сведения стали основанием для приписывания всей коллекции древних золотых украшений, получившей позднее название Сибирской коллекции Петра I, Демидову. Иногда в литературе можно встретить название Демидовское собрание или Гагаринское собрание³.

Согласно петровским указам и распоряжениям, Гагарин посылал на поиски золота экспедиции и собирал у бугровщиков не только находки, но и не менее ценные сведения, которые было необходимо проверять. В записях Далматовского Успенского монастыря, находившегося в Пермской губернии в Приуралье, есть свидетельство, что по распоряжению Гагарина уже в 1712 г. воевода князь Мещерский посылал отряды «для прииску»... при помощи людей монастырских «золота, серебра, меди и иных вещей в недрах насыпей для казны государевой...»⁴.

Воеводы Томска и Красноярска снаряжали целые отряды «бугровщиков». Эти экспедиции носили двойственный характер: с одной стороны, перед ними ставилась государственная задача географического освоения Сибири, составления карт и поисков месторождений золота. С другой стороны, участники подобных далеко не безопасных рейдов получали возможность непосредственной наживы за счёт варварских раскопок богатых захоронений. Артели «бугровщиков», включавшие порой до 300 человек, вели сезонный промысел, раскапывая могилы с весны до осени.

Указ государя 1721 года повелевал: «Куриозные вещи, которые находятся в Сибири, покупать Сибирскому губернатору, или кому где надлежит, настоящею ценою, и не переплавливая, присылать в Берг и Мануфактур Коллегию»⁵. Кроме распоряжения об обязательной пересылке находок в Санкт-Петербург и передаче их в казну, царские указы содержали предписания о наказании грабителей, что «сыскивают золотые стремена и чашки», повелевая «гробокопателей смертью казнить, ежели пойманы будут»⁶.

Формирование ядра Сибирской коллекции относится в основном к 1715–1718 гг. Однако часть вещей, вероятно, появилась в

³ Завитухина М. П. Собрание М. П. Гагарина 1716 года... С. 41–51.

⁴ Цит. по: Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3: Древности времён переселения народов. СПб., 1890. С. 36.

⁵ ПСЗ-1. Т. 6. СПб., 1830. № 3738.

⁶ Радлов В. Сибирские древности. Т. 1, вып. 2. СПб., 1891. Прилож. VIII: Из путевого журнала Ив. Унковского о посольстве его к контайше Цеван-Рабану. С. 24. (МАР № 5).

поле зрения царя ещё раньше. Во всяком случае, факт их более раннего извлечения из курганов документально подтверждается наличием парных им предметов в собрании другого коллекционера сибирских древностей — голландца Николааса Витсена, примеру которого последовал русский царь.

История коллекции и происхождение вещей окутаны тайной, а утрата информации о подлинных местах находок и отсутствие археологического контекста, к сожалению, многократно снижают научный потенциал собрания как исторического источника в изучении древних культур. Однако это не лишает предметы, входящие в сибирскую коллекцию, их значения для научного исследования как художественных артефактов, связывающих историю ранних кочевников Евразии с культурами великих древневосточных государств — Персией, Китаем, Ассирией.

В Сибирской коллекции есть несколько украшений, вписывающихся в круг ювелирных изделий IV–III в. до н.э. с характерными стилистическими особенностями и технологическими признаками, которые позволяют связать их с традициями культуры ахеменидского Ирана и его периферии. Возможно, они имеют бактрийское происхождение и находят ближайшие аналогии среди золотых предметов из Амударьинского клада. Например, эгрет из Сибирской коллекции демонстрирует близость с ювелирными изделиями из «сокровищ Окса», что позволяет ставить вопрос не только о близком культурном происхождении, но и возможном месте находки. Вопрос исключительно дискуссионный, поскольку стилистическое сходство с эгретом из Сибирской коллекции имеют и археологические находки из алтайских курганов скифского времени, особенно из 1-го и 2-го Пазырыкских курганов⁷.

Формирование собрания Петра I связано с историей Российского государства в период сложения Империи и, несмотря на отсутствие многих важных документальных свидетельств об обстоятельствах того времени, коллекция сама по себе оказывается материальным подтверждением некоторых исторических событий и геополитических интересов России.

Географическое положение России обусловило её роль связующего звена между Европой и Азией. С давних пор через Иран и Закавказье проходил Великий «шёлковый путь» — торговая магистраль между Западом и Востоком. Россия постепенно встраивалась в отлаженную сеть торговых и политических контактов между

⁷ *Королькова Е. Ф.* О происхождении некоторых особенностей сибирского звериного стиля // КСИА. Вып. 247. М., 2017. С. 50–60.

Европой и Азией. После завоевания Казанского и Астраханского ханств она получила возможность прямого контакта с Персией и Средней Азией. Политика России, искавшей и устанавливавшей в Петровскую эпоху своё место в мире, постоянно разрабатывала два вектора связей и продвижения — западный и восточный. Русский историк С. М. Соловьёв писал: «Пётр, стремясь к достижению своей “великой цели” — получению Россией выхода к Балтийскому морю, не спускал глаз с Востока, зная хорошо его значение для России, зная, что материальное благосостояние России поднимется, когда она станет посредницею в торговом отношении между Европой и Азией... Страны Востока, от Китая до Турции, одинаково обращали на себя внимание Петра»⁸.

Первые российские экспедиции на Восток подчас носили характер авантюрного приключения и заканчивались гибелью первопроходцев, поскольку далёкий и неизведанный путь таил в себе множество опасностей и неизвестных осложнений, которые трудно было даже предугадать. При этом представления о географии были неточны, карт многих территорий либо вовсе не существовало, либо они были крайне приблизительны и не вполне адекватны реальности. Поэтому одной из главных задач всегда ставилось составление и уточнение географических карт и нанесение на них рек и других потенциальных водных коммуникаций.

Первая миссия на Восток была осуществлена в 1695 г. отправкой купца Семёна Маленького в Персию и Индию. Далее Пётр I направляет своих людей для исследования и описания берега Каспийского моря, для изучения территории Сибири и Дальнего Востока, а также Средней Азии⁹. Царь искал возможности развития торговли через Среднюю Азию, и его чрезвычайно интересовала территория бассейна реки Амударья. Ходили непроверенные слухи о том, что раньше Амударья впадала в Каспийское море, но хивинцы или калмыки, построив плотину, отвели русло в Аральское море¹⁰. Восстановление старого русла открывало бы прямое водное сообщение

⁸ Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. Кн. 9, т. 18. М., 1963. С. 345.

⁹ Перри Д. Состояние России при нынешнем царе. (ЧИОИДР. 1871. Кн. 1).

¹⁰ Следует отметить, что географическая ситуация с бассейном и руслом Амударья до сих пор не вполне выяснена. Возможно, эта река имеет свои особенности и под воздействием человеческой хозяйственной деятельности, неизменно забирающей воду на орошение для земледелия, меняет своё русло и теряется в песках Кызыл-Кумов. Таким образом, отведение русла реки могло быть не преднамеренным вредоносным действием, а следствием нехватки воды в этом регионе.

по Волге в Каспий и далее по Амударье на Восток, имея целью удобное достижение Индии. Такой проект сулил колоссальные торговые перспективы восточных связей, вплоть до Китая, и открывал бы великий торговый путь товарам Востока и Запада через Россию. Нельзя не отметить, что, отправляя экспедицию Александра Бековича-Черкасского в Среднюю Азию, Пётр I преследовал несколько целей. Приоритет среди поставленных Бековичу-Черкасскому задач, безусловно, принадлежал поиску возможностей проложения торговых путей на Восток и географическому изысканию для создания карт. Лишь во вторую очередь предусматривались поиск источников золота и проверка сведений о «песошном золоте». На это указывает упомянутая в приведённом Н. П. Ивановым рапорте неперменного секретаря Санкт-Петербургской императорской академии наук П. Фусса военному министру от 14 июля 1839 г.¹¹ за № 844 собственноручная инструкция государя, написанная им в Либаве 14 февраля 1716 г.¹²

Одной из задач губернатора, фактического наместника царя в Сибири, имевшего большие полномочия и самостоятельность в установлении связей и торговых отношений с Китаем и другими восточными регионами, был сбор информации обо всех возможных источниках получения золота. Воплощая чаяния государя, М. П. Гагарин собирал все сведения о фактах нахождения золота в том или ином виде и других ценностей и регулярно слал донесения в Петербург о проведении розыска находчиков.

В сочинении ганноверского посланника Вебера имеются упоминания о том, что в январе 1716 г. князь Гагарин, руководствуясь распоряжениями государя, посылал из Сибири людей для поисков древностей «на восточном краю Каспийского моря, в стране Самарканде», откуда были получены известия о находках там золота и других древностях¹³. Таким образом, поиски источников золота и сопровождавшие каждую из отправленных экспедиций раскопки и ограбление древних могильников были сопряжены между собой. Едва ли не все снаряжённые отряды попутно раскапывали древние курганы, извлекая из них «могильное золото» и другие раритеты. Упоминания таких находок разбросаны в многочисленных мемуарных записках и других источниках XVIII в.

¹¹ Здесь и далее даты указаны по ст. ст. (юлианскому календарю). — *Прим. ред.*

¹² *Иванов Н. П.* Хивинская экспедиция 1839—1840 г.: Очерки и воспоминания очевидца. СПб., 1873. С. 15—16.

¹³ *Вебер Ф. Х.* Преображённая Россия: Новые записки о нынешнем состоянии Московии / Пер. Д. В. Соловьёва. СПб., 2011. С. 88—89.

М. П. Гагарин получил весьма интересные сведения от дворянина Фёдора Трушникова, совершившего путешествие в Синьцзян (в то время его именовали Малой Бухарией) в г. Яркенд, находившийся на реке Тарим-Дарья, и купившего там золотой песок. Образец песка вместе с донесением сибирского губернатора был доставлен в Петербург в мае 1714 г.: «В городе калмыцком Эркети... на реке Дарье промышляют песошное золото». Гагарин предлагал и практический план: для овладения Эркетом организовать военную экспедицию и построить несколько крепостей на пути к нему, оставив там гарнизоны солдат¹⁴.

В то же время до столицы дошёл слух из Астрахани о некоем Ходже Нефесе, который рассказывал о золоте, добываемом в Бухарии (Бухарское ханство) на реке Амударье. Видевший присланный Гагариным золотой песок хивинский посол Ачерби подтвердил, что такое золото в Бухарском и Хивинском ханстве есть и река Амударья действительно им богата¹⁵. Оба этих слуха слились в один сюжет, в котором переплелись и смешались географические понятия и смутные представления о реальном расположении этих объектов: Малая Бухария (Синьцзян) и Бухария, реки Тарим-Дарья и Амударья, Яркенд и Эркет. Ни Гагарин, ни кто другой не мог себе представить, что реальные расстояния, которые предполагалось преодолеть, окажутся неизмеримо большими, а путь нужно будет прокладывать по непролазным болотам и тайге.

С 1714 по 1718 г. для уточнения карт и установления реальности сведений об устье Амударьи и её золоте было отправлено несколько экспедиций: вверх по Иртышу к Ямышеву озеру двинулся И. Д. Бухголец, на Каспий лежал путь А. Бековича-Черкасского и картографа поручика А. Кожина. Все они окончились неудачами и вопросы о «песошном золоте» и возможности судоходства по реке из Каспийского моря по старому руслу оставались открытыми. Цена этих экспедиций измерялась большими человеческими жертвами¹⁶. На

¹⁴ *Миллер Г. Ф.* Известия о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оногo отправления и о строении крепостей // Ежемесячные сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760.

¹⁵ *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 9. М., 1789. С. 443.

¹⁶ *Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Поиски древностей в Прииртышье в погоне за «песошным золотом» российскими и европейскими военными и учёными в первой половине XVIII в. // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках: Сб. мат-лов междунар. науч. конф. Новосибирск, 2011. С. 24–29; *Бородаев В. Б.* Российские военные

обратном пути Бухгольц основал в устье реки Оми при впадении в Иртыш Омскую крепость. В 1717 г. вновь по Иртышу направился подполковник П. Ступин, восстановивший разрушенную крепость Бухгольца на Ямышевом озере и оттуда двинулся к оз. Зайсан, основав на Иртыше рядом с заброшенным ламаистским ойратским монастырём крепость Семипалатную.

Второй и третий хивинские походы А. Бековича-Черкасского не принесли практических результатов, а сам князь и его люди были жестоко убиты. Попытка продвинуться в Среднюю Азию и установить там своё влияние, использовав внутривосточный кризис Хивинского и Бухарского ханств, раздираемых междоусобными противоречиями узбекской аристократии и ханской власти, провалилась¹⁷. Упорство, с которым царь пытался осуществить желаемое, несмотря на неудачи, большие жертвы и затраты, говорит о чрезвычайной важности для России освоения этого восточного геополитического вектора. Дипломатические контакты со Средней Азией были весьма оживлёнными: в период с 1616 по 1714 г. насчитывается 27 посольств только из одной Хивы, не считая отдельных посланцев и посольств из Бухары. В 1718 г. посланником к бухарскому хану был отправлен секретарь Ориентальной коллегии иностранных дел рагузинец Флорио Беневени, оставивший замечательный исторический источник — подробные документальные записки¹⁸.

В 1719 г. разузнать о «песошном золоте» с сибирской стороны был отправлен майор И. М. Лихарев, который дошёл до оз. Зайсан. Косвенные свидетельства о том, что участники этих исследовательских рейдов могли попутно раскапывать курганы и находить какие-то древности, упоминаются в исторических источниках. Так, внук А. Н. Демидова П. Г. Демидов сообщает в письме члену Лондонского общества собирателей древностей П. Коллинсону в 1764 г., что в степях между Обью и Иртышом, где проходил проложенный русскими путь в Китай, имеются курганы, которые упомянуты в трудах шведа Ф. И. Страленберга и англичанина Д. Белла, совершившего в 1719 г. путешествие по Сибири в составе русского посольства в

экспедиции к истокам Иртыша в 1715–1720 гг. и создание карты Верхнего Прииртышья // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках: Сб. мат-лов междунар. науч. конф. Новосибирск, 2011. С. 18–22.

¹⁷ *Гроссул-Толстой (Пётр)*. Дела русского оружия и политики в Средней Азии: По поводу войны России с Хивою. Одесса, 1871. С. 3–5.

¹⁸ Посланник Петра I на Востоке: Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1716–1725 годах. М., 1986.

Китай¹⁹. Белл свидетельствует о массовых раскопках и разграблении курганов²⁰. Среди «куриозных вещей» могильного происхождения он упоминает подвеску из жёлтой меди в виде фигурки всадника и золотые зооморфные бляшки. Страленберг повествует о некоем русском военном отряде, в 1720 г. обнаружившем множество курганов в верховьях Иртыша. Очевидно, речь идёт об отряде майора И. М. Лихарева, экспедиция которого именно тогда проходила на этой территории. Однако главной задачи своей миссии Лихарев тоже не решил.

Потерпев неудачу в достижении поставленных целей военным путём и не найдя желанного «золотоносного» Эркета, Пётр прибегнул к дипломатии. В 1722–1724 гг. от Тобольска по Иртышу к правителю Джунгарии Цеван-Рабтану направилось посольство капитана И. Унковского, который безуспешно пытался получить у кантайши разрешение на поиски руд на территории Джунгарии.

Конкретных результатов удалось добиться только после смерти Петра I, в 1732–1733 гг. посольством к калмыкам плац-майора Угримова. Выяснилась наконец географическая путаница: золото, о котором получил информацию Гагарин, добывалось в Восточном Туркестане (Синьцзяне). Правильное название города Яркенд, а не Эркет, а прииски располагались у г. Керии. Идея о военном способе завладения этим источником драгоценного металла была снята.

Однако все эти экспедиции, потребовавшие огромного напряжения сил государства и затрат человеческих ресурсов, несомненно, принесли свои результаты с точки зрения уточнения географических реалий и постепенного формирования политических и торговых контактов России на Востоке и установления потенциальных возможностей их развития и упрочения.

Нельзя исключить, что некоторые из золотых украшений, вошедших в Сибирскую коллекцию, непосредственного источника которых мы не знаем, могли попасть к князю Гагарину не из Сибири, а с другой территории, по существу, тоже находившейся в зоне его деятельности. Так, в записках Вебера, датированных январём

¹⁹ Some Account of certain Tartarian Antiquities In a letter from Paul Demidoff, Esquire, at Petersburg, to Mr. Peter Collinson, dated September 17, 1764 // *Archaeology: or Miscellaneous tracts relating to Antiquity* / Publ. by the Society of Antiquaries of London. Vol. 21, MDCCXXIII (1723). P. 222–226; *Княжецкая Е. А.* Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева (1719–1720) // *Страны и народы Востока*. Вып. 26. М., 1989. С. 12, 17.

²⁰ *Зиннер Э. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и учёных XVIII века. Иркутск, 1968. С. 50–51.

1716 г., упоминаются в связи с историей о «песошном золоте» Амударьи посланные Гагариным для уточнения этой информации люди, производившие раскопки древностей²¹. Вебер видел присланные «как некие диковины» сибирским губернатором царю бронзовые фигуры, «языческие идолы, изображающие минотавров, быков, гусей, согбленных старцев, а некоторые даже молодых женщин». «Царь приказал продолжать раскопки в окрестностях Самарканда, дабы обнаружить там и другие редкости или, быть может, даже золотоносные жилы»²². Из этого описания явственно, что древности были весьма разнообразными и, вероятно, разновременными, но часть изображений, несомненно, имела зооморфный характер, что свойственно памятникам скифо-сарматского времени.

В земле Средней Азии, Сибири и Сибирского Алтая обнаружены останки сложившихся культур в Петровскую эпоху первопроходцев, тайны истории и древние золотые предметы. Судьба этих вещей зачастую необычайно сложна: некогда престижные драгоценности, сменившие, возможно, не одного владельца в древности, они могли быть предметами дарения и военной добычей, затем послужили ритуальным инвентарём при захоронении кочевников, а в конце XVII — начале XVIII в. вновь стали объектом грабежа при варварских раскопках курганов и последующих событиях, в которые были вовлечены участники этих раскопок. Так, с захоронениями убитых спутников Бековича-Черкасского и их добычей иногда связывают находки драгоценной посуды близ Куны Ургенча²³. Собранные по крупицам сведения когда-нибудь, возможно, прольют свет на происхождение предметов из Сибирской коллекции Петра и исторические обстоятельства Петровской эпохи.

Библиография

1. *Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Поиски древностей в Прииртышье в погоне за «песошным золотом» российскими и европейскими военными и учёными в первой половине XVIII в. // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках: Сб. мат-лов междунар. науч. конф. Новосибирск, 2011. С. 24–29.
2. *Бородаев В. Б.* Российские военные экспедиции к истокам Иртыша в 1715–1720 гг. и создание карты Верхнего Прииртышья // Социально-

²¹ *Вебер Ф. Х.* Указ. соч. С. 88–89.

²² Там же. С. 89.

²³ *Иванов А. Л.* Пути в Индию: Краткий очерк развития торговых сношений с отдалённым Востоком. СПб., 1889. С. 18.

- экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках: Сб. мат-лов междунар. науч. конф.: [27–29 сентября 2010 г.]. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 18–22.
3. *Вебер Ф. Х.* Преображённая Россия: Новые записки о нынешнем состоянии Московии / Пер. Д. В. Соловьёва. СПб.: Искусство-СПБ, 2011. 302, [2] с.
 4. *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 9: [1724–1725]. М.: В Унив. тип., у Н. Новикова, 1789. X, 503 с.
 5. *Гроссул-Толстой (Пётр).* Дела русского оружия и политики в Средней Азии: По поводу войны России с Хивою. Одесса: Тип. бр. Гроссул-Толстых, 1871. 22 с.
 6. *Завитухина М. П.* К вопросу о времени и месте формирования Сибирской коллекции Петра I // Культура и искусство петровского времени: Публ. и исслед. Л.: Аврора, 1977. С. 63–69.
 7. *Завитухина М. П.* Собрание М. П. Гагарина 1716 года в Сибирской коллекции Петра I // АСГЭ. Вып. 18. Л.: Изд-во ГЭ, 1977. С. 41–51.
 8. *Зиннер Э. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и учёных XVIII века. Иркутск: Восточно-Сиб. изд-во, 1968. 247 с.
 9. *Иванов А. Л.* Пути в Индию: Краткий очерк развития торговых сношений с отдалённым Востоком. СПб.: Тип. В. Киришаума, 1889. 32 с.
 10. *Иванов Н. П.* Хивинская экспедиция 1839–1840 г.: Очерки и воспоминания очевидца: Практич. советы отъезжающим в степи. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1873. [2], II, 212 с.
 11. *Княжецкая Е. А.* Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева (1719–1720) // Страны и народы Востока. Вып. 26: Средняя и Центральная Азия (география, этнография, история), вып. 3. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1989. С. 10–35.
 12. *Королькова Е. Ф.* О происхождении некоторых особенностей сибирского звериного стиля // КСИА. Вып. 247. М.: ИА РАН, 2017. С. 50–60.
 13. *Миллер Г. Ф.* Известия о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оногo отправлениях и о строении крепостей // Ежемесячные сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб.: При Имп. АН, 1760. С. 30–102.
 14. *Перри Д.* Состояние России при нынешнем царе / Соч. капитана Джона Перри; пер. с англ. кнж. О. М. Дондуковой-Корсаковой; предисл. М. Семевского. М.: ИОИДР, 1871. viii, 196 с. (ЧИОИДР. 1871. Кн. 1. С. 1–38; Кн. 2. С. 39–196).
 15. Посланник Петра I на Востоке: Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1716–1725 годах: [Письма, реляции, журн.]. М.: Наука, 1986. 156, [3] с.
 16. ПСЗ-1. Т. 6. СПб., 1830. № 3738 от 16.2.1721. С. 357.
 17. *Радлов В.* Сибирские древности. Т. 1, вып. 2. СПб.: Археолог. комис., 1891. [4], 41–80, [2], 21–52 с., 8 л. ил. (МАР № 5).
 18. *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Кн. 9, т. 17–18. М.: Соцэкгиз, 1963. 701 с.

19. Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3: Древности времён переселения народов. СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ., 1890. 158 с.
20. Some Account of certain Tartarian Antiquities In a letter from Paul Demidoff, Esquire, at Petersburg, to Mr. Peter Collinson, dated September 17, 1764 / / Archaeology: or Miscellaneous tracts relating to Antiquity / Publ. by the Society of Antiquaries of London. Vol. 2, MDCCXXIII (1723). P. 222–226.

Дмитрий Алексеевич Лобанов
(Пермь)

*Главный научный сотрудник отдела истории
Пермского краеведческого музея*

Шведские пленники и строительство Сибирских заводов в 1720-е годы

В 1720 г. на Урал и в Сибирь «для смотру рудных мест и строения заводов» был направлен В. Н. Татищев. Через год его на должности главного командира Сибирских заводов сменил Георг Вельгельм Геннин. Основной задачей Татищева и Геннина на Урале и в Сибири была организация поиска и разработки руд, строительство казённых железоделательных и медеплавильных заводов и обеспечение их бесперебойного функционирования.

Практически сразу перед руководством сибирских заводов встала кадровая проблема. Русских специалистов горного дела было крайне мало, иностранцы же не выказывали особой охоты отправиться в далёкую Сибирь даже за высокое жалование, немногие же согласившиеся иногда не имели должной квалификации. В этих условиях одним из источников комплектования специалистами для Геннина и Татищева стали пленные шведы, которых к тому времени скопилось в Сибири около двух тысяч. Среди них были люди, имевшие опыт в горном и артиллерийском деле, а поступление на российскую службу для многих было возможностью облегчить свою участь военнопленного.

Указ «О призыве шведов в службу и о позволении им в Российском государстве, по учинении присяги, селиться, вступать в суп-

ружество, приобретать недвижимую собственность, заниматься торговлею и промыслами» был объявлен в апреле 1721 г.¹ Однако В. Н. Татищев начал активно привлекать пленников на службу ещё до выхода царского указа. Формально законным основанием для действий Татищева был указ от 9 августа 1717 г.² о принятии шведских военнопленных в гражданскую службу во вновь созданные коллегии³. Сменивший Татищева Геннин тоже активно стремился привлекать на службу шведов.

По пути в Сибирь, в Казани Татищев познакомился с Ю. Берглиным. Юхан Берглин, лейтенант драгунского полка Таубе, попал в плен 15 апреля 1709 г.⁴ В 1720 Татищев принимает Берглина на русскую службу с чином капитана и берёт с собой на Урал. В Кунгуре Берглина ставят во главе только что созданного горного начальства. 29 апреля 1723 г. Юхана Берглина по приказу главного командира Сибирских заводов В. Геннина назначают руководить строительством Егошихинского медеплавильного завода, он же становится и первым командиром завода. Руководит он заводом 14 лет. За это время он не только управлял заводом, но и выбрал место и разработал проект нового медеплавильного завода — Мотовилихинского. В 1737 г. Берглина снова ставят во главе Пермского горного начальства, а затем управляющим Висимским заводом.

Оставив Берглина в Кунгуре, Татищев отправляется в Соликамск, один из центров проживания пленных каролинов. Там он знакомится с Петером Шёнстрёмом, который на родине в Швеции был владельцем металлургического завода, и топографом Хенриком Шульцем⁵. По другим сведениям, Татищев познакомился с этими пленниками на Алапаевском заводе. Так или иначе, оба они оказались в 1721 г. на Уктусском заводе, где была создана канцелярия горных дел и сосредоточено управление всеми горными заводами Урала и Сибири. Впоследствии Шульц, по заказу Татищева, составил подробную карту Урала с указанием мест расположения горных заводов. В марте 1721 г. Татищев специально едет в Тобольск, чтобы привлечь на русскую службу шведов, имеющих знания и опыт в артиллерийском и горном деле. Большого энтузиазма предло-

¹ ПСЗ-1. Т. 6. СПб., 1830. С. 383.

² Здесь и далее даты указаны по ст. ст. (юлианскому календарю). — *Прим. ред.*

³ ПСЗ-1. Т. 5. С. 506.

⁴ *Lewenhaupt A. Karl XII:s officirare. Biografiska anteckningar.* Stockholm, 1920. S. 46.

⁵ Полтава: Судьба пленных и взаимодействие культур. М., 2009. С. 245.

жение горного начальника у пленных каролинов не вызвало, война закачивалась, и шведы предпочитали вернуться на родину, а не оставаться на службе в Сибири. Но всё-таки с Татишевым поехали Юхан Прюц и Андерс Стольхаммер. Увы, из всех приглашённых на службу шведов в России остался только Ю. Берглин. Шёнстрём, Шульц, Прюц и Стольхаммер после заключения Ништадского мира уехали в Швецию. Однако они оставили свой след в истории уральской промышленности, их влияние на Татишева несомненно, ведь именно в Швецию он отправился в 1724 г. по заданию берг-коллегии для вербовки специалистов.

Кроме специалистов в горном деле новым заводам требовались рабочие руки для строительства и плавки меди и железа. Около полутора тысяч пленных нижних чинов шведской армии работали на рудниках и казённых заводах Сибири. Их, в отличие от офицеров, не спрашивали, хотят ли они поступить на русскую службу или работать на заводах. Большая часть из них содержалась на Алапаевском заводе⁶.

Так же важной задачей горного начальства была охрана заводов от «казачьей орды и воровских башкирцев». И здесь шведские пленники оставили свой след. В Екатеринбург весной 1723 г. на строительство крепости и завода прибыл Тобольский гарнизонный полк. Солдаты полка строили не только Екатеринбург, но и некоторые из заводов, а также приграничные крепости. Большинство офицеров полка и часть нижних чинов были из пленных шведов⁷. Командовал полком майор Иоганн Бриксгаузен, бывший фендрик шведской армии, попавший в плен в 1704 г. под Нарвой. Он поступил на русскую службу с чином капитана, служил в Тобольске, в 1715 г. был произведён в майоры⁸. Помимо того, что Бриксгаузен командовал полком, он вместе с прапорщиком Халлбергом руководил строительством крепости Косой брод на р. Чусовой, которая должна была обеспечить безопасность екатеринбургских заводов от набегов башкир⁹. Также в полку служили бывшие шведские пленники: капитан Ян Кралевич, прапорщики Михайло Цей и Карл Брандт¹⁰. Карл Бранд после возвращения полка в Тобольск остался

⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 12. Л. 72.

⁷ Там же. Д. 26. Л. 38.

⁸ *Lewenhaupt A.* Op. cit. С. 85.

⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 48. Л. 301.

¹⁰ Там же. Д. 26. Л. 38; Офицерские сказки первой четверти XVIII века: Гарнизонные войска. М., 2016. Т. II. С. 1526; Офицерские сказки первой четверти XVIII века: Отставные и заполошные чины. М., 2017. Т. II. С. 2306, 2529.

на службе в Екатеринбурге, возглавлял канцелярию ротных дел при Сибирском обербергамте и впоследствии, уже в чине поручика, стал екатеринбургским полицмейстером. Видимо, он был не только строевым офицером, но и разбирался в горных делах, т.к. некоторое время управлял заводами А. Демидова¹¹.

Хотя горное начальство в лице В. Татищева и В. Геннина понимало необходимость привлечения шведских специалистов на службу на казённые заводы, зачастую желающие служить новой родине сталкивались с неповоротливостью местного бюрократического аппарата. Показательна в этом смысле история артиллерийского офицера Ларса Халлберга, который поступил в 1723 г. на русскую службу по приглашению В. Геннина и стал, по сути, первым официальным артиллерийским приёмщиком на сибирских заводах. Находясь почти год на службе и выполняя различные поручения канцелярии горных дел, в том числе и не относящиеся к его обязанностям, в частности, он с солдатами был послан на строительство крепости Косой брод, Халлберг чуть не умер от голода, т.к. чиновники канцелярии отказывались платить ему денежное и хлебное жалование, каждый раз находя различные «законные» причины для своих действий. Спасло Халлберга от смерти только личное вмешательство Геннина и переход в православие¹².

Горному начальству, несмотря на все старания, не удалось привлечь специалистов горного и артиллерийского дела на службу. Далеко не всё было гладко в службе тех пленников, которые приняли предложение и служили на горных заводах. Но нужно признать, что пленные шведы внесли значительный вклад в развитие горной промышленности на Урале и в Сибири.

Библиография и архивные источники

1. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 12, 48.
2. *Корепанов. Н. С.* Первый век Екатеринбурга: Историческая литература. Екатеринбург: Банк культ. информ., 2005. 274 с. — (Каменный пояс: взгляд сквозь тысячелетия).
3. *Офицерские сказки первой четверти XVIII века: Гарнизонные войска: Сб. док. в 2 т. / Сост. К. В. Татарников.* М.: Старая Басманная, 2016. (924) (808) с.
4. *Офицерские сказки первой четверти XVIII века: Отставные и заполошные чины: Сб. док. в 2 т. / Сост. К. В. Татарников.* М.: Старая Басманная, 2017. (1292) (1412) с.

¹¹ *Корепанов Н.* Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. С. 20.

¹² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 48. Л. 301–304.

5. ПСЗ-1. Т. 5. СПб., 1830. № 3101 от 9.08.1717. С. 506–507.
6. ПСЗ-1. Т. 6. СПб., 1830. №3778 от ??.04.1721. С. 383–387.
7. Полтава: Судьба пленных и взаимодействие культур. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2009. 462 с. 2009.
8. *Lewenhaupt A.* Karl XII:s officirare: Biografiska anteckningar. [Vol.1]. Stockholm: Norstedt, 1920. [8], 373 s.

Светлана Олеговна Никиташина
(Санкт-Петербург)

*Директор библиотеки
Санкт-Петербургского горного университета*

**Николай Дмитриевич
Делиль де ла Кройер —
горный инженер**

Реформы Петра Великого, как известно, затронули практически все сферы российского общества, включая горное дело. Начатые ещё при жизни императора реформационные процессы продолжались и после его смерти. В них были вовлечены отечественные и иностранные деятели, которые так или иначе обеспечивали развитие промышленности страны и одновременно занимались организацией подготовки специалистов и самой их подготовкой. Одним из таких деятелей, занявшем определённое место в истории нашей горнозаводской промышленности, был инженер Николай Дмитриевич Делиль де ла Кройер.

Цель данной исследовательской работы — обоснование того, что жизнь и деятельность горного инженера Николая Дмитриевича Делиля де ла Кройера были включены в общий процесс реформирования жизни российского общества в XVIII в. в соответствии с замыслами Петра Великого и способствовали становлению отечественной горнозаводской промышленности. Средства достижения цели — поиск, аккумуляция, анализ и обобщение разнообразных, в том числе биографических, сведений о Н. Д. Делиле де ла Кройере.

Информации о жизни и деятельности Николая Дмитриевича немного. Первым и наиболее подробным можно считать его жизне-

описание, составленное Г. И. Спасским (1783–1864) со слов обер-бергмейстера И. И. Медера и опубликованное в 1823 г.¹ в «Сибирском вестнике» (издававшемся Г. И. Спасским в Санкт-Петербурге в 1818–1824 гг.)². В публикации приводились общие сведения о Николае Дмитриевиче, при этом годы рождения и смерти отсутствовали. Местом его рождения была указана Камчатка. Также упоминались его отец — Людвиг Клавдий де ла Кройер и мать, имя которой не называлось.

Имя Николая Дмитриевича встречается в «Летописи» г. Барнаула, изданной в 1994 г. В частности в ней указывается, что в октябре 1761 г.³ по указу Правительствующего Сената в Барнаул прибыли 11 кадетских сержантов, набранных в Московском университете и военно-учебных заведениях Москвы и Петербурга, в числе которых был Николай Дмитриевич⁴. У В. Ф. Гришаева — автора более поздней книги об алтайских горных инженерах — есть краткая информация о практическом обучении кадетов Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, прибывших из г. Санкт-Петербурга на Колывано-Воскресенские заводы, среди которых упоминается Николай Дмитриевич⁵. Краткая справка о нём есть в историко-биографическом справочнике А. Грибанова, посвящённого представителям горного дела России XI–XX вв.⁶

Значительно больше сведений об отце Николая Дмитриевича — Луи Делиле де ла Кройере, но в публикациях, посвящённых последнему, очень мало говорится о его сыне — Николае, а также о его матери, причём П. Л. Калмыков называет другое место рождения Николая — город Якутск⁷.

¹ Даты в статье по ст. ст. (юлианскому календарю).

² [Медер И. И.]. Николай Дмитриевич Делиль де ла Кроер // Сибирский вестник / Издаваемый Григорием Спасским (СПб.). 1823. Ч. 2. С. 15–20.

³ Здесь и далее даты указаны по ст. ст. (юлианскому календарю). — *Прим. ред.*

⁴ Барнаул: Летопись города <...>. Барнаул, 1994. С. 29.

⁵ Гришаев В. Ф. Алтайские горные инженеры. Барнаул: День, 1999. 256 с.

⁶ Грибанов А. Горняки России: Кто есть кто в истории горного дела России XI–XX вв.: Краткий истор.-биограф. справочник. Т. 1. СПб.: Любавич, 2014. С. 462.

⁷ Николай Дмитриевич Делиль де ла Кройер // Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб.: Изд. Отд. рус. яз. и словесности Имп. акад. наук, 1870. С. 155; Делиль де ла Кройер // Русский биографический словарь. Т.: Дабелов – Дядьковский / Издан под наблюдением пред. Имп. рус. истор. об-ва А. А. Половцова. СПб., 1905. С. 190; Калмыков П. Л. Тихий профессор, брат шпиона — Л. Делиль де ла Кройер // Пятые Международные исторические и Свято-Иннокентьевские чтения «К 270-летию выхода России к берегам Америки и начала освоения Тихого океана (1741–2011)»: 19–10 окт. 2011 г.: Мат.-лы. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 131–139.

Упоминания о Николае Дмитриевиче есть в рукописи А. С. Ярцова, а также в ряде публикаций, посвящённых горным инженерам Кольвано-Воскресенских горных заводов, истории горного дела и рудников — В. В. Ведерникова, М. С. Немцева, А. Д. Сергеева, В. Н. Шайдурова и др.⁸

Заметим: на сайте генеалогической исследовательской группы «Алтайское родословие» сведения о Николае Дмитриевиче отличаются от указанных ранее: год рождения — 1737, место рождения — Иркутск. Приводится фамилия его жены — Дарьи Михайловны Аболтиной, указывается год заключения их брака — 1771, имена детей — Якова и Елизаветы⁹.

Таким образом, как видно из обзора источников сведений о жизни и деятельности Н. Д. Делиля де ла Кройера, сведений о нём мало, они имеют разноречивый характер, а их достоверность с трудом поддаётся проверке. Тем не менее, используя с осторожностью имеющуюся информацию, предпримем попытки, во-первых, реконструкции основных этапов жизненного пути и деятельности Николая Дмитриевича де ла Кройера и, во-вторых, — определения значения его деятельности для раннего периода становления горнозаводской промышленности России второй половины XVIII в. и одного из основных её центров — Алтайского горного округа.

По нашим подсчётам, Николай Дмитриевич Делиль де ла Кройер родился в 1741, умер в 1795 г. на Змеиногорском руднике¹⁰. Точно место рождения Николая установить сложно, т.к. сведения о нём у авторов значительно разнятся: по одним из них — это Камчатка, по другим — Якутск, по третьим — Иркутск. Уточнение требует дополнительного исследования¹¹.

⁸ Ярцов А. С. Российская горная история: Ч. 5. [СПб.], 1812. 163 л. — Рукопись. Б-ка СПб. Горного университета. Г 3164; Ведерников В. В. Горные инженеры Кольвано-Воскресенских заводов (1747–1828 гг.) // Известия Алтайского гос. университета. 1998. № 3. С. 27–33; Немцев М. С. Филипп Риддер и его время. Риддер: Терра, 2006. 166 с.; Сергеев А. Д. О путешествии П. С. Палласа по Алтаю: Некоторые архивные материалы // Изв. Алтайского отделения ВГО. Вып. 9. 1969. С. 134–137; Шайдуров В. Н. О профессиональной подготовке кадров для Кольвано-Воскресенских (Алтайских) заводов во второй половине XVIII — первой половине XIX в. // История горного дела в России: XVIII–XX вв. Вып. 2: История горного образования. СПб., 2012. С. 26–36.

⁹ Перегожин А. Николай Дмитриевич де ла Кройер // Алтайское родословие. (Электронный ресурс: <http://altay-rod.ru/blog/item/164-syn-zvezdochjota>; дата обращения: 13.05.2018).

¹⁰ [Медер И. И.]. Указ. соч. С. 15.

¹¹ Там же; Калмыков П. Л. Указ. соч.; Перегожин А. Указ. соч.

Отец Николая Дмитриевича — Луи Делиль де ла Кройер (1687–1741), француз, был известным астрономом, картографом, путешественником, экстраординарным профессором астрономии Петербургской Академии наук, участником 2-й Камчатской экспедиции¹². Мать, Мария Дмитриевна Татаринова (1713/1714? — не ранее 1746), принадлежала известной сибирской семье¹³.

Младший брат отца Николая — Жозеф-Николя Делиль (1688–1768) тоже был астрономом, более 20 лет проработал в Петербургской Академии наук. Полагают, что именно он после смерти брата взял к себе в Петербург своего племянника — Николая, который поступил в Шляхетский кадетский корпус¹⁴.

Шляхетский кадетский корпус, учреждённый Анной Иоанновной указом № 5811 от 29 июля 1731 года «Об учреждении Кадетского корпуса», создавался для обучения шляхетских детей в возрасте от 13 до 18 лет из российских, эстляндских и ливонских провинций. Основными предметами в нём были: арифметика, геометрия, рисование, фортификация, артиллерия, «шпажное действо», верховая езда и «прочие к воинскому искусству потребные науки». В зависимости от природной склонности обучающихся, с целью их использования на гражданской и политической службе, им также преподавались иностранные языки, история, география, юриспруденция, танцы, музыка и др.¹⁵

Располагался Шляхетский корпус в бывшем дворце А. Д. Меншикова (нынешний адрес: Университетская набережная, 15). Он был образован по представлению графа Бурхарда Кристофа фон Миниха — его первого главного директора (с 18 ноября 1731 по 3 марта 1741). Во время обучения Николая главными руководителями корпуса были князь Борис Григорьевич Юсупов (19.02.1750–12.02.1759) и вел. кн. Пётр Фёдорович (12.02.1759–14.03.1762)¹⁶.

¹² Луи Делиль де ла Кройер родился 15 февраля 1687 г. в Париже. Дата его рождения была впервые установлена Клейном в 2001. (*Klein O. Un voyage scientifique au XVIIIème siècle: Le voyage dans le nord de la Russie de Louis Delisle de la Croyère: 1727–1730: Mémoire de maîtrise d'histoire / Sous la dir. De M.-N. Bourguet; Université de Paris 7 Denis Diderot. Paris, 2001. 158 p.*); *Пекарский П. П. Указ. соч. С. 155.*

¹³ *Пекарский П. П. То же.*

¹⁴ Там же. С. 124–149. Он же — Шляхетный кадетский корпус.

¹⁵ ПСЗ-1. Т. 8: 1728–1732. СПб., 1830. № 5811 от 29.7.1731. С. 519.

¹⁶ Именной список всем бывшим и находящимся в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе штаб-обер-офицерам и кадетам с показанием кто из них оных с какими достоинствами, в какие чины выпущены и в каких чинах ныне. СПб., 1761. С. 1–3; *Висковатов А. В. Краткая история первого кадетского корпуса / Сост. бывш. воспитанником корпуса А. Висковатовым. СПб., 1832. С. 76–77.*

Учились в нём только дворяне, имевшие начальное образование. Воспитанники делились на роты и жили в комнатах по 6–7 человек, из которых выбирался старший. Каждый год кадеты сдавали не менее двух публичных экзаменов в присутствии одного из сенаторов и «знатных персон»¹⁷.

Шляхетский корпус окончили сыновья многих известных дворянских семей: Милославских, Репниных, Долгоруковых и др. Его выпускниками были полководец И. Л. Голенищев-Кутузов, первый директор русского театра и будущий литератор А. П. Сумароков. В 1740–1750-х гг. в Корпусе существовало Общество любителей российской словесности, ставились спектакли, в которых все роли исполняли сами учащиеся.

Кадеты носили шляпы с золотым позументом и бантом и причёску в виде косы. При Елизавете Петровне мундир кадетов сменил цвет с тёмно-зелёного на светло-зелёный, к форме добавились синие епанчовые полы, застёгивающиеся на пуговицу. Герб и вензель Анны Иоанновны сменились на символы новой императрицы. Обмундирование воспитанников корпуса, оформленное золотым галуном, как у офицеров гвардии, свидетельствовало вместе с другими характеристиками, что он изначально являлся престижным учебным заведением, в который поступить было трудно.

Если предположить, что Николай Дмитриевич поступил в Корпус в возрасте 13 лет, то это могло быть в 1754 или 1755 г. Число поступивших в эти годы детей было немного: в 1754 г. — 54 чел., в 1755 — 66. В 1760 г. в Корпусе училось 490 человек, разделённых на 5 рот: гренадерскую, конную и 3 мушкетёрских. В 1761 г. Корпус окончили 20 человек.¹⁸

Согласно указу Елизаветы Петровны № 11185 от 12 января 1761 г. «О неотложном исполнении требований Кабинета к распространению выгод и к пользе Колывано-Воскресенских заводов» из Шляхетного сухопутного, Морского кадетских корпусов и прочих училищ было велено отобрать для обучения горным наукам по 4 человека молодых дворян, небогатых и «доброто состояния», хорошо обученных немецкому и латинскому языкам, арифметике, геометрии и тригонометрии. 12 человек направлялись в команду Колывано-Воскресенского горного начальства. Через год их пла-

¹⁷ Висковатов А. В. Указ. соч. С. 12; Лузанов П. Ф. Сухопутный шляхетный кадетский корпус (ныне 1-й Кадетский корпус) при графе Минихе: исторический очерк / Составил по архивным материалам Пётр Лузанов. СПб., 1907. С. 81–82.

¹⁸ Висковатов А. В. Указ. соч. С. 73, 84.

нировалось произвести в горные обер-офицеры, а более способных и ранее¹⁹.

В октябре 1761 г. по указу Правительствующего Сената 11 кадетских сержантов, набранных в Московском университете и военно-учебных заведениях Москвы и Петербурга, включая Шляхетский кадетский корпус, прибыли в Барнаул. В их числе был Николай Дмитриевич. Это направление было необходимо для обеспечения управления рудниками и заводами после их передачи в государственную казну, что произошло после смерти их бывшего владельца А. Демидова.

После двух лет практического обучения (экзамен по математике у них принимал И. И. Ползунов) прибывшим в Барнаул определили должности шихтмейстеров. Они служили на Алтае до глубокой старости. Некоторые из них, например, Данило Балле, Иван Медер, Фёдор Бакунин, Александр Слатин, Николай Плохов, Григорий Бровцын в разное время управляли заводами, Василий Чулков стал начальником Колывано-Воскресенских заводов. Николай Дмитриевич впоследствии стал управляющим рудниками Змеиногорского края.

Итак, на Алтай прибыло 11 человек: из Сухопутного корпуса (4 чел.) — Николай Делиль де ла Кройер, Фёдор Бакунин, Пётр Пятин, Александр Елагин; из Морского корпуса (3 чел.) — Иван Медер, Данило Балле, Андрей Нянинг (все трое иностранные граждане); из Московского университета (3 чел.) — Григорий Бровцын, Николай Плохов, Василий Чулков. Один человек, Александр Слатин, был сыном крупного чиновника и получил домашнее образование. Н. Д. Делиль де ла Кройеру, Медеру и Пятину было по 20 лет, Плохову и Елагину — по 14.

На заводах их произвели в унтер-шихтмейстеры, и в течение двух лет они проходили дальнейшее обучение под руководством иностранных специалистов из Саксонии: обергиттенфервальтера Александра Гана, незадолго до этого нанятого по контракту для наблюдения за плавильным делом на Барнаульском заводе, и Иоганна Готлиба Леубе. Первый обучал молодых людей горным наукам, второй немецкому языку. Это было необходимо, потому что практически вся техническая литература в те времена была на иностранных языках. Учебными пособиями на русском языке была книга Ивана Шлаттера «Обстоятельное наставление рудокопному делу», изданная в 1760 г. в Петербурге, и переведённые им же на русский язык, но ещё не напечатанные, а потому скопированные от руки

¹⁹ ПСЗ-1. Т. 15: 1758–26 июня. СПб., 1830. № 11184 от 12.1.1761. С. 617.

работы: «Минералогия» И. Г. Валлериуса, «О плавильном и пробирном деле», «О горном и рудокопном деле, или описание находящихся в земном глобусе частей и их свойствах». Практические занятия проводились в цехах Барнаульского завода, по горному делу — на Змеиногорском руднике²⁰.

По словам обер-мейстера И. И. Медера, Николай Дмитриевич отличился «пред всеми своими успехами», за что после экзаменов был произведён сразу в маркшейдеры (9 класс)²¹. Николай Дмитриевич работал на разных рудниках Колывано-Воскресенских заводов. Из 5-й части рукописи А. С. Ярцова «Российская горная история» ясно, что он был прислан на Локтевский медный рудник Колыванским начальством 18 августа 1769 г. В рукописи также есть упоминание, что он, будучи коллежским советником, руководил до 1790 г. Титовским серебряным рудником²².

В 1788 г. Николай Дмитриевич участвовал в устройстве Риддерского рудника. Это видно из отрывков его рапортов в Колывано-Воскресенскую экспедицию, которые приводятся М. Немцевым в книге о Ф. Риддере. В них прослеживаются его подробные и профессиональные описания работ по подготовке рудника к эксплуатации, усиленной разведке месторождений, поиска удобного проезда и перевозки припасов.

Змеиногорский рудник — наиболее крупный рудник Колывано-Воскресенских заводов на Алтае, принадлежавших ранее Акинфию Демидову. Обнаружили месторождение меди в 1725 г. рудоискатели Корастылёвы. В 1726 г. Акинфий Демидов основал там Колыванский завод — первое медеплавильное производство за Уралом. В 1736 г. приказчик А. Н. Демидова Ф. Е. Леснов обнаружил в меди серебро. Демидовы организовали на заводах тайную его выплавку. Через некоторое время после смерти А. Н. Демидова (1745) заводы были описаны в казну.²³

В 1771 г. берг-мейстеру Николаю Дмитриевичу, который работал в то время в Змеиногорской конторе, было поручено для путешествовавшего по Алтаю П. С. Палласа составить карту к росписи заводов и рудников, о подготовке которой он рапортовал своему начальству 14 июля того же года.²⁴

²⁰ Гришаев В. Ф. Указ. соч. С. 65–66.

²¹ [Медер И. И.]. Указ. соч. С. 16.

²² Ярцов А. С. Указ. соч. Ч. 5. Л. 99, 105.

²³ Горная энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1986. С. 392–393.

²⁴ ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 479, т. 2. Л. 249: Рапорт бергмейстера Делиль де ла Кроера в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства о готовности генеральной карты с описанием здешних заводов и рудников, сочиненной

Удалось установить, какие должности, где и когда Николай Дмитриевич занимал в период с 1772 по 1795 г.:

- ♦ В 1772–1778 гг. он работал берг-мейстером непосредственно на Змеиногорском руднике, который подчинялся Канцелярии Колывано-Воскресенских горных заводов и был в ведении Берг-коллегии.
- ♦ В 1778 г. служил берг-мейстером в Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства. На Змеиногорском руднике в этот год работал берг-мейстер Пётр Афанасьевич Пятин — его товарищ по Сухопутному кадетскому корпусу.
- ♦ В 1779 г. получил повышение и стал обер-бергмейстером при канцелярии Горного начальства на Колывано-Воскресенских заводах в Барнауле, которые стали напрямую подчиняться Кабинету императрицы Екатерины II, где он проработал до 1787 г. Получив в этот год чин коллежского секретаря, Николай Дмитриевич стал начальником Змеиногорской горной конторы и оставался на этой должности до смерти в 1795 г.²⁵

И. И. Медер с особой похвалой отмечал профессионализм Николая Дмитриевича, особо проявившийся в 1793 г., когда, несмотря на временную вынужденную долговременную остановку трёх заводов: Барнульского, Сузинского и Павловского, ему удалось получить тысячепудовую порцию серебра в течение года. По словам Медера, «равнодушие в перенесении огорчений, кротость в обращении с подчинёнными, дружба и готовность к услугам отличали его от многих сослуживцев». Он отмечал большой авторитет Делиля среди коллег, влиявший на рассмотрение вопросов работы рудников и заводов на ежегодных Горных советах, и подчёркивал образцовость его частной и служебной жизни²⁶.

Николай Дмитриевич умер в возрасте 54 лет. К концу жизни он занимал высокое положение, его уважали сослуживцы и окружав-

для профессора Палласа. 14 июня 1771 г. // Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова. (Электронный ресурс: <http://akunb.altlib.ru/kollekczii-elektronnoj-bibilotekt/issledovateli-i-puteshestvenniki-altajskogo-kрая/pallas-petr-simon/>; дата обращения: 20.05.2018)/

²⁵ Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве. СПб.: При Импер. Акад. наук, 1772. С. 110; 1773. С. 101; 1775. С. 115; 1777. С. 138; 1778. С. 136; 1779. С. 16; 1780. С. 17; 1781. С. 13; 1782. С. 13; 1783. С. 14; 1784. С. 12; 1785. С. 12; 1786. С. 12; 1787. С. 13; 1788. С. 13; 1789. С. 13; 1790. С. 13; 1791. С. 12; 1792. С. 11; 1793. С. 12; 1794. С. 13, 1795. С. 13; 1796. С. 14; [Медер И. И.]. Указ. соч. С. 18.

²⁶ [Медер И. И.]. Указ. соч. С. 18–19.

шие люди. Об этом говорит описание похорон И. И. Медером: «Сибирская ужасная вьюга (буран) не могла удержать почти никого дома; все провожали его до могилы около двух вёрст; можно сказать, что слёзы и рыдания заглушали шум ветра <...>. Делиль умер и погребён на управляемом им Змеиногорском руднике»²⁷.

У Н. Д. де ла Кройера было двое детей: дочь Елизавета и сын Яков. Елизавета вышла замуж за начальника Нерчинских заводов С. А. Аистова, а их сын, А[лексей] Аистов, окончил Горный кадетский корпус в 1826 г. и был горным офицером²⁸.

Сын Николая Дмитриевича, Яков Делиль де ла Кройер, в 1797 г. окончил Санкт-Петербургское Горное училище (ныне — Санкт-Петербургский горный университет). В списке окончивших Горный институт с 1773 по 1923 гг. его фамилия обнаружена под № 12²⁹.

Таким образом, даже скудные сведения о Николае Дмитриевиче, которыми мы располагаем, говорят о неординарном характере его личности и о его заметном вкладе в развитие горнозаводской промышленности России, в частности, её важного центра — Алтайского округа, в конечном итоге — в воплощение реформаторских идей и устремлений Петра Великого. Предстоит ещё значительная работа по восстановлению данных о Николае Дмитриевиче и адекватному определению его места в истории России.

Библиография и архивные источники

1. Барнаул: Летопись города / [Сост., общ. ред. и вступ. ст. А. М. Родионова]. Ч. 1: Летопись города — столицы Кольвано-Воскресенских императорских золото-серебряных рудников и заводов от первых упоминаний местоположения Барнаула и до наших дней, 1701–1919. Барнаул: [Барнаулбанк], 1994. 222, [1] с.
2. Ведерников В. В. Горные инженеры Кольвано-Воскресенских заводов: 1747–1828 гг. // Известия Алтайского гос. университета. 1998. № 3. С. 27–33.
3. Висковатов А. В. Краткая история Первого кадетского корпуса / Сост. бывш. воспитанником корпуса А. Висковатовым. СПб.: Воен. тип. Гл. штаба Е.И.В., 1832. [4], 113 с.
4. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 479, т. 2. Л. 249: Рапорт бергмейстера Делиль де ла Кроера в Канцелярию Кольвано-Воскресенского горного начальства о готовности генеральной карты с описанием здешних заводов и рудни-

²⁷ Там же. С. 19.

²⁸ Там же. С. 19; Список лиц, окончивших курс в Горном институте с 1773 по 1923 год // Горный журнал. М., 1923. № 11. С. 750.

²⁹ Там же. С. 748.

- ков, сочиненной для профессора Палласа. 14 июня 1771 г. // Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова. (Электронный ресурс: <http://akunb.altlib.ru/kollekczii-elektronnoj-bibilotek/issledovateli-i-puteshestvenniki-altajskogo-kрая/pallas-petr-simon/>; дата обращения: 20.05.2018).
5. Горная энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1986. 575 с.
 6. *Грибанов А.* Горняки России: Кто есть кто в истории горного дела России XI—XX вв.: Краткий истор.-биограф. справочник. Т. 1. СПб.: Любавич, 2014. 462, [1] с.
 7. *Гришаев В. Ф.* Алтайские горные инженеры. Барнаул: День, 1999. 256 с.
 8. Делиль де ла Кройер // Русский биографический словарь. Т.: Дабелов — Дядьковский / Издан под наблюдением пред. Импер. рус. истор. общ-ва А. А. Половцова. СПб., 1905. С. 190.
 9. Именной список всем бывшим и находящимся в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе штаб-офицерам и кадетам с показанием кто из них оных с какими достоинствами, в какие чины выпущены и в каких чинах ныне. СПб.: При Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 1761. [6], XXIV, 274 с.
 10. *Калмыков П. Л.* Тихий профессор, брат шпиона — Л. Делиль де ла Кройер // Пятые Международные исторические и Свято-Иннокентьевские чтения «К 270-летию выхода России к берегам Америки и начала освоения Тихого океана (1741—2011)»: Мат-лы: 19—10 окт. 2011 г. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 131—139.
 11. *Лузанов П. Ф.* Сухопутный шляхетный кадетский корпус (ныне 1-й Кадетский корпус) при графе Минихе: исторический очерк / Составил по архивным материалам *Пётр Лузанов*. Вып. 1. СПб.: Книгопечатня Шмидт, 1907. 188 с.
 12. [*Медер И. И.*]. Николай Дмитриевич Делиль де ла Кроер // Сибирский вестник / Издаваемый Григорием Спасским (СПб.). 1823. Ч. 2. С. 15—20.
 13. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве. СПб.: При Импер. Акад. наук, 1772—1796.
 14. *Немцев М. С.* Филипп Риддер и его время. Риддер: Терра, 2006. 166 с.
 15. *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб.: Изд. Отд. рус. яз. и словесности Импер. акад. наук, 1870. LXX, 775 с.
 16. *Перевожин А.* Николай Дмитриевич де ла Кройер // Алтайское родословие. (Электронный ресурс: <http://altau-rod.ru/blog/item/164-syn-zvezdochjota>; дата обращения: 13.05.2018).
 17. ПСЗ-1. Т. 8: 1728—1732. СПб., 1830. № 5811 от 29.7.1731. С. 519.
 18. ПСЗ-1. Т. 15: 1758—26 июня 1762. СПб., 1830. №11184 от 12.1.1761. С. 616—627.
 19. *Сергеев А. Д.* О путешествии П. С. Палласа по Алтаю: Некоторые архивные материалы // Изв. Алтайского отделения ВГО. Вып. 9. 1969. С. 134—137.
 20. Список лиц, окончивших курс в Горном институте с 1773 по 1923 год // Горный журнал. (М.). 1923. № 11. С. 747—763.

21. *Шайдулов В. Н.* О профессиональной подготовке кадров для Колывано-Воскресенских (Алтайских) заводов во второй половине XVIII — первой половине XIX в. // История горного дела в России: XVIII—XX вв. Вып. 2: История горного образования. СПб.: Изд-во Невского института языка и культуры, 2012. С. 26—36.
22. *Ярцов А. С.* Российская горная история. Ч. 5. [СПб.], 1812. 163 л. — Рукопись. Б-ка СПб. Горного университета. Г 3164.
23. *Klein O.* Un voyage scientifique au XVIIIème siècle: Le voyage dans le nord de la Russie de Louis Delisle de la Croyère: 1727—1730: Mémoire de maotrise d'histoire / Sous la dir. de *M.-N. Bourguet*; Université de Paris 7 Denis Diderot. Paris, 2001. 158 p.

Михаил Григорьевич Талалай
(Италия)

Представитель Института всеобщей истории РАН в Италии

Франческо Локателли — (несостоявшийся) участник Второй Камчатской экспедиции

Летом 1733 г., когда в Петербурге формировался состав новой академической экспедиции на Камчатку, в неё был включён итальянец Микеле Роккафорте. Отправившись вместе со своими коллегами в дальний и небезопасный путь, уже спустя четыре месяца он неожиданно вновь вернулся на берега Невы, и — в кандалах...

Отсидев в заточении зиму 1733–1734 гг., итальянец был выслан из России в Европу, где засел за мемуары, вышедшие уже на следующий год в Париже¹ — анонимно — с названием «Lettres Moscovites» («Московитские письма»). По сути дела, книга представляла собой русофобский пасквиль, серьёзно озаботивший российское правительство. Сразу было и вскрыто имя анонимного автора: им оказался несостоявшийся участник Камчатской экспедиции Микеле Роккафорте, в действительности — Франческо Локателли².

¹ В выходных данных поставлен 1736 г., однако книга распространялась во французской столице уже в конце 1735 г.

² В русской историографии первым, кто заинтересовался Локателли, стал кн. М. А. Оболенский; см.: *Оболенский М. А.* Сведения об авторе книги «Lettres Moscovites» // Библиографические записки. 1859. № 18. Стб. 545–546; *Он же.* Дополнительные разыскания о судьбе книги «Lettres Moscovites» // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым. Кн. 3. СПб., 1862; *Александренко В. Н.* Переписка М. А. Корфа с

Граф Франческо-Джузеппе-Моизэ Локателли дей Ланци (1687–1770) происходил из влиятельного рода г. Бергамо³. Сбежав из семьи в 17 лет, с драгоценностями матери, в вожделенный Париж и сделав успешную военную карьеру во французской армии (отличившись в войне за Испанское наследство, дослужился до чина полковника), Локателли решил попытаться счастья в России. В 1733 г. он приехал в Петербург, причём по поддельным документам, которые он выправил в Данциге в качестве некоего сицилийского купца Микеле Роккафорте⁴ (фр.: Мишель Рокфор).

Позднее Локателли выдвинул обоснование своего скоропалительного и таинственного отъезда из столь любимой им Франции: опасность нежеланного брака⁵. Он, однако, не объясняет свой выбор именно России в качестве убежища, оказавшийся для него столь неудачным. Думается, что в первую очередь им двигало всё-таки стремление к быстрым успехам, которые в то время сулил Петербург предприимчивым и сведущим иностранцам. Нельзя исключить (зная теперь будущую международную карьеру итальянца как закулисного аналитика при самых разных кабинетах), что у него изначально существовал план добычи ценных сведений о новой сверхдержаве, пусть и без ясного представления о возможном их будущем «покупателе»: вероятно, им могла бы стать та же Франция⁶, но, как вышло в дальнейшем, оказалась Турция. В любом

М. А. Оболенским по поводу «Московитских писем» // ЖМНП. 1892, февраль. Из современных отечественных исследователей о Локателли писал Ю. Н. Беспятых («Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях». СПб., 1997. С. 34–36, 49–50) и С. А. Мезин (Взгляд из Европы: Французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003). Упомяну также с благодарностью камчатского исследователя Павла Калмыкова, который занимался судьбой Локателли и поделился со мною собранными им материалами.

³ См.: *Locatelli S. Il casato Locatelli. Bergamo, 2002.*

⁴ *Итал.*: «цитадель», «крепость». Ф. Локателли сообщает, что выбрал этот «псевдоним» в надежде, что он принесёт ему удачу в новых предприятиях.

⁵ В своей книге Локателли пишет, что во время допроса в Зимнем дворце он заявил, что в Россию сбежал от французской невесты; ему же остроумно ответили, что бегство из Франции было абсолютно лишним, ибо там изобретено столько удобных способов избавления от ненужных жён.

⁶ На допросах в Петербурге Локателли вменяли в вину шпионаж именно на Францию, что тот отрицал, упирая на свой въезд в Россию в мирное время. Однако уже спустя несколько месяцев после его прибытия в Петербург вспыхнула война за Польское наследство, и Россия с Францией оказались во вражеских лагерях, что можно было без труда предвидеть. В целом у России в ту эпоху было немало геополитических соперников, которым Локателли мог бы предложить свои услуги.

случае, Локателли нигде не даёт внятных разъяснений, зачем для вьезда в Россию ему понадобились подложные документы.

В Петербурге гость обрёл поддержку одного своего соотечественника, торговца мрамором Себастьяно Мариотти: Локателли, будучи в Данциге, добыл себе рекомендацию, также на фальшивое имя. Он стал усердно посещать католическую общину — ради бесед с европейцами, обосновавшимися в России, пытаясь выяснить, как можно пристроиться на службу, желательно военную.

В итоге на службу в российской столице он не устроился, но скоропалительно вошёл в состав сухопутной (иногда её называют академической) части Второй Камчатской экспедиции: в дальнейшем он в качестве основной причины спешного отбытия из северной столицы называл возникшую опасность разоблачения. Наряду с этим Локателли выдвинул и более «благородный» довод: нежелание участвовать на русской стороне в неизбежном (по его оценке военно-политической ситуации) военном конфликте России и Франции.

Сумев завоевать доверие учёных, живших в Петербурге, в первую очередь — академика Жозефа-Николя Делиля⁷, с семьёй которого подружился, он попросился в экспедицию, якобы изначально задумав оставить её ради дальнейшего перехода в Персию, вместо Камчатки. В Персии авантюрист намеривался поступить на службу знакомого ему принца Людвиг Гессен-Гомбургского, командира русского отряда в прикаспийских российских владениях, воевавшего против непокорных крымских татар. Однако до Персии ему добраться не пришлось...

Книга Локателли осталась неопубликованной на русском языке, и пусть автор в ней описывает только начальный этап важнейшей академической миссии, тем не менее, это — ценный источник, дающий новые штрихи к её истории (не говоря об интересном, пусть и крайне тенденциозном рассказе о России той эпохи).

Вот что автор «Московитских писем» сообщает о сборах Камчатской экспедиции:

«Вам, конечно, известно, что Пётр I основал Академию наук, которая существует и донныне, но в таком беспорядке, что все главные академики попросили об отставке. Вы, вероятно, ещё услышите об экспедиции, предпринятой в северо-восточную

⁷ В настоящем сборнике публикуется статья Д. Ю. и И. Д. Гузевичей «Ж. Н. Делиль и карта-задание для Второй Камчатской Экспедиции: “Бессовестный обман” или основа для открытий?», где рассказывается о роли Делилей во Второй Камчатской экспедиции и дана обширная библиография по этому вопросу.

Азию, в страну, именуемую Камчатка, где москвиты уже основали колонии. Именно эта экспедиция и предоставила мне возможность, о которой я говорю. Три профессора тамошней Академии — астроном, историк и натуралист-ботаник — составили, вместе с другими людьми, своего рода караван. Они намеревались следовать через земли Казанского царства, а именно этим путём я должен был ехать в Персию. Узнав о готовящемся отъезде этих господ, я принялся хлопотать, чтобы оказаться в их компании. Я искал, к кому обратиться, и мне указали на г-на Делиля, профессора астрономии. Он приехал в Санкт-Петербург из Франции во времена Петра Великого, который просил об этом французского короля. Он брат покойного г-на Делиля, известного географа Его Христианнейшего Величества»⁸.

Семья Делилей, судя по всему, тепло приняла итальянца: культурный европеец, с большим жизненным опытом и любовью ко всему французскому, он стал их частым гостем, а перед самым отправлением «на Камчатку» даже поселился в их доме. И сам Локателли с отзывается о них с большой приязнью:

«...сколько бы я вам о них ни рассказывал, знайте, что их достоинства многократно превосходят всё, что я мог бы сказать. Доброта, великодушие, благородство и прочие качества, которые украшают человека, всецело сочетаются в них. Можно утверждать, что они делают честь французской нации. Редко кто сохранит столько прекрасных качеств, живя среди людей, которым они неведомы и непонятны! Ничто не может убедить вас лучше, когда вы узнаете, что они сделали, чтобы спасти меня из неволи»⁹.

Согласно Локателли, он даже раскрыл Делилию своё подлинное имя и свой план использовать экспедицию ради ухода в Персию, что отнюдь не помешало его участию в академическом проекте и укреплению связи с братом Делиля, Луи Делилем де Ла Кройером.

Несколько параграфов «Писем» посвящены начальному этапу экспедиции:

«Стремнины остались позади, и далее путь продолжился среди земель, населённых и возделанных. Я проехал Великий Новгород, озеро Ильмень, из него вошёл в реку Мста, чтобы подняться до Бронниц, где была назначена встреча с моим

⁸ *Locatelli F. Lettere della Moscovia / A cura di M. C. Pesenti. Bergamo, 1991. P. 48.* Здесь и далее цитируется это современное итальянское издание «Московитских писем».

⁹ *Ibid. P. 49.*

другом де ла Кройером. Мы были счастливы вновь увидеться, и после нескольких дней путешествия по суше достигли Тверцы, небольшой реки, впадающей в Волгу в Твери, куда мы направлялись»¹⁰.

Во время дальнейшего плавания по Волге Локателли вёл дневник, зарисовывая города и крепости, в особенности труднодоступные для иностранцев места. Он сам признаётся в этом: «Я вёл дневник, но некто счёл нужным стянуть его у меня вместе с некоторыми другими записками»¹¹.

Об аресте итальянца есть разные версии. Академик Герхард Миллер, один из главных участников Камчатской экспедиции, сообщает, как они были рады, когда в Казани разоблачили «навязанного им неприятного итальянца». В разоблачении, похоже, непосредственное участие принял и сам де ла Кройер. Локателли же утверждает, что лично сообщил озадаченным казанцам, что хочет поставить свои военные таланты на службу России (в Персии), но не смог им внятно разъяснить, зачем он едет в составе научной экспедиции с поддельным паспортом и почему просится именно в Персию. Его вещи обыскали и обнаружили серию записок и зарисовок...

Задержанного послали сначала в Москву, а в декабре 1733 г. перевели в Петербург для дознания, длившегося до октября 1734 г., когда он был освобождён. Известен следующий документ из архива Сената: «По разсуждению сенатскому, подозрения за ним не признаются: ежели бы он, Локателлий, выехал для какого шпионства, то б он для корреспонденции жил в С.-Петербурге, или б поехал на Украину и в Польшу, из чего видно, что он ехал в низовый корпус для принятия той службы в такое отдаленное место, где шпионства или переписок в европейския государства чинить не можно и опасности б оттого не было»¹².

Свои перипетии, вкпе с разного рода размышлениями о характере русского народа, о России в целом и её месте в Европе, о необходимости её сдерживания, Локателли подробно изложил в ставшей знаменитой книге, которую сочинял в Голландии. Автор не забыл предостеречь её обитателей:

¹⁰ Ibid. P. 52–53.

¹¹ Ibid. P. 60.

¹² Стоюнин В. Я. Князь Антиох Кантемир в Лондоне // Вестник Европы (СПб.). Т. 1. 1867, март. С. 262.

«Любопытно бы знать, что подумают на этот счёт <экспансии России на Камчатку. — М. Т.> господа голландцы, единственные в Европе торговцы с Японией. Их, наверное, встревожит такая новость, и напрасно: москвиты не тот народ, кто может быстро наладить подобную торговлю. Но мне скажут, всё может измениться, в том числе и облик Московии, и её жители, ведь не могут же они ничему не научиться, наступая на всё те же грабли? Это всё заблуждение. Изменения московитов можно дожидаться долго, и, признаюсь, я считаю его вовсе невозможным. С другой стороны, в разумной и могущественной Голландской Республике есть много политиков и негодяев, достаточно ярких и талантливых, чтобы обезопасить свою торговлю, либо свести убытки к минимуму. Они, безусловно, найдут способ вызвать в умах японцев подозрительность, в достаточной мере, чтобы сорвать все усилия московитов, даже если допустить, что те будут действовать мудро и аккуратно»¹³.

Российский посланник в Голландии граф А. Г. Головкин вычислил автора «Писем» и потребовал выдать его в Россию. Голландцы, кажется, были готовы сдать Локателли, но кто-то успел предупредить его, и авантюрист бежал в Лондон, издав там английский перевод «Писем». Известно, что императрица Анна Иоанновна через российского посланника в Лондоне Антиоха Кантемира пыталась остановить британскую публикацию «Московитских писем»¹⁴. Интересно, что про саму Анну Иоанновну Локателли почтительно упоминает так:

«Следует сделать торжественное заявление, что, говоря о московитской нации, на которую *Satyrarum non scribere*¹⁵, я никоим образом не говорю об Августейшей Государыне, которая управляет ею <Анне Иоанновне. — М. Т.>, к каковой государыне я питаю самое глубокое почтение. Мне известны её достойные восхищения качества и прежде всего её религиозность и сострадание»¹⁶.

Кантемир несколько поучающе отвечал царице, что в либеральной Англии запретить печать «нехорошей» книги невозможно, а вот

¹³ *Locatelli F.* Op. cit. P. 56–57.

¹⁴ *Стоюнин В. Я.* Указ. соч. С. 249–273.

¹⁵ Лат., пер.: Трудно не писать сатиры (Ювенал).

¹⁶ *Locatelli F.* Op. cit. P. 159.

наказать её автора можно. «Потому к наказанию его, Локателли, один способ остается, чтоб своевольным судом чрез тайно посланных гораздо побить, и буде ваше императорское величество тот способ апробовать изволит, то я оный в действо произведу», — писал в Петербург известный просветитель. Но разрешение «гораздо побить» он не получил¹⁷.

На памфлет был дан, как сейчас говорят, «асимметричный» ответ: был издан его перевод на немецкий, с обширными комментариями: «Так называемые Московитские письма, или клевета и тысяча авантюрных наветов, возведенных на славную русскую нацию итальянцем, пришельцем из другого мира». В 700-страничном томе опровергающих комментариев в четыре раза больше, чем собственного текста Локателли. Автором этого опровержения, напечатанного в 1738 г. во Франкфурте, был Генрих Гросс — российский дипломат немецкого происхождения. В середине XVIII в. он сотрудничал с нашими миссиями в Лондоне, Париже и других европейских столицах, а задание обличить Локателли получил от Антиоха Кантемира.

Когда вышла книга Гросса «Так называемые Московитские Письма...», автор «Писем» уже жил в Константинополе, на службе у турецкого султана Махмуда I в качестве советника, преимущественно как эксперт по России и по перспективам её «сдерживания». В этом русле вёл переписку с находившимся в эмиграции гетманом Филиппом Орликом, преемником Мазепы¹⁸. Одновременно итальянец, и тут официально имевший псевдоним — «кавалер де Асти» — нанялся к австрийцам и следил за венграми-беженцами, обитавшими в Константинополе, выясняя, хотят ли они отделения Венгрии от Австрии. Деятельностью Локателли интересовались венецианцы, подозревая, что он интригует и против них. Однако с Орликом создать антирусскую ось не получилось, русско-турецкая война 1735–1739 гг. закончилась, и султан более не нуждался в услугах Локателли. Он ещё повращался в Европе, в частности, присутствовал на втором Аахенском конгрессе в 1748 г., где кроили карту Европы после почти десятилетней войны за Австрий-

¹⁷ Стоюнин В. Я. Указ. соч. С. 267.

¹⁸ Письмо Ф. Орлика к Ф. Локателли (к сожалению, ответ итальянца неизвестен) хранится в Рукописном отделе Городской библиотеки Бергамо; оно было опубликовано Марией Ди Сальво в: *Nel Mondo degli Slavi; Incontri e dialoghi tra culture / A cura di M. Di Salvo, G. Moracci, G. Siedin.* Firenze, 2008. Vol. I. P. 142–143. В составе её статьи «An Honourable Career: Francesco Locatelli After Russia (With a Ukrainian Appendix)».

ское наследство¹⁹. На конгрессе он теперь представлял интересы... Венеции, и под новой фамилией — Каттанео²⁰.

Свой земной путь Локаттели окончил в родном Бергамо. Он много писал, преимущественно о Востоке — об истории Оттоманской империи, «начиная с пророка Магомета и до 1740 г.», о Крестовых походах, о персидском правителе Кули-хане, об антикатолической политике в Китае, но почему-то не публиковал свои очерки, написанные не без блеска. Единственной его публикацией так и остались «Московитские письма».

Одним из тех, кто много общался с Локаттели в ту пору, был его земляк граф Джованни Баттиста Галлициоли. На основании попавшего к нему личного архива Локателли²¹, после смерти последнего, Галлициоли написал его биографию, которая до сегодняшнего времени служит главным источником сведений о Локателли для западных исследователей²². Это апологетический труд, восхваляющий Франческо Локателли как литератора, политика, дипломата, в конце жизни — религиозного подвижника.

Библиография

1. *Александренко В. Н.* Переписка М. А. Корфа с М. А. Оболенским по поводу «Московитских писем» // ЖМНП. 1892, февраль. С. 35–46.
2. *Беспярых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Введение, тексты, комментарии. СПб.: БЛИЦ, 1997. 492, [4] с.
3. *Ди Сальво М.* Франческо Локателли и его памфлет «Lettres Moscovites»: Из Петербурга в Стамбул / Пер. *М. Г. Талалая* // Россия и Италия. Вып. 6: Итальянцы в России от Древней Руси до наших дней / Отв. ред. *Е. С. Токарева, М. Г. Талалай*. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 223–230.
4. *Мезин С. А.* Взгляд из Европы: Французские авторы XVIII века о Петре I. Изд. 2-е, испр. и доп. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 2003. 231, [1] с.

¹⁹ О судьбе Локателли после высылки из России см.: *Ди Сальво М.* Франческо Локателли и его памфлет «Lettres Moscovites»: из Петербурга в Стамбул / пер. *М. Г. Талалая* // Россия и Италия. Вып. 6: Итальянцы в России от Древней Руси до наших дней / Отв. ред. *Е. С. Токарева, М. Г. Талалай*. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 223–230.

²⁰ Его донесения в форме писем к неизвестному дороговому другу («caro amico») см.: Отдел рукописей Городской библиотеки Бергамо, Фонд Specola Epist, n° 528.

²¹ Сохранившаяся часть архива собрана в Отделе рукописей Городской библиотеки Бергамо, папки ММВ 250, ММВ 259, ММВ 777. Никаких документов, связанных с пребыванием Локателли в России, в них не обнаружено.

²² *Gallizioli G. V.* Memorie per servire alla vita del conte Francesco Locatelli Lanzi. Milano, 1982 (биография, написанная в конце XVIII в., долгое время оставалась неизданной).

5. *Оболенский М. А.* Сведения об авторе книги «Lettres Moscovites» // Библиографические записки. 1859. № 18. Стб. 545–546.
6. *Он же.* Дополнительные разыскания о судьбе книги «Lettres Moscovites» // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России / Изд. Н. Калачовым. Кн. 3. СПб.: В тип. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1862. С. 1–14 (3-я паг.).
7. *Стоюнин В. Я.* Князь Антиох Кантемир в Лондоне // Вестник Европы (СПб.). Т. 1, н° 3. 1867, март. С. 224–273.
8. *Di Salvo M.* An Honourable Career: Francesco Locatelli After Russia (With a Ukrainian Appendix) // Nel Mondo degli Slavi. Incontri e dialoghi tra culture / A cura di *M. Di Salvo, G. Moracci, G. Siedin*. Vol. I. Firenze: Firenze Univ. press, 2008. P. 137–145.
9. *Gallizioli G. B.* Memorie per servire alla vita del conte Francesco Locatelli Lanzi. Milano: Cisalpino-Goliardica, 1982. 80 p.
10. *Locatelli S.* Il casato Locatelli. Bergamo: Centro Studi Valle Imagna, 2002. 408 p.
11. *Locatelli F.* Lettere della Moscovia / A cura di *M. C. Pesenti*. Bergamo: Pierluigi Lubrina ed., 1991. 241 p.

ПЕТРОВСКАЯ РОССИЯ И ВОСТОК В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ И МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ

Александр Николаевич Акиньшин
(Воронеж)

*Доцент кафедры истории России
Воронежского государственного университета*

Историк Персидского похода Викентий Павлович Лысцов (1916–2002)

Персидский поход, по-иному Каспийский поход, или Русско-персидская война 1722–1723 гг., ставил своей целью овладеть западным побережьем Каспийского моря, чтобы проложить торговый путь через Астрахань, Дагестан, Персию в Индию. Это был один из заключительных эпизодов внешней политики России при Петре, обусловленный победоносным окончанием Северной войны.

В дореволюционной историографии отдельной работы о Персидском походе не было, существовали лишь статьи либо суждения С. М. Соловьёва, В. О. Ключевского в общем курсе истории России. Исключениями были журнальные статьи В. Лебедева¹, В. В. Комарова²

¹ *Лебедев В.* Западный берег Каспийского моря при Петре Великом // ЖМНП. Т. 59. 1848, июль. Отд. II, с. 105–121.

² *Комаров В. В.* Персидская война 1722–1725: Материалы для истории царствования Петра Великого // Русский вестник. Т. 68. 1867, апрель. С. 553–616. (Отд. изд.: М., 1867. 68 с.).

и Г. В. Мельгунова³. В словаре Брокгауза и Ефрона сюжет о Персидском походе отражён в статье «Персидские войны России»⁴. Впервые Персидский поход стал объектом самостоятельного изучения только во второй половине 1940-х гг.

15 февраля 1949 г.⁵ на заседании секции истории СССР учёного совета исторического факультета МГУ состоялась защита кандидатской диссертации В. П. Лысцова «Персидский поход Петра I», выполненной под научным руководством профессора исторического факультета МГУ Константина Васильевича Базилевича (1892–1950). Официальными оппонентами были доктор исторических наук, профессор кафедры истории СССР МГУ, видный кавказовед, Георгий Александрович Кокиев (1896–1955) и кандидат исторических наук, этнограф и специалист по истории русско-персидских отношений Евгений Сергеевич Зевакин (1901–1987). Высокую оценку диссертации дали, помимо оппонентов, выступавшие в прениях члены учёного совета профессор Сергей Владимирович Бахрушин, Владимир Иванович Лебедев, Георгий Андреевич Новицкий (декан исторического факультета). Решение совета о присуждении кандидатской степени было единогласным. Хранящийся в музее истории Воронежского государственного университета экземпляр аттестационного дела В. П. Лысцова даёт возможность восстановить всю хронологию последующих событий.

23 февраля 1949 г. уже Учёный совет исторического факультета единогласно присвоил В. П. Лысцову степень кандидата исторических наук, это решение было утверждено Учёным советом Московского университета 7 марта 1949 г.⁶ Теперь требовались лишь рекомендация экспертного совета и утверждение президиумом ВАК. Дело вполне рутинное. Но изменившаяся ситуация заставила Лысцова поволноваться. В самом начале апреля 1949 г. по обвинению в буржуазном национализме был арестован его первый оппонент, профессор Кокиев (дальнейшая судьба: приговорён к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, умер в 1955 г. в лагере, реабилитирован посмертно)⁷. Его имя перестали упоминать в документах.

³ Мельгунов Г. В. Поход Петра Великого в Персию // Русский вестник. Т. 110. 1874, март. С. 5–60.

⁴ Энциклопедический словарь. Т. 23. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1898. С. 367–368.

⁵ События после 1918 г. указаны по н. ст. (григорианскому календарю), до 1918 – по ст. ст. (юлианскому календарю). – *Прим. ред.*

⁶ Музей ВГУ. Аттестационное дело В. П. Лысцова. Л. 67.

⁷ См.: Анчабадзе Ю. Д. Кавказовед Г. А. Кокиев: Жизнь, творчество, судьба // Репрессированные этнографы / Сост. Д. Д. Тумаркин. Вып. 1. М., 2002. С. 134–151;

2 июня 1949 г. экспертный совет ВАК по истории под председательством будущего академика В. М. Хвостова решил отправить диссертацию Лысцова на дополнительное рецензирование. К счастью для соискателя, таким рецензентом был назначен профессор Б. Б. Кафенгауз, отдавший уже в середине февраля свой голос в его пользу. На повторном заседании экспертной комиссии 1 декабря 1949 г., состоявшемся под председательством В. И. Лебедева, был заслушан положительный отзыв Б. Б. Кафенгауза и принято решение просить ВАК утвердить решение учёного совета МГУ, что и было сделано 31 декабря 1949 г.⁸ Эпопея с утверждением кандидатской степени, длившаяся десять с половиною месяцев, благополучно завершилась.

Теперь настала пора сказать об авторе этой диссертации. Викентий Павлович Лысцов родился 1 (14) ноября 1916 г. в деревне Лежнино Пижанской волости Яранского уезда Вятской губернии в крестьянской семье. После окончания школы-семилетки и Кировского педагогического техникума учился на рабфаке Горьковского университета. В 1940 г. с отличием окончил исторический факультет МГУ, в 1940–1941 и 1946–1948 гг. учился в аспирантуре там же. Во время войны служил преподавателем тактики в Уральском лётном училище. Демобилизовался в звании лейтенанта в марте 1946 г. По окончании аспирантуры в сентябре 1948 г. был распределён в Томский государственный университет, где преподавал на кафедре истории СССР три года. Первый семестр 1951/52 учебного года работал на кафедре истории СССР Историко-архивного института в Москве. Не имея квартиры и не видя для себя перспективы в столичном вузе, поменялся местами работы с москвичкой Еленой Викторовной Чистяковой (1921–2005), с 1948 г. работавшей в Воронежском государственном университете.

В 1952–1996 гг. Лысцов работал на кафедре истории СССР досоветского периода (с 1991 — кафедра истории России) ВГУ, в 1977–1987 заведовал кафедрой историографии и источниковедения⁹.

Кокиев Георгий Александрович // Люди и судьбы: Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период. СПб., 2003. С. 208–209.

⁸ Музей ВГУ. Аттестационное дело В. П. Лысцова. Л. 10.

⁹ См.: Чернобаев А. А. Историки России XX века: Библиографический словарь. Т. 1. Саратов, 2005. С. 552; Исторический факультет Воронежского государственного университета: Биографический справочник сотрудников. Изд. 2-е, доп. / Ред.-сост. А. Н. Акинъшин. Воронеж, 2015. С. 201–202; Воронежская энциклопедия. Т. 1. Воронеж, 2008. С. 462; Воронежская историко-культурная энциклопедия. Изд. 2-е, испр. и доп. Воронеж, 2009. С. 313–314.

Развивая тему диссертации, он подготовил очерки о Персидском походе для многотомных «Очерков истории СССР. Период феодализма»¹⁰ и для второго издания Большой советской энциклопедии¹¹. К петровской тематике он вернулся в одной из статей и небольшом краеведческом очерке «Воронеж—Азов—Полтава» (1959)¹².

В дальнейшем в воронежский период жизни В. П. Лысцов в основном занимался изучением исторического наследия М. В. Ломоносова и историографией его жизни и деятельности. Издал пять книг на эту тему. В 1975 г. защитил докторскую диссертацию «М. В. Ломоносов о социально-экономическом развитии России»¹³. Вёл спецкурс по русскому просветительству XVIII в. Научной школы не создал, подготовил только одного кандидата наук. В 1996 г. с должности профессора-консультанта Лысцов ушёл на пенсию, умер 23 ноября 2002 г. в Воронеже. Характерно, что в обширном интервью о своей научной работе Лысцов ни словом не упомянул ни о трагической судьбе Г. А. Кокиева, ни о сложностях с утверждением в кандидатской степени¹⁴.

В 1951 г. на основе диссертации В. П. Лысцовым в издательстве Московского университета была издана монография «Персидский поход Петра I. 1722—1723» (246 с.). Поскольку ни К. В. Базилевича, ни С. В. Бахрушина уже не было в живых, научным редактором выступил профессор В. И. Лебедев. Не имея возможности упомянуть Г. А. Кокиева, автор во Введении благодарил только второго оппонента Е. С. Зевакина.

Книга в целом была благожелательно, но со значительными долями критики, встречена историками. В журнале «Вопросы истории» появилась обстоятельная рецензия, автором которой был кандидат исторических наук, декан историко-международного факультета МГИМО Леонид Алексеевич Никифоров¹⁵. Основные его пре-

¹⁰ Александров В. А., Лысцов В. П. Персидский поход Петра I и отношения России с Китаем // Очерки истории СССР: Период феодализма. [Т.]: Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954. С. 598—623.

¹¹ Лысцов В. П. Персидский поход Петра I // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 32. М., 1955. С. 526.

¹² Он же. Воронеж—Азов—Полтава: К 250-летию Полтавской битвы. Воронеж, 1959. 46 с.; Он же. О мнимой демонстрации Азовского флота накануне Полтавской битвы // Из истории Воронежского края. [Вып. 1]. Воронеж, 1961. С. 115—129.

¹³ Карпачев М. Д. Жизнь и творчество М. В. Ломоносова в освещении воронежского историка В. П. Лысцова // Вестник ВГУ. Сер.: Проблемы высшего образования. 2011. № 1. С. 98—103.

¹⁴ Сапелкин Н. С. Не напрасно прожитые годы: Материалы к биографии профессора В. П. Лысцова. Воронеж, 2000. 50 с.

тензии к книге Лысцова заключались в определении причин Персидского похода. Он не был согласен с вынесением на первое место экономических предпосылок. Приводя обширную цитату из книги: «Проводимые Петром преобразования увеличили потребности промышленности в сырье, господствующего класса — в предметах роскоши, государственной казны — в денежных средствах. Пётр стремился удовлетворить эти потребности за счёт Закавказья и прикаспийских провинций»¹⁶, рецензент вполне справедливо отмечал, что такое определение целей похода противоречит выводу автора в другой главе: «Все дипломатические и военные мероприятия России, связанные с Персидским походом, были направлены на достижение определённой цели — недопущение Турции в Кабарду и Прикаспье»¹⁷. Предъявляя обоснованные претензии к первому разделу книги, озаглавленному «Экономические предпосылки и цели Персидского похода», автор высоко оценивал её второй раздел, посвящённый военно-политическим предпосылкам и целям похода и описанию самого похода. Идеологический характер носит одно мелкое (по нынешним временам) замечание: «цитата из письма И. В. Сталина по поводу статьи Энгельса “Внешняя политика русского царизма” приведена неточно»¹⁸. Это могло доставить неприятности и автору, и издательству. Но в тот момент страна уже стояла на пороге перемен...

В отзывах оппонентов отмечалось широкое использование автором архивных первоисточников, в первую очередь документов из кабинета Петра I и персидских дел из архива Коллегии иностранных дел. Из выступивших в прениях особо эмоционально об этом говорил Г. А. Новицкий¹⁹. Действительно, в книге доминируют ссылки на архивные фонды ЦГАДА.

Безусловно, на постановку вопросов и содержание книги в целом наложили отпечаток идеологические догмы той поры: российская внешняя политика не могла носить захватнического характера, её итог должен быть позитивным для внутреннего развития страны, Россия для кавказских и персидского народа играет цивилизационно прогрессивную роль и т.д.

Книга В. П. Лысцова разбита на два неравных раздела, в первом

¹⁵ Никифоров Л. А. [Рец.]: В. П. Лысцов. Персидский поход Петра I (1722–1723) // Вопросы истории. 1952. № 4. С. 105–108.

¹⁶ Лысцов В. П. Персидский поход Петра I. М., 1951. С. 90.

¹⁷ Там же. С. 109.

¹⁸ Никифоров Л. А. Указ. соч. С. 108.

¹⁹ Музей ВГУ. Аггестационное дело В. П. Лысцова. Л. 58.

две, во втором — три главы с дробным делением на параграфы, явно оставшимися от диссертационного исследования. В первых двух главах Лысцов формулирует экономические предпосылки Персидского похода (оценку им дал Л. А. Никифоров в рецензии) и развивает мысль о необходимости защиты торговых интересов России в прикаспийском регионе. Общий итог этого не во всём убедительного анализа таков: «Присоединение к России прикаспийских и закавказских земель должно было обогатить русских помещиков, купцов и царскую казну»²⁰.

Во втором разделе рассматриваются — на мой взгляд, более убедительно — военно-политические причины Персидского похода. Здесь на первое место выходит грозящая со стороны Османской империи опасность захвата Кабарды и утверждения из-за ослабления Персии в её прикаспийских владениях. Петром I могло руководить стремление опередить Турцию и в какой-то мере реабилитироваться за крайне неудачный Прутский поход 1711 года. В этом же разделе изложены конкретные события Персидского похода, начиная с июля 1722 г. Пётр в октябре 1722 возвратился в Астрахань, и последующие события развивались без его личного участия. Сам поход трактуется как «оказание помощи Персии в её борьбе против афганских и турецких захватчиков». Русская «помощь» стоила Персии городов Дербент, Баку и Решт с прилегающими землями и собственных провинций Гилян, Мазендеран, Ширван и Астрабад. Таково было содержание Петербургского договора между Персией и Россией, заключённого 12 сентября 1723 г. Персидский шах Тахмасп отказался ратифицировать этот договор, что, впрочем, не изменило судьбу уступленных земель²¹. Любопытная деталь, на которую позднее автор обязательно обратил бы внимание: возвращаясь с Каспия в Москву, Пётр из Царицына направился не по так называемой «посольской дороге», а через Павловск на Дону, Тавров и Воронеж (здесь он находился 8 декабря 1722). Это был последний, тринадцатый по счёту, приезд Петра Великого в Воронеж²².

Последняя глава книги названа некорректно, что отмечали оппоненты ещё применительно к диссертации²³. Странно, что автор не учёл это замечание при подготовке книги. Речь должна идти не о «создании Грузино-армянского царства под протекторатом Рос-

²⁰ Лысцов В. П. Персидский поход... С. 90.

²¹ Там же. С. 188–189.

²² См.: Акиньшин А. Н., Комолов Н. А. Династия Романовых и Воронежский край: 1696–1916. Воронеж, 2014. С. 33–36.

²³ Музей ВГУ. Аттестационное дело В. П. Лысцова. Л. 44, 55.

сии», а лишь о проекте такого образования, который не был реализован. В целом же Персидский поход Петра I получил монографическое описание, от которого можно было отталкиваться при разработке отдельных сюжетов.

В 2010 г. появилось исследование профессора РГГУ И. В. Курукина «Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия: 1722–1735». Здесь значительно расширены хронологические рамки, поэтому только две главы из шести имеют совпадения с трудом В. П. Лыцова. В задачу Лыцова такая широкая хронология не могла входить, это бы значительно превысило и объём, и возможности кандидатского исследования. Да и по идеологическим причинам он не мог довести изложение до Гянджийского договора 1735 года, по которому аннулировались все прежние завоевания России, что в значительной мере обесценивало итоги Персидского похода.

Говоря о своём предшественнике, И. В. Курукин достаточно высоко оценил его «доботно сделанную» работу: «Автор подробно рассмотрел предысторию и предпосылки этой военно-политической акции, её ход, широко используя архивные документы. Однако он сразу же подвергся критике за стремление выявить “якобы имевшие место” экономические цели петровского похода, в результате чего, по мнению рецензента [Л. А. Никифорова], продемонстрировал не “прогрессивный характер присоединения неиранских народов”, находившихся “под турецким игом и персидским гнётом”, а “стремление к захватам” со стороны России». С другой стороны, отмечает И. В. Курукин, В. П. Лыцова «критиковали за недостаточное понимание «дружеских связей азербайджанцев с Россией», в силу которых первые не могли создавать «опасность для русского тыла»²⁴. Азербайджанский историк Г. Б. Абдуллаев более суров в своих суждениях, чем это передаёт И. В. Курукин. Он пишет о книге Лыцова следующим образом: «Автор её, не разобравшись в сущности всех событий, допустил ряд ошибок, искажающих историческую действительность»²⁵.

Однако монография В. П. Лыцова уже жила своей жизнью, оставаясь единственным трудом о Персидском походе Петра I на протяжении шести десятилетий.

²⁴ Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия: 1722–1735. М., 2010. С. 6.

²⁵ Абдуллаев Г. Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения его с Россией. Баку, 1965. С. 25.

Библиография и архивные документы

1. *Абдуллаев Г. Б.* Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения его с Россией. Баку: Изд-во Акад. наук АзССР, 1965. 621 с.
2. *Акиньшин А. Н., Комолов Н. А.* Династия Романовых и Воронежский край: 1696–1916. Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 2014. 287 с.
3. *Александров В. А., Лыццов В. П.* Персидский поход Петра I и отношения России с Китаем // Очерки истории СССР: Период феодализма. [Т.]: Россия в первой четверти XVIII в.: Преобразования Петра I. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 598–623.
4. *Анчабадзе Ю. Д.* Кавказовед Г. А. Кокиев: жизнь, творчество, судьба // Репрессированные этнографы / Сост. Д. Д. Тумаркин. [2-е изд.]. Вып. 1. М. Вост. лит., 2002. С. 134–151.
5. Воронежская историко-культурная энциклопедия: Персоналии. Изд. 2-е, испр. и доп. Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2009. 657, [2] с.
6. Воронежская энциклопедия. Т. 1: А–М. Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2008. 522, [2] с.
7. Исторический факультет Воронежского государственного университета: Биографический справочник сотрудников: 1940–2015. Изд. 2-е, доп. / Ред.-сост. А. Н. Акиньшин. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2015. 368 с.
8. *Карпачев М. Д.* Жизнь и творчество М. В. Ломоносова в освещении воронежского историка В. П. Лыцова // Вестник ВГУ. Сер.: Проблемы высшего образования. 2011. № 1. С. 98–103.
9. Кокиев Георгий Александрович // Люди и судьбы = Men and destiny: Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период: 1917–1991. СПб.: Петербург. востоковедение, 2003. С. 208–209.
10. *Комаров В. В.* Персидская война 1722–1725: Материалы для истории царствования Петра Великого // Русский вестник. Т. 68. 1867, апрель. С. 553–616. (Отд. изд.: М., 1867. 68 с.).
11. *Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия: 1722–1735. М.: Квадрига; Объед. ред. МВД России, 2010. 375, [9] с.
12. *Лебедев В.* Западный берег Каспийского моря при Петре Великом // ЖМНП. Т. 59. 1848, июль. Отд. II, с. 105–121.
13. *Лыццов В. П.* Воронеж–Азов–Полтава: К 250-летию Полтавской битвы. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1959. 46 с.
14. *Лыццов В. П.* О мнимой демонстрации Азовского флота накануне Полтавской битвы // Из истории Воронежского края. [Вып. 1]. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1961. С. 115–129. (Труды Воронежск. гос. ун-та).
15. *Лыццов В. П.* Персидский поход Петра I // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 32. М.: БСЭ, 1955. С. 526.

16. *Лыццов В. П.* Персидский поход Петра I: 1722–1723. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1951. 247 с.
17. *Мельгунов Г. В.* Поход Петра Великого в Персию // Русский вестник. Т. 110. 1874, март. С. 5–60.
18. Музей ВГУ. Аттестационное дело В. П. Лыццова. Л. 10, 44, 55, 58, 67.
19. *Никифоров Л. А.* [Рец.]: В. П. Лыццов. Персидский поход Петра I (1722–1723). Издательство МГУ. 1951. 245 стр. + 1 карта // Вопросы истории. 1952. № 4. С. 105–108.
20. *Сапелкин Н. С.* Не напрасно прожитые годы: материалы к биографии профессора В. П. Лыццова. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2000. 50 с.
21. *Чернобаев А. А.* Историки России XX века: Библиографический словарь. Т. 1: А–Л. Саратов: Саратовский гос. соц.-экономич. ун-т, 2005. 574, [2] с.
22. Энциклопедический словарь. Т. 23. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрона, 1898. С. 367–368.

Наталья Боброва
(Москва)

*Аспирант Российской Академии живописи,
ваяния и зодчества Ильи Глазунова*

Экспедиционные художники петровского времени (по материалам Архива внешней политики Российской империи)

В начале XVIII в. в состав научных экспедиций наряду с учёными и землепроходцами стали включать художников, так как именно рисунок долгое время оставался единственным средством изобразительной фиксации результатов научных походов. Сначала это были художники-дилетанты, а затем профессионально подготовленные мастера. Вовлечение художников в научные исследования приобретает массовый характер, и постепенно они становятся полноправными участниками научных экспедиций.

Экспедиционные художники появляются в России в результате реформ Петра I по развитию научной экспедиционной деятельности. Именно Пётр задумал первые экспедиции по изучению природных богатств и картографированию регионов Сибири и Камчатки. Среди них можно выделить 3 экспедиции:

- ♦ экспедиция немецкого учёного Д. Г. Мессершмидта (1719–1727),
- ♦ первая Камчатская экспедиция (1725–1730);
- ♦ Великая Северная экспедиция (1733–1743).

По указу Петра I от 15 ноября 1718 г.¹ была организована экспедиция немецкого учёного Даниила Готлиба Мессершмидта, представлявшая собой первую научную экспедицию по исследованию внутренних областей Сибири.

Учёному необходимо было проводить исследования в области географии, медицины, естественной истории, кроме того в его обязанности входило описание народов Сибири, их быта и изучение древностей².

Вначале, кроме самого Мессершмидта, экспедиция не располагала исследовательским штатом: не было даже писаря или сведущего помощника. Но со временем штат экспедиции существенно увеличился. В 1721 г. в Тобольске в состав экспедиции вошли ссыльные пленные – шведские офицеры. Там же в экспедицию попадает Карл Густав Шульман (1705–?), «умеющий рисовать» воспитанник тобольской школы³.

Карл Шульман, судя по возрасту, (а ему было всего 15 лет) был скорее самоучкой, а не профессиональным художником. Он зарисовывал наскальные рисунки. Некоторые детали рисовальщик опускал или воспроизводил неточно. Несмотря на это, весьма приблизительные, сделанные «на глазок»⁴ зарисовки Шульмана стали одним из первых опытов фиксации наскальных рисунков с научной целью. Важным является тот факт, что в составе первой научной экспедиции уже был рисовальщик, пусть и непрофессиональный.

Значительная часть материалов, собранных в экспедиции Мессершмидта, погибла в 1747 г. при пожаре в здании Академии и наук, прежде всего это касается рисунков⁵. Но небольшая их часть всё же сохранилась: это акварели с изображением орхидей, карандашный набросок головы тунгуса, схема речных систем и некоторые другие рисунки из СПбФ АРАН⁶.

В петровское время каждая крупная экспедиция завершалась составлением карт. Кроме карт рисовальные мастера создавали много планов, а также перспективных изображений различных территорий, которые также относятся к картографическим произведе-

¹ Здесь и далее даты указаны по ст. ст. (юлианскому календарю). – *Прим. ред.*

² *Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Изучение древностей Южной Сибири немецкими учёными XVIII–XIX вв. Новосибирск, 2005. С. 69.

³ *Александровская О. А., Широкова В. А.* М. В. Ломоносов и академические экспедиции XVIII века. М., 2011. С. 13.

⁴ *Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Указ. соч. С. 73.

⁵ *Александровская О. А., Широкова В. А.* Указ. соч. С. 18.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 5, 20, 22.

ниям, так как они обладают схематичностью и обобщённостью, свойственным картам.

Первые целенаправленные усилия по подготовке мастеров-съёмщиков, владеющих техникой рисунка, были предприняты ещё в начале XVIII в. на уроках рисования в Навигацких школах, из которых вышло большинство геодезистов того времени⁷.

Так, в 1719 г. Пётр I отправляет на Дальний Восток двух геодезистов – Ивана Михайловича Евреинова и Фёдора Фёдоровича Лужина с целью «описать тамошние места, где сошлася ль Америка с Азиею, что надлежит зело тщательно сделать, не только зюйд и норд, но и ост и вест, и все на карте исправно поставить»⁸.

Инструкцию Евреинов и Лужин получили лично от Петра I, что подчёркивает значимость их работы для государства. Перед ними стояла задача масштабного и достоверного описания страны. В допетровский период карты были глазомерными и поэтому весьма неточными, а геодезисты XVIII в. уже владели необходимыми навыками, в частности, техникой рисунка. Во время экспедиции геодезисты выполнили большое количество рисунков, чертежей, планов. На основании обширных материалов была составлена карта Сибири, Камчатки и Курильских островов⁹, которая вместе с отчётами о плавании была предоставлена Петру I в 1722 г.

Следующим важным этапом в становлении деятельности экспедиционных художников в петровское время стала первая Камчатская экспедиция 1725–1730 гг. Инструкцию для экспедиции вновь составил сам Пётр I. В АВПРИ хранится инструкция назначенному начальником экспедиции Витусу Берингу от 3 февраля 1725 г., состоящая из трёх пунктов:

- «1) Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами.
- 2) На оных ботах возле земли, которая идет на Норд и по чайнию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.
- 3) И для того искать, где оная сошлася с Америкой: и чтоб доехать до какого города Европейских владений, или ежели увидят какой корабль Европейской, проведать от него, как оной кюст называют и взять на писме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и поставя на карту приезжать сюды»¹⁰.

⁷ Александровская О. А., Широкова В. А. Указ. соч. С. 10.

⁸ ПСЗ-1. Т. 5. СПб., 1830. № 3266. С. 607.

⁹ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. 1. Кн. 66. Л. 21.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 130. Оп. 130/1. Д. 1.

Однако ранее, 23 декабря 1724 г., вышел Указ Петра I Адмиралтейств-коллегии об организации Первой Камчатской экспедиции, в котором сказано:

- «1. Сыскать геодезистов тех, которые были в Сибири и приехали.
2. Сыскать из поручиков или из подпоручиков морских достойного, кого с ними послать в Сибирь на Камчатку»¹¹.

Очевидно, Пётр снова предполагал главную роль в научных исследованиях отвести геодезистам. Именно петровских геодезистов можно назвать первыми русскими экспедиционными художниками, а их основная деятельность была связана с составлением карт.

Помимо проведения топографической съёмки местности, они составляли историко-географические описания, создавали планы и виды местности, нередко создавали зарисовки этнографического характера. Следует отметить, что часть этих функций впоследствии на себя возьмут профессиональные художники, обучение которых сначала будет проводить Академия наук, а затем и Академия художеств. В связи с этим особое значение приобретает дальнейшее выявление и изучение изобразительного творчества петровских геодезистов.

Однако навыки, получаемые в Навигацких школах, не соответствовали стоящим перед государством масштабным задачам по описанию страны, из-за чего необходимо было решить проблему подготовки профессиональных рисовальщиков. В начале XVIII в. неоднократно поднимались вопросы об учреждении специального заведения для обучения рисовальщиков. Таким центром стала основанная в 1724 г. Академия наук. Именно в её ведение переходит руководство всеми производившимися в Российской империи экспедиционными и географическими работами. Участие Академии наук в экспедициях выразилось не только в исследованиях учёных, «но и в работе обученных и инструкторованных ею студентов, геодезистов, переводчиков, копиистов и художников»¹². Экспедиционным художникам теперь стала отводиться большая роль.

Важнейшей экспедицией этого периода стала Вторая Камчатская, или Великая Северная экспедиция 1733–1743 гг. В состав экспедиции входили геодезисты Пётр Скобельцын и Василий Шетиллов. В Архиве внешней политики Российской империи был

¹¹ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М., 1984. С. 33.

¹² Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов // Труды Архива АН СССР. Вып. 4. Л.; М., 1940. С. 10.

обнаружен рапорт Беринга от 1734 г., в котором имеется упоминание об инструкции для геодезистов¹³. (Сама же «Инструкция Беринга геодезистам по продолжению ими поисков кратчайшего пути к Тихому океану» — в РГАДА¹⁴). В рапорте сказано «чрез геодезистов <...> места возможно будет осмотреть и описать и положения оных к генеральной карте присовокупить»¹⁵.

Не меньший интерес представляет «Выписка о посылке геодезистов Скобельцына и Шетилова»¹⁶ от 31 августа 1739 г. из Архива внешней политики Российской империи. Геодезисты «отправлены были августа 5 дня 1734-го году из Иркутка в Нерчинск для сыскания ближайшаго пути к Камчатцкому морю от капитана-командора Беринга. И дана им инструкция... капитаном-командором Берингом»¹⁷. «Выписка» представляет собой подробный отчёт о выполнении инструкции, о ходе передвижения геодезистов во время экспедиции, о провианте, об участниках экспедиции.

Во время этих походов геодезисты собрали большой этнографический материал о народах Сибири и Дальнего Востока, часть которого была проиллюстрирована. Среди рисунков к описаниям чаще всего встречались, конечно, планы и чертежи населённых пунктов, что было обусловлено спецификой подготовки геодезистов. На данный момент эти рисунки не выявлены, однако об их характере можно судить по рисункам другого геодезиста, Василия Шишкова, описавшего древний буддийский монастырь Аблайкит в 1737 г. Он составил довольно подробное описание монастыря и, самое главное, выполнил графическую документацию¹⁸. Геодезист исполнил общий план города, планы и рисунки внешнего облика сооружений, а также зарисовал интерьер храма.

Судя по характеру этих рисунков, геодезисты выполняли зарисовки, близкие к натурным, однако выполнены они были ещё в сухой протокольной манере. Не отличаясь высоким художественным достоинством, рисунки всё же дают ясное и точное представление об изображенных объектах.

¹³ АВПРИ. Ф. 130. Оп. 130/1. Д. 4. Л. 13.

¹⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1362. Л. 1483–1485 об.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 130. Оп. 130/1. Д. 4. Л. 13.

¹⁶ Там же. Д. 5. Л. 1–10.

¹⁷ Там же. Л. 2.

¹⁸ *Бородаев В. Б., Контев А. В.* Результаты обследования ламаистских монастырей на Верхнем Иртыше геодезистом Василием Шишковым в 1737 году // Россия, Сибирь и Центральная Азия: Взаимодействие народов и культур: Матлы II региональной конф. 26 октября 1999 г. Барнаул, 1999. С. 119.

В составе Великой Северной экспедиции находился особый отряд, состоящий из нескольких учёных, командированных Академией наук, среди которых были Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, Г. В. Стеллер. Профессору истории Герхарду Фридриху Миллеру было поручено детальное и всестороннее изучение жизни, быта и культуры сибирских народов. Придавая большое значение всякого рода рисункам, Миллер в нужных случаях, когда речь шла о предметах древности, народах Сибири, видах городов, использовал для этой цели художников или, по современной ему терминологии, «маляров», трудами которых была составлена коллекция рисунков Камчатской экспедиции¹⁹.

То есть, помимо геодезистов в Великой Северной экспедиции находились и другие рисовальные мастера, которых можно назвать первыми профессиональными экспедиционными художниками в России. Архивы донесли до нас их имена: живописец Иоганн Христиан Беркан (1709 – не ранее 1730-х), рисовальщики Иоганн Вильгельм Люрсениус (1704–1761) и Иоганн Корнелиус Деккер (ум. не ранее 1730-х).

Экспедиционные художники получили свои профессиональные навыки в рисовальных классах Гравировальной палаты Академии наук. Объектами изображений для первых русских экспедиционных художников были предметы натуральной истории из Кунсткамеры, а пособием служили хранившиеся здесь же акварели известной в Европе художницы Марии Сибиллы Мериан²⁰.

Академия наук придавала большое значение участию художников в экспедиционных исследованиях. Специально для рисовальщиков экспедиции Академией была составлена инструкция, «главными требованиями которой стали достоверность, строгое соответствие изображенного увиденному»²¹. В обязанности художников входило достоверное фиксирование местности, типов местных жителей, предметов живой и неживой природы.

Сохранились рапорты, донесения, письма и реестры, которые отправлялись из экспедиции в Академию наук. Так, Материалы для истории Императорской Академии наук (Т. 1–10) содержат рапорты о ходе передвижения «академического» отряда и деятельности экспедиционных художников. Санкт-Петербургский фили-

¹⁹ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1999. С. 73.

²⁰ Александровская О. А., Широкова В. А. Указ. соч. С. 8.

²¹ Емельянова Л. Л. История естественнонаучного рисунка в России и роль первых экспедиционных художников в познании природы // История отечественной океанологии. Калининград, 1999. С. 245.

ал Архива РАН (СПбФ АРАН. Ф. 21) и Российский Государственный архив древних актов (РГАДА) хранят рисунки художников Второй Камчатской экспедиции.

По характеру рисунки первых экспедиционных художников — это копирование древних наскальных изображений, внешнее состояние могильников, могильных курганов, зарисовки старинных крепостей. Кроме того, экспедиционным рисовальщикам принадлежат виды сибирских городов. Они представляют собой нечто среднее между чертежом и видом данной местности с высоты. Такой «географический взгляд» сверху был характерным для всей петровской эпохи.

Большое количество рисунков животных и растений, а также рисунков этнографического характера (одежда, украшения, предметы домашнего обихода) свидетельствует, что инструкция предписывала заниматься описанием сибирских народов, а также местной флоры и фауны. Рисунки выполнены в духе так называемого примитивного искусства, но их этнографическая ценность неоспорима.

В творчестве художников-участников академического отряда Камчатской экспедиции прослеживается тесное сплетение научных и художественных целей. Участию художников, специально обученных выполнять зарисовки местностей, природных объектов, народов, связывая воедино потребности науки и искусства, во Второй Камчатской экспедиции придавалось большое значение.

Экспедиционные художники появляются в России благодаря деятельности Петра I. Сначала экспедиции сопровождают художники-самоучки. Затем функции рисовальных мастеров в экспедициях занимают геодезисты, чья деятельность была связана с составлением карт и планов местностей, так как именно составлением карт в этот период и завершались все крупные экспедиции.

Первые навыки рисовальщики получали в Навигацких школах, позже их обучение проводилось в Академии наук. Художники, получившие образование в Академии наук, входили в состав Великой Северной экспедиции и были первыми профессиональными экспедиционными художниками в России. После открытия Академии художеств именно она стала главным центром обучения художников. Начиная с Камчатских экспедиций, во всех крупных экспедиционных предприятиях XVIII и XIX вв. всегда участвовал профессионально подготовленный художник.

Для данного исследования были привлечены материалы для истории Императорской Академии наук, архивные материалы АВП-РИ, РГАДА, СПФА РАН, содержащие сведения по истории экспедиционной деятельности Академии наук, биографические сведения

участников экспедиций. Тексты экспедиционных инструкций помогли раскрыть те цели и задачи, которые стояли перед рисовальщиками.

Обращение к источникам Архива внешней политики Российской империи позволило впервые раскрыть творчество петровских геодезистов в контексте рассматриваемой темы.

Библиография

1. АВПРИ. Ф. 130. Оп. 130/1. Д. 1, 4, 5.
2. *Александровская О. А., Широкова В. А.* М. В. Ломоносов и академические экспедиции XVIII века: [Альбом к 300-летию М.В. Ломоносова]. М.: РГСофт, 2011. 271 с.
3. *Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Изучение древностей Южной Сибири немецкими учёными XVIII–XIX вв. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2005. 270 с.
4. *Бородаев В. Б., Контев А. В.* Результаты обследования ламаистских монастырей на Верхнем Иртыше геодезистом Василием Шишковым в 1737 году // Россия, Сибирь и Центральная Азия: Взаимодействие народов и культур: Мат-лы II региональной конф. 26 октября 1999 г. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. С. 116–132.
5. *Гнучева В. Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов. Л.; М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. VIII, 312 с., [8] л. ил. (Труды Архива АН СССР. Вып. 4).
6. *Емельянова Л. Л.* История естественнонаучного рисунка в России и роль первых экспедиционных художников в познании природы // История отечественной океанологии = History of national oceanography: Сб. науч. тр. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 1999. С. 244–246.
7. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. М.: Восточная лит-ра, 1999. 630, [2] с.
8. ПСЗ-1. Т. 5. СПб., 1830. № 3266 от 2.1.1719. С. 607.
9. РГАДА. Ф. 9: Кабинет Петра I. Отд. 1. Кн. 66; Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1362.
10. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: Сборник документов / [Сост.: Т. С. Фёдорова и др.]. М.: Наука, 1984. 320 с.
11. СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 5, 20, 22.

Дмитрий Николаевич Копелев
(Санкт-Петербург)

Доцент кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Мадагаскарская экспедиция
Петра Великого 1723–1724 годов:
Замысел и воплощение
(новые документы и интерпретации)¹

Распространённый в историографии сценарий изучения заморских экспедиций чаще всего заставляет исследователя трактовать их в привычном соответствии с устоявшейся научной традицией. «Прокрустово ложе» исследовательского анализа ограничено, как правило, двумя ключевыми исследовательскими перспективами: геополитическими проблемами, связанными, в первую очередь, с освоением новых территорий и колониальным противостоянием с державами-конкурентами, и вопросами научно-исследовательского характера, касающимися институциональных характеристик предпринимаемых плаваний, их навигационными, коммерческими и учёными технологиями. В подобном ключе рассматривались, например, попытки проникновения в Мировой океан, предпринимаемые российским правительством на протяжении XVIII в. Речь идёт, собственно, о четырёх важнейших российских океанских проектах: Мадагаскарской экспедиции в Индийский океан 1723–1724 гг.; «Дальневосточном плане» 1732 г. вице-адмиралов Н. Ф. Го-

¹ Статья написана при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Грант № 18-09-00103/18.

ловина и Т. Сандерса; «Арктическом замысле» М. В. Ломоносова о проходе в Тихий океан через Северный Ледовитый океан и секретной экспедиции капитан-командора В. Я. Чичагова 1760-х гг.; и, наконец, несостоявшемся полукругосветном плавании в Тихий океан пяти судов под командованием Г. И. Муловского.

Первый проект, Мадагаскарская экспедиция, привлёк меня необычным территориальным охватом. Единая нить связала в причудливую сложную цепочку приморские захолустья Прибалтики, тайные прибежища преследуемых властями заговорщиков и почти утопические африканские острова морских разбойников, поместив их в один событийный ряд с могущественными имперскими столицами и сказочно богатыми землями Востока. Кроме того, в истории плавания на Мадагаскар присутствуют все элементы классического волшебного путешествия. Органично вписываясь в рамки авантюрного романа эпохи Просвещения, тайная русская экспедиция в Индийский океан словно бы проецирует на XVIII в. традиции гомеровского эпоса с его недосказанностью, двусмысленностью, секретной дипломатией и элементами детектива.

«Секретная экспедиция»

Подготовленное Петром Великим плавание на Мадагаскар и в Индию в 1723—1724 гг. отразилось в ведомственной документации под названием «секретная экспедиция», за которой закрепилась репутация из ряда вон выходящего и экзотического предприятия. История однодневного плавания русских фрегатов в Финском море в декабре 1723 г., закончившегося их крушением в районе Наргина, достаточно подробно освещены в литературе². Позволим себе на-

² *Туманский Ф. О.* Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Ч. 9. СПб.: Тип. Шнора, 1788. С. 209—270; *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 8. М.: В Тип. Николая Степанова, 1789; *Зейдель И.* Снаряжение первой дальней экспедиции в царствование Петра Великого в 1723 году // Морской сборник. 1867. Сентябрь. № 9. С. 65—83; *Веселаго Ф. Ф.* Очерк русской морской истории. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Демакова, 1875; *Трутовский В. К.* Флибустьеры XVIII века // Русский вестник. Т. 221. 1892, август. С. 3—20; *Невахович Н. А.* Краткая историческая справка о приготовлении в экспедицию на о. Мадагаскар в 1723 году // Медицинские прибавления к Морскому сборнику. 1894. Вып. 3. С. 196—198; *Заозерский А. И.* Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом // Россия и Запад: Исторические сборники / Под ред. проф. А. И. Заозерского. Ч. 1. Пг.: Academia, 1923. С. 91—102; *Альтман В. В.* Экспедиция на Мадагаскар Петра I // Наука и жизнь М., 1937. № 6. С. 68—69; *Тарле Е. В.* Роль русского флота во внешней политике при

помнить основные вехи этого неудачного вояжа. Согласно архивным документам, ход делу император дал в начале ноября 1723 г.³, когда флот уже закончил кампанию⁴. Скрытно и поспешно начали снаряжать в путь два фрегата голландской постройки — «Амстердам-Галей» и «Декронделивде», входившие в состав Ревельской эскадры. Вице-губернатор Ревеля Фридрих фон Лёвен и главный командир Ревельского порта контр-адмирал Ян (Иван Иванович) Фангофт получили на этот счёт самые строгие распоряжения. Им было поручено в десятидневный срок укомплектовать корабли лучшими матросами и солдатами, доставить необходимые припасы, оружие и провиант, а «указ содержать секретно, не объявляя другим»⁵.

12 декабря прокурор Адмиралтейств-коллегии капитан-лейтенант Иван Козлов прибыл в Рогервик, новостроящийся порт неподалеку от Ревеля. Предъявив документы полковнику Емельяну Маврину, руководившему строительством Рогервикской гавани, Козлов представил ему одноногого вице-адмирала датчанина Данила Якова Вилстера, который прибыл с ним инкогнито из Петербурга⁶. Его поселили «тайно в особливых покоях», и в течение следующих дней его «<...> не токмо другим кому видеть, но и означенный полковник Маврин не видал»⁷. Ни с кем не общаясь,

Петре I // Морской сборник. 1946. № 11–12. С. 96–98; *Тарле Е. В.* Русский флот и внешняя политика Петра I. М.: Воениздат, 1949. С. 115–119; *Макрушин А., Макрушин В.* Фрегаты Петра отплывают к Индийскому океану // Бригантина–71: Сб. рассказов о путешествиях, поисках, открытиях. М.: Мол. гв., 1971; *Давидсон А. Б., Макрушин В. А.* Зов дальних морей. М.: Наука, 1979; *Чекуров М. В.* Загадочные экспедиции. М., 1984. С. 61–79; *Карташова Л. А.* Становление знаний и представлений о Мадагаскаре в России // В таинственной стране Мадагаскар: Год 2005 / Сост. и авт. предисл. *Л. А. Карташова.* М., 2006. С. 56–66; *Давидсон А. Б., Филатова И. И.* Россия и Южная Африка: Три века связей. М.: ГУ-ВШЭ, 2010.

³ Здесь и далее даты указаны по ст. ст. (юлианскому календарю), за исключением тех, которые оговорены специально. — *Прим. ред.*

⁴ Это произошло 3 ноября в доме генерал-адмирала графа Ф. М. Апраксина (РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 305. Л. 1).

⁵ Материалы для истории Русского флота. Ч. 1, ч. 2. СПб.: Тип. Морск. мин-ва, 1865. С. 690.

⁶ См. о нём подробнее: *Dansk biografisk Lexikon, tillige omfattende Norge for tidsrummet 1537–1814 / Udgivet af C. F. Bricka.* 19 Bd. 18. Kjøbenhavn, 1904. P. 619–621; *Давидсон А. Б., Макрушин В. А.* Указ. соч. С. 28–31; *Копелев Д. Н.* Даниил Яков Вилстер и подготовка Мадагаскарской экспедиции 1723–1724 гг. // Елагинские чтения. Вып. 4: Материалы конференции. СПб., 2009. С. 25–47.

⁷ Материалы для истории Русского флота. С. 695.

постоялец прожил у Маврина три дня, а 15 декабря покинул квартиру так же внезапно, как и появился. Накануне в гавань прибыл из Ревеля фрегат «Декронделивде» и стал на якорь. Утром Вильстер и его багаж были переправлены на фрегат. Через несколько часов в гавань вошло другое судно — фрегат «Амстердам-Галей», также пришедшее из Ревеля. Вечером в капитанской каюте «Декронделивде» состоялось совещание, на котором присутствовали Козлов, Вильстер, капитаны «Амстердам-Галей» и «Декронделивде» Данила Мясной и Джеймс Лоренс, а также офицеры с обоих фрегат. Козлов объявил собравшимся, что они поступают в распоряжение вице-адмирала, и предупредил, «чтоб они были ему господину во всем послушны <...>» В качестве инструкций в распоряжении Вильстера находились «Грамота королю Мадагаскарскому» от 9 ноября 1723 г. и «Полномочная и удостоверительная грамота». Кроме того, вице-адмирал получил от императора «изустное преподобное о всём наставление»⁸.

Фрегаты Мадагаскарской экспедиции снарядили в путь торопливо, в «конфузии». Уже через несколько часов после выхода в море корабли попали у Дагерорда в сильный шторм; флагманский «Амстердам-Галей» едва не затонул. В плачевном состоянии они вернулись в Ревель для ремонта, где местные власти предприняли экстренные меры для исправления положения. Тем более что из Петербурга приходили грозные послания с требованием ускорить дело и предупреждениями о «жестокой ответственности за нерадение». Строгие указания получили и командиры судов: «Чтоб вам взять свой путь без продолжения времени, понеже ничто так нужно, как надобно скорее ваше следствие, — писал им 15 января Апраксин, — а ежели паче чаяния (от чего Боже сохрани) вашу неповоротливость фрегаты починкою исправитца в скорости не могут и за тем путь ваш отменитца, то можете в том отвечать жестоко»⁹. Вильстеру же было велено сохранять «крепкий секрет» и перебраться обратно в Рогервик¹⁰.

Однако он остался в Ревеле и с борта «Декронделивде» наблюдал за починкой судов¹¹. Его бдительность, впрочем, не уберегла от

⁸ Голиков И. И. Указ. соч. С. 429–430.

⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 106. Л. 106.

¹⁰ Там же. Л. 91.

¹¹ В объяснительном донесении Апраксину от 1 февраля 1724 г. адмирал подчёркивал, что строго соблюдает режим инкогнито: «<...> неотлучно на корабле из каюты не выхожу и содержусь почти под легким арестом, и выхожу имею только, когда уже темнота ночная настает, и меня б никто не видал. Токмо я человек не таков, чтоб мне дело поверенное оставить и не смотреть;

катастрофы: 21 января при килевании «Амстердам-Галей» перевернулся: в открытые пушечные порты хлынула вода, фрегат затонул, погибло 16 матросов. Пётр принял известие о крушении «с немалою болезнию»¹². Ремонтные работы затянулись, руководителей ждали крупные неприятности. Брань, препирательства, угрозы посадить всех под арест и взаимные упреки сыпались как из рога изобилия, пока, наконец, 4 февраля 1724 г. Вильстер не получил письмо от Апраксина, в котором сообщалось: «Его Императорское Величество указал намеренную вашу экспедицию удержать до другого благополучного времени, понеже то время как было намерение за противными несчастью прошло»¹³. Вильстер должен был «без умедления» ехать в Петербург. Казалось бы, история закончилась.

Имперский замысел

Современники почти ничего не знали о Мадагаскарской экспедиции. Слухи о ней ходили разнообразные, но ясной картины происшедшего никто толком не представлял. На фоне победы в Северной войне, Персидского похода и экспедиции Витуса Беринга, экспедиция в Индийский океан выпадала из привычной логики Петровской эпохи, она более походила на какую-то авантюру, в лучшем случае, литературную мистификацию с экзотическим африканским оттенком. Историков же смущали «тёмные» обстоятельства подготовки экспедиции: торопливость организаторов, подозрительные участники экспедиции, плачевный финал и, разумеется, поставленные перед ней цели, в числе которых — союз с мадагаскарскими пиратами и Великим Моголом. Общее мнение выразил И. И. Голиков, вынужденный признать, что «о сей комиссии не могу я подать читателям моим такого объяснения, какого бы я желал, и оставляю то на рассуждение тем из читателей, которые более моего сведущи в Истории и в тайне кабинетов»¹⁴. Благодаря документам, опубликованным Ф. О. Туманским, С. И. Елагиным, Ф. О. Трутовским, Ф. Ф. Веселаго, А. И. Заозерским и Е. В. Тарле, ситуация изменилась: Мадагаскарская экспедиция начала рассматриваться в контексте изучения восточной экспансии Российской империи и трактовалась как первое российское заморское плава-

ныне я сам вижу, что и при мне работою зело мешкатно отправляются, а ежели бы мне быть в Рогервике наипаче бы мешкота явилась» (Материалы для истории Русского флота. С. 708).

¹² Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 106. Л. 104.

¹³ Материалы для истории Русского флота. С. 709–710.

¹⁴ Голиков И. И. Указ. соч. С. 431–432.

ние, парадоксальным образом сочетавшееся с авантюрными планами Петра I заключить союз с пиратами¹⁵. Однако исследователи неосознанно продолжали испытывать давление феномена «последних лет» Петра I, когда тяжело больной император, словно подводя итоги своего правления, навряд ли стал бы лелеять новые грандиозные замыслы: «Внешние сношения России после Ништадтского мира проходят процесс неуклонной стабилизации её влияния и авторитета, поддерживаемых нормальной активностью зарубежных русских представителей, действовавших как никогда спокойно и уверенно, — констатировал, например, Н. Н. Молчанов, — Решается задача упрочения достигнутого, исправляется упущенное, предотвращается нежелательное»¹⁶. Понимаемая подобным образом внешняя политика Петра I, напоминающая скорее «работу над ошибками», обезличивала самого императора и одновременно лишала общую картину панорамности и динамики, придавала ей излишний фатализм.

Наибольшая сложность при анализе Мадагаскарской экспедиции заключается в том, что невозможно адекватно представить взгляды императора и понять, чем он руководствовался, отправляя экспедицию в Индийский океан. Очертания петровских планов нелегко и сегодня собрать в единое целое, выглядят они подчас весьма размыто. В контурах своих он предстаёт комплексным имперским проектом, в основе которого лежали амбициозные геополитические замыслы императора, предусматривавшего поиск новых союзников в Европе, закрепление России в Вост-Индии и Ост-Индии, её посредничество в международной торговле Запад–Восток и широко-масштабную организацию китобойного и рыбного промыслов¹⁷. Вызрел замысел к концу 1724 г., когда Пётр, якобы, уже подводил итоги царствования!

Возможно, император и сам детально не представлял своё будущее «создание», так как зачастую руководствовался интуицией, действовал по наитию и никого не ставил в известность о своих планах. Замысел его не был никак формально оформлен, нюансы рождались спонтанно, параллельно тому, как ставились новые

¹⁵ Давидсон А. Б., Макрушин В. А. Указ. соч.; Анисимов Е. В. Пётр Великий: Личность и реформы. СПб.: Питер, 2009. С. 387.

¹⁶ Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. М.: Междунар. отнош., 1984. С. 421.

¹⁷ Копелев Д. Н. Имперская модель князя И. А. Щербатова и её реализация в 1720–1725 гг. // Ломоносовские чтения в Кунсткамере: К 270-летию издания первого «Атласа Российского» (1745) и 250-летию со дня смерти М. В. Ломоносова (1765). Вып. 2. СПб., 2016. С. 221–238.

вопросы, открывались дотоле не видимые перспективы. Тем более что касался Мадагаскарский проект отдалённой географической периферии, зоны фантазмов, оказавшейся на границах мировой геополитики, недостаточность информации о которой подталкивала к использованию ошибочных, фантастических идей. Под их влиянием правительственный курс перерастал границы реальности, искаженная или ложная информация заставляла оперативно принимать решения, действовать на грани допустимого, тем самым обрекая на рискованные, заведомо ошибочные решения. Как сегодня реконструировать изначальный многослойный политический замысел и восстановить его сложный социально-культурный контекст, особенно если на поверхности следов его практически не осталось. Обрывки сведений собираются буквально по крохам и черпаются из случайных упоминаний, описок, зашифрованной корреспонденции, донесений осведомителей и шпионов, анекдотов, слухов и сплетен. Весь этот разномастный документальный «набор» отмечен наличием двух стойких ментально-культурных пластов, под влиянием которых сложилась идея Мадагаскарской экспедиции; их можно определить как «якобитский заговор» и «пиратские клады». В данной статье мы подробнее остановимся на сюжетах, связанных с пиратской подоплёкой «секретной экспедиции» Петра Великого и причинах её отмены¹⁸.

«Пиратские клады»

Идея Мадагаскарской экспедиции была перенесена в Петербург из Стокгольма, Лондона, Парижа и Мадрида. Истоки её уходят в якобитские заговоры Юлленборга 1717 и Аттербери 1722 г. Став одним из главных игроков на ниве реставрации Стюартов, Пётр Алексеевич волей или неволей оказался причастен к одному из самых главных «секретов» европейской политики XVIII в. — пресловутым «пиратским кладам». Объявленная великими державами

¹⁸ О «якобитском заговоре» применительно к России см.: *Murdoch S. Soldiers, sailors, Jacobite spy: The Scottish jacobites in Russia 1688–1750 // Slavonica. № 3/1. 1996. P. 7–28; Wills R. The jacobites and Russia: 1715–1750. East Linton: Tuckwell Press, 2002; Collis R. Jacobite networks, freemasonry and fraternal sociability and their influence in Russia, 1714–1740 // Politica Hermetica. № 24. 2010. P. 89–99; Копелев Д. Н. Предыстория секретной экспедиции Петра I на Мадагаскар 1723–1724 гг. // Вопросы истории. 2016. № 3. С. 90–107; Копелев Д. Н. Парижский след заговора Аттербери: якобиты, пираты и российский посол князь В. Л. Долгоруков: Лето 1722 года // Россия и Франция: Культурный диалог в панораме веков: Мат-лы X Междунар. петровского конгресса. (Санкт-Петербург, 9–10 июня 2017 года). СПб.: Европейский Дом, 2018. С. 26–34.*

«война с пиратством» заставила пиратские группировки смещаться из Атлантики к западному побережью Африки, в район Красного моря и концентрироваться вокруг укромных баз в районе острова Мадагаскар, в первую очередь на острове Сент-Мэри¹⁹. В 1710-е гг. в Индийском океане складывалась обстановка, в некотором роде повторявшая геополитическую картину в Новом Свете на рубеже XVI в., только место Франции, Великобритании и Нидерландов, начавших борьбу за передел испанских владений, заняли Швеция, Дания, Османская империя и Россия, не имевшие здесь твёрдых позиций²⁰. Теснимые же со всех сторон и осевшие на Мадагаскаре пираты, «ушлецы из Европы», по примеру своих предшественников в Вест-Индии стремились «легализовать» свою деятельность и принять подданство одной из военно-морских держав, тем самым став их потенциальными «союзниками» в Индийском океане. Главной «наживкой», с помощью которой они рассчитывали заручиться их поддержкой и получить протекцию, стали якобы найденные ими пресловутые сокровища. Предания и слухи о пиратских кладах превратились в настоящую «приманку» для политиков и колониальных администраторов, рассчитывавших прибрать к рукам принадлежавшие разбойникам богатства — взамен обещая им амнистию, к которой всевозможными способами и склоняли разбойников.

Некоторые проявляли невероятное усердие: печатали, например, манифесты, вывешивали их в церквях, раздавали на рынках и даже передавали судовладельцам и командирам судов, чтобы те могли информировать об амнистии встретившихся разбойников. Особо инициативным оказался губернатор французского Сан-Доминго Жозеф-Шарль Жубер де Лабастид, маркиз де Шатоморан, который в 1719 г. приказал своим людям запечатать тексты манифеста об амнистии в бутылки и разослать их в гавани, где пираты пополняли запасы пресной воды²¹. В 1703 г. по Лондону циркулиро-

¹⁹ *Bromley J. S.* Outlaw at sea: Liberty, equality and fraternity among Caribbean freebooters // *Corsairs and navies, 1660–1760*. London; Roncerverte (U.S.A.): The Hambledon Press, 1987. P. 1–20; *Rediker M.* Villains of all nations: Atlantic pirates in the golden age. Boston: Beacon Press, 2004; *Woodard C.* The republic of pirates: Being the true and surprising story of the Caribbean pirates and the man who brought them down. Orlando: Harcourt Inc., 2007; *Kuhn G.* Life under the Jolly Roger: Reflections on Golden Age piracy. Oakland: PM Press, 2010; *Leeson P. T.* The invisible hook: The hidden economics of pirates. Princeton: Princeton Univ. Press, 2009; *Конелев Д. Н.* Раздел Океана в XVI–XVIII веках: Истоки и эволюция пиратства. СПб.: Крига, 2013.

²⁰ *Deshamps H. J.* Les pirates à Madagascar aux XVI-e et XVIII-e siècles. Paris: Berger-Levrault, 1972.

²¹ ANF. Colonies. C 9. A. 16. F. 45.

вали слухи о том, что правительство готово простить морских бродяг при условии, что они передадут в казну четверть из награбленных ими несметных сокровищ, масштабы которых выходил за все мыслимые границы и, якобы, доходили до 20 млн фунтов²². Подобные, на первый взгляд, пустые разговоры, иногда неожиданно приводили к вполне реальным договорённостям между правительственными чиновниками и пиратами. Весной 1715 г. небольшая шайка разбойников под руководством некоего ирландского главаря явилась на Мартинику для заключения сделки с правительством. Губернатор встретил их предложение благосклонно: среди головорезов было 100 французов и 90 англичан, а денег насчитывалось более 1 млн, и «это склонило нас на сторону амнистии»²³. Откровенно на этот счёт высказался в письме от 23 июля 1722 г. (н. ст.) генерал-губернатор Сан-Доминго маркиз Леон Дюэль де Сорель: «Из всех форбанов, которые попросили милости, наименее богатые имели при себе до 5 тысяч фунтов в пиастрах, что позволяет нам предположить, что они могли завезти на остров сумму до 100 тысяч пиастров, которая там бы осталась и пошла бы на благо колонии»²⁴.

В декабре 1709 г. вопрос о предоставлении амнистии «пиратам и буканирам с Мадагаскара» обсуждался на берегах Темзы, в лондонской Палате общин²⁵. Предложил рассмотреть его известный политик из партии тори, вице-адмирал Перегрин Осборн, маркиз Кармартен. Ещё в июле 1709 г. вопросом о прощении пиратов заинтересовался Комитет по торговле, на заседаниях которого изучили материалы о состоянии дел на острове, полученные от Джона Бенбоу (1681–1708), сына вице-адмирала Джона Бенбоу. Потерпев крушение возле южного побережья Мадагаскара, молодой офицер попал в плен к туземцам, затем умудрился бежать от них и добрался до Форт-Дофина, откудана голландском судне возвратился в Англию. По его мнению, местные разбойники не только хотят вернуться на родину, но и готовы заплатить за своё прощение²⁶. Вскоре появилась петиция, поданная жёнами и родственниками мадагаскарских пиратов, подписанная некоей Мэри Рид и ещё 47 товарами. В свою

²² *Lincoln M.* British pirates and society: 1680–1730. London; New York: Routledge, 2016. P. 169.

²³ ANF. Colonies. C 8. A. 20. F. 217.

²⁴ *Moreau J.-P.* Une histoire des pirates des mers du Sud à Hollywood. Paris: Tallandier, 2016. P. 213.

²⁵ Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies. Vol. 24: [June 1708–1709] / Ed. by *C. Headlam*. London: Institute of Historical Research, 1922. № 908.

²⁶ *Ibid.* № 620.

очередь и маркиз Кармартен направил королеве Анне «мемориал», в котором изложил причины, руководствуясь которыми следует искать решение о прощении пиратов на самом высоком уровне. Справиться с пиратской угрозой, прибегнув к сугубо военным средствам, по его мнению, вряд ли удастся, так как пираты, благодаря дружеским отношениям с местными жителями, всегда могут найти безопасное прибежище где-нибудь в глубине острова. Наилучшим решением станет королевское прощение, тем более что четверо из пяти пиратов, обретающихся на острове, говорят по-английски. Моральный аспект, связанный с амнистированием тех, кто много лет грабил торговые суда, маркиза Кармартена совершенно не смущал. По мнению бравого адмирала и известного дельца, в своё время добившегося от царя Петра табачной монополии,²⁷ на подобные вещи можно смотреть сквозь пальцы. «Несмотря на то, что их сокровища захвачены путём разбоя, — утверждал Кармартен, — сомнительно, чтобы они когда-либо могли бы быть возвращены собственникам, так как они были захвачены (полностью или большей частью) у подданных Великого Могола, и сейчас, закопанные где-то на Мадагаскаре или рядом с ним, не приносят никакой пользы». Гораздо полезнее, по мнению маркиза, воспользоваться кладами пиратов самому правительству, привезя их в Англию; самих же пиратов нужно привлечь на службу в британский флот. Только, разумеется, следует предоставить гарантии безопасности, а также направить к ним вместе с эскадрой из четырёх или пяти судов «хорошо им известного человека», на роль которого маркиз присмотрел бывшего приватира и пирата Джона Брехолта²⁸.

Посредниками в тёмных переговорах с европейскими правительствами выступали разнообразные авантюристы, интриганы, заговорщики, финансисты, преступники, некоторые из которых, по-видимому, не имели никакого отношения к пиратам: «герцог Ангелпонта, Мадагаскара и Офира» граф де Линанж, маркиз де Лангалери, граф Гульденштайн, капитан Симон Сен-Лежер, «Капитан Морган», Джон Норкросс. От нюансов переговоров с ними и достижения договорённостей о передаче «пиратского клада» (или «золота якобитов»?) зависело и решение об отмене Мадагаскарской экспедиции²⁹.

²⁷ *Ryan W. F. Peter the Great's English yacht, admiral lord Carmarthen and the Russia tobacco monopoly // Mariner's Mirror. № 69. 1983. P. 65–87.*

²⁸ *Calendar of state papers... Vol. 24. № 908; см. также: Lincoln M. Op. cit. P. 169–171.*

²⁹ О посланцах пиратов в Европе см. подробнее: *Копелев Д. Н. «Мадагаскарский король» и секретная экспедиция Петра Великого 1723–1724 годов // Век Просвещения / Отв. ред. С. Я. Карп, сост. Г. А. Космолинская. Вып. 5: География*

Отмена Мадагаскарской экспедиции: спорные вопросы

В начале февраля 1724 г. экспедиция была неожиданно отменена, после чего, как принято считать в историографии, к её возобновлению больше не возвращались. Однако среди бумаг Мадагаскарской экспедиции помимо официальных инструкций, адресованных Вильстеру, фигурировали и документы полуофициального характера: августовские 1721 г. инструкции шведского короля Фредрика I Ульриху и две объяснительные к ним июньские 1724 г. записки Вильстера, т. н. «Экстракт» и «Обсервация», опубликованные Туманским. При их изучении обращает на себя внимание одна странная деталь. «По всему можно видеть, — писал вице-адмирал, — что на тех островах короля не имеется, как речь о том неслась, и я лучше о том сведом не был, но признаваю быть оным местам республике, понеже более нежели одним отправляется». Почему же тогда «Грамота» от 9 ноября 1723 г. была адресована «королю Мадагаскарскому», если составлявший их Вильстер знал, что у пиратов действует режим прямой демократии и при выборе управляет «чернь», избиравшая «старшин знатных»?

Изучение деталей Мадагаскарской экспедиции позволило приоткрыть завесу над причинами столь «курьёзного недоразумения» между инструкцией 1723 и бумагами Вильстера 1724 г., что позволяет реконструировать хронологию событий. Занимавшийся этой историей А. И. Заозерский осторожно связал «курьёзное недоразумение» с получением Петром новых данных о положении дел на Мадагаскаре, которые, якобы, заставили изменить весь проект³⁰. По мнению А. Б. Давидсона и В. А. Макрушина, император просто «не принял во внимание» отчёт Вильстера³¹. Нам же представляется, что «курьёзное недоразумение» между адресатом Петра, «королём Мадагаскарским», и республикой пиратского «социетета», о которой писал Вильстер, можно объяснить только в том случае, если определить точные даты составления записок вице-адмирала. Это, в свою очередь, внесёт ясность и в хронологию экспедиции, и в причины её отмены.

Между тем, именно в этом вопросе и заключается главная трудность, так как, публикуя «Экстракт» и «Обсервацию», Туманский

эпохи Просвещения: Между воображением и реальностью. М., 2015. С. 168–185. О «якобитском золоте» см.: Cruickshanks E., Erskine-Hill H. The Atterbury plot. Houndmills; New York: Palgrave Macmillan, 2004.

³⁰ Заозерский А. И. Указ. соч. С. 95, 96.

³¹ Давидсон А. Б., Макрушин В. А. Указ соч. С. 28.

их не датировал. В результате исследователи начали выдвигать различные догадки. Зейдель, например, допускал, что эти бумаги Вильстер представил Петру I, когда поступил на русскую службу, приложив к ним заодно и шведские инструкции, данные Ульриху в 1721 г.³² Иную версию событий воссоздал Трутовский. Он полагал, что подготовка «Грамоты» прошла несколько этапов. В начале, 4 февраля 1723 г., из Ревеля в Петербург выехал бывший командир секретной шведской экспедиции на Мадагаскар командор Ульрих. Затем, 19 февраля, на аудиенции императора и в присутствии Вильстера он изложил основные детали шведского замысла. После этого Пётр поручил Вильстеру сделать «Экстракт», который в июне 1723 г. лёг на стол адмиралу Апраксину. Наконец, в ноябре была подготовлена «Грамота королю Мадагаскарскому», а в декабре экспедиция вышла в открытое море³³. Сходным образом события были описаны у Давидсона и Макрушина³⁴. Нам, впрочем, неизвестно, по каким причинам Трутовский исходной датой указал 1723 г. Это была его догадка или просто случайная опечатка?

Как следует из обнаруженных документов, в 1723 г. Ульрих ещё находился под арестом в Швеции. Условия его содержания были самыми суровыми: к нему не допускали посетителей, и «о деле моем ни с кем мне коммуникации не имеет»³⁵. Командор смог приехать в Петербург только в январе 1724 г.³⁶ Однако попасть тогда на приём к императору Ульриху не удалось: на следующий день после его приезда, 8 января, Пётр I уехал в Кронштадт на свадьбу капитана 3-го ранга Бенца и вернулся в Петербург лишь 12 января. Ульрих же покинул столицу 11 числа и отправился в Ревель — то ли по собственной инициативе, то ли по совету герцога Гольштейнского, с которым он встречался 8 января, Ульрих решил добиваться аудиенции императора с помощью своих влиятельных лифляндских родственников. В феврале 1724 г. в канцелярию Апраксина поступило письмо, отправленное вице-губернатором Ревеля Фридрихом фон Лёвеном. «Милостивый государь, — писал фон Лёвен, — Вашему высокографскому сиятельству доношу, что за несколько дней приехал в Ревель чрез Санктпитебургх из Швеции генерал-адыютант и командор Улрих; который был определен командором

³² Зейдель И. Указ. соч. С. 69.

³³ Трутовский В. К. Указ. соч. С. 14.

³⁴ Давидсон А. Б., Макрушин В. А. Указ. соч. С. 28.

³⁵ РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 29. Л. 54об.

³⁶ Берхгольц Ф. В., фон. Дневник камер-юнкера, 1721–1725 гг. Ч. 4: 1724-й и 1725 год. М.: Унив. тип., 1903. С. 6.

над 5 шведскими караблями, посланными года с два тому назад в Мадагаскар в Азию с некоторой ирландской земли человеком, именуемым Моргион, который назывался губернатором, да с капитаном Ситлером, от которой его имевшей экспедиции хотел я от него хотя мало уведомитца (понеже он зятю моему родной брат), токмо он приватной персоне о том известить не хочет, но сказывает, ежели б он мог бы в Санктпитебурхе его императорскому величеству низжайшей свой поклон отдать, то б он его величеству о том донестъ хотел и объявил бы писменно, в каком намерении оная экспедиция была отправлена и какой причины ради оная в действии не произведена <...>³⁷.

В Петербурге немедленно отреагировали на письмо фон Лёвена. 4 февраля Апраксин направил срочную депешу в Ревель и приказал ревельскому обер-коменданту генерал-майору В. фон Делдену отыскать Ульриха и отправить его «как можно скорее» на почтовых подводах в Петербург, «понеже Его императорское величество всемилостивейшее желает для некоторой конференции видеть его здесь»³⁸. Нельзя было терять времени: император готовился к поездке на Марциальные Воды. Фон Делден получил письмо Апраксина 8 февраля и уже на следующий день выдал Ульриху подорожную и четыре подводы, приказав выехать 9 февраля³⁹. Через несколько дней Ульрих приехал в столицу, явился к Апраксину и, получив 19 февраля аудиенцию у Петра I, осветил многие технические и организационные вопросы плавания к Мадагаскару⁴⁰. Тогда-то, в феврале 1724, а не в феврале 1723 г., Ульрих, по-видимому, привёз и передал в распоряжение руководителей экспедиции секретные шведские документы и в их числе — полученные им королевские инструкции от 16 августа 1721 г., опубликованные впоследствии Туманским, а также материалы своего судебного процесса.

Таким образом, в феврале 1724 г. плавание никто не отменял, его просто отложили, до официального же завершения Мадагаскарской экспедиции оставалось ещё почти полгода. Распоряжение Апраксина Вильстеру о возвращении инструкций, подписанных императором, было датировано только 30 июля 1724 г. В нём говорилось: «Оной экспедиции отправления в нынешней компании быть не надобе, а ежели впредь возобновление тому какое будет, о

³⁷ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 230. Л. 280. Это письмо было обнаружено Е. В. Тарле, использовавшим его в своей работе. См. также: *Давидсон А. Б., Макрушин В. А.* Указ. соч. С. 133.

³⁸ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 305. Л. 361–361об.

³⁹ Там же. Л. 363–363 об.

⁴⁰ *Берхгольц Ф. В., фон.* Указ. соч. С. 19.

том вас без известия не оставим»⁴¹. Зимой же и весной 1724 г. в Ревеле кипела бурная деятельность по снаряжению кораблей: готовились припасы, составлялись сметы, писались инструкции и набирались экипажи. К подготовке экспедиции подключили российских дипломатических агентов. Есть основания допустить, что с «помощью» близкого к голштинцам штатного секретаря иностранных дел Швеции Даниила Никласа фон Гёпкина, они сумели «докупить» интересующие их «копии»⁴². Особый интерес в Петербурге проявили к непосредственным участникам шведских тайных операций — были составлены поимённые списки офицеров с указанием их происхождения и местом нахождения на данный момент. Пётр отдал распоряжение связаться с участниками шведской экспедиции и точно установить, «сколко кораблей с ним, Ульрихом, в посылке было, и сколко с ним из Швеции отправилось», а также выяснить, «какие офицеры с ним отправлены были в назначенную ему экспедицию и зачем»⁴³. Императора интересовали, разумеется, шведские участники Мадагаскарского дела, с некоторыми из которых был знаком сам Вильстер. В частности, «каким характером при экспедиции был полковник Зебах и «где ныне обретается и в чьей службе и по какому делу» комиссар Остог. После бесед с Ульрихом и его рассказов о переписке с посланцем «пиратов» губернатором Морганом бравоый якобит, при помощи которого можно было попытаться «снести с королём Мадагаскарским», вызывал в Петербурге особый интерес. По словам Ульриха, таинственный губернатор обещал в апреле 1722 г. «ехать в Швецию», но затем куда-то пропал. Так и оставалось непонятным, «от кого депутатом приезжал и в чьей службе обретался» Морган. Вопросы были и в отношении помощников губернатора: капитана Галвея («какой земли и в чьей службе обретался») и капитана Бутлера («какой нации и в чьей службе обретается») ⁴⁴.

Все добываемые сведения стекались к Вильстеру, отправленному в Москву. Ведение переписки вызывало у него немалые трудности: секретность, незнание русского языка, постоянная необходимость в переводчике (им стал переводчик Адмиралтейств-коллегии Гамильтон / Гамолтин) затрудняли дело. В одном из своих писем, отправляя Апраксину подготовленные им материалы, Вильстер жаловался: «Оные переводы посланы не переписывая набело, в том не

⁴¹ РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 29. Л. 87.

⁴² Там же. Л. 30об.

⁴³ Там же. Л. 79.

⁴⁴ Там же. Л. 79об.

изволь возыметь гневу, понеже писца при себе не имею, а постронного взять не прилично»⁴⁵. Новые данные о положении дел на Мадагаскаре не вселяли в него оптимизм. Неплохо информированный человек, лично знавший некоторых из участников шведских экспедиций,⁴⁶ Вильстер к лету 1724 г. внёс в свой первоначальный проект серьёзные коррективы, ибо, проанализировав бумаги и письма, полученные от Ульриха, пришёл к выводу, «что многого не знал». Тогда же он и подготовил опубликованные Туманским «Экстракт» и «Обсервацию». В этих записках Вильстер пересмотрел свои первоначальные взгляды о «короле мадагаскарском»⁴⁷. Реального правителя, некоего монарха, каким его представляли в кабинетах Петербурга в ноябре 1723 г., в действительности на Мадагаскаре не было. На острове враждовали между собой главари разбойничьих шаек, и при переговорах с ними российские представители неминуемо столкнулись бы с серьёзными трудностями: «Некоторые оного клеветства (социетета), — писал Вильстер, — возжелали в Швецию иттить, а другие на тех островах остатца швецкими населенными... Ежели ныне жители тамошние еще в том мнении, а его императорское величество изволит тамо поселение (колонию) завести, то надлежит удобного члвека губернатором избрать, кому б было тамо надлежащее управить»⁴⁸. Однако, предупреждал адмирал, «обыватели на тех островах» — люди коварные. Из прочитанных им шведских инструкций отчётливо видно, что их составители «опасались их» и предупреждали Ульриха «быть <...> со своим фрегатом и протчими судами во осторожности, ежели противное паче чаяния что позовется, чтоб тогда суды свои можно оборонить и возвратиться назад»⁴⁹.

Описывая подобное положение дел на острове, Вильстер был недалёк от истины. Правда «республик», как их назвал Вильстер, на Мадагаскаре было столько же, сколько самих пиратских банд, и они вовсе не походили на правление «небольших князьков, имев-

⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 229. Л. 46.

⁴⁶ В написанной им весной 1724 г. «Обсервации и мнении не в указе буди», Вильстер отмечал, что офицеры (Зебах, Мандель, Остог и Люнг-Фельт), «которые командору Улриху для совета с ним были посланы, оных отчасти я сам знавал, а о других слыхивал, что оные люди доброго ума и острого разума; а иные в том числе были хороших наук; и в таких случаях и экспедициях зело изрядно; для того что ежели один умрет, тогда другой на место ево имеется кем действие производить <...>» (РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Ф. 29. Л. 28—28 об.).

⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 29. Л. 29.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 28, 30.

ших веру идолопоклонническую»⁵⁰. Информация Вильстера вполне согласуется со сведениями, которыми располагали в европейских столицах⁵¹. В каждой из таких «республик» руководствовались своими собственными законами, а всеми делами вершил бандитский сход («совет подлых»). Всё решалось в соответствии с правилами прямой демократии, никакие монаршие повеления силы не имели.

Известия о «республике подлых» шли вразрез с представлениями императора о возможных путях колонизации Мадагаскара — это, в итоге, и заставило его отменить экспедицию в Индийский океан. К причинам отмены Мадагаскарской экспедиции с небольшой оговоркой можно добавить также и проблемы технического свойства: за прошедшие полгода корабли для плавания так и не были подготовлены. Просьбы Вильстера о замене фрегатов «Декронделивде» и «Амстердам-Галлей» остались без ответа, а при осмотре в июле 1724 г. фрегата «Декронделивде» обнаружилось, «что фок-машта ево худа»: компанию он ещё мог продержаться, однако «ежели идти в дальний путь, то оная машта снести моря не может». И всё же подобные технические вопросы вряд ли могли остановить императора, и, как нам представляется, не они стали определяющим фактором при отмене плавания⁵².

Несмотря на все принятые секретные меры, сведения о тайных операциях императора на путях в Ост-Индию просочились в Лондон, Копенгаген, Амстердам и Париж. В самый разгар подготовки Мадагаскарской экспедиции в Петербурге, например, находился британец Джон Ден, в недавнем прошлом офицер российского флота, сообщивший, что «вице-адмирал Вильстер с капитанами Лоренсом и Мясным на «Кронделивде» и «Амстердам-Галее», вооружённых 36 орудиями каждый и имеющих по 180 человек экипажа, с запасом продовольствия на 8 месяцев были отряжены в тайную посылку, как полагают, к Мадагаскару, для того чтобы возглавить там неких пиратов, которые некоторое время назад сделали выгодные предложения в случае, если они получат покровительство его царского величества. Дважды они пытались идти в путь, но, столкнувшись со встречными ветрами и непогодой, были принуж-

⁵⁰ Голиков И. И. Указ. соч. С. 304.

⁵¹ Moreau J.-P. Op. cit. P. 233. В бумагах Вильстера среди различных вопросов, которые, по мнению организаторов Мадагаскарской экспедиции, следовало прояснить как можно подробнее, присутствовал вопрос о том, «колико крепостей на острове Санкт Марии и Мадагашкары и которую сторону берега оные» (РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 29. Л. 79).

⁵² РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 29. Л. 86.

даемы возвращаться к Ревелю»⁵³. Россию же, как предположил П. А. Кротов, Ден покинул «поздней осенью 1723 г.»⁵⁴. Возможно, дату его отъезда следует несколько сдвинуть, так как британец располагал информацией о январской катастрофе 1724 г., приключившейся в Ревеле с фрегатом «Амстердам-Галей» во время ремонта. Он, правда, посчитал, что в драматических событиях в ревельских доках пострадал экипаж «Декронделивде». По его словам, во время килевания фрегата «утонули капитан-поручик с 13 моряками»⁵⁵.

25 мая 1724 г. капитан 2 ранга Денис Калмыков, обучавшийся в своё время штурманскому делу в Англии, направил рапорт адмиралу Апраксину. В нём он сообщил о знакомстве в Петербурге с неким ирландцем Джеймсом Вейтом, представителем «претендентской партии», который прибыл в 1723 г. пассажиром на французской торговой флейте и изъявил желание поступить на службу в российский флот. Ранее он служил капитаном в «Компании Индий» Джона Ло, в доказательство чего представил соответствующие патенты. «По всему видно, что человек неглуп, и морской человек, но паче ведущ в купеческих обхождениях», — писал Калмыков. Вейт доверил Калмыкову подготовленные им проекты, касающиеся колонизации Россией Мадагаскара и побережья Мозамбика, прося без замедления передать их Апраксину. Представляя их адмиралу, Калмыков подчёркивал, что Вейт уже собирался было вернуться во Францию и даже сел на корабль, «но услышал, что его императорское величество скоро ожидаем сюда <...> нарочно сошел для ожидания» и рассчитывает теперь на встречу с императором⁵⁶. Нам неизвестно, согласился ли император дать аудиенцию Вейту, но сообщённые им новости оказались крайне важными. Оказывается, Вейту было хорошо известно не только о стратегических планах Петра в отношении Мадагаскара, но и о его контактах с пиратами. «Его императорское величество, — писал Вейт, — подал свою амнистию (забвение или прощение) всем таковым пиратам, которые попадутся или в Мадагаскаре или ище где, пронаписуя им впредь жить честно и под позволение в своем государстве жить смирно, которым образом многия приклонятся, которые чрез меры и количества и богатства бес сумнения распространять публичную бла-

⁵³ Ден Д. История Российского флота в царствование Петра Великого / Пер. с англ. Е. Е. Путьгина; вступ. ст., науч. ред. и уточнение перевода, примеч. П. А. Кротова. СПб.: Историч. иллюстр., 1999. С. 144—145.

⁵⁴ Там же. С. 15.

⁵⁵ Там же. С. 145.

⁵⁶ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 246. Л. 334, 334 об.

гость и прибыль какая-либо нации». Вейт особо подчёркивал, что «приумножение, богатство и крепость» французских владений на островах Бурбон и Маврикий было обеспечено «через многое число пиратов, которых они приняли, и паки принимают и укрывают своею протекциею». Осведомлён был Вейт и о шведских планах в отношении пиратов, однако считал, что «пираты приятнее примут протекцию его императорского величества, нежели шведскаго короля и французской Индийской компании, свободы ради бытия в своих разных религиях, которыя все оныя власти отрешают всех, которыя не их религии»⁵⁷.

В этих условиях союз с пиратами, объявленными «врагами всего рода человеческого», представлял бы собой слишком рискованную политическую авантюру. Стремление Петра приобрести колонию в Индийском океане и создать на Мадагаскаре подобие Ямайки и Тортуги могло обернуться самыми непредвиденными дипломатическими осложнениями⁵⁸.

Библиография и архивные источники

1. *Анисимов Е. В.* Пётр Великий: Личность и реформы. СПб.: Питер, 2009. 446, [1] с.
2. Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 106.
3. *Берхгольц Ф. В., фон.* Дневник камер-юнкера, 1721–1725 гг. / Перев. с нем. *И. Ф. Аммона.* Ч. 4: 1724-й и 1725 год. М.: Унив. тип., 1903. 148 с.
4. *Веселаго Ф. Ф.* Очерк русской морской истории. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Демакова, 1875. [2], VIII, IV, 652, [6] с., 30 л. ил.
5. *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 8. М.: В тип. Николая Степанова, 1789. IX, [1], 448, [2] с.
6. *Давидсон А. Б., Макрушин В. А.* Зов дальних морей. М.: Наука, 1979. 326 с.
7. *Давидсон А. Б., Филатова И. И.* Россия и Южная Африка: Три века связей. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. 330, [2] с.

⁵⁷ Там же. Л. 292.

⁵⁸ Любопытно, что российские историки увидели в замыслах императора повторение традиций британской, французской и голландской экспансии. По мнению, например, И. И. Голикова, Пётр желал «из грабителей сделать хороших граждан». Приводя в качестве примера подобной политики историю с поддержкой каперских рейдов Моргана, историк несколько наивно писал, что поначалу «славный флибустьер был тоже разбойником наисвирепейшим», а затем «бывшее чудовище сие укротилось, поведение его переменилось, разбойничья суровость исчезла, поступки его приобрели ему почтение и дружбу всех главных жителей Ямайки» (*Голиков И. И.* Указ. соч. С. 306).

8. *Ден Д.* История Российского флота в царствование Петра Великого / Пер. с англ. *Е. Е. Путьгина*; вступ. ст., науч. ред. и уточнение перевода, примеч. *П. А. Кротова*. СПб.: Историч. иллюстр., 1999. 192 с.
9. *Заозерский А. И.* Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом // Россия и Запад: Исторические сборники / Под ред. проф. *А. И. Заозерского*. Ч. 1. Пг.: Academia, 1923. С. 91–102.
10. *Зейдель И.* снаряжение первой дальней экспедиции в царствование Петра Великого в 1723 году // Морской сборник. 1867, сентябрь. № 9. С. 65–83.
11. *Карташова Л. А.* Становление знаний и представлений о Мадагаскаре в России // В таинственной стране Мадагаскар: Год 2005 / Сост. и авт. предисл. *Л. А. Карташова*. М.: Клуб друзей Мадагаскара, 2006. С. 56–66.
12. *Копелев Д. Н.* Даниил Якоб Вильстер и подготовка Мадагаскарской экспедиции 1723–1724 гг. // Елагинские чтения. Вып. 4: Материалы конференции. СПб.: Петроний, 2009. С. 25–47.
13. *Копелев Д. Н.* Раздел Океана в XVI–XVIII веках: Истоки и эволюция пиратства. СПб.: Крига, 2013. 734, [1] с.
14. *Копелев Д. Н.* «Мадагаскарский король» и секретная экспедиция Петра Великого 1723–1724 годов // Век Просвещения = Le siècle des Lumières / Отв. ред. *С. Я. Карп*, сост. *Г. А. Космолинская*. Вып. 5: География эпохи Просвещения: между воображением и реальностью. М.: Наука, 2015. С. 168–185.
15. *Копелев Д. Н.* Имперская модель князя И. А. Щербатова и её реализация в 1720–1725 гг. // Ломоносовские чтения в Кунсткамере: К 270-летию издания первого «Атласа Российского» (1745) и 250-летию со дня смерти М. В. Ломоносова (1765). Вып. 2. СПб.: Кунсткамера, 2016. С. 221–238.
16. *Копелев Д. Н.* Предыстория секретной экспедиции Петра I на Мадагаскар 1723–1724 гг. // Вопросы истории. 2016. № 3. С. 90–107.
17. *Копелев Д. Н.* Парижский след заговора Аттербери: якобиты, пираты и российский посол князь В. Л. Долгоруков: Лето 1722 года // Россия и Франция: Культурный диалог в панораме веков. Мат-лы X Междунар. петровского конгр. (Санкт-Петербург, 9–10 июня 2017 года). СПб.: Европейский Дом, 2018. С. 26–34.
18. *Макрушин А., Макрушин В.* Фрегаты Петра отплывают к Индийскому океану // Бригантина–71: Сб. рассказов о путешествиях, поисках, открытиях. М.: Мол. гв., 1971. С. 268–294.
19. Материалы для истории Русского флота. Ч. 1, ч. 2. [Балтийский флот, 1702–1725]. СПб.: Тип. Морск. мин-ва, 1865. [3], VIII, 725 с.
20. *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Первого. М.: Междунар. отнош., 1984. 438 с.
21. *Невахович Н. А.* Краткая историческая справка о приготовлении в экспедицию на о. Мадагаскар в 1723 году // Медицинские прибавления к Морскому сборнику. 1894. Вып. 3. С. 196–198.
22. РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 305; Ф. 223. Оп. 1. Д. 29; Ф. 233. Оп. 1. Д. 229–230.

23. *Тарле Е. В.* Роль русского флота во внешней политике при Петре I // Морской сборник. 1946. № 11–12. С. 96–98.
24. *Тарле Е. В.* Русский флот и внешняя политика Петра I. М.: Воениздат, 1949. 123 с.
25. *Трутовский В. К.* Флибустьеры XVIII века // Русский вестник. Т. 221. 1892, август. С. 3–20.
26. *Туманский Ф. О.* Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Ч. 9. СПб.: Тип. Шнора, 1788. 324, [1] с.
27. ANF. Colonies. С 8. А. 20. F. 217; С 9. А. 16. F. 45.
28. *Bromley J. S.* Outlaw at sea: Liberty, equality and fraternity among Caribbean freebooters // Corsairs and navies 1660–1760. London; Ronceverte (U.S.A.): The Hambledon Press, 1987. P. 1–20.
29. Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies. Vol. 24: [June 1708–1709] / Ed. by *C. Headlam*. London: Institute of Historical Research, 1922.
30. *Collis R.* Jacobite networks, freemasonry and fraternal sociability and their influence in Russia, 1714–1740 // *Politica Hermetica*. 2010. № 24. P. 89–99.
31. *Cruikshanks E., Erskine-Hill H.* The Atterbury plot. Houndmills; New York: Palgrave Macmillan, 2004. XI, 312 p.
32. Dansk biografisk Lexikon, tillige omfattende Norge for tidsrummet 1537–1814 / Udgivet af *C. F. Bricka*. Bd. 18. Kjøbenhavn: Gyldendalske Boghandel, Nordisk Forlag; Græbes Bogtrykkeri, 1904. P. 619–621.
33. *Deshamps H. J.* Les pirates à Madagascar aux XVI-e et XVIII-e siècles. 2e éd. revue et modifiée. Paris: Berger-Levrault, 1972. 221 p.
34. *Kuhn E.* Life under the Jolly Roger: reflections on Golden Age piracy. Oakland: PM Press, 2009. 265 p.
35. *Leeson P. T.* The invisible hook: The hidden economics of pirates. Princeton (N. J.); Oxford: Princeton Univ. Press, 2009. XVI, 271 p.
36. *Lincoln M.* British pirates and society: 1680–1730. London; New York: Routledge, 2016. 286 p.
37. *Moreau J.-P.* Une histoire des pirates des mers du Sud à Hollywood. Paris: Tallandier, 2016. 598 p.
38. *Murdoch S.* Soldiers, sailors, Jacobite spy: The Scottish jacobites in Russia 1688–1750 // *Slavonica*. № 3/1. 1996. P. 7–28.
39. *Rediker M.* Villains of all nations: Atlantic pirates in the golden age. Boston: Beacon Press, 2004. 240 p.
40. *Ryan W. F.* Peter the Great's English yacht, admiral lord Carmarthen and the Russia tobacco monopoly // *Mariner's Mirror*. № 69. 1983. P. 65–87.
41. *Wills R.* The jacobites and Russia: 1715–1750. East Linton: Tuckwell Press, 2002. XII, 253 p., [12] p. de pl.
42. *Woodard C.* The republic of pirates: Being the true and surprising story of the Caribbean pirates and the man who brought them down. Orlando (Fla.): Harcourt Inc., 2007. 383 p.

Тамара Петровна Мазур
(Санкт-Петербург)

Главный специалист

Российского государственного архива Военно-морского флота

Восточная политика Петра I в документах Российского государственного архива Военно-морского флота

В XVI–XVII вв. отношения с азиатскими государствами через Каспийское море являлись предметом желания многих стран. И именно Россия, по их мнению, могла быть посредником в торговле между Бухарой, Хивой, Персией и западноевропейским миром.

Великий преобразователь России, Пётр I своей главной задачей считал превращение страны в могучее государство. Он понимал, что России суждено быть посредником между Западом и Востоком, и этот вопрос не оставался без внимания российского правителя. Претворяя в жизнь замысел прорубить окно в Европу, Пётр I не оставлял без внимания и Восток. Русские люди испокон веков слыли искусными мореплавателями. О дальних походах восточных славян на Чёрном и Средиземном морях известно по документам с начала VII в. В IX–X вв. Чёрное море называлось Русским. В XVII в. Россия продолжила борьбу за выход в Азовское и Чёрное моря.

Ещё в начале царствования Петра I были предприняты в 1695–1696 гг. походы за выход в Азовское и Чёрное моря. В результате Второго Азовского похода, в котором участвовал сам Пётр, был взят Азов. Эта победа укрепила положение России, и она получила свободу плавания по Азовскому морю. Плавание по Чёрному морю для

русских кораблей было по-прежнему закрыто, т.к. Керченский канал оставался за Османской империей. Но Петра не оставляла мысль о выходе к восточным морям.

Ещё до окончания Северной войны Пётр I был занят вопросами завоеваний на востоке. Кавказ и Персия обращали особое внимание царя. Установить дружеские отношения с восточными правителями Пётр I стремился уже после первых побед в Северной войне.

В восточной политике Петра I были четыре задачи: проникнуть в Среднюю Азию, по имеющимся слухам богатую золотом и серебром, утвердиться в Закавказье и наладить отношения с Ираном, продвигаться на юг, чтобы добиться заветной мечты — достичь Индии, исследовать восточные моря и океаны. Пётр проявлял интерес и к установлению торговых связей с Китаем. Осуществление восточной политики не могло обойтись без созданного Петром I военно-морского флота и морских специалистов.

О вкладе флота, активной деятельности Петра I и его сподвижников на Востоке свидетельствуют материалы, хранящиеся в фондах РГА ВМФ. Документальные источники хранятся в более чем десяти фондах. Это фонды канцелярий генерал-адмирала Ф. М. Апраксина (ф. 233), адмирала К. Крюйса (ф. 234) и вице-адмирала М. Х. Змаевича (ф. 232); Приказа воинского морского флота (ф. 177), Государственной адмиралтейств-коллегии (ф. 212); фонды коллекций, в том числе — рукописи Петра Великого и др. документы, поступившие из Адмиралтейств-Совета (ф. 223) и др. Это интереснейшие уникальные документы о целях восточной политики императора, налаживании дипломатических и торговых контрактов между Россией и государствами Средней Азии, Персией, Индией и Китаем, участии моряков и учёных в восточных экспедициях, гидрографических исследованиях территорий и морей; развитии политико-экономических отношений России с народами Кавказа, Средней Азии и Сибири.

Первыми мероприятиями восточной политики Петра I явились изучения территорий «российского востока». Среди материалов архива имеются документы о снаряжении и отправке по распоряжениям Петра I в первой четверти XVIII в. гидрографических экспедиций, отрядов и партий для исследования и описания морей и в первую очередь по описи и составлению карт Каспийского моря. В фондах архива хранятся документы о строительстве в Астрахани судов для экспедиций, посылке в 1716—1718 гг. в Каспийское море описных партий под руководством А. И. Кожина, М. Травина и В. А. Урусова и результатах их деятельности; плавании в Каспийском море в 1719 г. Карла Фанвердена для его описи, составлении

карты р. Куры; деятельности в 1720–1726 гг. экспедиций под руководством Ф. И. Соймонова и Рентеля у западных берегов Каспия, составлении карт рек Куры и Сулак, измерения мели и устья реки Аграхань. Архивные фонды хранят карты, планы и атласы Каспийского моря, его заливов, бухт, островов и рейдов, в том числе карту Каспийского моря от Яркловска до Астрабадского залива 1720 г. составленную К. Фанверденом.

Представляют интерес для исследователей материалы о картографировании районов Сибири и Камчатки, развитии торгового промысла. Среди них указы и инструкции Петра I и др. документы о необходимости устройства в Сибири парусных и железоделательных заводов, отправке в Сибирь навигаторов из Морской академии для составления карт; копия донесения казака И. П. Козыревского в Якутскую военную канцелярию о посещении им в 1713 г. Курильских островов и составлении описания государства Нифрон (Япония); «сказка» геодезиста Ф. Ф. Лузина о совместной с геодезистом И. М. Евреиновым по указу Петра I экспедиции на Камчатку и Курильские острова в 1720–1721 гг.

Об интересе Петра I к налаживанию торговых и политических связей с Азией свидетельствуют многочисленные архивные материалы фондов петровского периода. Это документы о направлении в 1714–1717 гг. по его распоряжению военных экспедиций под руководством принявшего христианство кабардинского князя Александра Бековича-Черкасского в Хиву и Бухару. Целью экспедиций было привести Хивинское ханство в российское подданство и при удачных переговорах просить у хана провожатых для русских купцов в Индию, проверить сведения о местонахождениях золота и разведать путь в Индию, составить точную карту берега Каспийского моря, построить форт в устье р. Аму-Дарьи. В документах архива зафиксированы результаты деятельности экспедиций по постройке фортов на восточном берегу Каспия, обследованию древнего русла р. Аму-Дарьи и составлении точной карты восточного берега Каспия, благополучном достижении Хивы и трагическом окончании Хивинской экспедиции — убийстве по распоряжению хана князя А. Бековича-Черкасского и уничтожении его многочисленного отряда. Так закончилась попытка Петра I проникнуть в Среднюю Азию и закрепиться в ней. Путь в Индию и «песошное золото» оставались недоступными России.

Нельзя обойти вниманием вопросы о развитии дипломатических и торговых отношений России с Китаем в 1711–1725 гг. В фонде «Канцелярия генерал-адмирала Ф. М. Апраксина» имеются документы об отправке в Китай двух «геометриков» с посланником

Л. Измайловым (1719), назначении послом графа С. Л. Владислави-ча-Рагузинского (1725), посылке иеромонаха Иннокентия Кульчинского на должность архимандрита в Китае (1720), покупке шёлковых и других товаров российскими купцами.

Особое место в восточной политике России занимала Персия. Давнишней мечтой Петра I была организация караванного пути доставки шёлка-сырца из Ирана в Западную Европу через Россию. А для этого необходимо было поддерживать по возможности дружеские отношения. В фондах архива есть документы о приёме в 1711, 1715 и 1723 гг. Петром I персидских дипломатов, продаже товаров в Персию и отправке российских приказчиков для покупки шёлка; отправке посольства А. П. Волынского с целью подтверждения «давнишней дружбы» с шахом, сбора сведений о пристанях, городах и вооруженных силах, изучения вопросов о возможности торговли через территории Персии с Индией, прибытии А. П. Волынского в 1717 г. в Шемаху и заключении торгового договора с Персией.

В 1721 г. после победы в Северной войне Пётр I поставил цель — расширить торговые отношения России с восточными странами, восстановить балтийско-каспийский водный путь, оказать помощь христианским кавказским народам в их борьбе против притязаний Османской империи и Персии. Самой важной акцией в восточной политике Петра I явился Персидский («Низовой») поход 1722–1723 гг., в котором он лично принял участие. Решение отправиться в поход было принято им без колебаний.

В фондах архива имеются интереснейшие материалы о Персидском походе, личном участии Петра I и участии в обеспечении похода российского военно-морского флота. Это указы, предписания, распоряжения и переписка Петра I и Государственной адмиралтейств-коллегии; рапорты, донесения и переписка руководителей отрядов, десантных операций и участников экспедиций о подготовке сухопутных войск, строительстве судов на Волге; заготовке и отправке в Нижний Новгород и Астрахань оружия, продовольствия и укомплектовании сухопутных частей и морских команд личным составом; назначении генерал-адмирала Ф. М. Апраксина командиром Низовского корпуса; переходе русских кораблей с десантными войсками из Астрахани в Аграханский залив и среди них подробное письмо Петра I адмиралу Корнелиусу Крюйсу от 30 августа 1722 г. из Дербента о своём участии в походе от Астрахани до Терека и затем сухим путём до Аграхани, битве наших войск во владениях Султана-Махмуда Утамышского; строительстве крепостных сооружений и переправ, закладке на Судаке крепости Святого

Креста; соединении войск под командованием Петра I и Ф. М. Апраксина у Аграханского залива, походе их к Дербенту, взятии города 23 августа 1722 г., пребывании в Дербенте Петра I и возвращении его в Астрахань; подготовке и снаряжении отряда из 14 судов под командованием капитан-лейтенанта Ф. И. Соймонова и выходе с погруженным на корабли десантом под командованием полковника П. Шипова к юго-западному побережью Каспийского моря, высадке войск в Энзелийском заливе и взятии в ноябре 1722 г. Решта; не совсем дружественном принятии населением российских войск, нападении персидских войск на отряд, отбитии личным составом отряда атаки персов и возвращении в Решт в 1723 г. В архивных фондах хранятся документы об отправке в июне 1723 г. из Астрахани в район Баку отряда судов Каспийской флотилии с десантом под командованием генерал-майора М. А. Матюшкина и после четырёхдневной бомбардировки Бакинской крепости взятии её 26 июля 1723 г.; участия войск в строительстве пристани, водохранилища, магазинов, складов для хранения продовольствия в Баку и приёме горожан в российское подданство; овладении летом 1723 г. провинцией Гилян.

В результате успешных действий армии и военно-морского флота в Персидском походе 12 сентября 1723 г. в Санкт-Петербурге был заключён мирный договор России с Персией, по которому в состав России вошли западные и южные берега Каспия, города Дербент и Баку, провинции Гилян, Астрабад и Мезендеран. Это свидетельствовало о повышении статуса России на международной арене. Сведения об этом можно получить в документах архива.

В архивных материалах имеются сведения о развитии в период правления Петра I дружественных политических и экономических отношений России с народами Кавказа и Средней Азии, в том числе о заключении мирного договора с калмыцким ханом Аюкой; прибытии в 1724 г. в крепость Святого Креста бывшего царя Картли Вахтанга; добровольном принятии им российского подданства, восприятии жителей Кавказа русских как освободителей; присоединении кабардинских, армянских и грузинских отрядов к русской армии, выкупе Россией армян и грузин у жителей Дербента и возвращении их на родину.

После удачного Персидского похода Пётр I не оставил своих устремлений к упрочению могущества России, освоению новых морских пространств, «прорубить окно на Восток» и обеспечить транзитный путь Европа–Азия.

Закончившиеся в 1718–1722 гг. безрезультатно попытки шведов закрепиться на Мадагаскаре и взять под контроль торговые трассы

Индийского океана подтолкнули Петра I начать свою игру в этом регионе — организовать в декабре 1723 г. «секретную» экспедицию на Мадагаскар «для установления дружественных отношений с правителем о. Мадагаскар», «оказать протекцию пиратам Мадагаскара». Закрепление на островных стоянках на Мадагаскаре могло обеспечить налаживание морской трассы, которая бы связала Санкт-Петербург с Индией. Во главе экспедиции был поставлен бывший вице-адмирал шведского флота, пришедший на русскую службу в 1721 г. датчанин Даниэль Якоб Вильстер. Снаряжены были два фрегата «Амстердам-Галей» и «Декронделивде». 5 декабря 1723 г. Пётр I подписал инструкцию вице-адмиралу Д. Я. Вильстеру, в которой предписывалось пригласить и привезти на судах в Россию короля Мадагаскарского или знатных людей. Недостаточная проработка деталей экспедиции привела её к краху. После выхода из Рогервика у Догерорта корабли попали в шторм и, получив серьёзные повреждения, повернули в Ревель. 4 февраля 1724 г. последовало распоряжение императора «об удержании экспедиции до другого благополучного времени». Но экспедиция так и не была осуществлена. В архивных фондах имеются подлинные документы о снаряжении, финансировании, выходе в плавание кораблей, их повреждениях во время шторма и прекращении экспедиции, в том числе собственноручно подписанные инструкции Петра I вице-адмиралу Д. Я. Вильстеру о проведении экспедиции и удержании её до «другого благополучного времени», донесения Д. Я. Вильстера е. и. в. о снаряжении и плавании кораблей.

Свидетельством огромного интереса Петра I к вопросу «сошлась ли Америка с Азией» и о пути через Ледовитое море в Китай и Индию являются уникальные документы об организации по инициативе императора экспедиций по исследованию восточных морей и в первую очередь о снаряжении по его указу от 23 декабря 1724 г. Сибирской (Первой Камчатской) экспедиции под командованием В. И. Беринга, блестяще отражённые в материалах фондов архива. В ф. 223 «Рукописи Петра Великого и другие документы, поступившие из Адмиралтейств-Совета» имеется доклад Государственной адмиралтейств-коллегии о снаряжении Сибирской экспедиции, на котором есть собственноручные резолюции Петра I о необходимости иметь в экспедиции штурмана и подштурмана, бывших в Северной Америке, отпуске парусов, блоков и верёвок и др. оборудования и приписка «прочее все хорошо». Этот документ во многих изданиях называют указом Петра I о назначении В. И. Беринга руководителем экспедиции. В фонде Канцелярии капитан-командора В. И. Беринга, капитана А. И. Чирикова и капи-

тана 1-го ранга П. К. Креницына (ф. 216) хранятся указы Сената, инструкции Петра I и Государственной адмиралтейств-коллегии Берингу и задачах экспедиции; рапорты В. И. Беринга в Государственную адмиралтейств-коллегию об организации и ходе экспедиции, плаваниях в 1728–1729 гг., обратном пути в Санкт-Петербург; приказы, рапорты и переписка и др. документы об отправке экспедиции из Санкт-Петербурга в Охотск через Тобольск и Якутск, переходе на Камчатку и Нижне-Камский острог, постройке судов и плавании на боте «Святой Гавриил» вдоль восточных берегов Чукотки в высокие широты Северного Ледовитого океана, сведениях об открытиях и исследованиях экспедиции, участии камчадалов в работе экспедиции; завершении экспедиции и награждении участников и др. документы. В фонде Архива гидрографии (ф. 913) имеются выписки из журналов путешествия по Северо-восточной Сибири В. И. Беринга и А. И. Чирикова и путевой журнал участника Сибирской экспедиции П. А. Чаплина за 1725–1729 гг.

Представляют интерес для исследователей хранящиеся в архивных фондах карты, планы и атласы восточных территорий, запечатлевшие вклад России в осуществление восточной политики в правление Петра Великого, в том числе географическая карта «северного полушария» от полюса до параллели 35° с указанием плавания В. И. Беринга в 1728 г. и других мореплавателей XVIII в.

Материалы РГА ВМФ — богатейший источник для изучения истории как России, так и политических, экономических и культурных связей России со странами Азии, Америки. Доступ к документам архива имеют все граждане России, а также других государств через читальные залы.

Библиография и архивные источники

1. *Брикнер А. Г.* История Петра Великого. М.: АСТ, 2002. 666, [6] с.2. Описание дел Архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. Т. 2–3. СПб., 1879–1882. ([7], 847) ([5], VI, 1091) с.
3. *Павленко Н. И.* Пётр Великий. М.: Мысль, 1990. 592 с.
4. РГА ВМФ. Ф. 176–177, 182, 212, 216, 223, 232–234, 237, 315, 913, 1331.

Сергей Алексеевич Мезин

(Саратов)

*Заведующий кафедрой истории России и археологии
Саратовского национального исследовательского
государственного университета им. Н. Г. Чернышевского*

Письмо амстердамского друга

В 1692 г. из Москвы в Пекин было отправлено посольство во главе с немцем голландского происхождения Избрантом (Елизарием) Идесом. Одним из его участников был давно торговавший с Россией купец из Любека Адам Бранд. Путешествие в Китай (Цинскую империю) продолжалось почти три года. По итогам миссии Идес и Бранд опубликовали в Западной Европе каждый свои записки. Первой была опубликована в 1698 г. книга Бранда, о которой пойдёт речь в настоящей статье. Прежде чем её характеризовать, необходимо обратить внимание на круг лиц, которые были заинтересованы в организации посольства и публикации записок о нём.

Конечно, в развитии торговых и дипломатических отношений с Китаем было заинтересовано русское правительство, получавшее немалую прибыль от прямой торговли с далёким соседом и стремившееся выяснить отношение цинского правительства к недавно заключённому Нерчинскому договору (1689). Однако московские власти не склонны были делиться с европейскими соседями информацией о сухопутном пути в Китай.

Вместе с тем большой интерес к освоению ближайшего сухопутного пути в Китай проявляли европейские купцы, миссионеры и учёные. В 1685–1688 гг. французский иезуит Филипп Авриль пытался через Астрахань или Москву с торговым караваном отправиться в Китай, но потерпел неудачу. В Астрахани, Москве и Вар-

шаве Авриль расспрашивал купцов и дипломатов, посещавших Пекин, знакомился с записками Николая Милеску (Спафария), ездившего в Поднебесную с дипломатическим поручением в 1675–1677 гг. Собранные и опубликованные иезуитом сведения о дороге в Китай¹, в том числе карта «Сибири и Китая, скопированная с оригинала из Московского (Посольского) приказа с дорогами московитов, ведущими в Китай», вызвали большой интерес у современников, переводились на голландский и немецкий языки.

Во второй половине 1689 г. с миссией польского короля в Москве побывал французский дипломат Фуа де ла Нёвилль, опубликовавший позже «Новое и любопытное известие о Московии»². Помимо прочих сюжетов книга содержала рассказ о сухопутном путешествии Николая Милеску (Спафария) в Китай. Однако служивший в посольском приказе Спафарий в устной беседе с автором утаил некоторые подробности пути, чтобы его не обвинили в раскрытии государственных тайн. Книга де ла Нёвилля была вскоре переведена на английский и голландский языки.

На фоне явного и недостаточно удовлетворённого интереса европейской общественности к путям на Восток в 1690–1691 гг. амстердамский бургомистр, один из управляющих Объединённой ост-индской компанией, Николаас Витсен (1641–1717) вступил с переписку с Петром I и направил ему проект развития торговли с Персией и Китаем, а также составленную им карту Северо-Восточной Азии, которая в конечном счёте оказалась в руках Идеса³. Известный в Европе учёный-любитель Витсен давно проявлял интерес к России, Сибири и странам Востока. Он побывал в Москве в 1665–1667 гг., имел переписку с «русским голландцем» Андреем

¹ *Avril Ph. Voyage en divers États d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine <...> Avec une Description de la grande Tartarie et des differens Peuples qui l'habitent.* Paris, 1692. P. 142–145; *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей: Введ., тексты и коммент. Иркутск, 1941. С. 451–474.

² [*La Neuville, Foy de*]. *Relation courieuse et nouvelle de Moscovie.* Paris, 1698; *Ла Нёвилль, де.* Записки о Московии / Отв. ред. В. Д. Назаров, Ю. П. Калинин; предисловие, подготовка текста, перевод и комментарии А. С. Лаврова. М., 1996; *Алексеев М. П.* Указ. соч. С. 505–515.

³ *Казанин М. И.* Вступительная статья // *Идес Избрант [Е.]*, *Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967. С. 16; *Конингсбрюгге Х., ван.* История потерянной дружбы. Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714–1725 гг. СПб., 2014. С. 208; А. И. Андреев указывает, что карта, в легенде которой указан 1687 г., была составлена не ранее 1698 и не позже начала 1691 г., когда она была доставлена в Москву. *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1: XVII век. М.; Л., 1960. С. 89.

Виниусом, контакты с Францем Лефортом, а также со знатоками Сибири Юрием Крижаничем и Николаем Милеску (Спафарием). Впоследствии, в 1697–1698 гг., он принимал Великое посольство в Амстердаме. Как поклонник Петра I он защищал интересы России в Нидерландах. Витсен был заинтересован в отношениях с Россией, занимался поставкой оружия для армии царя. Он редактировал и готовил к изданию записку о путешествии И. Идеса.

Глава посольства (посланник) Избрант Идес (1657–1708) происходил из Голштинии, но имел голландские корни, рано появился в России, занимал видное место в Немецкой слободе, входил в окружение молодого царя. Он был связан родственными узами с царским фаворитом Францем Лефортом, был хорошо знаком с Андреем Виниусом, обучавшим царя голландскому языку. Будучи крупным торговцем, он отправился в Китай для поправки своего состояния, но получил при этом от царя верительные грамоты и официальный статус посланника. Его посольство вернулось в Москву 1 февраля 1695 г.⁴ Идес сумел поправить своё финансовое положение, стал крупным предпринимателем: имел оружейный и пороховой заводы, занимался судостроением, закончил свою деятельность торговым комиссаром в Архангельске. По возвращении из Китая Идес планировал издать свои записки. Царь пожаловал ему право печатания в Голландии на голландском и славянском языках книг и чертежей, касающихся Сибири и Китая. Однако в деле публикации записок о путешествии руководителя посольства сумел опередить А. Бранд.

Адам Бранд был уроженцем Любека, с молодости вёл торговые дела в Москве. По возвращении из Китая он уехал в Германию и больше в Россию не возвращался. Первое издание своих записок на немецком языке Бранд выпустил в Гамбурге в 1698 г.⁵ В качестве приложения дано краткое описание России из «Русской грамматики» Г. В. Лудольфа.

Таким образом, Николаас Витсен, Избрант Идес, Андрей Виниус, Франц Лефорт — все они были знакомы друг с другом и стояли у истоков миссии в Китай, участником которой был Адам Бранд.

По мнению Марка Исааковича Казанина, подготовившего параллельное научное издание записок обоих дипломатов, «рассказ Бранда в некоторых отношениях подробнее, обстоятельнее и точ-

⁴ Здесь и далее даты указаны по ст. ст. (юлианскому календарю). — *Прим. ред.*

⁵ *Brand A. Beschreibung der Chinesischen Reise Welche vermittelst Einer Zaaris. Gesandtschaft Durch Dero Ambassadeur Herrn Isbrand Ao. 1693. 94 und 1695 von Moskau über Gro.ß-Ustiga, Sibirien, Dauren und durch die Mongolische Tartarey verrichtet worden: Und was sich dabay begeben aus selbst erfahrner Nachricht mitgetheilet / Von Adam Brand. Hamburg, 1698.*

нее рассказа Идеса»⁶. Возможно, он составлен на основе путевого дневника, в нём обильно и довольно точно представлены имена, даты и названия мест. Между тем, в литературе существовало пренебрежительное мнение о записках Бранда, который якобы «был человеком очень малообразованным и в некотором роде шарлатаном»⁷. Хотя особой образованностью Бранд, впрочем, как и Идес, не отличался, он был человеком наблюдательным и в большей степени, чем руководитель посольства, стремился к литературному оформлению текста.

Ценность записок состояла в том, что в них дано подробное описание одного из трёх сухопутных путей из России в Китай (через Даурию и Манчжурию)⁸, содержался рассказ о народах, через земли которых проследовало посольство, а также описание двора и дипломатии цинского Китая. Подчеркнём, что оригинальное описание пути из России в Китай было впервые опубликовано в Западной Европе именно Адамом Брандом. До этого подобные сведения считались в России государственной тайной, а информация, опубликованная Аврилем и де ла Нёвиллем, бралась из вторых рук. Рукопись описания посольства в Китай Николая Спафария проникла в Европу, но считалась большой редкостью. (Её показывали Петру I в Королевской библиотеке в Париже). Существует предположение, что записки Бранда были опубликованы тайно, без разрешения правительства⁹. Они вышли в свет на шесть лет раньше, чем аналогичные записки Идеса. Не соперничество ли послужило причиной охлаждения отношений между путешественниками? Бранд лишь официально упоминал о «господине после» Идесе, а последний в своих записках вовсе не назвал имени своего коллеги. Современники без особых оснований чаще отдавали предпочтение запискам Идеса. Как считал Казанин, это происходило с лёгкой руки Витсена, который выступил их редактором и называл Идеса своим другом. Однако есть основания предположить, что бургомистр Амстердама имел отношение и к изданию книги Бранда. Косвенные свидетельства тому имеются во втором издании книги Бранда, вышедшем в 1699 г. в Амстердаме на французском языке.

Экземпляр этой книги имеется в Зональной научной библиотеке имени В. А. Артисевич Саратовского государственного университета:

⁶ Казанин М. И. Указ. соч. С. 30, 34–35.

⁷ Мицлов Р. И. Пётр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872. С. 171.

⁸ См.: Бахрушин С. В. Пути в Сибирь в XVI–XVII // Научные труды. Т. 3, ч. 1. М., 1955. С. 130.

⁹ См.: Казанин М. И. Указ. соч. С. 34.

Relation du voyage de Mr Evert Isbrand envoyé de Sa Majesté Czarienne à l'empereur de la Chine, en 1692, 93 & 94. Par le sieur Adam Brand. Avec une lettre de Monsieur *** sur l'état present de la Moscovie. A Amsterdam, chez Jean-Louis de Lorme, libraire sur le Rockin, à la Liberté. MDCXCIX [Сообщение о путешествии господина Эверта Избранта, посланного Его Царским Величеством к императору Китая в 1692, 93 и 94 годах. (Сочинение) господина Адама Бранда. С письмом господина *** о современном состоянии Московии]¹⁰.

Примечательно, что в предисловии издателя ни слова не говорится об авторе книги, но описываются достоинства карты Северной Азии, составленной Н. Витсеном: «Около тридцати лет кропотливой работы и солидные денежные затраты позволили этому знаменитому магистрату представить на карте прежде совсем неизвестную страну». По словам издателя, публикуемое сообщение о путешествии полностью соответствует этой карте, поэтому именно на ней обозначен путь посольства от Москвы до Пекина. К изданию был приложен упрощённый вариант карты Витсена, на котором цифрами обозначены основные пункты на пути посольства из Москвы в Пекин; отдельно помещён список этих пунктов. Впрочем, приложенная к книге карта не отличается особой точностью и информативностью. Современный исследователь назвал карту «маловразумительной»¹¹. В предисловии анонсировался выход нового издания труда Н. Витсена «Северная и восточная Таттария»¹². Говорилось, что в записках Витсена можно будет увидеть и другие дороги, ведущие из Москвы в Китай. Та дорога, которой следовало посольство Идеса, является, по словам издателя, самой надёжной, хотя и не самой прямой. Караваны, которые двигаются по ней ежегодно, способствуют заселению Сибири, зависящей от царя Московии. Заметим, что в самом тексте записок Бранда проявляется

¹⁰ Книга происходит из собрания профессора Санкт-Петербургского университета Ильи Александровича Шляпкина (1858–1918) — известного историка русской литературы и древнерусского искусства, коллекционера и библиофила, завещавшего свою книжную коллекцию молодому Саратовскому университету в 1915 г.

¹¹ *Идес Избрант* [Е.], *Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай: 1692–1695. М., 1967. С. 368.

¹² Первое издание было напечатано в 1692 г. Переработанный труд почти в тысячу страниц текста почти с сотней иллюстраций вышел вторым изданием в 1705 г. Оба издания в продажу не поступали, как и карта Витсена. *Наарден Б. Николаас Витсен и Тарттария // Витсен Н.* Северная и Восточная Тарттария. Т. 3: Научные материалы. Амстердам, 2010. С. 42.

исключительно благожелательное отношение к России и к русским, более всего характерное для голландской россики того времени.

Не меньший интерес, чем описание пути в Китай, представляет и вставленное во франкоязычное издание анонимное «письмо о современном состоянии Московии», написанное в Амстердаме 30 октября 1698 г.

Ни М. И. Казанин, ни Р. И. Минцлов, кратко охарактеризовавшие издание 1699 г.¹³, не обратили внимания на содержание «письма», которое занимает в книге более полусотни страниц¹⁴. Между тем, это письмо является едва ли не первым в европейской литературе и притом весьма толковым описанием начального этапа государственной деятельности Петра I.

Автор начинал с того, что сетовал на предубеждения, существующие у многих европейцев в отношении москвитов, и на недостаточное внимание к их молодому царю. По его словам, раньше жители Московии, действительно, были грубыми, мало общались с другими народами, не знали наук и европейского военного искусства. Положение дел изменилось уже при царе Алексее Михайловиче, который «придал новый облик монархии, совершенствуемой сегодня Петром Алексеевичем»¹⁵. Он пригласил иностранных офицеров и с их помощью реорганизовал армию, он обещал всем приезжающим иностранцам свободу вероисповедания. К тому же он правил кротко и справедливо и снискал общую любовь народа. Как «многообещающее» характеризовалось и короткое царствование Фёдора Алексеевича. Этот царь продолжал покровительство иностранным офицерам, способствовал развитию торговли, любил искусства, в особенности архитектуру. Он замыслил перестроить Москву в камне. В письме впервые утверждалось, что Фёдор назвал своим наследником Петра¹⁶. Это утверждение потом неоднократно будут повторять симпатизировавшие Петру авторы вплоть до Вольтера. Далее говорилось об «интригах» и «коварстве» царевны Софьи, прекратившихся благодаря «героической смелости» молодого Петра. По словам автора, Пётр с детства демонстрировал величие души и благородство, обладал проницательностью, страстью к образованию и интересом к европейским обычаям¹⁷.

¹³ Минцлов Р. И. Указ. соч. С. 170–171.

¹⁴ Brand A. Relation du voyage de Mr Evert Isbrand envoyé de Sa Majesté Czarienne à l'empereur de la Chine, en 1692, 93 & 94 / Par le sieur Adam Brand. Amsterdam, 1699. P. 193–249.

¹⁵ Ibid. P. 196.

¹⁶ См.: Ibid. P. 196–197.

¹⁷ См.: Ibid. P. 199.

Большое внимание в письме уделено истории взятия Азова. Автор, выказывая незаурядные познания, давал подробное географическое описание местоположения крепости, подчёркивал стратегическую важность междуречья Дона и Волги для налаживания связей с Востоком. Детально описан второй Азовский поход, связанный с созданием флота в Воронеже. Сказано, что сам царь на лёгкой галере участвовал в нападении на турецкие корабли, которые шли на помощь осаждённому Азову. В результате все турецкие корабли были захвачены или потоплены, что и ускорило падение Азова.

Среди мирных дел Петра выделены три деяния, которые способны «обессмертить его имя»: строительство порта на Азовском море, соединение Дона и Волги судоходным каналом, создание флота¹⁸. Далее следует описание триумфального шествия в Москве по поводу взятия Азова.

История Великого посольства также изложена здесь с любопытными деталями. То, что во главе посольства стоял Ф. Лефорт, «должно показать всему свету», что простой иностранный офицер может достичь в Московии самых высоких должностей, невзирая на вероисповедание. Отметив основные пункты на пути Великого посольства, автор подробно описывал пребывание царя в Амстердаме. Здесь же дан один из первых словесных портретов молодого царя. Это явно описание очевидца: «Этот монарх высокого роста, сильный, красивый на лицо, у него быстрый и пронизательный взгляд чёрных глаз, когда он говорит с живостью; при этом у него очень приятная физиономия. Он очень приветливый и любознательный»¹⁹. Царь пожелал видеть торжественный въезд Великого посольства в Гаагу. «Он попросил, чтобы господин Витсен, достоинства которого ему были отлично известны, одолжил ему свою карету и сопровождал его в этой поездке. Этот знаменитый магистрат, сегодня правящий бургомистр, так удачно провёз его величество, что никто его не узнал»²⁰. При этом царь был одет в голубой полукафтан, на нём был большой светлый парик и шляпа с плюмажем.

По словам автора, главная образовательная цель путешествия царя уже достигнута: в Голландии и в Англии он научился строить корабли и освоил морское бомбометание. В свободное время он осматривал всё, что ему было интересно. Голландцы были им очарованы. Многие с удовольствием идут к нему на службу.

В конце письма автор рисовал политические перспективы России под властью молодого царя. Если Россия утвердится на берегах

¹⁸ См.: Ibid. P. 216.

¹⁹ Ibid. P. 233.

²⁰ Ibid. P. 235.

Чёрного моря, сам Константинополь не будет чувствовать себя в безопасности. Уже окружённый русскими крепостями Крым попадёт под власть Московии. Лучший выход для Турции — заключить почётный мир с Россией, установить с ней торговлю и дать право прохода её кораблям через проливы. Утвердившись на южных и восточных рубежах, Россия будет способствовать переходу кочевников-татар к оседлой жизни в Астрахани, в Сибири, в Даурии. С помощью Волго-Донского канала откроется путь по Каспию в Персию и Индию. Огромные богатства будут стекаться со всех сторон в империю московитов. В итоге автор письма выражал уверенность, что благодаря успешной политике царя Московия «превратится в наиболее могущественную и грозную монархию мира»²¹.

Письмо написано в Амстердаме в октябре 1698 г., то есть через четыре месяца после отъезда Великого посольства из Голландии. Цели автора очевидны: в книге, тема которой должна привлечь многих европейских читателей, создать положительный, даже апологетический образ России-Московии и её необыкновенного молодого царя. Более конкретно информация должна была служить привлечению иностранных специалистов в Россию. Кто мог быть инициатором этого амстердамского издания и автором письма? Кто «имел возможность» собрать сведения о современном состоянии России во время пребывания Великого посольства в Амстердаме? Кто мог сказать, что «у московитов есть очень точные карты их страны; я некоторые из них видел»? Кто страстно интересовался географией юго-восточных окраин России? Кто мог знать, что царь Пётр инкогнито присутствовал на встрече Великого посольства в карете бургомистра? Кому царь мог демонстрировать собственноручные изделия: «маленький фрегат и ветряную мельницу». На эти вопросы напрашивается один ответ: автором письма мог быть сам Николаас Витсен, по словам М. М. Богословского, «посредник во всех затруднительных вопросах с русскими, очень подружившийся с царём, принимавший на себя <...> крупные поставки оружия и наём мастеров для России»²². А одним из источников информации, вероятно, был его дальний родственник (четвероюродный брат²³) и близкий сподвижник молодого Петра Андрей Виниус. Они находились в постоянной переписке, часть

²¹ Ibid. P. 249.

²² *Богословский М. М.* Пётр I: Материалы для биографии: В 5 т. Т. 2. М., 2007. С. 204.

²³ *Юркин И. Н.* Андрей Андреевич Виниус: 1641–1716. М., 2007. С. 402, 495.

которой сохранилась²⁴. Известно, что Виниус был организатором триумфа по поводу взятия Азова в 1696 г., посылал Витсену листы с изображением устроенных на мосту через Москву-реку триумфальных врат «с надписями, как и где что было»²⁵.

Изданием книги на французском языке Витсен, возможно, попытался опровергнуть невыгодное мнение о русском царе, высказанное в «Записках о Московии» Фуа де ла Нёвилля, вышедших в Париже в 1698 г.²⁶ и воспринятых как антирусский памфлет. Так что издание 1699 г. едва ли было осуществлено втайне от русского правительства. Во всяком случае, оно отвечало его интересам. «Письмо о современном состоянии Московии» представляет несомненный источниковедческий и историографический интерес как свидетельство равнодушного современника описываемых событий и первый печатный опыт апологии царя-реформатора. Уже в том же 1699 г. это письмо было пересказано в сочинении английского автора Дж. Кралла²⁷. Книга Бранда будет использована в издании записок самого Витсена 1705 г.²⁸, ею пользовался Ж. Руссе де Мисси при написании первой биографии царя, вышедшей в Голландии сразу после смерти Петра I²⁹. Ряд сведений, восходящих к письму амстердамского друга, был почерпнут Вольтером для «Истории» Петра Великого³⁰. Мысль о подготовленности реформ Петра его предшественниками прозвучала в Энциклопедии Дидро³¹ и привет-

²⁴ Юркин И. Н. А. А. Виниус и Пётр, ещё не Великий // Россия – Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве: Мат-лы V Междунар. петровского конгр. (Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 года). СПб., 2014. С. 208.

²⁵ Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве: Опыт исследования некоторых вопросов из истории русской культуры во 2-й половине XVII века. Т. 1: Текст исследования. Варшава, 1913. С. 198.

²⁶ [La Neuville, Foy de]. Op. cit.

²⁷ Кросс Э. Английский Пётр: Пётр Великий глазами британцев XVII–XX веков. СПб., 2013. С. 61.

²⁸ Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Амстердам, 2010. Т. 1. С. 126–127; Т. 3. С. 540.

²⁹ Nestesuranoi I. Mémoires du règne de Pierre le Grand, Empereur de Russie, Père de la patrie etc. 4 t. Amsterdam; La Haye, 1725–1726; см.: Мезин С. А. Голландский публицист Жан Руссе де Мисси как биограф Петра I // Россия – Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве: Мат-лы V Междунар. петровского конгр. (Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 года). С. 442–457.

³⁰ См.: Мезин С. А. Взгляд из Европы: Французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. С. 106–107.

³¹ Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers... Т. 14. A Neufchastel, 1765. P. 442–445.

становалась императрицей Екатериной II³². Так что письмо амстердамского друга нашло своих адресатов.

Библиография

1. *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII–XVII вв.: Введение, тексты и комментарий. Изд. 2-е, [доп.]. Иркутск: Иркутск. обл. изд-во, 1941. LXII, 609, [3] с.
2. *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1: XVII век. 2-е изд., испр. и доп. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 279, [1] с.
3. *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 3, ч. 1: Вопросы русской колонизации Сибири ц XVI – XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 376 с.
4. *Богословский М. М.* Пётр I: Материалы для биографии: В 5 т. Т. 2: Первое заграничное путешествие, ч. I и ч. II: 9 марта 1697 – 25 августа 1698 г. М.: Центрполиграф, 2007. 702, [2] с.
5. *Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария / Ред., науч. рук., [статьи] *Н. П. Копаневой, Б. Наардена*; пер. с голл. *В. Г. Трисман*. 3 т. Амстердам: Pegasus, 2010. (XXIII, [3], 621) ([3], 626-1225) (579) с.
6. *Идес Избрант [Е.]*, *Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай: 1692–1695 / Вступ. ст., перев. и коммент. *М. И. Казанина*. М.: Наука, 1967. 404 с.
7. *Козловский И. П.* Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве: Опыт исследования некоторых вопросов из истории русской культуры во 2-й половине XVII века. Т. 1: Текст исследования. Варшава: Тип. Варшавск. уч. окр., 1913. 536 с.
8. *Конингсбрюгге Х., ван.* История потерянной дружбы: Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714–1725 гг. / Перев. с нидерл. *В. Ронина*. СПб.: Европейский Дом, 2014. 255, [1] с.
9. *Кросс Э.* Английский Пётр: Пётр Великий глазами британцев XVII–XX веков / Авториз. перев. с англ. *М. Вишнякова*. СПб.: Европейский Дом, 2013. 229, [1] с.
10. *Ла Нёвилль, де.* Записки о Московии / Отв. ред. *В. Д. Назаров, Ю. П. Малинин*; предисл., подгот. текста, перев. и коммент. *А. С. Лаврова*. М.: Долгопрудный: Аллегро-пресс, 1996. 302, [2] с.
11. *Мезин С. А.* Взгляд из Европы: Французские авторы XVIII века о Петре I. Изд. 2-е, испр. и доп. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 2003. 231, [1] с.
12. *Мезин С. А.* Голландский публицист Жан Руссе де Мисси как биограф Петра I // Россия–Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве: Мат-лы V Междунар. петровского конгр. (Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 года). СПб.: Европейский Дом, 2014. С. 442–457.
13. *Минцлов Р. И.* Пётр Великий в иностранной литературе: По материалам гр. Корфа. СПб.: Изд. И. И. Глазунова, 1872. XII, 691 с.

³² См.: Оснадцатый век: Исторический сборник, издаваемый П. Бартенывым. Кн. 4. М., 1869. С. 383, 424.

14. Осмнадцатый век: Исторический сборник / Изд. П. Бартеневым. Кн. 4. М.: Тип. Грачева, 1869. [3], 536 с.
15. Юркин И. Н. А. А. Вinius и Пётр, ещё не Великий // Россия – Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве: Мат-лы V Междунар. петровского конгр. (Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 года). СПб.: Европейский Дом, 2014. С. 206–214.
16. Юркин И. Н. Андрей Андреевич Вinius: 1641–1716. М.: Наука, 2007. 560 с.
17. *Avril Ph.* Voyage en divers États d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine: Contenant Plusieurs Remarques curieuses de Physique, de Geographie, d'Hydrographie & d'Histoire; Avec une Description de la grande Tartarie et des differens Peuples qui l'habitent. Paris: Chez Claude Barbin, Jean Boudot & Louis Josse, M.DC.XCII (1692). [20], 406, [26] p., [5] f. de pl.
18. *Brand A.* Beschreibung der Chinesischen Reise Welche vermittelt Einer Zaaris. Gesandtschaft Durch Dero Ambassadeur Herrn Isbrand Ao. 1693. 94 und 1695 von Moskau über Gro.ß-Ustiga, Sibirien, Dauren und durch die Mongolische Tartarey verrichtet worden: Und was sich dabay begeben aus selbst erfahrner Nachricht mitgetheilet / Von *Adam Brand*. Hamburg: Bey Benjamin Schillern, Buchhandlern, 1698. 215, [16] S.
19. *Brand A.* Relation du voyage de Mr Evert Isbrand envoyé de Sa Majesté Czarienne à l'empereur de la Chine, en 1692, 93 & 94 / Par le sieur *Adam Brand*; Avec une lettre de Monsieur ***, sur l'état présent de la Moscovie. Amsterdam: Chez Jean-Louis De Lorme, M.DC.XCIX (1699). [6], 249, [1] p.
20. Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers / Par une société de gens de lettres; Mis en ordre et publié par Mr. ***. T. 14: REGGI-SEM. A Neufchastel: Chez Samuel Faulche & Co., M.DCC.LXV (1765). [2], 949, [1 bl.] p.
21. [*La Neuville, Foy de*]. Relation courieuse et nouvelle de Moscovie, Contenant, L'État présent de cet Empire. Les Expéditions des Moscovites en Crimée, en 1689; Les causes des dernieres Revolutions; Leurs Mœurs, et leur Religion; Le Récit d'un Voyage de Spatarus, par terre à la Chine. Paris: Chez Pierre Aubouyn et Charles Clouzier, 1698. [12], 231 p.
22. *Nestesuranoi I.* Mémoires du règne de Pierre le Grand, Empereur de Russie, Père de la patrie etc. 4 vol. Amsterdam: M. Uytwerf; La Haye: R. C. Alberts, 1725–1726.

Татьяна Павловна Петерс
(Москва)

*Старший преподаватель кафедры иностранных языков
Московского государственного института международных отношений
(Университета) МИД России (филиал в г. Одинцово)*

Источники сведений в донесениях Я. Елчина для Петра I о Японии и Тихоокеанском побережье России от 1719 года (по документам РГАДА)

Как известно, география, освоение приобретённых земель, изучение новых этносов и культур привлекали внимание Петра I на протяжении всего его царствования. Его правление внесло изменения в саму организацию походов в новые земли, и по сравнению с более ранними временами отличалось большей централизацией. Известны инструкции «мореходцам» и «землепроходцам», которые Пётр I составлял лицам, посылаемым в экспедиции, и донесения об открытиях, отчёты с мест, в которых сибирские воеводы записывали показания путешественников.

Одним из таких отчётов является, на мой взгляд, комплекс документов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, датированный серединой 1719 г. Он представляет интерес с точки зрения сведений о новых приобретённых Россией землях, населяющих их народах, возможностях их освоения. Вместе с тем, за ним стояли люди, которые эти сведения получали в ходе морских и сухопутных экспедиций по царским указам, походов за сбором ясака для государевой казны, во время жизни и службы на новых землях. Если общие сведения о землях и народах в некоторой степе-

ни известны исследователям, то имена землепроходцев, которые были источниками этих сведений, обстоятельства, при которых они добывались, большей частью забыты.

Автор документов РГАДА под названием «Документы о Камчатке, Курильских островах и Японии»¹ — полковник Яков Агеевич Елчин. В 1712—1719 гг. он служил воеводой Якутского уезда Тобольской губернии. В разных сохранившихся источниках фамилия его пишется по-разному: Ельчин или Елчин², Ельгин или Елгин³.

Биографических сведений о Якове Елчине сохранилось крайне мало, даже не известны годы его жизни. Русский дворянский род Елчиных происходит от мурзы Елчи, посла большеордынского хана к Ивану III, который остался в Москве и принял крещение. От него пошло три ветви поколения, вписанных в дворянские книги Орловской и Рязанской губерний. По документам в петровское время известны, по крайней мере, три человека по фамилии Елчин, имевших отношение к Сибири. Один из Елчиных проходит по указу царя Петра от 14 ноября 1706 года⁴ о «посылке в Сибирь стольника Василия Ивановича Гагарина для отбора на нужды дворца вещей из товаров каравана Григория Осколкова»⁵. В указе записано: «<...> послать из Москвы из Сибирского приказу в поморские и сибирские города стольника князь Василья князь Иванова сына Гагарина навстречу к купчине Григорью Осколкову <...> Да с ним же, князь Васильем, послать для всяких государевых дел и посылок из дворян Ивана Елчина <...>». Князю Гагарину выдали «серебряных денег 100 рублей», а дворянину Елчину «20 рублей»⁶. Елчин Яков Михайлович записан домохозяином в дозорной книге 1703 года в Томске. Елчин Андрей с семейством был одним из первых поселенцев в 1702 г. в Умревинском остроге (на р. Умреве притоке р. Оби) в том же Томском уезде.

В 1718 г. Яков Елчин был смещён с должности воеводы, возможно, в связи с привлечением к следствию по «делу» сибирского

¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 43 (6). Л. 370—382.

² А. В. Ефимов настаивал, что следовало писать «Ельчин», а не «Елчин»; подробнее см.: *Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий. М., 1971. С. 194.

³ *Полонский А. С.* Поход геодезиста М. Гвоздева в Берингов пролив // Морской сборник. Т. 4, кн. 11. 1850. С. 389—402.

⁴ Здесь и далее даты указаны по ст. ст. (юлианскому календарю). — *Прим. ред.*

⁵ Осколков Григорий Афанасьевич, яренский купец, глава торгового каравана 1706 г.

⁶ Русско-китайские отношения в XVIII веке / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. Т. 1: 1700—1725. М., 1978. С. 93—94.

губернатора М. П. Гагарина, обвинённого в казнокрадстве, а возможно из-за того, что в 1716–1718 гг. он был занят организацией по царскому указу Большой Камчатской экспедиции. Вследствие нового поручения ему подчинили весь северо-восточный край (современные Якутия, Магаданская область и Камчатка), да ещё наделили правом проверять работу всех остальных сибирских начальников, и он в течение двух лет (до 1718) руководил подготовкой экспедиции, в результате которой был совершён ряд походов. Но в 1720 г. экспедиция была приостановлена.

По царскому указу экспедиции поручалось исследовать по рекам территории к северу от Якутска вплоть до побережья Восточносибирского моря, земли к востоку от Якутска до Охотского моря, разузнать о Японии и о руде на 6-м Курильском острове, изучить юг Чукотского полуострова по реке Анадырь до залива и неизвестный остров, лежащий напротив Анадырского мыса (о. Св. Лаврентия, в 1728 г. открытый Витусом Берингом). В последнем случае поручалось идти путём, уже проложенным Семёном Дежнёвым при царе Алексее Михайловиче, но к тому времени основательно забытом, строить новые остроги и объясачивать населяющие эти земли племена юкагиров. Причём в этом походе Я. Елчин должен был участвовать лично.

Цельного отчёта о Большой Камчатской экспедиции в архивах не обнаружено. В этом отношении сохранившиеся в РГАДА документы Елчина являются ценными. Они выглядят как письменные донесения Елчина по заданиям Петра I, которые монарх поставил перед Большой Камчатской экспедицией.

Документы РГАДА представляют собой листы со сведениями, записанными рукой Я. Елчина после мая 1719 г. Всего имеется шесть документов, из них три с подписями: «Яков Елчин руку приложил», «Подлинный за рукою Якова Елчина», «Иаков Елчин»⁷. Часть из них имеет заголовки: «Сказки японца Сани» 24 марта 1719, «Карта Якутская и Камчатскому мысу и прежнему пути на Камчатский мыс, також и с оного», остальные документы представляют собой описание экспедиций 1718 г.: морской — с Камчатки в сторону Японии, и сушей и по рекам — «от Якутска до моря сухим путём», описание того, как японец Сани попал к русским, пересказ Я. Елчина под названием «Копия» с донесения приказчика Василия Колесова к нему в Якутск и собственноручная записка Елчина о Василии Колесове. В них рассказывается о кратчайшем пути из Якутска на морское побережье и далее на Камчатку, о Курильских

⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 43 (6). Л. 373, 376.

островах, о Японии. Следует отметить, что документ под названием «Карта Якутская и Камчатскому мысу и прежнему пути на Камчатский мыс, також и с оного» был составлен под руководством Я. Елчина и исследователям известен, он был опубликован впервые А. В. Ефимовым с подписью: «Чертёж Ивана Енисейского — Якова Агеевича Ельчина»⁸.

Документы Елчина имеют названия, принятые на 2-е десятилетие XVIII столетия: «скаска» — сообщения, «отписки» — донесения, «доезды» — приписки или вложения к отписке.

Сведения, отражённые в документах, Я. Елчин собирал в результате личных наблюдений, как участник походов, и вследствие расспросов участников походов и сборщиков ясака с туземного населения, которое проживало на подведомственной ему территории.

Находясь в Якутске на должности, он расспрашивал приказчиков, привозивших ясак с Камчатки, с морского побережья, населённых племенами ярыгов, юкагиров, алыторцев, а также казаков, отправленных по указам царя исследовать новые земли и проживающие в них народы. Например, из документов известно, что 20 октября 1714 г. в Якутске он расспрашивал о Шантарских островах казаков, которые побывали в новых местах восточного побережья России⁹. В ряде случаев Я. Елчин указывал имена людей, от которых он получал сведения о новых землях. В донесениях использованы японские названия географических топонимов и гидронимов, что вызывало трудности с восстановлением их русских эквивалентов, определением их расположения. Но, опираясь на косвенные указания в донесениях, удалось указать географические названия в русском варианте.

Сведения о Японии в документах Елчина записаны со слов японца Сани: «Японец города Когнокуни именем Сани, а по-русски Иван, сказал...»¹⁰. К Елчину японец попал в результате кораблекрушения. Вместе с «торговыми людьми» (13 человек) они плыли на бусе с грузом дуба в Токио, попали в бурю, на обломках буса их отнесло к реке Камчатке на Камчатском берегу, где туземцы взяли их в плен с грузом вина и посуды; но казаки, жившие на Камчатке отбили их у туземцев — «тамошние жители сибирские казаки взяли их и привезли в Якутск»¹¹.

⁸ Ефимов А. В. Указ. соч. С. 197.

⁹ Лебедев Д. М. География России петровского времени. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 34.

¹⁰ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 43 (6). Л. 370.

¹¹ Там же. Л. 377.

Японец по имени Санима (Сани), который впоследствии крестился в России под именем Иван Яковлев, был уроженцем местечка Конакуни (правильно: Кунинака), на острове Садо в Японском море недалеко от г. Ниигата. Согласно записи Елчина от 24 марта 1719 г., Санима сообщил сведения о своём городке и Японии в целом. В частности, он сообщил, что японцы имеют торговлю с Китаем и внутри Японии по всем островам. Его земляки с острова Садо занимаются выращиванием хлеба, «зерна сорочинского» (риса), из которого производят вино, выделывают ткань китайку, шёлк «из червей» и везут это на продажу в Токио. Относительно всей Японии, он сказал, что император живёт в г. Киото, что защищают Киото небольшие пушки и воины с пищалками, что порох производят сами. Город не торговый, все товары в нём привозные из Осаки, Идзумо. Из города Кагосимы и Кинокуня привозят добываемое там серебро и золото, выплавленную медь и железо. Поведал о гаванях Внутреннего Японского моря, по которому японцы ездят из своих городов, что чужестранцы в это море не заходят. Назвал некоторые крупные тихоокеанские гавани: в Японском море — торговый порт Акита, на Тихом океане — порт Нагасаки. Санима отметил, что внешней торговли японцы, кроме Китая, не ведут, однако чужестранцы к ним заплывают. Эта привилегия принадлежала голландцам, которые приплывали Восточно-китайским морем «через два—три года кораблей по 2—3» к городу Нагасаки для продажи сукна, разных приправ, например, корицы. На сам остров Хонсю, главный в Японии, их не пускали, за голландские товары японцы расплачивались золотом и серебром. Также он сказал, что японцы освоили морской путь до Камчатки с о. Матманский (Хоккайдо), проплывали мимо Курильских островов, торговали с жителями ближних к Японии островов, но на Камчатский полуостров (берег) не выходили¹².

О Японии мало что знали в России, она была государством, закрытым для внешнего мира, а потому неведомым и экзотическим, и, естественно, привлекала взгляды из России как ближайший сосед на востоке и с точки зрения развития торговли России в регионе. Не случайно поэтому царь Пётр велел доставить японца Сани в Петербург и лично его расспрашивать: как указал Елчин, «допрашиван в Петербурхе 1719 года в мае месяце»¹³.

Яков Елчин сам был источником сведений. Часть задания Петра I для Большой Камчатской экспедиции, а именно поиск более быст-

¹² Там же. Л. 370—371об.

¹³ Там же. Л. 377.

рого пути от Якутска на восток к Охотскому морю, Я. Елчин разведал лично в 1716 г. В состав его экспедиции, кроме него самого, входили поп Иван Васильев, иеромонах Иосиф, мореход Буш, мореходы и кормщики Невейцын, Григорий Березин, Треска, Тарасов и другие¹⁴. Проведали в том походе, как отмечал Елчин, выход по суше к Ламскому (Охотскому) морю от Якутска — «сухим путем наскоро две недели, а с возами три недели езды»¹⁵. Он описал для сравнения прежний путь: «<...> преж сего от Якутска хаживали судами рекою Леною вниз, вверх реками Алданом, Маею, Юдомою до Юдомского волоку, вниз рекою Ураком <...> поспевали в пятнадцать недель»¹⁶.

Поскольку плавание до Камчатки было уже известно, Елчин заострил внимание на лесных богатствах Камчатки, в которых Пётр I был заинтересован для строительства судов, и на залежах железной руды. Он писал, что «леса на Камчацкой земле лиственник ... березник, осинник, а соснового и елового дерева там нет. От якутской стороны близ Моря добрых лесов к судовому строению нет верст за двести... ниже лесов довольно, и можно те леса взводить водою рекою Юдомою до вышепомянутого волоку. А через волок надлежит возить лошадьми до реки Урака, которая впала в Море. А железо можно плавить в близости той пристани для того ж, что в тех местах руды железной довольно»¹⁷. Под словом «пристань» имеется в виду Охотский острожек и верфь, которая там была заложена.

Другим источником был камчатский монах Игнатий и казаки. От них поступали сведения об использовании новых земель, в частности, для развития земледелия возле Удского острога и на Камчатке. Елчин упоминал «просительное письмо» этого монаха и «сказку» якутских казаков, полученные в Якутске. В миру монах Игнатий звался казаком Иваном Петровичем Козыревским. Его род происходил из Польши, дед Фёдор Иоаннович Козыревский во время войны России с Польшей попал в плен под Смоленском в 1654 г., и был сослан в Сибирь на р. Лену. В Сибири родились его сыновья, а затем и внуки. Иван Петрович родился в Якутске в 1680, умер в Москве в 1734 г., известен как путешественник и землепроходец, был служилым человеком в Сибири, участником походов в Японию 1711, 1712, 1713 гг. При царе Алексее Михайловиче получил чин «сына боярского», принят на государеву службу. Судьба его

¹⁴ Лебедев Д. М. Указ. соч. С. 196.

¹⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 43 (6). Л. 372.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

полна отваги, авантюрных приключений, семейных и личных трагедий и криминальных событий. В 1716 г. он постригся в монахи, был настоятелем Покровского монастыря недалеко от Якутска, в 1717 удалился на Камчатку, занялся приобщением к православию туземных племён и основал на берегу р. Камчатка Успенскую пустынь, переросшую в монастырь.

С его прошения Я. Елчин составил документ о плодородии Камчатской земли, о возможности выращивания хлеба и овощей и записал, что велел выслать на Камчатку семена этих культур. На основе донесения казака Ивана Каргопола «с товарищи» Козыревский писал об обилии земель, приходных для пахоты и посевов ячменя и пшеницы к югу от Удского острога вплоть до китайской границы. В документах Елчин отметил о своём распоряжении «для заводу пашен и по сеянии» послать в те места боярского сына Семёна Харитонову со служивыми людьми в 1718 г., снабдив их семенами¹⁸. О Семёне Харитонове сведений не обнаружено. Возможно, он был родственником Ивана Харитонову, тоже сына боярского, убитого в 1720 г., который в 1719–1720 проживал в Верхнекамчатском остроге и был приказчиком всех Камчатских острогов. Есть вероятность, что Семён и Иван являются одним и тем же лицом, но произошла путаница в именах.

До монашества, когда Игнатий звался именем Иван Козыревский, он совершал плавания в 1713 и 1715 гг., о чём в документах имеются сведения. В частности, в 1713 г. вместе с другими казаками он плывал от Камчатки на морские острова (Курильские) и в донесении Василию Колесову писал об этих островах, «которые на восточную сторону прилегли к Японскому государству от Корейской земли морем...»¹⁹.

Василий Колесов отписал об этом плавании в Якутск Я. Елчину, а для достоверности приложил «доезд», или донесение за подписью участников плавания, казаков братьев Ивана и Петра Козыревских, Фёдора Броникова, Агапита Лепихина «с товарищи». Они описали Колесову, на чём плыли, каким образом, сколько островов насчитали и какие из них посетили, какие народы видели. Так, казаки указали, что плыли в ладьях под парусом и на вёслах, за четыре месяца посетили четыре острова с прилегающими к ним островками, на пятом видели «...людей множество, и за их многолюдством на остров не ходили и бою с ним не дали», описали их примитивное оружие — луки, стрелы и пращи. Это были камчатские племена

¹⁸ Там же. Л. 372–373.

¹⁹ Там же. Л. 381.

ярыгов, казаки отметили места их расселения: пятый остров Курильской гряды от Камчатки в сторону Японии и их «ярышские земли и острова на левую сторону многие острова»²⁰. Внешне ярыги «гораздо волосами обрастают, а платье делают себе из крапивы, красят сами, и краски делают сами на островах». Японские купцы с самого северного японского острова Хоккайдо общались с этими племенами, издавна приплывали в эти края «из Матманского города стругами» и вели торговлю с туземцами одеждой японской «камчатой и китайчатой, покровами долгими стегаными на бумаге, котлами медными и чугунными, саблями с серебряной оправой, чашками фарфоровыми, пшеном сорочинским». Взамен покупали меха — «лисицы красные и бобры»²¹.

Василий Колесов в своих донесениях в Якутск Я. Елчину также рассказывал о своих наблюдениях во время плавания с Камчатки на Курильские острова и оставил описание островов, в частности о залежах железной руды на 6-м Курильском острове. Его рассказы сохранились до наших дней, поскольку были записаны Елчиным в собственноручно заверенном документе с пометой «Копия»²².

Василий Михайлович Колесов имел воинское звание пятидесятника, в 1709 г. был записан московским дворянином и награждён серебряным ковшом в 2 фунта, 40 аршинами коломянки, и положено ему жалованье 16 рублей. Известен как сибирский атаман, исполнял государеву службу на Камчатке в должности приказчика Большерецкого острога в 1704–1706 гг., затем Нижнекамчатского острога (1712–1713), управлял Камчаткой в 1711–1714, был убит в 1715 г. Он занимался обустройством Камчатки, построил Верхнекамчатский и Нижнекамчатские остроги, на Большой реке (Камчатка) построил зимовье для ясачного сбора, выезжал за сбором ясаков, доставлял их в Якутск.

Другой казак, Иван Енисейский, в своей «сказке», посланной в Якутск Я. Елчину, исследовал юг Чукотского полуострова. За два десятилетия до открытия В. Беринга он ходил в походы в поисках ответа на вопрос, имеется ли пролив из тёплого Тихого океана в холодные моря Ледовитого океана. Иван Енисейский, камчадальский приказчик, служил приказчиком на Колыме (1708) в Анадырском остроге, который основал С. Дежнёв в 1649 г., встречался с туземцами и расспрашивал их, много раз собирал и доставлял в казну огромный ясак. Например, он отправился исследовать «против Камчатки жилые

²⁰ Там же. Л. 375.

²¹ Там же. Л. 375 об.

²² Там же. Л. 375.

острова в море и переливы...»²³ по указу Петра I от 16 января 1713 г. В пути не раз «был исколот копьями и ножами»²⁴, дослужился до казачьего десятника и в 1710 г. был пожалован в дворянство. Иван Енисейский во время сбора ясака в 1714 г. был ранен и заживо сожжён восставшими юкагирами. В своей «сказке» Я. Елчину Иван Енисейский отмечал, что от Камчатки «в левую сторону пошла великая земля и легла между теплым и студеным морями, и иноземцы многие сказывали, что из моря в море через ту землю проливом не знаются»²⁵, то есть пролива, разделяющего моря, так и не нашёл.

Некоторые из казаков-землепроходцев создали купеческие династии, и судьбы их потомков удалось проследить по дополнительным архивным источникам. В Сибири они зарабатывали разными путями первый капитал (чаще всего действовали незаконно, например, присвоением части собранного ясака или грабежом туземцев), уезжали в центр России, становились купцами, некоторых из них за отличия жаловали наградами Российской империи. Например, известны потомки Василия Михайловича Колесова. Его сын, Степан Васильевич с потомством выехали из Сибири после 1740-х гг., обосновались в Москве и Вологде, где служили на благо России. Известен Матвей Колесов, вологодский купец 1-й гильдии, который при Екатерине II в 1793 г. был пожалован золотой именной медалью диаметром 55 мм для ношения на шее на Андреевской ленте с портретом императрицы и надписью на обороте «Вологодскому гражданину Матвею Колесову за похвальные деяния в сооружении им в Вологде въездных ворот». Награда очень редкая, потому что была отчеканена только в одном экземпляре. Другой человек по фамилии Колесов отличился при Александре I, возможно, в войну 1812 года. В апреле 1819 г. золотой медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее на Аннинской ленте был награждён «Вологодский 2-й гильдии купец Колесов за различные пожертвования»²⁶.

Также документы Я. Елчина, которые приходятся на 2-е десятилетие XVIII в., интересны с точки зрения письменного стиля речи (обращения, датировка, завершение письма и др.). Все документы записаны по-русски, имя лица, к которому они адресованы, отсутствует, как и обращения к адресату в тексте документов. Дата представлена всего в двух случаях в конце, в неё входит число, месяц и год, подпись составителя имеется. Завершение письма не оформле-

²³ Ефимов А. В. Указ. соч. С. 112.

²⁴ Там же.

²⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 43 (6). Л. 374.

²⁶ Петерс Д. И. Наградные именные медали Российской империи за гражданские заслуги: Конец XVIII – первая четверть XIX столетия. М., 2007. С. 58–63.

но. При этом необходимо учитывать образование, социальное положение автора, имевшийся у него опыт ведения официальной переписки, а также то, что официальный деловой эпистолярный стиль находился в России в отмеченный период на стадии формирования. Для сравнения можно обратиться, например, к письмам на имя Петра I из Казани от боярина Бориса Алексеевича Голицына. В них оформлено начало письма и его окончание. Голицын начинал все свои письма словами с обращением и приветствием: «Премилостивый мой государь царь, Петр Алексеевич, здравие твое, моего государя, да хранимо Богом!» и неизменным завершением со словами, выражающими преданность государю: «Холоп твой Бориско Голицын»²⁷. Письменные формы с подобными речевыми намерениями для начала и конца письма можно видеть и у других современников Елчина²⁸.

На основании приведённых наблюдений можно сделать вывод, что документы Елчина не являются примером деловой переписки, представляют собой только запись сведений от разных источников — людей петровской эпохи, которые впоследствии могли быть основанием для составления официального донесения. Также анализ документов позволяет уточнить атрибуцию — кому они предназначались. Исходя из содержания записей Елчина, особенно из названий территорий, островов, результатов походов, характере сведений о Японии, его пометку о допросе японца Сани в Петербурге имеются основания предположить, что документы РГАДА предназначались для Петра I.

Библиография и архивные источники

1. *Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий. М.: Наука, 1971. 298, [2] с.
2. *Лебедев Д. М.* География России петровского времени. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 384 с.
3. *Петерс Д. И.* Наградные именные медали Российской империи за гражданские заслуги: Конец XVIII — первая четверть XIX столетия. М.: Древлехранилище, 2007. 397 с.
4. *Полонский А. С.* Поход геодезиста М. Гвоздева в Берингов пролив // Морской сборник. Т. 4, кн. 11. 1850. С. 389–402.
5. РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 42 (6), 43 (6), 53; Оп. 3. Ч. I. Кн. 2.
6. Русско-китайские отношения в XVIII веке / Отв. ред. *С. Л. Тихвинский*. Т. 1: 1700–1725. М.: Наука, 1978. 703 с.

²⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 53. Л. 193; Оп. 3. Ч. I. Кн. 2. Л. 135, 136, 140–140об., 486, и др.

²⁸ Там же. Ф. 9. Отд. II. Кн. 42 (6). Л. 399.

Галина Захаровна Пумпян
(Санкт-Петербург)
Старший научный сотрудник
отдела литературы стран Азии и Африки Библиотеки РАН

Формирование восточной коллекции Библиотеки Академии наук в петровскую эпоху

В 1714 г. по Указу Петра Великого в Санкт-Петербурге были основаны Кунсткамера и библиотека (будущая Библиотека Академии наук¹), которые до 1924 г. размещались в одном помещении и часто упоминались вместе в приказах. Как отмечают историки БАН, академическая библиотека по мысли её основателя формировалась как универсальная и многоязычная и имела в своём составе литературу по разным отраслям знания, необходимым для развития государства и общества². К числу таких знаний относилась и наука о Востоке.

В России, как и в Европе, изучение Востока на начальном этапе было вызвано практическими потребностями. Активная восточная внешняя политика Петра и особенности внутренней ситуации в России (с учётом её границ и состава населения), а также культурные тенденции эпохи Просвещения (мода на ориентализм) обус-

¹ Официальное название Академии наук в Санкт-Петербурге менялось в разные периоды её существования, в соответствии с чем менялось и название академической библиотеки (с 1991 – Библиотека Российской академии наук, или БАН).

² Библиотека Академии наук. (Электронный ресурс: <http://www.rasl.ru/>; обращение 7.5.2018).

ловливали необходимость изучения восточных языков и культур и собирания восточных и востоковедных книг и рукописей.

Ко времени правления Петра в России находилось определённое количество письменных документов на русском языке, имеющих отношение к Востоку (в основном рукописных, но отчасти и печатных): записки путешественников — паломников в Святую Землю (начиная с XI—XII в.), торговых людей, иногда — пленных, отчёты и донесения участников первых русских дипломатических и торговых миссий в Китай в XVII в., впервые изданные в Западной Европе, а начиная с середины XVIII в. публиковавшиеся в России назидательные сочинения восточного происхождения, получившие европейскую обработку (восточные апологи)³. Некоторое количество книг по Востоку было собрано ещё в начале XVIII в. в библиотеке Посольского приказа, в т.ч. переводы с латинского, немецкого, французского и польского языков⁴. Однако основной массив востоковедной литературы к началу петровской эпохи был представлен изданиями из Западной Европы, где к началу XVIII в. уже были созданы предпосылки научного исследования Востока, в т.ч. начало преподавания восточных языков в университетах (в XVI—XVII вв. в Париже, Лейдене, Оксфорде) и организация первых типографий с восточным (арабским) шрифтом в Риме, Лейдене и Оксфорде⁵, собирание восточных рукописей. В Западной Европе толчком к исследованию Востока послужили торговые и политические связи европейских народов с народами Азии и Северной Африки, колониальная экспансия, а также миссионерская деятельность на Востоке, для обеспечения которой были необходимы переводы Библии. При том, что востоковедение является комплексной наукой, на начальном этапе основное внимание уделялось страноведению и филологии. Большой пласт литературы о Востоке со-

³ Известные «Басни Пильпая», «Повесть об Акире Премудром» (Ахикаре), «Стефанит и Ихнилат», «Повесть о Варлааме и Иоасафе». (Например, Стефанит и Ихнилат — в персидской и арабской версиях Калила и Димна, два шакала, ведущих поучительные беседы).

⁴ Рафиков А. Х. Литература о странах Азии и Африки в частных книжных собраниях и в Библиотеке Академии наук в первой половине XVIII в. // Книга в России до середины XIX в. Л., 1978. С. 222.

⁵ Восточная типография кардинала Медичи в Риме (Typographia Medicea) под руководством директора (?) типографии Ж.-Б. Раймонди (осн. в 1584 г.); типография, открытая в Лейдене профессором кафедры арабского языка Томасом ван Эрпен (Эрпениус) (лат. Thomas Erpenius, нидерл. Thomas van Erpen, 1584—1624) на свои деньги (не ранее 1612) и впоследствии приобретённая Эльзевирами; типография Эдварда Покока (Edward Poccoke, 1604—1691) в Англии — в Оксфорде (не ранее 1628).

ставляли в первую очередь географические сочинения — описания путешествий (в т.ч. итинерарии — путеводители по Святой Земле — и путешествия с торговыми целями), картографические труды и навигации. Их появление стимулировались великими географическими открытиями. Также издавались первые труды на основе восточных источников, исторические сочинения, исследования в области библеистики, которые опирались на семитологию, словари и грамматики и первые обобщающие и систематизированные труды. Уже в конце XVII в. начинает проявляться филоориентализм, ставший в эпоху энциклопедистов заметным течением в европейской культуре, станут популярными ориентальные мотивы в архитектуре, изобразительном, прикладном и садово-парковом искусстве (тюркери и шинуазри), а в литературе и философии они проявятся в виде сочинения назидательных повестей, в которых Восток предстаёт как образец мудрости и справедливости.

Среди первых книг по Востоку, поступавших в академическую библиотеку в первой четверти XVIII в., были сочинения преимущественно на голландском, немецком и французском языках, но были также издания на других западноевропейских языках и некоторое количество книг на русском. Также началось собирание книг и рукописей на восточных языках. Изначально основу фонда БАН составили книги Аптекарского приказа и частные собрания — Готторпская библиотека герцогов Голштинских, собрание герцогов Курляндских, личная библиотека Петра, поступавшая в БАН поэтапно⁶. В БАН поступали также частные библиотеки сподвижников Петра и книги, конфискованные у опальных вельмож⁷. К настоящему времени изданы каталоги печатной и рукописной частей библиотеки Петра (1978, 2004, 2016)⁸, Аптекарского при-

⁶ Часть книг из собрания Петра сразу же вошла в фонд БАН, а оставшаяся часть его библиотеки передавалась в БАН по реестрам уже после его кончины (с 1725 по 1728).

⁷ Например, собрания переводчика Посольского приказа, выходца из Амстердама А. А. Виниуса (1641–1717), впоследствии главы почт России и затем Сибирского приказа; лейб-медика Р. К. Арескина (Robert Erskine, 1674/1677–1718, шотландца по происхождению); Питкейна и др. Описи этих собраний хранятся в СПбФ АРАН.

⁸ Библиотека Петра не хранилась воедино как цельная коллекция, поэтому исследователям его библиотеки приходилось реконструировать её состав на основе списков и передаточных реестров. Состав библиотеки, реконструированный таким образом, отражён в каталогах библиотеки Петра, которые были нами использованы при написании данной статьи: Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. *Е. И. Боброва*; под ред. *Д. С. Лихачёва*. Л., 1978; Библиотека Петра I. Описание рукописей / Сост. *И. Н. Лебедева*. СПб., 2004;

каза (2006)⁹, собрания А. А. Виниуса (2008)¹⁰. Книги также специально приобретались в зарубежных странах — путём покупки или обмена.

Прежде всего, особого рассмотрения заслуживает библиотека самого Петра, одна из наиболее крупных для своего времени. Она насчитывает предположительно около 1660 названий книг, а также карты, чертежи и изобразительные материалы и отражает многообразные интересы Петра. Издания иностранной части библиотеки Петра I приобретались главным образом за границей иногда им самим, иногда через доверенных лиц по специальным заказам, иногда Пётр получал их в виде даров¹¹. В его библиотеке численно преобладали сочинения по естественным наукам и технике — в соответствии с практическими интересами царя¹². Наряду с трудами по артиллерии, фортификации, кораблестроению и анатомии большое количество книг относилось к географической литературе, которая была представлена, главным образом, описаниями путешествий на Восток. Среди их авторов были путешественники, учёные и писатели-компиляторы, художники, дипломаты, государственные деятели, торговцы, миссионеры-иезуиты, некоторые из них обладали энциклопедическими знаниями. Одним из таких авторов был Адам Олеарий (латин. Adam Olearius, нем. Adam Ölschläger(I) 1599—1671), ориенталист, историк, математик, физик, географ и путешественник. В библиотеке Петра было его известное сочинение на немецком языке «Путешествие в Персию и Московию»¹³. Олеарий был в составе двух посольств, направленных шлезвиг-голлштинским герцогом Фридрихом III к царю Михаилу Фёдоровичу и персидскому шаху Сефи I в 1633—1635 и 1635—1639 гг. с целью

Библиотека Петра Великого: Западноевропейские печатные книги / Отв. ред. И. М. Беляева: В 2 т., 3 кн. Т. 1: Западноевропейские печатные книги: В 2 кн. / Сост. И. В. Хмелевских; Т. 2: Византийская история / Сост. А. Е. Карначёв. СПб., 2016. В каталоге 2016 г. описаны лишь те издания, физическая принадлежность которых к библиотеке Петра подтверждена (т.е. данный конкретный экземпляр именно из петровской библиотеки).

⁹ Каталог книг из собрания Аптекарского приказа / Сост. Е. А. Савельева. СПб.: БАН, 2006. (Серия: Мемориальный проект).

¹⁰ Каталог книг из собрания Андрея Андреевича Виниуса / Сост. Е. А. Савельева. СПб., 2008. (Серия: Мемориальный проект).

¹¹ Луннов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973. С. 166—167.

¹² Там же. С. 170—175.

¹³ *Olearius A. Persianische und Moscovitische Reise-Beschreibung...* Hamburg, 1692. 2°. В таком виде издание вошло в каталог 1978 г. (Библиотека Петра I: указатель-справочник...1978), но не отмечено в изд. 2016 г. (Библиотека Петра Великого... 2016), в доступных нам источниках информации не выявлено.

установить торговые сношения с Персией через Россию и вести торговлю шёлком-сырцом. Путешествие описывается детально, книга снабжена иллюстрациями, переиздавалась на многих языках. Ещё один автор — Корнелис де Брёйн (Брюйн) (устар. Корнилий де Бруин, нидерл. Cornelis de Bruijn или de Bruun; ок. 1652—ок. 1727), — голландский путешественник, писатель и художник, автор и иллюстратор двух книг: «Путешествие Корнелиса де Бруина в знаменитейшие части Малой Азии» (1698)¹⁴ и «Путешествие через Московию в Персию и Индию» (1711). В библиотеке Петра была первая из них на голландском языке и вторая — на французском¹⁵. Также в его библиотеке имеются 9 сочинений очень плодовитого автора XVII в., голландского врача и географа-компилятора Ольферта Даппера (Olfert Dapper; ум. в 1690), 7 из которых посвящены Востоку — описание Азии, включая Месопотамию, Вавилон, Ассирию, Анатолию и Малую Азию, описание островов Архипелага в Средиземноморье, описание Сирии и Палестины, африканских регионов, о путешествиях в Индию, на Цейлон, Мадагаскар, детальное описание Китая¹⁶. Книги были составлены на основе записей иезуитов (сам Даппер на Востоке никогда не бывал).

Уже в начале и особенно активно с середины XVII в. в России делаются попытки найти сухопутный путь в Китай и установить торговые и дипломатические отношения с Китаем. Это полуофициальная поездка из России в Китай томского казака Ивана Петлина со товарищи в 1618—1619 гг. (при царе Михаиле Фёдоровиче) с

¹⁴ Reizen van Cornelis de Bruyn, Door de vermaardste Zaelen van Klein Asia... Отмечена в указателе Библиотеки Петра 2016 г. под № 55 (Библиотека Петра Великого... 2016).

¹⁵ Voyages de Corneille Le Brun par la Moscovie, en Perse, et aux Indes Orientales... Отмечена в указателе Библиотеки Петра 1978 г. под № 974 (Библиотека Петра I: указатель-справочник... 1978).

¹⁶ *Dapper O.* Naukeurige Beschryving der Aírikaensche Eylanden: Als Madagaskar of Sant Laurens... Amsterdam, 1676. 2°; *Dapper O.* Naukeurige Beschryving der Aírikaensche Gewesten... Deel 1, 2. Den tweeden druck. Amsterdam, 1676. 2°; *Dapper O.* Naukeurige Beschryving der Eylanden in de Archipel der Middellantsche Zee... Amsterdam, 1688. 2°; *Dapper O.* Naukeurige Beschryving van Asia behelsen de Gewesten van Messopotamie, Babilonie, Assirie, Anatolie et Klein Asie... Amsterdam, 1680. 2°; *Dapper O.* Naukeurige Beschryving van gantsch Syrie en Palestyn of Heilige Lant. Amsterdam, 1678. 2°; *Dapper O.* Naukeurige Beschryving van Morea, eertijts Peloponaesus... Amsterdam, 1688. 2°. Две книги отмечены в каталоге петровской библиотеки 1978 г. (Библиотека Петра I: указатель-справочник... 1978), но не вошли в каталог 2016 г. (Библиотека Петра Великого... 2016), в доступных нам источниках информации не выявлены: *Dapper O.* Twede en derde gesandschap naer China... Amsterdam, 1671. 2°; *Dapper O.* Malabar, Chron et Ceylon. Amsterdam, 1672. 2°.

целью поисков северного пути из Европы в Китай, первое официальное посольство Ф. И. Байкова в 1654–1657 гг., миссия под руководством нерчинского казацкого урядника и землепроходца И. М. Милованова (1671) и посольство Н. Г. Спафария в 1675–1676 гг. Ранее эти попытки делались англичанами и голландцами. Установление и развитие дипломатических и торговых отношений с Китаем было важным вектором в политике Петра. Ещё в период двоецарствия, в августе 1689 г., в результате переговоров посла царей Ивана и Петра Алексеевичей, окольничего Ф. А. Головина, и посольства императора Цинской империи Канси был заключён Нерчинский договор — первый договор, определивший отношения Русского государства с маньчжурской Цинской империей. В конце XVII — первой четверти XVIII в. продолжали осуществляться официальные поездки в Китай, результатом которых было не только развитие политических и торговых связей, но и появление многочисленных документов (расспросных речей и листов, сказок, статейных списков, а позже и частных дневников путешествий), являющихся важными источниками в историографии русско-китайских отношений и китаеведения¹⁷. От лица Петра издавались также важные постановления и указы, содействовавшие изучению Китая и развитию в дальнейшем отечественной синологии. Неудивительно поэтому, что некоторое количество сочинений о поездках в Китай, — русских и зарубежных, — также имеются в библиотеке Петра. Автором одного из них был Йоханн Ньюхоф (Nieuhoff Johann; 1618–1672) — голландский посол в Китае, путешественник, писатель, иллюстрировавший сам свою книгу¹⁸. В 1654 г. он был включён в посольство в Пекин к первому цинскому императору Шуньчжи, в которое входили голландские купцы Петер де Гойер (de Goyer) и Якоб де Кейзер (de Keyzer). Цель посольства — получить торговые права на южном побережье Китая. Ньюхоф оставался в Китае до 1657 г. Он составил обстоятельный и хорошо иллюстрированный отчёт о поездке, изданный в Амстердаме в 1656 г. и переведённый вскоре на французский и английский языки. Это сочинение надолго оставалось важным источником сведений в Европе о Китае, а Йоханн Ньюхоф стал признанным автором по Китаю. Впослед-

¹⁷ Русско-китайские отношения в XVII веке: документы и материалы / Сост. В. С. Мясников, отв. ред. акад. С. Л. Тихвинский; ред. акад. В. С. Мясников: В 2 т. Т. 1: 1608–1683. Т. 2: 1686–1691. М., 1969–1972. Русско-китайские отношения в XVIII веке: Документы и материалы / Сост. В. С. Мясников, А. И. Тарасова; отв. ред. акад. С. Л. Тихвинский; ред. акад. В. С. Мясников: В 3 т. Т. 1: 1700–1725. М., 1978–2006.

¹⁸ В нашей литературе он часто упоминается под именем Джон Нейхоф.

ствии он продолжил службу на Востоке, но погиб на Мадагаскаре предположительно в стычке с местными племенами. В библиотеке Петра было 3 книги Ньюхофа — о Китае, Батавии¹⁹ и о морском путешествии по разным районам Ост-Индии²⁰. В 1692–1695 гг. при правлении царей Ивана и Петра Алексеевичей была совершена поездка в Китай русского посольства, которое возглавил постоянно живший в Москве (с 1687) купец Избрант Идес (*Ides Ysbrant Evert*, *Ides Ysbrants (Ysbrandszoon) Evert*; 1657–1708), выходец из голландской семьи, в XVII в. переселившейся в Шлезвиг-Голштинию, а секретарём посольства был также выходец из Голштинии Адам Бранд (*Brand Adam*, ум. 1746), участвовавший в молодости в торговле с Россией. Посольство должно было вести переговоры об установлении торговых сношений России с Китаем и выяснить ситуацию с ратификацией Нерчинского договора. Главное достижение посольства Идеса — разрешение для России отправлять в Пекин каждые 3 года торговый караван в количестве 200 человек. Избрант Идес вёл дневник и составил отчёт посольства (статейный список), который хранится в РГАДА. Независимо друг от друга Идес и Бранд написали записки о путешествии, причём в записках Идеса большое внимание уделяется описанию быта и хозяйства народов Сибири, а в записках А. Бранда в основном описано пребывание в Китае. Первоначально записки Идеса и Бранда о русском посольстве в Китай 1692–1695 гг. издавались по отдельности в конце XVII — начале XVIII в. на немецком, английском, французском и голландском языках. В библиотеке Петра были записки Идеса на голландском языке, изданные в 1794 г. в Амстердаме²¹. В России они в сокращённом виде впервые появились в печати в конце XVIII в. в «Древней Российской Вивлиофике» Н. Новикова²². В 1967 г. в СССР

¹⁹ Батавия (*Batavia*) — прежнее голландское название Джакарты, столицы Индонезии (БСЭ).

²⁰ *Nieuhoff J.* Het gesantschap der Neerlandsche Oost-Indische Compagnie aan de grooten Tatanschen Chap gen tegenvoerdigen Keyser von China. Amsterdam, 1683. 2°; *Nieuhoff J.* Legatio Batavica ad magnum Tartariae Chanum Sungteium, modernum Sinae Imperatorem... Amstelodami, 1668. 2°; *Nieuhoff J.* Zee-Lant-Reize door verscheide Gewesten Ostindien. Amsterdam, 1682. 2°.

²¹ *Ides Y. E. (Evert Ysbrants (Ysbrandszoon) Ides).* Driejaarige reise naar China te lande gedaan door den moscovischen afgezant, E. Ysbrants Ides, van Moskou af, over Groot Ustiga (Ustica), Siriania, Permia, Sibirien, Daour, Groot Tartaryen tot in China. Waar in, behalven de gemelde landstreeken, de zeden dier woeste volken, ten aanzien van hunnen godts dienst... beschreven worden... Amsterdam, 1704.

²² *Идес Избрант [Е.]*. Путешествие и журнал по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, отправленного из Москвы в Китай, господина Эбергарда Избраннедеса посланником в

записки Идеса и Бранда были изданы вместе в переводе с английского со вступительной статьёй и комментариями М. И. Казанина²³.

В петровскую эпоху предпринимались целенаправленные исследования восточных территорий России. Так, по Указу Петра от 5 ноября 1718 г. была организована первая научная поездка в Сибирь Д. Мессершмидта (Daniel Gottlieb Messerschmidt; 1685–1735), который должен был описывать животный мир и минералы, собирать рукописи, изучать археологические памятники и языки Сибири (эта поездка началась в 1720, Мессершмидт вернулся в Петербург в 1727). В свете всего этого выглядит вполне закономерным, что и в библиотеке Петра оказалось первое в Западной Европе сочинение о Сибири. Это объёмистый труд голландского политика и учёного XVII в. Николауса Витсена «Северная и Восточная Тартария», содержащий подробное этнографическое и географическое описание сибирских земель и населявших их народов. У Петра было 2 издания — 1692 и дополненное 1705 г.²⁴ Николаус Витсен (нидерл. Nicolaes Witsen; 1641–1717), сын амстердамского бургомистра, побывал в России в составе голландского посольства Якоба Борейля в 1664–1665 гг. Предприниматель, картограф и так же, как и его отец, бургомистр Амстердама (1682–1706), он отличался многосторонними интересами, получил прекрасное образование, был знаком с арабистом Я. Голиусом. Его научные интересы были тесно связаны с Россией: в частности, он составил археологическую коллекцию, включавшую сибирские древности. О поездке в Московию Витсен оставил дневник с интересными этнографическими материалами и зарисовками, который долго считался утерянным и был издан в Гааге лишь в 1966–1967 гг., а в России — в 1996²⁵. В 1690 г. Н. Витсен опубликовал подробную карту Сибири, которую в соот-

1692 году, марта 14 дня / [Пер. с франц. перевода 1727 г.] // Древняя Российская Вивлиофика, изданная Н. Новиковым. Изд. 2. 1789. Т. 8. С. 360–475; Т. 9. С. 381–461. Имя переводчика не названо; указ. в конце каждого тома, что все статьи сообщены от действительного статского советника Феодора Ивановича Миллера (Г. Ф. Миллера).

²³ *Идес Избрант* [Е.], *Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. М. И. Казанина. М., 1967.

²⁴ *Witsen N.* Noord en Oost Tartarie, Ofte Bondigh Ontwerp van eenige dier landen en volken, zo als voormaels bekent zyn geweest... Met der zelve Land-Karten... Amsterdam, 1692. 2°; *Witsen N.* Noord en Oost Tartarie... Verdeeid en twee Stukken. Met der zelve Land-Karten... Amsterdam, 1705. 2°.

²⁵ *Витсен Н.* Путешествие в Московию, 1664–1665: дневник / *Николаас Витсен*; пер. со старогол. В. Г. Трисман; [предисл. Р. И. Максимовой, В. Г. Трисман; Амстердам. ун-т, Ин-т Вост. Европы]. СПб., 1996.

ветствии с тогдашней традицией называл «Тартарией» (лат. Tartaria, фр. Tartarie, англ. Tartary, нем. Tartarei). Во время Великого посольства Пётр I при посещении Голландии много общался с Н. Витсеном, в то время одним из руководителей Ост-Индской компании и бургомистром Амстердама. В 2010 г. книгу Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» в переводе на русский язык в редакции 1705 г., подготовленную российскими и нидерландскими исследователями, выпустило амстердамское издательство Pegasus, в 2011 состоялась её презентация в Санкт-Петербурге²⁶.

В библиотеке Петра был и обобщающий географический труд о четырёх частях света известного британского картографа Ричарда Блоума (Richard Blome; 1635–1705), представляющий собой компиляцию известных географических сочинений, прежде всего, французского географа Николаса (Николя) Сансона (Sanson Nicolas; 1600–1667), с добавлением карт и различных справочных сведений²⁷.

Государственный деятель и политик, Пётр проявлял большой интерес к мировой истории. В его библиотеке представлены исторические сочинения и о странах Востока, 4 книги по истории Византии. Среди них видное место занимает так называемая Парижская (или Луврская) «Византийская история» (Byzantine de Louvre, Луврская Византина) — роскошное многотомное издание на латинском и греческом языках, включающее оригинальные тексты, особенно нарративные источники, сочинения историков и хронистов IV–XV вв.²⁸ Основной корпус «Византийской истории» состоит из 36 томов. Она печаталась с 1648 по 1711 г. по программе и под

²⁶ Витсен Н. Северная и Восточная Тартария / Подгот. проф. Б. Наарден (Bruno Naarden, Амстердам), докт. ист. наук Н. М. Рогожин (Москва), канд. филол. наук Н. П. Копанева (Санкт-Петербург, МАЭ РАН). Amsterdam: Pegasus, 2010.

²⁷ A geographical description of the four parts of the world, taken from the notes & workes of the famous Monsieur Sanson, geographer to the French King, and other eminent travellers and authors: to which are added the commodities, coyns, weights, and measures of the chief places of traffick in the world, compared with those of England, (or London) as to the trade thereof: also, a treatise of travel, and another of traffick, wherein, the matter of trade is briefly handled: the whole illustrated with variety of useful and delightful mapps and figures, by Richard Blome, Gent. [P. 1–4]. London, 1670.

²⁸ De Byzantinae historiae scriptoribus, sub felicissimis Ludovici XIV. Frankorum ac navarraeorum regis christianissimi auspiciis Publicum in lucem e Lupaiala typographia emittendis: AD omnes per orbem eruditos ПРОТРЕПТИКОН. Proponente Philippo Labbe Biturico Soc. IESU Sacerdote. [грав. на меди типогр. марка 1] Parisiis E TYPOGRAPHIA REGIA. [типогр. линейка] M.DC.XLVIII (Paris, 1648).

руководством иезуита Филиппа Лаббе (Philippe Labbé; 1607–1667), принадлежавшего к кругу так называемых «эрудитов» — французских учёных, обратившихся к изучению византийских источников, и отвечала устремлениям французских верхов времён Людовика XIV вести борьбу за византийское наследство²⁹. Проекты относительно Константинополя и проливов увлекали и российских монархов (можно вспомнить греческий проект Екатерины II, военные действия при Александре II во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда русская армия была близка к занятию Константинополя и проливов, планы и умонастроения в некоторых политических и научных кругах России о будущем Переднего Востока в период Первой мировой войны³⁰). Это сочинение, приобретённое в Амстердаме в 1717 г. и доставленное в Петербург, было затем передано в Кунсткамеру по распоряжению Петра. В библиотеке Петра был также «Бревиарий» патриарха Константинопольского Никифора, видного церковного и политического деятеля Византии VIII–IX вв. (полное название — «Краткая история со времени после правления Маврикия») ³¹. Это небольшое по объёму историческое сочинение, посвящённое периоду 602–763 гг., по оценке историков — важный источник истории аваров, хазар и болгар, имеющий ряд ценных и более нигде не сохранившихся сведений. Патриарх Никифор (ок. 758–829) был ревностным почитателем икон, писал исторические сочинения и богословские трактаты, направленные против иконоборчества, после воцарения императора Льва, иконоборца, был сослан в монастырь, причислен к лику святителей. В библиотеке Петра имеется историческое сочинение Франке Тобиа-са «Краткое описание светских основных монархий — Халдейской, Персидской, Греческой и Римской империй» ³². Также в его библиотеке находится труд по истории Эфиопии основателя эфиопистики

²⁹ Карначёв А. Е. Парижская «Византийская история» в Библиотеке Петра I // Библиотека Петра Великого: Западноевропейские печатные книги «Византийская история» = *Bizantine du Louvre*. Т. 2. СПб., 2016. С. 3–6.

³⁰ Полянский Е. К вопросу о судьбе Палестины после войны // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. Т. 28. 1917. С. 95–119.

³¹ Sancti Nicephori, patriarchae Constantinopolitani Breviarium historicum, de rebus gestis ab obitu Mauricii ad Constantinum usque Copronymum. Interprete Dionysio Patavio à Societate IESV, cum eiusdem Notis ...Parisii: E Typographia Regia, M.DC.XL VIII (1648). 2°. См. также № 1342 в кн.: Библиотека Петра I: указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва... (сноска 8 наст. статьи).

³² Francke T. Kurtze Beschreibung der weltlichen Haupt-Monarchien nemlich der Chaldaischen, Persischen, Griechischen und Römischen Gross Herrschaft... Bd. 1, 2. Nürnberg, 1677. 8°.

в Европе, немецкого учёного-энциклопедиста, автора первой в Европе грамматики амхарского языка и эфиопско-латинского словаря Иова Лудольфа (Ludolf Hiob; 1624–1704)³³. И. Лудольф знал 25 языков, изучил амхарский язык, общаясь с приезжавшими в Европу монахами из Эфиопии.

В русле интересов Петра отмечен в его библиотеке альбом по военной истории и фортификации, имеющий также отношение к Востоку и подготовленный голландским картографом, гравёром и издателем Пьером Мортье (Mortier Pierre, Pieter, 1661–1711). Это альбом «Вооруженные силы Европы, Азии, Африки и Америки, или описание крупных городов с их укреплениями». Он включает планы укреплений, карты, схемы и виды городов, крепостей и фортов, некоторых сражений; виды осадных машин, сооружений и пр.³⁴

В библиотеке Петра не так много литературы религиозного содержания. Вместе с тем, вопросы религии интересовали его в связи с некоторыми церковными событиями в государстве: проведение церковной реформы (упразднение патриаршества и учреждение Синода) и усиление в связи с этим роли проповеднической деятельности духовенства, необходимость определить положение старообрядчества. В XVII в. в Европе стало развиваться критическое изучение Библии. Одним из зачинателей этого направления был протестантский пастор в Каннах и богослов-эрудит Самюэль Бошар (Samuel Vochart; 1599–1667). Он был учеником известного голландского востоковеда, арабиста и семитолога, Томаса ван Эрпе (Эрпниуса), знал арабский, древнееврейский, сирийский языки, использовал труды арабских учёных ад-Дамири³⁵ и аль-Казвини³⁶, которые ранее не публиковались в Европе. Бошар исследовал естественнонаучный мир Библии и был автором двух фундаментальных работ в библеистике — «Священная география» и «Труд о животных Священного писания», или «Священная история животных». Он, например, считал, что библейский Левиафан — это нильский крокодил. Один из

³³ Ludolf H. *Historia Aethiopiae*. Frankfurt, 1681.

³⁴ Mortier P. *Les forces de l'Europe, Asie, Afrique et Amérique, ou Description des principales îles avec leurs fortifications...* Т. 1–12. Amsterdam, s. a.

³⁵ Мухаммад ибн Муса ибн Иса Камаль ад-Дин ибн Ильяс ибн Абд-Аллах ад-Дамири (ок. 1342–1405) — автор энциклопедического труда «Жизнь животных» (Хайат ал-хайван).

³⁶ Абу Яхья Закария ибн Мухаммад аль-Казвини (ок. 1203–1283) — автор соч. по географии «Чудеса стран», ред. 1263 г. («Аджа'иб ал-булдан») и «Достопамятности стран и сообщения о рабах Аллаха», ред. 1275 г. (Асар ал-билад ва ахбар ал-'ибад) и космографии «Чудеса сотворенного и диковинки существующего» («Аджа'иб ал-махлукат ва гара'иб ал-мауджудат).

этих трудов был в библиотеке Петра I, который, таким образом, мог ознакомиться с тенденциями культурно-религиозных поисков в Европе³⁷.

Также к разряду философско-религиозной литературы в библиотеке Петра относится и сочинение Иоганна Франца Будде (Всеобщий исторический Лексикон, в котором представлены жизнь и Подвиги патриархов, пророков, апостолов, Отцов первых церквей, Пап, кардиналов, Епископов, прелатов Римско-католической Церкви, учёных, наряду с еретиками, монархов, царей, Курфюрстов (князь-выборщик монарха) и князей, великих героев и министров)³⁸. Иоганн Франц Будде (нем. Johann Franz Budde, лат. Johannes Franciscus Buddeus, Йоханнес Францискус Буддеус; 1667–1729), выдающийся немецкий философ и лютеранский теолог, автор более ста трудов, выходец из семьи гугенотов Будэ, бежавших из Франции в Померанию после Варфоломеевской ночи, был профессором богословского факультета Йенского университета. Он считается теологом переходного периода в истории протестантского богословия. В богословской литературе отмечается, что его методика в области библейской критики отличалась бережным отношением к тексту Священного Писания, а его исследования Ветхого Завета и апостольского века были признаны эпохальными. В библиотеке Петра также имеются издания Ветхого и Нового заветов в переводе на немецкий язык, включая перевод Лютера. На некоторых изданиях есть пометы: экз. Брюса, экз. Ал.[ексея] Петр.[овича].

В библиотеке Петра были также иллюстрированные издания и альбомы живописи, в том числе имеющие отношение к Востоку. Исследователи истории коллекционирования в России и роли в этом деле Петра отмечают, что помимо увлечённости естественно-научными коллекциями, инструментами, анатомическими раритетами и прочими редкостями, Пётр живо интересовался и изящными искусствами и охотно приобретал и коллекционировал

³⁷ *Bochart S. Geographia sacra: seu Phaleg et Chanaan Samuelis Bocharti Opera omnia, Hoc Est Phaleg, Chanan, Et Hierozoicon (T. 1), Samuel Bochartus Quibus accesserunt Dissertationes variæ Ad Illustrationem Sacri Codicis Aliorumque Monumentorum Veterum. Præmittur vita auctoris a Stephano Morino descripta Et Paradisi terrestris delineatio ad mentem Bocharti. Indices denique accurati & mappæ Geographiæ suis locis insertæ sunt. In quibus omnibus digerendis atque exornandis operam posuerunt ... Johannes Leusden & Petrus de Villemandy, 1707.*

³⁸ *Allgemeines historisches Lexicon in welchem das Leben und die Thaten derer Patriarchen, Propheten, Apostel. Väter der ersten Kirchen, Päbste, Cardinale, Bischöffe, Prelaten vornehmer Gottes- Gelehrten nebst denen Ketzern wie nicht weniger derer Käyser, Könige, Cur- und Fürsten, grosser Helden und Ministern vorgestellt werden. Th. 1–2: A–G; Th. 3–4: H–Z. Leipzig, 1709. 2°.*

картины³⁹. Во время первого заграничного путешествия в 1697–1698 гг. он имел возможность ознакомиться с художественной жизнью Голландии — интересовался коллекционированием, украшением домов картинами, посещал художественные лавки и мастерские живописцев. Среди них были известный маринист Людольф Бакхёйзен (Ludolf Backhuysen; 1630–1708), который по заказу Петра выполнял модели разных судов, Адам Сило (Adam Silo; 1674–1760), кораблестроитель и капитан, живописец-маринист, которого Пётр ценил за точное изображение морских судов, гравёр Адриан Схонебек (Шхонебек) (Adriaan Schoonebeek или Schoonebeck; 1661–1705), причём у двух последних Пётр брал уроки⁴⁰. По приглашению Петра А. Схонебек работал в Гравировальной мастерской Оружейной палаты в Москве и обучал русских гравёров. Также Пётр ознакомился с музеями и коллекциями в Англии, в Дрездене посетил саксонского курфюрста Августа II Сильного, знатока искусства и коллекционера. Во время второго путешествия (1716–1717) Пётр ознакомился с художественными произведениями во Франции и Дании и выбирал понравившиеся ему работы, высоко оценивал Академию рисунка во Флоренции. Так что наличие в его библиотеке иллюстрированных изданий отнюдь не было случайным. Среди них следует отметить книгу-альбом в 5 частях «Исторические образы — Библия Ветхого и Нового Заветов...», которую исполнил Иоганн Ульрих Краус[с] (или Кройссен) (Krauß, Kraußen, Krauss, Kraussen Johann Ulrich; 1655–1719), немецкий рисовальщик, гравёр и издатель в Аугсбурге, один из самых уважаемых специалистов в своей области⁴¹.

³⁹ Левинсон-Лессинг В. Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917) Л.: Искусство, 1985. С. 39; Андросов С. О. Заметки о Петре как о коллекционере // Коллекционеры и меценаты в Санкт-Петербурге, 1703–1917: Тез. докл. конф. СПб., 1995. С. 3–5. Саверкина И. В. Возникновение и начало частного коллекционирования в России: Учеб. пособие / Вступ. ст. Н. И. Сергеевой; Санкт-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. СПб., 2004. С. 12–23.

⁴⁰ Прим. ред.: В этом описании смешаны события двух пребываний Петра I в Голландии: в августе 1697 — мае 1698 г. (с перерывом на Англию) и в декабре 1716 — сентябре 1717 г. (с перерывом на Францию и Спа). Так, Сило начал заниматься живописью в возрасте лишь ок. 30 лет, т.е. после эпохи Великого посольства, а вот в 1717 г. Пётр, действительно, с ним общался и покупал у него картины, но вряд ли он в эти годы брал у кого-либо уроки рисования.

⁴¹ Kraussen J. U. Historische Bilder-Bibel des Alten und Neuen Testaments... Th. 1–5. Augsburg, MDCC (1700). 2°. См.: № 1233 в кн.: Библиотека Петра I: указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва... (сноска 8 наст. статьи). В этом же указателе-справочнике отмечено и издание 1702 г. (№ 1234), однако сведений об издании 1702 г. в доступных нам источниках информации не обнаружено.

Ещё один весьма интересный и показательный для того времени альбом в библиотеке Петра — «Собрание 100 гравюр» (эстампов), представляющих разные народы Леванта, выгравированных на досках и нарисованных с натуры в 1707 и 1708 гг. по заказу г-на Шарля Ферриоля (Charles Ferriol; 1637/1652–1722), посла короля в Высокой Порте с 1692 по 1711 г.⁴² Гравюры были выполнены девятью гравёрами⁴³ по картинам художника Жана-Батиста ван Мура (Ван Мур, Ванмур, Jean-Baptiste van Mour; 1671–1737). Ж.-Б. ван Мур, выходец из Фламандии, проживший более тридцати лет в Османской империи в качестве официального художника, считается одним из основоположников ориентализма в изобразительном искусстве эпохи Просвещения. В 1725 г. ван Мур получил официальный титул «Художник Его Королевского Величества на территории Леванта». Ван Мур был современником султана Ахмеда III (1673–1736), правившего в 1703–1730 гг. и застал так называемую «эпоху тюльпанов» (Lâle Devri) — период реформирования и попыток вестернизации в Османской империи под руководством великого визиря Невшехирли Дамада Ибрагима-паши с 1718⁴⁴ по 1730 г. Она характеризовалась знакомством с достижениями Европы в промышленной, военной и культурной областях и попытками применить их в Османской империи, в чем исследователи усматривают даже некоторое сходство с реформами Петра. Она сопровождалась также строительством роскошных дворцов и садов и увеселениями знати по европейским образцам, символом чего были тюльпаны, которые пользовались особой популярностью, а само их название по-турецки (Lâle) было созвучно имени Аллаха и потому имело символическое значение. Попытки в ходе реформ осуществить реорганизацию войска янычар и борьба с коррупцией привели к резкому недовольству янычар, а безудержные траты на роскошь и увеличение налогов, неудачные войны вызвали обнищание населения, результатом чего было восстание под руководством Патрона Халиля и свержение султана. Восстанию Патрона Халиля была по-

⁴² Recueil de cent estampes représentant différentes nations du Levant tirées sur les Tableaux peints d'après Nature en 1707 et 1708 par les Ordres de M. de Ferriol Ambassadeur du Roi à la Porte et gravées en 1712 et 1713 par les soins de M. Le Hay. Paris, 1714. 2°.

⁴³ Этими гравёрами были: П. Симоно (P. Simonneau), Г. Скотэн ст. (G. Scotin maj.), Г. Скотэн мл. (G. Scotin min.), С. дю Боск (C. du Bosc), Ж. Уссар (J. Haussard), С. Н. Кошэн (C. N. Cochin), Б. Барон (B. Baron), Ж. де Франсьер (J. de Franssières), П. Рошфор (P. Rochefort).

⁴⁴ В 1718 г. был заключён Османской империей после неудачной для неё войны Пожаревацкий мир с Австрией и Венецией.

священа одна из картин ван Мура. В свою бытность в Османской империи он выполнил 99 портретов представителей турецкого двора и разных национальных групп Стамбула. На основе этих картин была создана и в 1712 г. опубликована серия гравюр, хотя сами картины исчезли. Этот альбом пользовался большим успехом и многократно переиздавался^{45–46}, именно он и был приобретён для библиотеки Петра.

Книг на русском языке, имеющих отношение Востоку, в библиотеке Петра было немного. Однако в связи с восточной политикой Петра в России стало постепенно налаживаться изучение языков и культур восточных соседей как на Дальнем Востоке, так и на южном направлении, включая изучение ислама. С 1714 г. начал писать свои исторические и религиоведческие труды по Востоку Д. Кантемир (1673–1723). В библиотеке Петра была его книга об исламе, переведённая на русский язык секретарём Кантемира Иваном Ильиным⁴⁷. Её издание было поддержано специальными указами от имени Петра Великого Свят. Синоду и, как очевидно из этих указов, вызывало живейший интерес у Петра, желавшего немедленно её получить во время Персидского похода 1722–1723 гг.: «Указ Петра I Свят. Синоду от 18 июля 1722 г. из Астрахани о присылке книг о славянском народе и магометанской вере, переведенных и отданных в печать: Книгу, которую переводил Сава Рагузинский о славянском народе с италианского языка, другую, которую переводил князь Контемир <так в тексте. — Г. П.> о магометанском законе, ежели напечатаны, то пришлите сюда не мешкая. Буде же не готовы, велите немедленно напечатать и прислать»⁴⁸; его же Указ Синоду в 1722 г. из Астрахани о ненужности приведения турецких слов в книге о магометанской вере, «ибо не для турок, но для русских ведения она печатается»⁴⁹. В 1716 г. в России впервые был

⁴⁵ Нефёдова О. В. Жанр портрета в творчестве Жана-Батиста Ванмура (1671–1737) // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Искусствоведение. № 104. 2009. С. 169–174.

⁴⁶ Она же. Творчество Жана-Батиста Ванмура (1671–1737) и проблема ориентализма в западноевропейской живописи XVIII века: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения (Спец. 17.00.04 – изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура). М., 2009.

⁴⁷ Кантемир Д. Книга Систима, или Состояние мухаммеданския религии / [Пер. на рус. яз. И. Ильиным кн.: Sistema de religione et statu Imperii Turcici (соч. 1719 г.)]. СПб., 1722, 22 дек. (1723). – Грав. изд.

⁴⁸ Указ Петра I Свят. Синоду от 18 июля 1722 г. из Астрахани // Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. Т. 1. М.; Л., 1945. № 142. С. 112–113.

⁴⁹ Там же. № 145. С. 114.

сделан перевод Корана на русский язык, выполненный предположительно П. В. Посниковым с французского перевода Андре дю Рие (Andre du Ryer)⁵⁰, что также было поддержано специальным Указом Петра Великого⁵¹. Это издание Корана также было в его библиотеке⁵². Пётр Васильевич Посников — выпускник Славяно-греко-латинской академии, доктор философии и медицины Падуанского университета (1694), хорошо знал иностранные языки, никогда медициной не занимался и был привлечён к работе в качестве переводчика и дипломата⁵³. Его отец, Василий Тимофеевич Постников, служил в Посольском приказе.

В библиотеке Петра хранились и опубликованные политические документы, относящиеся к восточной политике (манифесты в связи с военными походами на южном направлении). Так, в ходе подготовки к Прутскому походу в 1711 г. на русском языке в Синодальной типографии в Москве были напечатаны «Манифест или Объявление о вероломном разрыве мира султана Турского Ахмета против его царского величества» и текст «молебного пения»⁵⁴. В эту эпоху были изданы и другие документы от имени Петра, имеющие отношение к восточной политике или изучению Востока, однако сведений об их наличии в его библиотеке нет. Например, во время Персидского похода 1722–1723 гг. был напечатан Манифест к народам Кавказа и Персии на татарском, турецком и персидском языках арабскими буквами в первой в России типографии с передвижным арабским шрифтом при походной канцелярии, которой ведал Кантемир⁵⁵. Были изданы тексты, связанные с политикой протекционизма и приви-

⁵⁰ L'Alcoran de Mahomet. Translaté d'Arabe en François, par Le Sieur du Ryer, Sieur de la Garde Malezair. Paris, Chez Antoine de Sommerville, au Palais dans la Salle des Merciers, à l'Ecu de France MDCXLVII (1647).

⁵¹ Указ Петра 1716 г.: О переводе на русский язык Корана («Алкоран о Магомете или Закон турецкий») // Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах: Конец XVII в.—1917 г. СПб., 2003 (2004). № 36. С. 64.

⁵² Алкоран о Магомете, или Закон турецкий / Пер. с фр. П. В. Пос[т]никова. СПб., 1716.

⁵³ Густерин П. В. Первый переводчик и первое издание Корана на русском языке // Исламоведение. 2010. № 1. С. 84–95.

⁵⁴ Манифест или Объявление о вероломном разрыве мира султана Турского Ахмета против его царского величества... выдан в 1711 году февраля в 22 день. М., 1711. Последование молебного пения ко пресвятой Троицы поемого ко Господу Богу о помощи православно-российскому войску на разорвавших несправедно мир нечестивых магометан и того единомышленников. М., [1711. 2 февр.]. — Грав. изд.

⁵⁵ История отечественного востоковедения до середины XIX в. / Отв. ред. Г. Ф. Ким, П. М. Шастинко. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1990. С. 46.

легиями для Персии и Китая в торговле — о запрещении носить и покупать золотые и серебряные материи, кроме китайских и персидских (1717)⁵⁶, также шкиперский регламент приходящим в российские порты торговым кораблям, с переводом на итальянский, греческий и турецкий языки⁵⁷ (СПб., 1721). Попало в библиотеку и рукописное историческое сочинение — «Краткое описание о запустении сербской земли от разорения турецкого» Афанасия Сербянина, отмеченное в «Опыте исторического словаря о русских писателях» Н. Новикова⁵⁸. Имеются труды отцов церкви раннего восточного христианства — Ефрема Сирина (ок. 306–373), Иоанна Дамаскина (ок. 675 — ок. 753 или 780), Макария Египетского (ок. 300–391), Андрея Кесарийского (VI–VII вв.), изданные в XVII в. в типографиях православных братств и монастырей в Киеве (1624), Вильно (1627), Москве (1667), Львове (1689)⁵⁹.

Есть в библиотеке и весьма популярное на Руси сочинение «История о Варлааме и Иоасафате» (М., 1681), изначально — назидательная восточная повесть, ведущая происхождение из Индии и посвящённая Будде, бытовавшая в ряде восточных стран, в т.ч. в Иране, на Арабском Востоке (на арабском языке) и затем подвергшаяся христианской переработке⁶⁰.

Книги по Востоку имелись и в поступивших в БАН библиотеках сподвижников Петра. Подбор библиотек диктовался не только личными интересами владельцев, но главным образом вкусами и предпочтениями эпохи, да и выбор книг был не столь велик. Поэтому многие названия книг совпадают⁶¹. Около 30 книг по Востоку было в библиотеке герцогов Курляндских (их перечень на русском языке

⁵⁶ ПСЗ-1. Т. 5. СПб., 1830. № 3127.

⁵⁷ Регламент шкиперской торговым кораблям, приходящим в российские порты, с греческим и турецким переводами. СПб., 1721. См.: № 156 в кн.: Описание изданий, напечатанных при Петре I: Сводный каталог: приложения и дополнения / Сост. Т. А. Быкова, М. М. Гуревич, Р. И. Козинцева; под ред. П. Н. Беркова. Л., 1972.

⁵⁸ Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков. СПб., 1772.

⁵⁹ *Андрей Кесарийский*. Толкование на апокалипсис Иоанна Богослова. Киев, 1625; *Макарий Египетский*. Духовные беседы. Вильно, 1627; *Ефрем Сириянин*. Поучительные слова. М., 1667; *Иоанн Дамаскин*. Октоих. 2 изд. Львов, 1689.

⁶⁰ *Иоанн Дамаскин*. История о Варлааме пустынножителе и о Иоасафе царе Индийском. М., 1681.

⁶¹ В ряде библиотек были сочинения Олеария, Даппера, Корнелиса де Брёйна, но есть и некоторые издания, отсутствующие в библиотеке Петра.

имеется в СПбФ АРАН и приведён А. Х. Рафиковым)⁶², например, сочинение об Османской империи дипломата, писателя и ботаника Ожье Гислена де Бусбека (нидерл. Ogier Gisleen van Busbeke, лат. Augerius Gislenius Busbequius; 1522–1592), фламандца, состоявшего на службе в Священной римской империи и бывшего послом в Константинополе⁶³; книга «Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию» Жана-Батиста Тавернье (Jean-Baptiste Tavernier; 1605–1689)⁶⁴, ювелира и одного из знаменитых европейских путешественников XVII в., контролировавшего торговлю бриллиантами между Индией и Европой⁶⁵; по картографии — атласы фламандского картографа XVI в. Герарда Меркатора (лат. Gerhardus Mercator; 1512–1594) и карты Азии и Африки придворного картографа и историка Николаса Сансона, изданные в 1652 и 1656 гг. в Париже и др. В библиотеке А. А. Виниуса имелись описания Сирии и Палестины О. Даппера (1677), путешествия А. Олеария (1651), Жана-Батиста Тавернье (1682) на голландском языке⁶⁶.

В формировании восточного фонда БАН большую роль сыграл сам Пётр. По его поручению издания по Востоку приобретались за границей, например, библиотекарем И. Д. Шумахером во время его командировки в Европу в 1721–1722 гг. Им было приобретено около 500 книг (341 название), из которых десять названий было по Востоку⁶⁷. Среди них и знаменитая «Восточная библиотека» д'Эрбело (Париж, 1697) — энциклопедический словарь, содержащий све-

⁶² Рафиков А. Х. Изучение Востока в Петровскую эпоху // Страны и народы Востока / Под общ. ред. Д. А. Ольдерогге. Вып. 17. М., 1975. С. 15.

⁶³ *Itinera Constantinopolitanum et Amasianum ab Augerio Gislendio Busbequij, &c. D. ad Solimannum Turcarum Imperatorem C. M. oratore confecta. Eiusdem Busbequij de acie contra Turcam instruenda consilium. Antverpiae, MDLXXXI (1581).*

⁶⁴ *Прим. ред.:* Тавернье был связан с Россией. Он скончался в Москве в 1689 г. (по-видимому, в июле) и был похоронен на Лазаревском кладбище в Марьиной роще.

⁶⁵ *Les six voyages de Jean Baptiste Tavernier, écuyer baron d'Aubonne, en Turquie, en Perse, et aux Indes, pendant l'espace de quarante ans, & par toutes les routes que l'on peut tenir: accompagnez d'observations particulieres sur la qualité, la religion, le gouvernement, les coûtumes & le commerce de chaque païs, avec les figures, le poids, & la valeur des monnoyes qui y ont cours, Gervais Clouzier et Claude Barbin, Paris, 1676.*

⁶⁶ *Olearius A. Persiaensche Reise der Verstelyke Gesanten uyt Holsteyn door Lyfland, Moskovien, Tartarijen in Persien... Amsterdam, 1651; Tavernier J.-B. De zes Reizen van Heer J. Bapt. Tavrnier, Baron van Aubonne. Die hy gedurende de tijt van Veertigjaren, in Turkijen, Persien en in d'Indiën, langs alle de'wegen, die derwaarts strekken, gedaan heeft. D. 1–3. Amsterdam, 1682.*

⁶⁷ Рафиков А. Х. Литература о странах Азии и Африки... С. 251.

дения о мусульманском Востоке из сочинений восточных авторов⁶⁸. Уже на первом этапе формирования академической библиотеки в неё поступали книги и рукописи на восточных языках. Так, в 1716 г. в библиотеке появилась первая книга на восточном (арабском) языке — «Канон медицины» (قانون في الطب) Авиценны, изданная в 1593 г. в типографии Медичи в Риме. Это образец первопечатной книги на арабском языке (в настоящее время хранится в Институте восточных рукописей РАН). Она находилась в составе коллекции герцогов Курляндских. В этой же коллекции было и изданное в Венеции то же сочинение Авиценны в 2-х томах на латинском языке. Среди книг, привезённых Шумахером из Европы, также было сочинение на арабском языке — «Чудеса судьбы истории Тимура» (Ağā'ib al-taqdīr fī ta'rif' teimūr), т.е. История Тимура, или Тамерлана (1336–1405), основателя империи Тимуридов со столицей в Самарканде, написанная уроженцем Дамаска арабским историком XV в. Ибн Арабшахом (1392–1450), она содержит также сведения о странах и народах, входивших в состав Российской империи (Советского Союза). Позже в БАН появились переводы «Истории Тимура» на европейские языки. Во время европейской командировки Шумахер также выполнил ещё два поручения Петра востоковедного плана — передача в дар в Париже рукописи на тибетском языке и карты Каспийского моря⁶⁹.

Наличие востоковедных сочинений в личных библиотеках Петра и его сподвижников, вошедших в состав БАН, конечно, не позволяет ещё говорить о формировании полноценных восточных фондов, но их немалое количество и разнообразная тематика демонстрируют совершенно очевидный и не случайный интерес к изучению Востока со стороны их владельцев и явную тенденцию не упускать известные европейские и русские издания в этой области. Также уже при Петре были сделаны важные шаги, послужившие изучению Востока и развитию востоковедных фондов БАН в дальнейшем. Так, по инициативе Петра в 1712 г. был принят Указ об основании Российской духовной миссии в Пекине, сыгравшей важнейшую роль в развитии отечественной синологии и комплектовании китайских фондов. В конце петровской эпохи, в 1725 г., в Академию наук был приглашён в качестве первого академика-ори-

⁶⁸ *Herbelot de Molainville B., d'. Bibliothbque orientale, ou dictionnaire universel contenant tout ce qui regarde la connoissance des peuples de l'Orient...* Paris, 1697.

⁶⁹ *Бакмейстер И.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской имп. Академии наук, изданной на французском языке Иоганом Бакмейстером, подбиблиотекарем Академии наук, а на российский язык переведенной Васильем Костыговым. СПб., 1779.

енталиста по разряду древностей и восточных языков Готфрид Зигфрид Теофил Байер (Gottlieb Siegfried Bayer; 1694–1738)⁷⁰, знавший китайский, арабский и другие восточные языки. Таким образом, можно констатировать, что уже в первой четверти XVIII в. в академической библиотеке было положено начало формированию восточной коллекции, в организации которой была заметна роль Петра Великого и его сподвижников и которая на тот момент во многом отражала состояние и основные направления европейского востоковедения и характер знакомства России с Востоком. В дальнейшем первые восточные фонды академической библиотеки послужили базой для создания Азиатского музея.

Библиография

1. Алкоран о Магомете, или Закон турецкий: Переведены с французского языка на российский / Напечатана повелением царского величества. [Санктпетербург]: В Санкт-петербургской типографии, декабрь 1716. [3], 350 с. — Пер. с фр. *П. В. Пос[т]никова* (на тит. имя переводчика не указано).
2. *Андрей Кесарийский*. Толкование на апокалипсис Иоанна Богослова. Киев: тип. Киевско-Печерской лавры, 1625. С. 16, 150. (Паг. разд.).
3. *Андросов С. О.* Заметки о Петре как о коллекционере // Коллекционеры и меценаты в Санкт-Петербурге, 1703–1917: Тез. докл. конф. СПб., 1995. С. 3–5.
4. *Бакмейстер И.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской имп. Академии наук, изданный на французском языке Иоганом Бакмейстером, подбиблиотекарем Академии наук, а на российский язык переведенный Васильем Костыговым. СПб., 1779. 191 с.
5. Библиотека Академии наук. (Электронный ресурс: <http://www.rasl.ru/>; обращение 7.5.2018).
6. Библиотека Петра I. Описание рукописей / Сост. *И. Н. Лебедева*. СПб., 2004. 432 с.
7. Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. *Е. И. Боброва*; под ред. *Д. С. Лихачёва*. Л.: Издат. отд. БАН: Тип. РПМ БАН, 1978. 215 с.
8. Библиотека Петра Великого: Западноевропейские печатные книги / Отв. ред. *И. М. Беляева*: В 2 т., 3 кн. Т. 1: Западноевропейские печатные книги: В 2 кн. 981 с. Кн. 1. С. 1–576. Кн. 2. С. 577–981 / Сост. *И. В. Хмелевских*; Т. 2: Византийская история. 138 с. / Сост. *А. Е. Карначёв*. СПб.: БАН: Альфарет, 2016.

⁷⁰ *Пумпян Г. З. Г. З.* Байер и русское востоковедение // *Г. З. Пумпян, М. В. Федосеева*. Готтлиб Зигфрид Байер — академик Петербургской Академии наук / С.-Петербург. науч. центр РАН; Санкт-Петербург. Фонд им. М. В. Ломоносова. СПб.: Европейский Дом, 1996. С. 22–28. (Из истории Петербургской Академии наук).

9. *Витсен Н.* Путешествие в Московию, 1664–1665: Дневник / Николаас Витсен; пер. со старогол. *В. Г. Трисман*; [предисл. *Р. И. Максимовой, В. Г. Трисман*; Амстердам. ун-т, Ин-т Вост. Европы]. СПб.: Симпозиум, 1996. 272 с., вкладка.
10. *Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария / Подгот. *Б. Наарден (Bruno Naarden), Н. М. Рогожина, Н. П. Копанева.* Amsterdam: Pegasus, 2010. Т. 1. 624 с. Т. 2. 608 с. Т. 3I. 584 с.
11. *Густерин П. В.* Первый переводчик и первое издание Корана на русском языке // *Исламоведение.* 2010. № 1. С. 84–95.
12. *Ефрем Сирий.* Поучительные слова. М.: Печатный двор, 29 августа 1667 [19.12–29.08.1715]. 1–4, 1–199, 217, 211–213, [1], 183, 216–269 = 263 л.; 4°. Строк: 30 в два столбца.
13. *Идес Избрант [Е.]*. Путешествие и журнал по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, отправленного из Москвы в Китай, господина Эбергарда Избраннеде-са посланником в 1692 году, марта 14 дня / [Пер. с франц. перевода 1727 г.] // *Древняя Российская Вивлиофика*, изданная Н. Новиковым. Изд. 2. 1789. Т. 8. С. 360–475; Т. 9. С. 381–461.
14. *Идес Избрант [Е.]*, *Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. *М. И. Казанина.* М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1967. 404 с., карт., ил.
15. *Иоанн Дамаскин.* Октоих. 2 изд. Львов: Братская тип., 1689. Л. 4, 298.
16. *Иоанн Дамаскин.* История о Варлааме пустынножителе и о Иосафе царе Индийском. М.: Верхняя тип., 1681. Л. 1, 1–13, 1–5, 1–215. (В листах, паг. разд.).
17. История отечественного востоковедения до середины XIX в. / Отв. ред. *Г. Ф. Ким, П. М. Шаститко.* М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1990. 435 с.
18. *Кантемир Д.* Книга Систима, или Состояние мухамеданския религии / Напечатася повелением его величества Петра Великаго императора и самодержца всероссийскаго; [Пер. на рус. яз. *И. Ильиным* кн.: *Sistema de religione et statu Imperii Turcici* (соч. 1719 г.)]. [Санктпетербург]: В типографии царствующаго Санктпитебурха, 22 декабря 1722. [4], 5, 12, 8, 379 с., 1 л. ил.
19. *Карначёв А. Е.* Парижская «Византийская история» в Библиотеке Петра I // Библиотека Петра Великого: Западноевропейские печатные книги «Византийская история» = *Bizantine du Louvre.* Т. 2. СПб., 2016. С. 3–6.
20. Каталог книг из собрания Андрея Андреевича Виниуса / Сост. *Е. А. Савельева.* СПб.: БАН: Альфарет, 2008. 400 с.; 44 л. ил. (Серия: Мемориальный проект).
21. Каталог книг из собрания Аптекарского приказа / Сост. *Е. А. Савельева.* СПб.: БАН: Альфарет, 2006. 381 с.: факс., цв. ил. (Серия: Мемориальный проект).
22. *Левинсон-Лессинг В. Ф.* История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917) / Предисл. *Б. Б. Пиотровского*; вступ. ст. *Н. Н. Никулина.* Л.: Искусство, Ленингр. отд-ние, 1985. 407 с.: ил.
23. *Луппов С. П.* Книга в России в первой четверти XVIII в. Л.: Наука, 1973. 374 с.

24. [Макарий Египетский]⁷¹. Духовнии беседы о доконалстве христиан православных прп. Макария Египетского. Вильно: Тип. [Виленского православного свято-духовского] братства, 1627. 1–44, 1–386, 1–22, 1–40 с. 4°. (Паг. разд.).
25. Манифест или Объявление о вероломном разрыве мира султана Турского Ахмета против его царского величества...выдан в 1711 году февраля в 22 день. М.: Синодальная тип., [после 22 февраля 1711]. 18 л. 4°.
26. Нефёдова О. В. Жанр портрета в творчестве Жана-Батиста Ванмура (1671–1737) // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена: Искусствоведение. № 104. 2009. С. 169–174.
27. Нефёдова О. В. Творчество Жана-Батиста Ванмура (1671–1737) и проблема ориентализма в западноевропейской живописи XVIII века: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения (Специальность 17.00.04 — изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура). М., 2009. 30 с.
28. Описание изданий, напечатанных при Петре I: Сводный каталог: приложения и дополнения / Сост. Т. А. Быкова, М. М. Гуревич, Р. И. Козинцева; под ред. П. Н. Беркова. Л.: Изд. отд. БАН: Тип. РПМ БАН, 1972. 273 с.
29. Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков. СПб.: [типография Академии наук], 1772. [13], 264 с.
30. Петр I. Указ Петра I Свят. Синоду от 18 июля 1722 г. из Астрахани // *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. № 142. С. 112–113.
31. Петр I. Указ Петра 1716 г.: О переводе на русский язык Корана («Алкоран о Магомете или Закон турецкий») // *Куликова А. М.* Востоковедение в российских законодательных актах: Конец XVII в.—1917 г. СПб.: Петерб. востоковедение, 2003 (2004). № 36. С. 64.
32. *Полянский Е.* К вопросу о судьбе Палестины после войны // *Сообщения Императорского Православного Палестинского общества.* Т. 28. 1917. С. 95–119.
33. Последование молебного пения ко пресвятой Троицы поемого ко Господу Богу о помощи православно-российскому войску на разорвавших неправедно мир нечестивых магометан и того единомышленников. М., [1711. 2 февр.]. — Грав. изд.
34. ПСЗ-1. Т. 5. СПб., 1830. № 3127.
35. *Пумпян Г. З. Г. З.* Байер и русское востоковедение // *Г. З. Пумпян, М. В. Федосеева.* Готлиб Зигфрид Байер — академик Петербургской Академии наук / С.-Петербург. науч. центр РАН; Санкт-Петербург. Фонд им. М. В. Ломоносова. СПб.: Европейский Дом, 1996. С. 22–28. (Из истории Петербургской Академии наук).

⁷¹ Это первое изд. соч. Макария Египетского в переводе на славянский (западнорусский литературный) язык. Источник: *Шлевис Г. П.* Виленское православное свято-духовское братство // *Правосл. энцикл.* Т. 8. М., 2010. С. 480–484.

36. Рафиков А. Х. Изучение Востока в Петровскую эпоху // Страны и народы Востока / Под общ. ред. Д. А. Ольдерогге. Вып. 17. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1975. С. 9–18.
37. Рафиков А. Х. Литература о странах Азии и Африки в частных книжных собраниях и в Библиотеке Академии наук в первой половине XVIII в. // Книга в России до середины XIX в. / Ред. А. А. Сидоров, С. П. Луппов. Л.: Наука, Ленингр. отд.-ние, 1978. С. 217–260.
38. Регламент шкиперской торговым кораблям, приходящим в российские порты, с греческим и турецким переводами. СПб., 1721. — В лист.
39. Русско-китайские отношения в XVII веке: документы и материалы / Сост. В. С. Мясников, отв. ред. акад. С. Л. Тихвинский; ред. акад. В. С. Мясников: В 2 т. Т. 1: 1608–1683. Т. 2: 1686–1691. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1969–1972.
40. Русско-китайские отношения в XVIII веке: Документы и материалы / Сост. В. С. Мясников, А. И. Тарасова; отв. ред. акад. С. Л. Тихвинский; ред. акад. В. С. Мясников: В 3 т. Т. 1: 1700–1725. М.: Памятники ист. мысли, 1978–2006.
41. Саверкина И. В. Возникновение и начало частного коллекционирования в России: Учеб. пособие / Вступ. ст. Н. И. Сергеевой; Санкт-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. СПб.: СПбГУКИ, 2004. 208 с.
42. Шлевис Г. П. Виленское православное свято-духовское братство // Правосл. энцикл. Т. 8. М., 2010. С. 480–484.
43. L'Alcoran de Mahomet. Translaté d'Arabe en Franpois, par Le Sieur du Ryer, Sieur de la Garde Malezair. Paris, Chez Antoine de Sommaville, au Palais dans la Salle des Merciers, f l'Ecu de France MDCXLVII (1647). [10], 648, [4] p.
44. [Blome R.]. A geographical description of the four parts of the world, taken from the notes & workes of the famous Monsieur Sanson, geographer to the French King, and other eminent travellers and authors: to which are added the commodities, coyns, weights, and measures of the chief places of traffick in the world, compared with those of England, (or London) as to the trade thereof: also, a treatise of travel, and another of traffick, wherein, the matter of trade is briefly handled: the whole illustrated with variety of useful and delightful mapps and figures, by Richard Blome, Gent. [P. 1–4]. London: Printed by T.N. for R. Blome, 1670. 607 p. [12], 113, [5]с. + 7 грав. карт., 1–82, [2] с. + 4 грав. карты; 1–138 [=142], [6] с.+ 11 грав. карт., 1–56 [=58], [2] с. + 2 грав. карты; 1–55 [=58], [2] с. + 2 грав. карты; 1–55 [=64], [1] с.; 20 (33,6x22,5).
45. Bochart S. Geographia sacra: seu Phaleg et Chanaan cui accedunt varia dissertationes philologicae, geographica, theologicae & c. Antecae ineditae ut et Tabulae Geographicae et Indices, long? quam antea luculentiores et locupletiores . Editio Quarta. Prioribus multo correctior, & splendidior Procuravit Petrus de Villemandy. Lugduni Batavorum [Leiden]: Apud Cornelium Boutesteyn & Jordanum Luchtmans. Trajecti ed Rhenum, Apud Guilieum [Willem] van de Water, Ann. M.DCC.VII (1707). [8], 44 p., 1224 col., [60] p., [1] h. de grab., [10] h. de map. pleg.; Fol.
46. Bruyn Cornelis (Bruijn / Le Brun Corneille), de. Reizen van Cornelis de Bruyn, Door de vermaardste Zaelen van Klein Asia, de Eylanden Scio,

- Rhodus, Cyprus, Mitelino, Stanchio &c. Mitsgaders de voornamste. Steden van Aegypten, Syrien En Palestina. Verrijkt met meer als 200 . Koperl Konstplaten, vertoonend. [грав. на дер. виньета]. Tot Delet, [типогр. линейка]. Delft: Gedrukt by Henrik van Krooneveld, MDCXCVIII (1698). [22] с., 1 л. грав. карта, 398, [8] с., + 98 л. гравюр; 2° (40,5x27 см).
47. *Bruyn Cornelis (Bruijn / Le Brun Corneille), de.* Voyages de Corneille Le Brun par la Moscovie, en Perse, et aux Indes Orientales. Ouvrage enrichi de plus de 320 Tallies douces, de plus curieuses, representant Les plus belles vues de ces Pays, leurs principales Villes, les differens habillemens des Peuples, qui habitent ces Regions eloignees, les Animaux, les Oiseaux, les Poissons et les Plantes extraordinaires, qui s'y trouvent. Avec les Antiquites de ces Pays, et particulierement celles du Fameux Palais de Persepolis. Que les Perses appellent Chelminar. Le tout dessine d' apres la Nature sur les Lieux. On y a ajoute la route qu' a suivie Mr. isbrants, Ambassadeur de Moscovie, En traversant La Russie et la Tartarie, pour se rendre a la Chine. Et quelques Remarques contre Mrs Chardin et Kempfer. Avec une lettre ecrite a l'auteur sur ce sujet. A Amsterdam : Chez les Freres Wetstein, 1718. 2 vols.
48. *Buddeus I. F.* Allgemeines historisches Lexicon in welchem das Leben und die Thaten derer Patriarchen, Propheten, Apostel. Vltz der ersten Kirchen, Plbste, Cardinale, Bischwffe, Prelaten vornehmer Gottes- Gelehrten nebst denen Ketzern wie nicht weniger derer Käyser, Könige, Cur- und Fürsten, grosser Helden und Ministern Inseln Staedte Schoesser kloester Gebuerge Fluesse und so fort in Alphabetischer Ordnung mit bewehrten Zeugnissen vorgestellt werden. Erster und Ander Theil A–G. [грав. на меди типогр. марка]. Th. 1–2: A–G; Leipzig: verlegt Thomas Fritsch, 1709. 1213 S., паг. разд. [2], [18], 874=[876], 1–339, [1] с.; 2°; (37,2x25,2). Отсутствует Th. 3–4: H–Z.
49. *Busbeke O. G., van.* Augerius Gisleinius Busbequius Itinera Constantino-politanum et Amasianum ab Augerio Gislendio Busbequij, &c. D. ad Solimannum Turcarum Imperatorem C. M. oratore confecta. Eiusdem Busbequij de acie contra Turcam instruenda consilium. Antverpiae, MDLXXXI (1581). 167, [1] pp.; 8°.
50. *Dapper O.* Naukeurige Beschryving der Airikaensche Eylanden: Als Madagaskar of Sant Laurens Sant Thomee, d'eilanden van Kanarien, Каэрд Verd, Malta, en andere: Vertoont In de Benamingen , gelegentheit, Steden, Revieren, Gewassen, Dieren, Zeden, Drachten, Talen, Rijkdommen, Godsdiensten en Heerschappyyen. Met Afreikeningen der Eilanden, en verscheide Afteikeningen der Eilanden, en verscheide Afbeeldingen etc. Door. Do. O., Dapper, [грав. на дер. марка печатника] t' Amsterdam: [типогр. линейка] by Jacob van Meurs, op. de Keyzersracht, in de Stadt Meurs, Anno M.CD.LXXVI (1676). [2], 121 [5]с. +9 л. грав.; 2°. (31x20,2 см). 2 изд. (1 изд. в 1668 г.) ... 2 parts in 1 vol. Amsterdam, 1676. 2°. 2 изд. (1 изд. в 1668 г.).
51. *Dapper O.* Naukeurige Beschryving [der] Airikaensche gewesten van Egypten, Barbaryen, Libien, Biledulgerid, Negroslant, Guinea, Ethiopiën, Abyssime: Vertoont in de Benamingen, Grenspalen, Revieren, Steden, Gewassen, Dieren, Zeeden, Drachten, Talen, Rijkdommen Godsdiensten en Heerschappyyen. Met Lantkaerten en afbeeldingen van Steden, Drachten & na 't Loven getekent, en in Kooper gesnéden, Getrokken nyt verscheyde hedendaegse Lantbeschrijvers en geschriften van bereisde Ondersoekers dier Londen. Door Do. O., Dapper, [грав. на дер. виньета] t' Amsterdam:

- [типогр. линейка] by Jacob van Meurs, op. de Keyersgracht, in de Stadt Meurs, Anno M.CD.LXXVI (1676). [8], 1—428, 1—176, 179—349, [17]с. + 33 л. грав.; 2°. (31x20,2 см). 2 изд. (1 изд. в 1668 г.).
52. *Dapper O.* Naukeurige Beschryving der Eylanden in de Archipel der Middellantsche Zee, en ontrent dezelve gelegen: Waer onder de voornalme Cyprus, Rhodus, kandien Samos, Scio, Negraponte, Lemnos, Paros, Delos, Patmos, en andere in groten getale Behelzende Der zelve benamingen, gelegtheden, steden, kastelen, gedenkwaerdige, aeloud en hedendaeghse geschiedenissen, bestieringen, veroveringen, gewassen, dieren, &c. verrikt met zee-en eilant-kaerten, en afbeeldingen van steen, dieren, gewassen, &c. Door D.' O. Dapper. [грав. на дер. виньета] t'Amsterdam: voor Wolfgangh, Waesbergen, Boom, 1688. [8], 1—24, 17—92, 33—152, 145—150, 143—200, 153—320, 1—40, [4] с. + 32 л. грав.; 2° (31,7x20,2 см).
53. *Dapper O.* Naukeurige beschryving van Asie: behelsende de gewesten van Mesopotamie, Babylonie, Assyrie, Anatolie, of Klein Asie: Beneffens Eene volkome Beschrijving van gansch Gelukkigh, Woest, en Petreesch of Steenigh Arabie. Vertoont In een bondigh ontwerp van's Lants benamingen, bepalingen verdeelingen, steden, vlekken, gewassen, dieren zeden, en aert der inwoonders, bestiering, geschiedenissen en gods-dienst, inzonderheit die van d'oude Arabiern, Mahomet en Mahometanen. Doorgaens verrijkt met lantkaerten en afbeeldingen van de voornaemste steden, draghten der inwoonders, dieren en gewassen, &c. Na 't leven getekent en in koper gesneden. Getrokken uit verscheide oude en nieuwe Schrijvers, Door D'. Olfert Dapper. [грав. на дер. виньета] t' Amsterdam: [типогр. линейка] by Jacob van Meurs, In 't jaer 1680. [8], 357 [3]с., 10 л. грав., 1—324 [4] с., 6 л. грав.; 2° (31,7x20 см).
54. *Dapper O.* Naukeurige beschryving van gantsch Syrië en Palestyn of Heilige Lant, behelsende de gewesten van Fenicië, Celesyrië, Kommagene, Pierie, Cyrestika, Seleucis, Kabiotis, Chalibonitis, Chalcis, Abilene, Apamene, Laodicis, Palmyrene, &c: beneffens de landen van Perea of Over-Jordaen, Galilea, byzonder Palestijn, Judea en Idumea; vertoont in een bondigh ontwerp van 's lants benamingen, bepalingen, verdeelingen, steden, vlieten, bergen, gewassen, dieren, zeden en aert der inwoonders, bestiering, godsdienst en geschiedenissen; verrijkt met lantkaerten en afbeeldingen der voornaemste steden, en gedenkwaerdigste gebouwen; na 't leven getekent, en in koper gesneden, getrokken uit verscheide oude en nieuwe schrijvers, en bericht van ooghtuige onderzoeker. Amsterdam: Jacob van Meurs, 1678. 2°. — В библиотеке Петра.
55. *Dapper O.* Naukeurige beschryving van gantsch Syrië en Palestyn of Heilige Lant, behelsende de gewesten van Fenicië, Celesyrië, Kommagene, Pierie, Cyrestika, Seleucis, Kabiotis, Chalibonitis, Chalcis, Abilene, Apamene, Laodicis, Palmyrene, &c: beneffens de landen van Perea of Over-Jordaen, Galilea, byzonder Palestijn, Judea en Idumea; vertoont in een bondigh ontwerp van 's lants benamingen, bepalingen, verdeelingen, steden, vlieten, bergen, gewassen, dieren, zeden en aert der inwoonders, bestiering, godsdienst en geschiedenissen; verrijkt met lantkaerten en afbeeldingen der voornaemste steden, en gedenkwaerdigste gebouwen; na 't leven getekent, en in koper gesneden, getrokken uit verscheide oude en nieuwe schrijvers, en bericht van ooghtuige onderzoeker. Door Dr. O. Dapper. [Th. 1—2]. 'Amsterdam: Jacob

- van Meurs, Boekverkooper, 1677. 2°. — В библиотеке А. А. Виниуса. [Th. 1]: [10], 262, [4] с. с ил., фронт (ил.); 10 л. ил. [Th. 2]: [2], 581, [7] с. С ил.; 29 л. ил.; 29 л. ил., карт.
56. De Byzantinae historae scriptoribus, sub felicissimis Ludovici XIV⁷². Frankorum ac navarraeorum regis christianissimi auspiciis Publicum in lucem e Luparala typographia emittendis: AD omnes per orbem eruditos ПРОТРЕПТИКОН. Proponente Philippo Labbe Biturico Soc. IESU Sacerdote. [грав. на меди типогр. марка 1] Parissii E TYPOGRAPHIA REGIA. [типогр. линейка] M.DC.XLVIII (Paris: E TYPOGRAPHIA REGIA, 1648). Т. 1. 671 р.
 57. Francke T. Kurtze Beschreibung der weltlichen Haupt-Monarchien nemlich der Chaldaischen, Persischen, Griechischen und Römischen Gross Herrschaft... Bd. 1, 2. Nürnberg: Endter, 1677. 8°. Bd. 1. 664 S.
 58. *Herbelot de Molainville B., d'*. Bibliothèque orientale, ou dictionnaire universel contenant tout ce qui regarde la connoissance des peuples de l'Orient... Paris: par la Compagnie des libraires, 1697. [16] л., 1059, [1] с.; 2°.
 59. *Ides Y. E. (Ides Ysbrants (Ysbrandszoon) Evert)*. Driejaarige reise naar China te lande gedaan door den moscovischen afgezant, E. Ysbrants Ides, van Moskou af, over Groot Ustiga (Ustica), Siriania, Permia, Sibirien, Daour, Groot Tartaryen tot in China. Waar in, behalven de gemelde landstreeken, de zeden dier woeste volken, ten aanzien van hunnen godts dienst... beschreven worden... Amsterdam: gedr. Halma, 1704. 1 л. грав. фронт., [30], 243, [5] с., 8 л. грав., 4° (24,7x19,1 см).
 60. *Kraussen J. U.* Historische Bilder-Bibel des Alten und Neuen Testaments... Th. 1–5. Augsburg, MDCC (1700). 300 S. 2°.
 61. *Ludolf H.* Historia Aethiopica. P. 1–3 [in one vol.]. Frankfurt: Joh. David Zunner, 1681. 336 p.; 10 folded lists of plates; maps.
 62. [*Mortier P.*] Les forces de l'Europe, Asie, Afrique et Amérique, ou Description des principales villes avec leurs fortifications. Dessignées par les meilleurs ingenieurs, particulièrement celles qui sont sous la domination de la France, dont les Plans on esté levez par Monsieur Vauban avec la description de tout les Instruments servans à la Fortification, à l'attaque et deffense des Places, ensembles ceux qui servents pour l'Artillerie, des Magasins, la maniere de dresser un Camp devant une Ville assiegée, &c. Et ornées de plusieurs superbes Edifices. Ouvrage necessaire pour toutes sortes de personnes. Le tout mis en ordre par les soins de Pierre Mortier. [T. 1–14]. Amsterdam, [Paris]: Chez Pierre Mortier sur Vygendam, avec privilege, s. a. T. 1–VII: 7 тит. л. 1 л. табл. 155 грав. Т. VIII–XIV: 7 тит. л. 147 л. грав.
 63. *Nieuhoff J.*⁷³ Het gesantschap der Neerlandtsche Oost-Indische Compagnie aan de grooten Tartarischen Cham den tegenwoordigen Keyser von China:

⁷² Приведено библиогр. описание по т. 1. Полному описанию всего изд. посвящён отд. том каталога: Библиотека Петра Великого... 2016 (Т. 2. Византийская история / Сост. А. Е. Карначёв).

⁷³ В доступных нам источниках не обнаружено издание 1683 г., отмеченное под № 1345 в кн.: Библиотека Петра I: указатель-справочник... 1978 [4]. Приводим выходные данные первого изд. этого соч.: Amsterdam: Jacob van Meurs, 1665. 574 р.

- Waarin de gedenkwaardigste Geschiedenissen, die onder het reizen door de Sineesche landschappen, Quantung, Kiangsi, Nanking, Xantung en Peking, en aan het Keizerlijke Hof te Peking, sedert den jaren 1655 tot 1657 zijn voorgevallen, op het bondigste verhandelt worden. Benefeffens een Naukeurige Beschrijvinge der Sineesche Steden, Dorpen, Regeering, Weetenschappen, Hantwerken, Zeden, Godsdiensten, Gebouwen, Drachten, Schepen, Bergen, Gewassen, Dieren, et cetera en oorlogen tegen de Tartar : verciert men over de 150 afbeeldsels, na't leven in Sina geteken. Amsterdam: 1683. 2°.
64. *Nieuhoff J.* Legatio Batavica ad magnum Tartariae Chanum Sungteium, modernum Sinae Imperatorem. Historiarum narratione, que legatis in provinciis Quantung, Kiangsi, Nanking, Xantung, Peking, et aula imperatoria ab anno 1655 ad annum 1657 obtigerunt... illustrata et conscripta... per Joannem Nienhovium... Latinitate donata per... Georgium Hornium. [P. 1–5]. Amstelodami [Amsterdam]: apud Jacobum Meursium, 1668. 544 p.; ил. 2°. Ил. грав. на меди. Изд. имеет также грав. тит. л.
65. *Nieuhoff J.* Zee en Lant-Reize door verscheide Gewesten van Oostindien ... benefeffens ... een wijtloopig verhaet der Stad Batavia. Amsterdam: Jacob van Meurs, 1682. 2°. 310 p.
66. *Olearius A.* Persiaensche Reise Uyt Holsteyn, door Lijflandt, Moskovien, Tartarien in Persien. Door Philippus Crusius en Otto Brughman, Gesanten, Des Doorl: Hoogh: Heere, Heer Frederick Erf — Heer in Norwegen Heztog van Sleswijk en Holsteyn, ets. Aen de Konink van Persien: En van daer te landt naer Oost-Indien. Waer in veel vreemde ontmoetingen en Volckeren beschrevenzijn. In't hooghduyts beschreven door Adam Olearius, Secretarius der Verstelijoke Gesanten En nu in't nederduyts over-geset: in desen tweeden Druck met... caerten... vermeerdert... [- Beschrijvinghe des koninckryckx Persien, Zijnde het tweede deel van de Persiaensche reyse... door Johan Albreght van Mandelslo... In't hooghduyts beschreven door Adam Olearius... En... in't nederduyts over-gheset]. Amsterdam: voor Jan Jansz, 1651. 134 c., [1] л., 120 с.: ил.; 4°.
67. Recueil de cent estampes représentant différentes nations du Levant tirées sur les Tableaux peints d'après Nature en 1707 et 1708 par les Ordres de M. de Ferriol Ambassadeur du Roi à la Porte et gravées en 1712 et 1713 par les soins de M. Le Hay. Paris: [s. n.], 1714. 100 л. ил. 2°. — Гравюры по картинам Ж.-Б. ван Мура (Jean-Baptiste van Mour). Прил.: Explication... 1715. 26 с., 3 л. ил., нот. Прил.: Explication... 1715. 26 с., 3 л. ил., нот.
68. Sancti Nicephori, patriarchae Constantinopolitani Breviarium historicum, de rebus gestis ab obitu Mauricii ad Constantinum usque Copronymum. Interprete Dionysio Patavio à Societate IESV, cum eiusdem Notis ...Parisiis: Typographia Regia, M.DC.XL VIII. (1648). [7], 88, [5] с. 2°. Тит. л. и текст парал. на лат. и греч. (новогреч.) яз.
69. [*Tavernier J.-B.*]. Les six voyages de Jean Baptiste Tavernier, écuyer baron d'Aubonne, en Turquie, en Perse, et aux Indes, pendant l'espace de quarante ans, & par toutes les routes que l'on peut tenir: accompagnez d'observations particulieres sur la qualité, la religion, le gouvernement, les coûtumes & le commerce de chaque país, avec les figures, le poids, & la valeur des monnoyes qui y ont cours. Paris: Gervais Clouzier et Claude Barbin, 1676. 2 vols. (repr. Paris, 1681).

70. *Tavernier J.-B.* De zes Reizen van Heer J. Bapt. Tavernier, Baron van Aubonne. Die hy gedurende de tijd van Veertigjaren, in Turkijen, Persien en in d'Indiën, langs alle de wegen, die derwaarts strekken, gedaan heeft. D.1–3. Door J. H. Glazemaker vertaalt. Met veel kopere Platen verciert. 'Amsterdam: Weduwe van Johannes van Someren, Boeckverkooper in de Kalver-straat / by de Gapers-steeg in Perkins, 1682. 702 c. [3 т. в 2-х кн.: 576+126 c.].
71. *Witsen N.* Noord en oost Tartarye, ofte bondigh ontwerp van eenige dier landen, en volken, zo als voormaets bekend zyn geweest. Benefens ver. Scheide... hoorde en oosterlykste gedeelten van Asia en Europa... Met der zelve Lant-Kaerten:... Beschreven, getekent, en in't licht ge geven door Nicolaes Witsen. D. [1]–2. t'Amsterdam: [N. Witsen], 1692. 660 c. 4°. Ил. — грав. на меди.
72. *Witsen N.* Noord en Oost Tartarye, ofte bondig ontwerp van eenige dier landen en volken, welke voormaels bekend zijn geweest. Benefens verscheide de tot noch toe onbekende, en meest nooit voorheer beschreve Tartersche en Nabuurige Gewesten, Landstreeken, Steden, Rivieren, en Plaetzen, in de Noorder en Oosterlyks [...] Gedeelten van Asia en Europa Zoo buiten en binnen de Rivieren Tanais en Oby, als omtrent de Kaspische, Indische- en Zwarte Zee gelegen; gelijk de Landschappen Niuche, Dauria, Jesso, Moegalia, Kalm[u]kia, Tangut, Vsbek, en Noorder Persie, Turkestan, Georgia, Mengrelia, Cirkassia, Crim, Astakkia, Altin, Tingoesia, Siberia, Samoedia, en andere aen hunne Tzaersche Majesteiten Kroon gehoorende Heerschappyen. Verdeeld in twee Stukken, Met der zelve Land-kaerten: mitsgaders, onderscheidene Afbeeldingen van Steden, Drachten, enz. Zedert naeuwkeurig onderzoek van veele Jaren, en eigen ondervindinge ontworpen, beschreven, geteekent, en in't licht gegeven, door Nicolaes Witsen. Tweede Druk. Amsterdam: Halma, 1705. 1000 p. 2°.

Давид Иосифович Раскин
(Санкт-Петербург)

*Профессор кафедры источниковедения истории России
Института истории Санкт-Петербургского
государственного университета*

Контакты Российской империи и стран Дальнего Востока при Петре I и его наследниках в документах высших и центральных учреждений Российской империи

Контакты Российской империи со странами Дальнего Востока (прежде всего с Китаем, в значительно меньшей степени с Японией) при Петре I и его наследниках давно стали предметом исторических исследований. В настоящее время значительная часть документов по этой теме опубликована. Достаточно назвать фундаментальное серийное издание «Русско-китайские отношения в XVIII в.»¹.

Сегодня актуальным представляется, наряду с расширением источниковой базы, изучение её репрезентативности, что, в свою очередь, предполагает изучение распределения документальных источников по данной теме по группам архивных материалов по их происхождению и месту хранения. Решению этой последней задачи должна способствовать настоящая статья.

¹ Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. Т. 1–6. М.: Наука, 1978–2016. (Памятники исторической мысли). Характерно, что большая часть опубликованных в этих сборниках документов хранится в АВПРИ и в РГАДА.

Основным объектом данного исследования являются документы высших и центральных учреждений России, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), а его хронологическими рамками — период царствования Петра I и его наследников (включая Екатерину II).

С самого начала необходимо отметить, что эти документы сравнительно немногочисленны. Это вытекает как из породивших их исторических обстоятельств (меньшая по сравнению с позднейшим временем интенсивность российско-китайских и тем более российско-японских контактов), так и, в первую очередь, из профиля архива. Основные фонды высших и почти все фонды центральных и местных учреждений Российской империи за этот период должны храниться и хранятся в других архивах — Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (РГА ВМФ) и — в первую очередь — в Архиве внешней политики Российской империи МИД РФ (АВПРИ), в котором хранятся документы Коллегии иностранных дел с 1720 г.

В частности, в РГАДА документы по данной теме имеются в фондах: Сношения России с Китаем (коллекция)², Сенат и его учреждения³, Сибирский приказ и Разряд XXIV «Сибирский приказ и управление Сибирью»⁴.

По отношению к материалам, находящимся в этих архивах, значительная (если не большая) часть документов РГИА по данной теме играет роль так называемых связанных материалов. В ряде случаев они дополняют эти материалы, в ряде — копируют или содержат аналогичную информацию. В РГИА имеется чуть меньше сотни дел и отдельных документов, отражающих историю контактов Российской империи со странами Дальнего Востока. Их происхождение и источниковая ценность различны.

Во-первых, это документы, включённые в состав Коллекции высочайших указов и повелений Сенату⁵. Это сами указы и повеления Сенату, входящие в опись № 1, указы и повеления различным учреждениям и должностным лицам, составляющие опись № 2, и копии именных указов, высочайших повелений и распоряжений верховной власти, высших правительственных учреждений и должностных лиц, включённые в опись № 3 этого фонда. Несмотря на

² РГАДА. Ф. 62.

³ Там же. Ф. 248.

⁴ Там же. Ф. 244; Ф. 24.

⁵ РГИА. Ф. 1329.

то, что в основном указы и повеления в составе данной коллекции начинаются с 1726 г., некоторые относятся к более раннему времени, т.е. к царствованию Петра I.

Это, например, указ от 22 июля 1719 г.⁶ о разрешении «интересантам» шторной фабрики купить в Китае на 10–15 тыс. руб. шёлка и об оказании им содействия в этой покупке⁷; указ от 5 августа 1719 г. об отпуске из товаров Сибирской губ. (в том числе китайского шёлка) в Коллегию иностранных дел⁸, а также сенатский указ от 30 апреля 1719 г. (на основании указа Петра I) о посылке гвардейских унтер-офицеров для охраны едущих из Китая торговых караванов⁹. Эти указы являются копиями.

Значительно больше имеется в Коллекции высочайших указов и повелений Сенату документов, относящихся к царствованию наследников Петра I. Среди них заметную часть занимают указы Анны Иоанновны, объявленные письмами кабинет-министров. Эти указы относятся в основном к торговле с Китаем, охране караванов, присылке в Петербург товаров, подаренных китайским императором и т.п.¹⁰ В указе Анны Иоанновны от 18 декабря 1731 г. Сибирскому приказу говорилось не только о китайской торговле, но и о намерении установить торговлю с Японией¹¹.

Эти материалы являются «связанными» по отношению к соответствующим документам в составе фондов, хранящихся в РГАДА и в АВПРИ. А их нахождение в составе коллекции высочайших указов и повелений Сенату отражает особенности механизма взаимодействия при Анне Иоанновне кабинет-министров с Сенатом, коллегиями и другими центральными и местными учреждениями империи. Не случайно за последующий период количество такого рода материалов в составе Коллекции высочайших указов и повелений Сенату резко снижается. Лишь в 1762 г. (26 апреля) среди копий именных указов, высочайших повелений и распоряжений верховной власти, высших правительственных учреждений и должностных лиц появляется доношение Коллегии иностранных дел Сенату об отправке в Пекин курьера с сообщением о восшествии на престол императора Петра III¹².

⁶ Здесь и далее даты указаны по ст. ст. (юлианскому календарю). — *Прим. ред.*

⁷ РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 3. Л. 10, 358, 359.

⁸ Там же. Л. 562.

⁹ Там же. Д. 22. Л. 65.

¹⁰ Там же. Д. 58; Д. 62. Л. 133об., 143об., 149; Д. 44. Л. 25, 143; Д. 58. Л. 13; Д. 71. Л. 286 и др.

¹¹ Там же. Д. 43. Л. 143.

¹² Там же. Д. 175. Л. 458–459.

Зато в составе фонда Совета при высочайшем дворе имеются некоторые, хотя и немногочисленные, документы о российско-китайских отношениях. Это — протоколы совета по рапорту иркутского генерал-губернатора И. А. Пиля о получении ответа от ургинских амбаней с согласием на встречу уполномоченных на границе (16 мая 1790)¹³, по доношению из Лондона о посылке британским правительством посольства в Китай «с вредными для России предписаниями», принятии контрмер и представлении китайскому правительству российского поверенного (26 апреля 1792)¹⁴.

Отдельные документы, в том числе исторические записки и подборки материалов, можно найти также в составе фондов более позднего происхождения. Так, например, в фонде Первого Сибирского комитета имеется записка советника Троицко-Савской пограничной канцелярии об учреждении, штате и деятельности этой канцелярии (1783)¹⁵.

Но, несомненно, главным и наиболее ценным комплексом документов РГИА по истории контактов России с Китаем являются материалы, отложившиеся в фонде Канцелярии Святейшего Синода. Эти материалы относятся к истории Русской духовной миссии в Китае. Они составляют почти половину всех материалов РГИА, относящихся к истории контактов Российской империи со странами Дальнего Востока.

Среди дел Канцелярии Синода по истории духовной миссии в Пекине преобладают дела о назначении руководящих лиц миссии. Это, например, дело о посылке в Пекин вместо епископа Иркутского Иннокентия архимандрита Иркутского Вознесенского монастыря Антония Платковского (1721–1727)¹⁶, по доношениям состоявшего при русском посольстве в Пекине архимандрита Антония Платковского, о православной русской миссии в Пекине, о назначении туда архимандрита Иллариона Трусова и о проступках архимандрита Антония Платковского и бывшего в Пекине иеромонаха Лаврентия (1730–1738)¹⁷, об отправке в Пекин архимандрита Гервасия Ленцевского (1751–1755)¹⁸ и, наконец, о назначении в 1767 в Пекинскую миссию архимандрита Николая Цвета (1761–1774)¹⁹, а также по его прошению о возвращении в Россию (1778)²⁰.

¹³ Там же. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 10. Л. 169.

¹⁴ Там же. Д. 14. Л. 112–114.

¹⁵ Там же. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–8.

¹⁶ Там же. Ф. 796. Оп. 1. Д. 120.

¹⁷ Там же. Оп. 11. Д. 23.

¹⁸ Там же. Оп. 32. Д. 7.

¹⁹ Там же. Оп. 42. Д. 202.

²⁰ Там же. Оп. 59. Д. 328.

Дела Канцелярии Синода содержат также сведения о других лицах, входивших в состав миссии, а также об отправке в Китай некоторых воспитанников духовных учебных заведений, например, учеников Московской духовной академии, хорошо знающих латинский язык (1753)²¹.

Но поскольку в Пекинской духовной миссии постоянно происходили «нестроения» и в рассматриваемый период почти никто из возглавлявших её архимандритов не избег следствия и суда, не меньшее место среди материалов Синода занимают дела о суде над ними. Например, дело о суде над Антонием Платковским (1738–1741)²², о проступках Иллариона Трусова (1741)²³ и т.д. Имеется отдельное большое дело «о нестроениях в составе Пекинской духовной миссии» (1743–1744)²⁴.

Ряд дел содержит сведения об имуществе миссии, о разрушении русской церкви в Пекине в результате землетрясения (1733)²⁵, об освящении вновь построенной церкви (1737)²⁶ и т.п. Имеется также книга прихода Сретенского монастыря в Пекине (1759), на 46 листах²⁷.

Некоторые материалы, сохранившиеся в составе фонда Канцелярии Синода, выходит за рамки истории Русской духовной миссии в Пекине. Например, в одном из дел, связанных с этой миссией, имеются сведения о судьбе русских пленных, захваченных ещё в конце XVII в. в Албазине, и их потомков, в частности об их крещении и обучении в миссии (1735)²⁸.

Часть из материалов Канцелярии Синода пересекается с документами других фондов РГИА и других архивов. В частности, назначение в Пекин архимандрита Антония Платковского отражено в материалах Коллекции высочайших указов и повелений Сенату (среди копий именных указов, повелений и распоряжений)²⁹.

Дело Синода о назначении священника в православной церкви в Пекине и об отправке туда антими́нса и устройстве иконостаса (1731)³⁰ заведено по определению Сената, состоявшемуся вслед-

²¹ Там же. Оп. 34. Д. 348.

²² Там же. Оп. 19. Д. 356

²³ Там же. Оп. 22. Д. 109.

²⁴ Там же. Оп. 24. Д. 213.

²⁵ Там же. Оп. 14. Д. 109.

²⁶ Там же. Оп. 18. Д. 195.

²⁷ Там же. Оп. 40. Д. 296.

²⁸ Там же. Оп. 16. Д. 92.

²⁹ Там же. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 5.

³⁰ Там же. Ф. 796. Оп. 12. Д. 197.

ствии доношения Коллегии иностранных дел. Таким образом, это дело пересекается с фондом Сената и его учреждений, хранящимся в РГАДА, и с материалами Коллегии иностранных дел, хранящимися в АВПРИ.

С материалами АВПРИ пересекается и дело Канцелярии Синода по доношению Коллегии иностранных дел о присылке в коллегию для обучения китайскому и маньчжурскому языкам двух учеников Санкт-Петербургской духовной семинарии (1762)³¹.

Таким образом, сравнительно немногочисленные документы РГИА по истории контактов Российской империи со странами Дальнего Востока органически входят в корпус сохранившихся архивных материалов по данной теме и служат необходимым звеном в определении полноты и репрезентативности этого корпуса.

Необходимо также отметить, что некоторые из имеющихся в РГИА копийных материалов опубликованы в официальных изданиях законодательных актов. Например, упомянутые выше указы о разрешении «интересантам» шторной фабрики купить шёлк в Китае³² или о посылке гвардейских унтер-офицеров для охраны китайских караванов³³ вошли в Полное собрание законов Российской империи.

Некоторые были опубликованы также в научных изданиях. Например, указ Анны Иоанновны о тайной покупке в казну в Китае до 100 тыс. лан китайского серебра от 15 октября 1734 г., имеющийся в составе Коллекции высочайших указов и повелений Сенату³⁴, опубликован в одном из сборников Русского исторического общества³⁵.

Библиография и архивные источники

1. ПСЗ-1. Т. 5. СПб., 1830. № 3360 от 30.4.1716. С. 696; № 3405 от 23.7.1719. С. 724.
2. РГАДА. Ф. 24, 62, 244, 248, 796, 1146, 1264, 1329.
3. Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. Т. 1–6. М.: Наука, 1978–2016. (Памятники исторической мысли).
4. Сб. ИРИО. Т. 108: Бумаги Кабинета министров императрицы Анна Иоанновны: 1731–1740. Т. 3: 1734. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1900. [2], LVI, 512 с.

³¹ Там же. Оп. 43. Д. 271.

³² ПСЗ-1. Т. 5. СПб., 1830. № 3405.

³³ Там же. № 3360.

³⁴ РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 3. Л. 469; Д. 71. Л. 246.

³⁵ Сб. ИРИО. Т. 108: Бумаги Кабинета министров императрицы Анна Иоанновны: 1731–1740. Т. 3: 1734. Юрьев, 1900. С. 407.

Татьяна Олеговна Суркова
(Санкт-Петербург)

*Хранитель музейных предметов фондового отдела
Государственного музея-заповедника Петергоф*

Коллекция восточного фарфора Петра Великого в петергофском Монплезире

«Приобретённые Царём в различных его путешествиях сведения упали на добрую почву Великого гения, одарённого высоким рассудком, умом светлым и пронизательным, громадной памятью и мужеством <...>»¹, — отмечает в письме от 13 марта 1723 г.² королю Франции Людовику XV полномочный министр при русском дворе Жак де Кампредон.

Именно путешествия пробудили страсть русского монарха к коллекционированию. В Петергофе, во дворце Монплезир, Пётр поместил первую в России коллекцию китайского и японского фарфора. Для неё было отведено место в двух интерьерах дворца — Лаковом кабинете и Секретарской — на специально подготовленных резных полочках-консолях. Замысел размещения уже сложившейся к тому времени коллекции возник в период его второго большого путешествия в Европу в 1716—1717 гг.³, после посещения специально отведённых под восточные коллекции порцелиновых кабинетов в

¹ Сб. ИРИО. Т. 49. СПб., 1885. С. 395.

² Дата приведена по н. ст. (григорианскому календарю); далее — по ст. ст. (юлианскому календарю). — *Прим. ред.*

³ Первое большое европейское путешествие Петра I состоялось в 1697—1698 гг., в составе Великого посольства.

немецких дворцовых резиденциях Шарлотенбург, Ораниенбург и особенно в королевском дворце Монбизу в пригороде Берлина. Государь останавливался в этом дворце, размерами и убранством отвечавшем его вкусам (Пётр I не любил больших помпезных интерьеров)⁴. Панели кабинета имели живописные вставки с сюжетами на китайские темы, а в нишах, на камине, над дверями, между консолями карниза на фигурных полочках размещался китайский фарфор. Впечатления царя от посещения дворцов европейской аристократии нашли отражение в отделке и убранстве Монплезира. Комната, «где порцелиновая посуда стоять будет», должна была иметь «столярные уборы, которые надлежит покрывать лаком»⁵, т.е. фоном для размещения порцелиновой коллекции должны были служить расписные лаковые панно, имитирующие китайский лак. Коллекция китайского и японского фарфора Петра Великого завершила декоративное убранство Кабинета, и уже летом 1723 г. Пётр I смог показать его своим гостям, дабы продемонстрировать европейскую просвещённость. В то время фарфор являлся одним из атрибутов государственного престижа страны, свидетельством её европейской ориентации. Началась история бытования первого в России интерьерного ансамбля, основу которого составил фарфор.

Собранию петровской коллекции фарфора Монплезира послужили три события: посольство Избранта в Китай, размещение части волонтёров во главе с Петром (1697–1698) на территории двора Ост-Индской Компании, в совет директоров которой входил Николаас Витсен, и посольство Л. В. Измайлова. Географическое расположение России на пути из Европы в Азию с давних времён привлекало внимание предприимчивых европейцев, стремившихся найти удобный путь в страны Востока. Николаас Витсен, будучи бургомистром Амстердама, по роду деятельности был тесно связан с голландской Ост-Индской компанией и серьёзно изучал эту возможность. В молодости он посетил Москву в составе посольства Голландии, в последующие годы чрезвычайно ревностно собирал информацию не только о Европейской России, но и о Сибири и окружающих её

⁴ *Прим. ред.:* Известно о следующих посещениях Петром I указанных дворцов: Ораниенбурга – 30.9/11.10.1712 и 20.11/1.12.1712; Шарлотенбурга – 17/28.11.1712; Монбизу – в первой половине сентября 1717 г. Т.о., за исключением Монбизу, царь видел эти дворцы до своего Второго большого европейского путешествия.

⁵ РГАДА. Каб. Петра I. Отд. 2. Кн. 45. [Письмо И. Ф. Браунштейна А. В. Макарову. Апреля 20 дня 1720 г.]. Л. 139.

странах. Результатом этой деятельности был изданный в 1692 г. труд «Северная и Восточная Тартария»⁶, важной составляющей которого явилась карта северо-востока России и соседних государств.

В начале 1690-х гг. через голландского резидента Йохана Виллема ван Келлера⁷ Витсен со своими предложениями по развитию торговли между Голландией и странами Востока через территорию России обратился к российским соправителям Ивану и Петру Алексеевичам.

В ответ 27 мая 1691 г. Николаю Витсену из Москвы была отправлена царская грамота с благодарностью и надеждой на дальнейшее сотрудничество, но без согласия, «а о том вышеобъявленном торговом деле, которым подобием оному быть, нашего царских величеств указ и изволение впредь будет»⁸. Не получив согласие государей, торговые круги Амстердама не оставили надежду на проезд в Китай через территорию России. В 1692 г. из Москвы в Китай было отправлено посольство во главе с Избрантом Идесом. Существенную роль в отправке этой миссии в Китай сыграл Витсен. Его предприимчивая натура не могла смириться с отказом. На этот раз он действует через Избранта Идеса, крупного коммерсанта, занимающего видное положение в Немецкой слободе в Москве, побывавшего не в одной стране Европы, голландца по происхождению, имевшего родственные связи с Лефортом и личное расположение царя Петра. Используя расстроенные дела Идеса и требования торговых домов Страсбурга и Гамбурга о возврате долгов, Витсен побуждает его написать челобитную царю с просьбой отправить послом в Китай. Это предположение косвенно подтверждается тем, что в своём путешествии Идес пользовался картой Северо-Восточной Азии, присланной Витсеном Петру. Витсен правильно рассчитал, что успех предприятия будет лучшим доказательством выгодной торговли с Китаем. «Избрант имел аудиенции у богдыхана⁹, последний принял его хорошо, расспрашивал о его пути, о состоянии России и её отношениях к разным государствам. Китайские чиновники высказали намерение соблюдать Нерчинский договор, кроме того они вели с Избрантом переговоры о порубежных делах, о порядке приезда и приема следующих послов и повторили свои

⁶ *Witsen N. Noord en Oost Tartarye*. Amsterdam, 1692.

⁷ Первый постоянный резидент Нидерландов в Москве.

⁸ РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1691. [Отпуски жалованных грамот русских царей голландским купцам на торговлю в России. 1691.] Л. 23–26.

⁹ Термин, которым в русских грамотах XVI–XVIII вв. называли императоров Китая.

требования <чтобы соблюдалась церемония “коутоу”¹⁰. — Т. С.>, <а также> чтобы царское имя писалось ниже богдыханова»¹¹.

В опубликованных исследователем петровской эпохи М. Ф. Поссельтом¹², трудах: записках генерала Патрика Гордона¹³, биографии Франца Лефорта, — сохранились высказывания современников о поездке Идеса в Китай. «1 февраля 1695 г., — отмечает в своих записках Патрик Гордон, — господин Избрант вернулся из Китая, где он по всему тому, что можно судить, составил себе состояние: люди уверены, что никто из его должников в накладе не останется»¹⁴. Ему вторит Лефорт: «Путешествие его <Избранта> было удачным. Он сказал мне, что постарается удовлетворить всех своих кредиторов»¹⁵ и далее: «из привезённых из Китая вещей он сделал крупные подарки разным лицам»¹⁶. «20 февраля 1695 г., — пишет Гордон, — Елизар Избрант прислал мне две штуки китайского шёлку, шесть маленьких чайных чашек с блюдцами и девять глубоких блюдец различной величины и формы; всё из фарфора»¹⁷.

¹⁰ Церемония «коутоу» заключалась в следующем: стоя на коленях, посол совершал девять земных поклонов, причём в залу, где происходила аудиенция, он вползал на четвереньках. Посол, которого намеревался принять император, должен был предварительно в присутствии провинциальных или дворцовых чиновников полностью прорепетировать церемонию «коутоу» перед табличкой с именем императора или перед пустым тронem.

¹¹ РБС. Т.: Ибакъ — Ключаревъ. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1897. С. 63.

¹² Поссельт Мориц Фёдорович (настоящее имя Мориц Конрад; апрель 1804 или 1805, Ольденбург, герцогство Гольштинское — 25 февраля 1875, Висбаден) — российский историк, писатель и преподаватель германского происхождения. В 1845 г. получил российское подданство, поступил на государственную службу и начал работать в архивах и библиотеках, изучая историю эпохи Петра I. Писал на немецком языке. Перевёл записки генерала Патрика Гордона «Tagebuch des Generals Patrick Gordon» (Москва; С.-Петербург, 1849—1852, в трёх томах), издал обширную биографию Франца Лефорта: «Der General und Admirai Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit» (Франкфурт-на-Майне, 1866, в 2 томах). Последний труд богат новыми данными, почерпнутыми из иностранных архивов. В 1873 г. вышел в отставку и уехал из России, получив после увольнения чин статского советника.

¹³ Гордон, Патрик (1635—1699) — российский генерал и контр-адмирал. По происхождению шотландец. С 1661 г. состоял на русской службе. Один из учителей и сподвижников Петра I.

¹⁴ *Gordon P. Tagebuch des General' Patrick Gordon, während seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1661, und seines Aufenthaltes in Russland vom Jahre 1661 bis 1699.* SPb., 1851. Bd. 2. S. 506.

¹⁵ *Posselt M. Der General und Admiral Franz Le Fort.* Frankfort am Main, 1866. Bd. 2. S. 67.

¹⁶ *Ibid.* S. 68.

¹⁷ *Gordon P. Tagebuch des Generals' Patrik Gordon...* Bd. 2. S. 511.

Поскольку «те незначительные “поминки” (вещевые подарки), которые Идес вез богдыхану <...> последний, не приняв, вернул, Идес привез обратно и тотчас по возвращении отдал в Казенный приказ»¹⁸, можно сделать вывод, что весь привезённый фарфор был приобретён самим Идесом. Без сопровождения китайцев его нигде не отпускали. То есть Идес мог приобрести только местный фарфор у частных продавцов в лавках. Это был фарфор массового спроса, изготовленный в частных мастерских, предназначенный для внутреннего рынка, основное его достоинство заключалось в самом материале (европейцы откроют «секрет фарфора» только через 15 лет, в 1709 г.). Его можно было много и дешево купить, и пользуясь тем, что в то время его воспринимали как диковинку, особенно в России, — дорого продать или подарить, рассчитавшись со своими кредиторами. Пришедшая к власти в Китае новая Маньчжурская династия под страхом смертной казни запрещает использовать имя императора на марках фарфора, производимого в частных печах¹⁹, поэтому в конце XVII в. появляются марки частных мастерских в виде выполненных подглазурно отдельных иероглифов, изображений цветов, плодов, животных. Они ставятся на сине-бело-голубых изделиях, в основном массового спроса — чашках, блюдах, чашах и чайниках, как своего рода замена марки Канси. Приобретённый Идесом фарфор должен был иметь такие марки. Именно такие марки присутствуют на части предметов из Монплезира.

Не был обижен и Лефорт, использовавший свои подарки для украшения покоев подаренного ему царём нового дворца²⁰. Внутреннее убранство его комнат отличалось роскошью: так, одна комната была «оклеена вызолоченною кожей и снабжена дорогими шкафами, во второй помещены весьма редкие китайские изделия; третья обита жёлтою шёлковою тканью <камкою>; четвёртая уве-

¹⁸ ЦГАДА. Ф. 62: Сношения России с Китаем. Кн. 14. Л. 160об.; Цит. по: *Идес Избрант [Е.], Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / Вступ. ст. *М. И. Казанина*. М., 1967. С. 39.

¹⁹ *Little S.* Chinese Ceramics of the Transitional Period: 1620–1683. New York: China Institute in America. 1983. P. 20.

²⁰ За заслуги перед отечеством Пётр делает своему другу и сподвижнику царский подарок — строит для него в Москве в Немецкой слободе на правом берегу Яузы роскошный особняк, окружённый парком и получивший название Лефортовский дворец. Особняк был возведён в так называемом эклектическом стиле, вобравшем в себя элементы старинных теремных построек и зарождавшегося в те годы направления, получившего название «петровское барокко». Русский архитектор Дмитрий Аксамитов, «каменных зданий художник», завершил своё детище в 1698 г.

шана сверху донизу морскими картинами и убрана, начиная с потолка, моделями галер и кораблей»²¹.

Дворец строился в 1697–1698 гг. в период Великого Посольства, уже после возвращения Идеса из Китая, т.е. с уверенностью можно сказать, что в отделке дворца Лефорта были использованы китайские вещи, привезённые посольством Идеса. В 1699 г. здоровье Лефорта, утомлённого непрерывными трудами, ухудшилось: вновь открылись раны, мучившие его после возвращения из Азовского похода. 12 февраля во дворце Лефорта отпраздновали новоселье, а 2 марта он скончался.

Сам же дворец Пётр продолжал некоторое время использовать. Многие помещения, а особенно убранство залов, вероятно, не менялись до 1706–1708 гг., когда царь передал дворец А. Д. Меншикову, который его перестроил. Частично имущество перешло в казну и позднее по указу царя перевезено в Петербург. «Когда столицу перевели в Петербург, из московской казны многие ценности, поступившие в качестве дипломатических даров, в том числе китайские, переместились в новую столицу <...> Так в дворцовую коллекцию попали китайские тканые золотом шёлковые шпалеры кэсы, присланные из Китая и украшавшие дворец Лефорта в Москве»²². Очевидно, среди перемещённых китайских вещей были и фарфоровые предметы, украшавшие дворец Лефорта в Москве, которые впоследствии составили часть петровской коллекции Монплезира.

Поселив в период Великого Посольства (1697–1698) молодого царя на Ост-Индский двор, Николаас Витсен наглядно пытался продемонстрировать ему, что и Пётр может быть обладателем такого богатства, если положительно решится вопрос о транзитной торговле с Китаем через Россию. Витсен правильно рассчитал, что «Амстердамская гавань должна была захватить внимание такого впечатлительного наблюдателя, каким был Пётр. Его поражали и обилие кораблей, и разноязычная толпа людей, и невиданные им ранее “дикивинки” колониальных стран, которые ввела в моду Голландия, снабжая ими всю Западную Европу»²³. Его впечатления

²¹ *Посельт М.* Генерал и адмирал Ф. Я. Лефорт: Его жизнь и его время // Военный сборник. 1871. № 3. С. 17.

²² *Меньшикова М. Л.* К истории китайских шёлковых шпалер «кэсы» из коллекции Петра I // Сообщения ГЭ. Вып. 62. СПб., 2004. С. 112–119.

²³ *Бакланова Н.* Великое посольство за границей в 1697–1698 гг.: Его жизнь и быт по приходе-расходным книгам посольства // Пётр Великий. М.; Л., 1947. С. 51.

сохранились в письме А. А. Виниусу²⁴ от 1 марта 1698 г.: «А что пишешь ваша милость, что чашечки золотые, посланные от вас, будут здесь в диковинку, и то не чаю: потому что от роду таких я на Москве Китайских вещей не видал, как здесь»²⁵. Понятно увлечение Петра этой экзотикой и желание его обзавестись чужеземными диковинками. Записи расходных книг сохранили для нас сведения о сделанных покупках редкостей. «К этой же группе расходов следует отнести 165 ефимков²⁶, уплаченных “торговому человеку Бартелю фон Гагену за покупные товары: за фарфуровые суды и за раковины и плоды морские, которые куплены на Остинский двор”»²⁷. Росписи приходо-расходных книг только позволяют утверждать, что среди прочих диковинок Пётр приобрёл и фарфор, но никакой информации о декоре и количестве не дают. И всё-таки эти сведения очень важны, благодаря им мы точно знаем: на Ост-Индском дворе Петром были приобретены первые предметы собственной коллекции китайского (другого ещё не было) фарфора и именно с них, самостоятельно приобретённых, у Петра возникает интерес к предметам китайского искусства, который он испытывал до конца жизни.

В 1719–1721 гг. в Китай было отправлено посольство для разрешения спорных вопросов в торговых отношениях между Россией и Цинской империей. Посольство возглавил чрезвычайный посол, гвардии капитан Преображенского полка Л. В. Измайлов. Поскольку в грамоте, адресованной китайскому императору, Пётр I поставил лишь свою подпись, не указав титула, а Измайлов исполнил ритуал коуту, он был любезно принят императором Канси. Между сторонами состоялась беседа, произошёл обмен подарками. Камер-юнкер Ф. Берхгольц в своём дневнике описывает посещение дома Л. Измайлова в Москве, где были выставлены привезённые после его возвращения из Китая ценности²⁸. Из описания можно сделать

²⁴ Андрей Андреевич Виниус (1641–1717) – переводчик Посольского приказа (с 1664), дипломат (1672–1674) – возглавлял русские посольства в Англию, Францию, Испанию, глава почтового ведомства (с 1675), Аптекарского (с 1677), Новгородского (1689–1692), Сибирского (с 1694) и Пушкарского (с 1700) приказов, организатор горно-металлургического производства в России. Один из учителей и сподвижников Петра I. Будучи приближённым Петра I, часто переписывался с ним по широкому кругу вопросов.

²⁵ *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 3: Путешествие и разрыв со Швецией. СПб., 1858. С. 436.

²⁶ 1 ефимок равнялся 0,5 рублей.

²⁷ *Бакланова Н.* Указ. соч. С. 26.

²⁸ *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца. Ч. 2. М., 1858. Т. 2. С. 113.

вывод, что Измайлов привёз «много фарфоровой посуды, не отличающейся, впрочем, ничем особенным <...>», а именно: «белых чашек повседневного спроса, и красивых голубых с золотом предметов: полоскательных чашек, чашек с крышками». Очевидно, имеются в виду предметы, выполненные в технике «bleu poudré» — «пудренного кобальта». Эта техника появилась в поздний период правления императора Канси (1662–1722) и была большой редкостью. Кобальтовый порошок через шёлковый мешочек распылялся на влажную поверхность фарфора, которая после обжига приобретала глубокий синий бархатистый цвет. После этого сосуды расписывали золотом. Подобные предметы присутствуют в коллекции Петергофа, упомянуты в описи Монплезира 1728 г. («по синей земле травы золотные»), составленной после смерти Петра I²⁹. Интересные сведения о фарфоровом заводе «около двенадцати аглинских миль от города <Пекина. — Т. С.> на восток»³⁰ читаем в записках Джона Белла (1691–1780) — шотландского врача на русской службе, посетившего Китай в 1719–1721 гг. вместе с посольством Измайлова. Очевидно фарфор, привезённый Измайловым, происходит из этого завода. Вещи не отличаются высоким художественным уровнем и не имеют марок правления императора.

«Общим для <...> фарфоровых коллекций этого времени стало соседство в них китайских и японских произведений, которые в то время стилистически не различались, поскольку в период формирования японского экспортного фарфора (называемого “Арита” по месту производства, или “Имари” — по имени порта, через который его вывозили на Запад) за образец был принят китайский фарфор, уже завоевавший европейский рынок»³¹. «Японский имари» стал стилем декорирования японского фарфора с характерным художественным оформлением: основной рисунок наносился кобальтом (синим цветом) под глазурью, а затем расписывался красной краской и позолотой, иногда использовался зелёный пигмент. Японское название этого вида художественного оформления звучит как «ака-е» («красная живопись»). Начало производства подобных изделий относится приблизительно к 1640 г. Начиная с середины XVII в. продукция «японской ариты» активно вывози-

²⁹ ЦГИАЛ. Фонд Кабинета Е.И.В. Оп. 399/511. Д. 176: Опись в Монплезире парцелинной посуды. 1728. Л. 61–64.

³⁰ Записки Д. Белла о путешествии в Цинскую империю в 1719–1722 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII веке: 1700–1725. Т. 1. М., 1978. С. 535.

³¹ *Неглинская М. А.* Шинуазри в Китае: Цинский стиль в китайском искусстве периода трёх великих правлений: 1662–1795. М.: Спутник, 2012. С. 166.

лась в Европу из порта Имари через китайские города Ост-Индской компанией.

Японские предметы петровской коллекции, выполненные в мастерских Арита (Имари) в 1690–1710 гг., являются предметом экспорта и попадают в Россию посредством Ост-Индской компании через Голландию. Подобные предметы широко представлены в Дрезденской галерее, в коллекции Августа Сильного, складывающейся в это же время.

Этим же путём коллекция пополняется исинскими чайниками, по легенде подаренными Петру I китайским императором Канси. Можно уверенно сказать, что это всего лишь красивая легенда. В описи 1728 г. буквально в двух словах даётся очень ёмкая характеристика, включающая описание материала, из которого изготовлены эти предметы, а также источник поступления — «чайник глиняный галанский».

Исинские чайники на протяжении всей истории бытования дворца находились на одном и том же месте. Это утверждение не вызывает никакого сомнения, поскольку хранители «Монплезира» в описях дают не название помещения, а его месторасположение: «от зала на правой стороне в каморе», а закреплению предметов на своих местах способствовал тот факт, что они не просто стояли, а были «примазаны» к камину. В настоящее время в коллекции Петергофа присутствуют 8 чайников из исинской глины. Художественно-стилистический анализ подтверждает их датировку — это период Канси (1662–1722) династии Цин, а описи и история бытования позволяют говорить, что эти чайники заказаны Петром I в Голландии и являются частью петровской коллекции.

Самое удивительное, что дошедшие до нашего времени, несмотря на свою хрупкость и все перипетии российской истории, памятки декоративно-прикладного искусства из петровской коллекции фарфора, и сейчас, как при Петре Великом, присутствуют в качестве декора в Лаковом кабинете Монплезира. Чтобы их увидеть, нужно летом приехать на Петергофское взморье и посетить любимое детище Петра — дворец «Монплезир».

Библиография и архивные источники

1. *Бакланова Н.* Великое посольство за границей в 1697–1698 гг.: Его жизнь и быт по приходо-расходным книгам посольства // Пётр Великий: Сб. ст. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 3–62.
2. *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721-го по 1725-й год / Пер. с нем. *И. Аммон.* Ч. 2: 1722-й год. М.: [А. И. Кошелев], 1858. 358 с.

3. Записки Д. Белла о путешествии в Цинскую империю в 1719–1722 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII веке: Мат-лы и док-ты. Т. 1: 1700–1725. М.: Наука, 1978. С. 498–554, 641–647.
4. *Идес Избрант* [Е.], *Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай: 1692–1695 / Вступ. ст., перев. и коммент. *М. И. Казанина*. М.: Гл. ред. вост. лит., 1967. 403 с.
5. *Меньшикова М. Л.* К истории китайских шёлковых шпалер «кэсы» из коллекции Петра I // Сообщения ГЭ. Вып. 62. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2004. С. 112–119.
6. *Неглинская М. А.* Шинуазри в Китае: Кинский стиль в китайском искусстве периода трёх великих правлений (1662–1795). М.: Спутник+, 2012. 476, [1] с.
7. *Поссельт М.* Генерал и адмирал *Ф. Я. Лефорт*: Его жизнь и его время // Военный сборник. Т. 78, кн. 3. 1871. № 3. Отд. 1, с. 5–40.
8. РБС. Т.: Ибакъ — Ключаревъ. СПб.: Тип. Гл. упр. делов, 1897. 756 с.
9. РГАДА. Каб. Петра I. Отд. 2. Кн. 45. [Письмо И. Ф. Браунштейна А. В. Макарову. Апреля 20 дня 1720 г.]. Л. 139.
10. РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1691. [Отпуска жалованных грамот русских царей голландским купцам на торговлю в России, 1691]. Л. 23–26.
11. Сб. ИРИО. Т. 49. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1885. LXIX, 427 с.
12. *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 3: Путешествие и разрыв со Швецией. СПб.: Тип. II-го Отд-я Собств. Е.И.В. канцелярии, 1858. 582, [7] с.
13. ЦГАДА. Ф. 62: Сношения России с Китаем. Кн. 14. Л. 160об.
14. ЦГИАЛ. Фонд Кабинета Е.И.В. Оп. 399/511. Д. 176: Опись в Монплеzure парценинной посуды. 1728. Л. 61–64.
15. *Gordon P.* Tagebuch des General' Patrick Gordon, während seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1661, und seines Aufenthaltes in Russland vom Jahre 1661 bis 1699 / Hrsg. *M. A. Obolenski* [Bd. 1], *M. Posselt* [Bd. 1–3]. 3 Bd. М. [Bd. 1]; SPb. [Bd. 2–3]: R. F. Rmhler in Leipzig, 1849–52. ([4], LXIX, 672), ([10], XVIII, 735, [8]), ([2], VI, 417, 117) S.
16. *Little S.* Chinese Ceramics of the Transitional Period: 1620–1683. New York: China House Gallery; China Institute in America. 1983. ix, 153 p.
17. *Posselt M.* Der General und Admiral Franz Le Fort: Sein Leben und seine Zeit: Ein Beitrag zur Geschichte Peter's des Grossen. 2 Bd. Frankfurt am Main: Buchhandlung Von Zozef Baer, 1866. (XLIV, 573) (613) S.
18. *Witsen N.* Noord en Oost Tartarye, ofte bondigh ontwerp van eenige dier landen, en volken, zo als voormaels bekent zyn geweest... Amsterdam: [S. n.], M DC XCII (1692). [12], 600, [8] p.

АННОТАЦИИ

Пётр Ашотович Аваков
Piyotr Avakov

Персидский поход Петра I и донское казачество The Persian campaign of Peter the Great and the Don Cossacks

Аннотация. В статье рассматривается связь Персидского похода 1722–1723 гг. с исторической судьбой донского казачества и его роль в боевых действиях. Поход положил начало регулярной службе донских казачьих команд на Кавказе. С его событиями связано принятие Петром I решения об упразднении выборности войсковых атаманов на Дону, что стало очередной вехой на пути подчинения Войска Донского Российскому государству. В 1724 г. донское казачество было впервые использовано имперским правительством как колонизационный ресурс при создании Аграханского казачьего войска на территории Дагестана.

Abstract. The article discusses the connection of the Persian campaign of 1722–1723 with the historical fate of the Don Cossacks and their role in the fighting. The campaign marked the beginning of the regular service of the Don Cossack teams in the Caucasus. The adoption by Peter I of the decision to abolish the election of military atamans on the Don, which was another milestone in the subordination of the Don Host to the Russian state, is connected with this campaign. In 1724, the Don Cossacks were used for the first time by the imperial government as a colonization resource in creating the Agrakhan Cossack Host in Dagestan.

Ключевые слова: Персидский поход 1722–1723 гг., донское казачество, Дагестан, русско-турецкие отношения, массовое переселение.

Keywords: Persian campaign of 1722–1723, Don Cossacks, Dagestan, Russo-Turkish relations, mass relocation.

Ольга Гениевна Агеева
Olga Ageeva

Персидское посольство Фазл Али-бека к царю Петру I (1711–1714) The embassy of the persian Ambassador Fazl Aly-beck to the Tzar Petr I, 1711–1714

Аннотация. Статья посвящена истории персидского посольства в Россию 1711–1714 гг. В ней рассмотрены переговоры между персидским послом Фазл Али-беком и русским канцлером Головкиным, прослежена эволюция дипломатического церемониала, который был дополнен европейскими элементами, описана повседневная жизнь и конфликты персидских дипломатов в России.

Abstract. The article surveys the history of the persian embassy to Russia 1711–1714. It deals with the negotiation between the ambassador Fazl Aly-beck and the chancellor Golovkin, traces the evolution of the diplomatic ceremonies that were supplemented with the european details and describes the new aspects of the daily life and the conflicts of the persian diplomats in Russia.

Ключевые слова: Персидское посольство, Россия, XVIII в.

Keywords: Persian embassy, Russia, XVIII-th century.

Юрий Германович Акимов
Yury Akimov

**Объект любопытства, изучения, просвещения и эксплуатации:
Сибирские аборигены в политике Петра I
The object of curiosity, exploration, enlightenment and exploitation:
Siberian natives in the policy of Peter I**

Аннотация. Статья посвящена изменениям, произошедшим в петровскую эпоху в политике по отношению к коренным народам Сибири. До начала XVIII в. они рассматривались русскими исключительно как плательщики дани (ясака). При Петре I отношение к ним стало качественно иным. Оставаясь объектом эксплуатации, сибирские «иноземцы» в то же время стали объектом изучения, любопытства, просвещения, христианизации. Отмечается вклад в данные процессы шведских пленных, находившихся в Сибири. Показывается, что изменения в аборигенной политике, диктовались соображениями пользы, прогресса и престижа.

Abstract. The article deals with the changes which occurred during the Petrine era in the Russian policy towards the Siberian natives. Until the beginning of the XVIII-th century they had been regarded by the Russians only as payers of tribute (yasak). Under Peter I, the attitude towards indigenous peoples radically changed. Having been the object of exploitation, at the same time the Siberian natives became the object of curiosity, exploration, enlightenment, Christianization. Specially stressed is the contribution to these processes by the Swedish prisoners of war who had been sent to Siberia. The author concludes that those changes were dictated by considerations of benefit, progress and prestige.

Ключевые слова: Пётр I, Сибирь, политика по отношению к аборигенам, христианизация.

Keywords: Peter I, Siberia, politics towards Native peoples, Christianization.

**Историк Персидского похода
Викентий Павлович Лысов (1916–2002)
Vikenty Pavlovich Lystsov (1916–2002)
as the Historian of the Persian campaign**

Аннотация. Статья посвящена биографии профессора Воронежского университета В. П. Лысова, защитившего в 1949 г. в Московском университете кандидатскую диссертацию «Персидский поход Петра I» под руководством К. В. Базилевича и издавшего в 1951 г. одноименную монографию. Раскрываются сложные обстоятельства защиты диссертации (арест первого оппонента Г. А. Кокиева), анализируется содержание монографии и отношение к ней специалистов. Оценивается вклад В. П. Лысова в изучение проблемы.

Abstract. The article is devoted to the biography of the Professor of the Voronezh state University V. P. Lystsov, defended in 1949 at the Moscow University PhD thesis «The Persian campaign of Peter I» under the direction of K. V. Bazilevich and published in 1951 a monograph of the same name. The author reveals the complex circumstances of the thesis defense (arrest of the first opponent G. Kokiev), analyzes the content of the monograph and the attitude of specialists to it. The contribution of V. P. Lystsov to the study of the problem is estimated.

Ключевые слова: В. П. Лысов, Пётр I, Персидский поход, диссертация, Воронежский университет.

Keywords: V. P. Lystsov, Peter I, Persian campaign, dissertation, Voronezh University.

Евгений Викторович Анисимов
Evgeniy Anisimov

**Пётр Великий и основы его восточной политики
Peter the Great and the foundations of his Eastern policy**

Аннотация. Интерес Петра Великого к Востоку, источники знаний, место Востока в геополитической доктрине России, поиск путей в Индию, идея «нового Петербурга» на реке Кура, экспансия как способ понимания Востока, эволюция взглядов Петра на Восток.

Abstract. Peter the Great's interest in the East, sources of knowledge, the place of the East in the geopolitical doctrine of Russia, the search for ways to India, the idea of «new Petersburg» on the Kura river, expansion as a way of understanding the East, the evolution of Peter's views to the East.

Ключевые слова: Пётр Великий, Восток, индийский проект, персидская кампания, взгляды Петра на восточную политику.

Keywords: Peter the Great, East, Indian project, Persian campaign, Peter's views on Eastern politics.

**Предкавказье и Прикаспий между Россией и Турцией
в 1710–1714 годах
North Caucasus and the Caspian region between Russia and Turkey
in 1710–1714**

Аннотация. В 1710 г. Османская империя объявила войну России. В 1711 г. кабардинские князья решили восстановить русское подданство и воевать с ногайцами. Посланец в Кабарду А. Б. Черкасский призывал всех горцев Северного Кавказа служить Петру Великому. Пять тысяч кабардинцев рассеяли часть ногайцев. Калмыцкий хан Аюка балансировал между Москвой, Стамбулом и Бахчисараем. В 1714 г. бухарский бей сообщал туркам, что можно легко отобрать у русских Астрахань, если Порта примет в протекцию Калмыкию. Планы Аюки принять турецкий протекторат не дали результата, так как для Стамбула были важнее потерянные Пелопоннес, Венгрия и Трансильвания, но не Калмыкия. В России запретили на некоторое время казанским и астраханским татарам посещать северную часть Каспийского региона и паломничество в Мекку. Поражение России в войне с Турцией закрыло «черноморский проект» Петра Великого. Крымское ханство в 1714 г. отодвинуло свои границы на 100–500 км к северу.

Abstract. In 1710 the Ottoman Empire declared war on Russia. In 1711 kabardian princes decided to restore Russian allegiance and fight with the Nogais. The envoy to Kabarda A. Cherkassky called on all the mountaineers of the North Caucasus to serve Peter the Great. Five thousand Kabardians scattered part of the Nogais. Khan of Kalmykia Ayuka balanced between Moscow, Istanbul and Bakhchisarai. In 1714 Bukhara Bey informed the Turks that it was easy to take Astrakhan from the Russians if Istanbul accepted Kalmykia as a patronage. Ayukas plans to adopt a Turkish protectorate did not work, as the lost Peloponnese, Hungary and Transilvania were more important for Istanbul, but not Kalmykia. In Russia, the Kazan and Astrakhan Tatars were banned for some time from visiting the north of the Caspian region and pilgrimage to Mecca. The defeat of Russia in the war with Turkey closed the «Black Sea project» of Peter the Great. In 1714 the Crimean Khanate moved its borders 100–500 km away.

Ключевые слова: Османская империя, Россия, Кабарда, Крымское ханство, хан Аюка, «черноморский проект».

Keywords: Ottoman Empire, Russia, Kabarda, the Crimean Khanate, Khan Ayuka, the «Black Sea project».

**Церковное зодчество конца XVII – первой трети XVIII века
Урала и Сибири: Общий обзор
Ecclesiastical Architecture in the Late XVII – Early XVIII Centuries
to the East of Volga: General Review**

Аннотация. Статья посвящена обзору церковного зодчества петровского времени на пространстве Урала и Сибири. Анализируются общие закономерности в церковной архитектуре этого гигантского региона. Эта тема мало изучена в связи с разрушением в советский период большинства церквей. В петровское царствование было положено начало каменному зодчеству, которое шло постепенное, по направлению «Большого Сибирского тракта». Новые петербургские тенденции, связанные с западными влияниями, внедрением чертёжного проектирования, мало коснулись консервативной периферии. Напротив, оригинальная соликамская школа, достигшая именно в петровское время максимального расцвета, органично включила «нарышкинские» черты и повлияла на архитектуру другого регионального центра Верхотурья. В петровское время на Урале был разработан тип двухэтажного храма с нижним тёплым приделом, который, вероятно, восходит к архитектуре Великого Устюга. В Сибири развитие местной архитектурной школы происходило, прежде всего, в епархиальных центрах: Тобольске и затем – Иркутске. Вместе с архиереями украинского происхождения, вероятно, пришли и украинские мастера, активно работавшие в Тюмени.

Abstract. The article is devoted to the review of the church architecture of Petrine era in the Urals and Siberia. In Peter the Great' reign stone architecture was inchoated. Its extension was gradual, in the direction of the Great Siberian Route. New St. Petersburg trends associated with Western influences, the introduction of drawing design, touched the conservative periphery slowly. On the contrary, the original Solikamsk school, which reached its peak in the time of Peter the Great, organically included «Naryshkin» features and influenced the architecture of Verkhoturye. In Siberia, the development of a local architectural school took place primarily in diocesan centers: Tobolsk and then Irkutsk. Together with the hierarchs of Ukrainian origin, the Ukrainian masters, probably, came and actively worked in Tyumen.

Ключевые слова: Церковное строительство, петровское время, Урал, Сибирь, барокко, «нарышкинский стиль», Соликамск, Тобольская епархия, Иркутская епархия.

Keywords: Church building, Petrine era, Ural, Siberia, Baroque, «Naryshkin style», Solikamsk, Tobolsk diocese, Irkutsk diocese.

**Экспедиционные художники петровского времени
(по материалам Архива внешней политики Российской империи)
Expeditionary artists of the time of Peter the Great (Based on materials
from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire)**

Аннотация. В петровское время в состав научных экспедиций наряду с учёными стали включать художников. Сначала это были художники-дилетанты, а затем профессионально подготовленные мастера. Автор затрагивает имена геодезистов Евреинова и Лужина, выполнявших функции рисовальщиков, Беркана, Деккера — первых экспедиционных художников. Для данного исследования были привлечены материалы Архива Внешней политики Российской империи, позволившие впервые раскрыть творчество петровских геодезистов в контексте рассматриваемой темы.

Abstract. In the time of Peter the Great, the artists were included to the expeditions as scientists. At first they were amateur artists, and then professionally trained masters. The author speaks of the names of surveyors Evreinov and Luzhin, who served as draftsmen, and Berkhan, Decker who were the first expeditionary artists. This research is based on materials from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, which made it possible for the first time to reveal the work of Peter's surveyors in the context of the topic under consideration.

Ключевые слова: Экспедиционные художники, XVIII в., Пётр I, петровские геодезисты, Академия наук.

Keywords: Expeditionary artists, XVIII century, Peter the Great, the Peter's surveyors, The Russian Academy of Sciences.

Наталья Юрьевна Болотина
Natalya Bolotina

**Дипломат петровской эпохи С. Л. Владиславич-Рагузинский:
Миссия в Китай
Diplomat of the Peter epoch S. L. Vladislavich-Raguzinsky:
A mission to China**

Аннотация. Статья посвящена дипломатической миссии сподвижника Петра I графа С. Л. Владиславича-Рагузинского в 1725–1728 гг. в Китай. Благодаря его деятельности были заключены выгодные для России Буринский и Кяхтинский договора, которые определяли двусторонние пограничные и торговые вопросы и сохраняли свою юридическую силу до середины XIX в. Личный вклад Владиславича в дипломатические переговоры высоко оценивается отечественными и китайскими историками.

Abstract. Article is devoted to the diplomatic mission of Count S. L. Vladislavich-Raguzin associate of Peter I in the 1725–1728 to China. Thanks to his activities,

the Burinsky and Kyakhta agreements that were beneficial for Russia were concluded. These agreements defined bilateral border and trade issues and maintained their legal force until the middle of the 19th century. Vladislavich's personal contribution to diplomatic negotiations is highly appreciated by domestic and Chinese historians.

Ключевые слова: Китай, С. Л. Владиславич-Рагузинский, Кяхтинский договор, Екатерина I, дипломатия.

Keywords: China, S. L. Vladislavich-Raguzinsky, Kyakhta contract, Catherine I, diplomacy.

Муртазали Серажутдинович Гаджиев, Елена Ивановна Иноземцева,
Николай Дмитриевич Чекулаев
Murtazali Gadzhiev, Elena Inozemtseva, Nikolay Chekulaev

**Дербентский гарнизон Низового корпуса
Русской Императорской армии (1722–1735): Краткий обзор
The Derbent Garrison of Nizovoy Corps of the Russian Imperial Army
(1722–1735): a Concise Overview**

Аннотация. В статье на основе внушительного пласта архивных источников из фонда «Дербентский комендант» Центрального государственного архива Республики Дагестан авторами предпринята попытка дать краткий общий обзор истории (1722–1735) Дербентского гарнизона Низового корпуса Русской императорской армии в контексте Каспийского (Персидского) похода Петра Великого.

Abstract. In this article the authors basing on of the impressive documentary sources of the «Derbent Commandant» Fund of the Central State Archive of the Republic Dagestan make an attempt to give the concise overview of the history of the Derbent garrison of Nizovoy (Lower) Corps of the Russian Imperial Army in 1722–1735 in the context of the Caspian (Persian) campaign of Peter the Great.

Ключевые слова: Пётр Великий, Каспийский (Персидский) поход, Низовой корпус, Дербентский гарнизон, Дербентский комендант, Дербентский пехотный полк.

Keywords: Peter the Great, Caspian (Persian) campaign, Nizovoy Corps, Derbent garrison, Derbent Commandant, Derbent infantry regiment.

Сведения о Востоке в документах семьи Делиль
Information about the East in the Delisle' documents

Аннотация. Статья посвящена разнообразию текстовых и графических свидетельств, относящихся к архиву семьи Делиль (это Клод, Гийом, Жозеф-Николя Делили и Людовик Делиль де ля Кройер) и посвящённых формированию представления российского и европейского научного сообществ о географии, картографии Сибири, Дальнего Востока, Китая в первой половине XVIII в. Особое внимание уделено вопросам научной коммуникации и распространению знаний, включению Санкт-Петербургской Академии наук в систему обмена научными знаниями.

Abstract. The article deals with diversity and multiplicity of textual and graphic sources in Delisle family archive (Claude, Guillaume, Joseph-Nicolas and Louis Delisle de la Croÿère), which depict developing of cartographic and geographic knowledge concerning Far East, Siberia and China among Russian and European scientists in the first half of the XVIII century. Particular attention is paid to the issues of scientific communication and dissemination of knowledge, the inclusion of the St. Petersburg Academy of Sciences in the system of exchange of scientific knowledge.

Ключевые слова: картография России XVIII в., Сибирь, Дальний Восток, Гийом Делиль, Жозеф-Николя Делиль.

Keywords: Russian cartography, XVIII century, Siberia, Far East, Guillaume Delisle, Joseph-Nicolas Delisle.

Дмитрий Гузевич, Ирина Гузевич
Dmitry Gouzevitch, Irina Gouzevitch

Ж. Н. Делиль и карта-задание для Второй Камчатской экспедиции:
«Бессовестный обман» или основа для открытий?

J. N. Delisl and the Target Map for the Second Kamchatka Expedition:
«Dishonest Deception» or Basis for Discoveries?

Аннотация. В статье анализируется история с картой северной части Тихого океана, которую подготовил в 1731 г. для Второй Камчатской экспедиции Ж. Н. Делиль. Кратко представлена история появления в этом районе на картах того времени различных островов и «земель» и определения очертаний береговых линий материков, а также история вопроса «сошлась ли Америка с Азией». Показано, что знаменитая карта Делиля, вызвавшая столько споров, «Carte représentant la situation et la distance de la Tartarie Orientale iusquax <Sic!> terres les plus voisines de l'Amerique <...> », не является ни фиксационной, ни отчётной, ни репрезентативной. Это — карта-задание. А, значит, на ней должны были быть собраны все вопросы, требующие решения, то есть, указаны все спорные земли для проверки их наличия и, ежели они будут обнаружены, то их очертаний. Представлена

губительность режима секретности, который сопровождал в XVIII в., как для экспедиций, направлявшихся в эти районы, так и для самого Российского государства. Объяснены причины недовольства, которое вызвала у участников Второй Камчатской экспедиции карта Делиля. Раскрыт механизм удавшейся провокации, которую организовал Ж. Н. Делиль с целью заставить Россию раскрыть засекреченные результаты экспедиции, при получении которых погибло столько людей, в том числе его брат, Л. Делиль де ля Кройер, и Витус Беринг. Показано, что Ж. Н. Делиль не только не скрывал заслуги последнего, но был первым, кто раскрыл их миру, изложив всю имеющуюся у него информацию.

Abstract. The article analyzes the history of the map of the North Pacific Ocean, which was prepared in 1731 for the Second Kamchatka Expedition by J. N. Delisle. The history of the appearance of various islands and «lands» on the maps of that time is briefly related as well as the way in which the configuration of the continental coastlines have been determined. The historical question «did America meet Asia» is also discussed. It is shown that the famous Delisle's map which caused so many disputes, «Carte représentant la situation et la distance de la Tartarie Orientale iusquax <Sic!> terres les plus voisines de l'Amérique <...> », is neither fixative, nor reporting, nor representative but a targeting one. That means that all the issues that needed to be resolved should be grouped on it, all the disputed lands indicated to check their existence and, if they are discovered, their outlines. The article reveals the destructive character of the secrecy regime for both the XVIII century expeditions to these regions and for the Russian state itself. The article also explains the reasons for the dissatisfaction caused by the Delisle's map to the members of the Second Kamchatka Expedition. It explores the mechanism of a successful provocation, organized by J. N. Delisle in order to force Russia to reveal the secret results of the expedition in which so many people died, including his brother, L. Delisle de La Croyère, and Vitus Bering. It is shown that J. N. Delisle, far from hiding the merits of the latter, was the first to reveal them to the world, making public all the information he had.

Ключевые слова: Делиль, Беринг, Камчатка, Тихий океан, Алеутские острова, Курильские острова, карты.

Keywords: Delisle, Bering, Kamchatka, Pacific Ocean, Aleutian islands, Kurile islands, maps.

Ирина Гузевич
Irina Gouzevitch

Пётр I и Восток, или Восточный контекст российской европеизации Peter Ist and the East, or the Eastern context of the Russian Europeanisation

Аннотация. Статья увязывает восточную политику Петра I со всеми работами, представленными в сборнике трудов XI Международного петровского конгресса «Пётр I и Восток», проходившего в Санкт-Петербурге 1–2 июня 2018 г. Тема, не очень хорошо осознаваемая теми, кто работает над про-

блемами европеизации России в Петровскую эпоху, была сделана темой конгресса благодаря двум политико-культурным событиям: 2018 год был объявлен Годом Японии в России, а также Годом туризма Россия – Индия. Ввиду обширности темы, за основу был взят географический принцип и указаны границы: все территории, восточнее западного Прикаспия, условно говоря, «Восток восточный». В то же время за границами внимания остался «Восток западный», центром которого являлась Османская империя с её вассалами. Сборник разбит на четыре части: «Прикаспий и Персия», «Китай», «Сибирь и Дальний Восток» и «Петровская Россия и Восток в исторических источниках и музейных коллекциях». Цель статьи – объединение всех статей, представленных в сборнике трудов конгресса, в единый информационный блок о восточной политике Петра.

Abstract. The article links the Eastern policy of Peter Ist with all the works presented in the proceedings of the XI-th International Petrine Congress «Peter Ist and the East», held in St. Petersburg on June 1–2, 2018. The topic, which was barely perceived by those who work on the problems of Europeanization of Russia in the Petrine era, was made the central theme of the congress due to two political and cultural events: 2018 was declared the Year of Japan in Russia, as well as the Year of Russia-India Tourism. The topic being too wide, the organizers decided to limit its geographical boundaries by all the territories east of the western Caspian, the so called «Eastern East», whereas the «Eastern West», with the Ottoman Empire with its vassals as its center, remained outside the scope of attention. The book is divided into four parties: «Caspian region and Persia», «China», «Siberia and Far East» and «Petrine Russia and the East in the historical sources and patrimonial museum collections». The purpose of the article is to present all the papers published in the proceedings of the congress as an articulated homogenous information block dealing with the Eastern policy of Peter Ist.

Ключевые слова: Пётр I, Персидский поход 1722–1723, Сибирь, Дальний Восток, Вторая Камчатская экспедиция, Китай.

Keywords: Peter Ist, Persian Campaign 1722–1723, Siberia, Far East, Second Kamchatka expedition, China.

Елена Ивановна Иноземцева
Elena Inozemtseva

О союзниках России в западном Прикаспии в 1722–1735 годах The Allies of Russia in Western Pre-Caspian Region in 1722–1735

Аннотация. Автор, обобщив и дополнив имеющиеся сведения, показывает место и роль иррегулярных драгунских эскадронов кабардинцев, калмыков, порубежного южнорусского казачества, грузин, армян и др. как союзников России в контексте масштабной внешнеполитической акции Петра Великого в Западном Прикаспии.

Abstract. In this article the author, having generalized and having added the available data, shows the place and role of irregular dragoon squadrons of Kabardinians, Kalmyks, South Russian Cossacks, Georgians, Armenians, and others as Russia's allies in the context of the large-scale foreign policy action of Peter the Great in the Western Pre-Caspian region.

Ключевые слова: Пётр Великий, Дербент, Терки, крепость Святой Крест, кабардинцы, калмыки, казаки.

Keywords: Peter the Great, Derbent, Terki, Holy Cross fortress, Kabardians, Kalmyks, Cossacks.

Дмитрий Николаевич Копелев
Dmitry Kopelev

**Мадагаскарская экспедиция Петра Великого 1723–1724 годов:
Замысел и воплощение (новые документы и интерпретации)
Madagascar expedition of Peter the Great 1723–1724:
Design and Implementation (New Documents and Interpretations)**

Аннотация. Статья посвящена первым попыткам организации российского заморского плавания в 1723–1724 гг. С одной стороны, автор рассматривает «секретное плавание» Петра Великого на Мадагаскар и в Индию как комплексный имперский проект с далеко идущими геополитическими задачами, направленными на политическое доминирование в Европе и строительство российской колониальной империи. Он был продолжен преемниками Петра I и привел к русским кругосветным экспедициям XIX в. С другой стороны, исследуя политико-географические реалии, автор фокусирует внимание на общих вопросах организации дальнего морского плавания, анализируя проблемы заморского плавания с точки зрения соответствия политико-географической реальности и конкретных замыслов политиков. Изучение документов экспедиции, в частности, применение понятий «король» и «республика», позволил ему пересмотреть традиционные взгляды на подготовку экспедиции, и определить, насколько данный мифологический образ соответствовал действительному положению дел в пиратском демократическом сообществе, а также уточнить хронологические рамки экспедиции. Органично вписываясь в рамки авантюрного романа эпохи Просвещения, тайная русская экспедиция в Индийский океан словно бы проецировала на XVIII в. традиции гомеровского эпоса с его недосказанностью, двусмысленностью, секретной дипломатией и элементами детектива.

Abstract. The article is devoted to the first attempts of the Russian Empire to organize overseas navigation in 1723–1724. On the one hand, the author views Peter the Great's «secret voyage» to Madagascar and India as an integrated imperial geopolitical project aimed at political domination in Europe and the construction of the Russian colonial empire, which was continued by the successors of Peter I and led to XIX c. Russian circumnavigation expeditions. On the other

hand, the article focuses on the general issues of the organization of long-sea navigation, analyzes the issues of overseas navigation in terms of compliance with the political and geographical reality and the specific intentions of politicians. Exploring the documents of the expedition, in particular, the use of the concepts of «king» and «republic», allowed the author to revise traditional views on the preparation of the Madagascar expedition, and determine how this mythological image corresponded to the actual state of affairs in the pirate democratic community, and also to clarify the chronological framework of the expedition. Organically fitting into the framework of the adventure novel of the Enlightenment, a secret Russian expedition to the Indian Ocean seemed to be projected onto the XVIII century. the traditions of Homer's epic with its understatement, ambiguity, secret diplomacy and elements of a detective story.

Ключевые слова: Российская история, история науки, географические открытия, история навигации, Пётр Великий, история Российского флота, кругосветные экспедиции, пираты, якобитское движение.

Keywords: History of Russia, History of Science, Age of Exploration, History of Navigation, Peter the Great, History of Russian Navy, Circumnavigation, pirates, Jacobites.

Елена Фёдоровна Королькова
Elena Korolkova

**Золото Сибири: Коллекция Петра I
и геополитические интересы России**
**The Siberian gold: Peter the Great's Collection
and Russian geopolitical interests**

Аннотация. Статья посвящена истории происхождения Сибирской коллекции Петра I – самого раннего археологического собрания России, сложившегося в первой четверти XVIII в., и начальному этапу музейного коллекционирования. Вместе с тем история науки и музейного дела тесно переплетаются с драматическими историческими событиями, географическими исследованиями и освоением новых территорий в Петровскую эпоху в период образования Российской Империи. Восточный вектор политики Петра I и поиски торговых путей на Восток имели побочный результат в виде знакомства с памятниками культуры древних народов, что в конечном счёте побудило к их научному исследованию. Поиски источников золота в государственных интересах сопровождалась грабительскими раскопками древних курганов Сибири и Центральной Азии, откуда и происходят знаменитые сокровища Сибирской коллекции. Эти находки, вызвав живой интерес царя, побудили его инициировать впервые в России научные археологические раскопки. Вопрос о выяснении точного происхождения хранящихся в Эрмитаже предметов древнего искусства из Сибирской коллекции по-прежнему остаётся открытым.

Abstract. This essay is devoted to the history of the Peter the Great's Siberian Collection provenance. This treasure is the earliest Russian archaeological

collection which was gathered in the early XVIII century during the period of establishment of Russian Empire. It was the time of geographical investigations and Russian expansion to the East searching the new trade ways. Expeditions of the earliest explorers and pioneers besides reached the Central Asian countries to know the lands, geography and searching the sources of gold. Sometimes in their raids they paid with their lives but sometimes they found the ancient treasures in numerous burial mounds from where they dug out the golden ornaments and personal adornments. These splendid finds were sent from Siberia by prince Gagarin and gathered in the palace collection of the Russian tsar in Saint Petersburg. Peter the Great was the first in Russia who initiated the scholar interest to these antiquities and initiated the first scientific archaeological excavations in Siberia.

Ключевые слова: Сибирская коллекция Петра I, золото, Средняя Азия.

Key words: Peter the Great's Siberian collection, gold, Central Asia.

Игорь Владимирович Курукин
Igor Kurukin

Управление «новоприсоединёнными провинциями» после Персидского похода 1722–1723 годов: Имперские надежды и восточные «обычаи»
Management of «Newly Added Provinces» after the Persian Campaign 1722–1723: Imperial Hopes and Eastern «Customs»

Аннотация. Пребывание российского экспедиционного корпуса в «новоприсоединённых провинциях» Ирана в 1722–1735 гг. стало первым масштабным опытом по организации управления «заморскими» владениями, отличавшимися от метрополии природными условиями, социально-политическим устройством и образом жизни его обитателей. Документы Кабинета и Коллегии иностранных дел показывают, как непросто давалось российской администрации понимание «персидских» и «горских дел». Российские власти столкнулись с этнической и социальной пестротой и конфессиональными различиями населения; с устойчивыми традициями государственности в Иране и с порядками «вольной» службы и номинального «подданства» у владельцев и сельских обществ Дагестана, что заставляло вырабатывать новые приёмы для подчинения «новоподданных людей».

Abstract. The stay of the Russian expeditionary corps in the «newly added provinces» of Iran in 1722–1735 became the first large-scale experience in organizing the management of «overseas» possessions that differed from the metropolis by natural conditions, the socio-political structure and the way of life of its inhabitants. The documents of the Cabinet and the Collegium of Foreign Affairs show how difficult it was for the Russian administration to understand the «Persian» and «mountain affairs». The Russian authorities were confronted with ethnic and social variegation and confessional differences in the population; with the stable traditions of statehood in Iran and with the

orders of «free» service and nominal «citizenship» from the rulers and rural communities of Dagestan, which made it necessary to work out new methods for subordinating «new-citizens»

Ключевые слова: Пётр I, Персидский поход, Низовой корпус, Гилян, Дагестан.

Keywords: Peter I, Persian campaign, Nizovy Corps, Gilan, Dagestan.

Татьяна Александровна Лаптева
Tatyana Lapteva

Дербент в составе Российской империи: Письма коменданта полковника А. Т. Юнгера в Кабинет Е.И.В. (1722–1725)
Derbent as a part of the Russian Empire: letters of the commandant colonel A. T. Yunger to the Cabinet of his Imperial Majesty (1722–1725)

Аннотация. Доклад посвящён положению завоеванного Россией бывшего персидского города Дербента в конце царствования Петра I. Руководить им по указу императора был оставлен комендант полковника А. Т. Юнгер, его донесения кабинет-секретарю А. В. Макарову содержат сведения о состоянии города, отражении нападений горцев, известия о передвижении войск, намерениях горских владетелей, персидского шаха и турецкого султана, сборе пошлинных и отправке в Петербург местных товаров.

Abstract. The report is devoted to position of the former Persian city of Derbent won by Russia at the end of Peter I's reign. The colonel's commandant A. T. Yunger the decree of the emperor has been appointed to direct the city, his reports an office secretary to A. V. Makarov contain data on a condition of the city, reflection of attacks of mountaineers, news of movement of troops, intentions of mountain possessors, the Persian shah and the Turkish sultan, collecting duty and sending to St. Petersburg local goods.

Ключевые слова: Дербент, А. Т. Юнгер, Пётр I, Персидский поход, А. В. Макаров.

Keywords: Derbent, A. T. Yunger, Peter I, Persian campaign, A. V. Makarov.

Дмитрий Алексеевич Лобанов
Dmitry Lobanov

Шведские пленники и строительство Сибирских заводов в 1720-е годы
Sweden prisoners of war and building of Siberian factories in 1720s

Аннотация. В статье рассматривается роль шведских военнопленных Северной войны в строительстве, охране и организации производства на горных заводах Урала и Сибири в первой четверти XVIII в.

Abstract. This article analyzes the role of Great Northern War (1700–1721) Sweden prisoners of war, in building, protection and manufacture organization of Ural factories during first quarter of XVIII century.

Ключевые слова: Горные заводы, военнопленные, Сибирь, Урал, иностранные специалисты.

Keywords: Mining plants, prisoners of war, Siberia, the Urals, foreign experts.

Тамара Петровна Мазур
Tamara Mazur

**Восточная политика Петра I в документах
Российского государственного архива Военно-Морского Флота
Eastern policy of Peter I in the documents of Russian State Naval Archives**

Аннотация. Восток был одной из целей Петра I. Осуществление восточной политики не могло обойтись без военно-морского флота и его специалистов. О вкладе флота свидетельствуют материалы более 10 фондов архива. Это документы об установлении отношений России с государствами Средней Азии, Персией, Индией и Китаем, деятельности научных экспедиций по съёмке Каспия, Сибири и Камчатки; организации «секретной» экспедиции на Мадагаскар, Персидском походе и деятельности Первой Камчатской экспедиции В. Й. Беринга.

Материалы архива – источник для изучения истории России и мировых цивилизаций.

Abstract. The East was one of Peter I ambitions. The Eastern policy-making was impossible without the Navy and naval specialists. Materials of more than 10 funds of the Archives witness the Navy contribution. They are the documents about establishing relations with the states of Central Asia, Persia, India and China; about activities of science expeditions for exploration survey of the Caspian Sea, Siberia and Kamchatka; about arranging a «secret» expedition to Madagascar; about Persian campaign and the First Kamchatka expedition by Vitus Bering.

The Archives materials are the source for study of Russian and world civilizations history.

Ключевые слова: Восточная политика, военно-морской флот, Россия, Пётр I, Российский государственный архив Военно-Морского флота.

Keywords: Eastern policy, the Navy, Russia, Peter I, Russian State Naval Archives.

**Письмо амстердамского друга
A Letter from an Amsterdam friend**

Аннотация. В 1698 г. в Гамбурге были изданы записки Адама Бранда (Adam Brand), содержавшие новые сведения о Сибири и Китае. Их автор был участником посольства, отправленного в Пекин царем Петром I. Именно Бранд первым опубликовал в Западной Европе оригинальное описание пути из России в Китай. В 1699 г. книга была переиздана в Амстердаме на французском языке. В качестве приложения здесь имелось анонимное «письмо о современном состоянии Московии». Оно является первым в европейской литературе описанием начального этапа государственной деятельности Петра I. Автор статьи анализирует содержание «письма» и обосновывает гипотезу о том, что его написал амстердамский бургомистр, учёный-любитель и друг русского царя Николаас Витсен (Nicolaas Witsen).

Abstract. The notes by Adam Brand, containing new information about Siberia and China were published in 1698 in Hamburg. Their author was a member of the embassy sent to Beijing by Tsar Peter I. It was Brand who first published the original description of the way from Russia to China in Western Europe. The book was republished in Amsterdam in French in 1699. As an application, there was an anonymous «letter about the current state of Muscovy». It is the first in the European literature description of the initial stage of the state activity of Peter I. The author of the article analyzes the content of the «letter» and substantiates the hypothesis that it was written by the Amsterdam mayor, amateur scholar and friend of the Russian Tsar Nicolaas Witsen.

Ключевые слова: Адам Бранд, Китай, Сибирь, Пётр I, Николаас Витсен.
Keywords: Adam Brand, China, Siberia, Peter I, Nicolaas Witsen.

Светлана Олеговна Никиташина
Svetlana Nikitashina

**Николай Дмитриевич Делиль де ла Кройер – горный инженер
Nikolai Dmitrievich Delil de La Croyer – a mining engineer**

Аннотация. В статье описывается жизнь и деятельность Н. Д. Делиля де ла Кройера (1741–1795) – горного инженера, сына Луи Делиля де ла Кройера, астронома, картографа, путешественника, экстраординарного профессора астрономии Петербургской Академии наук. Сделан обзор литературы о нём. Определены должности, которые он занимал в Канцелярии Колывано-Воскресенских горных заводов в период с 1772 по 1795 гг. Установлено имя сына – Якова Делиля де ла Кройера, окончившего в 1797 г. Горного училище.

Abstract. The article describes the N. D. Delil de La Croyer's life and work (1741–1795), who was a mining engineer, son of Louis Delil de La Croyer

astronomer, cartographer, traveler, extraordinary Professor of astronomy of the St. Petersburg Academy of Sciences. A review of the literature about him was made. The positions that he held in the office of The Kolivan-Voskresensk mining factories in the period from 1772 to 1795 have been identified. The name of Jacob Delil de La Croyer's son, who graduated in 1797 from the Mining College has also been discovered.

Ключевые слова: Н. Д. Делиль де ла Кройер, горный инженер, 1741–1795, Колывано-Воскресенские горные заводы, Яков Делиль де ла Кройер.

Keywords: Nikolai Dmitrievich Delil de La Croyer, mining engineer, 1741–1795, The Kolivan-Voskresensk mining factories, Jacob Delil de La Croyer.

Татьяна Павловна Петерс
Tatyana Peters

**Источники сведений в донесениях Я. Елчина для Петра I
о Японии и Тихоокеанском побережье России от 1719 года
(по документам РГАДА)**
**Sources of information in reports of Ya. Elchin for Peter I
about Japan and the Pacific coast of Russia of 1719
(according to documents of RGADA)**

Аннотация. В основу статьи положены документы Российского государственного архива древних актов. Их автор – воевода Якутского уезда Тобольской губернии полковник Яков Агеевич Елчин. До настоящего времени в полном объеме они не известны исследователям. В процессе анализа проведена атрибуция документов, в результате которой установлено, что они предназначались Петру I. В статье сообщаются биографические сведения о служивых людях – казаках и землепроходцах Тихоокеанского побережья России, Камчатки и Курильских островов. Их донесения, устные и письменные, о географическом положении обследованных территорий, уровне общественного и экономического развития населяющих их аборигенов, их быте, языке, внешности, традициях, имевшихся связей с внешним миром, были использованы Елчиным в составленных им документах. Также прослеживаются династии, родоначальниками которых стали первопроходцы.

Abstract. The article is based on the documents of the Russian state archive of ancient acts. The author is the Governor of Yakutsk uyezd of Tobolsk province, Colonel Jacob Ageevich of Elchin. To date, they are not fully known to researchers. In the process of the analysis of the attribution of documents, which established that they were intended to Peter I. the article reported biographical information about serving the people – the Cossacks and explorers of the Pacific coast of Russia, Kamchatka and the Kuril Islands. Their reports, oral and written, about the geographical position of the surveyed territories, the level of social and economic development of the aboriginal people, their life, language, appearance,

traditions, existing links with the outside world, were used by Elchin in the documents compiled by him. Accompanied by the dynasty, the ancestors of whom were pioneers.

Ключевые слова: архивные документы, Пётр I, Восток, первопроходцы.

Keywords: archival documents, Peter I, East, pioneers.

Николай Николаевич Петрухинцев
Nikolay Petrukhintcev

**Восточный вектор петровских преобразований и предпосылки
реформы военных структур России**
**Eastern Vector of Peter the Great Transformations and Prerequisites
for the Reform of Russian Military Structures**

Аннотация. Статья посвящена влиянию «восточного фактора» на ранний этап военной политики Петра I. Анализируя ход и военные кампании малоизвестной русско-турецкой войны 1686–1700 гг., автор приходит к выводу, что она оказала существенное влияние на основы военной организации, реформированной Алексеем Михайловичем в 1650-е – 1670-е гг. и унаследованной и использованной Петром в годы русско-турецкой войны. Особенности театра военных действий и затяжной характер войны к концу её сделали прежнюю военную структуру малоэффективной и способствовали началу военных реформ Петра.

Abstract. The article is devoted to the «Eastern factor» influence on the early phase of Peter the First military policy. Analyzing the course of the military campaign, the little-known Russo-Turkish war of 1686 – 1700, the author comes to the conclusion that it had a significant impact on the foundations of the military organization, reformed by Alexei Mikhailovich in the 1650's – 1670-ies and inherited and used by Peter during the Russo-Turkish war. The peculiar properties of the theater of operations and the protracted nature of the war by the end of it made the former military structure ineffective and contributed to the beginning of military reforms of Peter.

Ключевые слова: Восточная политика Петра I, военные реформы XVII в., социальные структуры, полки «нового строя», регулярная армия, военная иерархия.

Keywords: Eastern Policy of Peter I, military reforms of the XVII century, social structures, regiments of the «new order», regular army, military hierarchy.

**Формирование восточной коллекции
Библиотеки Академии наук в петровскую эпоху
Formation of the Oriental books collection of the Academy of Sciences
Library in the Age of Peter the Great**

Аннотация. Рассматривается формирование восточной коллекции Библиотеки Академии наук в первой четверти XVIII в., в т.ч. в составе вошедших в нее частных библиотек, прежде всего, личной библиотеки Петра, других собраний. Отмечены основная тематика изданий в контексте развития европейского востоковедения, истории и характера связей России со странами Востока и культурных тенденций века Просвещения, а также роль Петра в развитии восточных фондов.

Abstract. The formation of the Oriental books collection of the Academy of Sciences Library in the first quarter of the XVIII century with the personal libraries of Peter and of others in its funds is discussed. The main themes of the publications in the context of the development of European Oriental studies, the features of Russia's relations with the East and cultural trends of the Age of Enlightenment as well as Peter's role in the development of the Library's Oriental collections are considered.

Ключевые слова: Пётр Великий, Библиотека Российской академии наук, востоковедение, XVIII в., филоориентализм.

Keywords: Peter the Great, Russian Academy of Sciences Library, Oriental studies, XVIII century, Philo-Orientalism.

Давид Иосифович Раскин
David Raskin

**Контакты Российской империи и стран Дальнего Востока при Петре I
и его наследниках в документах высших и центральных учреждений
Российской империи
The contacts of the Russian Empire and the countries of the Far East
under Peter I and his heirs in the documents of the higher and central
institutions of the Russian Empire**

Аннотация. В статье рассматриваются основные документы по истории контактов Российской империи со странами Дальнего Востока в XVIII в., хранящиеся в Российском государственном историческом архиве. Показано значение этих документов как исторических источников и их связи с документами, хранящимися в других архивах. Наибольший интерес среди этих документов представляют документы Святейшего Синода.

Abstract. The article reviewed the main documents on the history of contacts of the Russian Empire with the countries of the Far East in the XVIII century, which are stored in the Russian State Historical Archives. The article shows the

significance of these documents as historical sources and their connection with documents stored in other archives. The most interesting of these documents are the documents of the Most Holy Synod.

Ключевые слова: Российская империя, Дальний Восток, исторический источник, архив, Святейший Синод.

Keywords: Russian Empire, Far East, historical source, archive, Most Holy Synod.

Ирина Александровна Серова
Irina Serova

**Государев гость Семён Лузин: К вопросу установления
русско-китайских торговых отношений в конце XVII века
Sovereign Guest Semyon Luzin: on the establishment
of Russian-Chinese trade relations at the end of the XVII century**

Аннотация. В статье описан период становления российско-китайской торговли в конце XVII в., в том числе в начале царствования Петра I. Показана роль в этом ярославского купечества, в особенности торгового дома, принадлежавшего Семёну Лузину.

Abstract. The article describes the formative period of Russian-Chinese trade in the late XVII century, including the beginning of the reign of Peter I. The role in this of the Yaroslavl merchant class is shown, especially trading house belonged to Semyon Luzin.

Ключевые слова: российско-китайская торговля, Пётр I, ярославское купечество, Семён Лузин.

Keywords: Russian-Chinese trade, Peter I, Yaroslavl merchant class, Semyon Luzin.

Борис Михайлович Соколов
Boris Sokolov

**Образ китайского пейзажа в культуре петровской эпохи
Representation of the Chinese landscape in the Peter the Great's epoch**

Аннотация. В статье поднимается вопрос о предыстории «китайщины» второй половины XVIII в., проявившиеся в искусстве рококо и пейзажно-го парка, а также о возможном отражении китайских пейзажных мотивов в культуре Петровской России. До середины XVIII в. сведения о Китае и его культурном ландшафте доходили до Европы через описания путешественников и в особенности миссионеров. Две книги, вышедшие почти одновременно – «Посольство Ист-Индской компании» Й. Ньюхофа (1665) и «Иллюстрированный Китай» А. Кирхера (1667) представляют две линии в представлении Китая – реалистическую и фантазийную. Два эти вариан-

та представлены и в прикладном искусстве Европы XVII–XVIII вв., они смешиваются и дают индивидуальные образы Китая. Пример такого соединения – оформление дворца Монплеизр в Петергофе.

Abstract. The paper discusses the pre-history of the Chinese motifs later widespread in Rococo and landscape gardening, as well as their representation in Peter the Great's time. The information on the Chinese cultural landscape reached Europe in XVII and early XVIII centuries mainly via written accounts of travelers and especially missionaries. Two books, *The Embassy of the East-Indian Company* by J. Niuhof (1665) and *China illustrata* by A. Kircher (1667) embody two versions of representation, realistic and fantastic attitude. These attitudes mingled also in the European applied art of the epoch, producing peculiar pieces of art; one of which is decoration of Monplaisir palace in Peterhof.

Ключевые слова: Китайский пейзаж, китайский сад, путешествия в Китай.

Keywords: Chinese landscape, Chinese garden, travels to China.

Пётр Егорович Сорокин
Petr Sorokin

Окно в Европу: О сообщениях между западом и востоком по Невскому пути

Window to Europe: About communications between the West and the East on the Neva way

Аннотация. Включение Невы в систему евразийских коммуникаций относится к VIII в. Клады с арабскими монетами IX–XI вв., в окрестностях Петербурга, связаны с периодом функционирования путей «из варяг в греки» и «в арабы». Восточные товары поступали по этому пути, через Новгород и позднее в процессе ганзейской торговли (XII–XV вв.). В Московский период и в XVII в., когда Приневье принадлежало Швеции, страны Северной Европы искали здесь торговые пути на восток. Международная торговля с востоком и западом становится более интенсивной с основанием Петербурга - в петровское время, когда Россия прочно утвердилась на Балтике и расширила свои пределы на востоке.

Abstract. The inclusion of the Neva River in the Eurasian communication system refers to the VIII-th c. Treasures with Arab coins of IX–XI centuries, near St. Petersburg, associated with the period of functioning of the ways «from the Varangians to the Greeks» and «to the Arabs». Eastern goods arrived on this way, through Novgorod and later in the process of Hanseatic trade (XII–XV c.). In the Moscow period, in the XVII century, when Neva region belonged to Sweden, the Nordic countries were looking for trade routes to the East. International trade with the East and West becomes more intense with the founding of St. Petersburg - in the time of Peter the Great, when Russia is firmly established in the Baltic Sea and expanded its limits in the East.

Ключевые слова: Нева, водные пути, Петербург, Россия, торговля.

Keywords: Neva, waterways, St. Petersburg, Russia, trade.

Дневник Персидского похода 1722–1723 годов из Библиотеки Вольтера
A Diary of Persian Campaign of 1722–1723 from Voltaire's Library

Аннотация. Дневник неизвестного лица, ведённый во время Персидского похода Петра I, с 1722 по 1724 г., сохранившийся среди рукописей, собранных Вольтером для работы над его «Историей Российской империи при Петре Великом» (1759–1763). Дневник сопровождается выдержками из мемуаров Дж. Белла (Лондон, 1764) и П. Г. Брюса (Лондон, 1782).

Abstract. The diary of an unknown participant of Peter the Great's Persian campaign, written from 1722 to 1724. The document has been preserved in Voltaire's library (National Library of Russia), among the manuscripts gathered by the writer for his work on L'Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand (1759–1763). The diary is accompanied by excerpts from the memoirs of John Bell (London, 1764) and Peter Henry Bruce (London, 1782).

Ключевые слова: Персидский поход 1722–1723 гг., Пётр I, дневники, воспоминания.

Keywords: Peter the Great's Persian campaign of 1722–1723, diaries, memoirs.

Татьяна Олеговна Суркова
Tatyana Surkova

Коллекция восточного фарфора Петра Великого
в петергофском Монплезире
Oriental porcelain collection of Peter the Great
in Peterhof Monplaisir

Аннотация. Фарфоровые изделия, входящие в состав Восточной коллекции ГМЗ Петергоф и присутствующие в качестве декора в Лаковом кабинете Монплезира, связаны с именем Петра I и по праву относятся к удивительным, дошедшим до нашего времени, несмотря на свою хрупкость, памятникам декоративно-прикладного искусства. Собранию петровской коллекции фарфора Монплезира послужили три события: посольство И. Э. Идеса и А. Бранда (1692–1695) в Китай, размещение Великого посольства (1697–1698) на территории двора Ост-Индской Компании, в совет директоров которой входил Николаас Витсен, и посольство Л. В. Измайлова (1719–1721).

Abstract. The porcelains included in the Oriental collection of state preserve museum Peterhof and serving as decorative components in the Lacquer room of Monplaisir are connected to the name of Peter the Great and rightly are referred to as wonderful works of decorative-applied art that survived to our days despite fragility. Three events resulted in forming of the collection: the embassy of I. E. Ides and A. Brand (1692–1695) to China, disposition of the Grand Embassy

(1697–1698) on the territory of the East India Company court, which had Nicolaes Witsen as a member of board of directors; and also the embassy of L. V. Izmailov (1719–1721).

Ключевые слова: Петергоф, музейные коллекции, восточный фарфор, Китай, дипломатические миссии.

Keywords: Peterhof, museum collections, oriental porcelain, China, diplomatic missions.

Михаил Григорьевич Талалай
Mikhail Talalay

**Франческо Локателли — (несостоявшийся) участник
Второй Камчатской экспедиции
Francesco Locatelli, (unaccomplished) member
of the Second Kamchatka Expedition**

Аннотация. Франческо Локателли (1687–1770) является типичным персонажем авантюрного XVIII в.: итальянец, ставший полковником Французской армии, консультант Испании, Турции, Венеции по военно-дипломатическим вопросам, преимущественно восточным. В единственной опубликованной им книге «Московитские письма» (1736) он, в тенденциозной форме, описывает свой русский опыт 1733–1734 гг., когда, прибыв в Петербург с подложными документами, он через братьев Делиль вошёл в состав Второй Камчатской экспедиции, но был задержан в Казани. После 9-месячного заточения в Петербурге Локателли был выслан, без судебного процесса, из России.

Abstract. Francesco Locatelli (1687–1770) was a typical character of an adventurous 18th c.: an Italian, who became a colonel in the French army, an adviser to Spain, Turkey and Venice on military and diplomatic issues, mostly Eastern ones. In his only book, *The Muscovian Letters* (1736), he describes in a tendentious form his Russian experience in 1733–1734 when, upon his arrival in St. Petersburg with false documents, he joined with a help of brothers De L'Isle the Second Kamchatka Expedition, but was detained in Kazan. After 9 months in a St. Petersburg prison, Locatelli was released and expelled from Russia without a trial.

Ключевые слова: Франческо Локателли, Вторая Камчатская экспедиция, Делиль, Петербург.

Keywords: Francesco Locatelli, Second Kamchatka Expedition, De L'Isle, St. Petersburg.

Восточные колонии Астрахани в эпоху Петра I
Eastern colonies of Astrakhan in the era of Peter I

Аннотация. В XVII–XVIII вв. Астрахань играла ведущую роль в торговых связях России со странами Востока. К началу XVIII в. здесь сложились крупные восточные колонии, получившие названия торговых дворов – Индийского, Армянского, Бухарского и других. В них проживали приезжие из Персии, Индии, среднеазиатских стран, занимавшиеся торговлей и ремеслом. Астраханские колонии являлись самоуправляемыми общинами, их население пользовалось свободой вероисповедания, не несло никаких повинностей в пользу Российского государства. Но при этом восточные иноземцы обязаны были оплачивать таможенные и иные сборы, а также были подотчётны астраханским властям в вопросах взаимоотношений с местным населением, передвижений за пределы Астрахани, заключения сделок.

Abstract. In the XVII–XVIII century Astrakhan played a leading role in Russia's trade relations with the countries of the East. By the beginning of the XVIII century here there were large eastern colonies, which received the names of trading yards – Indian, Armenian, Bukhara and others. They were inhabited by visitors from Persia, India, Central Asian countries, engaged in trade and craft. The Astrakhan colonies were self-governing communities, their population enjoyed freedom of religion, did not incur any obligations in favor of the Russian state. But at the same time, the foreigners had to pay customs and other charges, and were also accountable to the Astrakhan authorities in matters of relations with the local population, movements outside of Astrakhan, making deals.

Ключевые слова: Астрахань, восточные колонии, купцы, XVIII в.

Keywords: Astrakhan, eastern colonies, merchants, XVIII century.

Михаил Витальевич Шкаровский
Mikhail Shkarovskiy

Основание Петром I и деятельность
Русской Православной Духовной миссии в Китае
Foundation by Peter I and activity
of the Russian Orthodox Spiritual mission in China

Аннотация. В истории религиозной политики петровского царствования особый интерес представляет изучение деятельности Российской Духовной Миссии в Китае, которая была самой ранней по времени основания из подобных Миссий в Российской империи. Пётр I ещё в 1700 г. издал указ о караванной торговле и миссионерской деятельности православного духовенства в Сибири и Цинской империи. В нём сказано, что государь,

обсуждая с Патриархом кандидатуру Тобольского митрополита, ставил ему задачу проповедовать христианство в Китае и Сибири. Миссия была официально учреждена в 1712 г. В её состав вошли архимандрит, иеромонах, иеродиакон и семь причетников. В апреле 1715 г. Духовная Миссия прибыла в Пекин и сразу развернула активную миссионерскую и дипломатическую деятельность. В 1721 г. был поставлен во епископа и назначен начальником Российской Миссии в Китае святитель Иннокентий Иркутский. Он не был допущен в Пекин, но внёс заметный вклад в развитии христианства среди народов Китая. В целом Миссия сыграла важнейшую роль в деле становления российско-китайских отношений, стала центром научного изучения Китая, школой подготовки первых русских китаеведов. До 1860-х гг. она выполняла и дипломатические функции. Деятельность Российской Духовной Миссии успешно развивалась до 1917 г., достигнув своего пика в начале XX в.

Abstract. In the history of the religious policy of Peter the great's reign, the study of the Russian Spiritual Mission in China, which was the earliest in the time of the founding of such Missions in the Russian Empire, is of particular interest. Peter I in 1700 issued a decree on caravan trade and missionary activity of Orthodox clergy in Siberia and the Tsin Empire. It says that the sovereign, discussing with the Patriarch the candidacy of the Tobolsk Metropolitan, set him the task of preaching Christianity in China and Siberia. The mission was officially established in 1712. The delegation included Archimandrite, monk, deacon, and seven the Junior. In April 1715, the Spiritual Mission arrived in Beijing and immediately began an active missionary and diplomatic activity. In 1721, he was made Bishop and appointed head of the Russian Mission in China, St. innocent of Irkutsk. He was not admitted to Beijing, but made a significant contribution to the development of Christianity among the peoples of China. In General, the Mission played a major role in the formation of Russian-Chinese relations, became the center of scientific study of China, the school of training of the first Russian sinologists. Until the 1860s. it also performed diplomatic functions. The activity of the Russian Spiritual Mission successfully developed until 1917, reaching its peak in the early XX century.

Ключевые слова: Китай, Русская Православная Церковь, Духовная Миссия, Пётр I, Пекин.

Key words: China, Russian Orthodox Church, Spiritual Mission, Peter I, Beijing.

Владимир Николаевич Яранцев, Наталья Альбиновна Силантьева
Vladimir Yarantzev, Natalya Silantyeva

Первые шаги русской китайщины First Steps of Russian Chineseness

Аннотация. Статья посвящена генезису стиля Шинуазри в России от Петра I до Елизаветы I в сравнении с Западной Европой. Охарактеризованы основные этапы развития китайского стиля. Отмечена особенность его развития в России как стране, имеющей общую границу и дипломатические отношения с Китаем. Рассматриваются интерьеры Екатерининского дворца и детально описан первый в России интерьер Шинуазри во дворце Монплеизир. Показано, что в России все этапы развития китайского стиля проявились одновременно.

Abstract. The article is dedicated to the chinoiserie style in Russia from the period of Peter the Great till the period of Elizabeth I in comparison with Western Europe. The major stages of evolution of Chinese style are described. The author highlights the distinctive feature of its evolution in Russia – the country with the common border and diplomatic relations with China. The interiors of the Catherinehof palace are observed, and the first Russian chinoiserie interior in Monplaisir palace is described in detail. It is shown that all stages of evolution of Chinese style in Russia developed concurrently.

Ключевые слова: Барокко, Китайский стиль, Лаки, Пётр I, Шинуазри.

Keywords: Baroque, Chinese style, Lacquers, Peter the Great, Chinoiserie.

Список сокращений

АВПРИ	— Архив внешней политики Российской империи Историко-документального департамента Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва)
Архив СПбИИ РАН	— Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Санкт-Петербург)
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БАН	— Библиотека Академии наук
ВАК	— Высшая аттестационная комиссия
ВГО	— Всесоюзное географическое общество
ВГУ	— Воронежский государственный университет
ВИЕТ	— Вопросы истории естествознания и техники
ВИМОИДР	— Временник Императорского Московского Общества истории и древностей российских
ГААК	— Государственный архив Алтайского края
ГААО	— Государственный архив Астраханской области
ГАСО	— Государственный архив Свердловской области
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГМЗ	— Государственный музей-заповедник
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ДППС	— Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИОИДР	— Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии, изд. Археологической комиссией)
МАР	— Материалы по археологии России
МГИМО	— Московский государственный институт международных отношений
МГУ	— Московский государственный университет

МИД РФ	— Министерство иностранных дел Российской Федерации
НАРК	— Национальный архив Республики Калмыкия
НИА СПбИИ РАН	— Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург)
НИОРК БАН	— Научно-исследовательский отдел рукописной книги БАН
ОРЯС	— Отделение русского языка и словесности Имп. АН
ПиБ	— Письма и бумаги императора Петра Великого
ПСЗ-1	— Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание 1-е
РАН	— Российская Академия наук
РБС	— Русский биографический словарь
РГА ВМФ	— Российский государственный архив Военно-морского флота (Санкт-Петербург)
РГАДА	— (с 1941 — ЦГАДА, в 1985–1991 — ЦГАДА СССР) Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ	— Российская государственная библиотека
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РГГУ	— Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
РГИА	— (с 1941 — ЦГИАЛ, в 1961–1992 — ЦГИА СССР) Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РНБ	— Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
РНБ БВ	— Российская национальная библиотека, Библиотека Вольтера
Сб. ОРЯС	— Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. АН
Сб. ИРИО	— Сборник Императорского Русского исторического общества
СПбФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал архива РАН
СПбФ ИИЕТ РАН	— Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН
ЦГА РД	— Центральный государственный архив Республики Дагестан (Махачкала)
ЧИОИДР	— Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских
ANF	— Национальный архив Франции / Archives nationales de France (Париж)

Указатель имён¹

- Avril Philippe – см. Авриль Филипп
- Babkine A.*, историк – 167, 184
- Bassin Mark* (р. 1953), географ – 270–271
- Bell John – см. Белл Джон
- Bernard Henri* (1889–1975), французский иезуит, священник, миссионер в Китае, историк-публицист – 324, 328
- Birket-Smith K.* (1893–1977), датский филолог и антрополог – 314
- Black Joseph Laurence* (р. 1937), канадский историк – 314
- Blome Richard – см. Блоум Ричард
- Bochart Samuel – см. Бошар Самюэль
- Bourguet Marie-Noëlle, французский историк – 315, 350, 357
- Brand Adam – см. Бранд Адам
- Bricka Carl Frederik* (1845–1903), датский архивист, историк, биограф – 386, 403
- Bromley John Selwyn* (Бромли Джон Селвин; 1913–1985), британский военно-морской историк – 391, 403
- Brown Andrew – см. Браун Эндрю
- Bruce Peter Henry – см. Брюс Питер Генри
- Brucker Joseph* (1845–1926), историк, иезуит – 324, 328
- Bruyn Cornelis (Bruijn/Le Brun Corneille), de – см. Бруин (Брюйн) Корнелис, де
- Buache Philippe – см. Бюаш Филипп
- Buddeus Johannes Franciscus – см. Будде Иоганн Франц
- Busbeke Ogier Gisleen, van – см. Бусбек Ожье Гислен, де
- Carol Belkin Stevens – см. Кэрол Белкин-Стивенс
- Caussy Fernand – см. Косси Фернан
- Cereghini E.*, историк культуры – 236–237
- Chabin Marie Anne* (р. 1959), французский архивист – 314
- Collinson Peter – см. Коллинсон Питер
- Collis R.* (Коллис Роберт), специалист по истории России XVIII в. – 390, 403
- Comentale Christophe*, искусствовед и синолог – 324, 329
- Cronin Vincent* (1924–2011), британский писатель – 232, 237
- Cruikshanks E.* (Крюйскхэнкс Эвелин; р. 1926), исследователь политической истории Великобритании XVII–XVIII вв. – 394, 403
- Dapper Olfert – см. Даппер Ольферт
- De L'Isle J. N. – см. Делиль Жозеф-Николя
- Delisle (de L'Isle) Joseph-Nicolas – см. Делиль Жозеф-Николя
- Demidoff Paul – см. Демидов Павел Григорьевич
- Deshamps H. J.* – см. *Дешан Юбер Жюль*
- Di Salvo Maria – см. Ди Сальво Мария

¹ Курсивом выделены авторы публикаций, чьи имена встречаются только в ссылках. Жирным шрифтом выделены номера страниц авторов данного сборника.

- Erskine-Hill H.* (Эрскин-Хилл Ховард; 1936–2014), британский литературовед – 394, 403
- Fischer Raymond Henry* (1907–1994), американский историк
Francke Tobias – см. Франке Тобиас
- Gallizioli Giovanni Battista* – см. Галлициоли Джованни-Баттиста
Gebhard Johan Fredrik, нидерландский историк – 320, 329
Gmelin Johann Georg – см. Гмелин Иоганн Георг
Godwin Joscelyn (р. 1945), британский композитор, музыковед – 231, 237
Golder Frank Alfred – см. Гольдер Фрэнк Альфред
Gordon Patrick Leopold – см. Гордон Патрик Леопольд
Goussarova Larissa, историк, архивист – 315
- Hanable W. S.*, историк – 315
Headlam Cecil – см. Хедлам Сесил
Herbelot de Molainville Barthélemy, d' – см. Эрбело Бартелеми де Моленвиль, д'
Honour Hugh (1927–2016), британский историк искусства – 229, 231, 235–237
Hunt John Dixon (р. 1936), английский историк-пейзажист – 235, 237
- Ides Ysbrant Evert* – см. Идес Избрант
- Jarosch Günter*, немецкий фольклорист и историк – 315
- Kircher Athanasius* – см. Кирхер Атанасиус
Klein Olivier, студент, затем аспирант Университета Париж-VII – 315, 350, 357
Kölvig Ulla – см. Шёльвинг Улла
Koranev N. – см. Копанев Николай Александрович
Kraussen Johann-Ulrich – см. Краус[c] (Кройссен) Иоганн Ульрих
Kuhn G. – см. Кюн Габриэл
- Le Brun Corneille, de* – см. Бруин (Брюйн) Корнелис, де
Leeson Peter T. (Лисон Питер Т.; р. 1979), американский историк, социолог – 391, 403
Lewenhaupt Adam – см. Левенгаупт Адам Людвиг
Lincoln M. – см. Линкольн Маргарет Элен
Little Stephen (р. 1954), американский историк, художник – 470, 475
Locatelli Francesco – см. Локателли Франческо
Locatelli Sara, итальянская исследовательница – 359, 366
Ludolf Niob – см. Лудольф Иов
- Maximoff Vladimir*, переводчик – 315
Mazour Tamara – см. Мазур Тамара Петровна
Mervaud Michel – см. Мерво Мишель
Moracci Giovanna, итальянский филолог – 364, 366
Moreau Jean-Pierre (Моро Жан-Пьер; р. 1949), французский археолог – 392, 399, 403
Mortier Pierre – см. Мортье Пьер
Müller Gerhard Friedrich – см. Миллер Герард Фридрих
Muller S., переводчик – 316
Murdoch S. (Мурдох Стюв), специалист по истории Великобритании XVII–XVIII вв. – 390, 403
- Nieuhoff Johann* – см. Ньюхоф Йоханн
Noonan Thomas Schaub (1938–2001), американский историк, антрополог – 156, 163
Nesteuranoi Iwan – см. Руссе де Мисси Жан
- Obolenski M. A.* – см. Оболенский Михаил Андреевич
Olearius Adam – см. Олеарий (Олеариус) Адам
Omont Henri Auguste (1857–1940), французский историк – 327, 329

- Pesenti Maria Chiara*, итальянский филолог – 361, 366
- Posselt Moritz – см. Поссельт Мориц Фёдорович
- Rediker Marcus* (Редикер Маркус; р. 1951), американский историк – 391, 403
- Ryan W. F.* – см. *Райан Уильям Френсис*
- Shuvalov I. I. – см. Шувалов Иван Иванович
- Siedin Giovanna*, итальянский филолог – 364, 366
- Spiridonova Liudmila*, историк, архивист – 315
- Stroev V.* (нач. XX в.), историк – 166, 184, 316
- Tavernier Jean-Baptiste – см. Тавернье Жан-Батист
- Voltaire – см. Вольтер
- Willis Peter*, английский историк культуры – 235, 237
- Wills Rebecca* (Уиллс Ребекка), шотландский историк, специалист по истории русско-британских отношений – 390, 403
- Winter Eduard* (1896–1982), немецкий историк – 317
- Witsen Nicolaes – см. Витсен Николаус (Николаас)
- Woodard C.* (*Вударт Колин*; р. 1968), американский журналист, политолог, писатель-пиратолог – 391, 403
- Абдуллаев Абдул Магомедович* (р. 1987), археолог – 85–86
- Абдуллаев Гаси Бехбудович, азербайджанский историк – 373–374
- Абдусаламов Магомед-Паша Балашович*, историк – 32, 43
- Абиев Аскерхан Камалович* (р. 1986), археолог – 85–86
- Абрамов Л. (пер. треть XVIII в.), армянский купец, житель Астрахани – 191, 193
- Абу Яхья Закария ибн Мухаммад аль-Казвини (ок. 1203–1283) – автор соч. по географии «Чудеса стран», и «Достопамятности стран и сообщения о рабах Аллаха» и космографии «Чудеса сотворенного и дикувинки существующего» – 442
- Аваков Пётр Ашотович (р. 1978), историк – 19, 28, 30–31, 37, 39, 43, 169
- Август II Сильный (August II Мосну; 1670–1733), курфюрст Саксонии (с 1694), король польский и великий князь литовский (с 1697) – 444, 474
- Август Сильный – см. Август II Сильный
- Аветов Г. (пер. треть XVIII в.), армянский купец, житель Астрахани – 199
- Авиценна (Абу Али Хусейн ибн Абдуллах ибн аль-Хасан ибн Али ибн Сина; 980–1037), персидский учёный, философ и врач – 450
- Аврамов Семён (1696–1735), дипломат – 178
- Авриль Филипп (Avril Philippe; 1654–1698), французский иезуит – 411–412, 414, 421
- Ага Керим (кон. XVII в.), персидский купец – 54
- Ага Шамса (кон. XVII в.), персидский купец – 54
- Аганесова Жанна Владимировна* (р. 1963), историк – 95, 97
- Агеева Ольга Гениевна (р. 1956), историк – 19, 46, 54, 59, 63

- Ад-Дамири — см. Мухаммад ибн Муса ибн Иса Камаль ад-Дин ибн Ильяс ибн Абд-Аллах ад-Дамири
- Аддисон Джозеф (Addison Joseph; 1672–1719), английский публицист, драматург, политик и поэт — 236
- Адилъ-Гирей (ум. 1732), шамхал Тарковский, годы правления 1700–1725, государственный деятель Дагестана — 97–98, 102, 112, 172
- Ажи Мамет Багир (пер. пол. XVIII в.), служитель персидского посольства — 50
- Аистов Алексей Степанович (1803–?), горный офицер — 355
- Аистов Степан Алексеевич (1766–?), начальник Нерченских заводов — 355
- Аистова Елизавета Николаевна (урожд. Делиль де ла Кройер), дочь горного инженера — 349, 355
- Аит (нач. XVIII в.), казанской татарин, жил в Шемахе — 128
- Айдемир (пер. пол. XVIII в.), бей Эндери, кумыкский владетель — 32
- Айдер Мамет (нач. XVIII в.), «капрал» в отряде Имамсея — 120
- Айлак (нач. XVIII в.), «капрал» в отряде Имамсея — 120
- Айтемиров Василий Иванович (кон. XVII в.), дьяк — 139
- Акимов Юрий Германович (р. 1970), историк — 25, **261**, 263, 270
- Акинъшин Александр Николаевич (р. 1955), историк — 25, **367**, 369, 372, 374
- Аксамитов Дмитрий Васильевич (конец XVII — начало XVIII в.), архитектор, «каменных зданий художник», работал в стиле московского барокко — 470
- Албанез Иван (Албанд, Албанец, Албан-бек; ум. 1731), майор, командующий Сербским гусарским полком — 97
- Александр I Павлович (1777–1825), российский император — 430
- Александр II Николаевич (1818–1881), российский император — 441
- Александренко Василий Никифорович* (1861–1909), юрист, историк — 358, 365
- Александров Вадим Александрович* (1921–1994), историк — 223, 227, 370, 374
- Александровская Ольга Андреевна* (р. 1933), географ, историк науки — 308, 377–378, 381, 383
- Алексеев А.* (пер. треть XVIII в.), армянский купец, житель Астрахани — 194
- Алексеев Дмитрий Анатольевич*, писатель, историк — 308
- Алексеев Михаил Павлович* (1896–1981), литературовед — 262, 265, 270, 412, 420
- Алексеева Мария Андреевна* (1930–2011), искусствовед — 55, 63
- Алексеева Ольга Борисовна* (1930–2010), фольклорист, литературовед — 44
- Алексей Михайлович (1629–1676), русский царь — 20, 61, 65, 132–133, 135, 152, 222, 249, 330, 416, 424, 427
- Алексей Петрович (1690–1718), царевич, сын Петра I — 166, 443
- Али-паша Силяхдар (1667–1716), зять султана Ахмеда III, с 1713 верховный визирь Османской империи — 69
- Али салтан (нач. XVIII в.), один из дагестанских князей — 116
- Али (нач. XVIII в.), «капрал» в отряде Имамсея — 120
- Аль-Казвини — см. Абу Яхья Закария ибн Мухаммад аль-Казвини
- Альтман Владимир Владимирович* (пер. пол. XX в.), историк — 385
- Аммон Иван (Герман) Фёдорович* (1822–1874), юрист, публицист, переводчик — 211, 218, 401, 474
- Андемир (нач. XVIII в.), горский житель, агент наиба Имама Кулибека — 121
- Андреев (Юдин?) Иван — см. Юдин Иван Андреевич
- Андреев А. (пер. треть XVIII в.), армянский купец, житель Астрахани — 194

- Андреев Александр Игнатьевич* (1887–1959), историк – 291, 295, 304–305, 308–309, 412, 420
- Андреев Артём Алексеевич* (р. 1983), историк – 70
- Андрей Кесарийский (VI–VII вв.), свят., христианский богослов – 448, 451
- Андреянов Емельян (пер. пол. XVIII в.), поручик – 51, 53
- Андросов Сергей Олегович* (р. 1948), искусствовед – 211, 218, 444, 451
- Андрющенко Оксана Викторовна* (р. 1967), историк – 150, 152
- Анисимов Евгений Викторович (р. 1947), историк – 11, 17, 389, 401
- Анисимова Елена Анатольевна*, искусствовед – 256–257
- Анна Иоанновна (1697–1740), российская императрица, племянница Петра I – 24, 33, 43–44, 82, 97, 217, 251–252, 255–256, 350–351, 359, 363, 365, 462, 465
- Анна Петровна (1708–1728), герцогиня Голштинская, мать имп. Петра III – 211
- Анна Стюарт (Anne Stuart; 1665–1714), с 1702 королева Англии, Шотландии и Ирландии – 393
- Антоний (Платковский; 1682–1746), архимандрит Иркутского Вознесенского монастыря (1719), глава Второй (1729–1735) Пекинской духовной миссии – 463–464
- Антонова Зоя Алексеевна*, редактор – 249, 257, 260
- Антуфьев Никита Демидович (1656–1725), промышленник, основатель династии Демидовых – 23, 331
- Анчабадзе Юрий Дмитриевич* (р. 1953), историк – 368, 374
- Апостол Даниил Павлович (1654–1734), миргородский полковник, с 1727 по 1734 гетман Войска Запорожского – 90
- Апраксин Пётр Матвеевич (1659–1728), гр. с 1715, государственный деятель, ближний боярин с 1710, брат царицы Марфы Матвеевны, с 1724 действительный тайный советник – 47, 66–68, 199
- Апраксин Фёдор Матвеевич (1661–1728), гр. с 1709, государственный деятель, генерал-адмирал с 1709, брат царицы Марфы Матвеевны – 15, 33, 66, 107, 118–119, 128, 169, 178, 210, 212, 386–388, 395–397, 400, 405–408
- Арап Тарасанов (ум. 1723), свойственник исмея – 120
- Арапова Татьяна Борисовна* (р. 1938), искусствовед – 251, 257
- Арескин Роберт Карлович (Эрскин, Erskine Robert; 1674/77–1718), шотландец по происхождению, доктор медицины и философии, лейб-медик Петра I, архиатр, президент Медицинской коллегии – 434
- Арзуманян Завен Асланович*, армянский историк – 197, 207
- Арирамов Ж. (пер. треть XVIII в.), индийский купец, житель Астрахани – 192
- Аристов Вадим Владимирович* (р. 1959), историк, писатель, краевед – 161–162
- Аркашара (Юркашара) Пётр Степанович (пер. пол. XVIII в.), донской казачий старшина – 34
- Армянинов Аф. (пер. пол. XVIII в.), толмач Посольского приказа – 50
- Арсланов М. (пер. треть XVIII в.), армянский купец, житель Астрахани – 197
- Артамонов Владимир Алексеевич (р. 1940), историк – 19, 64, 66, 70
- Артёмьев П. (пер. треть XVIII в.), армянский купец, житель Астрахани – 199
- Артюнян П. Т.*, историк, автор монографии «Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в.» – 93, 98
- Асам бек (нач. XVIII в.), «капрал» в отряде Имамсея – 120
- Аслан-бек (нач. XVIII в.), ходжа, кабардинский князь – 107
- Асланова Мариам (пер. треть XVIII в.), армянка, с 1722 житель Астрахани – 187

- Астапенко Михаил Павлович* (р. 1951), историк – 31, 43
- Асти, де – см. Локателли Франческо
- Атей (нач. XVIII в.), бухарский бей – 69
- Афанасьев З. (пер. треть XVIII в.), армянский купец, житель Астрахани – 191
- Афанасьев Иосиф (нач. XVIII в.), участник 1-й православной миссии в Пекине – 241
- Ахмед III (1673–1736), султан Османской империи, правивший в 1703–1730 гг. – 65–66, 68, 445, 447, 453
- Ахмед-хан (1706 или 1711–1747), уцмий Кайтага, кумыкский владетель – 33, 101, 103
- Ахмет, Турский султан – см. Ахмед III, султан Османской империи
- Ачерби (пер. пол. XVIII в.), посол хивинского хана – 336
- Ашур Бек (пер. треть XVIII в.), хивинский посланник – 197
- Ашура (нач. XVIII в.), толмач – 109, 117, 125
- Ашурбейли Сара Балабек* (1906–2001), историк – 100, 104
- Аюка (Аюши; 1642–1724), с 1690 калмыцкий хан – 33, 65–66, 68–69, 92, 178, 180–182, 198, 408
- Бабич Марина Виленовна*, историк – 37, 44, 107, 129
- Багалец Дмитрий Иванович* (1857–1932), историк, краевед, общественный и политический деятель – 138, 140, 152
- Багро Алёна Викторовна, историк – 139–143, 152
- Багров Лев Соломонович* (Bagrow Leo; 1881–1957), историк картографии, путешественник – 308
- Баев А.*, историк – 308
- Базилевич Константин Васильевич (1892–1950), историк – 368, 370
- Байер Готлиб (Теофил) Зигфрид (Bayer Gottlieb Siegfried; 1694–1738), немецкий историк, востоковед, академик Санкт-Петербургской академии наук – 451, 453
- Байков Фёдор Исакович (ок. 1612–1663 или 1664), государственный деятель, и путешественник, дипломат – 437
- Байрамов сын (нач. XVIII в.), «кап-рал» в отряде Имамсея – 120
- Бакланова Наталья Аполлинарьевна* (1891–1977), историк – 471–472, 474
- Бакмейстер Иван Григорьевич* (Иоганн, Vasmeister Johann Vollrath; 1732–1788), библиограф немецкого происхождения – 450–451
- Бакадай Доржи (в крещении кн. Тайшин Пётр Петрович; ум. 1736), калмыцкий тайша, сын Чакдорджапа, калмыцкого военачальника, внук хана Аюки – 180–182
- Бакунин Василий Михайлович (1700–1766), этнограф, дипломат, переводчик, основоположник калмыковедения – 180–183, 323
- Бакунин Фёдор Иванович (1742–1775), горный офицер – 352
- Бакхёйзен Людольф (Backhuysen Ludolf; 1630–1708), голландский маринист – 444
- Балакеев Н. (пер. треть XVIII в.), житель Астрахани – 190
- Балакиев Т. (пер. треть XVIII в.), индийский купец, житель Астрахани – 195
- Баландин Сергей Николаевич* (1930–2004), архитектор – 280, 282
- Баларам (пер. треть XVIII в.), священнослужитель в индийской колонии в Астрахани – 201
- Балле Данило Петрович (1744–?), горный офицер – 352
- Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич* (1788–1850), историк и государственный деятель – 139–141, 152
- Баранов В. С.*, историк архитектуры, искусствовед – 277, 282
- Баренц Виллем (Varentsz Willem; 1550–1597), голландский мореплаватель и исследователь – 159

- Барон Б. (Baron B.; нач. XVIII в.), гравёр — 445
- Барсов Е. А. (втор. пол. XIX в.), архивист — 129
- Бартанов С. (пер. треть XVIII в.), армянский купец, житель Астрахани — 199
- Бартенева Пётр Иванович* (1829—1912), историк и литературовед — 420—421
- Барятинский Иван Фёдорович (1689—1738), кн., государственный и военный деятель — 174, 177, 180
- Барятинский Михаил Михайлович (пер. пол. XVIII в.), кн., полковник, в 1731—1733 комендант Дербента — 76, 82
- Барятинский Фёдор Юрьевич (рубеж XVII—XVIII вв.), окольный — 140
- Басевич Вадим Викторович*, историк, географ — 308
- Басов Семён (пер. пол. XVIII в.), обозный Дербентского пехотного полка — 83
- Бату Чакдорджабов (ум. 1738), калмыцкий нойон, внук хана Аюки — 33
- Бахрушин Сергей Владимирович (1882—1950), историк — 223—224, 226—227, 368, 370, 414, 420
- Бахты-Гирей (Bahti Geray; ум. 1729), сераскир-султан Кубанской орды, сын крымского хана Девлет-Гирея II — 188
- Баяхчаев Д. М. (пер. треть XVIII в.), хивинец, житель Астрахани — 187
- Беаусобри (Басобр) Леопольд Исаакович, де (ум. 1758), бригадир — 78
- Безобразов Иван Михайлович (пер. пол. XVIII в.), полковник с 1737, в 1731 комендант Дербента — 76
- Бек Абитек (пер. пол. XVIII в.), служитель персидского посольства — 50
- Бекович-Черкасский Александр (до принятия православия — Девлет-Гирей-мурза; ум. 1717), потомок кабардинских князей, руководитель военного похода 1714—1717 в Хивинское царство — 13, 23, 64—68, 89, 105—106, 194, 204, 335—337, 339, 406
- Бекович-Черкасский Эльмурза Бекмурзович (ок. 1700—1765), кабардинский князь, генерал-майор, младший брат Александра Бековича-Черкасского — 89, 96
- Белковец Лариса Прокопьевна* (р. 1941), историк — 308
- Белл Джон (Bell John; 1691—1780), шотландский врач на русской службе — 168, 172, 178, 183—184, 242, 337—338, 473, 475
- Белов Михаил Иванович* (1916—1981), историк, специалист в области географических исследований — 285, 300, 308
- Белозёр Иван (кон. XVII в.), лавочный сиделец С. О. Лузина, участвовавший в торговле с Китаем — 224
- Беляева Ирина Михайловна* (р. 1956), библиограф, с 2016 директор БАН — 435, 451
- Беляева Прасковья Ивановна*, географ — 308
- Бенбоу Джон (1653—1702), английский флотоводец, с 1701 вице-адмирал английского флота — 392
- Бенбоу Джон (1681—1708), офицер английского флота — 392
- Беневени Флорио (ум. 1725), итальянец, уроженец города Дубровник, на русской службе в 1708—1727, в 1718—1725 руководитель российского посольства в Бухару — 194, 205, 337, 340
- Бенуа Александр Николаевич (1870—1960), художник, историк искусства — 256—257
- Бенц (Бенс) Питер (ум. 1751), полковник, капитан над рижским портом (1736) — 395
- Берг Лев Семёнович* (1876—1950), зоолог и географ — 286—297, 308
- Берглин Юхан (пер. пол. XVIII в.), лейтенант драгунского полка Таубе, в 1719 поступил на русскую службу и произведён в капитаны, в 1720 возглавил горное начальство

- в Кунгуре, с 1723 командир Егошихинского медеплавильного завода – 343–344
- Бергман Вениамин Густавович (Bergmann Beniamin; 1772–1856), лютеранский пастор, писатель, переводчик – 265, 270
- Бердыев Х. (пер. треть XVIII в.), житель астраханского Агрыжанского двора – 192
- Березин Григорий (пер. треть XVIII в.), мореход и кормщик – 427
- Березницкий Сергей Васильевич*, историк – 309
- Беринг Витус Ионассен (Bering Vitus Jonassen, Иван Иванович; 1681–1741), датский мореплаватель, офицер русского флота – 13, 23, 285, 288–293, 295–298, 301, 305–306, 309–313, 321, 325, 380, 388, 409–410, 424, 429
- Беркан Иоганн Христиан (Berckhan Johann-Christian; 1709 – не ранее 1730-х), немецкий живописец – 381
- Берков Павел Наумович* (1896–1969), литературовед, библиограф, книговед, историк литературы – 202, 207, 448, 453
- Беро (пер. треть XVIII в.), армянин, житель Астрахани – 187
- Берташ Александр Витальевич (р. 1964), протоиерей, историк архитектуры – 25, 272
- Берхгольц Фридрих Вильгельм, фон (Берхгольц, Bergholtz Friedrich Wilhelm von; 1699–1765), голштинский дворянин, автор дневника о пребывании в России, который он вёл в 1721–1725 гг. – 211, 218, 395–396, 401, 472, 474
- Бескровный Любомир Григорьевич* (1905–1980), военный историк – 221, 227
- Беснятых Юрий Николаевич* (р. 1949), историк – 359, 365
- Бестужев Дмитрий Иванович (пер. пол. XVIII в.), стольник – 50, 56–57
- Бестужев-Рюмин Пётр Михайлович (1664–1643), гр. с 1742, государственный деятель – 169
- Бибииков Иван Иванович (ок. 1686–1745), государственный и военный деятель – 103
- Биллер Иоганн Людвиг (Johann Ludwig Biller the Elder; 1656–1732), золотых и серебряных дел мастер – 256
- Бирон Эрнст Иоганн (Ernst Johann von Biron; 1690–1772), герцог Курляндии и Семигалии
- Блоум Ричард (Blome Richard; 1635–1705), британский картограф – 440, 454
- Блюментрост Лаврентий Лаврентьевич (Blumentrost Laurentius; 1692–1755), первый президент Академии наук и художеств, лейб-медик имп. Петра I – 168, 321
- Боброва Елизавета Ивановна* (1898–1976), филолог – 434, 444, 451
- Боброва Наталия (р. 1992), искусствовед – 25, 376
- Богданов Андрей Петрович* (р. 1956), историк – 140, 152
- Богданов Владимир Иванович*, астроном, историк – 309
- Богданов Я. (пер. треть XVIII в.), армянский купец, житель Астрахани – 199
- Боголюбов Михаил Николаевич* (1918–2010), филолог, востоковед – 240, 242, 245
- Богословский Михаил Михайлович (1867–1929), историк – 142, 146, 152, 418, 420
- Бойм Михал Пётр (Boym Michał Piotr; 1612–1659), польский миссионер-иезуит и учёный, работавший, главным образом, в Китае – 232
- Бойрам бек (нач. XVIII в.), подчинённый наиба Имама Кули-бека, возможно, отец человека, названного «Байрамов сын» – 121
- Болотина Наталья Юрьевна (р. 1969), историк – 20–21, 105, 208, 218

- Болховитинов Николай Николаевич (1930–2008), историк – 295, 309
- Большаков В. В. (сер. XX в.), палехский художник – 254
- Боплан Гийом Левассёр, де (Beauplan Guillaume Le Vasseur, de; ок. 1595–1673), французский военный инженер и картограф – 143
- Борейль Якоб (Boreel Jacob; 1630–1697), нидерландский дипломат – 439
- Борисенко Алиса Юльевна*, историк, этнограф – 336, 339, 377, 383
- Бормотов Андрей (рубеж XVII–XVIII вв.), ротмистр команды «чугуевских новокрещённых калмыков» – 89
- Бородаев Вадим Борисович* (р. 1956), историк, краевед – 336, 339, 380, 383
- Борунов Александр Васильевич (1920–1994), живописец-миниатюрист – 254
- Боск С., дю (Bosc C., du; нач. XVIII в.), гравёр – 445
- Ботт Ираида Куртовна*, музейный деятель – 247, 257
- Божар Самюэль (Bochart Samuel; 1599–1667), французский богослов, пастор – 442–443, 454
- Бранд Адам (Brand Adam; ум. 1746), немецкий торговец и исследователь, секретарь И. Идеса – 26, 225–227, 411–416, 419–421, 438–439, 452, 470, 475
- Брант (ум. 1722), трубач личной гвардии Петра I – 177
- Бранденбург Николай Ефимович* (1839–1903), военный деятель, военный историк, археолог – 66, 70
- Брандт Карл (пер. пол. XVIII в.), шведский пленный, прапорщик, перешёл на российскую службу, в 1725 поручик, управитель канцелярии ротных дел при Сибирском обер-бергамте, в 1732 исполнял обязанности управляющего заводами Акинфия Демидова, в 1736 капитан, полицмейстер Екатеринбурга – 344
- Браун Эндрю (Brown Andrew; р. 1943), историк, издатель – 165, 184
- Браунштейн Иоганн Фридрих (Braunstein Johann Friedrich; нач. XVIII в.), немецкий архитектор, с 1714 на службе Петра I – 252, 467, 475
- Брёйн Корнелис, де – см. Бруин (Брюйн) Корнелис, де
- Бренк Христофор (пер. пол. XVIII в.), прапорщик – 51
- Брехолт Джон (Breholt John; пер. пол. XVIII в.), пират и привати́р, действовавший в Карибском бассейне – 393
- Брикнер Александр Густавович* (1834–1896), русский историк немецкого происхождения – 410
- Бриксгаузен Иоганн (Bruckhausen; пер. пол. XVIII в.), майор, участник Северной войны со стороны Швеции, после пленения перешёл на русскую службу, в 1723 возглавлял строительство крепости Косой Брод на р. Чусовой, в 1724–1725 командир Тобольского гарнизонного командированного полка на строительстве Екатеринбурга – 344
- Брильи (Брилли) Андрей Францевич, де (Brilly Andrea, de; 1682–1754), генерал-лейтенант (с 1737) итальянского происхождения, в 1731–1735 губернатор Баку – 102–103
- Бровцын Григорий Семёнович (1745–1812), горный офицер – 352
- Брокгауз Фридрих Арнольд (Brockhaus Friedrich Arnold; 1772–1823), немецкий издатель – 368, 375
- Брони́ков Фёдор (пер. треть XVIII в.), казак – 428
- Бронкхорст Гендрик, ван (Брункхорст, Брумкорст, Brunkhorst Hendrik, van; ум. 1744), голландский мастер лакового дела – 249, 253–254, 259
- Бронштейн Ю. И.*, переводчик с немецкого языка – 309
- Бруин (Брюйн) Корнелис, де (Bruijn/ Bruyn/ Cornelis, de; ок. 1652 – ок.

- 1727), нидерландский художник, путешественник, писатель – 12, 190–191, 436, 448, 454–455
- Брумкорст – см. Бронкхорст Гендрик, ван
- Брун-Цеховой Валерий Августович*, историк, переводчик – 270
- Брызгалов Виктор Викторович*, историк архитектуры – 279, 282
- Брюс Питер Генри (Пётр Генрих, Bruce Peter Henry; 1692–1757), военный деятель и мемуарист шотландского происхождения, путешественник, двоюродный племянник Якова Вилимовича Брюса – 168, 172–180, 184
- Брюс Яков Вилимович (Джеймс Дэниэл, Bruce James Daniel; 1670–1735), гр. с 1721, государственный деятель, военный дипломат, инженер, учёный – 168, 286, 443
- Буве Иоахим, де (Bouvet Joachim; 1656–1730), французский иезуит – 324, 327
- Будай (ум. 1733), сын шамхала Адиль-Гиря – 103
- Будайчиев Арсен Лахманович* (р. 1984), археолог – 85–86
- Будде Иоганн Франц (нем.: Budde Johann Franz, лат.: Buddeus Johannes Franciscus, Будлеус Йоханнес Францискус; 1667–1729), немецкий философ и лютеранский теолог – 443, 455
- Буланатов Р. (1704–?), индеец, с 1722 житель Астрахани – 187
- Булункулев И. (пер. треть XVIII в.), хивинец, житель Астрахани – 189
- Бусбек Ожье Гислен, де (Busbeke Ogier Gisleen, van; 1522–1592), фламандец на службе в Священной Римской империи, дипломат, писатель и ботаник – 449, 455
- Бусева-Давыдова Ирина Леонидовна (р. 1952), искусствовед – 272
- Бутков Пётр Григорьевич* (1775–1857), историк, государственный деятель – 32, 42, 44, 81, 83, 86, 95–96, 98
- Бутлер (пер. пол. XVIII в.), британский офицер, якобит – 397
- Бутурлин Александр Борисович (1694–1767), гр. с 1760, с 1756 генерал-фельдмаршал – 82, 103
- Бухаренин Данила (рубеж XVII–XVIII вв.), мурза команды «чугуевских новокрещённых калмыков», участников Персидского похода в драгунском корпусе А. Ветерани – 89
- Бухвостов В. Б. (кон. XVII в.), воевода – 148
- Бухгольц Иван Дмитриевич (1671–1741), военный и государственный деятель, основатель Омска – 13, 336–337
- Буш (пер. треть XVIII в.), мореход – 427
- Бушев Пётр Павлович (1899–1981), иранист-историк – 47, 52–53, 63
- Бушкович Пол* (р. 1948), американский историк – 138, 152
- Быкова Татьяна Александровна* (1893–1975), библиограф, книговед – 448, 453
- Бычков Афанасий Фёдорович* (1818–1899), историк, археолог, библиограф, палеограф – 45, 63, 153, 184, 206
- Бэр Карл Максимович (Baer Carl Ernst, von; 1792–1876), географ, зоолог, основатель эмбриологии – 309
- Буаш Филипп (Buache Philippe; 1700–1773), французский географ, картограф – 301–302, 304, 307, 314–315
- Важинский Владимир Михайлович (1930–2010), историк, педагог – 140–141, 148, 151–152
- Ваксель Свен (Савелий Лаврентьевич, Waxell Sven Larsson; 1701–1762), военный моряк шведского происхождения, с 1724 на русской службе – 293–295, 298, 309
- Валлериус Йоган Готшалък (Юхан Готтшалък, Wallerius Johan

- Gottschalk; 1709–1785), шведский естествоиспытатель, химик, минералог, доктор медицины, философ, писатель – 353
- Валуев Б. (пер. пол. XVIII в.), индеец, с 1723 житель Астрахани – 187
- Валтон Вилим (ум. 1743), мореплаватель, капитан русской службы английского происхождения – 292, 299, 302
- Ванбольский Григорий (пер. пол. XVIII в.), кн., военачальник – 55
- Ванмур Жан-Батист – см. Мур Жан-Батист, ван
- Варесий Лазари (Varesii Lazari, Lazarum; XVII в.), римский типограф и издатель – 233
- Варлаам (Ясинский; 1627–1707), с 1690 митрополит Киевский и Галицкий – 240
- Варламов П. (пер. треть XVIII в.), приказчик астраханских индийских купцов – 192
- Васберген Иоганнес Я., ван (Waesbergen Johannes, van; 1616(17?)–1681), амстердамский издатель – 233
- Васильев Иван (пер. треть XVIII в.), священник – 427
- Васильев Сафар (пер. треть XVIII в.), армянский купец, в Астрахани – 53, 55, 198
- Вахтанг VI (1675–1737), царь Картли в 1711–1714, 1716–1723, грузинский писатель – 408
- Вебер Фридрих Христиан (Weber Friedrich Christian; не позже 1690-х–1739?), ганноверский резидент при русском дворе – 201, 205, 265, 270, 335, 338–340
- Ведерников Анатолий Васильевич* (1901–1992), церковный публицист, журналист – 239, 245
- Ведерников Виталий Валерьевич, историк – 349, 355
- Вейерстратен Елизей/Елизарий (Weyerstraten/Weyerstraet Elizaetus; 1633?–1666), амстердамский издатель – 233
- Вейт Джеймс (пер. пол. XVIII в.), ирландский якобит, офицер Британского флота – 400–401
- Великанов Владимир Сергеевич (р. 1978), военный историк – 133–134, 152
- Вельяминов-Зернов (пер. пол. XVIII в.), полковник – 58
- Венедиер Т., фон (пер. пол. XVIII в.), генерал-лейтенант – 76
- Венков Андрей Вадимович* (р. 1954), историк – 43–44
- Верден Карл (Клаус), фон (Верден Карл Петрович; ум. 1731), офицер русского флота, выходец из Голландии – 405–406
- Вердеревский Василий Петрович (кон. XVII в.), думный дворянин, воевода – 141
- Вернова Нина Валентиновна*, искусствовед, музейный деятель – 254, 257
- Веселаго Феодосий Фёдорович (1917–1895), историк военно-морского флота – 385, 388, 401
- Веселовский Авраам Павлович (1685–1783), дипломат, переводчик – 165–166, 183
- Ветерани Андрей Яковлевич (пер. пол. XVIII в.), бригадир – 32, 41–42, 89, 173–174
- Виктор (Святин; 1893–1966), с 1938 архиепископ, с 1961 митрополит – 239
- Вильбоа (Вильбуа) Франц (Никита Петрович, Villebois François Guillemot, de; 1681–1760), вице-адмирал – 175, 183
- Вильбрехт Александр Михайлович (1757–1823), математик, географ, картограф – 304
- Вильстер Даниэль (Даниил) Яков (Яков) (Wilster Daniel Jacob; 1669–1732), датский морской офицер, с 1721 русский вице-адмирал – 386–388, 394–399, 402, 409
- Виниус Андрей Андреевич (Winius Andreas Andreaszon; 1641–1717), выходец из Амстердама, русский государственный деятель – 149,

- 239, 412–413, 418–419, 421, 434–435, 449, 452, 457, 472
- Виноградов Юрий Александрович (р. 1928), живописец-миниатюрист – 254
- Висковатов Александр Васильевич* (1804–1858), военный историк – 350–351, 355
- Витсен Николаус (Николаас, Witsen Nicolaes; 1641–1717), голландский политик, предприниматель, картограф – 26, 285–286, 309, 313, 320, 325–327, 329, 333, 412–415, 418–420, 439–440, 452, 459, 467–468, 471, 475
- Вишняков Михаил*, переводчик – 420
- Владимирица В.*, журналист – 309
- Владиславич-Рагузинский Савва Лукич (1669–1738), гр., дипломат, торговый агент – 21, 208–219, 407, 446
- Возгрин Валерий Евгеньевич* (р. 1939), историк – 309
- Воинов Михаил Алексеевич (нач. XVIII в.), дьяк Дворцовой канцелярии – 58
- Волович Мартиан Доминик (Wołowicz Marcjań Dominik, ум. 1712), польский посол – 56
- Воловников Владимир Григорьевич*, историк – 194, 205
- Вольнский Артемий Петрович (1689–1740), дипломат, в 1719–1730 астраханский и казанский губернатор, с 1738 кабинет-министр при Анне Иоанновне – 14, 109–110, 114, 125–127, 178, 180–182, 190–191, 199–200, 407
- Вольтер (Аруэ Франсуа-Мари; 1694–1778), французский философ-просветитель, поэт, историк – 164–167, 169, 183–184, 297, 416, 419
- Воскресенский Николай Алексеевич* (1889–1948), историк – 446, 453
- Врех Курт Фридрих, фон (Wreesh Curt Friedrich, von; нач. XVIII в.), капитан шведской службы, основатель лютеранской школы в Тобольске – 266
- Ву Ю-Фанг*, китайский искусствовед – 246, 248, 257–258
- Гагарин Василий Иванович (1675–1745), кн., стольник, новгородский губернатор – 423
- Гагарин Матвей Петрович (ок. 1659–1721), кн., государственный деятель – 23, 276, 331–332, 335–336, 338–340, 424
- Гаген Бартель, фон (кон. XVII в.), голландский купец – 472
- Гаджиев Владилен Гадисович* (1929–2006), историк – 74, 86, 91, 98
- Гаджиев Муртазали Серажутдинович (р. 1956), археолог, историк – 20, 72, 75, 85–86
- Галвей, Галлоувей («Эндрю Гардинер»; пер. пол. XVIII в.), ирландский католик, якобит, племянник «Капитана Моргана» – 397
- Галлициоли Джованни-Баттиста (Gallizioli Giovanni Battista; ок. 1720 – ок. 1800), биограф Ф. Локателли – 365–366
- Гама Васко, да (Gama Vasco, da; 1460–1524), португальский мореплаватель – 296
- Гама Жуан, да (Gama João, da; 1540–1591), португальский мореплаватель, внук Васко да Гамы – 294–296, 298–300
- Гамильтон (Гамолтин) Александр Петрович (нач. XVIII в.), капитан, переводчик – 397
- Ган Александр Иванович (1708–?), горный офицер, обергиттенфервальтер (чиновник, управляющий горной частью) – 352
- Ганнибал Абрам (Ибрагим) Петрович (ок. 1696–1781), воен. инж., генерал-аншеф – 210
- Гапуров Шахрудин Айдиевич* (р. 1951), историк – 72, 86
- Гарбор (нач. XVIII в.), майор – 112
- Гарунова Нина Нурмагомедовна* (р. 1962), историк – 90, 96, 98
- Гастальди Джакомо (1500–1566), венецианский инженер, картограф – 288

- Гвоздев Михаил Спиридонович (1700–1704 – не ранее 1759), военный геодезист, начальник экспедиции 1732 на север Аляски – 285, 290, 298, 310, 313, 423, 431
- Гейнзиус Готфрид (Heinsius Gottfried; 1709–1769), философ, астроном – 299
- Геннин Георг Вельгельм, де (Вилим Иванович, Hennin Georg Wilhelm, de; 1665 или 1666–1750), русский военный инженер немецкого (по некоторым источникам голландского) происхождения, с 1728 генерал-лейтенант, специалист в области горного дела и металлургического производства – 25, 342–343, 345
- Гёпкин (Хёпкин) Даниель Никлас, фон (1669–1741), шведский государственный деятель – 397
- Герасимов Г. (пер. треть XVIII в.), ученик бомбардирской роты – 106
- Гербер Иоганн Густав (Gaerber Johann Gustav; 1690–1734), с 1710 на русской службе, майор артиллерии, географ, этнограф – 78, 84, 86, 91, 101, 104
- Гервасий (Ленцевский; ок. 1700–1769/1770), архимандрит (1742), начальник Четвёртой (1744–1755) духовной миссии в Пекине, епископ Переяславский и Борисопольский – 463
- Герье Владимир Иванович* (1837–1919), историк, общественный деятель – 309
- Гессен-Гомбургский Людвиг Вильгельм – см. Людвиг Иоганн Вильгельм Груно Гессен-Гомбургский
- Гилянц Петрос ди Саргис (Гилянский Пётр, Сергеев Пётр; ум. 1724), армянский коммерсант, меценат, деятель национально-освободительного движения – 93, 191
- Гиппинг Андерс Юхан* (Андрей Иоганн, Андрей Иванович, Hipping Anders Johan Davidsson; 1788–1862), финляндский священник и историк, автор трудов по Ингерманландии – 159, 162
- Главацкая Елена Михайловна*, историк – 265, 270
- Глатков Степан (пер. пол. XVIII в.), солдат Дербентского пехотного полка – 83
- Глушанков Иван Венедиктович*, историк – 309
- Глушков Валерий Васильевич* (р. 1949), специалист в области космической геодезии и навигации – 297, 305, 310
- Гмелин Иоганн Георг (Gmelin Johann Georg; 1709–1755), немецкий естествоиспытатель, академик Санкт-Петербургской академии наук – 301, 308, 315, 381
- Гнучева Вера Фёдоровна* (1890–1942), географ, архивист – 379, 383
- Гобиль Антуан (Gaubil Antoine; 1689–1759), французский иезуит, католический миссионер в Китае – 323–324, 327–329
- Гойер Петер, де (Goyer Peter, de; сер. XVII в.), голландский купец – 437
- Голдовский Григорий Наумович* (р. 1944), искусствовед, музейный деятель – 253–255, 258
- Голенищев-Кутузов Иван Логгинович (1729–1802), военно-морской деятель, писатель, с 1782 адмирал – 351
- Голиков Иван Иванович (1735–1801), историк, предприниматель – 13, 16, 32, 44, 332, 336, 340, 385, 387–388, 399, 401
- Голикова Нина Борисовна* (1914–2008), историк – 185–187, 191–193, 196–198, 202–203, 205, 222, 226–227
- Голиус Якобус (Gool Jacob, van, Gohl Jacob, Golio Iacobo; 1596–1667), нидерландский востоковед, математик, астроном, путешественник – 439
- Голицын Борис Алексеевич (1654 или 1651–1715), кн., боярин, государственный деятель – 431
- Голицын Василий Васильевич (1643–1714), кн., боярин, государственный деятель, фаворит царевны

- Софьи Алексеевны – 132, 137–138
- Голицын Дмитрий Михайлович (1665–1737), кн., государственный деятель – 212
- Голицын Пётр Михайлович (1682–1722), кн., военачальник – 170
- Головин Автоном (Автомон) Михайлович (1667–1720), с 1695 генерал – 142, 146
- Головин Алексей Алексеевич (ум. 1718), генерал-майор армии Петра I – 57
- Головин Алексей Петрович (1618–1690), воевода Астрахани (1682–1683), Тобольска (1686–1690) – 189
- Головин Николай Фёдорович (1695–1745), гр., военно-морской и государственный деятель – 384–385
- Головин Сергей Александрович*, историк – 243, 245
- Головин Фёдор Алексеевич (1650–1706), боярин, гр. с 1702, посол, генерал-комиссар с 1696, генерал и адмирал с 1699, генерал-фельдмаршал с 1700 – 145, 189, 210, 213, 224, 437
- Головкин Александр Гаврилович (1689–1760), гр., государственный деятель – 363
- Головкин Гавриил Иванович (1660–1734), гр. с 1707, первый канцлер Российской империи с 1709 г. – 49, 52, 54, 58, 62, 69, 94, 212
- Голубинский Алексей Алексеевич (р. 1983), историк-архивист – 24, **318–319**
- Гольденберг Леонид Аркадьевич* (1920–1989), историк науки, источниковед – 13, 16, 310
- Гольдер Фрэнк Альфред (1877–1929), американский историк и архивист – 295, 315
- Гольштейнский, герцог – см. Карл Фридрих, герцог Шлезвиг-Гольштейн-Готторпский
- Горбатенко Сергей Борисович* (р. 1950), историк архитектуры – 247, 258
- Гордон Патрик Леопольд (Gordon Patrick Leopold; 1635–1699), российский военачальник, шотландского происхождения, генерал (1687) русской службы – 134, 138–140, 142, 146–147, 149, 152–153, 469, 475
- Горун П.*, историк – 310
- Гребенщиков Афанасий Кириллович, купец, основавший в 1724 керамическую фабрику в Москве – 250
- Греков (пер. треть XVIII в.), майор – 170
- Гренадер М. Б.*, историк – 304, 310
- Грибанов Александр Акимович (1929–2018), горный инженер – 348, 356
- Григорий (кон. XVII в.), верхотурский священник – 239
- Григорович Дмитрий Васильевич* (1822–1899), писатель – 251, 258
- Григорович Наталья Сергеевна* (1947–2006), искусствовед, музейный деятель – 256, 258
- Григорьев Т. (пер. треть XVIII в.), армянский купец, житель Астрахани – 198
- Григорьян Ашот Тигранович* (1910–1997), историк науки – 327
- Гринёв Андрей Вольтерович* (р. 1960), историк – 310
- Гришаев Василий Фёдорович (1926–2007), краевед, писатель, общественный деятель – 348, 353, 356
- Гросс Генрих Иванович (1713–1765), российский дипломат германского происхождения – 364
- Гросс Христиан-Фридрих (Христофор; 1696–1742), российский учёный, германского происхождения – 322–323
- Гроссул-Толстой Пётр Львович* (XIX в.), писатель, публицист, издатель – 337, 340
- Гузевич Дмитрий Юрьевич (р. 1955), инж. путей сообщения, историк науки и техники, историк эмиграции – 24, **284**, 310, 319, 326, 360
- Гузевич Ирина Давидовна (урожд. Долинская, р. 1953), историк науки и техники – 17, 24, **284**, 310, 319, 360

- Гульденштайн — см. Гюетан Ян Генрих, граф Гульденштайн
- Гуля ага (пер. треть XVIII в.), армянин — 114
- Гуревич *Мирон Моисеевич* (1898–1972), книговед, историк книги, библиограф — 448, 453
- Гусарова *Елена Васильевна* (р. 1953), искусствовед, историк архитектуры — 297, 310
- Густав II Адольф (*Gustav II Adolf*; 1594–1632), в 1611–1632 король Швеции — 159
- Густерин *Павел Вячеславович* (р. 1972), историк, востоковед — 447, 452
- Гюетан Ян Генрих, граф Гульденштайн (пер. пол. XVIII в.), европейский авантюрист, посланник пиратов Мадагаскара — 393
- Д’Эрбело — см. Эрбело Бартелеми де Моленвиль, д’
- Давидсон Аполлон Борисович (р. 1929), историк-африканист — 386, 389, 394–396, 401
- Даль *Владимир Иванович* (1801–1872), писатель, этнограф и лексикограф, собиратель фольклора, военный врач — 33, 44
- Дальман(н) *Дитмар* (*Dahlmann Dittmar*; р. 1949), немецкий историк — 269–270, 313
- Данильев Мату (Дунаев; пер. треть XVIII в.), астраханский индийский купец — 201
- Даппер Ольферт (*Dapper Olfert*; ум. 1690), голландский врач, географ-компилятор — 436, 448–449, 455–456
- Дасанг (пер. треть XVIII в.), старший сын Чакдорджапа, калмыцкого военачальника, внук хана Аюки — 180–181
- Дауд-бек (Даут бек, Даутбек, Даутъбек) — см. Хаджи-Давуд
- Деви Андрей Петрович (ум. 1753), военачальник, в 1731 комендант Дербента, с 1737 генерал-майор — 77–78
- Дежнёв Семён Иванович (ок. 1605–1673), землепроходец, мореход, исследователь Северной, Восточной Сибири и Северной Америки, казачий атаман, торговец пушной — 284–285, 424, 429
- Деккер Иоганн Корнелиус (*Decker I. C.*; ум. не ранее 1730-х), рисовальщик — 381
- Делден Вильгельм, фон (пер. пол. XVIII в.), ревельский обер-комендант, генерал-майор — 396
- Делиль Гийом (*Delisle Guillaume*; 1675–1726), французский картограф — 289, 292, 322, 324–327
- Делиль де ла Кройер Дарья Михайловна (урожд. Аболтина), дочь офицера, жена горного инженера — 349
- Делиль де ла Кройер Елизавета Николаевна — см. Аистова Елизавета Николаевна
- Делиль де ла Кройер Луи (Людовик) (*Delisle de la Croyere Luis*; 1687–1741), французский астроном — 24, 292–293, 295–299, 304, 306, 311, 318–322, 327, 348, 350, 356, 361–362
- Делиль де ла Кройер Мария Дмитриевна (урожд. Татаринова; 1713/1714? — не ранее 1746), жена астронома, мать горного инженера — 350
- Делиль де ла Кройер Николай Дмитриевич (1741–1795), горный инженер — 347–356
- Делиль де ла Кройер Яков Николаевич (1780–?), горный офицер — 349, 355
- Делиль Жозеф-Николя (Жозеф Никола, Жозеф-Никола, Осип Николаевич, Иосиф Николаевич, *De L’Isle Joseph-Nicolas*; 1688–1768), французский астроном, картограф — 24, 284, 291–292, 294–297, 299–307, 309–310, 314–315, 318–327, 350, 360–361
- Демидов Акинфий Никитич (1678–1745), предприниматель, основатель горнозаводской промышленности на Урале и в Сибири — 23, 331, 337, 345, 352–353

- Демидов Никита – см. Антуфьев Никита Демидович
- Демидов Павел Григорьевич (1739–1772), учёный-натуралист, меценат – 337–338, 341
- Демидова Наталья Фёдоровна (1920–2015), историк, архивист – 245
- Демидовы, род промышленников, основателей многих уральских городов – 276
- Демир Шакир (р. 1976), историк – 97–98
- Ден Джон (1679–1761), офицер военно-морского флота Российской империи – 399–400, 402
- Дергах Кули-бек (пер. пол. XVIII в.), Бакинский юзбаша (глава сотни) – 100
- Дергачёва-Скоп Елена Ивановна (р. 1937), литературовед – 263, 270
- Дермуев У. (пер. треть XVIII в.), индийский купец, житель Астрахани – 192
- Дешан Юбер Жюль (Deshamps Н. J.; 1900–1979), французский администратор, антрополог, историк Африки и Мадагаскара – 391, 403
- Джекобсон Доон, искусствовед – 246, 258
- Дженкинсон Энтони (Jenkinson Anthony; 1529–1610), английский дипломат и путешественник – 159
- Джузеппе Мария, капуцин из Перуджии, в 1709–1710 находился в Астрахани – 202
- Ди Сальво Мария (Di Salvo Maria) итальянский филолог – 364–365, 366
- Диброва Л., журналист – 310
- Дивин Василий Афанасьевич (сер. XX в.), историк – 297–298, 300, 310
- Дидро Дени (Diderot Denis; 1713–1784), французский писатель, философ-просветитель – 419
- Диксон Джордж (Dickson; 1748–1795), английский морской капитан, исследователь – 306
- Диларам (пер. треть XVIII в.), индеец, житель Астрахани – 196
- Дмитриев Егор Евгеньевич (р. 1972), историк, переводчик – 168, 183
- Дмитриев-Мамонов Иван Ильич (1680–1730), военачальник и государственный деятель – 57, 172, 179
- Довлетев А. (пер. треть XVIII в.), туркмен, житель Астрахани с 1725 – 190
- Додургаев А. (пер. треть XVIII в.), хивинец, житель Астрахани с 1729 – 190
- Долгих Моисей Иванович (кон. XVII – нач. XVIII в.), каменных дел мастер, зодчий – 280–281
- Долгоруков Борис Фёдорович (ум. 1702), кн., стольник и воевода – 146
- Долгоруков Василий Владимирович (1667–1746), кн., государственный деятель, с 1728 генерал-фельдмаршал – 84, 93, 100–101, 112
- Долгоруков Василий Лукич (ок. 1670–1739), кн., государственный деятель, дипломат, с 1725 действительный тайный советник – 390, 402
- Долгоруков Лука Фёдорович (ум. 1710), кн., боярин – 146, 149
- Долгоруков Михаил Владимирович (1667–1750), кн., государственный деятель – 212–213
- Долгоруков Сергей Петрович (пер. треть XVIII в.), кн. – 48, 58
- Долгоруков Яков Фёдорович (1639–1720), кн., государственный деятель, военачальник, боярин, с 1712 сенатор – 146, 149–151
- Долгоруковы, княжеский род – 351
- Дондукова-Корсакова Ольга Михайловна (в замужестве Реекамфф; 1834–1869), кнж. – 340
- Доронин Андрей Владимирович (р. 1962), историк – 311
- Дорофеева Людмила Павловна, искусствовед – 252, 258
- Дорошенко Василий Васильевич (1921–1992), специалист по экономической истории Латвии – 158, 162
- Дроздова Ольга Юрьевна, исследователь – 208, 219

- Дубровин Николай Фёдорович* (1837–1904), историк – 206
- Дубровская Динара Викторовна* (р. 1961), историк, филолог – 324, 327
- Дубровский Николай Александрович* (1822–1874), историк – 129
- Дудник С. Д.*, историк – 40
- Дучич Йован* (Дучић Јован; 1874–1943), классик сербской поэзии, дипломат – 208, 219
- Дылдаров С.* (пер. треть XVIII в.), приказчик, житель Астрахани – 192
- Дьяконов Иосиф* (ум. 1736), участник 1-й православной миссии в Пекине – 241
- Дюзль де Сорель Леон* (1655–1743), французский военно-морской офицер, с 1719 по 1723 генерал-губернатор Сан-Доминго – 392
- Евреинов Иван Михайлович* (1694–1724), морской геодезист и путешественник, исследователь Камчатки и Курильских островов – 26, 286–287, 322, 378, 406
- Егоров А.* (пер. треть XVIII в.), грузинский армянин, купец – 195
- Егоров Алексей Борисович* (р. 1952), историк – 321, 327
- Егоров Н.*, географ, историк – 310
- Екатерина I Алексеевна* (1684–1727), российская императрица – 23, 112, 208, 211–213, 217, 219, 251, 277, 289
- Екатерина II Алексеевна* (урожд. София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, Sophie Auguste Friederike von Anhalt-Zerbst-Dornburg; 1729–1796), российская императрица – 164, 247, 249, 252, 257, 260, 303, 354, 420, 430, 441, 461
- Екатерина Михайловна* (1827–1894), вел. кнж., внучка Павла I, с 1851 герцогиня Мекленбург-Стрелицкая – 257–258
- Елагин Александр* (1747–?), горный офицер – 352
- Елагин Сергей Иванович* (1824–1868), историограф Российского флота, капитан 1-го ранга – 388
- Елизавета Петровна* (1709–1761), российская императрица – 24, 34, 217, 251–252, 256–257, 351
- Елчин (Ельчин, Ельгин, Елгин) Яков Агеевич* (пер. треть XVIII в.), воевода Якутского уезда Тобольской губернии, полковник, автор документов о Камчатке, Курильских островах и Японии – 26, 422–431
- Елчин Андрей* (нач. XVIII в.), один из первых поселенцев в Томском уезде – 423
- Елчин Яков Михайлович* (нач. XVIII в.), домовладелец в Томске – 423
- Емельянов Леонард Иванович* (1929 – 1996), фольклорист, литературовед – 44
- Емельянова Лариса Леонидовна*, географ – 381, 383
- Емшидов М.* (пер. треть XVIII в.), житель астраханского Гилянского двора – 196
- Енисейский Иван* (ум. 1714), казак-землепроходец, камчадалский приказчик – 429–430
- Еремеева Елена Алексеевна*, искусствовед – 256, 258
- Ермак Тимофеевич* (1532–1585), казачий атаман – 262
- Ермолаева Любовь Константиновна* (р. 1946), историк – 221, 223, 227
- Еропкин Дмитрий Фёдорович* (ум. 1750), генерал-майор, государственный деятель – 102, 104
- Еропкин М.* (пер. пол. XVIII в.), полковник – 54, 59
- Есинов Григорий Васильевич* (1812–1899), историк – 129
- Ефимов Алексей Владимирович* (1896–1971), историк-американист, педагог – 290, 297, 300, 302, 304, 307–308, 310, 423, 425, 430–431
- Ефимов Андрей Борисович* (р. 1940), физик, математик, историк православной миссии – 244–245

- Ефрем Сирин (ок. 306–373), прп., христианский богослов – 448, 452
- Ефремов Данила Ефремович (1690–1760), донской казачий старшина, войсковой атаман Войска Донского (1738–1753), генерал-майор с 1753, тайный советник с 1759 – 29, 31, 33–34, 37–38, 43, 45
- Ефрон Илья Абрамович (1847–1917), типограф, книгоиздатель – 368, 375
- Жантиль Филипп де**, маркиз де Лангалери, I барон де Сантонж (1661–1717), генерал-поручик французской армии, генерал от кавалерии Священной Римской империи, посредник в тайных переговорах с пиратами Мадагаскара – 393
- Желябужский Иван Афанасьевич (1638 – после 1709), государственный деятель, дипломат, мемуарист – 139, 149, 153
- Жубер де Лабастид Жозеф-Шарль, маркиз де Шатоморан (ум. 1722), французский военно-морской деятель, генерал-лейтенант флота (1720), генерал-губернатор Сан-Доминго (1717–1719) – 391
- Жумар Жозеф, граф де Линанж (ум. 1717), французский дворянин, авантюрист, тайный посланец пиратов Мадагаскара – 393
- Заварихин Светозар Павлович (р. 1937), архитектор – 272, 278–279, 282–283
- Завитухина Мария Павловна* (1925–2001), археолог, музейный работник – 331–332, 340
- Залатарев – см. Золотарёв Григорий
- Зальтиери Б. (сер. XVI в.), итальянский картограф – 288
- Заманов Михаил Борисович (пер. пол. XVIII в.), кн., столичный пристав – 50, 56–57
- Зант (нач. XVIII в.), толмач – 128
- Заозерский Александр Иванович (1874–1941), историк – 385, 388, 394, 402
- Заседателева Лилия Борисовна* (р. 1933), историк, этнограф – 89, 98
- Захаров Маск (пер. пол. XVIII в.), исфаханский разведчик, информатор на русской службе – 95
- Захарьев А. (пер. треть XVIII в.), житель астраханской Армянской слободы – 192
- Зебах (пер. пол. XVIII в.), офицер шведского флота – 397–398
- Зевакин Евгений Сергеевич (1901–1987), историк – 368, 370
- Зейдель Иван Карлович (1824–1868), военный писатель – 385, 395, 402
- Зиннер Эрвин Петрович* (1912–1987), филолог – 265–266, 268, 270, 320, 327, 338, 340
- Зиновьев Василий Петрович (пер. пол. XVIII в.), столичный пристав, стольник – 50, 54–59, 62
- Зиновьев Николай Михайлович (1888–1979), живописец-миниатюрист – 254
- Зиновьев Павел (Зенец Погос Петросович; пер. пол. XVIII в.), подполковник на русской службе, выходец из семьи астраханских армян, в 1722–1737 офицер грузино-армянского эскадрона русских войск под командованием генерала Л. Христофорова, в 1737 офицер воинской части под крепостью Очаков на Западном фронте, в 1750 переведён на службу в Астрахань, где организовал отряд армянских волонтеров – 94
- Змаевич Матвей (Матия) Христофорович (серб.: Змајевић Матија; хорв.: Zmajeviћ Matija; 1680–1735), российский адмирал с 1727, родом из Пераста, Далмация (ныне Черногория) – 405
- Знаменов Вадим Валентинович* (р. 1936), историк, музейный деятель – 253–255, 258
- Золотарёв Григорий (пер. треть XVIII в.), капитан-лейтенант русского флота, составитель карты Каспийского моря – 118–119
- Зотов Никита Моисеевич (ок. 1644–1718), гр. с 1710, учитель Петра I – 137

- Зубкова Тамара Ивановна (1917–1973), живописец-миниатюрист – 254
- И**бн Арабшах *عبد شاه ابن الابدون شهناش* (1392–1450), арабский писатель и историк – 450
- Ибрагим (нач. XVIII в.), юзбаша, старейшина дагестанской деревни Сейдюли – 123
- Ибраим (нач. XVIII в.), паша Эрзерума (Эрзурума), Турция – 128
- Ивазов А. (пер. треть XVIII в.), гиланский купец, житель Астрахани – 193
- Иван III Васильевич (1440–1505), вел. кн. Московский – 157, 423
- Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584), русский царь – 61, 158, 160–161, 263
- Иван V Алексеевич (1666–1696), русский царь – 437–438, 452, 468
- Иванисов С. (пер. треть XVIII в.), армянский купец, житель Астрахани – 199
- Иванов А. Л.* (втор. пол. XIX в.), историк – 339–340
- Иванов И. (пер. треть XVIII в.), уржумский посадский человек – 198
- Иванов Кандратий (нач. XVIII в.), терский казак – 111, 126
- Иванов Коземка (кон. XVII в.), приказчик Семёна Лузина – 226
- Иванов Николай Павлович (XIX в.), военный историк, автор воспоминаний о Хивинской экспедиции 1839–1840 гг. – 335, 340
- Иванов Хотча (пер. пол. XVIII в.), армянский купец, разведчик, информатор на русской службе – 94
- Иванова Маргарита Викторовна* (р. 1942), историк – 221, 227
- Игнатий (Римский-Корсаков; ок. 1639–1701), с 1692 митрополит Сибирский и Тобольский – 239
- Игнатий, камчатский монах – см. Козыревский Иван Петрович
- Игнатъев (пер. пол. XVIII в.), полковник – 59
- Идес Избрант (Избранд) Елизарий (Эверт) (Ides Evert Ysbrants; 1657–1708), нидерландский купец, укоренившийся в России, автор книги о путешествии в Сибирь, составитель географической карты Сибири – 26, 213, 224–225, 227, 411–415, 420, 438–439, 452, 457, 467–471, 475
- Идрис (нач. XVIII в.), «капрал» в отряде Имамсея – 120
- Избрант – см. Идес Избрант
- Измаил-бек (пер. треть XVIII в.), иранский посол в России – 99
- Измайлов (пер. пол. XVIII в.), стольник – 56
- Измайлов Лев Васильевич (1685–1738), военный и государственный деятель, в 1719–1722 ездил в Китай для установления торговых отношений с императором Канси – 213, 242, 251, 255, 407, 467, 472–473
- Измайлов М. П. (рубеж XVII–XVIII вв.), воевода – 140
- Иларион (Лежайский; 1657–1717), архимандрит – 241–242
- Илизаров Симон Семёнович* (р. 1950), историк – 312
- Илишкин Лари Наранович* (р. 1964), калмыцкий общественный деятель – 181–183
- Илларион (Трусов; ум. 1741), архимандрит посольского Преображенского монастыря (1734), начальник Третьей (1736–1743) Пекинской духовной миссии – 463–464
- Ильин Иван (нач. XVIII в.), секретарь Дмитрия Кантемира – 446, 452
- Имам Кули-бек (пер. треть XVIII в.), наиб Дербента – 81, 100, 106–107
- Имамгул (нач. XVIII в.), владелец деревни Горчах, подчинённой табасаранскому правителю Максиму – 120
- Имамсей (нач. XVIII в.), командовал отрядом дербентцев, совершивших набег на табасаранскую деревню Горчах – 120

- Иннокентий (Кульчинский, Колчицкий, Кульчицкий; 1680 или 1682–1731), с 1721 епископ Переяславский, с 1727 епископ Иркутский и Нерчинский, в 1804 канонизирован в лике святых – 213, 242–243, 407, 463
- Иннокентий (Фигуровский; 1863–1931), с 1918 епископ Пекинский и Китайский, с 1921 архиепископ, с 1928 митрополит – 242
- Иноземцева Елена Ивановна (р. 1947), историк – 20, 72, 76, 80, 85–86, 88, 90, 98
- Иньчжэнь – см. Юнчжэн, китайский император
- Иоаким (Савёлов; 1621–1690), патриарх – 139
- Иоанн (Васильковский; 1651–1715), с 1711 митрополит Тобольский и всея Сибири – 241
- Иоанн Алексеевич – см. Иван V Алексеевич
- Иоанн Дамаскин (ок. 675–ок. 753 или 780), прп., христианский богослов – 448, 452
- Иоаннисян Ашот Гарегинович* (1887–1972), армянский политический деятель, историк – 205
- Иосиф (пер. треть XVIII в.), иеромонах – 427
- Исайя, армянский патриарх в 1702–1728 – 202
- Исмаил (пер. пол. XVIII в.), сын утамышского владетеля – 83
- Исмаил (нач. XVIII в.), старейшина дагестанской деревни Дагла – 123
- Итемейбаев С. (пер. треть XVIII в.), астраханский юртовский татарин – 195
- Ишимов С. (пер. треть XVIII в.), житель Астраханского Бухарского двора – 195
- Ишкара аталык (нач. XVIII в.), хивинец – 197
- Казанин Марк Исаакович (1899–1972), востоковед, историк, географ, литератор, экономист – 227, 412–414, 416, 420, 439, 452, 470, 475
- Казбулат (пер. пол. XVIII в.), чеченский мурза, сын шамхала Адиль-Гирея – 101, 103
- Казимеров Степан (пер. треть XVIII в.), туринский комиссар – 264
- Казым (нач. XVIII в.), житель табасаранской деревни Митяги (Марги?) – 121
- Кайтукин Араслан-бек (ум. 1746), кабардинский князь – 103
- Калачов Николай Васильевич* (1819–1885), юрист, историк, археограф, архивист, писатель – 358, 366
- Калинина Ирина Васильевна (р. 1956), историк архитектуры – 273, 277, 280, 283
- Калинников Иван Иванович (втор. пол. XVII в.), солепромышленник – 274
- Калмыков Денис Спиридонович (1687–1746), военно-морской деятель – 400
- Калмыков Павел Львович (р. 1964), врач-радиолог, детский писатель – 297, 311, 348–349, 356, 359
- Калязина Нинель Васильевна* (1930–2000), искусствовед, историк архитектуры – 234, 236, 248, 251–252, 257–259
- Каменский Александр Борисович* (р. 1954), историк – 312
- Кампредон Жак, де (Camprédon Jacques, de; 1672–1749), французский дипломат, представитель Франции в России – 466
- Канси (Kangxi, 康熙; 1654–1722, личное имя Сюань), китайский император (1662–1722) из династии Цин – 238, 240–241, 250, 437, 470, 472–474
- Кантемир Антиох Дмитриевич (1708–1744), кн., поэт, дипломат – 362–364, 366
- Кантемир Дмитрий Константинович (Cantemir Dimitrie; 1673–1723), светл. кн. с 1711, молдавский и российский государственный деятель и учёный – 446–447, 452

- Каплан-Гирей I (1678–1738), крымский хан – 84
- Каптиков Анри Юрьевич (р. 1947), искусствовед – 272–273, 275–276, 280–283
- Каргопол Иван (пер. треть XVIII в.), казак – 428
- Карион (Истомин; кон. 1640-х–1717), иеромонах, писатель, в 1698–1701 глава Московского печатного двора – 140
- Кари хан (Карахан; нач. XVIII в.), брат Масир хана – 115, 120–121
- Карл XII (Carl XII; 1682–1718), король Швеции – 141, 264, 343
- Карл Фридрих, герцог Шлезвиг-Гольштейн-Готторпский (1700–1739), племянник Карла XII, зять Петра I, отец Петра III – 395
- Кармарген, маркиз – см. Осборн Пегрин
- Карначёв Александр Евгеньевич* (р. 1972), историк, филолог – 435, 441, 451–452, 457
- Карп Сергей Яковлевич* (р. 1959), историк – 393, 402
- Карпачев Михаил Дмитриевич* (р. 1943), историк – 370, 374
- Карташова Людмила Алексеевна* (р. 1935), историк-африканист – 386, 402
- Кассини Джовани Доменико (Cassini Giovanni Domenico; 1625–1712), итальянский и французский астроном – 323
- Каттанео Ф. – см. Локателли Франческо
- Кафенгауз Бернгард (Борис) Борисович (1894–1969), историк – 369
- Качай (Кочай; нач. XVIII в.), «человек» Сурхай-хана, один из управителей Шемахи – 123
- Кейер Денис Валерьевич* (р. 1979), филолог – 321, 327
- Кейзер Якоб, де (Keyzer, de; сер. XVII в.), голландский купец – 437
- Кейзерлинг Герман Карл, фон (1697–1764), барон, с 1742 гр., неоднократный посланник России в Вене и в Варшаве, в 1733–1734 возглавлял Петербургскую академию наук – 302
- Кейт Яков Вилимович (Keith James Francis Edward; 1696–1758), генерал-аншеф на русской службе – 322–323
- Келеметов Асламбек (пер. пол. XVIII в.), владелец Малой Кабарды – 89
- Келлер Йохан Виллем, ван (ум. 1698), дипломат, первый постоянный представитель Нидерландов в Московском государстве – 468
- Кёнигфельс Тобиас (1716–1780), картограф, астроном, ученик Ж. Н. Делиля – 321, 327
- Кент Уильям (Kent William; 1684–1748), английский архитектор и садовод – 236
- Кизылбашенин И. (пер. пол. XVIII в.), толмач от Посольского приказа – 50
- Кикин Ал. Ю. (нач. XVIII в.) – 58
- Кикин Иван Васильевич (1660–1723), помощник губернатора Астрахани – 114
- Ким Георгий Фёдорович* (1924–1989), историк-востоковед – 447, 452
- Кирдуйев Л. (пер. треть XVIII в.), индийский купец, житель Астрахани – 193
- Киреевский Пётр Васильевич (1808–1856), писатель, переводчик, фольклорист – 30, 45
- Кириллов Александр*, китаист – 239, 245
- Кириллов Владимир Васильевич (1925–2007), историк архитектуры, искусствовед – 272, 278–279, 283
- Кирилов Иван Кириллович (1695–1737), географ, картограф, историк, статистик, правовед – 299, 311
- Кирпичников Анатолий Николаевич* (р. 1929), историк, археолог – 320, 327
- Кирхер Атанасиус (Kircher Athanasius; 1602–1680), немецкий учёный-полимаст, миссионер, монах ордена иезуитов – 230–234, 237

- Кирющенко Николай Васильевич*, историк – 321, 327
- Кладо Татьяна Николаевна* (1889–1972), популяризатор науки – 327
- Клерк (Кларк) Чарльз (Clerke Charles; 1741–1779), английский моряк – 306
- Климент XI (Clemens XI, в миру Джанфранческо Альбани; 1649–1721), с 1700 папа Римский – 211
- Клюсов Никанор (ум. 1737), участник 1-й православной миссии в Пекине – 241
- Ключевский Василий Осипович (1841–1911), историк – 367
- Княжецкая Екатерина Андреевна* (урожд. Баумгарт; 1900–1986), историк науки, библиограф – 338, 340
- Кобак Александр Валерьевич (р. 1952), историк архитектуры, краевед – 9, 272, 283
- Кожин Александр Иванович (пер. пол. XVIII в.), изучал морское дело за границей, после возвращения в Россию в 1714 произведён в поручики, состоял в описной партии Каспийского моря – 12, 336, 405
- Козинцева Руфь Иосифовна* (1906–1985), историк – 448, 453
- Козлов Иван Фёдорович (1680–1752), государственный деятель, с 1740 генерал-майор – 386–387
- Козлов Сергей Александрович*, историк – 32, 41–42, 44, 321, 327
- Козлова Наталья Вадимовна* (р. 1948), географ – 222, 227–228
- Козловский Иван Павлович* (1869–1943), историк – 419–420
- Козыревский Иван Петрович, в монашестве Игнатий (1680–1734), казак, путешественник по Сибири, составитель описания всех Курильских островов – 406, 427–428
- Козыревский Пётр Петрович (пер. треть XVIII в.), казак – 428
- Козыревский Фёдор Иоаннович (XVII в.), поляк, попал в плен под Смоленском, сослан в Сибирь – 427
- Кокиев Георгий Александрович (1896–1955), историк, этнограф – 368–371, 374
- Колесников Фёдор (нач. XVIII в.), участник 1-й православной миссии в Пекине – 241
- Колесов (пер. пол. XIX в.), вологодский купец 2-й гильдии – 430
- Колесов Василий Михайлович (ум. 1715), сибирский атаман-приказчик – 424, 428–430
- Колесов Матвей (втор. пол. XVIII в.), вологодский купец 1-й гильдии – 430
- Колесов Степан Васильевич (пер. пол. XVIII в.), купец – 430
- Колкина Ирина Николаевна*, исследователь – 208, 219
- Коллинсон Питер (Collinson Peter; 1694–1768), британский ботаник, натуралист, торговец шёлком и бархатом – 337–338, 341
- Колотилин Руслан Андреевич*, астроном, историк – 309
- Колпакова Наталья Владимировна*, педагог, специалист в обл. информатики, издательского дела – 249, 257, 260
- Колчинский Эдуард Израилевич* (р. 1944), философ, специалист в области истории биологии – 292, 311
- Колыч хан (нач. XVIII в.), «капрал» в отряде Имамсея – 120
- Кольцов-Масальский Иван Михайлович (ум. 1707), кн., воевода, генерал – 147
- Комаров В. В. (сер. XIX в.), историк – 36, 45, 367, 374
- Комелова Галина Николаевна* (1927–2002), искусствовед – 234, 236
- Комков Геннадий Данилович* (р. 1925), историк – 311
- Комолов Николай Анатольевич* (р. 1973), историк – 372, 374
- Кондаков Никодим Павлович* (1844–1925), историк, археолог – 332, 341
- Конингсбрюгге Ханс, ван* (р. 1959), голландский историк – 412, 420

- Константинов К. (пер. треть XVIII в.), астраханский армянин – 198
- Контев Аркадий Васильевич* (р. 1969), историк – 380, 383
- Копанев Николай Александрович (1957–2013), историк – 165–166, 183, 316
- Копанева Наталья Павловна* (р. 1953), филолог – 264, 270, 309, 311, 420, 440, 452
- Копелев Дмитрий Николаевич (р. 1963), историк – 27, **384**, 386, 389–391, 393, 402
- Копелевич Юдифь Хаимовна* (1921–2009), историк науки – 327
- Корастылёвы (пер. треть XVIII в.), рудоискатели – 353
- Корепанов Николай Семёнович* (р. 1964), историк – 345
- Корнилов Геннадий Егорович* (р. 1951), историк – 273, 283
- Королькова Елена Фёдоровна (р. 1954), археолог – 23, **330**, 333, 340
- Корсакова Наталия Леонидовна, историк – 272, 283
- Корф Модест Андреевич (1800–1876), барон, с 1872 гр., государственный деятель – 358, 365, 420
- Корчмин Василий Дмитриевич (до 1671–1729), инженер, мастер фортификации и осадного дела, военный разведчик, пиротехник, гидрограф, военачальник – 179
- Косвен Марк Осипович* (1885–1967), историк, этнограф, юрист – 86, 104
- Коседжик Хиджран*, историк – 37, 44
- Космолинская Галина Александровна*, историк-источниковед – 393, 402
- Косси Фернан (Caussy Fernand; 1881–1951), французский исследователь – 165, 167, 184
- Косточкин Владимир Владимирович (1920–1992), архитектор-реставратор, историк, искусствовед – 272, 274–275, 283
- Кострин Константин Васильевич* (1901–1974), инженер-нефтяник – 311
- Костыгов Василий Григорьевич* (1749 – после 1788), солдатский сын, переводчик в Ведомственной экспедиции при Академии наук – 450–451
- Костюк Черяев (нач. XVIII в.), татарин, посыльный наиба Имама Кули-бека – 119
- Котельникова Наталья Евдокимовна*, геолог, картограф – 313
- Кошэн С. Н. (Cochin С. N.; нач. XVIII в.), гравёр – 445
- Краевич Ян (Королевич Иван; пер. пол. XVIII в.), шведский пленный, прапорщик, в 1724–1725 капитан, командир роты Тобольского гарнизонного командированного полка на строительстве Екатеринбурга – 344
- Кралл Джодокус (Cruhl Jodocus; кон. XVII в.), кембриджский доктор медицины и автор трудов во многих отраслях – 419
- Красильников Андрей Дмитриевич (1705–1773), астроном, геодезист – 300
- Краснощёков (Краснощёченок) Иван Матвеевич (1669/70–1742), донской казачий старшина, войсковой атаман Войска Донского в 1723, с 1738 бригадир – 29–30, 32–40, 43
- Краус[с] (Кройссен) Иоганн Ульрих (КрауЯ, КрауЯен, Krauss, Kraussen Johann-Ulrich; 1655–1719), немецкий рисовальщик, гравёр и издатель в Аугсбурге – 444, 457
- Крашенинников Степан Петрович (1711–1755), ботаник, этнограф, географ, путешественник, исследователь Сибири и Камчатки – 313
- Кремпольский Виктор Фёдорович* (1903–?), географ – 311
- Креницын Пётр Кузьмич (1728–1770), капитан 1-го ранга, исследователь Камчатки и Алеутских островов – 305, 410
- Крижанич Юрий (Križaniћ Juraj; ок. 1618–1683), хорватский богослов, философ, писатель, священник-миссионер – 413

- Кройер Людвиг Клавдий, де ла – см. Делиль де ла Кройер Луи
- Кропотов Гаврила Семёнович (ум. 1730), с 1719 генерал-майор – 42, 83, 174, 192
- Кросс Энтони* (Cross Anthony Glenn; р. 1936), английский историк – 419–420
- Кротов Павел Александрович (р. 1961), историк – 321, 327, 400, 402
- Круликова Галина Александровна*, историк, педагог – 273, 283
- Крузенштерн Адам Иоганн, фон (Иван Фёдорович, Krusenstern Adam Johann, von; 1770–1846), российский мореплаватель, адмирал – 294, 296, 306
- Крюйс Корнелий Иванович (Сгшус Kornelius; 1655–1727), русский адмирал (1721) норвежского происхождения – 405, 407
- Кугрышева Эвелина Викторовна*, историк – 198, 202, 205
- Кук Джеймс (Cook James; 1728–1779), английский военный моряк, путешественник-исследователь, картограф и первооткрыватель – 304–306
- Куканова Нина Григорьевна*, историк – 46–47, 59, 63
- Куликова Алла Михайловна* (р. 1935), историк, востоковед – 447, 453
- Кули-хан – см. Надир-шах Афшар
- Кулчерек ага (пер. пол. XVIII в.), арап, слоновщик – 61
- Кульчицкий И. – см. Иннокентий (Колчицкий, Кульчицкий)
- Кулябко Елена Сергеевна* (1900–1991), историк, архивист – 324, 327
- Курбатов Владимир Яковлевич* (1878–1957), историк искусства, историк архитектуры, историк Петербурга, химик, коллекционер – 250, 255, 258
- Курбатов Олег Александрович, историк, специалист по военной истории втор. пол. XVII в. – 133, 137, 153
- Курукин Игорь Владимирович (р. 1953), историк – 13–16, 20, 32–33, 37, 42, 44, 76, 78, 80, 84, 86, 89, 91, 93, 95, 98–99, 106–107, 112, 129, 168–169, 171, 173, 176, 183, 373–374
- Курьшев Андрей Витальевич* (1964–2015), историк – 43–44
- Кусов Владимир Святославович* (1935–2009), историк-картограф – 311
- Кутейников Артемий Васильевич (пер. пол. XVIII в.), донской казачий старшина – 29
- Кучум (XVI в.), сибирский хан – 262
- Кэрл Белкин Стивенс, американский историк – 134, 138–139, 154
- Кюн Габриэл* (Kuhn G.; р. 1972), австрийский и шведский философ, социолог, историк, переводчик – 391, 403
- Кюнг Энн* (Küng Enn), эстонский историк – 159, 163
- Кюнтцель-Витт Кристина (Kuntzel-Witt Kristina), немецкий историк – 295, 305, 311
- Кязым (нач. XVIII в.), «капрал» в отряде Имамсея – 120
- Ла Нёвилль, Фуа де (La Neuville, Foy de; кон. XVII в.), французский дипломат – 412, 414, 419–421
- Лаббе Филипп (Labby Philippe; 1607–1667), иезуит, французский учёный в областях: истории, богословия, географии и филологии – 441
- Лаврентий (Уваров; 1697–1757), тобольский диакон, затем иеромонах, участник Третьей (1736–1743) Пекинской духовной миссии – 239, 241, 463
- Лавров Александр Сергеевич* (р. 1966), историк, специалист по социальной и политической истории конца XVII – пер. четв. XVIII в., преподаватель ун-та Сорбонна (Париж) – 412, 420
- Лазебник Ольга Анатольевна*, картограф – 312
- Ламанова Е. В.*, переводчик – 308

- Ламанский Владимир Иванович* (1833–1914), историк – 311
- Ланг (Ланге) Лоренц (Лаврентий, Lange Lorenz; 1690-е–1752)*, шведский инженер, с 1712 на русской службе, торговый агент – 250
- Лангалери, де – см. Шантиль Филипп де, маркиз де Лангалери*
- Лаперуз Жан Франсуа, де (Laréouze Jean François, de; 1741–1788)*, гр., французский мореплаватель – 306–307
- Лаптев Харитон Прокофьевич* (1700–1763), полярный исследователь, создатель карты Таймыра – 308
- Лаптева Татьяна Александровна* (1955–2018), историк – 20, **105**, 130
- Ларионов Михаил Родионович* (ум. 1732), ассессор Коллегии иностранных дел – 37, 39
- Лебедев В. (сер. XIX в.)*, историк – 367, 374
- Лебедев Владимир Иванович* (1894–1966), историк – 368–370
- Лебедев Дмитрий Михайлович* (1892–1978), географ и историк – 297–298, 311, 425, 427, 431
- Лебедева Ирина Николаевна* (1932–2013), историк – 434, 451
- Лев V Армянин (Левон Арцруни; 775–820)*, император Византийской империи (813–820), иконоборец – 441
- Левашов Василий Яковлевич* (1667–1751), генерал-аншеф, в 1730–1735 командующий Низовым корпусом, основатель города Кизляр (1735) – 76, 85, 87, 94, 100–104, 175, 179
- Левашов Михаил Дмитриевич* (ок. 1738–1774 или 1776), мореплаватель, исследователь Аляски и Алеутских островов – 305
- Левенгаупт Адам Людвиг (Lewenhaupt Adam Ludwig; 1659–1719)*, гр., шведский генерал – 343–344, 346
- Левинсон-Лессинг Владимир Францевич* (1893–1972), историк искусства, музейный деятель – 444, 452
- Левшин Борис Венедиктович* (1926–2012), историк науки, архивист – 311
- Лейбниц Готфрид Вильгельм (Leibniz Gottfried Wilhelm; 1646–1716)*, немецкий математик и философ – 286, 309
- Лемерсье-Келькеже Шанталь (Lemercier-Quelchejaу Chantai)*, французский востоковед – 65–66, 70
- Леонов Олег Геннадиевич*, историк – 85, 87
- Леонтьев Максим (Толстоухов Максим Леонтьевич; ум. 1711 или 1712)*, православный священник, настоятель Софийской церкви в Пекине – 238–240
- Леонтьев Михаил Иванович* (1672–1752), военный и государственный деятель, племянник бабушки Петра I – 103
- Лепихин Агапит (пер. треть XVIII в.)*, казак – 428
- Леснов Ф. Е. (пер. пол. XVIII в.)*, приказчик А. Н. Демидова – 353
- Леубе (Лейбе) Иоганн Готлиб (Иван Иванович; 1724–1782)*, в 1751–1763 первый лютеранский пастор в округе Кольвано-Воскресенских заводов, затем управляющий Змеиногорским и другими рудниками – 352
- Лефорт Пьер (Пётр) Богданович (Lefort Pierre; 1676–1754)*, племянник и секретарь Франца Лефорта, позднее генерал-лейтенант, дипломат – 167
- Лефорт Франц Яковлевич (Lefort, Le Fort Franz Jakob; 1655–1699)*, государственный и военный деятель, сподвижник Петра I – 134, 142, 145–146, 166–167, 183, 413, 417, 468–471, 475
- Лешиловская Инна Ивановна* (р. 1929), историк, специалист по истории Балкан – 208, 219
- Лёвен Фридрих, фон (Löwen Friedrich, von; 1654–1744)*, государственный деятель Российской империи, 1730–1735 губернатор Ревеля – 386, 395–396

- Лизогуб Яков Кондратьевич (ум. 1698), полковник – 141
- Линанж, де – см. Жумар Жозеф, граф де Линанж
- Линкольн Маргарет Элен* (Lincoln M.; р. 1953), военно-морской историк, сотрудник Национального морского музея (Великобритания) – 392–393, 403
- Лис Ольга Александровна*, реставратор – 257–258
- Лихарев Иван Михайлович (1676–1728), майор, руководитель экспедиции в Сибирь – 337–338, 340
- Лихачёв Дмитрий Сергеевич* (1906–1999), филолог, культуролог, историк – 434, 451
- Лихоманов Антон Владимирович* (р. 1964), историк – 313
- Лишин Александр Андреевич (1834–1909), генерал-майор – 29, 43
- Ло Джон оф Лористон (Law John of Lauriston; 1671–1729), шотландский финансист – 14, 16, 400
- Лобанов Дмитрий Алексеевич (р. 1972), историк, педагог, краевед – 25, 342
- Ловчиков Степан Богданович (рубеж XVII–XVIII вв.), думный дворянин, в 1700–1702 азовский воевода – 140
- Ловягин Александр Михайлович* (1870–1925), книговед, библиограф, публицист, переводчик – 185, 206
- Локателли Франческо (Locatelli, Lucatelli, Loccatelli Francesco; 1687–1770), итальянский авантюрист – 24, 358–366
- Ломан Яков Мануйлович (ум. 1741), полковник с 1730, в 1733–1735 комендант Дербента – 76
- Ломанов Александр Владимирович*, китаист – 238, 245
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765), учёный-естествоиспытатель – 164, 311–313, 370, 374, 377, 383, 385, 389, 402
- Лопатин Андрей Иванович (ум. 1734), войсковой атаман Войска Донского (1723–1734) – 40–42
- Лопухин Андреян Иванович (1693–1755), поручик – 180
- Лоренс (Лоренц) Джеймс (ум. 1733), капитан полковничьего ранга – 387, 399
- Лудольф Генрих Вильгельм (Ludolf Heinrich Wilhelm; 1655–1712), немецкий филолог, автор грамматики русского языка на латыни, племянник основателя эфиопистики Иова Лудольфа – 413
- Лудольф Иов (Ludolf Niob, 1624–1704), немецкий учёный-энциклопедист, основатель эфиопистики – 442, 457
- Лужин Фёдор Фёдорович (1695–1727), геодезист и картограф, исследователь Камчатки и Курильских островов – 286–287, 378, 406
- Лузанов Пётр Фомич* (1848 – после 1917), военный юрист, генерал от инфантерии – 351, 356
- Лузин Андрей Остафьевич (рубеж XVII и XVIII вв.), ярославский купец, государев гость – 222, 224
- Лузин Илья Остафьевич (ум. после 1710), купец, член гостинои сотни – 222
- Лузин Клим Остафьевич (ум. до 1710), купец, член гостинои сотни – 222
- Лузин Михаил Остафьевич (рубеж XVII и XVIII вв.), купец, член гостинои сотни – 222
- Лузин Семён Остафьевич (ум. до 1705), ярославский купец, государев гость – 21, 220–227
- Лузина Анна Семёновна – см. Филатьева Анна Семёновна
- Лузина Екатерина Семёновна – см. Шорина Екатерина Семёновна
- Лузины, купеческий род – 224
- Луиза Генриетта Оранская (урожд. Нассау-Оранская, Luise Henriette von Oganien; 1627–1667), супруга Фридриха Вильгельма I Бранденбургского – 247
- Луканин Александр Матвеевич* (1821–1889), прот., историк, краевед – 274, 283

- Лукей Семён, фон (ум. 1729), в 1728 комендант Дербента – 77–78, 112
- Луттов Сергей Павлович (1910–1988), историк, архивист, книговед – 435, 452, 454
- Лысцов Викентий Павлович (1916–2002), историк – 25, 32, 44, 367–375
- Любименко Инна Ивановна (урожд. Бородина; 1878–1959), историк – 162–163
- Людвиг Иоганн Вильгельм Груно, принц Гессен-Гомбургский (Ludwig Johann Wilhelm Gruno, Prinz von Hessen-Homburg; 1705–1745), генерал-фельдцейхмейстер (1735) и генерал-фельдмаршал (1742) российской службы – 82, 360
- Людовик XIV (Louis XIV; 1638–1715), король Франции – 234, 441, 457
- Людовик XV (Louis XV; 1710–1774), король Франции, правнук Людовика XIV – 466
- Люнг-Фельт (пер. пол. XVIII в.), шведский офицер, участник экспедиции на Мадагаскар – 398
- Люрсениус Иоганн Вильгельм (Lurzenius Johann Wilhelm; 1704–1761), рисовальщик – 381
- Лютер Мартин (Luther Martin; 1483–1546), христианский богослов, инициатор Реформации, ведущий переводчик Библии на немецкий язык – 443
- Лютов Остафий Осипович (прозвище «Луза»; ум. ок. 1672), купец, член гостинной сотни – 222
- Маврин Емельян (Ульян) Юрьевич (пер. пол. XVIII в.), адъютант Петра I (1708–1709), генерал-адъютант (1726), капитан л.-гв. Преображенского полка (1713), полковник – 386–387
- Магамет Куем Магаметов сын (Мамет Куем Маметев; нач. XVIII в.), житель Дербента и Тарок – 118–119, 121
- Магамет хан (нач. XVIII в.), брат Даут бека, жил в Шемахе и управлял ею – 123
- Магамет (нач. XVIII в.), юзбаша, старейшина дагестанского городка Арпауга – 123
- Магидович Иосиф Петрович (1889–1976), историк – 312
- Магмет (нач. XVIII в.), мулла – 107
- Магомедов Назим Абдурахманович (р. 1943), историк – 79, 87
- Магомет Юсуп-бек (Магамет бек, Юсупбек; нач. XVIII в.), дядя наиба Дербента Имама Кули-бека – 108, 113, 116, 125
- Мазепа Иван Степанович (1639–1709), украинский военный и политический деятель – 140–143, 364
- Мазур Тамара Петровна (Mazur, Mazour; р. 1942), историк – 25, 315, 404
- Майкова Татьяна Сергеевна (1918–1991), историк – 44
- Макарий Египетский (ок. 300–391), прп., христианский богослов – 448, 453
- Макаров Алексей Васильевич (1674 или 1675–1740), кабинет-секретарь Петра I – 44, 108, 110–113, 118–119, 121–122, 124–128, 467, 475
- Маккеев Н. (пер. пол. XVIII в.), капитан – 51
- Макрушин А., историк – 386, 402
- Макрушин Валентин Александрович (1902–1987), военно-морской историк, издатель – 386, 389, 394–396, 401–402
- Максим (нач. XVIII в.), табасаранский правитель (майсум?) – 117–119, 121–123
- Максимов Иван (кон. XVII в.), прикащик купца Семёна Лузина – 224
- Максимов Матвей (кон. XVII в.), тобольский каменных дел мастер – 279
- Максимова Р. И., сотрудник Кунсткамеры – 439, 452
- Максют (Макют?; ум. 1723), паша – 114, 118, 120–122

- Малашев Владимир Юрьевич* (р. 1958), археолог – 85
- Маленькой Семён Мартынович (Маленьков; ум. 1702), купец, путешественник в Иран и Индию – 334
- Малинин Юрий Павлович* (1946–2007), историк-медиевист, педагог – 412, 420
- Маллахмет (нач. XVIII в.), «человек» Сурхай-хана – 124–125
- Малов Александр Витальевич (р. 1968), историк – 133, 137, 153
- Малова Татьяна Игоревна*, астроном, историк – 309
- Мамет Усейн бек (пер. пол. XVIII в.), персидский купец, дипломат – 47, 50, 54
- Мамонов – см. Дмитриев-Мамонов Иван Ильич
- Мамут (пер. треть XVIII в.), султан одного из дагестанских племён – 122
- Мамут Бек (пер. пол. XVIII в.), служитель персидского посольства – 50, 53
- Мандель (пер. пол. XVIII в.), офицер шведского флота – 398
- Мануков Назарет (пер. пол. XVIII в.), армянин из Шемахи, разведчик на русской службе – 95
- Мариотти Себастьяно (Mariotti Sebastiano; пер. пол. XVIII в.), итальянский торговец мрамором в Петербурге – 360
- Марков Александр Сергеевич* (р. 1931), писатель-краевед – 192, 201, 205
- Мартиниан (ум. 1717), архимандрит – 267
- Мартынов К. (пер. треть XVIII в.), астраханский армянин – 203
- Маршаев Рамзан Гамидович*, историк – 81, 87
- Маршарир (пер. пол. XVIII в.), словенщик – 61
- Масиель Санчес Лев Карлосович (р. 1976), историк, искусствовед – 272, 274–275, 279–283
- Масир хан (Масирхан, Мусир хан; пер. треть XVIII в.), брат Магомет Юсуп-бека – 113, 115
- Масленников Борис Георгиевич*, географ – 312
- Маслов (пер. треть XVIII в.), поручик – 192
- Масса Исаак (Massa Isaac, 1586–1643), голландский купец, путешественник и дипломат – 262
- Матвеев М. (пер. треть XVIII в.), армянский купец, житель Астрахани – 199
- Матюшкин Михаил Афанасьевич (1676–1737), троюродный брат Петра I, генерал-майор – 35, 92, 99, 104, 108–109, 111–112, 118–119, 122, 124–125, 127–128, 180, 182, 408
- Махмуд, бей Утамышы, кумыкский владетель – см. Султан-Махмуд
- Махмуд I (1696–1754), 24-й султан Османской империи (1730–1754) – 76, 364
- Медер (Мейдер) Иван Виктор (1741–1778), горный офицер – 352
- Медер Иван Иванович (1775–?), горный офицер – 348–349, 353–356
- Медичи Фердинандо (1549–1609), кардинал – 433, 450
- Медушевская Ольга Михайловна* (1922–2007), историк – 312
- Мезин Сергей Алексеевич (р. 1958), историк – 26, 168–170, 175, 183, 359, 365, 411, 419–420
- Мельгунов Григорий Валерьянович (1833–1873), востоковед, писатель – 368, 375
- Мельников Григорий Михайлович (1916–1994), живописец-миниатюрист – 254
- Мельникова Елена Александровна* (р. 1941), историк-медиевист – 156, 163
- Мельникова Нелли Васильевна*, историк архитектуры – 250, 256, 258
- Менгден Юрий (Георгий), фон (ок. 1628–1703), военачальник, первый полковник Преображенского полка – 140
- Меншиков Александр Данилович (1673–1729), гр. с 1702, кн. с 1705, светл. кн. с 1707, государственный

- деятель — 54, 57, 59, 62, 169, 182, 212, 217, 248, 252, 258, 350, 471
- Меньшикова Мария Львовна*, искусствовед — 247, 250–251, 256, 258–259, 471, 475
- Мерво Мишель (Mervaud Michel; р. 1929), французский историк русской культуры и литературы — 165, 167, 184
- Мериан Мария Сибилла (Merian Maria Sibylla; 1647–1717), немецкая художница, гравёр, энтомолог — 381
- Меркатор Герард (Mercator Gerhardus; 1512–1594), фламандский картограф — 449
- Меркулев Моссес (пер. треть XVIII в.), армянин, житель Астрахани — 187
- Мёрс Якоб, ван (1617/20–1679), амстердамский издатель — 233
- Мессершмидт Даниил Готлиб (Messerschmidt Daniel Gottlieb; 1685–1735), немецкий медик и ботаник на русской службе, академик Санкт-Петербургской академии наук — 23, 264, 266, 270–271, 287, 311–312, 314–315, 331, 376–377, 439
- Метев (пер. пол. XVIII в.), чеченский мурза — 101
- Мещерский Василий Алексеевич (пер. треть XVIII в.), кн., комендант Шадринска и возглавлял по приказу кн. Гагарина артели «бугровщиков», раскапывавших курганы — 332
- Милеску (Спафарий) Николай Гаврилович (Milescu SpDtaru Nicolae; 1636–1708), молдавский боярин, известный как русский дипломат, политический деятель — 412–414, 437
- Миллер Герард Фридрих (Müller Gerhard Friedrich, Фёдор Иванович; 1705–1783), российский историк немецкого происхождения, академик Санкт-Петербургской академии наук — 164, 194, 206, 285, 296, 300, 303–305, 307, 312–313, 316, 326, 336, 340, 362, 381, 383, 439
- Миллер Ян*, польский историк — 312
- Милованов Игнатий Михайлович, землепроходец XVII в., нерчинский казацкий урядник, в 1670 возглавлял миссию в Пекин, в 1675 сопровождал посольство Н. Спафария в Пекин, составил документные материалы о поездках и о маршрутах — 437
- Милославские, дворянский род — 351
- Минас Амдеци (ум. 1704), армянский писатель, с 1655 вардапет (монах) — 197, 202
- Минерт Людвиг Карлович (1920–2003), архитектор, художник, исследователь архитектуры — 272, 283
- Миних Бурхард Кристоф (Христофор Антонович), фон (Mynnich, Burkhard Christoph, von; 1683–1767), гр. с 1728, государственный деятель, с 1732 генерал-фельдмаршал — 350
- Минцлов Рудольф (Роберт) Иванович (1811–1883), прусский подданный, с 1847 жил и работал в Санкт-Петербурге, библиограф, книговед, педагог, переводчик — 164, 167, 183, 414, 416, 420
- Мир Вайс (Мирвейц; 1673–1715), вождь афганского племени гильзаев, первый независимый правитель Афганистана, основатель пуштунской династии Хотакис — 114
- Мир Махмуд-шах Хотакис (Мурмаут Мирвейцов сын; 1697–1725), третий эмир Кандагара, первый шах Ирана из афганской династии Хотакис, старший сын Мир Вайса, захвативший в 1722 столицу Персии Исфахан — 114, 129
- Михаил Фёдорович (1596–1645), русский царь — 435–436
- Михайлов Григорий Владимирович* (р. 1948), архитектор — 252, 258
- Михайлов Николай Иванович* (сер. XIX в.), педагог, редактор — 197, 205

- Мишель Жан (Михель Иван, Michel Jean; нач. XVIII в.), французский придворный мебельный мастер, с 1718 в России — 254
- Моканаков Дмитрий (кон. XVII в.), майор — 137
- Молчанов Николай Николаевич (1925–1990), историк — 389, 402
- Морган Джаспер Уильям (Гаспар Гийом; нач. XVIII в.), «Капитан Морган», офицер Британского флота, тайный яacobитский агент, участник шведской и русской экспедиций на Мадагаскар — 393, 397, 401
- Мортье Пьер (Mortier Pierre, Pieter; 1661–1711), голландский картограф, гравёр и издатель — 442, 457
- Московитин Иван Юрьевич (ок. 1603–1671), землепроходец, казачий атаман — 284, 313
- Мрочковский Константин Иванович (ок. 1854–?), поручик 9-го пехотного Староингерманландского полка — 167, 184
- Мулаев Х. (пер. треть XVIII в.), индеец, житель Астрахани — 192
- Мулин А. (пер. треть XVIII в.), индийский купец, житель Астрахани — 192–193, 199
- Муловский Григорий Иванович (1757–1789), военно-морской деятель — 385
- Мур Жан-Батист, ван (Ван Мур, Ванмур, Moug Jean-Baptiste, van; 1671–1737), фламандский художник — 445–446, 453, 458
- Мурзамеденив Р. (пер. треть XVIII в.), житель Дербента — 196
- Мурмамут Мирвейцов сын — см. Мир Махмуд-шах Хотак
- Мурса гулы (нач. XVIII в.), «капрал» в отряде Имамсея — 120
- Муртазаев Арсен Омарович* (р. 1980), историк — 76, 85–86
- Муртузали (пер. пол. XVIII в.), сын правителя Табасарана — 83
- Мурса гулы (пер. пол. XVIII в.), «капрал» в отряде Имамсея — 120
- Муса-хан (пер. пол. XVIII в.), астаринский владетель — 100
- Мусихин А. Л.*, историк — 297
- Мустакимов Ильяс Альфредович*, историк — 70
- Мухаммад ибн Муса ибн Иса Камаль ад-Дин ибн Ильяс ибн Абд-Аллах ад-Дамири (ок. 1342–1405), автор энциклопедического труда «Жизнь животных» — 442
- Мышлаевский Александр Захаревич* (1856–1920), военный деятель, историк — 67–68, 70–71
- Мюллер Бернгард (нач. XVIII в.), драгун шведской службы, автор книги «Жизнь и обычаи остяков» — 268
- Мясников Владимир Степанович (р. 1931), историк, востоковед, китаист — 216, 219, 245, 437, 454
- Мясной Данила Иванович (пер. пол. XVIII в.), капитан 1-го ранга (1732) — 387, 399
- Наарден Бруно* (Naarden Bruno), голландский историк (Амстердам), специалист по истории России — 309, 415, 420, 440, 452
- Надилов Х. (пер. треть XVIII в.), житель Астраханского Бухарского двора — 195
- Надир-шах Афшар (1688–1747), шах Ирана в 1736–1747, основатель династии Афшаридов, полководец — 19, 73, 86, 95, 100–101, 365
- Назар инак (нач. XVIII в.), хивинец — 197
- Назар (нач. XVIII в.), толмач наиба Имама Кули-бека — 116
- Назаров Владислав Дмитриевич* (р. 1938), историк, специалист по средневековой Руси — 412, 420
- Нандаев А. (пер. треть XVIII в.), купец, житель Агрыжанского двора в Астрахани — 198
- Нартов Андрей Константинович (1693–1756), механик, изобретатель, токарь Петра I — 72, 87
- Нарышкин А. (пер. пол. XVIII в.), комнатный стольник Петра I — 59
- Нарышкин И. (пер. пол. XVIII в.), комнатный стольник Петра I — 59

- Небагуев М. (пер. треть XVIII в.), индийский купец, житель Астрахани — 196
- Невахович Николай Александрович* (1835—1901), военно-морской деятель — 385, 402
- Невейцын (пер. треть XVIII в.), мореход и кормщик — 427
- Нёвилль Фуа, де ла — см. Ла Нёвилль, Фуа де
- Невский Владимир Васильевич*, историк — 312
- Невшехирли Дамад Ибрагим-паша (NevŞehirli Damat İbrahim Paşa; ок. 1666—1730), государственный деятель, великий визирь Османской империи (1718—1730) — 445
- Неглинская Марина Александровна*, искусствовед — 473, 475
- Нежурич Г.*, журналист — 312
- Нейкирх П. В. (пер. треть XVIII в.), голландец, ювелирный мастер — 198
- Нейхоф Джон — см. Ньюхоф (Йоханн) Йоханнес
- Немцев Михаил Сергеевич (р. 1956), поэт, переводчик, публицист, общественный деятель — 349, 353, 356
- Неплюев Иван Иванович (1693—1773), адмирал, дипломат, автор мемуаров — 37, 176
- Неплюев Семён Протасьевич (рубеж XVII и XVIII вв.), думный дворянин, воевода — 149
- Неронов (пер. пол. XVIII в.), стольник — 57
- Нефёдова Ольга Вадимовна*, искусствовед — 446, 453
- Нефес Ходжа (пер. пол. XVIII в.), туркменский путешественник — 336
- Никиташина Светлана Олеговна (р. 1965), историк — 24, 347
- Никитин А. В.*, московский археолог — 156, 163
- Никитин Гаврила (кон. XVII в.), купец — 221
- Никитин И. (пер. треть XVIII в.), армянский купец, житель Астрахани — 191
- Никифор (Nicerphor; ок. 758—828), патриарх Константинопольский — 441
- Никифоров Иван (пер. треть XVIII в.), ученик Гендрика ван Бронкхорста — 254
- Никифоров Леонид Алексеевич (1911—1987), историк — 371—373, 375
- Николай (Адоратский; 1849—1896)*, с 1886 иеромонах, с 1887 архимандрит, с 1890 епископ — 238, 245
- Николай (Цвет; ум. 1784), архимандрит, начальник Шестой (1771—1781) миссии в Пекине — 463
- Никулин Николай Николаевич* (1923—2009), искусствовед — 452
- Нитар Доржи (пер. треть XVIII в.), сын Чакодждапа, калмыцкого военачальника, внук хана Аюки — 180—181
- Нишли Мехмед-ага, османский посланник в России в 1722—1723 гг. — 37
- Новиков Николай Иванович (1744—1818), журналист, издатель, общественный деятель — 438, 448, 452—453
- Новицкий Георгий Андреевич (1896—1981), историк, педагог — 368, 371
- Новицкий Григорий Ильич* (ум. ок. 1725), автор первой этнографической монографии на русском языке «Краткое описание о народе остяцком» — 319
- Новлянская Мария Григорьевна* (1892—1985), историк науки — 264, 266, 271, 312
- Норкросс Джон (1688—1758), офицер Британского флота, якобитский агент, посредник в переговорах Петра I с мадагаскарскими пиратами — 393
- Нуразбек (нач. XVIII в.), «капрал» в отряде Имамсея — 120
- Ньюхоф (Йоханн) Йоханнес (Nieuhoff Johann, Джон, Nieuhof Johannes, Johan; 1618—1672), голландский посол в Китае, путешественник и

- писатель, иллюстрировавший свою книгу – 230–231, 233–234, 237, 437–438, 457–458
- Ньюхоф Хендрик (XVII в.), писатель – 230–231
- Нянинг Андрей (1747–?), горный офицер – 352
- Оболенский Михаил Андреевич* (Obolenski M. A.; 1806–1873), кн., историк-архивист – 358–359, 365–366, 475
- Овцын Григорий (пер. пол. XVIII в.), полковник – 54
- Огрызко Иосиф Иванович* (1902–1982), историк – 267–268, 271
- Одоевский Яков Никитич (ум. 1697), кн., военный и государственный деятель – 188
- Озерова М. И.*, историк, китаевед – 324, 327
- Олеарий (Олеариус) Адам (Ölschläger(I) Adam, Olearius Adam; 1599–1671), немецкий путешественник, географ, ориенталист, историк, математик, физик – 159, 185, 206, 435, 448–449, 458
- Ольдерогге Дмитрий Алексеевич* (1903–1987), африканист, этнограф, историк, лингвист – 449, 454
- Онор Хью* – см. *Honour Hugh*
- Ори Израэл (Ori Israel; 1658–1711), армянский политический деятель – 197, 200
- Орлик Филипп Степанович (1672–1742), украинский политический деятель, гетман Войска Запорожского в эмиграции – 364
- Ортелий Абрахам (Ortels, Hortels Abraham; 1527–1598), нидерландский картограф – 288
- Осборн Перегрин, маркиз Кармартен (1659–1729), вице-адмирал английского флота – 392–393
- Осипов М. (пер. треть XVIII в.), армянский купец, житель Астрахани – 192, 197
- Осипов Я. (пер. треть XVIII в.), армянский купец, житель Астрахани – 192
- Осколков Григорий Афанасьевич (пер. пол. XVIII в.), купец – 423
- Ослан (ум. 1723), житель табасаранской деревни Мараги – 120
- Остерман Андрей Иванович (Ostermann, Heinrich Johann Friedrich; 1686–1747), гр. с 1730, вице-канцлер, с 1740 генерал-адмирал – 100
- Остог (пер. пол. XVIII в.), шведский офицер, участник экспедиции на Мадагаскар – 397–398
- Отческий Михаил (пер. треть XVIII в.), купец – 111, 126
- Павел (ум. 1692), митрополит Сибирский и Тобольский – 277
- Павел I Петрович (1754–1801), российский император – 257–258
- Павленко Николай Иванович (1916–2016), историк – 208, 212, 219, 410
- Павлова Марина Анатольевна*, искусствовед, музейный деятель – 252, 259
- Палей Семеон (рубеж XVII–XVIII вв.), казачий полковник, предводитель казаков Правобережной Украины – 140–141
- Паллас Петер Симон (Pallas Peter Simon; 1741–1811), немецкий естествоиспытатель, путешественник, с 1767 академик Петербургской Академии наук – 304, 349, 353, 356
- Пальмов Николай Николаевич* (1872–1934), историк, основатель первого калмыцкого музея – 198, 206
- Пан Татьяна Александровна* (р. 1955), историк, филолог – 324, 328
- Панин Иван Васильевич (1673–1736), управляющий Военным Главным комиссариатом – 170
- Парсандабеков Рафаил (пер. пол. XVIII в.), ротмистр – 93–94
- Пасауров Палабек (пер. пол. XVIII в.), ротмистр, в 1725 в Гиляне присоединился к армянскому эскадрону в составе русских войск – 94

- Пасецкий Василий Михайлович* (1920–2001), историк – 312
- Пастьян (ум. после 1723), виноградный мастер – 110, 114
- Патрон Халил (1690–1730), предводитель восстания в Константинополе, приведшего к свержению султана Ахмеда III – 445
- Пекарский Пётр Петрович* (1827–1872), историк – 208, 219, 312, 328, 348, 350, 356
- Пер Оруж Кулы (нач. XVIII в.), «кап-рал» в отряде Имамсея – 120
- Пергули Ромазонов (нач. XVIII в.), житель деревни Набрин/Набран, во владениях Шемахи – 123
- Перевалов В. А.*, историк – 312
- Перегожин Алексей Анатольевич*, алтайский историк, краевед – 349, 356
- Перегудов Александр Викторович*, историк – 148–149, 153
- Перельмутер Илья Аронович* (р. 1929), филолог-классик – 324, 327
- Перри Джон (Perry John; 1670–1732), английский капитан, писатель, оставивший заметки о России, в России в 1698–1715 строитель кораблей, доков, каналов – 334, 340
- Петелин Иван (кон. XVII в.), подьячий Сибирского приказа – 326
- Петерс Дмитрий Игоревич* (1949–2008), историк, специалист по наградным медалям Российской империи втор. пол. XVIII в. – гражданской войны – 430–431
- Петерс Татьяна Павловна (р. 1950), историк – 26, **422**
- Петлин Иван (XVII в.), томский сибирский казак, в 1618–1619 по поручению тобольского воеводы совершил поездку из России в Китай с целью поисков северного пути из Европы в Китай – 436
- Пётр I (1672–1725), русский царь (с 1682), первый российский император (с 1721) – 11–28, 32–37, 39–46, 49–51, 54–58, 61–65, 70, 72–73, 75–77, 81, 84–86, 88–92, 96–100, 104–109, 111–113, 129, 131–134, 136, 138, 140, 142–146, 148–149, 151–155, 161–162, 164–168, 174–177, 180–181, 183–185, 190, 192–194, 197–198, 200–202, 204–205, 207–208, 210–212, 217–220, 224, 226–227, 234–235, 238–240, 242–243, 247, 249–252, 254–255, 261, 263–265, 267–270, 277–278, 285–287, 289, 291–292, 297, 308–309, 311, 313–314, 318, 330–340, 347, 355, 360–361, 367–368, 370–379, 382–386, 388–390, 393–397, 400–410, 412–414, 416–424, 426–427, 430–453, 457, 460–462, 466–475
- Пётр II Алексеевич (1715–1730), российский император, сын царевича Алексея Петровича – 82, 84, 217
- Пётр III Фёдорович (урожд. Карл Петер Ульрих, Karl Peter Ulrich, von Schleswig-Holstein-Gottorf; 1728–1762), российский император – 257, 350, 462
- Пётр Петрович (1715–1719), царевич, сын Петра I – 332
- Пётр Фёдорович, вел. кн. – см. Пётр III Фёдорович
- Петрик (Черкашенин Пётр; рубеж XVII–XVIII вв.), запорожский казак – 140–141
- Петров А. Ю.*, историк – 309
- Петрова Татьяна Михайловна*, картограф – 312
- Петрухинцев Николай Николаевич (р. 1961), историк – 19, **131**
- Пикарт Питер (Picart Pieter; 1668–1737), голландский гравёр, с 1702 работал в России – 55
- Пиль Иван Алферьевич (1730–1801), государственный деятель, генерал-поручик (1782), генерал-лейтенант (1798) – 463
- Пильман Филипп (Pillement Philippe; 1684–1730), французский живописец, с 1717 по 1724 работал в России – 234, 255
- Пиотровский Борис Борисович* (1908–1990), историк, археолог, востоковед – 452

- Питкейрн (Питкарн) Арчибальд (Pitcairne Archibald; 1652–1713), шотландский врач; профессор анатомии в Лейдене – 434
- Плахотник Александр Филиппович*, географ, историк науки – 312
- Плохов Николай Петрович (1746–1795), горный офицер – 352
- Поздняев Дионисий Андреевич* (р. 1970), с 2006 протоиерей, специалист по истории православия в Китае – 242, 245
- Покок Эдвард (Pococke Edward, 1604–1691), британский востоковед, гебраист, библиист, священник – 433
- Полевой Борис Петрович (1918–2002), историк – 290, 309, 312–313
- Ползунов Иван Иванович (1728–1766), изобретатель, создатель первой в России паровой машины и первого в мире двухцилиндрового парового двигателя – 352
- Поло Марко (Polo Marco; 1254–1324), итальянский купец и путешественник – 288
- Полонский Александр Семёнович* (XIX в.), медик, историк – 313, 423, 431
- Полунина Надежда Михайловна* (р. 1945), историк – 280, 283
- Поляков Иван (пер. треть XVIII в.), ученик Гендрика ван Бронкхорста – 254
- Полянский Евгений Яковлевич* (ок. 1870–1920), библиист – 441, 453
- Пономаренко В. П.*, историк архитектуры, искусствовед – 274, 283
- Попов Александр Николаевич* (1820–1877), историк, правовед – 194, 206
- Попов Андрей (нач. XVIII в.), участник 1-й православной миссии в Пекине – 241
- Попов М. (пер. пол. XVIII в.), купец – 53
- Попов Михаил Иванович (1742–1781 или 1790), писатель, переводчик – 168, 183
- Попов Харитон Иванович* (1834–1925), историк-любитель, первый заведующий Донским музеем в г. Новочеркасске (1899–1920), статский советник – 31, 45
- Посников Павел (пер. треть XVIII в.), подпоручик, заведовал изготовлением шафрана – 111
- Поссельт Мориц Фёдорович (Мориц Конрад, Posselt Moritz Conrad Friedrich Ferdinand; 1804 или 1805–1875), историк, писатель и педагог немецкого происхождения – 469, 471, 475
- Постников (Посников) Василий Тимофеевич (ум. ок. 1710), дипломат, дьяк Посольского приказа (1677) – 447
- Постников (Посников) Пётр Васильевич (1676 – после 1716), представитель Петра I за границей, доктор философии и медицины, переводчик Корана – 447, 451
- Постников Алексей Владимирович (р. 1939), географ, картограф – 297, 313, 319, 322, 326, 328
- Потин Всеволод Михайлович* (1918–2005), нумизмат – 156, 163
- Пра Иван (пер. треть XVIII в.), виноградный мастер французского происхождения – 110, 125
- Преображенский (ум. 1722), трубач личной гвардии Петра I – 176
- Преображенский Александр Александрович* (1925–2002), историк – 44
- Приимков-Ростовский Никита Иванович (ум. 1692), кн., военный и государственный деятель, в 1689–1690 воевода Астрахани – 189
- Приймак Юрий Владимирович*, историк – 66, 70
- Притомов С. (пер. треть XVIII в.), астраханский индийский купец – 201
- Прончищев Василий Васильевич (1702–1736), морской офицер, полярный исследователь Арктики – 308
- Приуц Юхан (Приц; 1680–1753), шведский пленный в Tobolske, в июле 1722 вернулся на родину – 344

- Пумпян Галина Захаровна (р. 1947), филолог – 25, 249, 257, 260, **432**, 451, 453
- Пуятин Евгений Евфимьевич* (1952–1908), гр., полковник, учредитель Императорского православного палестинского общества (ИППО) в 1882 – 400, 402
- Пушкарь А.*, журналист – 313
- Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), поэт, писатель, драматург – 210
- Пушин И. (пер. пол. XVIII в.), дорожный пристав – 50
- Пчелин Николай Георгиевич*, историк, китаевед – 324, 327–328
- Пятин Пётр Афанасьевич (1741–?), горный офицер – 352, 354
- Радзивилл Анна** (пер. пол. XVIII в.), кн., владелица мануфактуры в Литве – 256
- Радлов Василий Васильевич* (1837–1918), востоковед, этнограф, археолог – 332, 340
- Раздворкуев Д. (пер. треть XVIII в.), индийский купец, житель Астрахани – 193
- Разин Степан Тимофеевич (1630–1671), донской казак, предводитель восстания 1670–1671 гг. – 20
- Разумовский Кирилл Григорьевич (1728–1803), гр. с 1744, в 1750–1764 гетман Войска Запорожского, с 1764 генерал-фельдмаршал, с 1746 по 1798 президент Российской Академии наук – 303
- Раимбаев Н. (пер. треть XVIII в.), житель астраханского Гилянского двора – 195
- Райан Уильям Френсис* (Ryan W. F.) британский филолог-славист, историк, профессор Лондонского университета – 393, 403
- Раймонди Жан-Батист (1540–1610), философ, математик, физик, знал арабский, персидский, турецкий языки – 433
- Рамазанов С. (пер. треть XVIII в.), касимовский татарин, житель Астрахани – 192
- Раскин Давид Иосифович (р. 1946), историк – 25, **460**
- Растрелли Франческо (Rastrelli Francesco; 1700–1771), гр., русский архитектор итальянского происхождения – 257
- Рафиков Ахмет Халилович* (1906–1989), историк, востоковед-тюрколог – 433, 449, 454
- Рахаев Джамал Якубович* (р. 1977), историк – 66, 68, 71
- Резанов (пер. пол. XVIII в.), поручик – 103
- Ремезов Семён Ульянович* (1642 – после 1721), картограф, архитектор, строитель, историк, художник, писатель – 320, 328
- Ренат Юхан Густав (Renat Johan Gustaf; 1682–1744), капитан, картограф, шведский военнослужащий, после 17-ти лет на русской службе в 1734 вернулся в Стокгольм – 323
- Рентель Иоганн Криштоф (пер. треть XVIII в.), француз, с 1703 на русской службе, исследователь Каспийского моря, картограф – 406
- Репин Леонид Борисович* (р. 1937), журналист, писатель – 313
- Репнины, княжеский род – 351
- Ржевский Алексей Иванович (ок. 1638–1704), думный дворянин, окольный, воевода в Вятке и Самаре – 139
- Ржевский Тимофей Иванович (1640–1705), стольник (1669), замещал должность воеводы в Астрахани, где и был убит во время восстания – 203
- Ржеуцкий Владислав Станиславович (р. 1970), историк – 319
- Ригельман Александр Иванович* (1714–1789), военный инженер, историк – 41–42, 45
- Ригеман Карл Андреевич (Ригимон, Риман; ум. 1700), генерал-майор – 142

- Рид Мэри (Read Mary; 1685–1721), английская пиратка – 393
- Риддер Филипп Филиппович (1759–1838), горный инженер – 349, 353, 356
- Рие Андрэ, дю (Ryer Andre, du; 1580–1660 или 1672), французский дипломат, востоковед, переводчик – 447
- Ринальди Антонио (Rinaldi Antonio; 1709–1794), итальянский архитектор, с 1751 работавший в России – 22
- Риччи Маттео (Ricci Matteo; 1552–1610), итальянский миссионер-иезуит, последние 30 лет жизни провёл в Китае – 232, 324, 327
- Рогожин Александр Александрович*, историк – 136, 153
- Рогожин Николай Михайлович* (р. 1947), историк – 440, 452
- Родионов Александр Михайлович* (1945–2013), поэт, писатель, публицист, общественный деятель – 355
- Роккафорте Микеле – см. Локателли Франческо
- Романов Михаил Никитич (1560–1602), брат патриарха Филарета, дядя царя Михаила Фёдоровича – 275
- Романова Анна Петровна*, культуролог философ – 196, 206
- Ромодановский Михаил Григорьевич (1653–1713), кн., государственный деятель – 150
- Ронин Владимир Карлович* (р. 1958), историк, филолог, переводчик – 420
- Рошфор П. (Rochefort P.; нач. XVIII в.), гравёр – 445
- Рудова Мария Леонидовна* (Пчелина; р. 1927), историк-синолог – 248, 252, 259
- Руж Жорж-Луи Ле (Rouge George Louis Le; 1712–1790), французский картограф, гравёр и архитектор – 236
- Румянцев Александр Иванович (1680–1749), гр. с 1744, дипломат и военачальник – 100, 103, 172
- Руслан (нач. XVIII в.), житель Дербента – 126
- Руссе де Мисси Жан (Rousset de Missy Jean, псевд.: Nestesuranoi Iwan / Нестесураной Иван Иванович; 1686–1762), голландский историк и публицист французского происхождения – 419–421
- Руст (Рюст) Шарль (Ruste Charles; нач. XVIII в.), резчик – 254
- Рутман Тамара Александровна* (1946–2017), историк, искусствовед – 223, 228
- Рыльцо И. (пер. пол. XVIII в.), поручик – 51
- Рычаловский Евгений Евгеньевич, архивист – 304, 313
- Ряшин Владимир*, журналист – 313
- Саввинский Иоанн Иосифович (Иван Осипович; 1856–1918), протоиерей – 187, 206
- Савельев М. (пер. треть XVIII в.), армянский купец, житель Астрахани – 191
- Савельева Елена Алексеевна* (1937–2018), историк – 435, 452
- Савенкова А. И.*, историк архитектуры, искусствовед – 279, 283
- Саверкина Ирина Витальевна*, историк, музейный работник – 444, 454
- Садык хаджи (нач. XVIII в.), житель Астрахани – 197
- Салага-юзбаши Авраам (Абрам; пер. пол. XVIII в.), военный деятель – 94
- Салтыков Алексей Петрович (ум. 1726), боярин, московский губернатор (1713–1716), казанский губернатор (1719–1725) – 59, 149–151
- Салтыков Пётр Михайлович (ум. 1690), воевода в Тобольске (1673–1677), в Астрахани (1677–1678), Смоленске (1681) – 189
- Салтыков Фёдор Степанович (ум. 1715), спальник, морской агент в Лондоне – 286

- Самойлов Николай Анатольевич* (р. 1955), историк – 251, 259
- Самошкин В. И.*, переводчик с английского языка – 258
- Сандерс Томас (ум. 1733), с 1727 вице-адмирал – 385
- Сандырев Сава Григорьевич (пер. пол. XVIII в.), дьяк – 50–51, 54
- Санима (Сани, в крещении Яковлев Иван; пер. пол. XVIII в.), японский моряк – 424–426, 431
- Сансон (д'Абвиль) Николаас (Николя, Sanson d'Abbeville Nicolas; 1600–1667), французский географ, картограф – 440
- Сапелкин Николай Сергеевич* (р. 1970), публицист – 370, 375
- Сарапионов Иван (пер. пол. XVIII в.), армянин из Гянджи, разведчик на русской службе – 95
- Сардар (Сандар; пер. треть XVIII в.), отец Темира, дагестанец, житель деревни Чарды – 116
- Сегенстрём (Шенстрём; пер. пол. XVIII в.), шведский полковник – 265
- Седов Павел Владимирович (р. 1960), историк – 136–137, 153
- Селзнёв Алексей Борисович*, археолог – 85
- Селивановский Виктор Викторович*, философ – 245
- Селилмагамет (пер. пол. XVIII в.), племянник правителя Табасарана – 83
- Семевский Михаил Иванович* (1837–1892), историк, журналист, общественный деятель – 340
- Семёнов Лев Константинович*, историк – 311
- Сен-Лежер Симон (пер. пол. XVIII в.), капитан, авантюрист, участник якобитского движения, посредник в переговорах с пиратами Мадагаскара – 393
- Сербянин Афанасий (втор. пол. XVIII в.), автор исторического соч. о Сербии под владычеством турок – 448
- Сергеев Алексей Дмитриевич (1930–2002), историк-краевед – 349, 356
- Сергеев Пётр – см. Гиланенц Петрос ди Саргис
- Сергеева Надежда Ивановна* (1920–2011), историк, искусствовед, музеевед, краевед – 444, 454
- Серова Ирина Александровна (р. 1960), музейный деятель – 21, 220
- Сеславский Кирилл Борисович*, геолог – 313
- Сефи I (1611–1642), в 1629–1642 шах Ирана из династии Сефевидов – 435
- Сидоров Алексей Алексеевич* (1891–1978), искусствовед, историк искусства – 454
- Силантьева Наталья Альбиновна (р. 1948), независимый исследователь – 22, 246, 249, 255, 257, 259–260
- Сило Адам (Silo Adam; 1674–1760), голландский кораблестроитель и капитан, живописец-маринист – 444
- Симоно П. (Simonneau P.; нач. XVIII в.), гравёр – 445
- Сипягин И. А.* (втор. пол. XIX в.), историк – 129
- Ситдиқов Айрат Габитович* (р. 1973), историк, археолог – 70
- Скобельцын Пётр Никифорович (1702–1762), геодезист, участник Второй Камчатской экспедиции под руководством Витуса Беринга – 379–380
- Скотэн Г. мл. (Scotin G. min.; нач. XVIII в.), гравёр – 445
- Скотэн Г. ст. (Scotin G. maj.; нач. XVIII в.), гравёр – 445
- Слатин Александр Акимович (1746–1794), горный офицер – 352
- Слэзкин Юрий Львович* (р. 1956), историк – 262, 267, 270–271
- Смагин Григорий (нач. XVIII в.), участник 1-й православной миссии в Пекине – 241

- Смагина Галина Ивановна* (р. 1951), историк – 23, 313
- Смирнов Василий Николаевич* (р. 1927), живописец-миниатюрист – 254
- Смирнов Николай Иванович* (1917–1992), адмирал флота – 312
- Соймонов Леонтий Яковлевич* (ум. 1743), военный и государственный деятель – 91
- Соймонов Фёдор Иванович* (1692–1780), навигатор и гидрограф, исследователь, в дальнейшем губернатор Сибири – 13, 16, 32, 45, 171, 178, 184, 193–194, 205, 406, 408
- Соколов Борис Михайлович* (р. 1959), историк искусства – 22, 229, 236
- Соловьёв Дамир Васильевич*, историк, переводчик, архивист – 265, 270, 335
- Соловьёв Сергей Михайлович* (1820–1879), историк – 15–16, 37, 45, 99, 104, 139–140, 144, 153, 159, 163, 334, 340, 367
- Солтан Хусейн* – см. Султан Хусейн
- Сорокин Пётр Егорович* (р. 1962), археолог – 21, 155–156, 160, 163
- Сотавов Марат Надырнашаевич* (р. 1982), историк – 97–98
- Сотавов Надырнаша Алыкачевич* (1932–2018), историк – 84, 87
- Софья Алексеевна* (1657–1704), царевна, дочь царя Алексея Михайловича – 222, 416
- Спасский Григорий Иванович* (1783–1864), историк, исследователь Сибири – 348
- Спафарий Николай* – см. Милеску (Спафарий) Николай Гаврилович
- Спачинский* (ум. 1723), капитан – 122
- Сперанская Наталия Михайловна* (р. 1965), филолог – 20, 164
- Стеллер Георг Вильгельм* – см. Штеллер (Стеллер) Георг Вильгельм
- Степанов Василий Васильевич* (1676–1739), государственный деятель, с 1727 тайный советник, один из составителей «Истории Свейской войны» – 44
- Степанов Григорий* (пер. пол. XVIII в.), уроженец Карабаха, с 1730 на русской службе – 94
- Степанов Николай Николаевич* (1905–?), историк – 313
- Столянский Пётр Николаевич* (1872–1938), журналист, историк, краевед – 251, 259, 309
- Стольхаммер Андерс* (Андреас; 1682–1734), шведский пленный в Алапавеске и в Тобольске, в 1722 вернулся на родину – 344
- Стоюнин Владимир Яковлевич* (1826–1888), педагог, публицист – 362, 364, 366
- Страленберг Филипп Юхан* (Иоганн) Табберт, фон (1676–1747), пленный шведский офицер, в Сибири собрал богатый этнографический и картографический материал – 266, 271, 325, 337
- Строганов Александр Григорьевич* (1698–1754), барон с 1722, военный и государственный деятель, солепромышленник – 322
- Строгановы*, род купцов и промышленников – 276
- Ступин П. С.* (пер. пол. XVIII в.), подполковник – 337
- Ступишин Никита Иванович* (пер. пол. XVIII в.), полковник, в 1733 комендант Дербента – 76, 82
- Стюарты*, династия королей Шотландии, Англии, Ирландии и Великобритании – 390
- Субан* (пер. пол. XVIII в.), касимовский татарин, слоновщик – 61
- Суворов-Рымникский Александр Васильевич* (1730–1800), гр. с 1789, кн. с 1799 полководец – 217
- Суздальцева Ирина Анатольевна* (р. 1965), историк – 95, 97
- Сулейман* (нач. XVIII в.), персидский шах – 54
- Сулеман бек* (нач. XVIII в.), старейшина дагестанской деревни Гюлялан – 123
- Сулоцкий Александр Иванович* (1812–1884), протоиерей, историк, краевед – 268, 271

- Султан (Солтан) Хусейн (Soltan Hosayn, Soltan Hosein; 1668–1726), в 1694–1722 шах Ирана – 19, 46, 63, 75
- Султан-Махмуд (пер. пол. XVIII в.), бей Утамыша, кумыкский владетель – 32–33, 173–174, 407
- Сумароков Александр Петрович (1717–1777), поэт, драматург, литературный критик – 351
- Сунь Си, современный исследователь в области истории китайско-русских отношений – 209
- Суркова Татьяна Олеговна (р. 1957), искусствовед – 25, 466
- Сурхай-хан I (1680–1748), основатель Казикумухского ханства, один из руководителей в борьбе против иранской экспансии на Кавказе – 102, 107, 113–115, 120–121, 123–125, 128
- Схонебек (Шхонебек) Адриан – см. Шхонебек (Схонебек) Адриан
- Сюанье – см. Канси, китайский император
- Тавернье Жан-Батист (Tavernier Jean-Baptiste; 1605–1689), французский купец, ювелир, совершивший между 1630 и 1668 шесть путешествий в Индию – 449, 458–459
- Таймазов Артур Исрапилович* (р. 1985), археолог – 85
- Талалай Михаил Григорьевич (р. 1956), историк, литератор, исследователь русского зарубежья – 24, 358, 365
- Тамас шах – см. Тахмасп
- Танэсагулев Иван (пер. пол. XVIII в.), армянин из Шемахи, разведчик на русской службе – 95
- Таранович Владимир Павлович* (1874–1941), библиограф-китаист – 313, 324, 328
- Тарасов (пер. треть XVIII в.), мореход и кормщик – 427
- Тарасова Анна Ивановна* (р. 1926), историк, архивист – 437, 454
- Тарле Евгений Викторович (1874–1955), историк – 385–386, 396, 403
- Тасалов Л. (пер. треть XVIII в.), армянский купец, житель Астрахани – 191
- Татарников Кирилл Васильевич*, историк – 345
- Татищев Василий Никитич (1686–1750), историк, географ, государственный деятель – 25, 319, 342–345
- Таубе Густав Адам (Taube Gustaf Adam; 1673–1732), фельдмаршал, губернатор Стокгольма – 343
- Тахмасп (1704–1740), в 1729–1732 шах Ирана из династии сефевидских – 101, 128, 372
- Тевкелев Муртаза (пер. пол. XVIII в.), переводчик Посольского приказа – 38
- Тевяшов Иван Иванович (ок. 1660–1725), стольник и полковник слободского Острогжского полка – 37, 39
- Тексейра Луиш (Тейшейра Лудовико; 1564–1604), португальский картограф, математик, иезуит – 288
- Тельтевский Прокопий Александрович (1915–2002), искусствовед – 272, 277, 283
- Темир Сардаров сын (нач. XVIII в.), дагестанец, житель деревни Чарды – 116–117
- Темпл Уильям (Temple William; 1628–1699), английский государственный деятель и публицист – 235
- Тиллаев Р. (пер. треть XVIII в.), индийский купец, житель Астрахани – 196
- Тимофеева Елена Георгиевна*, историк – 196, 206
- Тингарамов К. (пер. треть XVIII в.), житель астраханского Агрыжанского двора – 192
- Тинмабеев Д. (пер. треть XVIII в.), казанский татарин, житель Астрахани – 192
- Титаренко Михаил Леонтьевич* (1934–2016), философ, востоковед – 238, 245
- Титова Зоя Дмитриевна* (1919–2009), этнограф, библиограф – 314

- Тиханов Иван (пер. треть XVIII в.), подмастерье Гендрика ван Бронкхорста – 254
- Тихвинский Сергей Леонидович* (1918–2018), историк, дипломат, специалист в области новой и новейшей истории стран Дальнего Востока, преимущественно Китая – 423, 431, 437, 454
- Тихомиров Михаил Николаевич* (1893–1965), историк – 310
- Тихомирова Марина Александровна* (1911–1992), искусствовед, музейный деятель, художник – 253–254, 259
- Токарева Евгения Сергеевна*, историк – 365
- Толстой Иван Иванович* (1858–1916), гр., государственный деятель, археолог, нумизмат – 332, 341
- Толстой Пётр Андреевич (1645–1729), гр. с 1724, государственный деятель, дипломат – 66, 200, 210, 212–213
- Тонкачёв Кутла Мамет (пер. пол. XVIII в.), переводчик – 54–55
- Топейга Ханкулы (Канкулы; пер. треть XVIII в.), бухарский посол – 204
- Торвальдсен Гуннар* (Thordvaldsen Gunnar), норвежский историк – 265, 270
- Торопицын Илья Васильевич (р. 1970), историк – 20, 46, 63, **185**, 188, 196, 206
- Травин Михаил (пер. треть XVIII в.), изучал морское дело за границей, после возвращения в Россию в 1715 занимался наблюдением за постройкой судов, состоял в описной партии Каспийского моря – 405
- Тредиаковский Василий Кириллович (1703–1769), поэт, переводчик, филолог – 201
- Треска (пер. треть XVIII в.), мореход и кормщик – 427
- Трисман Вильгельмина Герардовна* (1901–1982), этнограф, переводчик, историограф – 420, 439, 452
- Троицкий Сергей Мартинович* (1930–1976), историк – 14, 16
- Трубецкой Юрий Юрьевич (1668–1739), кн., государственный деятель – 180
- Трут Владимир Петрович* (р. 1949), историк – 40, 45
- Трутовский Владимир Константинович (1862–1932), востоковед, историк, нумизмат – 385, 388, 395, 403
- Трушников Фёдор (пер. пол. XVIII в.), путешественник – 336
- Тулишэнь (1667–1741), китайский посол к калмыцкому хану Аюке на Волге в 1712–1714, маньчжур по национальности, китайское его имя – Яо Фу, литературный псевдоним Шуй Сянь чжу-жэнь – 198
- Туманский Фёдор Осипович (1757–1805), писатель, переводчик – 385, 388, 394, 396, 398, 403
- Тумаркин Даниил Давыдович* (р. 1928), историк, этнограф – 368, 374
- Тхамокова Ирина Хасановна* (р. 1955), историк – 42, 45
- Тюгеев Бехмет (пер. треть XVIII в.), татарин, астраханский житель – 114
- Тюрин Алексей Олегович*, историк – 196, 206
- Тяпкин Василий Михайлович (ум. 1686), государственный деятель, дипломат – 137
- Угримов Леонтий (пер. треть XVIII в.), плац-майор, в 1732–1733 посол в Джунгарии – 337
- Уджах Кулы (нач. XVIII в.), «капрал» в отряде Имамсея – 120
- Ульрих Карл Густав, фон (1677–1730), генерал-адъютант, командор Шведского флота, руководитель шведской Мадагаскарской экспедиции – 394–398
- Ульянов Илья Эрнстович*, историк – 85, 87
- Умма-хан (ум. 1735), владетель Аварии – 101

- Унковский Иван (пер. треть XVIII в.), посол в Джунгарии, автор путевого журнала 1722–1724 гг. – 332, 337
- Урусов Василий Алексеевич (ок. 1690–1741), кн., генерал-поручик, контр-адмирал, участник создания Каспийской военной флотилии – 405
- Урусов Казбулат (пер. треть XVIII в.), астраханский юртовский мурза – 195
- Уссар Ж. (Haussard J.; нач. XVIII в.), гравёр – 445
- Устрялов Николай Герасимович (1805–1870), историк, археограф, педагог – 139, 148, 153, 472, 475
- Уханова Ирина Николаевна (р. 1927), историк, этнограф – 249, 254, 259
- Ушаков Иван (ум. ок. 1694), купец, член гостиной сотни – 221
- Фазл Али-бек (пер. пол. XVIII в.), персидский посол в России – 19, 46–59, 62–63
- Фанверден Карл – см. Верден Карл, фон
- Фангофт Ян (Иван Иванович; ум. 1726), командующий эскадрой Балтийского флота (1720–1723), присутствующий в Адмиралтейств-коллегии (1724–1725), ревизор Сестрорецких заводов (1725–1726) – 386
- Фёдор Алексеевич – см. Фёдор III Алексеевич
- Фёдор III Алексеевич (1661–1682), русский царь, сын царя Алексея Михайловича, единокровный брат Петра I и Ивана V – 152, 189, 416
- Фёдоров Иван (ум. 1733), мореплаватель, подштурман – 285, 290, 298
- Фёдоров Михаил Михайлович (р. 1920), юрист – 263, 268, 271
- Фёдоров Перфилий (пер. треть XVIII в.), подмастерье Гендрика ван Бронкхорста – 254
- Фёдорова Татьяна Сергеевна (урожд. Дмитренко; 1931–2016), историк, архивист – 383
- Федосеева Мария Васильевна (1945–2005), востоковед-филолог – 451, 453
- Федосеева О. А., искусствовед – 256, 259
- Федосов Дмитрий Геннадьевич (р. 1962), историк – 152–153
- Фель Сергей Ефимович (1885–1967), геодезист, картограф, педагог – 296–297, 314
- Феофанов Юрий Васильевич (1925–2009), публицист – 314
- Ферриоль Шарль, де (Ferriol Charles, de; 1637/1652–1722), французский аристократ, с 1692 по 1711 посланник при османском дворе – 445
- Фетх-Гирей (1696–1746), государственный деятель Крымского ханства, в 1735–1736 калга-султан, в 1736–1737 крымский хан – 84
- Фехнер Мария Васильевна (1909–1996), археолог, историк – 158, 163
- Филатова Ирина Ивановна (р. 1947), историк-африканист – 386, 401
- Филатьев Алексей Естафьевич (1660 – после 1731), купец, государев гость – 221–222, 225–226, 228
- Филатьев Естафий (Остафий) Иванович (сер. XVII в.), купец, государев гость – 221, 226
- Филатьева Анна Семёновна (урожд. Лузина; ум. 1730), дочь С. О. Лузина – 222
- Филимон (нач. XVIII в.), иеродиакон, участник 1-й православной миссии в Пекине – 241
- Филиппов В., журналист – 314
- Филофей (Лешинский, в схиме Фёдор; 1650–1727), с 1702 митрополит Сибирский и Тобольский – 242, 267–268, 271, 277, 280
- Филошкин Александр Ильич (р. 1970), историк – 161, 163
- Фирсов Николай Алексеевич (1831–1896), историк, педагог, этнограф – 269, 271
- Фишман Ольга Лазаревна (1919–1986), переводчик, литературовед-синолог – 247–249, 259

- Флоровский Антоний Васильевич* (1884–1968), историк – 202, 207
- Фолле (Фоллет) Этьен (Follet Estienne; нач. XVIII в.), резчик – 254
- Фомин Алексей Владимирович* (1952–2011), нумизмат, специалист по восточным монетам – 156, 163
- Фонте Бартоломео (Варфоломей), де (Fuentes Bartolomé, de; XVII в.), испанский адмирал – 288, 302, 307
- Франке Тобиас (Francke Tobias; кон. XVII в.), историк – 441, 457
- Франсьер Ж., де (Franssières J., de; нач. XVIII в.), гравёр – 445
- Фредрик I Гессенский (1676–1751), принц-консорт Швеции, с 1720 шведский король – 394
- Фридрих III Гольштейн-Готторпский (Friedrich III von Schleswig-Holstein-Gottorf; 1597–1659), герцог Гольштейн-Готторпский, внук короля Дании Фредерика II – 435
- Фридрих Вильгельм I Бранденбургский (Friedrich Wilhelm von Brandenburg; 1620–1688), курфюрст Бранденбургский, герцог Пруссии из династии Гогенцоллернов – 167, 247
- Фризен Сергей Юрьевич* (р. 1980), антрополог – 85
- Фрис Маартен Герритсен, де (Vries Maarten Gerritszoon, de; 1589–1647), нидерландский мореплаватель – 288
- Фролов Василий Фролович (ум. 1723), войсковой атаман Войска Донского (1717–1723) – 30, 38
- Фронтин Секст Юлий (Frontinus Sextus Julius; ок. 30–103), древнеримский политический деятель, полководец, писатель – 140
- Фука Жуан, да (Фука Хуан, де; XVI–XVII вв.), грек, испанский мореплаватель – 288, 302
- Фусс Павел Николаевич (1798–1855), математик, член Петербургской академии наук – 335
- Хаджах Кулы (нач. XVIII в.), «кап-рал» в отряде Имамсея – 120
- Хаджи Аметхан (нач. XVIII в.), брат Хаджи-Давуда – 114
- Хаджи-Давуд (1680 – ок. 1735 или 1736), лезгинский владетель, руководитель народно-освободительного движения горцев Восточного Кавказа, правитель Шемахинского ханства – 108–109, 112–118, 120–121, 123, 127–128
- Халлберг Ларс (пер. пол. XVIII в.), шведский пленный, капитан, перешёл на русскую службу в 1722, участвовал в строительстве крепости Косой Брод на р. Чусовой, в 1724 принял православие – 344–345
- Хам Магамет (нач. XVIII в.), сын исмея – 123, 125
- Харитонов Иван (ум. 1720), боярский сын, приказчик всех Камчатских острогов – 428
- Харитонов М. (пер. треть XVIII в.), дьякон церкви Воскресения Христова в Астраханском кремле – 191
- Харитонов Семён (пер. треть XVIII в.), боярский сын – 428
- Хартунг (Гартунг) Людвиг (пер. пол. XVIII в.), с 1737 инженер-полковник – 76, 94
- Хаспулат (нач. XVIII в.), сын шамхала – 123, 125
- Хашаев Хаджи-Мурат Омарович* (1909–1971), историк, этнограф, юрист – 86, 104
- Хвостов Владимир Михайлович (1905–1972), историк – 369
- Хедлам Сесил* (Headlam Cecil; 1872–1934), британский историк, источниковед, путешественник – 392, 403
- Хинтцие Виланд*, немецкий историк медицины – 314
- Хмелевских Ирина Васильевна* (р. 1969), искусствовед – 435, 451
- Хованский Пётр Иванович (меньшой) (ок. 1648–1709), кн., государственный и военный деятель, с 1706 ас-

- траханский воевода – 193, 203
- Хоманн Иоганн Баптист (Homanн Johann Baptist; 1664–1724), немецкий гравёр и картограф – 286–287
- Хорошилова Любовь Борисовна*, историк – 314
- Христофоров Лазарь (Агазар ди Хачик; 1690–1750), военный деятель, с 1724 командир армянского эскадрона – 93–95
- Худяков Юлий Сергеевич* (р. 1947), историк, археолог – 336, 339, 377, 383
- Хусейн Али (пер. пол. XVIII в.), кубинский хан – 101, 201
- Цэван-Рабтан (Цэван-Рабдан; 1663–1727), хан, правитель Джунгарии – 332, 338
- Цей Михайло (1691–?), шведский пленный в Тобольске, в 1713 принят на русскую службу прапорщиком в Тобольскую губернскую драгунскую роту, в 1716 принял православие и произведён в капитаны, в 1724–1725 командир роты Тобольского гарнизонного командированного полка на строительстве Екатеринбурга, в 1730-е служил в Забайкалье – 344
- Церен-Дондук (ум. 1737), калмыцкий хан в 1724–1735, второй сын и преемник хана Аюки – 180
- Чагин Георгий Николаевич (р. 1944), историк, этнолог, краевед – 272, 274, 276, 283
- Чадуев Н. (пер. треть XVIII в.), индиец, житель Астрахани – 195
- Чаклорджап (Чаклор-Джаб; ум. 1722), калмыцкий нойон, старший сын и соправитель в 1714–1722 хана Аюки – 180–181
- Чанкрасын Банкран (пер. треть XVIII в.), индийский священник в Астрахани – 201
- Чаплин Пётр Авраамович (1699–1765), мореплаватель, капитан-командор, один из историографов 1-й Камчатской экспедиции – 410
- Чеботаев (пер. треть XVIII в.), курьер – 121–122, 178
- Чекулаев (Чекулаев-Братчиков) Николай Дмитриевич (р. 1974), историк – 20, 32, 43, 72, 76, 85–86, 91, 93–94, 96–98
- Чекуров Михаил Валентинович*, писатель – 314, 386
- Челюскин Семён Иванович (1700–1764), полярный мореплаватель – 314
- Ченслер Ричард (Chancellor Richard; ум. 1556), английский мореплаватель – 159
- Черепнин Лев Владимирович (1905–1977), историк-медиевист, специалист в области российской истории – 162
- Черкасский Алексей Михайлович (1680–1742), кн. – 183
- Черкасский Михаил Алегукевич (1641–1712 или 1721), кн., государственный деятель – 59
- Чернобаев Анатолий Александрович* (р. 1940), историк – 369, 375
- Чернов Анатолий Васильевич (1901–1966), военный историк – 132, 154
- Чжан Вэйхуа, современный исследователь в области истории китайско-русских отношений – 209
- Чириков Алексей Ильич (1703–1748), капитан-командор, мореплаватель, помощник В. И. Беринга в камчатских экспедициях – 292–294, 297–301, 304, 306, 310–311, 409–410
- Чириков Михаил Ильич (нач. XVIII в.), астраханский обер-комендант – 47, 197, 200–201, 204
- Чистякова Елена Викторовна (1921–2005), историк – 369
- Чичагов Василий Яковлевич (1726–1809), флотоводец – 385
- Чоеров Ф. (пер. треть XVIII в.), индиец, житель Астрахани – 192
- Чуковский Николай Корнеевич* (1904–1965), писатель, переводчик – 314
- Чулков Василий Сергеевич (1746–1807), горный офицер – 352

- Чумакова Наталья Александровна*, историк – 40
- Шайдуrow Владимир Николаевич** (р. 1976), историк – 349, 357
- Шамордин Я. С.** (пер. треть XVIII в.), бригадир – 177
- Шамше Магмет Казыбеков** (нач. XVIII в.), персидский купец, дипломат – 50
- Шани** (нач. XVIII в.), юзбаша, старейшина дагестанской деревни Шухабы – 123
- Шасвон** (нач. XVIII в.), один из дагестанских князей – 116
- Шаскольский Игорь Павлович* (1918–1995), историк – 157, 159–160, 163
- Шаститко Пётр Михайлович* (1923–2009), историк-востоковед – 447, 452
- Шаталов О. В.*, историк, китаевед – 324, 328
- Шафиров Пётр Павлович** (1669–1739), барон, дипломат – 68–70
- Шафрановский Константин Илларионович* (1900–1973), библиограф – 314
- Шеин Алексей Семёнович** (1662–1700), государственный и военный деятель – 146–148
- Шёлвинг Улла** (Kulving Ulla; р. 1947), историк, литературовед – 165, 184
- Шельтинга Алексей** (1710–1780), морской офицер, участник Второй Камчатской экспедиции – 292
- Шёнстрём Петер** (1682–1746), ротмистр шведской армии, попал в плен в 1709 под Переволочной, в 1722 вернулся на родину – 343–344
- Шепелев Аггей Алексеевич** (ум. 1688), думный генерал, окольный – 136
- Шереметев Борис Петрович** (1652–1719), гр. с 1706, генерал-фельдмаршал – 29, 45, 54, 68, 71, 140–143, 146
- Шереметев Владимир Петрович** (1668–1737), генерал-аншеф – 42, 45
- Шереметев Павел Сергеевич* (1871–1943), гр., общественный деятель, историк и художник – 42, 45
- Шетилow Василий** (пер. пол. XVIII в.), геодезист, участник Второй Камчатской экспедиции под руководством Витуса Беринга – 379–380
- Шехмагамет** (нач. XVIII в.), старейшина дагестанской деревни Гюлялан – 123
- Шипов Пётр Михайлович** (пер. треть XVIII в.), полковник с 1722, командир войск (двух батальонов пехоты), отправленных в 1722 для занятия провинции Гилян – 113–114, 118–119, 178, 408
- Ширина Данара Антоновна* (р. 1935), историк – 314
- Широкова Вера Александровна* (р. 1958), географ – 377–378, 381, 383
- Шишков Василий Михайлович** (пер. пол. XVIII в.), геодезист, участник Второй Камчатской экспедиции под руководством Витуса Беринга – 380, 383
- Шкаровский Михаил Витальевич** (р. 1961), историк – 22, 238
- Шлаттер Иван Андреевич** (Иоганн Вильгельм, Schlatter Johann Wilhelm; 1708–1768), горный деятель, специалист в области металлургии благородных металлов и монетного дела, писатель – 352
- Шлевис Герман Петрович*, журналист – 453–454
- Шляпкин Илья Александрович** (1858–1918), историк русской литературы и древнерусского искусства, коллекционер и библиофил – 415
- Шмидт Отто Юльевич* (1891–1956), математик, географ, геофизик, астроном – 313
- Шмурло Евгений Францевич** (1854–1934), историк – 165, 184
- Шмыгановский Владимир Николаевич* (р. 1938), корреспондент Известий – 314

- Шорин Михаил Фёдорович (ум. между 1711 и 1713), купец, государев гость – 222, 226–228
- Шорина Екатерина Семёновна (урожд. Лузина; ум. после 1713), дочь С. О. Лузина – 222, 227
- Штак Е. К.*, переводчик с польского языка – 312
- Шпанберг Мартын Петрович (Spanberg Martin; 1696–1761), датчанин, с 1720 на русской службе, мореплаватель – 292, 299, 302
- Штеллер (Стеллер) Георг Вильгельм (Steller Georg Wilhelm; 1709–1746), немецкий врач и естествоиспытатель, с 1734 на русской службе – 287, 292–294, 301, 314, 381
- Шувалов Иван Иванович (1727–1797), государственный деятель, генерал-адъютант, меценат, основатель Московского ун-та и Академии художеств – 166, 184
- Шульман Карл Густав (1705–?), воспитанник тобольской школы – 377
- Шульц Хенрик (1680–1737), топограф, капитан инженеров, попал в плен в 1709 у Черновиц, в 1723 вернулся на родину – 343–344
- Шумахер Иван Данилович (Иоганн Даниэль, Schumacher Johann Daniel; 1690–1761), деятель русской науки эльзаского происхождения – 449–450
- Шуньчжи (1638–1661; личное имя Фулинь), император (1643–1661) маньчжурской династии Цин – 437
- Шустовы, род купцов и солепромышленников – 275
- Шхонебек (Схонебек) Адриан (Adriaan Schoonebeek или Schoonebeck; 1661–1705), голландский гравёр – 444
- Щербатов Иван Андреевич (1696–1761), кн., государственный деятель, дипломат – 389, 402
- Эзов Герасим Артемьевич* (1835–1905), писатель – 197, 202, 207
- Эйлер Леонард (Euler Leonhard; 1707–1783), швейцарский, немецкий и российский математик и механик – 299, 327
- Экалапашилов Бадур-бек (пер. пол. XVIII в.), военный деятель – 94
- Экономов Кирыак (пер. пол. XVIII в.), дорожный пристав – 50
- Элизбербег (пер. пол. XVIII в.), дарага (даруга), осуществлявший судебно-полицейскую власть на службе в русских войсках – 93
- Эльзевирь (Elsevier), семейство голландских печатников, занимающее ведущее положение в европейском книгопечатании XVII в. – 433
- Эрбело Бартеlemi де Моленвиль, д' (Herbelot de Molainville Barthélemy, d'; 1625–1695), французский востоковед – 450, 457
- Эрпе (Эрпениус) Томас, ван (Thomas van Erpen; 1584–1624), нидерландский востоковед, теолог – 433, 442
- Юдин Иван Андреевич (пер. пол. XVIII в.), донской казачий старшина – 35
- Юз Баши Усейн хан бек (кон. XVII в.), персидский посол в Москве – 54
- Юнгер Андрей Томасович (ум. после 1745), бригадир с 1725, шотландского происхождения, в 1722–1728 комендант Дербента – 75, 77–78, 105, 107–113, 115, 118–119, 121–129
- Юнчжэн (雍正; 1678–1735, личное имя Иньчжэнь), с 1723 по 1735 китайский император, сын императора Канси – 213, 256
- Юркин Игорь Николаевич* (р. 1953), историк – 418–419, 421
- Юсупов Борис Григорьевич (1695–1759), кн., государственный деятель – 350
- Юсупов Григорий Дмитриевич (1676–1730), кн., с 1730 генерал-аншеф – 212

- Юхт Александр Исаевич* (1917–1995), историк, историограф, архивист – 194, 196, 207
- Юшкевич Адольф-Андрей Павлович* (1906–1993), историк науки – 327
- Ягуп** Ахметев (нач. XVIII в.), подчинённый наиба Имама Кули-бека – 121
- Яковлев** Якушка (кон. XVII в.), приказчик купца Семёна Лузина – 224
- Якубов Константин Иванович* (ум. 1900), публицист, историк, уроженец Финляндии – 158, 163
- Якут** Иларион (нач. XVIII в.), участник 1-й православной миссии в Пекине – 241
- Якутов** Пётр (ум. 1737), участник 1-й православной миссии в Пекине – 241
- Яников Георгий Владимирович*, историк – 312, 314
- Янов** Василий (пер. пол. XVIII в.), астраханец – 47
- Янсон** Сара (Janssonius Veuve d'Elizaecus Sara; 1644–1669), вдова амстердамского издателя Елизария Вейерстратена – 233
- Яранцев** Владимир Николаевич (р. 1958), литературовед, критик – 22, **246**, 249, 255–260
- Ярцов** (нач. XVIII в.), подштурман – 126
- Ярцов** (Ярцев) Аникита Сергеевич (1737–1819), деятель горнозаводской промышленности – 349, 353, 357
- Ястребов** Алексей Олегович (р. 1970), протоиерей – 20

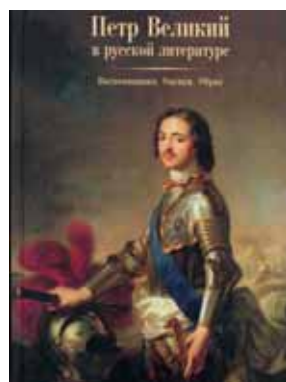
ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697—2006. Науч. ред. Э. Вагеманс. СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2008. 912 с.

Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство: Рубеж эпох, или начало пути: 1697—1698. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 696 с., илл.

Пётр Великий в русской литературе: Воспоминания. Оценки. Образ. Сост., вст. статья, прим. И. Н. Сухих. СПб.: Геликон Плюс, 2009. 552 с., илл.

Максимов Е. К., Мезин С. А. **Города Саратовского Поволжья петровского времени.** СПб.: Европейский Дом, 2011. 178 с., илл.

Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: в 3 ч. Часть 1: 1706–1713 годы. Часть 2: 1714 год. Часть 3: 1715–1723 годы / Изд. подгот. Т. А. Базарова и Ю. Б. Фомина. Сост., вступ. ст., коммент. Т. А. Базаровой. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2011. 416, 453, 464 с.

Культурные инициативы Петра Великого: Материалы II Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 9–11 июня 2010 года. Научн. ред. Е. В. Анисимов, Н. Л. Корсакова. Сост. Е. В. Анисимов, М. Г. Вадейша, А. В. Кобак. СПб.: Европейский Дом, 2011. 294 с., илл.

Андреева Е. А. Рождение Петербурга. СПб.: Лики России, 2011. 184 с., илл.

Юркин И. Н. Пётр железный. Пётр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы. СПб.: Европейский Дом, 2012. 352 с., илл.

Петровские реликвии в собраниях России и Европы: Материалы III Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–10 июня 2011 года. Научн. ред. Е. В. Анисимов, Н. Л. Корсакова. Сост. А. В. Кобак, О. Л. Кувалдина, И. Ф. Свищерская. СПб.: Европейский Дом, 2012. 352 с., илл.

Столицы и провинция: К 300-летию перенесения столицы из Москвы в Санкт-Петербург. Материалы IV Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–9 июня 2012 года. Научн. ред. Е. В. Анисимов. Сост. А. В. Кобак, О. Л. Кувалдина, И. Ф. Сви-дерская. СПб.: Европейский Дом, 2013. 344 с., илл.

Кросс Э. Английский Пётр: Пётр Великий глазами британцев XVII – XX веков. Пер. с англ. М. А. Вишнякова. СПб.: Европейский Дом, 2013. 232 с., илл.

Вагеманс Э. Царь в Республике: Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717 гг.). Пер. с нидерланд. В. К. Ронина. СПб.: Европейский Дом, 2013. 256 с., илл.

Гузевич Д. Ю. Захоронения Лефорта и Гордона: Могилы, кладбища, церкви. Мифы и реалии. СПб.: Европейский Дом, 2013. 336 с., илл.

Макаров Б. Голландские садовые мастера в Петербурге в первой половине XVIII века. СПб.: Из-во ВМА, 2013. илл.

Россия—Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 года. Сост. А. В. Кобак, О. Л. Кувалдина. СПб.: Европейский Дом, 2014. 558 с., илл.

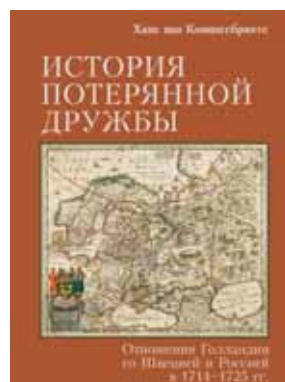
Царь-плотник во Фландрии: История одной легенды. Две повести Абрахама Ханса. Публ., коммент., статьи: Эммануэль Вагеманс, Дмитрий Гузевич; пер. с нидерланд.: Владимир Ронин; рис.: Владимир Ненашев. СПб.: Европейский Дом, 2014. 106 с., илл.

Пунин А. Л. **Санкт-Петербург в эпоху Петра Великого: Градостроительное развитие новой столицы России и стилевые особенности петровского барокко.** Часть 1. СПб.: Лики России, 2014. 216 с., илл.

Конингсбрюгге Х., ван. **История потерянной дружбы: Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714–1725 гг.** Пер. с нидерланд. В. К. Ронина. СПб.: Европейский Дом, 2014. 256 с., илл.

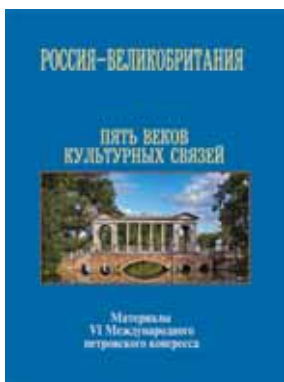

Мезин С. А. Пётр I во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015. 312 с., илл.

Дворцы Романовых как памятники истории и культуры. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург–Царское Село–Петергоф, 7–9 октября 2013 года. Сост. А. В. Кобак, О. Л. Кувалдина, А. Д. Марголис. СПб.: Европейский Дом, 2015. 540 с., илл.

Россия–Великобритания: Пять веков культурных связей. Материалы VI Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 6–8 июня 2014 года. Сост. А. В. Кобак, О. Л. Кувалдина. СПб.: Европейский Дом, 2015. 768 с., илл.

Петровские памятники России и Европы: Изучение, сохранение, культурный туризм. Материалы VII Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург 5–7 июня 2015 года. Сост. А. В. Кобак, О. В. Кувалдина СПб.: Европейский Дом, 2016. 696 с., илл.

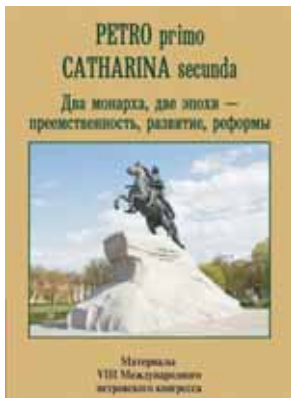

Версаль и Марли: Сады Людовика XIV. Альбомы, подаренные Петру I герцогом д'Антенном в 1717 году. Ред.-сост. Д. Гузевич, И. Гузевич, Б. Бенц. СПб.: Европейский Дом, 2017. 396 с., илл.

Баггер Х. Пётр Великий в Дании в 1716 году: Переломный момент датско-российских отношений. Ред.-сост. Д. Гузевич, И. Гузевич. Пер. с датского Борис Жаров. СПб.: Европейский Дом, 2017. 188 с.

PETRO primo CATHARINA secunda. Два монарха, две эпохи — преемственность, развитие, реформы. *Материалы VIII Международного петровского конгресса.* Санкт-Петербург, 10–11 июня 2016 года. Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак, М. В. Петрова. СПб.: Европейский Дом, 2017. 570 с., илл.

Европейские маршруты Петра Великого: К 300-летию визита Петра I во Францию. *Материалы IX Международного петровского конгресса.* Париж — Реймс, 20–22 апреля 2017 года. Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак, М. В. Петрова. СПб.: Европейский Дом, 2018. 464 с., илл.

Россия и Франция: Культурный диалог в панораме веков. *Материалы X Международного петровского конгресса.* Санкт-Петербург, 9–10 июня 2017 года. Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак, М. В. Петрова. СПб.: Европейский Дом, 2018. 584 с., илл.

Париж Петра Великого: Историко-культурный путеводитель / Авт.-сост. С. А. Мезин, К. И. Пахорук. СПб.: Изд-во «Маматов», 2019. 64 с., илл.

Иностранцы в России в эпоху Петра Великого: Биографический словарь выходцев из Франции, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727 / Под ред. В. С. Ржеуцкого и Д. Ю. Гузевича при участии А. Мезен. М.: Ломоносовъ. 2019. 800 с.

Пётр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 1–2 июня 2018 года. Сост. А. В. Кобак, М. В. Петрова. СПб.: Европейский Дом, 2019. 560 с., цв. вкл.

